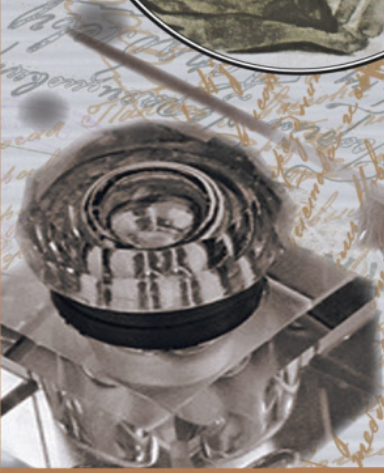
БРАТЬЯ БУЛГАКОВЫ

ПЕРЕПИСКА



ТОМ I

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Переписка Александра и Константина продолжалась в течение многих лет. Оба брата долго были почт-директорами, один – в Петербурге, другой – в Москве. Следовательно, могли они переписываться откровенно, не опасаясь нескромной зоркости постороннего глаза. Весь быт, все движение государственное и общежительное, события и слухи, дела и сплетни, учреждения и лица – все это, с верностью и живостью, должно было выразить себя в этих письмах, в этой стенографической и животрепещущей истории текущего дня. Князь П.Я. Вяземский

- Братья Булгаковы. Том 1
  - Александр и Константин Булгаковы
  - Воспоминание о Булгаковых
  - 1802 год
  - 1803 год
  - 1804 год
  - 1805 год
  - 1806 год
  - 1807 год
  - 1808 год
  - 1809 год
  - 1810 год
  - 1811 год
  - 1812 год
  - 1813 год
  - 1814 год
  - 1815 год
  - 1818 год
  - 1819 год
  - 1820 год
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52

- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96

- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140

- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178

Братья Булгаковы. Том 1
Переписка. Письма 1802–1820 гг

Александр и Константин Булгаковы

Александр Яковлевич Булгаков (1781–1863) – сенатор, московский почт-директор, старший сын известного дипломата, действительного тайного советника Якова Ивановича Булгакова и француженки Екатерины Любимовны Эмбер; родился 15 ноября 1781 года в Константинополе, где отец его был тогда чрезвычайным посланником; в 1790 году вместе с братом получил фамилию и герб Булгаковых. Воспитывался в Петербургской немецкой школе Св. Петра. Записанный с 1789 года сержантом в Преображенский полк, в 1796 году поступил юнкером в Коллегию иностранных дел. С 1802 года состоял при миссии в Неаполе и Палермо, в 1809 году, чтобы жить в Москве вместе с отцом, причислился к Московскому архиву иностранных дел; в 1812 году назначен чиновником для особых поручений к графу Ростопчину, чью особую любовь и доверие сумел заслужить; в этой должности он состоял и при преемнике Ростопчина графе Тормасове. Произведенный в 1819 году в действительные статские советники и пожалованный в 1826 году в камергеры, А.Я.Булгаков продолжал числиться при архиве, пока в 1832 году не был назначен московским почт-директором, к большому удовольствию москвичей и чиновников почтового ведомства, еще живо помнивших всеми искренне любимого его брата, К.Я.Булгакова, положившего немало сил на устройство Московского почтамта. Сам мастер писать письма, страстный любитель новостей, А.Я.Булгаков имел теперь в своем распоряжении богатый материал для удовлетворения этой своей слабости. По выражению князя Вяземского, он «купался и плавал в письмах, как осетр в реке». Поэтому для него большим ударом стало перемещение в 1856 году с должности почт-директора в Сенат, и спустя семь лет, в 1863 году, он умер в Дрездене.

Сын француженки, уроженец юга, Булгаков по внешности и темпераменту напоминал южанина, по убеждениям же и вкусам был вполне русским человеком. Не имея глубокого ума, считался образованнейшим человеком своего времени, был приятен в обществе, умел хорошо подмечать слабости людей и искусно их передразнивать. Мастер рассказывать, А.Я.Булгаков любил чтение и сам был не чужд литературы, хоть и без особенного успеха. Был дружен со многими выдающимися людьми своего времени – Вяземским, Тургеневым, Закревским, Воронцовым, пользовался благоволением государя Николая Павловича и великого князя Михаила Павловича, которого умел развлекать в Москве своими остроумными рассказами. Человек общительный, Александр

Яковлевич имел обширный круг знакомств; часто получая от брата петербургские новости, Булгаков являлся в Москве как бы живой газетой и любил первый сообщить какое-нибудь приятное известие. В его обширной переписке, по словам князя Вяземского, отразились «весь быт, все движение государственное и общежительное, события, слухи, дела и сплетни, учреждения и лица, с верностью и живостью».

Константин Яковлевич Булгаков (1782–1835) – петербургский почт-директор и управляющий почтовым департаментом, родился в Константинополе 31 декабря 1782 года. Учился вместе со старшим братом А.Я.Булгаковым в Петербургской немецкой школе Св. Петра ив 1797 году поступил в Архив иностранных дел в Москве. В 1802 году причислен к посольству в Вене и заслужил расположение как князя А.Б.Куракина, так и графа Разумовского, доверивших Булгакову секретные дела. В 1807 году сопровождал Поццоди-Борго в Архипелаг, а в 1810–1812 годах состоял правителем дипломатической канцелярии главнокомандующих Молдавской армией графа Каменского и Кутузова. Оба полюбили способного, всегда бодрого и веселого Булгакова, и первый в своем завещании поручал его покровительству государя, а второй любил говорить: «Когда вижу Булгакова, у меня сердце радуется». Посланный в Константинополь адмиралом Чичаговым, Булгаков блестяще исполнил поручение, достигнув ратификации султаном мирного договора.

В 1813 году К.Я.Булгаков управлял Гродненской губернией, затем состоял при князе П.М.Волконском и графе Нессельроде, а в день вступления русских войск в Париж находился при Александре I, и ему поручено было принимать прошения; затем сопровождал государя в Лондон и графа Нессельроде на Венский конгресс. В 1816 году незадолго перед тем женившийся на дочери валахского вестиария румынке Марии Константиновне Варлам Булгаков отказался от места посланника в Дании и был назначен московским почт-директором. В Москве он заслужил всеобщую любовь: почтовые чиновники, провожая его, благодарили за заботы об их нуждах и «всевозможные благодеяния», которые он «возвышал искренним и всегда ободряющим обращением, благосклонными и с отеческой нежностью соединенными наставлениями». В 1819 году К.Я.Булгаков был переведен на ту же должность в Петербург, в 1821 году награжден орденом Святого Владимира 2-й степени, в 1826 году произведен в тайные советники, в 1832 году получил Белого Орла. Булгаков умер от удара 29 октября 1835 года, всего пятидесяти трех лет от роду, и похоронен в церкви Св. Духа Александро-Невской лавры.

Он сделал много полезного в почтовом деле: ускорил движение корреспонденции, впервые устроил городскую почту, уменьшил таксу, ввел дилижансы, экстра-почту, заключил конвенцию с Пруссией и пр. Государи Александр I и Николай I, императрицы Мария Федоровна и Александра Федоровна выражали ему свое благоволение. Благодаря своим личным качествам, Булгаков пользовался общей симпатией. Живой и общительный, он и внешностью напоминал старшего брата, но его нравственные правила и убеждения были чище, его сердечность глубже, его доброта чужда своекорыстных соображений. Он был всем доступен и со всеми вежлив, особенно с подчиненными; его готовность помочь всякому была общеизвестна, и он являлся, по словам Вяземского, «средоточием, к которому стекались повсеместные просьбы». К.Я.Булгаков обладал «особенной ловкостью» убеждать людей холодных и недоступных, и его ходатайства достигали цели. Он никогда ничего не просил для себя и никому никогда не отказывал сам, так что почти все считали себя в долгу перед ним.

В доме его собиралось множество гостей, и эти собрания были «биржей животрепещущих новостей», но сам Булгаков был надежным хранителем известных ему тайн. Устраивая у себя благотворительные вечера и лотереи, он любил сам отыскивать бедных и оказывать им помощь. Его обширная переписка, изданная в «Русском Архиве», является богатой и интересной хроникой русского общества начала XIX века и дает обильный материал для положительной характеристики самого писавшего.

Текст взят из репринтного издания книги: Русские портреты XVIII и XIX веков. Издание великого князя Николая Михайловича Романова. В 5 томах. Т. I. – М.: «ТРИ ВЕКА ИСТОРИИ», 1999. – (Русская историческая библиотека).

Воспоминание о Булгаковых

Александр Яковлевич Булгаков, хотя, собственно, и не принадлежал ни к «Арзамасу», ни к литературной деятельности нашей, был, тем не менее, общим нашим приятелем – то есть Жуковского, Тургенева, Дашкова, моим и других. Он был, так сказать, членом-корреспондентом нашего кружка. В печати известен он некоторыми статьями, более биографическими и полу- или бегло-историческими, но в нем, при хорошем образовании и любви к чтению, не было ни призвания литературного, ни авторского дарования. Впрочем, что касается до некоторых его печатных статей, то и тут надобно сделать оговорку. Дружба дружбой, а правда правдой. Он не всегда держался правила «не мудрствовать лукаво», увлекался своим воображением и живостью впечатлений и сочувствий. Помню, между прочим, статью его, где-то напечатанную, в которой он будто записал слова Карамзина, сказанные в кабинете графа Ростопчина за несколько дней до вступления французов в Москву. Сущность рассказа, вероятно, отчасти и справедлива, но много придал он Карамзину и своего собственного витийства. Карамзин ни до войны 1812 года, ни при начале ее не был за войну. Он полагал, что мы недостаточно для нее приготовлены: опасался ее последствий – при настойчивости, властолюбии, военных дарованиях и счастье Наполеона. Он знал, что Наполеон поведет на нас всю Европу и что она от него не отстанет, покуда он будет в силе и счастии. Он был того мнения, что некоторыми дипломатическими уступками можно и должно стараться отвратить, хоть на время, наступающую грозу. Патриотизм его был не патриотизмом запальчивых газетчиков: патриотизм его имел охранительные свойства историка.

Собственно литературой Булгакова была его обширная переписка. В этом отношении он поистине был писатель, и писатель плодовитый и замечательный. Вольтер оставил по себе многие тома писем своих: они занимают не последнее место в авторской деятельности и славе его; они пережили многие его трагедии и другие произведения. Разумеется, не сравнивая одного с другим, можно предполагать, что едва ли не столько же томов писем можно было бы собрать и после Булгакова. Нет сомнения, что и они, собранные воедино, могли бы послужить историческим или, по крайней мере, общежительным справочным словарем для изучения современной ему эпохи, или, правильнее, современных эпох, ибо, по долголетию своему, пережил он многие. Кроме нас, вышепоименованных, был он в постоянной

переписке со многими лицами, занимавшими более или менее почетные места в нашей государственной и официальной среде. Назовем, между прочими, графа Ростопчина, князя Михаила Семеновича Воронцова, графа Закревского. Вероятно, можно было бы причислить к ним и Дмитрия Павловича Татищева, графа Нессельроде, графа Каподистрию и других. Но важнейшее место в этой переписке должна, без сомнения, занимать переписка с братом его Константином Яковлевичем. Она постоянно продолжалась в течение многих лет. Оба брата долго были почт-директорами, один – в Петербурге, другой – в Москве. Следовательно, могли они переписываться откровенно, не опасаясь нескромной зоркости постороннего глаза. Весь быт, все движение государственное и общежительное, события и слухи, дела и сплетни, учреждения и лица – все это, с верностью и живостью, должно было выразить себя в этих письмах, в этой стенографической и животрепещущей истории текущего дня. Судя по некоторым оттенкам, свойственным характеру и обычаям братьев и отличавшим одного от другого, несмотря на их тесную родственную и дружескую связь, можно угадать, что письма Константина Яковлевича, при всем своем журнальном разнообразии, были сдержаннее писем брата. Константин Яковлевич был вообще характера более степенного. Положение его в обществе было тверже и определеннее положения брата. Вероятно, некоторые из приятельских отношений к лицам, стоящим на высших ступенях государственной деятельности, перешли к последнему, так сказать, по родству, хотя и от младшего брата к старшему. К.Я.Булгаков смолоду шел по дипломатической части и бывал в военное время агентом Министерства иностранных дел при главных квартирах действующих армий. Это сблизило его с графом Нессельроде, графом Каподистрией, князем Петром Михайловичем Волконским и другими сподвижниками царствования Александра I. Умственные и служебные способности его, нрав общительный, скромность, к тому же прекрасная наружность, всегда привлекающая сочувствие, снискали ему общее благорасположение, которое впоследствии на опыте умел он обратить в уважение и доверенность. Император Александр особенно отличал его и, вероятно, имел на виду и готовил для определения на один из высших дипломатических заграничных постов. Говорили, что государь очень неохотно и с трудом, по окончании Венского конгресса, согласился на просьбу его о назначении на открывавшееся тогда почт-директорское место в Москве. Но незадолго перед тем Булгаков женился и желал для себя более спокойной служебной оседлости. Московским

старожилам памятно его директорство, всем доступное – подчиненным и лицам посторонним, для всех вежливое и услужливое; памятен и гостеприимный дом его, в котором запросто собирались приятели и лучшее общество. С перемещением его из Москвы в Петербург, на таковую же должность, круг его служебной деятельности и общежительных отношений еще более расширился. Бильярд (оба брата были большие охотники и мастера в этой игре) был два раза в неделю, по вечерам, неутральным средоточием, куда стекались все звания и все возрасты: министры, дипломаты русские и иностранные, артисты свои и чужеземные, военные, директоры департаментов, начальники отделений и многие другие, не принадлежащие никаким отделениям. Разумеется, тут была и биржа всех животрепещущих новостей, как заграничных, так и доморощенных. В другие дни, менее многолюдные, дом также был открыт для приятелей и коротких знакомых. Тогда еще более было непринуждения во взаимных отношениях и разговоре. Тут и князь П.М.Волконский, вообще мало обходительный и разговорчивый, распоясывался и при немногих слушателях делился своими разнообразными и полными исторического интереса воспоминаниями. Тут, между прочим, рассказывал он нам, в продолжение целого вечера, многие замечательные подробности о походах императора

Александра, или воспоминания свои о преимущественно анекдотическом царствовании императора Павла.

Собираясь говорить об одном брате, я разговорился о другом, но это не отступление, а, скорее, самое последовательное и логическое вводное предложение. Тем, которые были знакомы с обоими братьями и знали их тесную связь, оно не покажется неуместным.

Александр Яковлевич – уроженец константинопольский и чуть не обыватель Семибашенного замка, в котором отец его довольно долго пробыл в заточении, – провел годы молодости своей в Неаполе, состоя на службе при посланнике нашем Татищеве. Он носил отпечаток и места рождения своего, и пребывания в Неаполе. По многому видно было, что солнце на утре жизни долго его пропекало. В нем были необыкновенные для нашего северного сложения живость и подвижность. Он вынес из Неаполя неаполитанский темперамент, который сохранился до глубокой старости и начал в нем остывать только года за два до кончины его, последовавшей на 82-м году его жизни. Игра лица, движения рук, комические ухватки и замашки, вся эта южная обстановка и представительность были в нем как будто врожденными свойствами. От него так и несло шумом и

движением Кияи и близостью Везувия. Он всегда, с жаром и даже умилением, мало свойственным его характеру, вспоминал о своем Неаполе и принадлежал ему каким-то родственным чувством. И немудрено! Там протекли лучшие годы его молодости. Молодость впечатлительна, а в старости мы признательны ей и ею гордимся, как разорившийся богач прежним обилием своим, пышностью и роскошью. Он хорошо знал итальянский язык и литературу его. В разговоры свои любил он вмешивать итальянские прибаутки. Впрочем, вместе с этой заморской и южною прививкой, он был настоящий, коренной русский и по чувствам своим, и по мнениям. От его сочувствий и сотрудничества не отказался бы и современник его, наш приятель Сергей Николаевич Глинка, русский первого разбора и основатель «Русского вестника». И ум Булгакова имел настоящие русские свойства: он ловко умел подмечать и схватывать разные смешные стороны и выражения встречающихся лиц. Он мастерски рассказывал и передразнивал. Беседа с ним была часто живое театральное представление. Тут опять сливались и выпукло друг другу помогали две натуры: русская и итальянская. Часто потешались мы этими сценическими выходками. Разумеется, Жуковский сочувствовал им с особенным пристрастием и добродушным хохотом. Булгаков вынес из Италии еще другое свойство, которое также способствовало ему быть занимательным собеседником: он живо и глубоко проникнут был музыкальным чувством. Музыке он не обучался и, следовательно, не был музыкальным педантом. Любил Чимарозе и Моцарта, немецкую, итальянскую и даже французскую музыку, в хороших и первостепенных ее представителях. Самоучкой, по слуху, по чутью, разыгрывал он на клавикордах целые оперы. Когда основалась Итальянская опера в Москве предприятием и иждивением частных лиц – князя Юсупова, князя Юрия Владимировича Долгорукова, Степана Степановича Апраксина, князя Дмитрия Владимировича Голицына и других любителей, – Булгаков более всех насладился этим приобретением: оно переносило его в счастливые годы молодости. Впрочем, имело оно, несомненно, изящное и полезное влияние и на все московское общество.

…После Неаполя едва ли не лучшее время жизни Булгакова было время его почт-директорства. Тут был он также совершенно в своей стихии. Он получал письма, писал письма, отправлял письма: словом сказать, купался и плавал в письмах, как осетр в Оке. Московские барыни закидывали его любезными записочками с просьбой переслать прилагаемое письмо или выписать что-нибудь из Петербурга или Парижа… Булгаков недаром долго жил

в Неаполе и усвоил себе качества *cavaliero servente* и услужливого *сичизбея.* Теперь, за истечением многих законных давностей, можно признаться, без нарушения скромности, что он всегда, более или менее, был *inamorato.* Казенные интересы почтового ведомства могли немножко страдать от его любезностей, но зато почт-директор был любимец прекрасного пола.

В одном письме своем Жуковский говорит ему: «Ты создан быть почт-директором дружбы и великой Русской империи». В том же отношении, в другом письме, Жуковский, со своим гениальным шутовством, очень забавно определил письмоводительное свойство Булгакова: «Ты рожден гусем, т. е. все твое существо утыкано гусиными перьями, из которых каждое готово без устали писать с утра до вечера очень любезные письма».

Но наконец бедного гуся, Жуковским прославленного, ощипали. Когда уволили его из почтового ведомства с назначением в Сенат, он был как громом поражен. Живо помню, как пришел он ко мне с этим известием: на нем лица не было. Я подумал: Бог знает, что за несчастие случилось с ним. Убежден, что сенаторство, то есть отсутствие почтовой деятельности, имело прискорбное влияние на последние годы жизни его и ее сократило. До того времени бодро нес он свою старость. Сложения худощавого, поджарый, всегда держащийся прямо, отличающийся стройной талией черкеса, необыкновенной живостью в движениях и речи, – он вдруг осунулся телом и духом. Таким находил я его, когда в последнее время приезжал в Москву. Мы и тогда часто виделись, но беседы были уже не те. Я видел пред собою только тень прежнего Булгакова, темное предание о живой старине. После и того уже не было. Бедный Булгаков, уже переживший себя, окончательно умер в Дрездене у младшего сына своего.

В один из последних приездов моих в Москву уже не нашел я и старшего сына его Константина. Разбитый недугом и параличом и в последние годы жизни казавшийся стариком в виду молодого отца своего, он обыкновенно угощал меня артистическим вечером. Тут слушал я стихи Алмазова, комические рассказы Садовского и самого хозяина, которого прозвал я Скароном; а сам себя называл он скоромным Скароном. На этих вечерах, уже хриплым голосом, но еще с большим одушевлением, распевал он романсы приятеля своего Глинки. По наследству от отца имел он также отличный дар передразниванья: представлял, в лицах и в голосе, известных певцов итальянских и русских. Особенно умел он схватить приемы пения нашего незабвенного Виельгорского и картавое произношение его. Вот также была богатая русская

натура: это второе поколение Булгаковых. Музыкант в душе, но также самоучка, остроумный, без приготовительного образования, хорошо владеющий карандашом, особенно в карикатуре, – он был исполнен дарований, не усовершенствованных прилежанием и наукой. Все это погубила преждевременно жизнь слишком беззаботная и невоздержанная. Он тоже был особенной и оригинальной личностью в московской жизни. Все это переходит в разряд темных преданий.

Все близкое и знакомое мне в Москве год от года исчезает. Москва все более и более становится для меня Помпеей. Для отыскивания жизни, то есть того, что было жизнью для меня, я не могу ограничиваться одною внешностью: я должен делать разыскания в глубине почвы, давно уже залитой лавою минувшего.

П. А. Вяземский, 1868.

Текст взят из книги: Князь Петр Андреевич Вяземский. Полное собрание сочинений. Т. VII. – СПб., 1882.

1802 год

Александр. Неаполь, 19 мая 1802 года

Радуюсь, что ты в Вену едешь; право, завидный город. Я был там только шесть дней, и этого довольно было, чтобы прельстить меня. Удовольствия там бесчисленны, множество можно найти упражнений, нет тех опасных искушений, которые здесь ежеминутно встречаются.

Очень тебе рекомендую Рибопьера: на редкость добрый, вежливый и услужливый малый; я пишу к нему и рекомендую тебя. Васильчиков тоже хороший малый. Анстет, твой второй шеф, приятного нрава, веселого и не имеет чванства, на которое место его дает ему несколько право. Кудрявский, мне кажется, педант, но я не даю это за истину: не водился с ним и не успел его апрофондировать. Не давай ему, ради Бога, брат, над собой верх, до чего он охотник. Не бери работу от него (которую не имеет права давать) без приказа на то Анстета. С самого начала поставь себя на ноге человека несколько значащего; всем уж там известно, кто ты, и ты увидишь, что не будут тебя мешать с Кудрявским и Волынским. Там не скажут, что ты спесив, а скажут, что умеешь хорошо себя вести. Дружись с Рибопьером; с ним будешь выезжать: это уж даст в городе хорошее мнение о тебе, а первый шаг – главное.

Впрочем, дабы не делать мои советы слишком пространными, потребуй оных при приезде твоем у Рибопьера моим именем; он весьма хорошего нрава и рад, конечно, будет иметь еще товарища, кроме Васильчикова, благовоспитанного и не повесу; впрочем, в сем последнем я уверен, что и вперед таким не будешь. Помни советы батюшки, любезный брат, не огорчай его; я знаю, что говорить тебе это – лишнее, но, любя тебя, я их напоминаю тебе и позволяю тебе, прошу тебя даже – то же мне повторять.

Представь себе, сколь бы было мучительно для нас, когда воротимся в Москву, вместо его восторгов и объятий слышать упреки, и еще справедливые? Нет, этого не будет никогда: мы слишком хорошо знаем друг друга, чтоб не быть в том уверенными.

Это письмо доставит тебе Лубяновский. Третьего дня приехал сюда наш кавалер посольства, статский советник Леонтьев, который служил сперва в конной гвардии, теперь помещен к нам; он женат на Пестелыпиной сестре. Он привез мне письмо от Лубяновского, который пишет из Флоренции, что едет в Россию и

отвезет туда мои письма.

Я приехал сюда тому ровно месяц, живу в доме нашего министра Италинского, – нередко честный, добрый, умный человек. Имею у него стол, завтрак и все возможные выгоды. Дай Бог тебе такого начальника.

Много хорошего здесь, местоположение совсем Буюкдерское; я вижу Везувий из своих окон. Я всякий день обедаю, ужинаю, езжу в театр, прогуливаюсь, езжу за город – все с князем Гагариным, который прелюбезнейший человек; хотел, чтобы я у него жил и проч. Княгиня редкая женщина[1]; я думаю, что скоро поклонюсь низко Москве и стану жертвы приносить Неаполю.

Я был только в двух театрах, а их здесь шесть, и шесть трупп, и часто случается, что играют во всех шести вдруг. Князь дал мне навсегда место в своей ложе.

Александр. Неаполь, 27 мая 1802 года

Вся Князева (Гагарина) компания, в которой и я место занимаю, едет на сих днях в Пестум смотреть достопамятные остатки древних греков. Завтра будем карабкаться на самую вершину Везувия. Мало оное делают; говорят, от большого жару, который лазанье делает мучительным; притом же есть одно место, в котором вязнешь по колено, – вроде мелкого песку или, лучше сказать, пыли, из лавы составленной. Впрочем, большая половина дороги делается на осле. Я даже положил с князем, Пиниевым братом и графом Бальменом [Александром Антоновичем], который в Князевой миссии (большой востряк), спуститься в кратер или отверстие, из которого выходили пламя, камни и проч. в последнее извержение.

Не успел я сюда приехать, а уж много работы, потому что я один только: ни Пиния, ни Свечина нет. Правда, что последнего и считать нельзя. Вот что мне сказал Италинский: «Я действительно хочу обременить вас всею российскою и французскою перепискою, а господин Пиний будет ведаться с итальянским языком». Я очень этому рад и готов всей душою работать.

В Вене надобно тебе быть, покуда не займешь места Волынского, следующего непременно тебе, ежели сей как-нибудь отбудет; ибо Волынский вострит уши на какое-либо консульское место в Италии и говорил мне, что, ежели женится выгодно, пойдет в отставку. Старайся заранее заставить всех желать видеть тебя на месте Волынского, которого, не знаю за что, не очень любят.

Александр. Неаполь, 1 июня 1802 года

Обедаю по почтовым дням, а еще в другие дни, когда

заблагорассудится или если Гагарина нет дома, у своего министра, прочие все дни от утра до вечера всякий Божий день у князя Гагарина. Там подлинно приятно провожу время: ем, пью хорошо, играю в бостон, ежели хочу, езжу с ними в театр, гулять и проч. Кстати сказать, князь, по желанию своему и просьбе, уже не министр, а при прежней генерал-адъютантской должности; на его место тайный советник и сенатор Лизакевич. Все в Сардинской миссии плачут о потере столь хорошего начальника. Он пробудет здесь еще несколько месяцев, а потом поедет в Россию к своему месту.

Хорошо сделал батюшка, что раздумал продавать деревни, ежели может, и избежав сие, заплатить долг; впрочем, все его распоряжения не могут не быть благоразумны. Я писал тому две почты к маменьке, с прошлою также; досадно, ежели она их не получала.

С Фавстом не знаю, что делается: пишет престранное мне письмо, где говорит, что недостоин быть моим другом, ибо я его превышаю разумом, дарованием; что я буду большим человеком и стану его презирать, яко окончившего уже свою карьеру и бесполезного своему отечеству, и другие подобные пустяки. В другом письме пишет, что посвятил себя уединению, честности и добродетели, что станет заниматься природою и делать добро.

Третьего дня король приехал из Сицилии на «Архимеде», большом военном корабле, при пушечной пальбе, и имел торжественный въезд в город при крике и восклицании народном. Множество настроено храмов, ворот, амфитеатр пребольшой и прекрасный и проч., все сие было ночью иллюминовано; все войска были под ружьем. Праздник был очень хороший, продолжался вчера и сегодня.

Александр. Неаполь, 15 июля 1802 года

Министр меня любит и ласкает; знакомых я не имею, кроме графини Скавронской и князя Гагарина, у которого я с утра до вечера. О княгине я тебе говорить не стану, ибо довольно уж ее расхваливал во всех письмах, которые к тебе писал. Ты будешь иметь счастие ее видеть, ежели поедут, возвращаясь в Россию, через Вену, что, однако ж, очень сомнительно. Князь думает ехать отсюда через месяц или полтора; не утерплю, поеду провожать до Рима, где выпрошу позволение пожить с ними месяц.

Нового здесь не слышно ничего. По данной в Пьемонте французским губернатором Журданом прокламации, край сей присоединен к Французской республике, и имения тех, которые в течение двух месяцев туда не явятся, будут конфискованы. Бонапарт оправдывает поведение свое отречением короля

Сардинского от престола своего, хотя оный и назначил себе преемника. В Константинополе большой мятеж, и султан, говорят, удавлен. Визирь заступил его место. Королева Неаполитанская, за которою отправлен в Триест корабль, еще не прибыла сюда.

Александр. Неаполь, 12 августа 1802 года

Граф Италинский получил копию с указа о назначении его в Царьград, куда думает ехать на английском фрегате с графом Друмондом через месяц. По сю пору не знаем, кто будет на его место. Говорят, Бибиков, и говорят у Скавронской, что Дмитрий Павлович Татищев; ни один ни другой после графа Италинского меня не обрадует. Сему последнему определено на заведение дома и проезд 5000 рублей с курсом.

Александр. Неаполь, 26 августа 1802 года

Бонапарт ассигновал, говорят, королю Сардинскому 2 миллиона ливров в год. Его величество поедет в Вену, другие говорят – в Сардинию, третьи – в Венецию. Пишут сюда, что Панин воротился в Россию из Швеции, оттого что король не хотел его иметь в своем государстве и выслал генерала к границе для объявления ему того.

Александр. Неаполь, 2 сентября 1802 года

На сих днях прибыла сюда испанская эскадра со 120-пушечным военным кораблем, имеющим отвезть здешнего наследного принца в Испанию, для восприятия там супружества с принцессою Испанскою. Оный же корабль отвезет туда принцессу Неапольскую Марию-Антуанетту, невесту принца Астурийского. Город наполнен теперь испанцами всех цветов и величины.

Третьего дня было здесь поутру в третьем часу маленькое землетрясение, то есть легонький толчок, а ночью видно было лунное затмение; ⅕ луны только была видна, прочее все покрыто, так что из прекрасного месячного времени сделалась темная ночь. Мы смотрели сие с Князева балкона.

Намедни за столом у князя была престранная история между Карповым и Бальменом, в которой сей последний кругом виноват. Князь запретил ему вход к себе, покуда не попросит прощения у Карпова. Карпов требовал сатисфакции; не получив ее от Бальмена, просился в отставку и хотел ехать в Петербург, с сожалением объявил князю, что не может у него бывать, будучи обижен в его доме. Послали к нему Дубри, который ни в чем не успел. К вечеру пошел я; все, что я мог сделать, было уговорить Карпова быть к князю. Мы вместе пошли, и князь упросил его не

делать, как говорится, огласки и забыть все. Он наконец согласился, но не думаю, чтобы он сие так оставил, когда князь уедет, и Бальмену будет худо.

Имеем известие, что наши войска прибыли уже в Корфу и что граф Моцениго было принят с большой пышностью; вот и все. Юрасов женится на мамзель Лицыной [Дарье Петровне, князя Петра Алексеевича Голицына дочери].

Александр. Неаполь, 16 сентября 1802 года

Вообрази, что Немировский, тот, коего я при здешнем посольстве занял место, в Корфу, скоро по приезде своем, застрелился из двух пистолетов, оставив Моцениге письмо, в котором между прочим говорит: «Прощайте, господин граф. Надеюсь снова вас увидеть там, куда приведут вас обстоятельства вашей экспедиции на Корфу: на Елисейских Полях или в аду, и проч. Передайте мои комплименты всем моим друзьям и просите их не жалеть обо мне, ибо с этой минуты я делаюсь счастливейшим человеком Земли». Моцениго в большом затруднении теперь, не имея секретаря. Требует у графа Италинского Пиния, который, однако же, послан не будет.

Александр. Неаполь, 30 сентября 1802 года

Ты говоришь мне проситься с Италинским. Признаюсь, что мне бы приятно сие было; но соседство твое и частая переписка, притом надежда, что батюшка сюда будет, сильно меня привязывают к Неаполю. Император позволил князю [то есть князю Павлу Гавриловичу Гагарину, женатому на княжне А. П.Лопухиной] ввезти в Россию с собою что хочет и освободил от всякого осмотра.

Ты, может быть, знаешь, что наш советник посольства Павел Свечин[2] по именному указу отрешен от всех дел. Рассуди, что он, дабы иметь свою жену, переменил закон и обвенчался по католическому обряду. Весьма меня удивило слышать, что Тургенев[3] танцевать хочет учиться, – у него одна нога другой короче, и скажи ему, что он более похож на иноходца, нежели на танцовщика. Василий Львович[4] развелся с Капочкою за то, что она брюхата, но, видно, не маленьким поэтом. Вот что называется быть глупцом. Пусть плод чужой, но зато слава наша. Князю пишут, что в Летнем саду кто-то выстрелил из пистолета и ранил гвардейского офицера в руку. Государь обещал 5000 рублей тому, кто найдет виноватого[5].

Александр. Неаполь, 12 октября 1802 года

Курьер, который должен был здесь долго пробыть, вместо

того отправляется завтра в угодность королеве, чтобы избавить ее от посылки своего курьера в Петербург. Он тебе сие письмо вручит. С ним посылаю я посылку к Приклонскому для доставления ее к батюшке; состоит она в табакерках из лавы, той мозаики, которую ты у меня видел. Княгине посылаю нитку пурпурины на шею, то же – Анне и Ал. Петровне, тетушке – черепаховую табакерку, а князю Сергею Ивановичу – из лавы. Александру Васильевичу – струны, маменьке – табакерку черепаховую с прекрасным золотым медальончиком, а Фавсту – ту булавочку с птичкою, которую ты также видел у меня; вот и все.

Ежели будешь писать, то сделаешь пакет разный; впрочем, ежели тебе угодно, можешь распечатать мои и положить свои туда, только не расстрой моего расположения. Ты найдешь курьера готовым исполнить все твои комиссии и взять все пакеты, которые ему дашь.

Граф Италинский уже укладываться начинает. Он писал к одному английскому адмиралу, командующему в Средиземном море, испрашивая у него для переезда своего фрегат. Он, верно, оный получит и, будучи готов, тотчас уедет, оставив Леонтьева поверенным в делах. Я как собака работал эти два дня.

Александр. Неаполь, 20 октября 1802 года

Радуюсь, что ваша Вена наполняется русскими, а сюда даже бешеная собака из России не забегает. Очень мне грустно видеть, что так мало своей братии, но что делать? Хорошо, что есть еще приятели, которые утешают своими письмами. Удивляюсь, что Ланской оставил столь хорошее место, но кого Париж с ума не сводит? Я думаю (не прогневайся!), что ежели бы пришлось послать из Вены курьера в Париж, то вся Венская миссия перебилась бы и перецарапалась за сие счастие.

Тургенев, несмотря на свою флегму и на дружбу к тебе и Грише, выставил бы свои кулаки. Не худо, ежели бы удалось тебе это; тогда бы только оставалось тебе видеть Лондон.

Александр. Неаполь, 8 ноября 1802 года

Как может Тургенев думать волочиться за танцовщицею? Он не умеет танцевать сам, следственно, не может ей делать комплиментов в рассуждении ее искусства, дабы не заставить ее смеяться, назвав падеде, который она, может быть, прелестно сделает, кадрилью, шассе – алагреком, паграв – пируэтом и блистательное название менуэт аларен (по пристрастию своему к немцам) аллемандом и проч. Впрочем, скажи ему, чтобы он вытянул нос свой, ибо женщины не любят маленькие носы: они

делают по оным заключения свои, а притом – выросла ли у него борода с тех пор, что мы расстались? Не иметь оной также худой знак.

Третьего дня прибыл сюда английский 36-пушечный фрегат, который повезет Италинского в Царьград. Он думает в сию субботу, то есть через 5–6 дней отправиться; очень позывает меня перейти к миссии его, но этого нельзя вдруг сделать. Спишусь о сем с батюшкой. Он говорит, что не будет иметь никого, знающего по-русски, ибо половина миссии едет с Тамарою назад в Россию, а ты знаешь, что он всю переписку производит на русском языке. Пиниево туда назначение что-то плохо идет. Леонтьев остается поверенным в делах. Он прелюбезный человек, смирен, добр, чувствителен, услужлив; жена его также.

Ты знаешь, что вся Татаринова миссия поехала к Лизакевичу, к должности в Рим, и давно даже. Бальмен не рассудил за благо то же сделать и, не имея ни позволения, ни хорошего претекста, остался здесь, говоря, что ему в Риме скучно будет. Я думаю, что долги его задержали, и он бы чисто пропал без щедрого князя, который помог ему деньгами; но к чему это служит? Все издержано уже, и теперь я не знаю, куда он прибегнет. Я не знаю, как Лизакевич терпит его самовластие и поведение против всякого порядка службы.

На сих днях поехал отсюда в Петербург бывший наш советник Свечин. Ежели увидишь его в Вене, советую поволочиться за женой, которая недурна. Приехал англичанин с известием, что Этну рвет огнем, камнями, золою и проч. Я хочу завтра идти на Везувий, откуда иной раз чуть видно какое-то красное пятнышко, к которому я бы не желал подойти близко.

Александр. Неаполь, 18 ноября 1802 года

На прошлой неделе приехал сюда титулярный советник Рихтер, причисленный к нашей миссии, сверх комплекта. Он, мне кажется, очень смирный и хороший малый, хорошо очень воспитан и приехал теперь из Парижа, от которого, однако ж, с ума не сошел. Мы с ним уже несколько познакомились, и я возил его к Скавронской. У нее был недавно бал, и завтра также. То, что ты мне говоришь о Тургеневе, довольно меня удивляет; мне кажется, что он не для того создан, чтобы куры строить, и комплименты его должны быть слишком учены и высокопарящи. Но кого не развяжет проклятая любовь?

Сейчас едет Италинский; я провожу его до фрегата, на оном с ним отобедаю и пожелаю ему весьма искренно счастливую дорогу. Король, после прощальной аудиенции, пожаловал ему табакерку со своим портретом, осыпанным бриллиантами, в 6000

дукатов по крайней мере. Королева написала к нему преласковое прощальное письмо.

Александр. Неаполь, 2 декабря 1802 года

Ничего не может быть приятнее, как любить и быть любимым. Моя пословица теперь: избыток счастья – это избыток любви. Подлинно не могу не смеяться, воображая себе Тургенева влюбленным, которого я не инако видал, как с длинною косою, с полно-открытым лбом, с двенадцатью пуговицами у колен на штанах и престрашными пряжками разного фасона и проч.; но чего не делает любовь? Косу он, верно, отрезал и дал своей любезной, ежели не залогом нежности своей, то по крайней мере на парик. Что касается до пуговиц, то он видел, верно, сам неудобство их…

Мой поклон Ланскому, а Тутолминым почтение. Право, будете вы умницы, ежели будете сюда, то есть Гришак[6] с тобою; то-то повеселимся, особливо ежели будет батюшка с тобою, я от сей мысли одной в восторге; вообрази себе, что ежели будет батюшка, то и Фавст с ним, а я Фавста, несмотря на то, что он шельма ленивая, люблю всей душою. Рибопьерша идет замуж, но за кого – ты не пишешь. Для Комаровского я сделаю все, что от меня зависит, ибо ты этого требуешь, и заплачу ему за дружбу его к тебе. Волынскому мой поклон, или лучше скажи ему: *гегорстер динер*[7], чтоб вспомнил он, как мы весело проводили время в Вене.

У нас здесь все идет по-старому; все веселятся, кроме меня. У графини Скавронской каждая середа бал, а в субботу концерт; я там был только один раз. Боюсь, чтоб не дошло до милых ушей, что я веселюсь так скоро после разлуки, и чтоб не подумала, что я ее уже забыл; пожалуй, уверяй ежеминутно, что я только об ней думаю, об ней тебе пишу целые страницы, и право, делал бы оное в самом деле, ежели бы не боялся докучать тебе. Теперь затевают у графини светский театр. Много здесь очень англичан и англичанок, все это бывает у графини. Между первыми знаешь кто? Те лорды, которые во время коронации бывали на всех балах и которых звали всюду кучею; ты помнишь их тонкие, длинные и смешные косы, и как они прыгали, хлопая пальцами, держа руки кверху? Лорд Гринхэм тотчас меня узнал, обрадовался мне, и он всем говорит о Москве с восхищением. Ты помнишь Мотекса, англичанина, который был влюблен в Масальскую и с утра до вечера у нее сидел, не говоря ни слова? Так вот, он тоже здесь. Мне очень их приятно видеть всех, а все оттого, что были мы вместе в России.

Приехал сюда титулярный советник Рихтер, который у нас

сверх штата, хороший мальчик и мягкий; между нами, Лобанова им завладела. Я с нею как можно подалее, ибо она не терпит княгиню, и ей досадно, что я по сю пору ей верен. С нею племянница ее Арцыбашева, которая, можно сказать, как говаривал Илья Дмитрия (учитель) Фавсту: «Ох, ты птица!» Я получил недавно от Гагариных прекрасный подарок из Рима: печать, на которой вырезан славно Амур на колеснице, запряженной львом и ослом.

1803 год

Александр Клагенфурт, 16 апреля 1803 года

В Сен-Вейте какая встреча! Бедный русский солдат без ноги, которую у него оторвало в Швейцарии; его ведут в Вену, а оттуда он будет стараться дойти до своей отчизны. Я ему дал денег и записочку к тебе, так, когда явится, не оставь его; более ничего тебе не говорю, прочее он сам тебе расскажет. Приключения с нами, как ты видишь, часто, часто случаются. Мы здесь думаем кое-что поесть; Антоша [итальянец, камердинер А.Я.Булгакова] в том настоит не от того, что есть хочется, но влюбился в немочку, от которой получил уже славного трюха, но сие его не обескураживает. Я свою собачку назвал «бибишкой», и она от меня ни на шаг не отходит. При всей моей грусти не могу я не смеяться, глядя на Антошу; жаль, что нет здесь Гришака: он был лопнул со смеху.

Александр Венеция, 18 апреля 1803 года

Здравствуй, любезный брат. Я теперь на площади Св. Марка в кофейне «Конкордия», и покуда не дадут нам позавтракать, напишу тебе все, что успею и что на ум придет.

Я, правду сказать, и не думал быть в Венеции, но, приехав в Местре и узнав, что только час езды сюда, не утерпел не посмотреть чудного сего города. Другого имени, по моему мнению, он не заслуживает. Еще более нечистоты, чем в Неаполе. Дорогой все, слава Богу, шло хорошо, только около Понтиебы не везде были лошади. У Антония проказы с курьером, которые очень меня веселят. Последний спал, выставив из коляски ноги, и потерял сапог. Антоний тоже так раз заснул, что упал совсем с козел. Нищие не дают мне покоя, мешают к тебе писать. Получил ли ты мои два письма, из Фриула и Клагенфурта? Я теперь еду день и ночь; в Риме хочется помешкать ради самого города, ради Карпова и некоторых покупок. Куда теперь спешить, и бог знает, буду ли иметь удобнейший случай видеть лучшие города Италии. Гагарины, я думаю, уже уехали; поминали ли они меня, говорила ли княгиня обо мне? Я очень нетерпеливо жду писем твоих, но бог знает, когда дождусь удовольствия сего.

Александр Рим, 16 апреля 1803 года

Приезжаю сюда, стал у Карпова; сей в тот же день получил от канцлера письмо, уведомляющее его о назначении его к неапольскому посту и что вслед за сим присылают его

инструкции, аккредитование и проч. Карпов просил меня подождать до следующей почты, по которой ожидал обещанные бумаги, и два дня после хотел ехать в Неаполь и меня с собою взять. Я на это согласился, тем более, что Кассини не было в Риме, и он приезжает только в почтовые дни, а как ты знаешь, я имел от графа письмо к нему, которое не хотел поверить чужим рукам.

Почта пришла, Карпов ничего не получил, и я завтра дуну в Неаполь; о всем вышеописанном уведомил я Леонтьева по прошедшей почте. Всякий день обедаю я у Лизакевича, это бонвиван и большой хлебосол. По утрам бегаю смотреть, что есть примечательного, после обеда гуляю пешком в вилле Боргезе или по Корсо. Ввечеру в театре, который только что изряден. Нигде не видал я таких лихих женщин, как здесь. У меня чуть не дошло до авантюрки с дамою, которую всего два раза видел в театре. Вчера ввечеру возил меня Лизакевич к Торлони, это дало мне представление о здешних собраниях. Играют в карты, занимаются любовью, и ничего более, и не думают блистать остроумием, как в некоторых городах. Здесь нашел я Бальмена. Он принужден был Неаполь оставить, разгласив везде, что Актонова жена в него влюблена, что хочет с мужем развестись, чтоб выйти за него, и проч. Он это узнал; брат министра публично Бальмена стал ругать и упрекать ему дерзость его. Бальмен от всего отперся. Это много шума наделало.

Леонтьев, боясь, чтобы с Бальменом не было чего дурного, заплатил его долги и послал его к Лизакевичу. Здесь он начал делать всякие проказы, ходил в незнакомые дома, плакал, говорил, что его хотят убить, просил паспорт, чтоб уехать бог знает куда, и проч. Он совсем не тот стал: томен, печален, ни слова не говорит, со всем тем потолстел. Лизакевич хотел дать ему комнату у себя; он отказался, а нанять чем не имеет; все это на него похоже, но он жалок. Он писал в Петербург и просится назад к матери. Это и было бы лучше всего для него.

Долгоруков, брат генерал-адъютанта, зовет меня с собою в Неаполь; но он едет только через 4 дня, а мне мешкать более нельзя, я еду. Здесь тоже говорят о войне, но неопределенно.

Александр. Неаполь, 5 мая 1803 года

Здесь был я принят от всех с восклицаниями. Леонтьева так забылась, что хотела меня обнять. Он удивился, что я не более пробыл в Риме. Ежели бы я это мог предвидеть, то остался бы там еще с неделю и приехал бы сюда с Карповым или с Долгоруковым. Старая Скавронская также очень мне обрадовалась. Жаль, что милые и добрые Леонтьевы едут скоро,

то есть через месяц. Пожалуй, сделай им тысячу учтивостей в Вене; у них ангельские сердца. Кстати сказать, ты можешь готовить посылочку батюшке с ними: они с радостью возьмут это на себя. Я ему тоже кое-что пошлю.

Ты не можешь поверить, с каким равнодушием я увидел Неаполь; но как скоро приблизился к Chiaie и увидел Ла Гран Бретанья, равнодушие сделалось печалью: вспомнил, кто там живал, вспомнил Вену, тебя и заплакал. Мне теперь кажется, что я в Вену совсем не ездил и год как тебя не видал. Неаполь очень будет скучен, когда уедут отсюда Леонтьевы, но еще скучнее будет ехать в Палермо, что не замедлит случиться, ежели разразится война. Нашему Фердинанду худо будет, ежели, как говорят, Бонапарт хочет его принудить заплатить папе все недоимки. Это составит важную сумму, а где ее взять? – банк здешний обанкротился. Зурло, директор или, лучше, министр финансов, судится, а между тем сидит в Кастель дель Уово. Многие банкиры, например Торлоний, имевшие суммы в банке, очень от того пострадали.

Приехав сюда, нашел я пять твоих писем, которые здесь лежали и ждали меня. В одном из них Волынского стихи, а в другом, что лучше, – батюшкино письмо № 28, которое я полагал потерянным. Я не отвечаю на письма сии: они старее Адама. Пожалуй, вперед навещай меня почаще. Я счастлив, когда читаю что-нибудь тобою и батюшкою написанное давно, а кольми паче письмо свежее; меня не надобно просить к тебе писать, и ты на меня жаловаться не можешь.

Здесь узнал я Бальменову историю подробнее. Вбил себе в голову, что миледи Актон от него с ума сходит, что хочет мужа оставить, а с ним бежать, но не довольствовался думать то: по всему городу стал разглашать. Отец ее на одном балу начал ему мыть голову при всем собрании, как он смел это выдумать, тогда как миледи даже почти не говорит с ним; он струсил и от всего отперся, но со всем тем все продолжал проказы свои; наконец дошло до того, что генерал Актон был принужден стараться, чтобы Бальмена отдалили, и Леонтьев, заплатив его долги, послал его к Лизакевичу. Что же? Оттуда вздумай он написать к генералу Актону, которому говорит: «Не принуждайте мучиться два любящие сердца; вы слишком стары, чтобы уметь любить свою жену; откажитесь от нее и уступите ее мне; составьте ее и мое счастие…» – и проч.

Один сумасшедший может писать такие чудеса, но Бальмен в полном разуме, и это увеличивает мое удивление. Он же малый умный, и кто-нибудь, верно, ему наговорил, и теперь доискиваются, но безуспешно. Мать миледи писала Бальмену

письмо, в котором божилась все забыть и с ним помириться, ежели он скажет, кто его уверил, что миледи его любит, или что дало ему повод думать это; но все старания были тщетны. Он сделал в Риме общее покаяние, как те, которые в монастырь идут; обещался, кроме того, не грешить, также не смеяться даже, не жадничать, не садиться при старших себя и проч. Он стал как ягненок и почти не говорит: всю неделю не мог я добиться трех слов от него. О чудак!

Со здешним Пинием я немного в церемониях; что делать, ежели человек не по сердцу? Рихтер болен лихорадкою. Здесь есть некто молодой человек Петерсон, премилый малый; жаль, что не пришит к миссии нашей. Вот еще будет Долгоруков. Какая молодежь! Здесь еще у нас молодой принц Мекленбург-Стрелицкий, брат королевы Пруссии, молодой человек, прекрасный лицом, очень вежливый и хорошо воспитанный. Я вчера с ним познакомился; жаль, что едет в Палермо, но на малое время, и опять сюда воротится. Вот все здешние новости. Не много, как видишь. Мне Леонтьев сказал, что на сих днях едет курьер через Вену в Петербург, и я пишу сие письмо заранее; что сделано, то сделано, а у меня есть с десяток писем на совести.

Александр. Неаполь, 9 мая 1803 года

У нас теперь пропасть дела, и я все то делаю, что не успеет Леонтьев. Какие редко добрые люди он и она! Я всякий день обедаю у них или у принцессы Филипстальской, с которой они в одном доме живут. Вся наша шайка там собирается, то есть Леонтьевы, принцесса, Рихтер, Петерсон (милый малый и давно здесь путешествующий), я и некоторые другие: мы смеемся, болтаем, музицируем, играем в карты, читаем и проч. В четверг король дает в Фаворите бал для принца Мекленбург-Стрелицкого, – молодой учтивый и преблаговоспитанный человек. Он брат королевы Пруссии; ежели она на него похожа, то хороша.

Александр. Неаполь, 15 мая 1803 года

На балу все были во фраках, и очень весело. Король сидел очень задумчив и печален в греческом уборе; дама упала и заголилась, он начал хлопать, встал с места, закричал что-то по-неаполитански, смеялся и целый вечер был весел. Он такой, кажется, добрый; не дивлюсь, что народ его так любит. Между нами сказано, он едет в Палермо: но мы, как говорят, остаемся при наследном принце, который, купно с министерством, будет иметь пребывание здесь.

Вчера чуть не убили герцогиню Авеллино в Толедо; ее кучер

чуть не задавил мальчика, только чур! Кучера стащили с козел, лакеи вступились за кучера. Шум. Госпожа выглянула из окошка, чтобы только посмотреть, что делается; один лазаронец ударил ее дубиною по голове, но не до смерти, да тем дело и кончилось. Экий народ! Намедни один солдат расквасил другому голову камнем у самого моего балкона. Вот наши приятные неапольские вести, а в Вене немца, пожалуй, хоть в грязь столкни, только не ругай: ни слова не скажет, разве только «да», «нет».

Александр. Неаполь, 17 мая 1803 года

Приехал Долгоруков, брат генерал-адъютанта, с которым я еще в Риме познакомился. Он едет через месяц отсюда в Сицилию и Мальту. Также здесь венский красавец, от которого, ты говорил, что… кажется, пахнет, то есть Буш.

Ни один русский более к Скавронской не ходит; вшивый один эмигрант, буффон графинин (но между нами это останется), сделал грубую невежливость Леонтьевой; муж пошел на другой день к старухе просить, чтобы она или ему отказала от дома или заставила его просить прощения. Скавронская ни туда ни сюда; говорит, что не хочет входить в это. Леонтьев ей поклонился и уверил, что его ноги более не будет у нее. Мы все, узнав, что она променяла вшивого французишку (Ладвез) на жену своего поверенного в делах, одним словом, иностранца на русского, не признаем ее за единоземку и более к ней не ходим. Сим лишилась она компании человек в 10, и те, которые ходят к ней, все ее обвиняют, и старуха не знает, как бы поладить дело.

Александр. Неаполь, 19 мая 1803 года

Прошу тебя, ради дружбы твоей, более себя поберегать. Кутай себя хорошенько, когда выходишь; заведи малину и пей ее вместо чаю; ты знаешь, как это хорошо для груди. Но чтобы письмо не походило на тетушкино, перестану говорить о лекарствах, только повторяю просьбу быть осторожнее.

Знаешь ли ты, что без твоего тулупа я бы пропал, и до самого почти Неаполя он мне очень был нужен, особливо ночью. Курьер ставит за тебя свечи перед мадоннами и очень тебя благодарит. Письмо к Леонтьевой от княгини отдано после зрелых размышлений; боялся ошибиться, но выходит, что так. Комаровского здесь нет и не бывало, а маркизшу ожидаю. Я так околдован венскими театрами, что сюда ни в один идти не хочется; на клавикордах только и играю, что пьесы из ваших опер и балетов. Теперь лафа у нас, и я сам хочу приняться за украшение наших мундиров, и для того отложил сегодня ехать во дворец, где большой публичный стол, это значит, что король

будет есть один за столом, в присутствии всех тех, кто захочет прийти и убедиться, что царственные особы так же еду в рот кладут, как все другие люди. Вообрази себе, что за 30 миль от Неаполя Барбаресци взяли американский фрегат со всеми, которые на нем были, между прочими один мой знакомый, г-н Шмидт. Разбойники сии, очевидно, усиливаются, а смелость их – еще более. Фрегат 18 часов защищался.

Теперь нет сомнения, что будет война. Витворт уехал из Парижа, а Андреоси тоже оставляет Лондон. Сей разрыв произошел от некоторых новых требований Англии. Приехал курьер в Париж, который привез медиацию [акт посредничества] нашего императора. Следовательно, надобно иметь Палермо в перспективе. В этом нет никакого зла: желаю видеть Сицилию, Этну, перед которой Везувий ребенок, и притом охотно побываю еще раз на море, и ежели поедем, то в большой компании. Это будет прелестно.

Александр. Неаполь, 5 июня 1803 года

Я устал смертельно. Рассуди: обедал у английского поверенного в делах, английской королевы рождение, сели обедать в 7 часов, а встали в полночь. Я не мог вытерпеть и после десерта уехал, извинясь, что почтовый день. Пили без ума, пели «Боже, спаси короля», а также во здравие нашего императора. Другой раз не так скоро меня заманят на английский обед. Все говорили только по-английски, который я не разумею. К счастью, сидел возле меня Буш, а то бы язык отнялся.

Один швед, который там обедал, уморил нас. Он прикидывался удальцом и пытался пить более, нежели англичане, кои всякую минуту заставляли его пить, находя беспрестанно различные поводы: то здоровье Карла II, то Густава Адольфа, Кристины и проч.; после у него спрашивают, любит ли он литературу. «Я? – говорит он. – До безумия». – «Ну так, значит, надо пить за здоровье манускриптов, кои развертывают в Портичи». – «Отлично», = ис тем проглотил стакан шампанского. Надобно было видеть рожу его, есть с чего лопнуть со смеха.

Война между Англией и Францией тебе, должно быть, известна. Почти в виду Неаполя крейсирует английский флот, состоящий из одиннадцати линейных кораблей и нескольких фрегатов под командою адмирала Пикертона. Английский поверенный в делах сказывал мне, что через три недели будет сюда Нельсон из Гибралтара с несколькими фрегатами и что уповательно возьмет главное начальство над флотом. Говорят, что англичане уже взяли три судна генуэзские, а сегодня слышал я, что их фрегат почти из здешнего порта увел французское

судно, купеческое, нагруженное маслом. Двор здесь и, говорят, переезжает в Кастелламаре, загородный дом и городок в заливе Неапольском, который виден с моего балкона.

Александр. Неаполь, 9 июня 1803 года

Козловский, видно, все тот же: начал в твоем письме фразу и не кончил. Рим, верно, одушевит пиитические его восторги. Я заведу с ним переписку. Ему будет, верно, хорошо у Лизакевича, который бонвиван, любит, чтоб у него хорошо кушали; посуди, полюбит ли Козловского, который не заставляет себя дважды просить об этом[8].

Александр. Неаполь, 21 июня 1803 года

Мы скоро ждем сюда из Рима графиню Воронцову [Ирину Ивановну, урожденную Измайлову]; совсем не знаю, кто такая, едет из Парижа и вдова. Я слышал, что Пиний едет к родне в Пизу, но не слыхал ничего о данном ему на то позволении. Французы, говорят, сожгли уж в Абруццо деревню, коей мужики не хотели им дать съестные припасы, корм лошадям и проч.

Александр. Неаполь, 7 июля 1803 года

О Козловском Карпов хорошо говорит: его голова – это библиотека в беспорядке; он стал страшный педант, а в Риме о ином не говорит, как о Вестфальском мире.

Третьего сего месяца Леонтьевы выехали из Неаполя. Я с ними ехал до Моллоди-Гаета; там стали мы в Кастеллоне у принца Гессен-Филипстальского (мужа нашей К.), главнокомандующего Гаетой и всей провинцией. Мой фаворит принц Мекленбург-Стрелицкий также там нашелся; у нас был чудесный обед, а ввечеру бал превеселый. Славные были девушки, одна особливо – с черными глазами, к которой я притрунился: за ужином сидел возле нее и отбил ее от ее воздыхателя, одного офицера из гарнизона Гаеты. Что удивительно, все там хорошо танцуют. На другой день видел бани и могилу Цицерона. Князь сам сел на козлы, посадил нас с Рихтером в коляску и повез в Гаету, где видел я фортификации и тюрьмы, в коих более пятисот колодников; большая часть разбойники.

Александр. Неаполь, 14 июля 1803 года

Мне пишут, что Козловский бегает по развалинам, удивляется и кричит: «Чогт знает, как это сравно!» А Бальмен сделался богомольцем: только и дела, что ходит по церквам, на последние деньги покупает мадонны чудотворные и посылает в Петербург к матери. Теперь начались здесь ужины на улицах в

Санта-Лючия, и множество бывает людей; но так как там очень воняет устрицами и рыбою, то я не очень часто бываю. Брат Долгорукова (который здесь) знает о дуэли и очень огорчен, однако же он не считает своего брата дурным. Здесь есть игроки в шары. Я в первый раз видел это вчера. Король там был, хлопал, кричал и смеялся. Мяч упал как раз на нос какому-то серьезному и важному парику, из которого, то есть не из парика, но из носу, пошла кровь. Жара у нас так велика, что можно выходить только к вечеру. С.Крузе скоро едет. Она намедни накормила Лихтенштейна оплеухами и драла его за волосы, а на другой день поехала с ним в Сорренто на два дня. Весело смотреть, как итальянки над ним смеются: иначе не ходит, как в мальтийском [мундире] с двумя эполетами, большим галстуком и шляпою.

Александр. Неаполь, 16 июля 1803 года

В Риме сестра Воронцовой, прекрасная Голицына; скоро ждем ее сюда. Мы вместо Скавронской бываем теперь часто все у Воронцовой, которая очень любезна. Скавронская, однако же, очень склонна на мир, и сим дело и окончится. Один дом, куда можно ходить: неприятно в оном не бывать.

Прошу тебя сообщать все новости, которые узнаешь; мы с Карповым страстно любим политику, и теперь у нас ничего нет нового, и вот отчего я и Анстету не пишу. Карапузный Антонио очень благодарит за память твою.

Карпов всякий день велит тебе писать поклон; вчера пили мы твой чай за твое здоровье. Не знаю, чем наполнить письма; прочти мое к батюшке, может быть, что найдешь, что тебе забыл сказать. Гришака-волокиту целую, а писать некогда, нечего. У нас на сих днях новый балет. Чемпилле, первая танцовщица, так мне мила, как Тургеневу Черути; она не хочет танцевать, и дельно: импресарио хотел, чтобы она в балете упала с моста сажен 8 вышины и повесилась волосами за дерево, покуда любовник придет ее освободить. Какой скот! Я его разругал.

Александр. Неаполь, 11 августа 1803 года

С Карповым я уже живу, и ты это должен знать по письмам моим. Выгоды, впрочем, нет для меня большой, то есть для кармана: платим все пополам, я не хочу быть в тягость доброму Петру Ивановичу, который человек сам небогатый. Григорию, верно, не любо будет съехать с княжеской квартиры и перейти в 3-й этаж, особливо ради прекрасной горничной. Экое счастие поповичам! Кто бы думал в запачканном архиве найти прекрасную Анну с алмазами? Вот каково быть проворным. Уж не поднес ли он наши переводы, то есть твой «Слава Негоциатору», а

мои «Негоциации» и проч. Мальцевым?

Ты заставил меня смеяться. Ты учишься фехтовать, – это дело; а я взял уже уроков десяток рисования и пристращиваюсь к оному; хотел было утаить это от тебя, но к чему? Опять глупые сюрпризы. Однако ж батюшке не писал о том, и ты, пожалуй, не говори ему о сем ничего; ежели научусь, спишу сам с моего окна виды для него и тебя. Я сам очень нетерпелив знать, что значат слова батюшкины: «О мне помнят, слава Богу, в Петербурге». Жду от тебя описания путешествия в Пешт. Гришак вместе с тобою? Да что он не пишет, шутит, что ль?

У вас жара, а у нас третий день буря. Третьего дня была страшная гроза; молния упала на «Архимед», здешний военный первый корабль, и зажгла оный. Бог хотел, чтобы не было ни крошки пороху на корабле, а то, ежели бы загорелось, взорвало бы все 2000 судов, стоящих в порту. Стоило бы извержения господина Везувия; молнией убило одного матроса на английском военном судне 74-пушечном, у коего сгорела средняя мачта. В тот же день, кажется, сижу я, пишу спокойно; вдруг маленький удар землетрясения так меня испугал, что перо из рук выпало; оное было чувствительно только в малой части Неаполя, около Санта-Лючии.

Ежели ты такой охотник до политических новостей, как я, то узнаешь оные от Анстета. В Калабрии революция, взбунтовался народ и не хочет платить новые наложенные на них подати; сунулись было 50 солдат их усмирить, но народ ударил в набат, многих солдат убил, других взял в плен, а прочих разогнал. Вчера послано туда три гренадерские роты, 2 пушки, 50 человек конницы, с нужною артиллерией. Калабрийцы народ прехрабрый, и ежели захотят сделать сопротивление, то выйдет дело весьма серьезное. Французы, которые там, верно, их поощряют; их войско, говорят, будет умножено до тридцати тысяч и займет даже Неаполь.

Александр. Неаполь, 18 августа 1803 года

Ты правду говорил о человеке Козловского. Он пишет Карпову: «Пожалуйста, пошлите моего человека в Одессу, посадите его хоть в бочку с сельдями». Карпов ему отвечал: «Когда случай представится, я вам о сем сообщу, и тогда присылайте мне вашего орангутанга, я велю его упаковать и отправлю». Козловский болен, и его старик ему совершенно бесполезен; надобно и можно было это предвидеть.

Прилагаю печатный лист о бомбардировании Алжира англичанами; прочтя, отдай Анстету. Испанский посол сказывал мне, что его правительство дало повеление всем своим портам

принять и учинить все нужные пособия русскому флоту, идущему из Черного моря и состоящему из одиннадцати линейных кораблей и шести фрегатов.

Александр. Неаполь, 6 сентября 1803 года

Не знаю, за что, но очень люблю венгерцев, а теперь еще более, узнав, как они оплакивают ангела усопшего, Александру Павловну. Смерть нашего дорогого Андрея нас ужасно тронула. Кто бы это подумал? Вот третий день, что образ его беспрестанно в моих глазах; куда ни пойду – в театр, гулять, – везде он со мною, и я ничем не могу прогнать печальных мыслей. Ты ничуть не как педант говоришь: конечно, нельзя собою располагать, Бог один знает, сколько всякому жить. Но кто бы подумал, что милый наш Тургенев в Вене навеки с нами простился? Жаль, брат, очень, очень. Бедный его брат Александр, который так его любит! Каково ему? Каково Андрею умереть не в руках родителей, не обнять их хоть в последний раз? Это мучительно; мой Антоний даже как шальной целый день ходил и плакал. Как и от чего умер он? Дай Бог ему царства небесного и лучшего жребия на том свете.

Полно говорить о сем несчастий, и Боже нас избави от того самих. Ежели, как ты говоришь, состоится перемена, то не Разумовского ли посадят? Тогда держи ухо востро, не мирись с ним менее как на 5000; в самом деле, он тогда тебе будет полезен, и я ранжирую себя умильно под твою высокую протекцию.

Пришедший сюда корабль из Туниса привез известие, что Барбарески с двенадцатью большими судами от двадцати четырех до тридцати шести пушек и нужным войском сбираются в сем месяце сделать высадку и нападение на Сицилию и Калабрию. Бомбардирование англичанами Алжира не подтверждается и, видно, вздор. Я хожу теперь во многие неаполитанские дома, даже позволяю себе иной раз строить куры, к двум вдруг адресовался, и они чуть меня по одиночке не прибили за плутовство.

Александр. Неаполь, 13 сентября 1803 года

На сих днях приехала сюда княгиня Голицына, то есть красавица сестра Воронцовой, которая здесь с месяц или более пробудет. Голицына прекрасна: черные власы, черные брови и черные глаза, зубы диковинные, рот, осанка прекрасны, хотя и дурно держится, только нос нехорош; одевается, говорит, смотрит – все странно и не так, как другие. Весь Неаполь о ней говорит: она похожа на принцессу моей души; все здешние красавицы от

нее упали и приуныли; за всеми ними волочится Лихтенштейн, и жалко смотреть, как над ним смеются, а он не чувствует. Он добрый малый, впрочем, не много думает об себе; ты знаешь, как он говорит носом и смешно; намедни в театре из одного этажа в другой начал не знаю что-то кричать; все обернулись, чтоб видеть это чудо. Он едет с Долгоруковым (редкий малый) и одним французом, очень любезным, месье Декуром, известным в революции под именем Мезонфора, в Сицилию; хотят только видеть чудо св. Януария, а потом отправятся.

Александр. Неаполь, 19 сентября 1803 года

Сегодня праздник св. Януария и делается чудо, разжижение крови св. Януария. Но беда, когда в какую-нибудь партию входят женщины. Уговорились все ехать смотреть это чудо. Я в Гран Бретанья явился в 8 часов: Воронцова спит, Голицына спит. Покуда встали, покуда славно позавтракали у последней, время прошло, и мы в церковь приехали, чудо сделано, кусок отверделой крови святого сам собою растаял и наполнил склянку, в которой сия кровь сохраняется, и лазаронцы, бабы и проч. гладили святого, называя его красавчиком, умницею и проч. Полагают, что св. Януарий объявил, что будет делать чудо восемь дней сряду, дабы восстановить свой кредит, который св. Антоний поколебал. Ежели правда, то завтра пойду смотреть эту церемонию, о которой так много везде говорят.

Александр. Неаполь, 3 октября 1803 года

Козловский проказит в Риме; не имея, что писать, расскажу анекдот один, с ним приключившийся. Собрание у папы. Все туда съезжаются; Козловский в шелковых чулках идет также по улицам с двумя лакеями[9], – инако он из ворот своих не выходит, говоря: один – чтоб обо мне объявлять, другой – чтобы чистить мне туфли, – приходит во дворец, входит в комнату, множество людей, видит одного кардинала, думает, что папа, подходит к нему, целует его руку, говоря: «vostra sanita» вместо «santita». Все «ха-ха-ха!» Один француз говорит ему: «Сударь, это не папа». – «А кто же?» – «Это кардинал». – «Где же папа?» – «Дальше, сударь, но его не видно». – «Выдающиеся иностранцы всегда всюду имеют доступ», – отвечает Козловский и идет далее, входит в комнату папы, сам себя рекомендует. Папа его обласкал и много с ним говорил. Козловский, говорят, ночи не спал от радости. Теперь объявил всем, что начал писать римскую историю. «Я показал план ее, – говорит он, – моему другу Шатобриану, который от него в восхищении». Шатобриан – сочинитель книги «Гений христианства» и при французской миссии в Риме.

Александр. Неаполь, 11 октября 1803 года

Бонапарт хочет мир творить, а между тем везде разбойничает: приказал, чтобы первого португальского министра не только сменили, а выгнали в 24 часа из Лиссабона, что и учинено; то же требует, чтобы учинили и с принцем де ла Паче в Испании, и, верно, исполнят. Много раз уж требовано отдаление Актона (Карпов его называет думным дьяком), и, может быть, возобновятся требования. Его величество очень печален с некоторого времени; намедни на балу не смеялся и рано изволил ретироваться. В субботу именины вашей императрицы [Марии Терезии Сицилийской], и здесь опять бал в Фаворите. Наши, русские, будут: надеюсь, что будет веселее прошедшего.

Александр. Неаполь, 1 ноября 1803 года

Княгиня Голицына потащила меня с собою в малое ее путешествие вокруг Неаполя, которое продолжалось 8 дней. Мы начали городком Кастелламаре, потом были в Сорренто, где ели славных телят, Ввело, где гробница Филангьери, писателя новых времен; в Сорренто видели дом Тассо; в Капри прожили мы три дня. Сей остров наполнен древностями, и недавно вырыли множество комнат Тибериева дворца, в землю зарытого; 23 грота, один другого чудеснее, заслуживают также внимания любопытных. Княгиня покупает паркет, найденный в одном древнем здании, он сделан из мраморов разного цвета, мозаикою. Из Капри пустились в Искию (остров), где дурное время и буря продержали нас три дня; потом видели Прочиду, Кар-де-Мизене и порт, Неронову тюрьму, Писсина амирабиле и проч., одним словом, все, что заключается примечательного в Байском заливе и городе Пуццоли.

С женщиною, как Голицына, такой вояж не мог не быть приятен. Нас было только трое: она, Рихтер и я, и мы время провели преславно, ели плотно, лазили по горам, спали крепко, по вечерам обыкновенно читали дон Метастазия. В Капри чуть я над своею головушкою не напроказил. Вообрази, что в темноте, не видя, что за мною нет ни перил, ни забора, а вместо того пропасть, начал я пятить осла моего назад; он осадил, я – еще, и до того, что задние ноги его поскользнулись. Он потерял равновесие, и я с моим ослом совсем упал вниз, по крайней мере сажени четыре, по счастью – в сад не на дерево, не на камень, но на мягкую нововспаханную землю, так что ни малейшего вреда себе не причинил. Княгиня видела кувырколлегию и упала в обморок. Я, упав, только очень испугался, но, собрав тотчас силы, дабы успокоить всех, которые по темноте не могли знать, что со

мною делается, побежал наверх; никто поверить не мог, как я цел остался; подлинно, Бог хотел меня спасти от неминуемого несчастья. Дома нашел я, что рука оцараплена и левая нога несколько ушиблена, но на другой день почти и следов не было. Надобно было видеть суету всех: кто кричит, что надобно мне кровь пустить, кто пластырь советует, кто спирт, но, слава Богу, без всего обошелся, зато набрался ума для переду и осторожности. Приезжаю в Пуццоли, мой Антоний на берегу почти плачет: ему сказали в Неаполе, и все почти говорили, что я плечо себе изломал; его привязанность ко мне меня, право, тронула.

История Маркова в Париже с господином Наполеоном вам, верно, известна, и вам, я чаю, прислали дерзкий бюллетень, в котором все сие описано фальшивыми и мерзкими красками. Какие-то будут сего следствия? Мы бы сим господам отвечали как должно, ежели бы знали, откуда подлинно прислано. Я думаю, что Марков, будучи умен, женирует тамошнее министерство, и что хотят избавиться от него; один он нос подымает, все его товарищи не иное что, как твари первого консула.

Третьего дня приехал сюда майор Энгельгардт; он говорит, что был в Вене, когда был великий князь Константин Павлович, и что тебя видел много раз; он путешествовал с князем Борисом Степановичем Куракиным. Их разбили воры между Болоньей и Флоренцией в горах, 14 человек на них напали; человек Энгельгардта выстрелил из двух пистолетов и за то был убит пулею, которая пролетела чрез все туловище, самого же барина прикатали до полусмерти. У Куракина отняли на 40 000, у Энгельгардта – 9000, – вот что он мне сам сказал; ежели солгал, то и я. Куракин теперь во Флоренции, шьет себе рубахи и платье, ибо все было отнято. Какова земелька? Какова наша Италия?

Всему, сказанному Энгельгардтом, я не верю, и он час от часу делается подозрительнее. Рассуди: только что приехал, сегодня уже едет опять в Рим. Зачем же сюда приезжал? Просил денег у Карпова, сей отказал натурально; говорит, что он кавалер Св. Георгия 2-го класса (каково?), что адъютант государя, что путешествует по его приказанию и на его счет. Сегодня вызывал меня почти на поединок, жаловался Карпову на меня, что я сомневаюсь в том, что он говорит. Я ему повторил, еще раз повторил ясно при Карпове, что он не может иметь Георгия 2-го класса и, верно, не имеет. Он говорит Карпову: «Господин Булгаков вчера со мною грубо разговаривал». Карпов: «Сударь, я вчера был все время со всеми вами, как же я сего не слышал?» Энгельгардт: «Вы тогда выходили». Я перебил речь, говоря: «Господин Энгельгардт, ежели я вам вчера сказал вещи

неприятные, вы должны, как честный человек, прежде всего не отвечать мне в том же тоне и не приходить сегодня жаловаться на меня». Он сбился, отвечал: «Да нет, вчера, конечно, это было пустяки; но вы сказали, что я авантюрист, и мне об этом донесли». – «Кто?» – «Не могу вам этого сказать». – «Нет, сударь, вы должны это сказать, я этого требую», – сказал Карпов. Энгельгардт тут видел, что плохо дело, и сослался на слугу одного курляндца, барона Ропа, который вчера уехал, – говоря, что он это ему открыл.

Теперь я спрашиваю, какого барыша мог ждать от сего доноса человек? Меня замарать не мог он и не имел прибыли, зная, что все откроется и падет на его спину; какой же интерес имел он подслужиться Энгельгардту, которого сроду и в глаза не знает? Стало быть, все ложь; но поведение Энгельгардта не может поместиться ни в чьей голове. Приехал сюда, зачем – сам не знает, только что приехал, на другой день почти едет, и говорит, что хочет драться с бароном Ропом, потому что он виноват, а не я, который известен ему по моей фамилии, честности и проч. Не чепуха ли это все? Если бы тебе рассказать все его слова, не было бы конца.

Говорит, что приехал из Парижа, – Воронцова два года там жила и не слыхала о нем. Говорит, что 20 раз был у Бонапарта, который его ласкал очень, и что сие было помещено в газетах даже. Отец его, говорит, генерал-губернатор в Полоцке; мы показали ему в календаре, что Полоцк уездный город. Слава Богу, что мы избавляемся от такого сокровища. Я тебя обо всем предупреждаю: неравно поедет он в Вену. Он толст, мал ростом, лицо большое, рябое, говорит дурно по-французски и по-русски не очень хорошо. Я сейчас послал ему записку, требуя решительный ответ, кто именно сказал – камердинер или лакей Ропа, потому что последний остался здесь, в Неаполе, будучи его местным лакеем. Энгельгардт велел мне сказать, что сам прежде отъезда ко мне будет, и, верно, вместо того сегодня ночью улизнет. Теперь поехал к нашему агенту Манзо просить денег. Сию минуту узнал, что он уехал, и неизвестно – куда. Вот и конец комедии.

Александр. Неаполь, 8 ноября 1803 года

Мой поединок с Энгельгардтом кончился тем, что он, видно, спятя и труся Карпова, улизнул. Прочти всю историю в моем письме к батюшке; я не хотел умолчать, ибо могло бы до него дойти, и он, видя, что я все сие умалчиваю, подумал бы, что есть что-нибудь для меня неприятное. Видно, Кассини почувствовал свою ошибку, что он взял теперь в Риме Энгельгардта под караул;

теперь откроется, что он за человек.

В Риме Хитров, путешествующий по комиссии императора, и сюда будет.

Александр. Неаполь, 13 ноября 1803 года

Новая моя квартира возле дома, где жил французский посол, возле Гран Бретанья, где ты бывал у Гагариных, на противолежащем берегу Позилипа, то есть мы Вилла Реале видим не в ширину, как Гагарины, но во всю длину; понимаешь ли? Местоположение славное, воздух чист. У Карпова три комнаты, у меня две, обе на улицу и море, две комнаты общие, у людей также свои; одним словом, живем мы, как цари, и занимаем весь этаж; но зато я плачу 25 дукатов, а Карпов – 45. Мой кабинет славный, уютен, и всякий угол чем-нибудь да занят: две полки книг, стол для письма, бюро с платьем, канапе для гостей, большие вольтеровы кресла, подаренные принцессой Гессенской и в кои кидаюсь, чтобы читать или спать иной раз под вечер. В другой комнате сплю, фортепианирую, чешусь и проч.

Жаль Долгорукова, генерал-адъютанта. Брат его, бывший здесь, князь Михайло Петрович, любил его очень и часто ко мне из Флоренции пишет. Предобрый малый! В последнем письме говорит мне между прочим: «Вы говорите мне о г-не Энгельгардте; как мне досадно, милый мой, что вы не угостили его хорошенькою палкою. Этот чудак представлялся мне князем Куракиным, морским офицером и кавалером креста Св. Георгия, беспрестанно говорил о своем дяде, князе Александре Куракине; да это просто-напросто мошенник». Вот подтверждение, что Энгельгардт плут; жаль подлинно, что я его не приколотил; впрочем, не было за что! Слышу, что Кассини его прижал в Риме, видя, что сделал глупость, дав ему паспорт.

Слухам о мире верить не надобно, нет сомнения, что десант состоится. Посол французский говорил мне вчера, что ждет с нетерпением курьера из Парижа. Присланиe сюда главного французского генерала Монришара из ганноверской армии заставляет думать, что войска их, сие королевство занимающие, имеют какое-либо важное препоручение; но нельзя угадать, что это. Полагать не можно покушения на Сицилию, разве на Морею. Двор довольно беспокоится, войска сии переменили свои позиции в Пулии, и все их жены отправлены в северную часть Италии. Мадам Сен-Сир даже тоже оставила мужа и в Риме сказала одной приятельнице, что уехала поскорее из Неаполитанских областей, не дожидаясь там свалки. Это останется между нами; скажи, однако ж, сие Анстету, которому, может быть, написать не успею. Известно заподлинно, что в Тулоне готова к выходу эскадра, 9

военных кораблей, фрегат и проч. с народом; может быть, сия эскадра имеет какую-нибудь связь со здешними войсками.

Кассини мне пишет, что сюда в Рим будут: мать 1-го консула, Иосиф, ее сын, со вдовою мадам Леклерк, идущею замуж за принца Боргезе. Анекдот: ты знаешь, что в Риме Канова работает статую Бонапарта, представляющую его нагого с земным шаром в одной руке и шпагою в другой. Покойный лорд Бристоль, придя к Канове и рассматривая статую (тогда много говорили о десанте), сказал скульптору: «Мой милый Канова, я сделаю вам два замечания: сей земной шар, который положили вы в руку, слишком мал, чтобы содержать Англию, и потом вы сделали Бонапарту слишком маленькую задницу для человека, побывавшего в Египте и Италии».

Сегодня был у Скавронской по случаю свадьбы мамзель Жермини (ее фаворитки) с одним морским офицером, месье Превилем.

Александр. Неаполь, 6 декабря 1803 года

Ты знаешь, что здесь Протасова [камер-фрейлина Екатерины II, графиня Анна Степановна], особа пречванная; в претензии, что мы все, русские, не ходим к ней на поклон; говорит: эти господа любили графиню Воронцову и Голицыну, а меня не жалуют; беспрестанно напоминает, что была в милости Екатерины II. «Мое имя всем известно», – есть конец всех ее песен, жалуется на Ханыкова из Дрездена и проч. Племянницы не хороши и ни рыба ни мясо. Один итальянец нас очень насмешил намедни, говорит: «Это приехала мадам Прокачьов с двумя племянницами». Ты знаешь, что по-итальянски «прокачьо» – большая фура для перевоза тяжелой почты, а Протасова претолстая баба и дурна лицом. Вчера Скавронская давала ей бал, довольно было весело.

1804 год

Александр. Неаполь, 3 января 1804 года

На Кассини все русские в Риме жалуются. Он допустил по прихотям кардинала Феша посадить в Сен-Анж господина дю Вернега, натурализованного русским и пользующегося пенсиею от нас, ни за что ни про что, за то, что Вернет был прежде агентом дюка дю Берри, от коего найдены у него старые письма. Папа послал курьера в Петербург. Смотря по тому, как сие дело представят и как примут у нас, это может иметь худые следствия. Известно, что Кассини слепо предан римскому правлению, дабы держаться на своем посту. Он довольно это доказал в деле, которое имел с Карповым в Риме.

Люсьен Бонапарт впал в немилость к своему брату, от коего получил повеление выехать из Франции и вояжировать по Италии. Первый консул и Фешом недоволен и пришлет ему наставника.

Александр. Неаполь, 20 февраля 1804 года

Панины очень милостивы ко мне. Двор принял их отменно хорошо, сегодня обедали у королевы; но все это, мне кажется, по расчету. Мне все советуют перейти в Вену; зачем бы нет? Но больно бы мне было иметь над тобою в чем-нибудь выгоды и отнять у тебя следующее твое награждение, хотя и знаю, что по любви нашей все у нас общее и счастие одного составляет счастие другого. Доходцы бы наши, слив вместе, составили почетный ревеню, с которым славно бы можно жить. Не хотелось бы мне, однако, потерять 400, выслуженные не протекцией, но службою; вот пятый год, что мы бьемся. Что делать? Придет воли Божией час…

Я два года один здесь все делаю, а другой, лежа на боку, тысячи более получает. Свечину дали 1000 рублей пенсии.

Я за этого скота здесь работал; теперь ему пенсия за то, что закон переменил. Бог с ним, оставим важные мои претензии; батюшка нам часто говорил, что в наши лета не был тем, чем мы, а ты знаешь, нам далеко тягаться; счастливы бы были хоть душою с ним равняться, ежели не умом. Я нечувствительно из письма сделал процесс и предику; впрочем, что ж? Великий пост кстати!

Александр. Неаполь, 27 февраля 1804 года

У нас здесь знаешь кто? Тот принчик Мекленбургский, которого мы часто в Москве у Пушкиных видали, который

мазурку танцевал и проч. Не знаю, откуда взялась престрашная дружба ко мне, но не отстает. Сегодня приехал сюда князь Боргезе, что женат на Бонапартше, один: жена в Риме осталась. Вся морская неапольская сила скоро выйдет в Сицилию для всякого случая, для защиты от Барбаресков или других неприятелей, кои могли покуситься на Сицилию. Вся эскадра будет состоять из одного 50-пушечного корабля, четырех фрегатов и четырех корветов. Командование дано графу Турну, управляющему морским департаментом. К находящимся здесь французским войскам прибавляется еще сот до четырех и довольно артиллерии; она уж в марше к Пулии и третьего дня ночевала в Капуе. Это немало беспокоит двор, коего издержки и боязнь сим умножаются. Надобно ожидать какую-либо экспедицию, ибо войска французские в сем королевстве запасаются сухарями и другими провизиями.

Александр. Неаполь, 6 марта 1804 года

Иду к Панину: что-то писать дать хотел. Спасибо за все новости, тобою сообщаемые; я сдал списочек оным, который дал Панину. Предупреждаю тебя и Анстета, что Актон дней через пять отправляет курьера в Петербург; но как сие отправление может замешкаться, то успеете вы, может быть, кое-что приуготовить к проезду его через Вену. Сюда приехал курьер из Парижа, привез пребольшой пакет к Карпову от Убри; что ж вышло? Чепцы для графини Паниной!

В Париже делается большая кутерьма. Приехавший туда скрытно Пишегрю был схвачен. Открыт заговор, в котором замешан Моро и проч.

Я должен быть сегодня на русском обеде у Скавронской и на концерте, который дается для Паниных княгиней Караманики. Я только что окончил труды свои для Панина; он мне диктовал несколько писем, удалось заслужить его апробацию; теперь за Карпова работу примусь.

Александр. Неаполь, 12 марта 1804 года

Часто бываю у Паниных, и граф заставлял меня часто у себя работать, писал несколько писем под его диктовку по-французски, он был доволен мною и очень ласков; ежели всегда таков, то счастием бы почел быть его подчиненным; кажется, хорошо к нам расположен, говорит часто о батюшке, тебе и проч. Он думает быть в Страстную неделю в Риме. Не худо заставить им себя заметить: пригодится всегда, может вспомнить и сделать счастие нашего брата. Графа здесь очень угощали, король, королева и бояры. На той неделе едет он с королем на охоту.

Александр. Неаполь, 27 марта 1804 года

Скоро будет сюда Пален, бывший при Парижской миссии и путешествующий теперь. Он во Флоренции. Вернегово дело не так много шума произвело в Петербурге, как многие думали. Государь требует доказательств вины его, подавшей повод к его заключению в крепости Св. Ангела. Кассини отвертелся счастливо в сем деле. Все думают, что неминуемая участь английского короля произведет великую перемену в делах Европы[10].

Александр. Неаполь, 2 апреля 1804 года

Страстная неделя здесь как карнавал: весь город на улицах и бегает по церквам; ни одной кареты не видать, потому что запрещены; даже королева и вся фамилия пехтурою дули все в черном платье. Двор препровождаем всеми придворными чиновниками и офицерами всех полков, гвардейского полку отряд напереди и сзади и играет печальный марш в миноре. Здесь Святая неделя совсем не так торжественна, как у нас, где всякий камень, кажется, радуется.

Александр. Неаполь, 10 апреля 1804 года

Часто ли бываешь у Голицыной? Не правда ли, что она немного на княгиню Гагарину похожа? Я не мог никак к ней привязаться: она слишком необыкновенна, и ее тронуть можно только вещьми и поступками чрезвычайными. Я полагаю, что ее сердце холодно и нечувствительно, а голова немного в беспорядке, или, лучше, как говорят, экзальтированна, но хороша, умна и любезна, отчаянная особа. Воронцова – женщина, достойная почтения всех; сын ее предобренький мальчик. Письмо к нему отдай Голицыной, ежели думаешь, что Воронцова не будет в Вену. Это письмо о ящиках, кои графиня Воронцова здесь оставила и кои г-н Карпов отправил в Петербург с Панделли.

Вчера выпустили здесь тревогу, что французы идут в Неаполь; это совсем неосновательно, равно как и вести, что в Корфу прибыли новые от нас войска; мы о сем никакого сведения не имели еще. Удивительно, что пришедшее из Занта в 6 дней судно то же подтверждает. Двор сей год совсем не едет в Казерту. Здесь все говорят, что у вас война с французами, кои потребовали высылку из Германии всех эмигрантов.

Александр. Неаполь, 24 апреля 1804 года

У меня все идет помаленьку, но я также любезничаю с полячкой, у которой бедный муж очень болен, а с нею я всякий день гуляю в саду, который от нас очень близко и где никто нас

не видит; но из сего не делай заключений: я бы сам сказал.

Напрасно ты не бываешь у Голицыной; я очень тебя ей рекомендовал и предупредил, что ты немного дик вначале; она тебя уже здесь знала по портрету твоему, коим всякий день утешаюсь. Мы с нею были довольно дружны, и я никогда не забуду поездку нашу в Капри, Искию и проч. Напомни ей мою кувырколлегию, скучного г-на Хитрова, устрицы, которые препарировал, нерешимость, ехать ли в Неаполь назад по страшной непогоде, чтение Метастазия, поездку на ослах и проч. Все сие воспоминаю с восхищением. Ни о ком мы столь не сожалели, как о Голицыной и Воронцовой.

Александр. Неаполь, 1 мая 1804 года

Здесь глазная боль неизбежна из-за ужасного солнца, белой мостовой, домов и неба. Я ничем никогда не лечусь; пробуду в комнате, где нет большого света, – тотчас в два дня все проходит.

Сто раз спасибо, что посылают нам Татищева, а Пинию пишут противное, а что Куракина опять на старое место – это вздор! То-то бы хорошо, кабы Панина. Скавронская очень обрадовалась, узнав, что ее посылка в Дрезден дошла, и велела тебя поблагодарить и пригласила сегодня к себе на бал; это очень некстати: почтовый день, и дела очень много. Ты не поверишь, как мы заняты: всякую почту получаем пакеты от двора с предписаниями. Император оказал милость всем грекам: здесь будет построена православная греческая церковь. По сие время была все униатская, зависевшая от папы, и служба шла по-гречески. Мы построим церковь во имя св. Александра, тогда-то пойдет у нас богомолье, говенье и проч.; тогда-то, нагрешив в Вене, приезжай спасаться в Неаполь к нам.

Александр. Неаполь, 7 мая 1804 года

Воронцова милая и добрая женщина; она, может быть, первая, которая заставила себя здесь любить иностранцев и итальянок, ибо у первых дурацкий манер с последними не знаться, и ты знаешь, что Скавронская их не принимает.

Сходство наше, должно быть, велико, ибо Никольский, поляк, долго бывший в Вене, в прошлый карнавал, увидев меня у Скавронской на балу, спросил, давно ли я из Вены приехал, приняв меня за тебя. Странная фигура! Помнишь ли ты его? Каково делает па д'экосез! Наскажи пропасть учтивостей от меня Воронцовой, а Ванише[11] буду писать; все итальянки по ней плачут.

Сюда прибыл на днях английский 80-пушечный корабль «Кент», на оном двое русских мичманов, кои волонтерами служат.

Всех наших, русских, у Нельсона с семнадцать и разделены по два на каждом судне. Сии два предобрые малые, Меллер и Авинов. Я, узнав, тотчас поехал к ним на корабль, и они отменно мне обрадовались; послезавтра с нами обедают.

Актон прервал всякое сношение с французским послом вот по какому поводу. Алькье требовал арестования всех англичан здесь; генерал отказал, говоря, что то же бы сделал, ежели бы английский посол Эллиот потребовал арестования французов, и что англичане не учинили ничего противного неапольскому правительству. Посол упрекал генерала в его преданности к Англии и проч. Наконец оба очень разгорячились, и Актон объявил, что более не будет с ним трактовать, что его угроз пожаловаться первому консулу он не боится, и проч. Алькье в сердцах послал нарочного в Портичи к королю с жалобами; но его величество отвечал, что он не принимает нот от министров чужестранных и с оными не трактует, а что есть у него на это министр иностранных дел. Посол отправил немедленно курьера в Париж с жалобами, и ответ им, как и здешним двором, ожидается с нетерпением. Между тем выбран Мишру для конференции с французским послом. Сие дело может иметь важные следствия. Актон, надо думать, слетит; но люблю за то, что много показал духу, будучи министром кавалка[12] земли, тогда как великие державы ползают перед Бонапартием. Я бы все это не написал, ежели бы не удобная оказия, и это останется между нами.

Несчастный кавалер Вернет, давно уж заключенный в Риме в крепость Св. Ангела, 2-го сего месяца был папою предан французам; смерть неизбежная есть его перспектива. Несмотря на столь дерзкий поступок, Кассини ездил после того к папскому министру Гонзальви, имел с ним конференцию, даже был у папы, и только 6-го должен был выехать из Рима, а может быть, и еще там. Его слабое поведение в начале сего дела есть причиною гибели несчастного Вернега; ты знаешь, что он русский подданный.

Люсьен Бонапарт прибыл в Рим; он, говорят, с братом в ссоре, ибо хотел противиться и уговаривал его не расстреливать дюка д'Энгиена. Консул в ссоре с женою по той же причине. Много говорят здесь, что король едет в Сицилию; ежели последует министерство, то и нам придется туда ехать, но все это еще не верно, и дай Бог, чтоб это не сбылось: переписка наша много пострадает от сего.

Александр. Неаполь, 13 мая 1804 года

Меллер и Авинов, находящиеся на английском корабле волонтерами, добрые малые; я их везде таскаю; теперь повезу по

театрам, будем ездить гулять верхом и проч. Я очень им рад; только 10 месяцев, что они из России; можешь представить, сколько вопросов им делаю о всем.

Теперь Актон потребовал быть уволенным от конференции с чужестранными министрами, и полученною третьего дня от министерства нотою дано дипломатическому корпусу знать, что кавалер Мишру определен директором департамента иностранных дел и что к нему должно адресоваться по всем делам между Неаполем и другими державами. Сим отдалением генерала Актона, я думаю, хотели предупредить французов, которые, верно, потребуют, чтоб Актон был отрешен от дел. Двор с великим нетерпением ожидает возвращения курьера, посланного в Париж. Алькье, как говорят, также писал, прося отзыва своего отсюда.

Кассини едет, говорят, в Триест, где будет ждать повелений двора; теперь он в Ливорно. В прочем вестей у нас никаких нет. Все, что о Франции говорят, давно должно быть вам известно.

Прекрасная погода наконец началась у нас. Эллиот едет в загородный дом в Портичи, где мы будем отменно веселиться. Дня на два буду туда забираться. Поутру будем ездить верхом, потом купаться, там плотно есть, один алагер после обеда, там опять гулять; ввечеру партия в вист – веселее нельзя провести дня. Поеду в субботу, останусь воскресенье, а понедельник рано опять в Неаполь. Эти прогулки мы проделаем с дамами. Кабы ты видел, какие дети прекрасные у Эллиота, такие настоящие англоманы. Один похож на нашего императора.

Александр. Неаполь, 22 мая 1804 года

У нас здесь большие тучи начинают накопляться. Актон с последней конференции, которую имел с французским послом, так разгорячился, что, встав со стула, показал ему, *где Бог и где двери.* Алькье взбешен от этого и ждет из Парижа ответа на жалобы свои; подробности ссоры тебе я описал уже. Сию минуту нам говорят, что вышел королевский указ, коим Актон, ради слабости здоровья и в уважение столь часто повторенной им просьбы, отставлен от всех дел совершенно, и за примерную его и долголетнюю службу пожалованы земли в Сицилии, приносящие 30 000 дукатов годового дохода. Генерал, видно, предвидел (и резонно), что Бонапарт потребует его отдаления, как то сделал с первым министром в Португалии, и для того почел за нужное его предупредить.

Неаполитанский военный 74-пушечный корабль готов и стоит на рейде. Генерал Актон на оном отправляется в Палермо. Вот что весь город говорит: отдаление Актона сделает во всем

величайшую перемену. Курьер, которого ждут из Парижа, решит некоторым образом судьбу здешнего королевства. Посол уже теперь очень досадительные употребляет выражения: говорит, что имеет от Бонапарта повеление объявить королю войну, ежели он не согласится на некоторые требования, и особливо на отдаление Актона. Ежели курьер привезет печальные известия, король, вероятно, удалится в Сицилию, оставив королеву здесь или наследного принца.

Александр. Неаполь, 7 июня 1804 года

Вручитель сего письма есть месье Борель, секретарь нашего здесь агента коммерции г-на Манзо, по коего делам он едет в Петербург. Сия хорошая оказия доставляет мне случай вольно с тобою говорить. После Актонова отдаления здесь начинает заводиться каша: французы господствуют, и число их в сей столице каждый день умножается. Королева всем теперь ворочает, и нет сомнения, что она главною причиною падения Актона, коего сила и кредит у короля возбуждали ее ревность; она тем более теперь командует, что король ни во что входить не хочет и никогда в столице не бывает. Того и гляди, что уедет в Сицилию, оставив всю фамилию здесь и министерство.

Ежели мы поссоримся с Бонапартом, то худо Неаполю. Он только и поддерживал себя нашим покровительством и в случае разрыва сделается первой жертвою Франции. Кажется, к тому дело начинает клониться. Посол их очень грубо здесь начинает обходиться, требовать некоторые важные крепости, яко Капую, Гаету и проч., уменьшение войск здешних, даже запрещает, чтобы были учения и маневры. В случае несчастья, не знаю, куда Карпов удалится; я уверен, что в Корфу не поедет, а я все силы употреблю убедить его ехать в Вену; ежели не захочет жить в Триесте, я к тебе приеду, но всего вероятнее, что поедет в Петербург. Этого, пожалуй, не говори никому; мы от этого не так-то далеко, но верно никто себе того не воображает. Сицилия не уцелеет также, и ежели французы займут Неаполь, то англичане не отстанут и тотчас завладеют Сицилией, где жители их любят отменно и примут без малейшего сопротивления.

Каков тебе кажется новый император? Мне кажется, я бы решился скорее поцеловать жену русского мужика, чем сказать Бонапарту: ваше величество. Что за народ эти французы! Проливали кровь более десяти лет, чтоб основать вольность свою, а теперь будут оную лить за чужестранца, бог знает откуда пришедшего и заставившего дать себе самодержавную власть, потерянную законным королем на эшафоте. Это, право, непонятно. Французы унижают род человеческий. Но г-н

Бонапарт поторопился слишком; боюсь, что это ему шею сломит: фанатики еще не истреблены во Франции.

Александр. Неаполь, 8 июня 1804 года

Вручитель сего письма поляк Лозинский – наш подданный, взятый французами в плен в Италии и бежавший от них теперь. Мы хотели его отправить в Корфу; но, к его несчастью, был он бог знает за что изувечен одним неаполитанским солдатом на всю свою жизнь. Ты знаешь, что неаполитанцы очень храбры против тех, которые без всякой обороны. Борель из человеколюбия взял его с собою, дабы доставить в Каменец-Подольск, где его отец и вся родня. Ежели он Бореля оставит в Вене, то постарайся доставить ему способ попасть как-нибудь в свою отчизну. Жаль сего бедного, несчастного. Рассуди, что мы по сю пору не можем добиться наказания виновного. Лозинский сам расскажет тебе подробно все свое приключение несчастное.

Александр. Неаполь, 9 июня 1804 года

Королева вчера прислала просить Карпова отправить, не теряя времени, курьера в Петербург, а как у нас большая часть экспедиции была готова, то и согласились на просьбу ее. Я одиннадцать часов не выходил из канцелярии, всю эту ночь прописал: хотя устал как собака, не хочу, чтобы Артемьев явился к тебе с пустыми руками; он у нас стоял во все время, что был в Неаполе, и расскажет тебе, что мы делаем, как веселимся и как скучаем. Не знаю, что приспичило так королеве: то и дело отправляет теперь курьеров.

По случаю беспрестанных грабежей курьеров французами, кои отнимают у них депеши, послали мы фельдъегеря морем до Триеста. Французский посол объявил Бонапартово императорство и ждет новых кредитивов. Здешний двор признает сей новый титул и на днях сих отправит курьера в Париж с новыми кредитивными письмами и инструкциями к своему послу. Что скажет ваш император [Франц II]? Господство французов начинает здесь несколько чувствоваться, и надобно думать, что скоро потребуют, чтобы неапольские порты были англичанам заперты. Им уже делают маленькие шиканы. Казначею их, плативщему здесь пенсии различным эмигрантам и проч., внушено выехать из Неаполя, и он удалился. Находящемуся здесь английскому военному кораблю не хотели было давать нужных для пропитания провизий и тому подобное. На ссору французского здесь посла с Актоном первый консул сказал: «Что это сия маленькая, ничтожная держава забрала себе в голову? Но теперь не время о сем говорить», – и подлинно знают, что он

никогда не велел требовать удаления Актона и что все угрозы объявить войну и проч. французским послом выдуманы для лучшего успеха в намерении его опрокинуть Актона, что и удалось. Ежели неосновательные слухи о восстановлении сего министра не оправдаются, то можно полагать, что король поедет в Сицилию.

Александр. Неаполь, 14 июня 1804 года

Карпов все болен и очень еще слаб, смесь всяких болезней, между прочим и Гришина; но чур молчать! Он даже не может подписываться, так рука трясется, и теперь я пишу от себя к Чарторыжскому и веду именем Карпова все прочие переписки. Оно так, ничего. Прошу ко мне относиться с почтением, забыть, что я ваш братец, и помнить, что я полномочный и чрезвычайный канцелярский служитель.

Александр. Неаполь, 3 июля 1804 года

Король намедни аплодировал Болье и сим переклонил на его сторону малую часть упрямцев, коим он не нравился. Он танцевал па-де-де с Тарабатони и делал Зефира бесподобно. Между тем здесь не все бесподобно. На той неделе мальчик восемнадцати лет зарезал родного брата и отца. Я хотел идти смотреть, как будут его вешать, но ужаснулся одною мыслию видеть такого изверга. Другой, с ним повешенный, зарезал в самой тюрьме двух человек. Каков наш Неаполь? Невероятно, до какой степени дошли здесь пороки и развращение. В Риме папа принужден был в Св. Петре велеть ставить во всех углах часовых, ибо в Страстную неделю, когда церковь иллюминована одним только огненным крестом, поставленным в середине, по углам римлянки со своими кавалерами-servente делали спокойно свои дела.

Александр. Неаполь, 7 июля 1804 года

Знаешь, в котором часу я лег спать? В четыре часа утра. Вчера был бал на английском корабле и, может быть, теперь еще продолжается. Я поехал оттуда в половине четвертого, когда все садились ужинать. Там были все неаполитанские содержанки, и любо было смотреть, как английские мичманы их дергали и на свой манер настраивали. Корабль так был славно убран, что походил совершенно на галерею лучшего дворца, тем более, что не было качки. Завтра капитан звал к себе множество обедать, и мы на его 80-пушечном корабле поедем кататься вокруг Капри, и ежели попадется француз, то и сражение дадим. Капитан покажет нам все маневры и проч. Он очень любезен и попросту, без затей.

Александр. Неаполь, 12 июля 1804 года

Правду ты говоришь, что Неаполь мерзкая земля, и лучше, кабы от нее отвязаться как-нибудь. Нет сомнения, что, ежели случится ехать курьером, непременно поеду морем до Триеста и сяду на корабль в Манфредонии; но неуповательно, чтоб меня послали. Я так привык теперь к главноначальству, что не знаю, как после исправлять подьяческую должность. С тобою могу я говорить откровенно. Я уверен, что моими донесениями будут довольны: теперешние обстоятельства делают их интересными и полезными для нас. Мне незачем спешить; принимаюсь день заранее и хорошенько всякую фразу обдумываю, прежде чем ее написать. Сегодня пошло донесение в цифрах. Карпов все еще в постели и, покуда не можно ему будет сидеть за столом, сказал, что все оставит на моих руках: это продолжится, я думаю, недели две-три. Любезного Тургенева жду с нетерпением, но без слез нельзя мне будет его обнять: какую мы потерю сделали в бесценном нашем Андрее! Помнишь, как мы, бывало, в Вене проводили вместе вечера, как он иной раз сердился, тогда как сердце его, кроме добра, никому ничего не желало; жаль мне очень бедного Андрея.

Я так теперь стеснен, что не могу взять к себе Александра, но ежели найду новую квартиру, какую мне хочется, то непременно к себе его втащу. Кланяйся ему много от меня. Помнишь, как Андрей дьяконом певал[13]? Все сии воспоминания очень грустны. Мой поклон al bambino, al picco-lino, так называли принчика Мекленбургского в Риме. Каков тебе кажется другой Стрелицкий? Всякое сухое дерево здесь приводило его в восхищение, всем восхищался; такой сладенький! Мы всякий день вместе бывали.

Александр. Неаполь, 7 августа 1804 года

Самозванец писал к папе длинное письмо, приглашая его в Париж для коронования. Папа согласен на это под тремя кондициями: 1) что католическая религия будет единственной и главенствующей во Франции; 2) что он должен быть признан первыми европейскими державами; 3) что он подчинится клятве, делавшейся другими императорами предыдущим папам, а именно клятве Карла Великого, копию коей папа ему посылает. Все боятся, ежели папа поедет в Париж, что ему назад не воротиться: легко статься может, что Бонапарт, из благодарности за коронование, отымет у папы Рим и даст ему Авиньон столицею; от него всего ждать можно.

Александр. Неаполь, 9 августа 1804 года

Я сделал большое дурачество; спешу уведомить тебя, покуда Бароцци тебе не напишет, что Везувий меня проглотил. На той неделе был я с Паленом на самом верху горы и спускался даже несколько вниз. Ах, боже мой, какая картина! Ты себе вообразить не можешь. Совершенный ад! Каменный дождь, шум престрашный, подземельная стрельба, живое представление ада; в середине большая дыра, в нем кипят камни, лава, земля и проч. Теперь в Везувии пять отверстий, из двух выходит огонь и проч., а из прочих зола, коей все окружности горы покрыты.

Мы почти шесть часов тащились на гору, были там с четверть часа; но, видя, что ветер переменяется и дым горючий идет на нас, да притом почувствовав сильное подземельное потрясение, пустились бежать назад и в 3½ минуты сделали дорогу, которую вверх лазили. Нашему дурачеству многие последовали, но теперь опасность сделалась велика, и мало ходят на Везувий. Я слышал, что один англичанин там без вести пропал, будучи немного с похмелья. Я не могу тебе изобразить то, что видел; но это вечно останется в моей памяти. Полагают, что скоро потечет лава.

Будучи на Везувии, я взял там кусок раскаленного камня, выкинутого из нового кратера; чичероне с щипцами принес его до кареты, и шесть часов после камень был тепл. Я сохраню это как памятник дурачества моей молодости.

Александр. Неаполь, 14 августа 1804 года

Я долго старался извинить моего доносчика, полагая, что он за меня принял Карпова или Рихтера (кои русские; а здесь наших имен не знают и называют нас «синьоры московиты»); но Рихтер давно уехал, а о Карпове кто не знает, что он поверенный в делах, да притом и не моих лет. Оба они шибко играли и много проиграли. Итак, тут недоумения нет, и меня точно назвать хотели: ибо другого нет русского ни при миссии, ни в городе. Я того не скрываю, что играю, это правда. Как у Руфано всякий вечер conversazioni, где съезжаются молодые дамы из лучшего общества, бывая там довольно часто, не всегда можешь обойтиться без игры; но разница играть, как я и некоторые старухи, или другие, разоряющие себя. Сверх того, Бог – мой свидетель, что в банк я только два раза играл, раз выиграл восемь пиастров, а другой – шесть или около того проиграл; из этого ты можешь судить, какую я сильную игру веду.

Но положим, что, играя и по малой, я наделал пропасть долгов: честь моя и боязнь, чтоб не дошло это до батюшки или тебя, заставили бы меня употребить все зависящие от меня средства для уплаты долга. 1) Я бы распродал все, что имею не необходимого, клавикорды, часы и проч., 2) я бы какою-нибудь

хитрою выдумкою или под видом другой надобности выманил бы у батюшки деньги, 3) я бы прибегнул к Карпову, коего дружба ко мне бесконечна; любя сам игру и имея пречувствительное сердце, он бы легко вошел в мое несчастное состояние и избавил бы меня от поругательства и бесчестия, ежели не как друга своего, то как русского, служащего при его миссии, 4) я бы не тратил так деньги на пустяки, не посылал бы в Москву и другие места гостинцы. Наконец, сошлись на мое к тебе письмо под № 75 или 76, не помню, в коем не только прошу тебя из присланных батюшкою денег послать маменьке 60 рублей, и даже удержать для себя, ежели имеешь в том нужду, остальные деньги, кои не были мне очень надобны в эту минуту. Эти доказательства, кажется, основательны; да притом, как могу я скрыть от тебя что бы то ни было? Разве твоя душа мне не известна? Не уверен ли я, что от тебя, кроме утешения, хорошего совета и помощи, и ничего ждать не могу? В человеке, доброе сердце имеющем, всякий дурной поступок производит раскаяние, а раскаяние приятно сообщать искреннему другу; кто же мой первый друг, ежели не ты? Твое письмо меня тронуло до бесконечности.

Барощци, ежели бы не был дурак, получил бы от меня пресоленое письмо, над которым бы попотел; но я тем довольствуюсь: прервать с ним всякое сношение, яко с человеком, думающим, что дружба доказывается одними только ябедами. Но ежели узнаю имя того, который обо мне Барощци говорил, не спущу так, верно, и потребую у него сатисфакцию за оклеветание и за то, что хотел рассеять раздор в семье, столь согласной, как наша. Я батюшке буду о сем писать.

Александр. Неаполь, 16 августа 1804 года

Мы с Дамасом ладим; были вместе с принцессою Патерио на Везувии, то есть я в другой раз сделал это дурачество. Дамас взял с собою плащи, сюртуки, фуфайки, дабы не простудиться наверху. Чудак! Но спасибо, что посадил меня с нею, а сам сел в другую карету. Возвратясь, поужинали мы у «Отшельника», и я объелся до невозможности; было около пятидесяти человек всего, 5 или 6 разных обществ. У меня успех: молодая Монтелеона, вышедшая недавно замуж за Сан-Марко (графа), вздумала в меня влюбиться, и мы в театре, и где ни встретимся, смотрим друг на друга как голубки.

Александр. Неаполь, 24 августа 1804 года

Я понимаю, что у вас теперь, должно быть, недосуг, ибо теперь везде дела много. Мне все кажется, что и посольша к нам не будет, ежели заварится на сем свете каша, а в сем случае

Италия непременно сделается котлом или, лучше сказать, горшком. На вас великую все полагали надежду и очень теперь скорбят, что вы признали Бонапарта.

В прочем нового здесь ничего нет. Ожидаем с неописанным нетерпением курьера из Парижа, с известием, какой дан Убри ответ на последнее предложение нашего государя, и проч.

Я тебе уже описал проказы нашего Везувия. С 30 августа (ввечеру) начала течь лава; она делает милю в день, ибо идет очень тихо; со всем тем надобно полагать, что завтра или послезавтра она загородит дорогу в Портичи и, кажется, в море. Я ездил ее смотреть, приблизился так близко, что мог ее тростью трогать. Кажется, что не лава течет, но целая часть Везувия, с самой вершины донизу. Она множество наделала зла, покрыла множество огородов и садов, кои отважились быть на дороге.

Александр. Неаполь, 30 августа 1804 года

Я в большой тоске. Мою прекрасную Costanza муж-собака увозит в Палермо. Ты не поверишь, как она мила и как меня любит. Вчера в ложе плакала все время. Я имел с нею свидание; но как муж не отставал ни на пядь, я не мог много с нею говорить, но мы взаимно изъяснили нашу страсть многим другим, кроме слов. Она немного похожа на княгиню Елизавету Васильевну [княгиню Голицыну, двоюродную сестру братьев Булгаковых]; не так хороша, как она, но милее. Мне смертельно ее жаль, и я с досады брошу всех женщин на время, ежели не навсегда.

Я сижу в партере; как кончился па-де-де, захлопал кто-то тихонько около меня, оглянулся, вижу: это моя крошка, и улыбаясь смотрит на меня. Вот этакие вздоры делают меня счастливым надолго. Самое сладкое чувствование есть любовь взаимная между двумя особами, какого бы полу или звания они ни были. Правду говорит не помню кто: любовь для добрых то же, что ненависть для злых. Прости, иду спать, мочи нет, хочется; уж час пополуночи. Я обедал на английском корабле и от множества здравий почти пьян. Пили за короля Георга, нашего императора, за отъезд Убри из Парижа и проч. и проч., а ты знаешь, что я не хват на питье: болит немного голова.

Спасибо, что послал исправно пакет мой к Чарторыжскому, но еще более благодарю за все то, что ты мне говоришь о поездке твоей в Москву. Это меня несказанно радует: мне кажется, будто я сам еду туда, когда ты едешь. Обойми за меня нашего неоцененного татулю.

Александр. Неаполь, 4 октября 1804 года

Папа как ни отбояривался, но теперь решился к отъезду и 3 ноября отправляется во Францию для коронования самозванца, который прислал к нему своего адъютанта Кафарелли, дабы понудить его святейшество скорее решиться на сей опасный прыжок. Бонапарт объявил также в Риме, что, несмотря на желание его, ему никак нельзя не занять Анконы и Чивитавекии, по причине русских, которые в Корфу. Папа берет с собою кардиналов Антонелли, Боргио, Казелли и Депьетро, четырех прелатов, дюка Браски, принца Алтьери и маркиза Сакетти. Он публикует, что отсутствие его продолжится только три месяца; но увидим, как вырвется из рук Бонапарта, и не оставит ли перья в западне, ежели не более.

Александр. Неаполь, 18 октября 1804 года

Отъезд Панина в Россию не значит ли что-нибудь? Я сего очень желаю: мы с ним были ладно.

Вюртембергский вдруг поднялся и завтра, ежели не сегодня, едет в Рим, с обещанием быть назад, чему не верю; он все у посольши. Во дворце была толпа в этот день; сначала было скучно, но потом начали к нам выходить дамы, и моя княгинюшка меня навещала всякие полчаса. Мы очень ладно и не скрываем это ни от кого. А более люблю Хованских за то, что батюшку так утешают; нас кого-то из двух сосватали за старшую княжну. Скавронская спрашивала меня: правда ли это? Откуда взялось это? А право бы, счастие быть в подобной семье.

Слышно, что папа опять не хочет ехать в Париж. Он ко всем кардиналам писал своеручно, говоря, что критические обстоятельства понуждают его следовать воле Бонапарта, но что, ежели не возвратится через три месяца, это знаком будет, что его насильно удерживают; в таком случае слагает с себя папское достоинство и предписывает кардиналам немедленно собраться и избрать нового папу. Всем же бумагам, которые им будут подносимы после трех месяцев за скрепкою его, Пия VII, не верить, яко поддельным. По сю пору все в ожидании: поедет ли иль нет?

Александр. Неаполь, 6 ноября 1804 года

Знаешь, кто у нас? Коцебу. Был у меня, я у него. Я не нахожу его разговор ни острым, ни весьма приятным; в своих сочинениях он совсем другой. Только что приехав, пошел в театр; представляли его пьесу, как будто нарочно, «Der Opfer», что-то такое; но пьеса была худо принята. Говорив с ним о его сочинениях, я не пустился с ним по-немецки, а по-французски говорит он изрядно. Жена его здесь и брюхата.

Поздравь нас с Долгоруковой, нашей петербургскою соседкою, которая стоит ваших Тюфякиных и проч. Она очень любезна и хороша еще. 4-го был Сан-Карло иллюминован, но она ослепляла более свеч: все глаза были на нее обращены. Ее дом будет очень приятен и террасирует общество Скавронской. Zichy также сюда приехала; будут сюда скоро Головкина, Демидовы и проч., и все это на долгое житье. Лафа!

Александр. Неаполь, 14 ноября 1804 года

Здешний двор очень притесняем Бонапартом, который требует, чтобы оный объявил войну Англии. Для короля уже очищено место на английском военном корабле, который перевезет его в Сицилию. Королева хочет крепиться, сколько может, но вряд ли устоит. Посол французский с некоторого времени весьма груб, надменно здесь поговаривает, и слова его подпираемы французскою армиею, которая поставила себя на такую ногу, что в 8 часов может быть готова, чтобы идти на Неаполь. Не только наш один, но все Дамасы света не в состоянии сему помешать, ибо армия неаполитанская не существует, и за этим слишком поздно здесь хватились. Наша участь будет, следовательно, Сицилия, а может быть, и совсем нас отзовут.

Александр. Неаполь, 31 декабря 1804 года

Третьего дня в 6 часов поутру скончалась наша графиня Скавронская, следствием стечения разных болезней, а главная – рак на груди, который она таила долго даже от своего доктора; без того, может быть, могли бы ее еще спасти. Она не хотела делать ни завещания, ни духовной; люди ее должны идти почти по миру. Так не хотела умирать, что сказала доктору Томсону, несколько часов до кончины: «Никогда мне не говорите, ежели буду я, может быть, безнадежна». После смерти думала воскреснуть, потому что велела именно три дня себя не хоронить. Грустно видеть, что она умерла, не открыв перед Богом сердца своего, не перекрестясь даже. Она церкви лет десять не видела. Всякую всячину говорят на ее счет, но что нам разбирать чужие грехи: и своих довольно. Эта смерть оплакиваема многими бедняками, коим дом ее служил ежедневным пристанищем; нам дает она лишние хлопоты и переписки.

У нас пропасть теперь русских; одних офицеров с нашего корабля, из Корфу пришедшего, человек 12; между ними знаешь кто? Никогда не отгадаешь. Франц Иванович Кличка. Ты его помнишь? Он стал красавец, служит не помню в которому полку в Корфу и выпросился сюда с кораблем в отпуск.

1805 год

Александр. Неаполь, 8 января 1805 года

Третьего дня после обедни были мы все, русские, на нашем корабле. Капитан дал нам хороший завтрак, водил нас везде; слушали славных песельников, видели плясунов, как матросы обедают. Все это перенесло как будто нас в Россию, и мы все были тронуты; даже дух щей радовал нас.

Александр. Неаполь, 7 февраля 1805 года

Какая была для меня радость узнать, что ты готов ехать в Москву! Ну, милый мой и бесценный Костя, поздравляю тебя от всей души: пришла минута столь много нами желаемая. Да препроводит тебя Господь Бог в путешествии твоем! Наслаждайся удовольствием, коего три года ты был лишен. Это письмо, может быть, будешь читать в Москве, сидя в твоей тепленькой конурке или у батюшки в саду; ну, где бы то ни было, все это живее приведет тебе на память того, который к тебе пишет.

Пожалуй, опиши мне подробно путешествие твое, прием князя Чарторыжского, что будет тебе говорить, ибо верно вспомнит Анстетову[14] рекомендацию; о маменьке, как ее найдешь, о прочих знакомых, а особливо также то, что узнаешь о Татищеве и о всем, до миссии нашей касающемся, о Гагариной и о тысяче пустяков, коих теперь припомнить не могу. Из Москвы также, милый брат, навещай меня как можно чаще письмами; ты можешь себе вообразить, какой они будут для меня цены.

Я следую тебя теперь воображением, а мне кажется, что ты теперь выезжаешь в Москву, что ты у Кузнецкого моста, встречаешь множество знакомых, у коих, видя тебя, лицо переменяется от радости или удивления, всякая встреча производит волнение в твоем сердце, приближаешься к Слободе[15], сердце бьется, приезжаешь в дом, батюшка на крыльце или в своей комнате, не ожидая тебя так скоро; ты входишь в его кабинет, кидаешься ему на шею, какая минута!

Любезный брат, какое удовольствие для тебя найти отца, благословляющего тебя за хорошее твое поведение, за спокойствие, за радости, кои ты доставил ему вкушать во все время твоего отсутствия! Вкушай сии плоды: ты столь их заслуживаешь.

Ежели это письмо дойдет до тебя после свидания твоего, то послужит нежным воспоминанием счастливой той минуты, в которую совершились желания твои: ежели же прежде, то

умножит, может быть, твое нетерпение. Но нет беды. Я нечувствительно предался пылкости моего воображения, а пришла охота грустить, вспомня, что не могу ни видеть, ни разделять счастья твоего. Мы здесь веселимся сколько можно, хотя и менее балов против прошлогоднешнего; редуты в С.-Карло зато гораздо веселее. Третьего дня было более 4000 масок. Я теперь большой приятель с Кауницем; он волочится за сестрой моей княгини, и дела его клеятся очень хорошо, под моим присмотром и поручительством. У нас проект теперь трактуется: все мы сядем на наш корабль и поедем гулять по Неапольскому заливу, объедем острова и поедем посмотреть Капри. Общество наше будет состоять из пяти десятков человек, всякий берет блюдо с собою.

Александр. Неаполь, 14 февраля 1805 года

Посолыие[16] пишет граф: «Милый Булгаков уехал; это меня сильно огорчает, ибо я к нему привязался, он старается», – и проч. Это должно тебе быть приятно: ты знаешь, что посол не очень щедр на комплименты подчиненным своим. Посолына уверяет, что Гриша[17] более не воротится в Вену, а Рибопьер даже вымаран из миссии вашей. Она очень грустна.

Здесь маленькая распря. Французский посол требовал, чтоб Дамаса выслали из здешнего королевства и отняли команду над армиею; не знают, как и чем сия претензия кончится. Я не делаю секрета из сего, ибо весь город о том говорит.

Линевская приехала, но я ее еще не видал. Демидова, говорят, уж в Риме и скоро будет сюда. Сегодня последний день карнавала, и я этому рад: балы у меня по горло уже. Мы с княгинею оба просим отдыха; кстати, Великий пост подходит, а я думаю говеть с Долгоруковыми, благо имеем нашего попа на корабле «Прасковея». Можно ли быть столь странною, как Головкина: поехала в Рим только за тем, чтобы провести там последние три дня карнавала, а там опять воротится. Может быть, это подложная причина, а есть другая, настоящая, которую мы не можем найти.

Александр. Неаполь, 21 февраля 1805 года

Твоя Демидова[18] отменно мне нравится: любезна, весела и, что более всего мне приятно, очень к тебе привязана. Она, Балковы[19] и Николушка живут вместе; я отменно часто у них бываю. Все здешние достопамятности очень мне известны и даже прискучили, но для них охотно все еще раз просмотрю и с ними всюду поеду в звании цицерона-чичероне. Демидова с приезда лежала больна в постели лихорадкою, теперь выздоровела и

выезжает. Мы сбирались было говеть, но теперь надобно отложить попечение, ибо бедный священник нашего корабля умер на этих днях.

Александр. Неаполь, 12 марта 1805 года

Трудно мне отвыкать от старой привычки иметь всякую неделю по два письма от тебя, но как быть? Утешаюсь мыслию, что желания твои совершились и ты в России, милый и любезный брат.

Не поверишь, как я теперь приятно разделяю время между моей княгиней с Демидовою. Сия очень мне нравится, нрава открытого и предоброго сердца; я не удивляюсь нимало, что ты ее любил, и не хулю этого: заслуживает того, время с нею не видишь как проходит; вчера пришел я к ней в 10 часов вечера и до трех часов пополуночи заболтался.

Мы были все на превеселом обеде у Кауница третьего дня, а завтра вся наша шайка, и дамы также, едем в Баю и Фузаро есть устриц, в чем я вовсе не силен, ибо терпеть их не могу. Дамас на днях едет и ждет только благополучного ветра; ему дана большая лента Св. Фердинанда, и он теперь щеголяет со звездою. Посолына очень грустна: говорят, что чрез шесть недель ворочается в Вену. Я рад, что подоспела сестра Линевская в столь нужную минуту.

Александр. Неаполь, 14 марта 1805 года

Слава Богу, ты благополучно доехал до Питера; радуюсь всем оказанным тебе ласкам и посла люблю без ума. Мы видим теперь, что он не таков, каковым большая часть его полагает. Я прочел посольше, что ты пишешь о муже, и она была тронута до слез. «Вот, – сказала она, – что выигрывают, будучи таким славным мальчиком, как ваш брат». Я тебе признаюсь, что не ожидал бы таковых доказательств привязанности посла к тебе. Не оставляй ни под каким видом его миссии: кажется, нам не должно теперь сомневаться, что тебе дадут жалованье.

Благодарю за все, что пишешь о маменьке; я бы ей послал денег с отъехавшим вчера в Петербург курьером, но, по несчастью, батюшкин вексель ко мне в 500 червонцев принужден был отослать Гумпту, ибо он адресован тебе, и платеж должен сделаться тебе, в Вене, гульденами; просил Гумпта все это устроить, несмотря на твое отсутствие. Я к маменьке пишу довольно часто, но что делать с почтою, и я об ней был в беспокойствии, а в четверг получил вдруг три письма, из коих одно 17 января, каково? Татищев едет; по твоему письму везет еще двух; не знаю, что со мною будет, но надеюсь не быть ему

бесполезным. Демидова говорит, что он был в нее влюблен. Она его встретит и скажет ему, что любит меня очень и что знаться с ним не будет, ежели я не буду его фаворит. Комиссии к знакомым в Петербурге не могу тебе давать: тебя теперь там нет, я думаю.

Ты говоришь, что многое говорят у вас, а не пишешь, что именно. Кто об нас представлял, коллегия ли, князь Чарторыжский или наши министры? Лучше бы, вместо чина, хорошее жалованье.

Я получил вдруг два письма от батюшки; он, кажется, намекает, что и моя очередь придет ехать в Москву, тогда в Вене погощу у тебя два раза хорошенько. Да и тебе из Москвы зачем спешить? Я воображаю, что ты воротишься к послу через Петербург. Мы время славно здесь препровождаем. Что за женщина эта Демидова, и как я ее худо судил, покуда только видом ее знал; право, заслуживает любовь хоть кого. Она была огорчена, что в письме твоем, которое принудила почти все прочесть ей, нет ни слова о ней. Она в больших ажитациях, ибо едет из Парижа вслед за нею какой-то испанец, кажется, Пиньателли, который влюблен в нее, и она не знает, как его принять после того, что было в Вене. Она очень к тебе привязана.

Все здешние достопамятности видел я сто раз, но ее долгом почел везде провожать. Вчера были мы в Казерте и до того доходились, что приехал я без ног в Неаполь от усталости. Как смеялись! Мы были пятеро: Демидова, Балкша, Томас, старый аббат-чичероне и я. Сколько раз тебя поминали!

Ко мне из Вены пишет какой-то чудак Ротиакоб, коего в глаза не знаю, и просит, чтобы я заставил тебя заплатить Беттере 100 гульденов и оные ему переслал. Что, я обер-полицмейстер, что ли? Скажу, как Демидова: «Нет, все это вздор».

Пожалуй, напиши мне, под секретом, все, что ты мог слышать в Петербурге о Карпове, особливо в княжеской канцелярии и пр. Когда будет Татищев, куда, думаешь, денется Карпов?

Александр. Неаполь, 21 марта 1805 года

Верно, увидишь Татищева в Москве. Что за люди с ним едут и какого они складу? Вообще все, до миссии нашей касающееся, должно меня интересовать натурально.

Мы делаемся теперь сиротами: в воскресенье уехала Долгорукова, в понедельник Балкша с мужем, в четверг едут Демидова и Головкина. Очень мне будет жаль Демидову, с которой я очень тесно подружился. Ее нельзя не любить, когда два раза только увидишь; жалуется, что многие ее ненавидят и завидуют ей. Сие заставило меня написать ей в Стамбул на одном листочке с тобою: «Вы милы, любезны, добры, чувствительны, у

вас есть завистники; будьте еще милее, любезнее, добрее, чувствительнее, и вы их поразите, а я буду наслаждаться вашим триумфом». Не знаю, отчего в России имел я от нее такое большое отвращение, а теперь люблю ее очень. Она совершенно вбила себе в голову, что ты ее забыл, как я ни уверяю ее в противном. Она говорит о тебе: «О, теперь он днем и ночью у своей красавицы Долгоруковой. Что же он находит в этом маленьком чудовище?» Жаль мне очень, что она покидает нас; провожу ее почты три, что ни с кем не делал, кроме как с Гагариными.

Александр. Неаполь, 23 марта 1805 года

Наконец возвратился ты в Москву, и все желания твои сбылись. Я, право, был тронут всем тем, что ты мне говоришь, и мне казалось, что я стою между батюшкою и тобою, что у окошка Фавст смотрит будто на термометр, дабы не показать, что плачет, глядя на наше благополучие; у кровати Александра Петровна потупила глаза на китайца, вышитого на завесах; княгиня сидит в больших красных креслах, с платком на носу, который весь покраснел; князь Сергий говорит батюшке, смотря то на одного, то на другого: «Эх, дядюшка, да вам радоваться должно, посмотрите-ка, какими воротились молодцами!» В эту минуту входит Биянки, кричит, всем кланяется, никто ему не отвечает. Эта картина так сильно представилась моему воображению, что я только тогда очнулся, что в Неаполе, как пришел Антонио с завтраком. Теперь узнал я, что можно быть счастливу мысленно; но как жаль, что это счастие есть одна только минута.

К нам едут опять много русских, то есть Демидова обратно на все лето с мужем (ладно!), князь Дондуков (бывший Корсаков) с женою Каньера, двое Яковлевых, Щербатов-драчун и не помню, кто еще. Балкша тоже сюда будет, а муж ее едет в Россию – проситься в Китай с посольством нашим. Правду ты говоришь, что редкость найти женщину, которая была бы достойна быть единым предметом человека. У меня с княгинею пречастые ссоры за проклятую ее страсть к игре, а ежели она не бросит играть, то я ее верно брошу, ибо не поверишь, как больно моему сердцу видеть молодую женщину, которую люблю, расстраивающую свое имение. Всякий день у нас ссора за это, и я так оной встревожен, печален, что болен даже бываю. Какая несчастная и неизлечимая страсть – карты! Какая наука для меня, и какую ненависть имею теперь к игре.

Как я рад, что наш бесценный Фавст не переменился нимало, что бы очень меня огорчило и охолодило бы сердце ко всякому чувствованию дружбы. Мне батюшка не писал о продаже деревни

Азанчевскому, и не знаю, сколько душ. Дай Боже, чтобы это уменьшило долг, который столь его беспокоит и о коем он столь часто упоминает. У вас Екатерина III – Пушкина[20], а мы здесь Долгорукову так называли.

Александр. Неаполь, 18 апреля 1805 года

Поверь, брат, что охоты никакой не имею быть камер-юнкером; теперь это неважно, и, право, божусь тебе, что лучше предпочту место секретаря посольства, которое есть цель всех моих желаний. Слушай! Министры наши здесь довольно часто переменяются; при отъезде всякого я бы был поверенным в делах, а наконец, привыкши быть мною довольными и произведя меня раза четыре, сделали бы и министром тем охотнее, что двор и дела неважны. Так ли? Вот план мой: с помощью Татищева надеюсь достигнуть моего желания. Тогда дам пир, и хотя не люблю вина, но по-твоему вытяну полдюжину бокалов шампанского.

Александр. Неаполь, 2 мая 1805 года

Ей-богу, больно: пишу тебе под № 119, а ты мне на 102-й только отвечал в последний раз. Спасибо тебе, что устроил дела бедного Приклонского.

Приступим теперь к Неаполю. В нем делаются страшные проказы. По случаю отъезда Бореля могу с тобою говорить без особого риска. Не знаю, известно ли тебе о несчастном случае с Щербатовым, случае тем более досадном, что он не только задевает основы права человеческого и оскорбляет Щербатова, но отражается и на всей нашей нации. В ночь с 9-го на 10-е отряд сбиров [полицейских] с офицером явились в комнату Щербатова, арестовали его, посадили в коляску и отвезли таким манером, как злоумышленника, за пределы Неаполитанского королевства, без какого-либо предварительного согласования с Карповым. Можешь вообразить, какой эффект произвел подобный способ действий на такого *ревностного* русского, каков Карпов. Он обратился с очень соленой нотою, в коей потребовал быстрейшей репарации, и такой, какая бы дала ему знать, должен ли он продолжать или прекратить исполнение своих функций при сем дворе. Вчера нам наконец отвечали другою нотою, которая может считаться шедевром пошлости и в коей одна фраза уничтожает другую. Обвинения против Щербатова таковы: он не представился при дворе, у него нашли ружье, он не носил мундира, он явился в Неаполь, чтобы бросить вызов двору своею дуэлью с Саксом, коего он убил по крайней мере не по-неаполитански, то есть сзади.

Избавлю тебя от остального и спрашиваю, может ли все это позволить трактовать иностранца как злоумышленника, и без предуведомления, ни до, ни после, его министра; ибо нам все известно через одного человека в полиции. Все это приказано королевою в возмездие за высылку из Петербурга; а ты, может быть, не знаешь, что он был ее любовником. Королю сказано все это только вчера. Мы посылаем курьера в Питер и увидим, как государь это дело примет. Арестуя Щербатова, принесли ему кошелек с деньгами, чтоб заплатить долги, ежели найдутся; но он сказал офицеру, чтоб убирался и он, и тот, кто деньги прислал, что он долги, которые умеет делать, умеет и сам платить, что придет время, что все это отомстит, написал записку Гагарину и Карпову, сел в карету, и его помчали.

Не поверишь, любезный, как у меня кровью сердце заливается от подобного скаредного поступка; не должна Россия терпеть подобные дерзости от державы, которую алжирцы заставляют себя бояться. Я, право, второй день хожу как шальной. Посолына изволит защищать сей поступок; ты можешь вообразить, какой шум мы подымаем, мы, *русские в душе*. Неаполь стал для меня гнусен, и не вижу минуты убраться. Я так откровенно всем говорю мой образ мыслей, что, верно, дошло до знатной особы, чему я и рад, и готов на все; лучше есть русское говно, чем неапольские макароны. Записка к Гагарину была, верно, в руках здешнего двора, который будет коситься на него за дружбу Щербатова.

К маменьке через Приклонского посылаю ассигнацию, которую купил на нашем корабле у матроса. Пини наш воротился из Корфу, был в Венеции, где видел Маруци, который тебе кланяется, а дочь Бароцци большие имеет на тебя претензии.

Александр. Неаполь, 7 мая 1805 года

Я буду проситься курьером в Вену, где добрый наш посол меня несколько задержит и потом отправит в Петербург, а ежели ехать туда прямо, то когда же с тобою пожить? Дороги по Италии теперь очень верны, по крайней мере уж давно не слыхать, чтоб шалили.

Благодарю за вести московские и все твои подробности о доме нашем: от всего этого сердце бьется. Батюшка, кажется, весел и предоволен нами, пишет: «Канцлер[21] меня утешил похвалою о тебе, хвалит, да и много, все то, что ты писал во время болезни Карпова: но сие да не возгордит тебя. Обещался мне о вас обоих писать к князю Чарторыжскому. Я с ним переговорил о всем, что только может касаться до вашего будущего блага; увидим, что сделают в Петербурге, между тем радуюсь, что начальники вас за глаза знают и хвалят». Не

повериш, как сии слова меня порадовали: стоят всякого награждения.

Отгадай, кто к нам явился вдруг. Виленский знакомый, красноносый и краснощекий генерал Лассий, такой же все чудак, приехал лечиться и начал тем, что ложится в семь часов спать, обедает в час, по сю пору только мне сказал: «Бачка! Как ты, братища, вырос; приходи обедать к нам». Приехал из Рима Щербатов, да что-то невзлюбил Неаполь и едет чрез две недели, возвращаясь в Россию. Скоро будут сюда Демидовы, жду их с большим нетерпением, а Балк, кажется, раздумал ехать в Китай.

Вот три года, что я здесь, а впервой видел чудо св. Януария. Удивительно, что в церемонии сей, основанной на ослеплении и глупом суеверии народа, не наблюдается по крайней мере благопристойности. Старые бабы сидят на первых местах и ругательски ругают бедного святого за то, что мешкает, а не делает чуда; когда же зазвонит колокольчик, начинают кричать: «Bravo S. Gennaro, nostro caro, quanto piacere ci fai provare, quanto sei grazioso, amabile, quanto ti vogliamo bene»[22], – и другие подобные глупости. Какая разница в наших священных обрядах, какая у нас тишина, благолепие, благопристойность, а здесь поют кастраты, играют 200 музыкантов, иллюминация, процессии и проч.

Александр. Неаполь, 9 мая 1805 года

Я получил третьего дня письмо от батюшки, который говорит: «Вчера (29 марта) отпустил я брата в Петербург, и поплакали». Вот что он пишет: «Тебя желаю избавить от Неаполя, где нечего тебе лучшего ожидать; а я стар, дряхл и хотел бы иметь при себе которого-нибудь из вас, даже и для вашей пользы. Глаза мои, кои мне столь верно служили 60 лет без очков, начинают худо видеть, рука ослабела, голова также ненадежна. Как же мне не желать иметь при себе человека, на которого положиться могу, а где его найти, кроме одного из вас?»

Не можешь вообразить, как я на Васильчикова[23] зол. Что за фофан! Куда девались все мои письма?

Одиннадцатого сего месяца Татищева всякую минуту ждали в Триесте, так что он, может быть, прибудет сюда в конце этой недели, и тогда будут здесь три наши корабля; теперь имеем мы «Прасковею», линейный корабль и фрегат «Венус». Сегодня Пини, Николушка, Веттера едут обедать к капитану Сотланову и есть щи.

Маменька пишет, что ожидает тебя всякую минуту. Я послал ей денег с Борелем, а в этом месяце еще пошлю, ибо буду богат. Кстати: батюшка пишет, что дал тебе для меня 500 червонцев;

сделай одолжение, перешли из оных 100 матушке: это всего короче и лучше, чем мне отсюда посылать вексель; из Вены удобнее и вернее можно доставить деньги в Петербург.

Все идет по-старому, с княгинею все ладно, она добрый парень, только страшная игрица, что терпеть в женщине не могу. Сегодня должны приехать Демидовы; он будет брать бани острова Пекин, а она, я чаю, амуриться с испанцем парижским, о котором она тебе, верно, говорила и который явился в Италию специально ради нее.

Александр. Неаполь, 16 мая 1805 года

Ну, брат, теперь нас занумерили, и надеюсь, все пойдет как по маслу. Все то, что князь Чарторыжский тебе говорил, очень меня обнадеживает и радует; теперь не надобно нам унывать.

Я матушке много писал о желании нашем, чтоб она переселилась в Москву: ежели там Шумлянские[24] докучают, то, по крайней мере, карману ничего не стоят, а в Питере не так с прочею роднею.

Александр. Неаполь, 9 июня 1805 года

Так и быть, умру, но Пиния не отпущу в Вену без письма к любезному и милому моему Костюше.

Это заглавие тебе покажется трагично, но успокойся. Дело в том, что я три ночи не сплю за работою, которую делаю один, – Пиний занят приготовлениями к отъезду; право, не чувствую ни рук, ни глаз. 16 больших депешных листов исшифровал для государя, да к князю Чарторыжскому еще изрядная кучка. Мне была предложена поездка, но я не хочу ехать, не видавшись с Татищевым, что ему бы показалось несколько странно или неучтиво. Как его по сие время здесь нет, то заключаю, что он заехал в Корфу.

Виленский наш знакомый[25] дал мне уверение, что стоит мне только сказать ему, когда мне хочется, то он меня отправит в Петербург, и так я с этой стороны очень покоен и уверен насчет себя. Я с ним живу очень ладно, меня любит и много хвалил и рекомендовал князю Чарторыжскому. Приглашает с ним быть на основании, как был, помнишь, при нем П.Я.У.[26] в Вильне; все это может устроиться, и с большими для меня выгодами. Это усмотрение заставляет меня не торопиться в Россию, ибо фортуна моя может быть сделана.

Александр. Неаполь, 14 июня 1805 года

Шпренгпортен сумасшедший человек и удивительные делал дурачества и проказы в Корфу. Надобно знать, что жена его

уверяет беспрестанно, что брюхата, и в последний раз в переезд его из Корфу в Венецию, при страшной буре, ей будто сделалось дурно и будто она выкинула, ему показала кусок телячьей почки, в чем-то выпачканный, говоря, что это выкинутый зародыш. Он поверил и говорил всем: «Я видел сверток, которым разрешилась жена моя». Она, кажется, костромская купчиха.

Скажи, имеет ли Турчанинова с собою еще капельмейстера-итальянца, который, верно, ее где-нибудь обокрадет. Рад я, что ты с послом со дня на день лучше: ежели чуть здесь не так пойдет, то к вам турну, и давай вместе жить. Посолыиа тебе кланяется; она меня представила какой-то Коллоредо, приехавшей из Вены и которая просит передать тебе тысячу любезностей. С Демидовым я приятель; добрый малый, велел сказать батюшке, что на все его предложения соглашается, не зная даже, в чем оные состоят; желательно было, чтоб батюшка скорее меня уполномочил трактовать то дело, а я берусь выходить все то, что он хочет. Напиши тотчас батюшке обо всем этом, ибо Демидов останется здесь, кажется, на все лето. Она сию минуту приехала, и я ее еще не видал. Балкша будет позже.

О Турчаниновой это правда, что она сущая фурия; я ее сам не любил. Головкина добрая женщина, а на бедную Долгорукову, здесь бывшую, напечатали в миланских газетах преехидную сатиру, в коей, между прочим, обвиняют ее за то, что она смеет себя называть публично приятельницею неаполитанской королевы, приверженной к Англии, и проч.; одним словом, в этой сатире помещено все, что может только кольнуть самолюбие женщины, что у ней нос попугая, язык сороки, что в Париже хотела держать винную лавку, которая обанкротилась по недостатку средств.

Александр. Неаполь, 9 июля 1805 года

На той неделе, любезный брат, воротился я с Казертской ярмарки, узнав, что здесь был сигнал двух военных кораблей: я не хотел, чтоб Татищев, приехав, может быть, меня не нашел, и вышло, что очень хорошо сделал. Весь третьесегодняшний день «Крепкий» танцевал между Капри и Неаполем, ибо был почти совершенный штиль, а вчера наконец фрегат до рейда нашего дотащился. Он был еще далеко от порта, когда я поехал навстречу Дмитрию Павловичу, но как тотчас прибыл и Карпов, то я с ним много говорить не мог. Он вбежал тотчас в каюту, вынес указ о прибавке мне жалованья и сам оный прочел. Он в карантине, и мы только подъезжать к нему смеем, что очень беспокойно по причине качки.

Сегодня встал я поранее и поехал к нему. Узнав меня издали,

вышел он в окошко, и я, держась за корабельную цепь, часа с два с ним разговаривал путем, ибо вчера, кроме «здравствуйте» и «до свиданья», ничего не было. Он меня так обласкал, что я не знал наконец, что отвечать. «Ваше намерение, – сказал я, – есть послать меня скоро курьером?» На это он отвечал: «Мое намерение? У меня вынудили обещание это, а я ничего столь не желаю, как чтоб вы со мною остались хотя месяца два-три». Потом много спрашивал о важных здешних особах, о чужестранных министрах, их инфлюенции, об образе жизни неапольской, о дворе и проч. и проч. С первого разу он столь на ласковую ногу себя поставил со мною, что я, кроме хорошего, ничего не предвижу. Дал мне комиссию людей ему искать, дом и проч.; взял всех, которых я ему рекомендовал.

Выйдя из карантина (удивительно, что здешний двор не дал еще давно приказания освободить фрегат от карантина под каким-либо предлогом), сойдет в трактир «Крочелла», а там переедет в бывший Скавронской дом; но вероятно, что оный не будет для него достаточен по малости и что он возьмет другой, о чем он и мне уже говорил, прибавив: «Хочу вас иметь при себе».

Ежели вздумается похитителю Франции и здешним королевством завладеть, мы куда-нибудь да денемся и поедем ежели не в Россию, то в Вену. Как ты думаешь?

Смерть бедной Гагариной[27] меня огорчила. Между радостями, которые думал найти в России, считал и ту: еще раз ее обнять. Мы, как бешеные, друг друга любили, и я с нею провел здесь 8 месяцев, наиприятнейших в свете. Без ее малодушия умерла бы она моею. Дай ей Бог царства небесного!

Благодарю любезного Званцева за приписку; приятно мне будет обнять столь старинного приятеля и товарища.

Александр. Неаполь, 18 июля 1805 года

Пишу, чтоб вывести тебя из заблуждения, если у вас разнесется слух, что мы погибли от сильного землетрясения, которое мы ощутили 14-го сего месяца в 10 часов вечера. Беды, им произведенные, чрезмерны; все дома, которые не развалились, повреждены. Но столица еще не столько пострадала, сколько окружности, в Кампобассо, Изернии, Авелино и проч. страшные разорения, и погибло несколько тысяч душ. Казертский славный дворец треснул, в Капуе завалило целый эскадрон. Мы все страх как перепугались. Сидели у посольши, как вдруг начали хрустали в люстрах звенеть, все колокольчики сами собою зазвонили, три потрясения были отменно сильны. Физик Казелли уверял короля, что, если бы продолжилось землетрясение еще 6 секунд, весь бы Неаполь исчез. Вот достоверное и плачевное известие: верь

только этому, все прочее – басни.

Я боялся за посольшу, но она очень хорошо все перенесла; я признаюсь, что меня бросило в пот и в содрогание, которое не скоро прошло. Что это за чувство, изобразить нельзя; народ, ходя по улицам, воет, женщины кричат без-милосердно, весь город еще в унынии.

Александр. Неаполь, 1 августа 1805 года

У нас со дня на день ладнее идет все. Намедни заболтались мы на балконе до полуночи. Спрашивал о моей службе и удивлялся, что я не более асессора, прибавив: «Прошлого года вас обоих хотели произвести, но слишком много перед вами есть старших; но это не помешает нам выхлопотать при первом удобном случае чин. Я вам обещаю, что это не замедлит произойти и что мы не упустим случая», – и пр. Мы целый день почти неразлучны.

Ты знаешь, что Карпов человек прелестный, но имеет странный нрав, и с ним ужиться очень трудно. Дмитрий Павлович очень его ласкает, когда наткнется на него, но, кажется, не ищет случаев. Полетика[28] отменно ленив и, кажется, хочет оставить меня хозяином положения, Межаков употребляется только для переписывания набело, из чего можешь посудить, что большая часть бремени на мне лежит, и я теперь удостоверился, что с доброю охотою можно горы ворочать. В этой экспедиции большую часть депешей дал мне сочинить; это хорошо, но скучно отменно дьявольское шифрование и переписывание. Когда прочел я ему проекты двух писем к вам, прочтя их, он сказал: «Славно, сударь; то-то у единородного в Вене забьется сердце, когда увидит подвиги Неапольской миссии; теперь прошу тебя переписать, ибо у других заваляется и никогда не поспеет», – и пр.

Ну, сударь, прошу отгадывать, где я теперь был? Знайте, что в сию минуту, 10 часов вечера, вспыхнул Везувий престрашным образом. Вся восточная часть неба как будто кровью облита, лава менее нежели в час дотечет, без сомнения, до моря. Что за зрелище! Никто не видал здесь подобной эрупции; на улице хоть письма читай. Завтра почта идет, я дам тебе описание подробное, а теперь успел едва намарать пару слов, покуда печатают пакеты. Поручик Реди остается в графском распоряжении, для отправления сюда обратно. Я тебе его рекомендую: бедный, но хороший человек, служил в старину у нас и говорит по-русски. Прошу с ним прислать мне сургучу вашего, который надобен и Дмитрию Павловичу; а про обе гитары некогда было и подумать, но в оказиях недостатка не будет; между тем посылаю тебе, любезный, струн самых лучших запасец.

У нас все берет грозную осанку, и бог знает, что будет с нами. Вперед я тебе буду писать лимонным соком иногда, а дабы не заставлять тебя коптить все письма, то знай, что соком будет писано только в тех, которые будут начинаться словами «любезный брат». Ты то же самое делай в рассуждении меня: впрочем, не буду употреблять это условие, покуда не получу от тебя ответа и известия о получении сего письма. Эта предосторожность не худа, а я множество имею вещей, которые для тебя крайне интересны, а по почте писать не могу.

Александр. Неаполь, 2 августа 1805 года

Вчера отправили мы нашего курьера в Петербург; с ним поехал также поручик Реди, мне очень знакомый, которому я дал к тебе письмо и посылку, то есть гитарные струны.

Сидим мы за работою и очень торопимся, ибо Дмитрий Павлович хотел непременно, чтобы курьер уехал к вечеру; вдруг поднялся шум, все бегут, народ кричит, спрашиваем, что сделалось; «Il Vesuvio butta fuoco», – закричали нам множество голосов. Услышав сии слова, заперлась канцелярия, и все бросились на угол улицы, откуда виден Везувий. Какая картина представилась нашим глазам! Прошедшие эрупции ничто в сравнении с сей. Лава с вышины кратера до моря (то есть мили три с половиною) протекла минут в 50. Я бы никогда не поверил, что огонь может в самой воде гореть, и довольно долго. Татищеву беспокоиться было незачем, ибо, писавши, из своего кабинета видит Везувий как нельзя лучше во всем его пространстве. Как это для меня не новое, то я тотчас воротился в канцелярию и, покуда те, разинув рот, смотрели, я написал тебе письмецо, которое тебе вручено будет поручиком Реди. Дмитрий Павлович тотчас подписал бумаги и поехал с Кауницем, Гагариным и Коллоредо смотреть вблизи лаву; сегодня я у него был, и он восхищен тем, что видел.

Что мне делать с Дондуковым? Я был довольно глуп, взяв переслать ему женины бриллианты; черт знает, где они теперь возятся, а между тем мне беда, ежели украдут их как-нибудь. Пожалуй, друг мой, напиши Бароцци, ежели они будут в Венеции, чтобы он им сказал, что, ежели не напишут мне тотчас, кому или какому банкиру их вручить, я ни за что ответствовать не буду. Я им не брат и не приятель, чуть в глаза знаю, не намерен лелеять их пожитки. Ежели в Вену будут, скажи им это сам, и вообще старайся разведывать, где они обретаются. Балкше шаль доставлена.

Александр. Неаполь, 5 августа 1805 года

Мы все были у посольши. Вижу, что графиня Кауниц на меня смотрит пристально, спрашиваю у нее причину; она мне говорит: «Зачем вы толкаете мой стул?» Я не успел рта раскрыть, чтобы ей отвечать, как случается новый толчок; тогда я вскакиваю с криком: «Это землетрясение!» Один маркиз здешний, с нами сидевший, хотел удерживать, что въехала карета на двор; но не было никакого сомнения, когда в люстре, которую качало, как колыбель, начали звенеть хрустали, и все колокольчики сами собою зазвонили. Тут и маркиз закричал: «Боже! Это ужасное землетрясение!» – «Ах, боже мой, – сказала посольша. – Что же делать?» Мне первая мысль, которая тотчас пришла в голову, было лиссабонское землетрясение, от которого срезало все дома. Ожидая, что и наш провалится, бросил я очень непохвально дам и кинулся на улицу, куда также сбежали с 3-го этажа Гагарин, Беттера и весь трактир. «Погибнуть вместе – одна из сладчайших кончин», – говорит Флориан, но, видно, ему не случалось быть при землетрясении. Меня кинуло в пот, и сделалась тошнота, которая продолжалась дня два, а в нервах имел столь неприятное чувствование, что не могу тебе изобразить.

Увидев после посольшу, думал, что будет меня бранить за то, что их бросил и убежал; но так как немки сентиментальны, она меня похвалила, что я в сию минуту вспомнил мою княгиню и тотчас к ней побежал, и поскольку сделал я это, о том не раздумывая, то вышла мне заслуга в том, что было, разумеется, достойно осуждения. Но признаюсь, что такой испуг на меня тогда нашел, что кинулся бы, верно, и с балкона, ежели бы нашел дверь запертою. На лестнице нашел женщину в обмороке, все ее оставили. Татищев один ей помог, принес уксус и проч. Это тем прекраснее, что это была француженка, а он русский министр. Козловский тотчас бы написал стихи. Демидов бросил костыли, забыв подагру, и пустился бежать.

Непонятным счастием здесь убило человек с 12, не более, два или три дома провалились, но повреждены почти все без изъятия, и нет сомнения, что, ежели бы продолжалось еще секунд 6, Неаполь бы исчез; но, слава Создателю, все миновало, мы все живы, и никому из наших ничего не случилось. Гагарин весьма счастливо избежал, ибо в доме Скителли, который рядом с ним и отделен от его комнаты одной только стеною, все провалилось. В доме Серра-Ка-приоли крыша провалилась, и 3-й этаж очень поврежден, также и Скавронской дом пострадал; в комнате посольши большая также нашлась трещина. С этого рокового дня все площади города и Вилла Реале наполнены каретами, в которых устроили постели, чтобы там спать всю ночь, дома совершенно пусты; бездельники сим, конечно бы,

воспользовались, ежели бы не поставили под ружье весь гарнизон, они собрались перед собором с криками: «Кровь св. Януария, покажись!» – прося у него чуда. Весь город наполнен процессиями, молитвами, кругом ужасный шум и гам. Все это продолжится еще несколько дней, пока народ совершенно не успокоится; все театры закрыты.

Ну, брат, какое мне с министром житье, как мы ладим! Нельзя лучше. Он ни пылинки от меня не скрывает, отменно откровенно обходится со мною, и не могу тебе описать, как милостив; что бы ни хотел делать, всегда мне наперед намекает; дела ли, гулянье, пустяки, – все «пошлите-ка Булгакова!» Вчера пришел я к нему в семь часов вечера, попил чаю, потом сели на балкон, начали говорить, заболтались до одиннадцати часов нечувствительно, а он было дома остался, чтоб многое написать, и принужден был работать всю ночь.

Политика того не показывает, но не верю, чтоб внутренне был доволен оказываемыми мне Дмитрием Павловичем ласками; впрочем, его уважает министр, а он мне, сколь мог приметить, кажется человеком, с которым легко ужиться. Межаков все гуляет, разве когда Карпов его поймает и заставит переписывать. Сей последний здесь, я думаю, останется, и Дмитрий Павлович занимает его разными препоручениями, касающимися до здешних. Он мне пространно говорил о выгоде здесь остаться, прибавив: «Вы не раскаетесь». И я не сомневаюсь, что с ним очень легко я выйду. Ему у двора очень хорошо, и он очень запанибрата с Чарторыжским. Сей в собственноручном письме к Л., который меня ему рекомендовал, говорит: «Все, что вы мне говорите о молодом Булгакове, дает ему право на доверенность императора, я поговорю о сем с его императорским величеством». Это очень меня порадовало: все сии по клочкам приходящие хорошие рекомендации, когда еще прибавится и Татищева, сделают мне добро, по крайней мере заставят заметить и не отказывать первому обо мне представлению.

Все эти дни не выходил я со двора, как только, чтобы идти к Дмитрию Павловичу, как ради дела, так и по причине опасности на улицах: народ суеверный, ни за что ни про что в ухо свистнет. Одну женщину башмачник колодкою замертво положил, говоря, что, ходя с открытою грудью (что проповедниками запрещено), женщины раздражали Бога и навлекли землетрясение. Они этак могут подумать, что и соломенная моя шляпа, обшитая черною тафтою, может также навлечь вторичное землетрясение. Слуга покорный с такими чудаками!

Батюшка, говоря о пятидесяти червонцах, которые нам давать хочет помесячно, включает ли тут то, что нам идет от государя,

или только свои одни деньги, что составило бы большие богатства? Да притом он говорит: «Буду вам давать вместо 40–50», – да я 40 никогда не получал, а только 25. Пожалуй, выведи меня из этого недоумения, чтобы я мог путем батюшке отвечать, и растолкуй мне новый план хорошенько, то есть вообрази себе, что перед тобою стоит князь Александр Щербатов и говорит: «Это смешно, как можно из рублей червонцы делать, и как можно вести счет с червонцами, я ведь не банкир, я почему знаю то, что ни есть, да я знаю», – и проч.

Каковы же ваши немцы! Поди-ка, так расшумелись, что и не уймешь. Здешних грешных сильно прижимают общие враги и заставляют кричать «аминь». Чем-то все это кончится, но приходится терять терпение.

Александр. Неаполь, 8 августа 1805 года

Император прислал с курьером, который привез мне письмо твое, прекрасную золотую табакерку, обсыпанную бриллиантами, Карпову, и велено ему дать, кроме жалованья, 1200 червонцев пенсии. Как меня это обрадовало! Давно заслуживал это бедный наш Карпов.

Александр. Неаполь, 22 августа 1805 года

Я был уверен наперед, что слухи о землетрясении дойдут до вас чрезмерно увеличены. Сие побудило меня два письма к тебе писать для большей верности; одно послано по почте, другое через курьера; вижу с удовольствием, что оба до тебя дошли. Но что меня очень тронуло и обрадовало, это поступок посла. Я посольше прочел этот пассаж; она была в восхищении и довольна, что ты признаешь так ласки ее мужа, о чем, верно, ему писать будет. Она велела тебе сказать: «Раз так, когда увижу вашего брата, он найдет у меня холодный прием». Она живет с королевою в Кастелламаре, и тамошний воздух приметно восстановил ее здоровье: стала пополнее, и локотки начинают становиться покругловатее. Место, ею обитаемое, называется Квисисана, чего лучше? Вдобавок к реляции моей о землетрясении прилагаю экстракт с рапорта, поданного обер-полицмейстером королю. Ну, что за суматоха! Как вспомню, так по коже подирает. Бедному Неаполю досталось: нет дома без починок.

Полно о сем, да притом Реди может тебе рассказать все подробнее; а я тебе его рекомендую. Когда возвратите его нам, не забудь сургучу прислать, в коем терпим нужду. Ну, брат, что за лады у меня с Татищевым и как он меня любит! Ты говоришь: грей железо, а мне кажется, что согрел да и сковал уже. Я был

нездоров на той неделе: изволил детиночка обкушаться. Услышав это к вечеру от княгини (а я у него обедал в тот день), которая просила его заставить меня взять лекарство, он ей это обещал, прибавив, что любит меня как брата. Можно ли большее сделать уверение? Для меня оно кажется превыше всех, и я сколько бы ни жил, не буду в случае оное употребить. На другой день подлинно ко мне пришел и просидел часа с два.

Александр. Неаполь, 27 августа 1805 года

Третьего дня было ежегодное великое торжество Pie di Grotto, то есть что двор в великой процессии идет к гроте Позилипской прикладываться к мадонне. Вся армия в параде, под оружием, все смотрели это у Эллиота, а я обедал у милой посольши наедине. Ее окошки низки, и мы все отменно хорошо видели. Была, бедная, печальна, в глазах ее можно было читать: вот тысяч семь войска, но настоящего-то героя, героя моего сердца, нет. Она мне сказала, что послу написала слово в слово все то, что ты об нем мне говорил, и что он, верно, очень будет доволен видеть, сколь ты признателен.

Все у нас покойно и благополучно, но каналья Везувий все еще шалит: теперь течет речка серная позади горы; говорят, что прекрасно видеть две сии полосы, то есть красную огненную лавы и желтую серы. А мне эти прелести начинают быть равнодушны; посмотрел бы на Грабен, на острую Свято-Стефанскую мечеть, вместо круглых из лавы табакерок. Хоть посмотреть бы на круглые пуговки старушки, к которой я с Гришею так часто бегал!

В Пиедигротский праздник был перед Вилла Реале целый флот, который также много придавал торжества. Матросы были по рейдам, множество флагов украшали мачты, были тут два английских корабля, наш большой фрегат, корвет и много неапольских. Но жаль, что запрещено было стрелять так, как обыкновенно, ибо боялись, что все сии пушечные выстрелы могли бы повалить дома, поврежденные от землетрясения.

Александр. Неаполь, 5 сентября 1805 года

Встаю ранехонько, любезный брат, чтоб успеть что-нибудь тебе написать с капитаном Петром Егоровичем Александром, которого Дмитрий Павлович отправляет к вам курьером с великой поспешностью. Хотя он у вас останется не больше дня (ибо Татищев просит посла немедленно сюда возвратить Александра, а депеши наши послать в Петербург с кем-либо из вас), но все-таки рекомендую Александра: человек примерный и достойный. С горстью русских защищал он здесь Портичи против нескольких тысяч лазаронов, якобинцев и французов и разбил

генерала Шкипану; за это дан ему Аннинский крест и от здешнего двора орден Св. Константина.

Вчера была у меня баталия с Карповым, который, как ни честный человек, но из такого сделан теста, что ни один человек в свете с ним сжиться не может, и надобно было мое терпение и кротость, чтоб так долго ладить с таким начальником. Вчера печатал я экспедицию в Корфу; вдруг пришел, спрашивает: «Что вы печатаете?» – «Письма в Корфу». – «Да как это? Я не видал, что написано и как запечатано, да зачем же я секретарь посольства?» – и проч. Я отвечал ему, что не было бы ничего легче быть секретарем посольства, ежели бы должность состояла в печати пакетов. Взяв письмо, я оторвал конверт и отдал ему: вот, извольте смотреть, читать, свидетельствовать и печатать. Так и ушел. Он, все следя за мною, спрашивает: «Да кто же запечатает?» Я отвечал: «Да вы сами сказали, что это дело секретаря посольства; я вас уверяю, что письма не пойдут. Ну, вам придется дать отчет», – и так я ушел. Не поверишь, что нет человека здесь, с кем бы он не перебранился; такая железная голова, да притом такого спорщика свет не производил. Скажи: «белое», он – «черное», всегда противное; неудивительно, что не умел себе во всю жизнь нажить друзей, а тьму неприятелей. Для меня – бог с ним. Я, верно, более всех здесь ему желаю добра, но попрошу Дмитрия Павловича избавить меня от его команды. Мне кажется, что ему не очень приятно мое первенство у министра, который все дела дает мне и Полетике; ибо у Карпова слог претугой, неплавный и старинный, а его должность совершенно почти только печатать и отправлять пакеты.

Без всякого порядка стану тебе теперь рассказывать пиршество наше на корвете нашем «Афине», прибывшем недавно сюда из Корфы. Капитан его И.А.Баскаков позвал нас 12-го к себе на корабль завтракать; этот завтрак вышел большой обед, на котором все перепились. Был тут Д.П.Гагарин, я, Кауниц, Карпов (который подрался с Николушкой, но все ладно кончилось, и не имело бы места, ежели бы не забрало обоих) и многие другие наши приятели и офицеры флотские. Пили за здоровье всего на свете, и всякий раз пушечный залп препровождал тост. После обеда Кауниц, желая показаться, попросил еще вина, взял большой стакан шампанского, вытянул и кинул стакан в море; все этому захлопали. Капитан с нашего фрегата «Крепкого» вдруг встал. «Да что, – говорит он, – это немецкая штука; вот как русские делают!» Сказав это, вытянул ту же порцию, да вместо стакана сам, как был, из окошка кинулся в море. Это Кауница удивило. «Черт, – сказал он, – должно быть, он хороший ныряльщик и умеет плавать». Лейтенант Егоров вскипел: «Что вы

говорите – плавать? Да я сроду не умел плавать, да вот!» Сказав это, выпил свою долю, также бухнулся в море, и, будучи толст, насилу пролез в окно каюты; ежели бы его тотчас не вытащили, верно бы утонул. Тут Кауниц пришел в восхищение. Да и подлинно, что за народ русский! Когда из пустяка и бездельной амбиции рискует жизнию своею, что он должен быть, когда дело идет о пользе государства и о чести нации? Право, нет другого народа, и Кауниц от экстаза плакал; не поверишь, как смешон! Настоящий шустер, когда пьян.

«Ну, кто молодец, – закричал Дмитрий Павлович, – лезь на мачту!» Гагарин и я тотчас кинулись и полезли на самый верх; но голова страх как кружилась от высоты и вина, да и коленки дрожали. Однако ж я всех менее подпил; только целый день были на корвете и очень весело провели. Ввечеру начали мы между собою танцевать, тут сделалось несчастие: лейтенант Мордвинов, вальсируя с Дмитрием Павловичем, упал и переломил себе ребро. Один лекарь уверяет, что нет ничего переломленного, но между тем больной не может без боли поворотить глаз. Гагарин очень жалел, что не было тут Анстета, который верно лучший товарищ в свете. В именины Дмитрия Павловича будут на фрегате обед, бал и ужин; но я сделаюсь больным накануне: слуга покорный, может и со мною сделаться беда, а прибыль не стоит несчастья.

Александр. Неаполь, 1 октября 1805 года

Сию минуту отправился в Вену императрицын камердинер, с коим Дмитрий Павлович много писал и послал графу, и я также к тебе писал пространно, но со всем тем, любезный брат, не хочу не сказать тебе на всякий случай два слова и через почту. Писем от тебя по этой почте не имел. Все у нас здорово и идет хорошо. Дмитрий Павлович теперь от меня вышел и велел тебе кланяться, да просит тебя Христом Богом прислать скорее Perduto l'Arbitro.

Козловский со своим болтанием наделал себе беды, и я знаю, что на него пишут графу жалобы, но боюсь, что сделали слона из мухи; впрочем, будет наука для него, а нам это хорошие примеры без убытку.

Сегодня Дмитрий Павлович сказал мне под большим секретом, что он, вероятно, будет иметь Лондонскую миссию, почти ему обещанную, когда Воронцов оставит службу; а ты знаешь, что он[29] только еще год там согласился остаться. Итак, мне, может быть, придется в Лондон ехать, ежели не будет помехи от батюшки, ибо там дорого жить, и не знаю, возможно ли будет жить, ежели папуша или казна не прибавят жалованья.

Полетика как-то отстал от Дмитрия Павловича, который также к нему, мне кажется, охолодел; в противном случае не мог

бы решиться отдать его Лассию, у коего правит он всеми делами и перепискою. Полетика очень со мною откровенен, и я с ним, насколько это нужно. Говорит мне, что раскаивается, что оставил Петербург, куда ехать хочет первый раз, что представится случай к тому. Ежели так, то удастся мне тяпнуть секретарское место.

Демидов все еще в Риме, уверяя, что скоро можно будет русским ехать в Париж; я бы желал, чтобы попало их туда тысяч сто да со штыками вместо кошельков с деньгами, выработанными потом наших добрых мужиков, кои проматываются без пользы.

Наше маленькое общество всякий день обедает у Дмитрия Павловича, у которого славный стол. Венского повара он сослал: редкого в нем ничего не было, а крал безмилосердно.

Из Корфы прибыл наш шкипер «Экспедицион», и на нем курьер к нам из Петербурга асессор Вейдемейер, которого Дмитрий Павлович удержит в канцелярии своей до приезда Пиния; будет кому переписывать, по крайней мере.

Вообрази, что мы ни слова не знаем о генералах, командующих нашими войсками. Сделай милость, напиши их имена, по крайней мере главных. Дмитрий Павлович с большим любопытством принял то, что ты пишешь о Родофиникине и прочих, и просит тебя купно со мною и со всеми не лениться и писать все, что можешь только узнать об наших публичного. Ты чрезмерно меня одолжишь, и я надеюсь, что не откажешь мне это удовольствие по всякой почте. Пиши о всех проезжающих чрез Вену, об успехах соединенных армий, словом, Pilnuy, panie, o nas, bendziemy wdzieczny iego mosci za wszystko[30].

Сегодня пришел я к Дмитрию Павловичу, нашел его окутанного в вольтеровских креслах, больного горлом и с жаром. Целый день у него был, к вечеру побежал на минуту в театр к княгине, посидел с нею и воротился к больному. Говорили, рассуждали; спорщик Веттера нас замучил, и мы сели – Дмитрий Павлович, Карпов, Веттера и я – играть в бостон.

Боюсь я очень, что, как заварится в Италии каша, французы будут останавливать все посты, и тогда не знаю, как нам переписываться, что немало меня тревожит. Впрочем, это недолго продолжится, надеюсь, ибо Дмитрий Павлович берет уже свои меры, дабы завести порядочную и безопасную коммуникацию с Веною посредством пакетботов, которые будут уже скоро готовы для перевозки пакетов наших из Барлеты в Зару, а оттуда через Триест к вам, или из Манфредонии прямо в Триест. Тогда нечего нам будет бояться; но покуда заведется все это, пройдет довольно времени.

Александр. Неаполь, 12 ноября 1805 года

Здешнему почтовому поверенному в Риме г-ну Рашету предписано брать все меры для доставлений сюда венской, а вам неапольской почт, что не будет теперь трудно через Анкону, которая французами оставлена. Сии господа совсем вышли теперь из неапольских областей и страшно спешат соединиться с Массеною, который, видно, эрцгерцогом Карлом побит. Мы здесь совершенно как в Сибири: только те вести имеем, которые угодно французам нам давать. По их сказкам, вся австрийская армия уже истреблена, и нам грозят тем же. Пожалуй, давай нам вести и пользуйся всеми случаями, чтобы писать сюда, почты не пропускай: я не вижу, зачем им до нас не доходить, как скоро будут отправляемы морем в Анкону или Манфредонию. Не забудь прислать арию Perduto l'Arbitro и проч. для Дмитрия Павловича. Я с ним всякий день короче; он бесценный человек!

Александр. Неаполь, 14 ноября 1805 года

Насилу-то решился ты дать нам некоторые новости. Скромность твоя, конечно, похвальна; но нет, мне кажется, никакого зла сообщать вести, которые происходят на белом свете, которые печатаются и публикуются: я говорю о военных действиях, которые незачем в секрете держать. Посему надеюсь, что ты и вперед будешь давать нам новости и присылать интересные булетины. Последний, тобою присланный, хотя и старого числа, был нам полезен: мы сравнили числа с миланскими и прочими итальянскими газетами, французам преданными, и нашли большие разницы и противоречия. Так-то обманывают нас здесь, грешных.

То-то будет радостей в Вене, когда приедет наш государь. Немцы добры, а обхождение ласковое нашего ангела пристрастит к нему весь народ; ты увидишь, что немцы будут вне себя, и радость их будет доходить до сумасшествия. Когда будет наша Долгорукова у вас, кланяйся ей много от меня, ее сын милый и скромный малый[31], а она меня изволила жаловать и любить.

Нельсон разбил почти в прах французско-испанский флот, который имел глупость выйти из Кадикса. Из 33 кораблей только 11 спаслись, все прочие взяты или взорваны на воздух англичанами. Вильнев убит, а Гравина ранили в руку; число умерших с трех сторон считают до 24 тысяч; страшно, но зато прощай, флот французский! Нельсона потеря очень незначаща в сравнении. Это привез испанский курьер; но надобно видеть, что даст нам знать сам Нельсон, который, может быть, и 11 судам не дал спастись. Теперь бы нам должно так же хорошо поколотить этих собачьих сынов.

Александр. Неаполь, 19 ноября 1805 года

Флот и войско наше у нас в виду в Неапольском заливе. Картина бесподобная – видеть кораблей 100. Сегодня именины посольши, все обедали у Кауница, королева надарила имениннице пропасть брильянтов, серьги, медальон с портретом, султан и проч., и все богатое и прекрасное. Я ей дал перстенек с мозаикой. Прощай, весь город в радости, кроме шельмей, преданных французам.

Александр. Неаполь, 22 ноября 1805 года

Кардинал Феш рассеял слух в Риме, что взяли у нас 25 тысяч пленных, 15 тысяч убили и 20 генералов также взяли еще, что 3 дня после заключено перемирие между нами и французами. Мы не можем решиться верить подобным несчастьям.

Наши все ушли в поход к границам. Дамасова генерал-квартира в Киети, Лассия – в Теано, а Кретова – в Лесей. У нас все, слава Богу, идет хорошо; все спокойно, только тревожат нас слухи, идущие от вас. Ради Бога, побейте дьявола Бонапарта, а то он съест всех. Кремская победа нас оживотворила. Дай Боже, чтобы скоро было опять такое же известие.

Александр. Неаполь, 9 декабря 1805 года

С утра до вечера сидел я за перепискою ратификации нашего трактата. Скучная работа, требует всякой осторожности, на пергаменте: что соврешь, так уж не скобли, а переписывай снова. Дмитрий Павлович сказал, что мне дан будет особенный подарок от здешнего двора. То-то взбесится Карпов, коему даже и червонных мало достанется. Нас обидели, ибо князь[32] пишет прислать в его канцелярию половину суммы, нашей канцелярии определенной. Терпение!

У Карпова была с Беттерою сцена, которую тебе перескажу, не имея ничего иного писать. Говорили за столом о всякой всячине. Был Кауниц с женою, Николай и много других. Заговорили о Лукесини [прусском посланнике в Париже], и беседа стала общею. Поццо сказал, что, представляя Бонапарту свои верительные грамоты, тот обратился к нему по-итальянски, чтобы доставить тому приятность. Я заметил, что с его стороны это было довольно неловко. «Почему?» – спросил Карпов. «Потому что он напоминал Бонапарту, – сказал я, – кто он такой, а французам – что над ними иностранец господином». Многие меня поддержали. Карпов разгорячился и говорит: «Не вижу в этом ничего неловкого, всякий видит все на свой манер. Кто знает, с каким намерением Лукесини заговорил с Бонапартом по-итальянски?» Тогда заговорил Беттера и сказал: «Но, г-н Карпов,

надобно только проследить за поведением Лукесини в Париже; низости, коими он покрыл себя, есть доказательство, что он вовсе не желал бросать вызов Бонапарту». Все прибавили: «Ну конечно». Карпов, одержимый своим духом противоречия, с трудом мог сдержаться; но поскольку министр ловко переменил разговор, к сему более не возвращались.

После обеда Карпов, не переварив того, что его вынудили замолчать, вновь завел речь о Лукесини, желая во что бы то ни стало доказать, что он прав. Поскольку, когда Беттера подошел говорить с ним, Карпов сказал ему с досадою: «Да ведь это не в вашей компетенции, предоставьте судить о сем тем, кто может это делать», – Беттера рассердился и отвечал: «Я думаю, что это вы не способны о сем судить, ибо вы не можете понять того, в чем все остальные согласны». Тут Карпов сделался вне себя. Он вообще не великий оратор, а когда злится, красноречие и дар речи у него отнимаются. Он потер руки и прошипел Беттера с испепеляющим взглядом: «Вы меня поняли?» – «Нет, сударь, – отвечал тот, – я не понимаю пантомим; говорите со мною, и я вам отвечу». Карпов замолчал, и тем все кончилось.

Приехал из Гаеты Лизакевич, с ним толстый Козловский, который все такой же болтун и запачканный. Все меня комплиментами потчует. Дмитрий Павлович, узнав, что он не пришел к нему обедать, не будучи зван, велел к нему послать печатный билет, звать его обедать завтра. С Лизакевичем жена, Санковская (которую… португальский поверенный в делах при короле Сардинском) и множество детей.

Я тебе не хочу говорить об Аустерлицкой баталии, которая поставила здесь все умы вверх. Но как верить всему, что французские булетины нам рассказывают? Покуда свет будет светом, подобного несчастья наше войско не увидит; мы ждем с великим нетерпением курьера от графа. Я тебя уверяю, что питаю внутренно достоверность, что все почти ложь; но здесь все, даже и наши, верят публикованному французами.

Рассуди, что Карпов был сегодня у Дмитрия Павловича – жаловаться на Беттеру. «Надеюсь, – сказал он, – что ваше превосходительство не захочет поставить меня на уровень какого-то мелкого купца из Рагузы». Министр наотрез отказался входить в это дело, тем более что Карпов был совершенно неправ, говоря дерзость, и должен был ожидать, что ему ответят тем же. Он хотел добиться, чтобы Беттера намылили голову и проч. Как будто ребенок, который маменьке жалуется. Сам разве бы не мог разделаться с Беттерою? Получив отказ, Карпов вышел от Дмитрия Павловича взбешен; мы думали, что полетит прямо к сопернику, но ничего не бывало: он с ним сегодня провел вечер

очень спокойно, как будто ни в чем не бывало. Есть ли толк в его поведении?

1806 год

Александр. Неаполь, 1 января 1806 года

Я теперь один бьюсь как собака, ибо Карпов перестал ходить к Дмитрию Павловичу и мало-помалу посылает мне бумаги, которые у него. Какой чудак, и что он этим выиграет? Боголюбов, который должен был ехать к нашим в армию, просил Карпова достать ему подорожную; он ему отвечал с сердцем: «Обращайтесь к статс-секретарю (говоря обо мне); я ни во что не мешаюсь».

Новый год начинается довольно грустно. Со всех сторон печальные вести; сказывают, что идут сюда французы. Но ежели их не более как 30 тысяч, то напрасно трудятся. Между тем все это меня несколько беспокоит. Двор перепугался и послал трактовать с Сен-Сиром в Риме. Увидим, удастся ли негоциация, препорученная кардиналу Руфо; а не то придется бежать в Сицилию.

Прерываю сии печальные мысли, чтоб сказать тебе, что я перешел жить в дом к Дмитрию Павловичу. Карпов хотел нанять сии покои, но после ссоры бросил, и я их тотчас взял на год за 250 дукатов с мебелями, которые мне принадлежать будут и стоят, конечно, 150 дукатов. И я, и Дмитрий Павлович оба очень рады. Имею пять прекрасных комнат с видом на море, город и проч., одна даже стоит пуста и к твоим услугам, ежели приедешь, чего, однако ж, теперь не желаю, искренно говоря.

Сбирался к тебе много писать, но не тут-то: княгиня прислала за мною. Чувствую, что найду ее печальною, по слухам, которые носятся; жаль мне будет ее оставить; но как быть? Могу жить с нею в разлуке, когда не вижу и любезных родных.

Александр. Неаполь, 4 января 1806 года

Сей радостный для меня день, против всякого чаяния, получил я чрез почту письмо твое из Ольмица от 27 ноября; хотя и старо, но очень меня обрадовало после долгой о тебе неизвестности. Сколько бы оно было приятно нам всем, дойдя в свое время, ибо заключает утешительные вести; но как быть? – получаю оное более месяца позже.

Терпение, стану отвечать. В пустую мою комнату пустил я жить Беренса, а то он, бедный, в трактире проживался. Он мне кажется добрый малый и неглуп. По вечерам сижу часто с ним, и разговариваем о России, Вене и пр. Картина твоя о Вене жалка, и тем более, что я к Вене очень привержен. Поверю, какая должна

была быть суматоха в городе. Слава Богу, что ты храбро перенес твои курьерские поездки и, хотя не спал и бился, не занемог. Мы курьеров от вас ждем, как ангелов; но я боюсь все, что забудете об нас, и мы не знаем, радоваться ли или печалиться. Ай да Багратион! Вообрази, что мы об этом ничего по сие время не знаем. Пиши чаще подобные весточки. Наш же Лассий (между нами) хочет убраться отсюда как-нибудь. Держал совет. Англичане ему вскружили голову отсюда ехать. Бог знает, что тогда с нами будет. Одна надежда и была на наших.

Король наш показывает много духу, хочет сам взять команду армии своей, ежели бы мы ушли, и Дамас ручается, что солдаты его будут хорошо драться, и хочет собою жертвовать. Армия сильно и поспешно умножается. Но к чему все это поможет? Ваши мерзкие немцы все подгадили: теперь Бонапарт все свои силы может обратить сюда, и все может быть потеряно. Бедная посольша похожа на мертвую, жалка. Боится лишиться навек Дамаса, оплакивает несчастие своего отечества, хлопоты, потери графа, печаль королевы и проч. Все это немало. Да сохранит нас Бог, и все, надеюсь, как-нибудь да уладится. Между тем Лассий покрывает наши войска стыдом. Правду говорили батюшке [то есть Якову Ивановичу Булгакову, который, вероятно, знал Лассия по его службе в Вильно или Варшаве], что он пустой человек. Хочешь посмеяться? Послушай, как он принял прочих генералов по приезде их из Корфы. Первые речи, которые им сказал, не сказав даже «здравствуй»: «Ну, господа, смотрите, берегитесь девок; вот Полетика не может избавиться…» Похоже ли это на дело, и можно ли компрометировать так бедного Полетику? Другой кудесник – Карпов – образумился и наконец явился к министру, который так добр, что принял его как будто ни в чем не бывало, но Беттеру против прежнего ласкает при нем.

Александр. Неаполь, 14 января 1806 года

Король подарил мне перстень брильянтовый, преславный, в 1000 дукатов, а у нас стоит более 2000; кроме того, досталось мне 350 дукатов. Всем этим обязан я не кому иному, как любезному Дмитрию Павловичу: это, верно, по его просьбе. К нам приехал флигель-адъютант Шепелев, из Аустерлица; теперь узнали мы, как происходила баталия. Но что прибыли? Наши ретируются, и Лассию прислано повеление оставить Неапольское королевство. Я боюсь и думать о следствиях, которые навлечет отзыв войск наших. Теперь-то будет каша: французы придут, хотя бы и не имели то на уме, коль скоро узнают, что мы ушли отсюда.

Батюшке пишу чрез Ивана Алексеевича Алексеева, коего жене посылаю в подарок гребень. Ежели вы в хлопотах, то не думайте,

что нам лучше. Теперь в городе страшная суматоха: французы недалеко от неапольских границ. Король велел, чтобы все были готовы сесть на корабль и ехать в Палермо. Королева, принц наследный и вся фамилия еще остаются и не уедут, кроме как при последней крайности. Надобно думать, что успеют его отговорить от сего несчастного намерения, ибо французы скажут, как в первый раз: мы короля не прогнали, он самопроизвольно уехал, вас бросил, мы пришли вам покровительствовать и проч. и проч. Лассий уже в Бае, и почти все наши войска посажены на суда. Бог знает, что с нами будет. В Палермо ли поедем или в Россию? Дай Бог последнее, ибо Сицилия или Сибирь – все равно: оттуда плохо придется переписываться нам. Все это очень меня опечаливает. Кто мог предвидеть такую перемену и хлопоты?

На несчастие наше, Дмитрий Павлович занемог и лежит в постели. Он очень встревожен; кажется, будто для того приехал в Неаполь, чтобы потерять королевство. Между нами сказано, это все бы не случилось, ежели бы наши не бухнули сюда. Король привлек сим на себя ненависть Бонапарта, а в ту минуту, когда королевство в опасности, Лассий садится на суда и дай Бог ноги! Компрометировал здешних, и Дмитрий Павлович видит, что всему сему причиною ревность его к службе, доверенность, которую умел здесь приобресть, и успех его переклонить двор сей на нашу сторону, тогда как французы делали ему выгодные пропозиции. Он видит себя, невинным образом, орудием всего зла. Разумеется, что я все это говорю с тобою наедине. Бедная княгиня очень печальна, ибо была уже раз в каше сей и знает, что это, особливо с тремя ребятами на руках.

Мы поедем, я думаю, на фрегате «Михаил», коим командует Снаксарев; помнишь ты *казенного человека*, ну! Это он сам. Человек хороший, веселый, и славная команда; хорошо и то, что не буду принужден ничего здесь бросить.

Александр. Неаполь, 11 февраля 1806 года

Ну, брат, пришлось и нам горе мыкать. Ваши хлопоты миновались, теперь наши наступили. Вообрази целый город в волнении, унынии, все бегут, все едут, король уже в Сицилии, королева с принцессами амбаркируется [возвращается] сегодня и едет также в Палермо; с нею посольша, которая очень огорчена не иметь об графе никакого известия; наследный принц и принц Леопольд едут в Калабрию, и мы с ними, то есть Дмитрий Павлович и я. Карпов и прочие отправляются морем в Палермо. Не знаем, где еще учредит принц главную квартиру свою, в Катанцаро или в Матере.

Французы завтра входят в Неаполь. Я тебе не могу описать

уныние городское; жалко смотреть особливо на народ, который в отчаянии. Однако ж буду покоен, ибо я не разлучен от Дмитрия Павловича, а ты знаешь, как он меня любит. В первый раз буду вести жизнь лагеря. С принцем 17 тысяч войска, и говорят, что вся Калабрия восстает против французов.

Александр. Мессина, 1 апреля 1806 года

Мы рыскаем по дремучим лесам и непроходимым дорогам. Множество было с нами приключений смешных и печальных; раз чуть не попались в плен, в другой подосланы были люди, чтобы нас ограбить, но мы обманули наших хозяев, которые затеяли эту шуточку: сказали им, что поедем одною дорогою, вместо того поехали другою. Я многое пишу батюшке, ты оное прочтешь и избавишь меня от лишнего писания. Впрочем, когда увидимся, прочтешь мой журнал, в коем все увидишь, а я оный с самого приезда моего в Неаполь все продолжаю вести.

Англичане, также с моря, теперь блокируют Неаполь. Бедный Дамас в отчаянии, что все пошло столь худо; но он не виноват: везде подвергался большим опасностям, рекруты бросили ружья, бежали, с ними даже один полковник; другие последовали сему примеру. Дамас остался с одной гвардией, которая дралась очень хорошо целые три часа и кончила штыками. Принца не было в деле, следовательно, и мы там не были. Basta. Две стычки в местах, которые похожи были по местоположению на швейцарские, где черт не мог предвидеть, что французы пройдут, решили кампанию и отдали обе Калабрии французам. Мессинский канал стал будто Па-де-Кале, разделяющий две враждующие страны. Крепость Гаета, в коей принц Филипстальский командует, покрывает себя ежедневно славою и отвечает ядрами на все предложения французов войти в переговоры. Сам Иосиф осаждал ее, но был отогнан с большою потерей. Эта крепость долго будет держаться, ибо, имея море, удобно снабжается провиантом. Весь Неаполь в негодовании, и Иосиф, боясь лазаронцев, да и прислан будучи против воли своей, писал к брату, прося переселиться в Рим под предлогом, что неапольский воздух вреден его здоровью. На банкиров наложен налог в полтора миллиона дукатов. Ах! Да ежели бы наша кампания в Калабрии удалась, я уверен, что народ, узнав это, перерезал бы всех французов в Неаполе. Коль скоро на улицах трое говорят, тащат их в тюрьму яко бунтовщиков, и там заведена преварварская полиция, как в Париже. Вот что мы знаем о Неаполе; французы, верно, не то по свету разглашают. Из Корфы получили мы курьера, что славянские народы добровольно пошли в наше подданство и вооружаются против французов.

Мы скоро поедем осмотреть главные города Сицилии, потом воротимся сюда, сядем на фрегат и марш в Палермо, где Карпов поверенным в делах покуда; там и Пиний, и проч. Здесь у меня только и забавы, что театр, где представляют ораторию прекрасную «Заира», музыка славная Федеричи. Примадонна мила, поет хорошо, мы все в нее влюблены. Дмитрий Павлович ужасно мил, ласков, любит меня как брата; особливо в эту дорогу мы очень сблизились и сделались такими друзьями, что ничего друг от друга не таим. Он не дает князю Адаму покою, чтобы меня произвели.

Александр. Мессина, 26 апреля 1806 года

Сюда не успели мы приехать, как король пригласил Дмитрия Павловича проводить его до Сиракуз, а с ним и меня. Дорога сия была очень приятна: везде был король принимаем с восторгом, и везде давали нам славные праздники, балы, фейерверки и проч. и проч. Особливо в Катании мы очень повеселились. Ну, брат, что за город, маленький Петербург, славные дома, славные, длинные, прямые, широкие, хорошо вымощенные улицы; что ваша Вена в сравнении? – дрянь! Женщины там красивы, сговорчивы, но манеры их странны, – наши ярославки.

Везде жили мы с королем и все время проводили с ним. Он весел, любезен, только встает с солнцем летним, с цыплятами, обедает в полдень, в Катании дал бал, в котором мы отличились. Дмитрий Павлович не пропустил ни единого контраданца. Я бы очень здесь распространился о наших приключениях, ежели бы был уверен, что письмо дойдет верно, но готовься читать десть моего маранья с любезною посольшею. Она поедет к вам, коль скоро будет фрегат, который Дмитрий Павлович для нее выписывает из Корфы. С нею, вероятно, поедет и Дамас.

Пробыв здесь несколько дней, отправимся мы в Палермо сухим путем. Ну, брат, я изъездил верхом тысячи две верст со дня, что оставил Неаполь, и растолстел, как бык; вообще я, ты знаешь, неслабого сложения, но здесь стал я еще здоровее, свежее, плотнее; жара всех ослабевает, а мне так лучше от нее.

Вообрази, кто ко мне входит в эту минуту? Твой образ – Веттера. Как же я его обнял! Ему стало скучно в Палермо, приехал, чтобы найти судно в Рагузу, и Дмитрий Павлович его не пускает и понуждает возвратиться в Палермо с нами. Славный товарищ по путешествию. Тебе велит много кланяться.

Александр. Палермо, 19 мая 1806 года

Мы часть дороги из Мессины сюда сделали с королем наиприятнейшим образом; все обходилось без церемонии, по-

солдатски: но зад бедный мой отбило так от верховой езды, что принужден был сесть в летигу (род кареты, навьюченной на двух пребольших мулах).

Ну, брат, что за город Катания! И как мы там повеселились! Что за женщины! Все были мы влюблены, начиная от царя до последнего слуги. Дмитрий Павлович обещался своей туда воротиться, и мы совершим это путешествие в июле, ежели ничто не помешает, тем более что многих достопамятностей не успели осмотреть, а их немало. О Палермо нам так много все наговорили зла, что нам город полюбился. Прогулки здесь прекрасны и лучше неапольских, но все прочее как сравнить с любезным моим Неаполем, по которому тоскую беспрестанно. Я приехал сюда в подагре, но только дней 6 не выходил; теперь здоров, но хочу решиться брать терминские бани. Они целительны для ревматизмов, и ежели боль от них не пройдет, то, стало, в самом деле подагра, и тогда нечего делать, как терпеть боль два-три раза в год. Татищева дом здесь бесподобный, первый в городе; я живу у него.

Александр. Палермо, 2 июня 1806 года

Намедни королева пригласила Дмитрия Павловича и меня на рыбную ловлю (тунца). Долго бы описывать это странное и кровопролитное зрелище. Рыба престрашная, хвостом одним может человека убить. Потом был обед. Не могу тебе сказать, сколь королева, принцы и принцессы ласковы были со мною, а всё, чтобы угодить Татищеву, так как он меня любит. Играли в макао, и ее величество меня обыграла. В Неаполе большие мятежи, народ не может видеть французов и восстает, дворяне же ведут себя как шельмы. Дюк С.-Теодоро сделал себя церемониймейстером Иосифа, вот тебе реестр камергеров новых и проч. Гаета хватски защищается, теперь Массена принялся за эту крепость. Сидней Смит прехват: чуть Иосифа не увез из Фавориты, где был бал, овладел островом Капри и пугает очень французов.

Александр. Палермо, 29 июля 1806 года

У нас все идет славно, слушай. Стюарт высадил войска в Калабрии, разбил в прах Ренье, взял 3000 пленных с генералом Компером. Калабрийцы все взбунтовались против французов и гонят их. Ренье, говорят, умер в Катанцаро от ран. Сидней Смит завладел крепостью Ламанта, 400 человек гарнизона пленные, кроме того, адмирал взял 2 знамени, 8 пушек и множество съестных припасов. Каковы же господа милорды! В Неаполе большая суматоха, Иосифу худо приходится, и ежели Наполеон

не пришлет армию, из коей надобно будет пожертвовать 10 тыс. для взятия Гаеты, придется французам оставить королевство, ибо везде бунты и неповиновение.

Что за хват князь Филипстальский! Ранили бедного сильно бомбою в голову; сказали было, что смертельно, но он велел сказать королю, чтоб его высочество было спокойно, что Гаета не сдастся никогда, но не мог еще ни писать, ни ходить: заставляет себя таскать на носилках, как Карл XII, и сам везде дает распоряжения. Где вашим вшивым австрийцам с ним равняться?

Мы получили славные новости из Корфы, наши там делают чудеса, тебе это же должно быть известно; но вот, все-таки, печатный лист, коего составителем г-н советник Александр Булгаков. Здесь пять дней продолжалось празднество (ежегодное) в честь св. Розалии, покровительницы города; были иллюминации, скачки, фейерверки, гулянье и др.

Александр. Палермо, 25 сентября 1806 года

Ежели Строганова[33] в Лондон, то, стало быть, Татищеву туда не ехать; но мне тем лучше, ибо батюшка того, кажется, не желал. Лондонское место было для него назначено, и без отставки князя Адама теперь бы имел повеление туда ехать. В тот же день, что ты мне сообщаешь о перемене в министерстве, получили мы циркулярное письмо князя о назначении Будберга на его место и проч. Это большая потеря для нас. Адам был друг Дмитрия Павловича и ничего ему не отказывал; это бы сделало мою фортуну. Но так и быть. Я даром ничего не требую, а что заслужу, то всякий министр должен мне выдать. Будберг меня знал в Неаполе и очень даже был ласков ко мне; но он был тогда путешественник, а не министр.

Спасибо за Антрегову книжку; я ее тотчас не читал, послал Дмитрию Павловичу в деревню; он говорит, что хорошо писана; еще не возвратил ее мне.

Александр. Палермо, 19 октября 1806 года

Мой милый друг. Пишу тебе от маркиза де Сен-Клера. Это здешний князь Платон Александрович Зубов, понимаешь? Добрый малый, с коим я очень дружен. Я нашел здесь г-на Матеуса, шведского офицера, который прямо этим вечером едет в Вену; так что письмо мое не будет длинным. Я много выпил за столом, так что письмо мое будет и не вполне трезвым.

Знай под секретом, что меня представил Дмитрий Павлович в секретари с 1800 жалованья; писал о том своеручно Будбергу и в таких выражениях, что способу нет отказать. Не пиши о том папаше: вдруг его обрадуем лучше.

Александр. Палермо, 9 ноября 1806 года

Ты знаешь, что Дмитрий Павлович просился в отпуск на год и что это время хотел провести в Вене, как для собственного своего удовольствия, но более еще, чтобы мне угодить. Государь велел его просить остаться здесь еще несколько времени, покуда не решится судьба здешнего двора, после чего даст ему место, приличное его дарованиям и услугам, оказанным уже отечеству. Я это желал бы тебе утаить, так же, как и батюшке, но подумал, что совестно продолжить твою мечту. Придется нам еще здесь пожить; но, дабы доставить себе возможность по прошествии зимы и худого мореплавания приехать к вам курьером, был я заступником Полетики и упросил Дмитрия Павловича позволить ему сюда приехать, о чем Полетика стороною велел меня просить. Дмитрий Павлович, по свойственной ему доброте, все прошедшее забыл и писал Полетике приехать, ежели хочет, без чего мне бы отсюда не вырваться никогда: ибо Дмитрию Павловичу одному всем ворочать никак нельзя, а мои товарищи здесь совершенно бесполезны.

Англичане делать чудеса перестали, бросили Калабрию, услышав о нашем мнимом мире, и воротились все в Мессину. Теперь калабрийцы одни дерутся с французами и их славно щелкают; в последнем деле взяли 300 пленных, коих большая часть привезена сюда же; все голы, босиком и худо кормлены. Королева, которая делает добро даже врагам своим, тронутая их положением, велела их одеть и обуть за ее собственный счет. Они были растроганы таким великодушием и адресовали ей благодарственный сонет. Я тебе пришлю копию, ежели время мне позволит. Скажи это посольше: ее это обрадует, ибо она друг королевы. Берегите ее; с прискорбием слышу от тебя о худом ее положении, но надеюсь, что покой все восстановит; такое путешествие, как ее, хоть кого бы расстроило.

Дела французов в Неаполе, конечно, идут очень дурно, и их вся надежда на том основана, что Наполеон все поправит своими победами и дерзостью. Чем-то все это кончится? Мы опять поздно подоспеем и будем иметь похвальную надменность драться с меньшим количеством войск, подеремся хватски, но потеряем Европу. Оставим размышления, от которых грустно должно делаться россиянину. Во время Якова Ивановича турки инако говорить смели с Россиею; теперь один Себастиани (кажется) борется со 100 тыс. русских, кои на границах турецких и завладеть бы могли всей землею, прежде нежели Бонапарт узнает, что они идут.

Александр. Мессина, 13 декабря 1806 года

Сюда пришла эскадра русская под командою командира Игнатьева, пять кораблей, фрегат, два корвета и шлюп. Дмитрий Павлович, узнав об этом, тотчас сюда качнул по-курьерски, имея нужду обо многом поговорить с Игнатьевым. Меня взял с собою. Эскадра уходит сегодня же в Корфу, и я азардую [рискну передать] тебе это письмо через Моцениго: авось-либо дойдет.

Ну что за эскадра! Удивление! Какие корабли! Что за хваты, все капитаны, вся молодежь! Корветом «Флорою» командует Андрея Семеновича Кологривова брат, Владимир, молодец бойкий и прелюбезный. Они нас славно угощали; были пиры, стрельба, концерты и проч. и проч. Между ними есть капитан Лукин, престрашный силач. Он себя прославил в Англии, где с тридцатью матросами завоевал целый порт Чернее, двух англичан поднял на воздух, держа в каждой руке по одному за бакенбарды, стукнул их головами и бросил в ров. Он ломает талер надвое так, как наш брат пряник.

Вчера праздновали мы рождение государево. Из девяти судов жарили так, что Мессине хуже пришлось, как во время землетрясения. Французы сделали новое нападение на Калабрию, которая у нас в виду. Вчера ночью сожгли они три селения. Не поверишь, как больно и жалко было смотреть на эти иллюминации! Господа англичане здесь руки сложа сидят. Их 20 000, и они равнодушно на это смотрят. Из Реджио бегут сюда на барках бедные обыватели. Солдаты заперлись в крепость, народ взял оружие, чтобы идти навстречу французам. Чем-то это кончится?

Послезавтра возвращаемся мы в Палермо, куда мне смертельно хочется: без Евангелистки [так называл Булгаков свою итальянскую возлюбленную] тоска, а она отпустила только на десять дней. Мы сюда махнули в 37 часов 180 миль, каково это? Частью водою, частью верхом. Отсюда берем с собою Монклара, который у нас погостит в Палермо месяца два, а здесь ему нечего делать при гроссмейстере. Этот молодец мне еще подтвердил, что даст крест; но черт знает, когда его признает папа, который трусит Бонапарта.

1807 год

Александр. Палермо, 4 января 1807 года

Я ездил с Дмитрием Павловичем в Мессину, где была эскадра наша, из Балтики пришедшая. Из Мессины писал я тебе, и теперь, пользуясь первым случаем, пишу тебе через Корфу, куда сегодня отправляем фрегат «Венус». Не буду распространяться в сем письме, ибо оно поздно до тебя дойдет; так-то говорится, а как примусь тебе писать, то не умею уже перестать. Прилагаю письмо к батюшке, из оного ты многое, до меня касающееся, узнаешь. Можно ли усерднее о брате своем просить, как Дмитрий Павлович обо мне? Я не сомневаюсь, что эта рекомендация произведет желаемое действие. Тогда мне будет лафа: 1500 брюхатых рублев в год, да и дорога моя сделана. Попасть только на эту стезю.

Александр. Палермо, 31 марта 1807 года

Я тебе премного обязан за вести о наших успехах; продолжай, ради Христа, писать о новостях всех вообще. Ты, право, смешон: как делать секреты из того, что надобно трубить русским по всей вселенной? И опять, как можешь ты думать, что я в каком-либо случае тебя компрометирую? Дмитрий Павлович именно велит мне тебя бранить за воздержность твою. «Напишите (сказал он мне) вашему брату, что он – как Бюллер[34], который на другой день по кончине князя Потемкина на ухо говорил своим друзьям, что его светлость был очень болен».

Наше отечество в прежалком положении. Сидней Смит пишет от 2 марта, что он высадил войска, прогнал турок, посланных из Азии на помощь Дарданеллам, завладел батареями, заколотил пушки, сжег и ждет только Сенявина (ушедшего из Корфы с восемью кораблями, четырьмя фрегатами и проч.), которому оставляет завладеть Царьградом и драться с турецким флотом; а сам пойдет куда? Это загадка! Говорят, покорить Египет. Первые известия из Архипелага будут весьма интересны. Аман! Аман! Дадут им Амана: у Сенявина все капитаны прехваты, не уступят хоть самим англичанам.

Сколь ни люблю Куракина, желаю для тебя и для службы, чтоб граф у вас остался, и это вероятно: ежели по сю пору тот не бывал, то не будет совсем[35].

Полетика, верно, ушел в Дарданеллы с Сенявиным, так адресуй, пожалуй, письма твои через Пеллегрини к Моцениго, а еще лучше к Манзо, ибо из Триеста очень часто идут суда в

Мессину; я к тебе таким же манером писать теперь буду. Пожалуй, сообщай, какие награждения кому даны, кто из знакомых в армии отличаются, и проч. Теперь Аустерлиц заглажен на вечные времена; долго Бонапарт на всякую музыку пел это слово. И у нас заведутся песенки на Пултуск, Морунген, Эйлау. Ай да казаки! Французы про них говорят, что они людоеды. Манифест о милиции писан бесподобно и должен распалять сердце всякого россиянина. Мы читали с восхищением все то, что ты пишешь об энтузиазме, у нас царствующем.

Кауница здесь очень мало уважают: король не любит, а королева трактует как шалуна, да и положение его таково. Надобно посмотреть, как с нашим обходится, да и как наш себя ведет. Я, право, другого Дмитрия Павловича не знаю на свете. Я, право, с тобою не могу быть фамильярнее, как с ним. Целый день мы вместе, друг от друга ни малейшей безделки не утаиваем. Что бы я ни захотел, все для меня сделает, во всем требует всегда мое согласие или мнение, а неограниченная его доверенность и дружба ко мне дают мне вес в городе и у двора. Все министры меня любят. Что делает Поццо славного? Он в военной службе. Зачем у вас? Ты просишь мой журнал. Авось-либо надумаю прислать его с Радди. Все боюсь, чтоб не пропал, и не потерялись мои труды; а он тебя позабавит. Кланяйся премного от меня Дамасу. Все его приятели вспоминают об нем очень часто и любят его.

Александр. Палермо, 5 апреля 1807 года

Англичане напакостили в Дарданеллах, пробились туда, но что пользы? Чем идти тотчас на столицу, Арбутнот кинул якорь у Принцевых островов и начал трактовать. Турки на протяжении трех дней развлекали публику и так выиграли драгоценное время. Они привели столицу в состояние обороны и собрали под стенами 15 линейных кораблей, кои призвали из Буюкдере. Англичане, боясь быть атакованы слишком значительными силами, произвели отступление и много пострадали от огня батарей при вторичном проходе через Дарданеллы. Сенявин соединился с ними три дня спустя в Тенедосе; он предложил Данкворту идти на Константинополь, но тот отказался, желая завладеть прежде всего замками Дарданелл, чтобы обезопасить свое отступление. Он развернул парус к Египту, оставив на 8 кораблей Сенявина всю тяжесть операций в Дарданеллах. Мы не знаем, какое решение примет наш вице-адмирал. В ожидании англичан уже взяли Александрию, с потерею двух офицеров и пяти солдат. Экое побоище!

Если бы Италинский был молодым человеком, любящим

славу и презирающим опасности, он сел бы на нашу эскадру, прошел бы Дарданеллы ранее англичан и принудил бы турок к миру, не оставив им времени даже вздохнуть. Возможно ли, чтобы один-единственный человек перевешивал всю армию, которая захватила уже половину Турции, и эскадру из восьми кораблей? У Себастиани есть и способности, и ловкость, – этого нельзя отрицать.

Александр. Палермо, 9 апреля 1807 года

Вчерашний день был один из приятнейших в моей жизни, милый и любезный брат: от тебя первого узнаю я, что меня сделали секретарем посольства. Я тебе не могу описать радость мою; я плакал так, как то бывает при радостном свидании после долговременной разлуки; стыдно сказать другому, но тебе открываю мою слабость. Размышление умножило мое благополучие. Я представил себе удовольствие батюшкино, поздравления, ему делаемые о наших успехах в службе; воображаю себе утешенную его старость видеть труды свои непотерянными и обещания наши, при отъезде из России ему данные, исполненными; представил себе любезного Константина, уделяющего приятелям общую радость; прибавь к этому открывающуюся мне дорогу, особливо ежели Неаполь Россиею возвратится законным своим государям; все это так далеко завело мое воображение, что я нашел себя счастливейшим из смертных.

Вообрази себе, что я сплю; меня будят, подают мне газеты. Выругав моего мальчика (я его завел себе с тех пор, как у коротконогого генерала голова заполнена одними ролями, комедиями, репетициями и проч.), я опять заснул. Сплю, меня еще будят: бешусь на мальчика, не понимаю его смелости. Но он был уверен в своей правоте. «Вам, – сказал он, – письмо от брата». – «Где?..» В одну минуту колпак очутился на полу, сон исчез, открываю твое письмо (то есть копию твою с батюшкинова письма № 45); первые слова: «Здравие и почтение г-ну секретарю посольства». Давай одеваться скорей, бегу без штанов, в капоте на низ к Дмитрию Павловичу, давай его целовать. Он еще в постели. Комедия! «Что с вами, – сказал он, – ну! Что, качнул, небось? Говорите же!» – «Какое качнул? Дело в том, что перед вами стоит ваш секретарь посольства с удрученною под 1500 рублями мошною». – «Шутишь?» – «Какая тут шутка? Вот и указ батюшка прислал». Не поверишь, как это обрадовало Дмитрия Павловича; начал меня целовать и поздравлять. Я ему говорю: «Вы это все сделали», – а он отвечает: «Какой черт я, ты сам заслужил», – и проч. За обедом пили шампанское за мое здоровье; все сердечно радовались. Карпов, особливо Пиний, кажется, недовольны, но

должны в коже лопать и молчать, ибо попрекнуть ни тот, ни другой не могут: оба слишком знают, что они с приезда Дмитрия Павловича в Неаполь и не прикоснулись к работе, я все один делал. Все одно только и говорят: «Стоил того Булгаков, нечего сказать». Королева велела мне сказать через маркиза Сен-Клера, что очень радуется определению, которое оставляет меня прочно при ее дворе, и поздравляет меня.

Александр. Палермо, 1 июня 1807 года

Отправляется какой-то офицер, именем Цукати, в Корфу. Дмитрий Павлович посредством Моцениги пишет к Сенявину. Ты можешь себе представить, милый и любезный брат, с каким восхищением я пользуюсь сим случаем, чтобы к тебе писать, полагая, что письмо это найдет тебя здорового и благополучно прибывшего в Тенедос. Куда тебя обстоятельства не заносили? Неаполь, Корфу, Тенедос! Авось-либо попадешься и в Сицилию: сердце мне предсказывает эту радость; эта радостная мысль не выходит у меня из головы. Дмитрий Павлович меня в том обнадеживает очень. Поццо между прочим к нему пишет: «Булгаков со мною; для меня подлинное счастье его иметь; я пишу вам мало, ибо остальное он скажет брату своему, коему пишет», – и проч.

Лорд, тебе кланявшийся, называется (не вспомню): он пустился было воевать в Египте волонтером; их там отмуштровали славно, отпала волонта, и он опять сюда явился. Ништо им! Зачем не дождаться Сенявина, пройти вместе Дарданеллы и задавить турок? А то от жадности наделали много шуму в Европе своим проходом, не умели дело кончить и оставили все на наших плечах, забыли общую выгоду, погнались за своею в Египет и ништо взяли: из пяти тысяч человек едва, сказывают, двести осталось в живых изменою мамалуков. Из Сицилии послано туда два полка на подкрепление.

Спасибо за подробности о наших офицерах в Корфу; между ними есть прехорошие ребята и мне хорошие приятели. Это хорошо, что из Петербурга тебе велено ехать с Поццо, стало быть, тебя занумерили (как говаривал маленький Рихтер в Москве); вам, верно, дано препоручение, и ежели удастся, то будет и тебе награждение какое-либо. Ваша посылка, я думаю, утрет нос Италинскому, который поступил как баба. Зачем занесло его в Мальту? Приличнее было ехать в Корфу, поторопить Сенявина, предупредить англичан, самому ехать к Дарданеллам, не терять времени, как Арбутнот, и отомстить Себастиани, который угрозами и обещаниями умел взять верх над министром государства, как Россия, имеющая половину Турции в руках. Ну

уж, брат, показал бы туркам русский дух Татищев, ежели бы он тут случился.

Французы по сие время поют Аустерлицкую баталию, которая з…ха в сравнении с Эйлаутским делом. И не надобно унывать славить наших героев: мы печатаем здесь подробности сей победы. Ты увидишь это из прилагаемого у сего экземпляра. Взятие Тенедоса мы также напечатали со всевозможным для англичан снисхождением.

Италинский к нам пишет, что его совсем забыли и что он ждет приказаний о своем дальнейшем назначении. Скажи мне что-нибудь о Полетике, с тобой ли он на Тенедосе?.. Булетины французские наполнены вздорами; называют нашего государя молодым одержимым, который не хочет дать передохнуть Европе. Особа, приехавшая из Мальты в Мессину, уверяет, что Италинский собирается ехать в Лондон. Этот старик с ума сходит от англичан.

Александр. Палермо, 13 июня 1807 года

Нам сегодня дали знать, что английский корабль идет в Тенедос, я пользуюсь сим случаем с восхищением, чтобы к тебе написать. Мы 1-го сделали большую экспедицию к Дмитрию Николаевичу, препроводили ему через Корфу пакеты от Чичагова. Вам, может быть, уже известно, что в Лондоне произошла большая перемена в министерстве: вся Фоксова шайка, к общему благополучию, слетела, все почти министры в чужих краях переменены. Дуглас отозван, на его место опять Левизон Говер; на место Адера к вам в Вену граф Пемброк; сии два посла прежде отправятся в армию к императору нашему, а оттуда по своим местам. К прусскому королю назначен лорд Пажет, а Артур Пажет ожидается всякий день сюда; пробыв здесь мало времени, последует он в Тенедос, дабы трактовать с Портою. К Сенявину идут четыре английских корабля с четырьмя тысячами войска, сии назначены для покорения острова Скио; таким образом запрется сношение со Смирною. Теперь все пойдет хорошо, а то, право, плохо приходилось, по милости англичан. Система низверженных министров клонилась к постыдному миру, и они всячески работали, чтобы внушить нам отвращение к войне.

Алопеусу обещано, что будет высажено в скором времени 14 тысяч английского войска в Германии, а к государю императору послан план на апробацию; обещано также, что будет дано повеление Фоксу содействовать в усилиях здешнего двора для покорения Неапольского королевства. Мы имеем здесь на рейде пять кораблей, из коих «Formidable», «Royal Souvereign» и «Windsor Castle» трехдечные; ожидаются другие три корабля.

В Польше и Пруссии ничего не происходит. Самые недавние и официальные письма из Вены датированы 30 мая. Руффо говорит, что на Австрию сильно давят; сейм ее должен окончиться в июне месяце. Император вернется в Вену весьма довольный венграми, Стадион едет вперед него. Р. не сомневается, что А. в конце концов себя проявит, ибо ее посредничество, холодно принятое нами и Пруссией, ничего не производит. Кажется, у нас прониклись истиною, что всякий договор с Бонапартом есть надувательство. Мы крайне расположены к великим усилиям, мы ждем от Австрии *да* или *нет*, и в последнем случае решено брать меры, дабы достигнуть предложенной цели без ее содействия. Великий план военной и политической операции был намечен нашим императором и королем Пруссии; они договорились 26 апреля не складывать оружия, пока цель не будет достигнута. Идет работа над тем, чтобы склонить к сему Франца. В этой конвенции ничто не было забыто, вплоть до принца Оранского. В ней гарантируется целостность Оттоманской империи. Что ты об этом скажешь? Все это большая тайна, и знай про себя. Вообрази, всем мы отдаем свое, да с прибавкою: Пруссии и Австрии, первой в Германии, второй в Италии, а себе мы не берем *ничего*.

Бонапарт окопался и укрепился великолепным образом; но у него чрезвычайная нехватка припасов. Мы думаем с полным основанием, что Бенигсен хочет его уморить голодом. Как бы ни было, его бездействие с тех пор, как все подкрепления к нему прибыли, должно объясняться причинами величайшей важности; он не потерял времени: с 70 тысячами он сразился бы, несомненно, и с 340 тысячами, если бы понадобилось. Бонапарт написал письмо, чтобы остановить кровопролитие и сблизиться. Бенигсен отвечал: «Я здесь для того, чтобы биться, а не вести переговоры, у меня нет полномочий». Данциг до 20 мая, по французским донесениям, отказывался сдаваться; мы на третьей линии, и французы угрожают начать приступ. Нейс, Грауденц, Кольбер по-прежнему сопротивляются. 20 тысяч русских сели на корабли в Пиллау; они идут в Шведскую Померанию, чтобы взять французов с тылу.

Передай милому Поццоди-Борго тысячу учтивостей от меня. Я повсюду разослал, чтобы найти его дядюшку и дать ему знать, что у него есть оказия в Тенедос, но не смогли его отыскать. Покамест скажи ему, что он чувствует себя весьма хорошо. Дмитрий Павлович заинтересовался его сыном, который будет помещен в главную квартиру. Не упускай никакой оказии писать мне и пиши побольше.

Кстати: вообрази, что один здешний офицер проткнул

младшего камердинера министра, Василия, тремя ударами сабли, и знаешь почему? Василий на набережной вел за руку одну женщину, офицер своей тростью задрал ей юбку; Василий сказал: «Сударь, эта женщина не шлюха». Этого офицеру хватило, чтобы развернуть свою *доблесть* против безоружного. Экий народ! Бедный раненый мучается, но выживет. Офицер арестован и будет примерно наказан.

Кланяйся нашим хватам капитанам. Глаза Европы обращены на них, и я уверен, что, ежели турки осмелятся выйти, их поколотят свойски. Французы разглашают, что капитан-паша сбирается выйти с нами драться и взять обратно Тенедос; одним словом, газеты наполнены всяким вздором.

Александр. Палермо, 5 ноября 1807 года

Мы имеем известие, что наши прошли Гибралтар 16 октября, направляя путь к океану. У нас была страшная письменная война с англичанами и с здешним двором. Баратынский пришел в Мессину с двумя кораблями. Английский генерал Мор отказал им вход в порт и другим трем судам, пришедшим на другой день под нашим флагом. Мы с сим посылаем курьера в Петербург, то есть до Триеста, препоручая Пелигрини доставить пакет Куракину. Его же сиятельство пошлет все к Будбергу с первой курьерскою оказией по просьбе нашей. Как бы охотно я пустился, да и Дмитрий Павлович охотно бы сам отпустил!

Какая славная школа была для меня все это время, что работал с Дмитрием Павловичем; ежели бы не потерял я два года с Италинским, а особливо два другие с Карповым, а тотчас бы попал в настоящие руки, теперь бы не поддался ни одному из моих коллег-секретарей. Но на что хвастать? Только и оправдания, что пишу тебе, а это у меня как разговор с самим собою. Что это за человек – Дмитрий Павлович! Я благословляю ту минуту, в которую назначили меня в Неаполь, поскольку события и судьба должны были и его привести туда.

Александр. Палермо, 11 декабря 1807 года

У нас здесь теперь фрегат «Венус»: сел бы на него и пустился бы в Триест! Этот фрегат отправлен к нам Сенявиным, который со всей своей эскадрою намерен зимовать в Лиссабоне и послал отыскивать остальные суда, предписывая им идти также в Лиссабон на зиму. Пришествие этого судна весьма встревожило здесь всех: думали, что он пришел нас отсюда увезти, но теперь успокоились.

Мы составляем теперь общество наподобие московского Благородного собрания, но в малом виде, и имеем большие

проекты веселиться в этот карнавал: всякий день будет съезд, и раз в неделю танцевать; мы устроили маскарад, кадрили, светский театр и проч., будет весело; но для меня главное веселье будет приезд Радди и счастливейший день тот, в который пущусь в Москву через любезную Вену.

1808 год

Александр. С.-Петербург, 25 апреля 1808 года

По пятнадцатидневном путешествии достигнул я Петербурга, милый и любезный брат. Это пятое письмо с тех пор, что мы расстались: я тебе писал из Тешена, из Кракова, Коцка и Вильны.

Австрийский курьер, коего я встретил в Кракове, посоветовал мне ехать на Вильну. С великим трудом перебрался я через Вислу, Неман и Двину; но хорошо еще, что удалось, а то легко бы мог и эту поездку столь же несчастливо совершить, как первую до Вены. Нас раз пять вывалили, но все так счастливо, что один только раз мы несколько ушиблись, а то все более было смеху, нежели беды.

Меня тут никто не обвинял, что долго ехал; правду ты говорил: по ним, приезжай или нет, рано или поздно, скоро или тихо – все им равно. Граф [то есть министр иностранных дел граф Н.П.Румянцев] меня принял как будто старинного приятеля, поцеловал и велел мне паки к себе быть, когда поотдохну, что я и учинил. Он сущая фаля: никому добра не желает. За то все идет нельзя хуже, и никто его не терпит, даже государь над ним смеется. По всему кажется, ему недолго пировать. Боголюбов доставляет мне случай к тебе писать с фельдъегерем, в Вену отправляемым; он его выпросил в корпус сей, он ему предан и письмо тебе верно сам отдаст, следовательно, могу тебе писать с большой вольностью обо всем.

Будь не скот Румянцев министром, крест бы был уже на тебе. Вот твоя история. Он депешу Князеву [то есть депешу, посланную из Вены князем А.Б.Куракиным] о тебе утаил; Жерве ему заметил, что это могут узнать и будет худо, ибо князь часто в письмах своих прямо к государю ссылается на депеши, посылаемые к министру. Он поднес, следовательно, ту; государь сказал: «Надо дать ему крест»;

а он заметил, что это будет разбрасываться наградами и что ты только исполнил твой долг. Однако ж, несмотря на все это, император не велел отказывать и прибавил: «Я поговорю об этом с Поццо». Я был у сего, говорил с ним, обо всем его уведомил; он сбирается в Вену и на днях должен быть призван к государю; он меня обнадежил, что все устроит к нашему удовольствию, и я не имею в том сомнения. Ты видишь, что, несмотря на худые слова Румянцева, государь расположен снизойти на представление князево.

Мое дело идет очень медленно; но я, правду сказать, и мало стараюсь. Я более часу был с Румянцевым наедине. Он мне

предлагает первое место, мне приличное, которое представится; но я так боюсь попасться к какому-либо новому коронованному вшивику, что иной милости не прошу, как только возвратиться к моему любезному Татищеву. Гудович просит секретаря для трактования мира[36]; граф мне это место предложил, но я поблагодарил, хотя оно и может принести великую пользу. Жил я два года далеко от тех, коих люблю, без способов с ними сообщаться, – будет с меня этого: теперь меня не заманишь никакими конфетами. Предложено мне будет мюнхенское секретарство, вряд ли решусь туда ехать, разве для того, чтоб быть в твоем соседстве; все от того зависит, какого министра туда пошлют: будет ли это Бибиков или Татищев? Впрочем, буду требовать батюшкинова совета. Дмитрию Павловичу не думают давать места. Граф, кажется, хочет меня оттянуть от него, не знаю – для чего; я дал ему очень почувствовать, что желаю разделить его участь. Так что я уезжаю, без какого-либо решения о будущей моей участи, в отпуск на год. Граф мне учтиво отказал и обещал оный на 4 месяца. Вчера подал я прошение: просился я к Венской миссии. «Зачем же вам быть сверх комплекта? – сказал мне граф. – Вы имеете право на место, соответствующее потерянному вами», – и проч. Все мои происки к тому клонятся, чтобы с тобою как-нибудь пожить вместе. Внуши князю написать, что было бы хорошо, ежели б оставили Татищева в Риме без официального статуса, но как путешественник он мог бы, не давая ничего заподозрить французам, быть полезным, особливо в минуту, когда у нас нет служащих в Италии, которая теперь театр важных событий. Впрочем, как бы они ни ворочали, а я уж в Вену попаду каким-нибудь да манером.

Оставлю это на час: я к этому вернусь позднее. Стану говорить о матушке. Я у нее живу, само собою, но уж не там, где ты был. Мое появление произвело в ней волнование, от которого она насилу оправилась, несмотря на все взятые мною предосторожности, чтобы отвратить от нее всякое насильственное движение. Я послал сперва к ней Антонио, который очень хорошо привел в действие данный мною урок; со всем тем, как обнял я ее, сделался ей обморок; радость моя обратилась в беспокойствие. Теперь она, слава Богу, здорова. Не поверишь, как я ее нашел ослабевшею и переменившеюся: она чувствует живо нужду ехать в Москву и отправится туда в будущем месяце. Слава Богу, убедилась она пользою и выгодами сего перемещения. Я буду покоен, когда она прибудет туда; а между тем ничего не упущаю, чтобы всячески ее утешать и укреплять ее здоровье. С тех пор, что я приехал, вижу уже большую перемену в ней. Я дал ей от тебя 10 червонцев и устроил ее дела: теперь нет на ней ни копейки долгу;

430 рублей заплатил я за нее; кроме того, оставлю ей еще сотенки три, ежели Коллегия заплатит мне передержанные мною 156 червонцев в курьерство мое из Палермо в Вену. Вестман мне это обещал наверное и велел только счет подать. Нам надобно добавить каждому по 400 рублей в год, тогда будет она иметь по 2000 рублей, с коим доходом славно ей можно жить в Москве; она мне говорит, что это все, чего она желает. Но кто нам мешать будет посылать Extra-Einkunften? Надобно утешать старость ее; лучше мы потерпим, лишимся даже нужного, чтобы доставить ей лишнее. Я знаю твое сердце, милый брат; лишнее тебе это предлагать или, лучше сказать, лишнее было бы требовать согласия твоего на предлагаемое мною устройство. Так что я сказал матушке, что мы с тобою договорились в Вене о таком устройстве. Как обрадовало ее это!

Беда иметь сердце нежное, как ее: все его слишком поражает. Ты знаешь, как она любит цветы. Я сделал ей сюрприз, накупив розанов прекрасных, гвоздик, левкоев, гиацинтов на 20 рублей, и заставил все окна ее комнаты; все утро проплакала, столь была ей чувствительна память сия. А что трогает сердце, то вредит здоровью: ей нужен покой, но с ее чувствительностью как найти ей оный? Это, право, меня сокрушает.

Дети очень выросли, особливо старшая, которая с Генриеттой; Лизочка хороша собою. Знаешь ли, какой у меня проект в голове? Право, я оным часто забавляюсь: выдать ее замуж за Фавста; дело-то, право, сбыточное. Может ли он найти лучшую жену, а она мужа? Об этом подумаем посерьезнее в надлежащее время. Скажи мне, что ты думаешь об этом? Приступаю к Александру Васильевичу: есть чем потешить публику. Жалко смотреть на него: совсем пропадает молодой человек. Мы все делаем, чтоб привезти его в Москву; принудили его выпросить отпуск; князь Сергей[37] оставил мне деньги на заплату его долгов, и я везу его с собою в Москву; там дадим ему место. Надобно его иметь в глазах, а то здесь наносит он бесславие нашему дому: пьет безмилосердно. Намедни сидит в театре; актер, не знаю, что-то сказал, а мой Приклонский вздумал ему с кресел закричать ответ по своему вкусу. Эртель тут был и велел молодца вывести из театра. Весь театр потешался этой сценою, которая позабавила более, чем пьеса; говорят, что реплика Приклонского была весьма остроумна; не знаю я, что он сказал.

Анна Петровна все еще здесь; Николаша ее колотит, а она кричит с восторгом: «Как он мил!» Правду говорит батюшка ей: «Покуда хороша Наталья Алексеевна, процесс вам не выиграть; приезжайте в Москву ждать ее упадка». Она наконец тоже

решилась ехать в Москву через две недели. Следовательно, все наши вон отсюда.

Мой отпуск выйдет на днях, я его только жду, чтобы поскакать; умираю от нетерпения обнять батюшку; а он, наш любезный, во всяком письме своем к князю Сергею Ивановичу все говорит: «Куда девался мой Александр? Старайтесь что-нибудь об нем узнать от Сергея Павловича или в канцелярии Министерства», – и проч. То-то обрадуется, как получит письма наши из Вены; я их отдал Прокофию Лукичу, коего не мог не видеть в Вильне. Я не забыл дело венской Белой Бабки[38]. Она нашла в Боголюбове золотого стряпчего; такой фарисей! Рассуди, что он был у Литты и привел ее в слезы и с нею плакал, сделав ей картину княгининого положения. «Вы ведь потеряли уже одну дочь[39], – сказал он матери, – неужели и этой хотите лишиться? Войдите в ее состояние: она, бедная, больна. Кому же пещись об ней, ежели не вам?» – и проч. Только уж он до того наговорил, что та в слезы. Она приняла сторону своей дочери, повторяя с жаром: «Я прежде всего мать, Катенька дитя мое, уж поставлю на своем», – и проч. Я чаю, Боголюбов пишет сам обо всем; он отлично справился с ее поручением, и моей помощи не надобно было. Только знай, что Боголюбов препролаз-малый: он все, ну все знает, он оказался мне в высшей степени полезен и помог здесь, и любит нас обоих от всего сердца. Я им, право, не могу довольно нахвалиться: милый малый и преуслужливый, уж умеет в душу влезть хоть кому.

Мне здесь очень клеится: все меня очень ласкают; Якова Ивановича сыну всюду двери откроются. Как лестно и весело иметь такого отца, как наш! Румянцев в долгой беседе со мною (во время коей я успел заметить, что ему не только здравого суждения недостает, но даже и знания географии) говорил мне о высоком уважении, кое питает он к столь выдающемуся служителю отечества, как батюшка. «Что ж, – сказал я, с жаром его прерывая, – составьте счастие его старости, добившись от императора наград, кои начальники наши испрашивали для меня и брата». Я это произнес, кажется, с таким чувством, а он отвечал: «Будьте уверены, что я сделаю все, что в моей власти», – как будто бы не мог он словом все сделать; лучше было молчать, чем пустое молоть. Не подумай, что тут есть какая-либо личность к нам; он со всеми так, за то все от него бегают, никому добра не делает. Я не вытерпел и сказал ему, что Свиньину, который был почти у тебя под командою, дали крест. Весь ответ был – пошевелиться на стуле. Его скоро спихнут; дела делаются нельзя глупее и подлее.

Сегодня ходили по всем домам квартальные с запрещениями

носить в столице впредь белые кокарды и кресты Св. Людовика; этого Алькье никогда не мог вынудить у генерала Актона в Неаполе, а Россия главу преклоняет. Ведем две войны, английскую и шведскую, бог знает зачем, объявляем Финляндию нашей областью тогда, как все крепости еще в могуществе шведского короля и, может быть, будем принуждены оставить постыдно сие завладение или сделать большие усилия и пожертвования, чтобы удержать заклад; с турками не хотим ни драться, ни мириться; в государстве нет ни соли, ни сукна на армию; в Казани и Саратове чума; войско разбросано на севере и западе, а весь центр России открыт. Вздумай теперь Бонапарт идти прямо из Варшавы в Гродно, не найдет сопротивления, и проч. и проч. Вот в каком положении матушка-Россия, первое государство земного шара!

Но полно о сем, грустно говорить. Третьего дня был бал у княгини Долгоруковой, был великий князь. Было очень весело, и я как следует развлекся. Нашел пропасть московских, виленских и неапольских знакомых, Влодековы стали прекрасны, особливо меньшая, а старшая мала ростом. Обе тебе велели кланяться, и множество других, но не упомню всех.

Александр. С.-Петербург, 29 апреля 1808 года

С Козенцем пишет Румянцев к князю. Отправляя его, граф сказал Жерве: «Кстати, надобно мне окончить венское дело Булгакова для отправки Боголюбова». Кажется, теперь должно ожидать нам успеха, тем более, что Поццо получил уже отпуск свой в чужие края и недели через две поедет; перед отъездом должен он видеть государя и обещал мне непременно выпросить крест твой; это точно, что ему в сем не откажут, и Боголюбов старается, чтоб быть доставщиком гостинца. Ему говорят, что он будет отправлен через десять дней.

Мое дело идет тихо. Тургенев все меня бранит, что я слишком равнодушен и не хлопочу; он думает, что дело могло бы легко устроиться. Завтра, так и быть, поеду к графу, поговорю еще и отдам ему маленькую записку службы моей со времени, что я в чужих краях; надеюсь, что это произведет что-нибудь. Шулепов уверяет меня, что граф очень ко мне хорошо расположен. Мне кажется, что он не хочет сделать угодное Татищеву, коего он не любит. Мне предлагали ехать к Гудовичу, я отказался. Как уехать так далеко от тебя и своих? Теперь посылается туда Кторнер. Вестман вчера мне внушал, что я могу тотчас получить место в Неаполе и что ждут только моего прошения. Я ему отвечал, что долго ждать будут. – «Но ежели бы вам его предложили?» – «Я поблагодарил бы, ибо неприлично мне

туда возвращаться, бывши там и приехав с Сицилии». Для одной причины был бы мне Неаполь приятен: моя Испанка бы туда верно переселилась из Сицилии; но, будучи в Риме у Дмитрия Павловича, я легко могу ехать в Неаполь, коль скоро узнаю, что любезная там. Вот одна причина, могущая меня понудить быть при лазаронце Иосифе с такой умной головою, как Бибиков. Но положим все это на сторону: как расстаться с таким начальником, каков Татищев? Как оставить такого друга?

Вечера провожу у Орловой, Долгоруковых (князь, сын и все они тебе кланяются), у князя Алексея Борисовича [Куракина] и у Александра Львовича [Нарышкина], где всегда множество народу. Поццо много бывает в первых двух домах. Ну, брат, что здесь за стужа по сю пору! По утрам бегаю, гуляю по набережной, по бульвару и Летнему саду, бываю у князя Чарторыжского, у дюка Серра-Кап-риоли, который стал простым частным лицом, в лавках и проч. Разумеется, что во всех этих экспедициях Боголюбов всегда рядом со мною. Мы почти всегда вместе. Кстати, надобно мне сказать тебе нечто, что знаю от него; но обещай мне не говорить о сем княгине, ибо это только ее огорчит. Знай, что Анстет написал Рибопьеру, что нос у Багратион вот-вот отвалится и что он рядом, чтобы его подобрать, и полагает сделать себе из него реликвию. Рибопьер имел неосторожность повторить эту шутку, которая дошла до ушей матери и мужа; они успокоились только тогда, когда Жеребцова (кажется), приехавшая сюда недавно, поспешила опровергнуть эту неправду. Рибопьеру пришлось отрицать, что он когда-либо слышал подобное мнение. Ежели правда это, то не хвалю толстого: позволено шутить, но эта шутка пересолена. Скажи княгине, что ее дело совершенно кончено, то есть что с 1 мая начнут ей пересылать доходы ее в Вену через князя Александра Борисовича. Представь ей (ежели она того хочет) Козенца, который в курсе ее дел и знает мужа ее и Литтшу. Багратиону дана аренда в 18 000 рублей и 15 000 рублей на проезд к водам Кавказским.

Взятием Швебурга кончилась шведская война. Три дня назад были поднесены государю ключи крепости сей и знамена, взятые у шведов. Церемония происходила возле статуи Петра Великого с великою помпою: все были полки в параде и проч. Остров Готланд взят нами. Говорят, что турки согласны отдать нам Молдавию и Валахию, только бы Франция перестала вмешиваться в их дела. *Коленкоровому* человеку [то есть французскому послу при нашем дворе Коленкуру] дан титул герцога Висенского. Никогда герцог не делал столько визитов, как в день получения сего известия. Говорят также, что Аракчееву, который чрезвычайно всемогущ, будет дан титул князя Финского, а

Румянцев будет пожалован первоклассным. Лобанов, сказывают, будет военным губернатором в Москве, а Молчанов – министром коммерции.

Вот все наши городские вести. Не дождусь минуты отсюда убраться. Какая дороговизна! То ли еще будет? А рубль так в чести теперь, что мне за треть моего жалованья выдали здесь 1312 рублей; это за январскую, сентябрьская послана в Палермо; я хлопочу, чтобы мне ее здесь выдали, а деньги бы взыскали с Татищева, коему пишу пользоваться моим сентябрьским доходом; Вестман согласился на это устройство.

Александр. С.-Петербург, 1 мая 1808 года

Вообрази, что по сю пору не могу добиться отпуска. Теперь новая остановка: императорская фамилия в печали по смерти великой княжны Елизаветы Александровны; государь никого не видит, следовательно, доклад об отпуске моем отсрочен по крайней мере на пару дней. Я умираю с тоски здесь, Петербург для меня несносен, несмотря на то, что всеми я очень обласкан. Батюшка у меня не выходит из ума.

Поццо сегодня должен был иметь прощальную аудиенцию у государя, но, вероятно, не состоится по случившейся в царской фамилии смерти. Он обещал непременно выходить тебе Владимира, и я уверен, что ему не будет отказано.

Тогда буду я совершенно счастлив, ибо мой крест меня не интересует; он у Румянцева пришит к кишкам; пусть себе там будет. Меня все оттирают от Татищева.

Вчера видел я министра Дании у князя Долгорукова; он приехал от Коленкура, который сказал ему, что получил из Берлина известие о том, что Анстет, человек очень умный, служащий в посольстве в Вене, внезапно умер, оставив безутешною молодую жену. Коленкур сообщил столько подробностей об этой смерти, что мы не решаемся в ней сомневаться. Ждем с мучительною тревогою от вас писем. Между тем многие молодцы вострят зубы на покойниково место. Ежели это так и есть, то надеюсь, что князь, объявив о понесенной им утрате, сам назначит того, кого желает, на место Анстета. Была бы Божья воля на то, чтобы все это оказалось неправдой! Но как верить после этого тому, что французы болтают?

Багратион здесь; он хотел ехать к Баденским водам. Вообрази себе, что Боголюбов подвел штуки, чтобы он не туда ехал, а на Кавказские воды, дабы избавить княгиню от милого ее супруга. Он не хотел соглашаться ни на какое условие с нею, но все устроилось без него, как я тебе написал, и княгиня будет с 1 мая получать деньги ее матери. За взятие Швебурга дали Буксгевдену

Георгия 1-го класса против устава, ибо крепость не взята осадою. Было много других награждений. Остров Готланд занят нами.

Вообрази, что я и на гулянье 1 мая не ездил: ни к чему нет охоты; послал матушку с детьми; воротилась она очень слаба, от усталости легла, но увидала, что я пишу тебе, встала и сама стала тебе писать. «Без сего, – сказала она, – Константин решит, что я заболела, это его огорчит». Я думаю, такой души, как у матушки, не найти во всей Вселенной; ее чувствительный нрав – главная причина расстроенного ее здоровья; я всячески стараюсь восстанавливать силы ее.

Тургенев намедни меня разругал, что я о себе хлопотать не хочу; уверяет, что после раскаиваться буду. Взяло меня раздумье, написал маленькую промеморию подвигов моих со вступления в Неапольскую миссию; я читал ее князю Чарторыжскому, который сказал, что это отлично, что я должен представить ее графу Румянцеву и что он, со своей стороны, поддержит ее. Заинтересую также маленького Голицына[40], который со мною очень любезен и который по-прежнему в большом фаворе.

Вчера ужинали мы у Куракиных с Боголюбовым. Были тут Завадовская, Кутузова и проч. Заговорили о венской Белой Бабке. Кутузова, умилившись, сказала томным голосом: «Какая жалость! Багратион больна без надежды». Куракина начала ей противоречить, а она стала доказывать, что Багратион так больна, что ей жить нельзя. Нас позвали в судьи. Я сказал: «При хорошем лечении и упорядоченной жизни в умеренном климате она может поправиться». А Кутузова свое да свое: «Это невозможно! Я знаю это от графа Литты, который знает от Жеребцовой».

Я прошу батюшку, чтоб Поццо был у нас в доме. Надобно ему воздать за дружбу к тебе, да притом общество его очень приятно. Государь едет скоро в Финляндию. Коленкур собирается побывать тем временем в Москве.

Александр. С.-Петербург, 9 мая 1808 года

Мой отпуск, наконец, вышел без жалованья, но с позволением без платежа четыре месяца дышать московским воздухом, и этой-то милости насилу добился.

Поццо, быв вчера у государя, очень настоял на твоем кресте. Государь изволил спросить: «Но заслужил ли он его по чести и совести?» На что отвечал Поццо: «Уверяю ваше величество по своей чести и совести, что сия награда полагается ему по всей справедливости». – «Что ж, – сказал государь, – хорошо, я согласен, устройте сие с графом Румянцевым». Кажется, дело конченное; но, зная графа, я все еще сомневаюсь: он какую-нибудь штуку да подведет, что все испортит, ибо он добро делать

скуп, а кормит одними баснями ревностных служителей отечества.

Александр. С.-Петербург, 11 мая 1808 года

Вчера заехали мы с Боголюбовым к *** после театра, застали ее с какою-то старою девицею гр. Головкиной, ужинают простоквашу; нас заставили есть. Боголюбов уверяет, что, чтобы сие не принесло вреда, надобно запить. Хозяйка этому обрадовалась (любит подпить). Спрашивает: чего? Старой мадеры, – отвечает Боголюбов. Приносят, и он обеих барынь подпоя, уговорил их ехать на вечер к Александру Львовичу [Нарышкину], где сел с ними играть в бостон и взял четвертым Реневаля, французского секретаря посольства. Надобно было видеть эту комедию: Боголюбов всем глазом мигает, а сам помирает со смеху. Эдакий ведь проказник! А пьяная *** так была в памяти, что французу говорила все по-русски, а когда плевать хотелось, не оборачиваясь и забывшись, часто плевала на свои карты. Скажи это княгине, ежели может ее это повеселить; кланяйся ей усердно от меня.

Посоветуй ей написать к мужу ласковое письмо; он хорошо расположен, даже хочет, чтобы окружающие княгиню были довольны, и шлет подарок мамзель Авроре – кажется, шаль славную турецкую. Очень я рад, что выпущенная французским послом весть о смерти Анстета неправда; он теперь запирается, что от него вышел слух о смерти сей. Поццо на будущей неделе едет, то есть несколько дней после меня. Я предупредил батюшку; прошу его, чтобы Поццо жил у нас в доме; надобно ему воздать за дружбу к тебе, да притом общество его столь приятно: батюшка верно его полюбит. Государь едет скоро в Финляндию. Коленкур собирается побывать этим временем в Москве у нас.

Молодая императрица в отчаянии от потери ребенка. Не могут добиться, чтобы она плакала: она как каменная. Очень опасаются, как бы не имело это пагубных последствий. Она поедет в Царское Село. Император едет в Финляндию, где нас только что помяли. Генерал Булатов был убит. Говорят, что Буксгевден будет сменен. На днях будет объявлена свадьба Бориса Куракина с дочерью князя Бориса Голицына. Ты их знал в Вене.

Александр. С.-Петербург, 14 мая 1808 года

Поццо едет также в Москву; он будет жить у нас, хлопочет о деньгах своих и жалованье и смертельно боится, чтоб ничего не устроилось до отъезда государева в Финляндию, что имеет быть в пятницу. Оттуда плохие известия: шведы пришли с шестью

кораблями и множеством войска и отняли у нас Готланд, которым мы завладели слишком легко. На суше имели мы также урон: убито и потеряно человек 1000, между первыми генерал Булатов; все дело произошло, говорят, от ненависти Буксгевдена к Тучкову, коего он хотел сакрифировать, дав ему повеление с охапкою людей поворотить большой шведский корпус. Сказывают, что Буксгевден будет отозван.

P.S. Коленкур теперь запирается, что от него вышла весть о смерти Анстета. Все очень рады, что это неправда; а многие, было, навострили зубы на место его, и между прочими, сказывают, Рибопьер, которого государь терпеть не может.

Здесь такие морозы по сю пору, что способу нет выходить из дому. Талейранчик, которого ты знавал в Вене, поехал отсюда вчера в Париж; прощаясь с государем, получил он Анну на шею с бриллиантами. За что? А наш брат, русский, служит и тужит. Бедному сыну Анны Любимовны прострелили французы шею, за то дали Аннинскую шпагу; а у других Георгий на шее – ни дай, ни вынеси за что.

Александр. Москва, 28 мая 1808 года

Выехал я из Петербурга 21-го с Приклонским; по случившейся ему на дороге болезни не могли мы сюда прибыть прежде 26-го ввечеру. Дорога вела нас мимо нового Князева дома, дядею ему[41] отданного; заехали туда, спросили: дома ли? Говорят, что нет, но что тетушка тут и просит меня очень забежать. Как отказать в том, чего сам смертельно желаешь? Соскочил с брички, побежал. Вообрази себе: ее радость столь была велика, что она, увидев меня за сорок шагов, забыла старость свою и пустилась бежать мне навстречу; как стала меня целовать, то чуть не задохлась от усталости и сделанного ею усилия, так что я перепугался; сыну своему даже не столь она обрадовалась, как мне. Мы поплакали и поехали вместе к батюшке, она в своей коляске нам показала дорогу, ехала вперед и, я чаю, скакала в первый раз сроду.

Как поравнялись мы с Чевкиных домом, я не мог стерпеть: сердце так забилось, что я принужден был давить его обеими руками, чтоб себя облегчить, соскочил с облучка, побежал наперед. Первый человек, мною встречаемый,

Евсей, говорит, что батюшка ушел пешком в летний сад; думал было туда бежать, но, вспомнив глупую мою шутку с тобою, послал батюшке сказать, что я приехал; через четверть часа бежит ко мне Фавст. Ты можешь себе представить радость обоих нас! «Я, – говорит он, – гулял с батюшкою в летнем саду, как пришел мальчик сказать, что ты приехал; мы оба заплакали

от радости». «Я вижу, – сказал Фавсту батюшка, – что тебе хочется очень бежать к Алексаше; ступай вперед, мне бегать невмочь, я приду за тобою вслед, пойду как можно скорее».

Я все стоял у окошка, ждавши батюшку. Тетушка первая, увидев его, закричала: «Вот и братец!» Ну, брат, как увидел я его, идущего большими скорыми шагами, утирающего пот, с него лившийся от усталости, как увидел я его, ищущего меня у всякого окна глазами, тут не могу тебе пересказать, что со мною произошло в душе: я завыл во весь голос, побежал вон из комнаты. Фавст меня, спасибо, удержал, а то бы дал себя в позорище всем прохожим на улице; в передней кинулся я на шею нашему земному богу-отцу и благодетелю.

Нет, брат, я кинул теперь перо, – нет сил, духу досказывать; это слишком терзает мое сердце, да и твоего растрогивать не хочу: оно у тебя нежно. Ты себе вообразить можешь блаженство мое, состояние мое, слыша сии батюшкины слова: «Вы, – сказал он, перебив мою речь, – вы благодетели мои, вы старость мою утешаете, вы продлите жизнь мою». Тут он так сильно заплакал, что не мог продолжать. Какая картина! Все люди, вокруг стоявшие, все плакали с нами. Вдруг батюшка возмужался, хлопнул в ладони. «Ну, кзендз, – сказал он, – сыграй нам на цимбалках!» И пошла радость. Подъехали потом князь с княгинею, сошли вниз Павлик, Александра Петровна. Батюшка велел ужин приготовить; ели и пили, покуда силы были. После ужина сам меня проводил в мою квартиру и положил спать. Живу я (покуда не окончится покрытие железом библиотеки) в покоях Анны Петровны.

Давай входить теперь в подробности. Батюшка истинно мало переменился, мало очень состарился; а так как он обрил пукли свои, отрезал косу и ходит а-ля Титус, то это его делает моложе и отнимает от него нажитые лета после нашего отъезда из России; он все весел, не проходит пяти минут, чтоб не смеялся, дурачит Фавста, говорит тетушке небылицы, дразнит собак, подшучивает над князем Сергеем Ивановичем; ну, одним словом, он все тот же, только что со мною уж не как отец говорит и поступает, но как брат и друг. Вчера все утро пробыл я с ним в кабинете; он мне свои шашни рассказывал. «Дай Бог тебе, – прибавил он, – не только дожить до моих лет, но пережить оные; а пуще всего желаю тебе в 64 года приволачиваться, как я; а это оттого, что я себя в молодости не изнурял», – и проч.

Твой экранчик делает батюшке благополучие; он именно сии вымолвил слова: «Ведь у меня бог знает чего не перебывало из таких безделиц; но я ничего не видал подобного; эта вещь такая, что не стыдно императрице подарить: красиво, щеголевато,

хорошо сделано; ай да Кастентин!» Не мог налюбоваться; да и скажу, брат, что подлинно прекрасно. Батюшка беспрестанно говорит о безделушках, тобою присылаемых; между прочими есть одна девчонка, очень мило приседающая и нагибающая голову, как подернешь внизу за кусочек бумажки; эту штучку так он любит, что носит ее всегда с собою в записной книжке, и часто ее вынимает и ею забавляется; но экран особенно его утешает: кто ни придет, всем показывает, посмотрит, похвалит, щелкнет одним пальцем по двум другим, вместе сжатым (ты помнишь это), и скажет: «Ай да Кастентин!»

Сад наш прелесть, ездят в нем гулять, как в дворцовый: как разросся, это непонятно! Дом – игрушка, все, все на своем месте, как было в старину. Я, говоря с батюшкой о безделках, зазывал его в Вену. Вот там уж найдете, что покупать. «И, да на что мне ехать? – отвечал он. – У меня там Кастентин караулит все эти милые безделушки, уж не прозевает ничего; вот ты не видал ничего: у меня бездна всякой всячины, им присланной».

Александр. Москва, 31 мая 1808 года

Сегодня воскресенье; у батюшки по-старому обед. Нас было человек тридцать: все на свете Хованские, все на свете итальянцы, всякие музыканты, etc. Меня призывает батюшка, заговорил со мною, да вдруг: «Это что такое лежит там на полу?» – и подлинно, какой-то пакет. Я побежал поднимать. Что ж вышло? Пакет от тебя. Ах, брат, сегодняшний день радостный для меня: ты пишешь мне, мой дорогой Татищев и кто еще? Моя возлюбленная испанка. Ну, право, я вне себя от радости. Ай да сюрприз сделал мне батюшка! Он разложил сегодня перед глазами любопытных гостей все наши подарки: чашки наши, твой экранчик и карикатуры. С чашками славно все обошлось: я поставил их на стол, стоящий в большой гостиной против турецкого канапе; особенного стола не сделал, ибо негде поставить, так покои батюшкины завалены всякими мебелями. Как вошел батюшка, да увидел: «Ба-ба-ба! Да это что такое?» – и ну меня целовать; потом пошел пить в кабинет и нашел мои граненые венские карафины и кружку; там положил я записочку с сими словами: «Последняя, более сюрпризов не будет». Гляжу – батюшка идет ко мне, целует, говоря: «Ах ты, мой Алексаша!» Вчера подарил он мне 1000 рублей. «Ежели выйдут, скажи, я дам тебе еще», – прибавил он.

Александр Валуево, 1 июня 1808 года

Третьего дня отправились Сердобины в путь [в Вену, где послом был отец их, князь А.Б.Куракин]; они будут к вам дней в 40; у князя есть в доме здесь некто комиссионер его Петр

Александрович, малый очень услужливый; батюшка его зовет к себе часто обедать; он всегда предупреждает его, когда бывают случаи в Вену, берет письма и даже посылки очень охотно. Я вручил ему для пересылки к тебе с Сердобиными две посылки: в одной две шали, одна темная с мушками, другая желтая, также с мушками; обе, кажется, хороши, моего выбора, по всем дамам были испробованы, одну чуть было не отняли, теперь уверились, что я даме, именуемой Константин, даю надо всеми преимущество. Пожалуй, напиши правду: будут ли по вкусу; буде есть какие-либо цвета предпочитаемые, скажи, я пришлю того цвета. Я взял одну скромного цвета и одну яркого, чтобы всем вкусам угодить. В другом свертке пара сапожков красных сафьянных, золотом шитых, для ношения вместо туфель: это купил я в Торжке, где работа в роде сем доведена до большого совершенства. Отдай их от меня Дмитрию Павловичу, ибо его красные сапожки утренние давно просятся в отставку. Ежели он уже уехал из Вены (что очень невероятно), то возьми их себе, ибо пересылать такую безделицу в Рим не стоит труда: они папских туфель не затмят.

Третьего дня княгиня Урусова [сестра Д.П.Татищева] праздновала его рождение ужином; не было тут только родных, а из посторонних (ежели можно дать мне имя это, когда дело идет о Татищева семье) были я и Фавст. Елизавета Павловна много пела: голос удивительный; жалость, что она довольствоваться должна Маскати; в Италии у последнего носильщика метода лучше и более вкусу. Он ее мучит гаргулиадами; одним словом, русские запевалы делают те же пассажи, что Маскати.

Знаешь ли, что я на досуге хочу перебелить мой журнал порядочно, потому что все писано второпях и без всякого старания и внимания. Ежели ты прочел что-нибудь, то увидишь, что он делался, чтобы быть читанным только близкими моими. Из шести-семи тетрадей, что я тебе оставил, будет из чего наделать 20. Вот приеду в Вену, так стану, право, работать; батюшка также в сем настоит; а я ему столь же охотно бы оный вверил, как тебе. Он совсем стал не тот, и я с ним столь же вольно и откровенно обхожусь, как с тобою или Фавстом. А уж как любит нас, это нельзя изъяснить: всякое слово, всякой шаг его доказывает это. Он одно поет, что состарился; я это не нахожу, и все со мною согласны. Право, стал веселее прежнего: ну нет минуты, чтобы не подшучивал и не припевал: «А кто иде?» – любимый его дуэт. Он тебе послал несколько экземпляров с Сердобиными.

Александр. Москва, 8 июня 1808 года

Я сюда приехал. Выходя из коляски, узнали мы, что приехал

сюда Поццо. Я к нему побежал и, к сожалению моему, нашел его в постели больным жабою: простудился в дороге, заболело горло, не хотел останавливаться, ну, его пуще растрясло: попался ему коновал, а не лекарь, дал ему полосканье, от которого ему стало еще хуже; теперь охрип, с трудом глотает и говорит. Я ему дал первого здесь доктора Уиллза и надеюсь, что теперь его вылечат в несколько дней. Батюшка у него был, и они уж друг друга полюбили.

Князь Федор Сергеевич Одоевский, промучась долго от каменной болезни, умер на сих днях; а наш родня Федор

Дмитриевич Колтовский женится. Наследники до того изъявляли радость свою получить его имение из-за лет его, не позволяющих ему жениться, что он, рассердясь, взял да и женился, не помню на ком. Стало, молодые Федоры умирают, а старые женятся. У старика 2000 душ с лишком и 300 000 рублей деньгами с лишком же.

Вообрази, что 30-го и 31 мая шел сильный снег в Петербурге; скажи это Дмитрию Павловичу: он огорчится, что в чужих краях, а не в России. Я люблю страстно отечество мое, но там невообразимо скучно, нельзя ни поесть, ни переварить.

Александр. Москва, 11 июня 1808 года

Сегодня везет батюшка меня на званый обед к Черткову; смерть не хочется: надобно пудриться и надевать мундир; там будут все матадоры: Марков, Ростопчин, Тутолмин, градоначальник и другие матадоры. На вечер едем мы к Хованским; вчера был у них. Княжны много мне говорили о тебе и помнят услугу, тобою всей семье оказанную; также велели тебе напомнить, как вы где-то перепились так, что тебя и князя Василья Наташа вела за руку. Они все такие же миленькие. Старшая поет как бог, – что за голос, так в сердце и лезет!

Поццо здесь, приехал больной; теперь ему час от часу становится лучше; батюшка у него бывает всякий день, часто и по два раза. Вчера дал ему наш приезжий в подарок план и рисунок Кампосантской баталии и рисунок карикатуры, представляющей Болонию, консула, идущего с женою на гулянье 1 мая в Корфе. Батюшка очень смеялся фигурке коротенького и долговязой. Много говорил я с Поццо о тебе; он мне рассказывал в большой подробности странствование ваше, твою болезнь. О, милый брат, если бы я тогда знал, в какой ты был нужде, опасности, все, что ты терпел, – я думаю, не перенес бы печали этой. Ты мне десятой доли не писал и не рассказывал того, что я узнал от Поццо. Видно, Провидение надо мною бдит, ежели тебя сохранило. Натерпелся и я в странствование мое; но был, слава Богу, всегда

здоров, и все это не послужило ни к выгодам, ни к награждениям. Терпение!

Александр. Москва, 18 июня 1808 года

Третьего дня возил батюшка Поццо, Приклонского и меня к Тутолмину [тогдашнему московскому главнокомандующему], который прислал вчера звать к себе первого обедать; нам нельзя было: мы ездили с Хованскими обедать в Очаково к Нарышкиным, то есть к Опочининой; у нее живут Петр Петрович с женой и Милашевич с женой; весело провели день: гуляли, прыгали, пели, танцевали; мне было ловко приволачиваться: мужа Соковниной не было; он боится, чтоб я не догадался, что он ревнив; а жену, шельма, бранит всякий день за меня потихоньку. Ты не поверишь, как Сонюша интересна. Мы большие друзья. Я ей открыл часть моих секретов, а она свои – мне. Нельзя ничего предвидеть, но, может быть, дружба и в другое превратится, хотя я очень далеко от того, чтоб быть влюбленным.

Вечер мы проводили у Хованских. Поццо был зван, но устал слишком от обеда своего и не приехал на вечер. Князь его очень полюбил. У Хованских есть немой, пресмешной; не знаю, помнишь ли ты его. Я ему дал зажечь одну из этих хлопушек, что ты мне дал, чтоб Фавста обмануть. Надобно было видеть, как он испугался, побежал за мною, хотел меня за волосы взять; я тем только избавился, что другую хлопушку ему показал со свечою в руках. А батюшка так и помирает со смеху; он всегда был весел, но теперь нет минуты, чтоб не шутил и не смеялся. И я, кажется, весел; чего мне недостает? А он все пеняет, что я не в духе, и спрашивает часто: что у тебя?

14-го я повел Поццо смотреть кремлевские славности; он был в восхищении от вида, открывающегося с Ивана Великого. В следующий понедельник он едет в Вену через Киев. Он говорит, что, когда увидишь московские чрезмерности: великий колокол, великую пушку, великого Ивана, значит, все увидишь. Поццо мне давал читать все те бумаги, которые ты ему в порядок привел и перебелил, будучи на корабле. Это очень интересно. Вечером был у моей кузины большой ужин; Поццо там был, и все были восхищены его обществом. 16-го мы обедали в павильоне в нашем саду, а кофей пили в беседке под дубами.

Ты не поверишь, с каким чувством батюшка представляет Поццо приятелям своим: «Вот, – говорит он, всегда со слезами на глазах, – человек, коему обязан я сохранением Константина». Мы сегодня обедали у Тутолмина: батюшка, Поццо, Алекс. Васильевич и я. Второй сидел рядом с князем Василием Хованским, который давал большой собаке, бывшей под столом,

все, что было у него на тарелке. «Ах, князь, – сказал Поццо, – вы отправляете обед куда ему и следует». Мерзкий обед!

Александр. Москва, 23 июня 1808 года

Сегодня у нас много обедает; напросился также, бог знает зачем, Тутолмин; я боюсь, что он расстроит наше санфасонство. Впрочем, княжон не будет: Софья уехала с мужем и Полиною к Троице Богу молиться, а Наталья будет их, вероятно, оплакивать.

Наш сегодняшний обед удался; это было прелестно, и я сему удивляюсь, ибо Хованских не было. Вот кто были: Баранова с дочерью, Зиновьевы, Багратионы, Волковы, полицмейстер Александр Александрович, Мария Ивановна Корсакова с прекрасной своей дочерью, Белая Бабка [Белой Бабкой Булгаковы звали свою двоюродную сестру княгиню Елизавету Васильевну Голицыну] (тетушка Александра Петровна просидела весь день в своей норе), Иван Иванович Демидов, Чертков, князь Урусов, но без жены, которая, едучи завтра в деревню, хотела провести день с родными. Князь дал мне письмо для Дмитрия Павловича, которое ему пришлю с Поццо, завтра едущим. Было множество мужчин: обер-полицмейстер, полицмейстер Дурасов и проч. и проч., Амплюшка. Да! Были также шведские пленные: генерал и венский ваш Клерфильд, которые не могут нахвалиться Москвою, не успевают поспевать на все зовы. Обед был славный, на двух столах: один в галерее, а другой в клавикордной; хозяйничали я, Фавст и Косой [то есть А.В.Приклонский]; кофей пили в беседке под дубами, тут были цыгане, славные плясуны; потом мороженое ели за прудом в беседке, тут песельники нас утешали; наконец, в третьем месте подавали липец, восхищаясь фавстовыми музыкантами, в кустарниках спрятанными. Батюшка был очень весел, да и все так были довольны, что Тутолмин сам уехал почти последний. Время прекрасное всему способствовало.

Пришли под вечер гулять в сад какие-то три немецкие актрисы, батюшке знакомые; он их удержал ужинать в саду же. Это был подлинно галантный ужин: они только три, батюшка, я, Фавст, Поццо, поп-ксендз, Николай Богданович, Амплюша и Косой, который день со дня становится лучше. После ужина пустились в три пары танцевать, а батюшка прихлопывает руками и припевает фавстовым музыкантам. Новосильцев Николай Николаевич, быв здесь, уехал; он будет объезжать все школы, университеты и подобные заведения, в России находящиеся.

Александр. Москва, 29 июня 1808 года

Козодавлеву дали Александровскую ленту, Т.И.Тутолмина сыну – Анну на шею с бриллиантами, равно как и пяти другим по

представлению отца за подвиги по милиции. Говорят, что Куракина дочь, Салтыкова, разводится с мужем ради конногвардейского полковника Чичерина [этот слух оправдался]. Не могу этому поверить и прошу это не говорить никому; это может не понравиться твоему начальнику [то есть князю А.Б.Куракину, послу в Вене; он был дядей Салтыковой] и к тому же оказаться неправдою, как я и думаю. Вашего Сологуба женят на какой-то – кажется, княжне Горчаковой. Старому Масальскому в сердцах на сына вздумалось жениться на какой-то девушке, которая с тем на то согласилась, чтоб он ей до брака тотчас укрепил хоть 500 душ.

Балашов, петербургский обер-полицмейстер, едет сюда и подцепляет какую-то купчиху с двумя миллионами. Орлова[42] все неподвижна еще, а смотри, ежели не возьмет какого-нибудь горбуна или Лаваля[43]. Говорят, она само совершенство, даже и без богатства. Я не видал ее еще по сю пору, а хочется на чудо это посмотреть.

Александр. Москва, 6 июля 1808 года

Хованские уехали в Горбово[44]; сегодня едут также Соковнины; 8-го числа поеду я, а батюшка будет несколько дней позже меня и проживет там до 24-го. Я везу с собою Антонио; он сочинил маленькую итальянскую фарсу «Il Fanatico», которую будем там играть. Меня втащили в оперу русскую. Что делать, надобно петь; роль, спасибо, невелика, одна только ария, но много разговора. Музыка оперы «Ям» прекрасная, в русском вкусе; Боголюбов ее знает: мы часто в Петербурге с ним ее слушали. Намедни обедал у нас Репнин, а третьего дня мы у него обедали; он очень переменился в свою пользу, живет чрезвычайно согласно с женою; она брюхата на сносе, не считая того, что у нее уже есть сын и дочь[45].

Константин. Вена, 17 июля 1808 года

Поццо редкий человек и умом, и нравом, и сердцем. Этих, брат, немного. Милого батюшку за угощенье, Поццо сделанное, благодарю сердечно. Это также доказывает, что он меня любит, а я подлинно Поццо многим обязан. Без него бы не перенести мне, может быть, болезни – одному посреди моряков и сраженьев, когда я двигаться не мог. Не поверишь, как я о нем беспокоился, когда он на шканцах командовал лагерем. Всякий раз, что приносили раненого, все думал, что он, а он поминутно присылал мне сказать, что он жив. Какая блаженная для меня минута была – его после сражения увидеть!

Константин. Вена, 27 июля 1808 года

Поццо не может нахвалиться всеми вами, а ты знаешь, что ежели он кого полюбит, то порядочно. Его любовь – как его ненависть. А в сей последней дал он доказательства. От батюшки он в восхищении. Хотел к вам сегодня писать; надеюсь, что пришлет письмо. Он вернулся к своим прежним привычкам, и видно, что счастлив, что попал в Вену, которую он любит и которую, как ты сам знаешь, нельзя не любить.

Александр. Москва, 4 августа 1808 года

Лубяновский[46] сюда приехал; он женится на дочери генерала Мерлина, коего знали мы в Гродно; тот дает ему 2000 душ в приданом. Здесь вышла жизнь Потемкина в трех томах. Автор часто говорит о батюшке как о просвещенном, искусном и весьма одаренном посланнике.

Александр. Москва, 6 августа 1808 года

В Риге умер Александр Андреевич Беклешов, всеми оплакиваемый; а в деревне, среди своих разоренных мужиков, изволила на тот свет отправиться графиня Буксгевден[47], жена того героя, которого шведы всякий день колотят. Генералу Витте дали алмазные знаки Александровские. Всех здешних театральных директоров отрешили, а будет один только камергер Всеволожский управлять театральною Московскою дирекцией.

Кстати. Много теперь шуму делает следующее: итальянец один возвращается из Макарьевской ярмарки с двумя гиенами, которых показывал там за деньги. Сорок верст от Москвы они у него как-то изломали клетки железные, вырвались, убежали и теперь причиняют великие опустошения. По полученным главнокомандующим рапортам, пожрали они уже 24 человека. Одну гиену мужики убили, другая еще существует, зима ее убьет: но до того времени может она наделать много вреда. В одной деревне мужики вздумали, что это-то Бонапарт: немногим ошиблись. Жестоко, что России приходится терпеть от чудищ, Африкою порожденных. Возвращаясь от князя Сергея Ивановича, который живет за городом, мы обыкновенно берем дорогу полем; тетушка [Мавра Ивановна Приклонская] велела сынку всегда городом ездить, несмотря на большой объезд; а на вопрос: «зачем?» отвечала, что «в поле может еще попасться стерва-то эта гиена». Весь город полон этим злосчастным приключением; можно подумать, что мы перенеслись во времена Пугачева: по крайней мере, о гиене говорят с тем же страхом, с каким о разбойнике говорили; может быть, и ее велят повесить, как покойного господина казацкого маркиза. Итальянец, сказывают, в

отчаянии, бегает по лесам, ищет или смерти, или своих дезертиров.

Выписываю тебе статью из «Вестника Европы», журнала, печатаемого в России: «Посланник персидского шаха Фет-али, едущий во Францию, останавливался в Вене и обедал у французского посланника, у которого находился тогда весь дипломатический корпус. Он родственник шаха и везет к Наполеону две Тамерлановы сабли. Пред обедом и после обеда курил он табак и пил кофей. Русский посол, князь Куракин, сидел за столом с ним рядом, и его персидское высочество в знак внимания положил своеручно на тарелку князя несколько макаронов», – и проч. и проч. Правда ли это?

Александр. Москва, 7 августа 1808 года

Оливиери приехал; это рагузеец, бывший у батюшки в Константинополе, великий латинист; сочинения его напечатаны. Батюшка говорит, что местами он превосходит Овидия; он получил в университете кафедру латинского языка. Граф Алексей Разумовский [тогдашний попечитель Московского учебного округа] из уважения к батюшке дает ему 1000 рублей, квартирные, дрова и проч. и проч. Это очень приятный человек, занятный, просвещенный, он чрезвычайно батюшку развлекает: они очень часто говорят о Константинополе. Оливиери говорит, что при Обрескове в Константинополе был ад, при Стахиеве – чистилище, при Булгакове – рай, а при Кочубее – хаос.

Я вспомнил, что в последнем письме обещал тебе пересказать историю Николушки Салтыкова с женою. Вот она. Он с караулом во дворце; жена пользуется его отсутствием и едет на бал к Хитрову, где был великий князь и много людей и куда, как говорила мужу, она не была приглашена. Он узнает о том, но не верит; наконец, чтобы увериться в том, надевает лакейский сюртук и уезжает с караула на бал, который давали, кажется, на Каменном острове, велит сказать жене, что пришел от князя Ал. Борисовича человек и вызывает ее; она выходит, видит мужа, кричит, как испугавшаяся, вбегает в залу; все выходят и находят переодетого Салтыкова, вне себя от ярости. Его сажают под арест, он должен быть уволен, послан на Кавказ; маршал Салтыков добивается, чтобы он сохранил чин камергера и служил в нем. История эта сделала много шума и, по моему мнению, очень мало чести племяннице нашего начальника. Это гордая кокетка и ветреница. Я на месте мужа этих дурачеств не делал бы, а дома, ничего не говоря, выпорол бы ее славным манером. Экий дурак. Уверяют, будто она просила у великого князя карету, чтобы вернуться домой в безопасности. Вот история, как ее здесь

рассказывают. Правда, нет ли – о том не знаю; всегда очень неприятно, что прилепляют эту басню (ежели это басня) на голову мадам Салтыковой.

Большой дворец, где были казармы, отдан Московскому университету. Где был Университет, будут присутственные места; а солдат куда-то за город переводят. Кочубей к вам приедет; прошу тебя с ним подружиться. Кто знает? Он может снова стать твоим начальником.

Александр. Москва, 10 августа 1808 года

Сколько всего о нас должен был порассказать тебе Поццо! Батюшка сильно о нем сожалеет и твердит, что много где побывал, но мало встречал людей такого приятного обхождения. Он говорит также, что письмо его к рейс-эфенди это шедевр и что нельзя более вежливо сказать туркам, что они скоты. Батюшка написал ему на прошлой неделе.

Все, что ты говоришь мне о сражении Кампозанто, еще более привязывает меня к Поццо. Он говорил нам об опасностях, коим ты подвергался, о твоих страданиях, но не прибавлял, что был твоим ангелом-хранителем. Тем лучше: мы уж не в силах были бы для него сделать то, что он сделал для тебя.

Константин. Вена, 20 августа 1808 года

Дай Боже, чтобы Фавсту досталось что-нибудь от Павла Матвеевича[48]; но сомневаюсь. Нестеровы не промахи.

А, чай, вся фамилия уже собралась к умирающему. Ему же счастья нет.

Александр. Москва, 29 августа 1808 года

Третьего дня был я на званом обеде у Бролио: молодой голыш, который женился на вдове князя Трубецкого (она, мне кажется, Левашова); ты ее видал в Марфине, она родня графу Ивану Петровичу [Салтыкову] покойному и бойкая особа. Видел я тут шведов, коих все здесь очень любят, угощают. Клерфельд велел тебе много очень кланяться и просил сказать мне что-либо о даме, коей имя написал на карточке своей, при сем прилагаемой. Была тут также толстая Гагарина [княжна Наталья Ивановна], что ушла с Тончи, живописцем. «Где узнали вы о моем замужестве?» – спросила она меня. «О, еще в Неаполе». – «От кого?» – «От брата и всех тех, кто писал мне из Москвы». – «Вас это удивило, не так ли?» – «Вовсе нет». – «Отчего же?» – «Нет, ибо в тот же день в Неаполе говорили, что князь Бутера, красавец, богатейший синьор двух Сицилий, испанский гранд и проч. и проч., собирается жениться на кухарке». – «Вот уж, однако, –

сказала она в ярости, – довольно грубое сравнение». – «Почему же? Разве рисовать лакомства и приготовлять их не суть одно и то же? И ежели доходит до того, чтобы съесть запретный плод, – будь то дыня или яблоко, разве не одно и то же?» Видя, что она сердится в самом деле, я сменил тему разговора. «Впрочем, – прибавил я, – я неправ. Сравнение неверно: князь Бутера хотел жениться из щепетильности ради детей, коих имел, а вы вышли замуж, чтобы иметь их в будущем, вот и посмотрим, сколько их будет у вас?» Она улыбнулась и отвечала, что брюхата первым*. Отец давно простил; дает ей по 3000 рублей на год и говорит: «Да что и другие-то не уйдут с кем-нибудь?» Я неважное имею мнение о нравственности князя Ивана Сергеевича [Гагарина]. По Москве говорят, что он опекунством своим разорял Николушку; а теперь, когда старший вышел из малолетства, принялся за меньшого. Мне приятно было говорить с Тончи об Италии, куда ему очень хочется ехать; спрашивал о брате, коего мы знали в Неаполе.

Поццо, конечно, более всего за то батюшка любил, что он тебя уберег. Представляя его тетушке, он сказал: «Вот, сестрица, командир Константинов; он ему на море жизнь спас». Выговорив эти слова, батюшка не мог слез удержать. Он всегда имел чувствительное сердце, но теперь сделался даже нежен. Как будем вместе, перетолкуем все, до него касающееся. Я не знаю, сказал ли я тебе, что батюшка отрезал свои прекрасные волосы; это сильно его омолодило. Он мне сказал, что коса ему в большую тягость была и что туалет его теперь сводится к пустякам, ибо он и пуклей уже не носит. Операция сия послужила сигналом к тому, чтобы то же сделали немногие лица в Москве, дорожившие еще косою как реликвией: Пушкин, Иван Иванович Демидов, все сенаторы и проч. и проч.

Александр. Москва, 3 сентября 1808 года

Румянцев, должно вам быть известно уже, поехал в Северную Германию на переговоры (говорят, с Наполеоном). Теперь едет и сам государь в Лейпциг, другие же говорят – в Эрфурт. Отсутствие его величества продолжится шесть недель. С ним князь Александр Николаевич Голицын и генерал-адъютанты Гагарин, Шувалов, Трубецкой и Ожаровский.

Должно быть у вас известно морское сражение наше со шведами и англичанами в Юнгфер-Зунде. У нас захватили корабль, который принуждены были мы сжечь; героическое сопротивление возбудило страх и восхищение неприятеля: контр-адмирал Хорд сказал капитану «Всеволода», отказываясь взять его саблю, что тот был достоин командовать самым прекрасным флотом в мире. Он дрался против двух шведских и двух

английских кораблей; весь экипаж перебит, 37 попалось в плен, все переранены и изувечены. Неприятель превосходил числом. Сказано, что русские всегда будут совершать чудеса храбрости, кои ни к чему не приведут, сражаясь всегда и на земле, и на море с превосходящими их силами; странно, что в закрытом море, кое мы считаем нам принадлежащим, море, омывающем берега нашей империи, мы не имели ума собрать себе хотя бы равные силы с неприятелем, явившимся издалека.

Ханыков ушел в Балтийский Порт, где он, вероятно, будет то же делать, что Сенявин в Лиссабоне, ибо его тесно блокирует шведский флот, из тринадцати кораблей состоящий. Сказывают, что Ханыков нарушил все пункты своих инструкций. Вместо того чтобы атаковать шведов, которые в какую-то минуту оказались слабее, он забавлялся наблюдениями за ними, дал им время запросить помощи у англичан; вместо того чтобы избежать сражения с последними, как то было ему предписано, он в него ввязался. Чичагов поскакал в Балтийский Порт. Но как помочь этому? Вот что рассказал мне граф Григорий Чернышев, который только что приехал с женой из Петербурга и живет у Бутурлиной.

По четвергам, а особливо по воскресеньям, наезжают к нам приятели обедать. Сегодня накопилось человек десяток: Биянки, Бечи, Амплей Васильевич, шведы, Малиновский, Николай Богданович, Приклонский, Федоров, Оливиери, поп, Фавст и проч. Батюшка отозван на несчастие: он рекомендует мне всем оказать почет и передает мне список вин, кои будем пить, который я при сем прилагаю.

Александр. Москва, 28 сентября 1808 года

Вчера, в воскресенье, обедать наехало так много, что батюшка был жизни не рад: всякий шематон думает быть вправе на сии обеды приглашать как на свои. Чижик[49] устраивает себе партии, и ежели чуть только игроки знакомы батюшке, зовет их обедать: поить всех сих господ хорошими нашими винами невмочь. Чижик затеял банк, все перессорились. Батюшка положил, что не будет более у него обедов по воскресеньям, а будет звать сам по выбору, в какой день вздумается. Он думал иметь только Чернышева вчера и обыкновенных, то есть Биянки, ксендза, Оливиери и родных, – вместо того наехало человек с 20, сели за стол в три часа с половиною, а он привык обедать в два. Зачем ему в своем же доме женироваться? И для кого? Для… которые недостойны в передней его быть. Карнеев – мальчишка, не имеет ни кола ни двора, живет одной игрою; Чижик его протежирует. Я ему никогда чести не оказываю с ним говорить.

После обеда батюшка отвел Чернышева в свой кабинет, чтобы

показать ему коллекцию визитных билетов венских, кои ты ему высылал постепенно и кои он вклеил в книгу; билеты с транспарантами, маленькие карикатуры и проч., словом, все там. Предупреждаю тебя, что он сказал Чернышеву: «Вот скоро будет новый год, Константин пришлет мне, я думаю, новых». Его эти безделицы чрезвычайно утешают; постарайся достать хорошеньких, то есть смешных; да вот я подъеду, тебе помогу в выборе. Да полно, что выбирать! Пришли все, что найдешь. С нами был также Малиновский[50], которому он дал на время какой-то присланный тобою же Иллирический лексикон; и в сем роде, ежели попадется тебе что-нибудь хорошего исторического, присылай.

Князь Александр Николаевич Голицын промотавшийся поехал в чужие края. За несколько почт от Москвы должники его поймали и воротили. У него великолепная верховая лошадь; он ее оставил в уплату троим разным лицам: конюху, который ее вырастил, одному бухарцу и своему портному. Таким-то манером, по-видимому, уплатил он и все другие свои долги.

Это письмо кажется мне подлинной мозаикою; лишь бы целое было тебе приятно – вот все, что нужно. Тетушка поручила мне давеча передать князю Лопухину письмо, которым просит она его (ввиду старой дружбы его с Василием Андреевичем) дать аудиенцию Анне Петровне. Лопухин ей отвечал очень вежливо, назначив для Анны Петровны час; на адресе значилось: «Ее превосходительству м. г. Мавре Ивановне» и проч. Мы чуть ее не уверили, что поскольку это министр юстиции к ней пишет, то адрес этот может ей служить вместо патента на чин. Только то ее амбарасировало [стесняло], что муж давно умер, а женских лиц в чины не жалуют. Анна Петровна ездила в Петербург, чтобы кончить дело свое против Натальи Алексеевны: прожила там три года, не могла поговорить даже с Лопухиным, сколь это ни искала. Здесь назначивает он ей час на переговор. Что же бы ты думал? Перед тем, как ехать ей к Лопухину, приходит к батюшке да говорит: «Да об чем мне, дядюшка, Лопухина просить?» А ты думаешь, что она дело свое насквозь знает, как кажется. Неудивительно, что ничего она не сделала за три года в Петербурге.

Константин. Вена, 7 октября 1808 года

Батюшка был совершенно прав, заставив тебя пробыть с ним еще 18 дней. Что бы ты делал в Петербурге? Ведь и я тебе то же советовал.

Чарторыжский проехал тут, пробыл не более двух дней. Он постарел. Он поехал к отцу своему в Италию, а после возвратится

в Россию, поскольку у него только шесть месяцев.

«Чем тебя я огорчила» – это моя любимая песенка. На корабле еще мы пели, и здесь ее все поют, а Лунина [позднее графиня Риччи, умершая в глубокой старости в селе Раменском под Москвою у приютившего ее князя Александра Федоровича Голицына-Прозоровского] как ангел – то есть поет ее. Между прочим она мне сказала, что ты никогда ее не слышал.

Невозможно писать, прерывают меня всякую минуту. Насчет Манзо: его секретарь Серво с ним поссорился и приехал сюда на него доносить, что в наследстве Скавронской [скончавшейся в Неаполе; она была по мужу теткою проживавшей в Вене княгини Багратион] утаил он от наследников множество вещей и денег. Он предложил княгине дать ему полномочие и обещал все выручить. Полномочие дано; увидим, что выйдет из этого. Что, однако же, еще сквернее от Манзо: Серво Дмитрию Павловичу доказал, что Манзо и у него утянул более 10 000 дукатов, вексель за него подписывал и множество подобных проказ делал. Татищев погубить его не хочет, но ежели Манзо не согласится добровольно ему возвратить деньги его, то худо ему будет. Каков молодец?

Дмитрий Павлович был болен лихорадкою, которая схватила его очень круто, и вот отчего. Ему присоветовали пить Эмские воды, но с ними ходить очень много надобно, чтобы они прошли, а он пил стакана по три в постели, без всякого моциона, а тогда это очень вредно. Нарышкина совсем собралась было отсюда в Париж, но обрезали у нее у кареты ремни, и она объявила, что надобно три месяца, чтобы это починить. Я уверен, что это лишь предлог, чтобы остаться. У нее уже и паспорта были. Какое сумасбродство!

Бедный Боголюбов навьючен, как верблюд, если не сказать хуже. Совестно просить его брать посылки, ибо имеет четыре серебряные вазы к Румянцеву, но для тебя согласился он взять баульчик, который уже уложен. Он, однако же, пустой; ибо купец не хотел никак, чтобы в нем что-нибудь было, уверяя, что как бы осторожно он ни уложил, все бы мог испортиться.

Константин. Вена, 8 октября 1808 года

Сегодня умерла Биллера, экс-министра, жена. Сегодня получили мы также известие, что на его место в Мюнхен назначен Барятинский. Татищев говорит, что он ему большой приятель и что ежели некуда будет тебе деваться, то можно с ним быть в Мюнхене; но мне кажется, что Дмитрию Павловичу самому скоро дадут место, как ни крепись. Сегодня ждут сюда графа Толстого, парижского посла бывшего. Он едет в Молдавию к армии. Жена его с ума сходит от радости.

Александр. Москва, 17 октября 1808 года

В среду был бал у бывшей княгини Прасковьи Юрьевны Гагариной, что теперь за Кологривовым. Бал кончился очень поздно; а как мне более часу езды в Слободу, лег я спать в седьмом часу и встал, вследствие того, во втором: надобно было как можно скорее одеться и ехать обедать с батюшкою к генералу Кнорингу. Меня в дом тот раз двадцать звали на вечер, – все не удавалось попасть; наконец хозяйка дает бал именин своих и зовет меня две недели наперед, чтобы я не успел получить другого приглашения, потому что Прасковий в Москве очень много.

Я приехал на бал в полночь. Ладно! Так как Кологривов очень тучен, то я тотчас его заметил и раскланялся с ним, но о существовании его жены я совершенно забыл: поставил мою шляпу, надел перчатки и пустился в пляс, а о хозяйке дома и не помышляю. Проходит с час времени. Я танцую польский с Софьей Пушкиной, переходя из комнаты в комнату, наступаю кому-то на ногу, при окончании танца оборачиваюсь и вижу… о Боже! Госпожа Кологривова! Что делать? С чего начать? «Добрый вечер, сударыня!» – или: «Прошу тысячу извинений»; но я был так смущен, что не сказал ни того, ни другого.

«Сударыня, – пробормотал я наконец, – желаю видеть вас в 1879 году в этот же день вполне здоровой, красивой и любезной, как сегодня, а себя более вежливым и менее рассеянным. Как видите, я назначаю весьма продолжительное время для моего воспитания, и потому надеюсь, что к назначенному сроку буду вполне приличным юношей». Эта шутка выручила меня из беды. Поставлено было условием перемирия, что я должен много танцевать и с бала уехать последним, что я в точности и исполнил; а хозяйка дома не преминула рассказать об этом приключении, и все общество много смеялось.

Александр. Москва, 26 октября 1808 года

Сегодня вечером я приглашен к Василию Львовичу Пушкину, где соберется много умных людей, а так как не надеюсь блистать там своим умом, то извинился, что, не имея такового, обладаю взамен его страшным кашлем. Не знаю, верно ли первое, но второе – грубейшая ложь, во избежание скучнейшего вечера. Для меня нет ничего противнее, как старание сделать такой-то день умнее обыкновенного или такой-то вечер любезнее обыкновенного. Я предпочитаю провести время в болтовне с тобой; это для меня гораздо забавнее.

Батюшка ищет повара. Отшедший от нас нашел очень

хорошее место у Мерлина по 450 рублей в год.

Сегодня открылся Демидова театр; играли там какие-то поганые немцы. Я думаю, что Коцебу сошел бы с ума, ежели бы видел, как его несчастную пьесу отделали. Я был там с Реманом и Волковым, начальником полиции; мы смеялись как сумасшедшие; было очень холодно. Был между прочими один актер, постоянно согревавший дыханием своим руки, то ту, то другую. Антонио заломался в креслах также; ты можешь себе представить, с каким презрением смотрел мой Гарик на чудаков Слободских.

Константин. Вена, 27 октября 1808 года

Жить в Париже так, говорят, дорого, что смыслу нет. Вот еще пункт, меня беспокоящий, ибо здесь живу я славно тем, что имею, а ехать в Париж [то есть с князем Алексеем

Борисовичем Куракиным, послом в Вене, который перемещен был оттуда в Париж], чтобы всего себя лишать в городе, где общество не представляет никаких ресурсов, не стоит труда. Но со всем тем я решился, а Бог позаботится о прочем.

Жаль, что у вас дом Луниных отнят. Я часто к ним забегаю. Они очень меня трактуют хорошо, и нам дочь поет «Девицу-красавицу». Я в восхищении от этой песни. Ты мне повторяешь, что князь может мне много добра сделать. Он может, но ты знаешь, что по сие время ничего мне не удавалось; но и то правда, что я никогда ничего не просил. Увидим, что при перемещении меня или оставлении здесь для меня сделают.

Разуверь, пожалуйста, батюшку (и непременно), что я, говоря о здешней дороговизне, не имел целью прибавки мне денег. Я чрезвычайно доволен тем, что имею, и более никак не желаю. Я не хочу, чтобы он счел меня нескромным. Я знаю, что и то давая, он себя лишает. Пожалуй, разуверь его непременно.

Манзо твой наделал пакости. Татищев мне тоже говорил, что это тебя удивит; ибо, говорит он, мы всегда полагали его честнейшим человеком в свете. Княгинины деньги и вещи согласился он тотчас отдать в консульскую канцелярию, пишет к ней, что сам сюда будет: видел, что ему ничего более не оставалось делать, как все вручить Серво тотчас и не доводить до суда.

Князь непременно дня через три-четыре сбирается уехать. Тогда поотдохну. Вообрази, что по сие время не знаем, кто сюда будет. Я бы очень желал, чтобы то был граф Толстой, но этому не бывать. Я с ним познакомился немного покороче. Просидел вчерашнего утра часа с два с ним. Молодец и премилый человек. Государь не очень расположен перемещать его в Парижскую миссию из нашей. Ты все это лучше меня узнаешь в Петербурге. Я

же не говорил еще князю о том положительно, чтобы дела не испортить. Наперед посмотреть нужно в Петербурге, решит ли государь согласиться на его требование, в чем сомневаюсь, тем более, что Парижская миссия и так велика, и государь ею доволен. Впрочем, не будет ли сюда послом Татищев? Здесь сильно об этом говорят. Он же совсем собрался ехать и опять остался.

Весь город наполнен вестью о перемещении князя Александра Борисовича в Париж; полагают это верным, потому что Толстой назначен уже к армии князя Прозоровского, а за князя, говорят, государь император заплатил 200 000 рублей долгу. Буде то и другое правда, кажется, сомневаться нельзя, что последует перемещение князево.

Батюшка ждет с великим нетерпением писем от тебя, дабы знать правду, а паче всего, какая будет твоя и, следовательно, моя участь. Все у него спрашивают: поедешь ли ты в Париж? Первое твое письмо все разрешит. Сегодня приходит иностранная почта, но я отозван на целый день обедать к Пелли, одному англичанину, батюшкиному приятелю, а ужинать – к Хованским.

Петербург и Москва в великом огорчении по случаю смерти генерал-адъютанта князя Михаила Долгорукова, убитого под Индельсами шведским ядром. За несколько дней перед смертью был он за отличие пожалован генерал-лейтенантом. Боятся, что отец и мать, которые по сие время не могут успокоиться от смерти первого сына, не перенесут сего удара в престарелых своих летах. В день получения сего известия в Петербурге, по воле его императорского величества, был отменен театр. Я покойника знал очень коротко и был с ним дружен; в Неаполе были мы всякий день вместе, а потом переписывались. Если бы он был жив, то стал бы героем России[51]. Потеря эта всеми оплакиваема. С тех пор, что ваш Гагарин [князь Павел Павлович?] в Вене сделал штучку эту с Цызыревым, все Гагарины перебесились. Вообрази (пишут из Петербурга), что мой князь Павел, генерал-адъютант, женится на какой-то модистке, а другой Гагарин, что имел Балабину за собою, женится на актрисе Семеновой, – это Жорж русской сцены. Не желал бы я, чтобы тем же недугом заразился и Гриша.

Константин. Вена, 4 ноября 1808 года

Не первый уже раз батюшка уничтожает свои обеды по положенным дням, ибо всегда наедет народ, ему неприятный. На эти обеды надобно бы ему назначить, кого он раз навсегда иметь хочет, и никого не дожидаться, а не то, пожалуй, тотчас трактир из его дома сделают. Посол уехал второго сего месяца. Анстет

остался поверенным в делах. Я, наконец, могу поотдохнуть. Я в этом весьма нуждался.

При отъезде повторил он мне, что ненадолго расстаемся, и прибавил, что теперь надеется, что государь не откажет ему в последней просьбе, о коей он писал, как ты видел из копии с его реляции. Князь много плакал. А как вспомнил я, что, может быть, мне самому придется скоро выезжать отсюда, так стало грустно, что описать тебе не могу. Сам я смертельно бы желал в Москву съездить, но не вижу теперь возможности. Ежели меня переведут в Париж, то весною или летом оттуда выпрошусь курьером, а на год едучи, не миную Вены, хотя порожняком поеду. Но лучше наперед планов не делать, ибо они никогда мне не удавались.

О твоем отъезде из Москвы я и подумать боюсь, особливо для маменьки, при слабом ее положении. Но я только минуты боюсь; после, когда успокоишься, уверен, что Фавст ее не оставит. О Татищеве я тебе выше говорил. Не выедет он отсюда, разве что от досады. Кауниц запал, его нигде не видать. Сюда приехал из Парижа граф Меттерних на несколько дней. Теперь я сижу дома до одиннадцати часов всякое утро. Какое благополучие! Но не продлится. Кто-то сюда будет? Нам сулят и пугают нас многими. Я думаю, что до приезда Румянцева [канцлер граф Николай Петрович Румянцев ездил тогда в Париж для переговоров с Наполеоном] в Петербург никого не назначат.

На сих днях г-н Дегар, часовщик, выдумавший летать с крыльями, первый раз подымался в Пратере и очень удачливо, не думаю, однако же, чтобы выдумка его была полезною. Управлять собою не может и летать, куда хочет, также не может. Мне любопытна показалась только механика его крыльев и как он их двигает посредством пружин. Я послал рисунок батюшке.

Александр. Москва, 20 ноября 1808 года

Наконец дан государю офицерский праздник в Петербурге. Уваров с женою принимали и угощали. Был смертельный холод: музыкантов заглушали все кашлем. Дамы в паутинных своих платьях перемерзли; наконец дошло до того, что фуриозо, соскакивая с веревки, сильно расшиб себе ногу.

Константин. Вена, 14 декабря 1808 года

Должен тебе рассказать, что со мною третьего дня случилось. Перед обедом сижу у княгини [Багратион]. Приезжает Дмитрий Павлович, говорит, что имеет нужду с нею наедине поговорить, пошел к ней в спальню; мы все сидели в гостиной; несколько минут спустя вызывают Малько, потом все они пришли назад. Сели обедать. После обеда, по моему обыкновению, сижу у

камелька и думаю. Княгиня выходит с Уваровым, потом приходит назад, зовет меня к себе. «Любезный мой кавалер, поздравляю вас». Что такое? Надевает на меня Мальтийский крест и подает на ленте. Все это было проделано очень любезным образом со стороны мадам. Он получил патент утром и сумел найти подлинный способ сделать дело весьма для меня приятным, заставив мне уплатить это доказательство его дружбы руками женщины, которую я люблю больше всего в свете. Тут я догадался, что означали все их «поговорить» до обеда. Я поблагодарил Татищева как первого и единственного автора всего этого. Он мне сказал, что я могу носить крест, и что довольно, чтобы я тебе послал копию удостоверенного кинографа, чтобы меня признали в Петербурге. Вот она; делай с нею что угодно и скажи мне, что надобно делать, ибо, несмотря на то, что о сем говорят, я не буду носить креста, пока все окончательно не улажено.

Напиши мне, что батюшка скажет, и, пожалуй, устрой все с Мезоннефом или с кем нужно. Надобно, говорят, внести в календарь. Ты все это лучше знаешь, как давний кавалер.

Карнавал приближается, но в сем году неважен будет. Никто не собирается давать балы. Будет их несколько во дворце. Это не самое занимательное, что здесь есть. Только празднества вознаградят меня за все это. Было одно вчера, но весьма неважное, и, однако, я там позабавился.

Я нашел маски, которые мною занимались. Я пообедал вчера у Сапеги. Мы славно пообедали и особливо очень весело. Женщин не было. Наелись, напились.

Наполеон вошел в Мадрид 4-го, но опять выехал на другой день в Париж, а без него его брата поколотят.

Князю Париж не нравится. Он нездоров и духом, и телом. Сожалеет о Вене. Князь поссорился с Румянцевым и никак не хочет в Париже остаться, но не говорит об этом.

1809 год

Александр. Москва, 1 января 1809 года

Я остаюсь в России, в Москве, с батюшкою. Знай это покуда про себя, а в свое время напишу я сам Дмитрию Павловичу: я почитаю для себя обязанностью подробно его известить о причинах, побуждающих меня разлучиться с ним. Одно только такое обстоятельство могло меня заставить не с ним разделять службу, время и проч. Ты его понемногу приготовляй к этому.

Возвращаюсь к себе; я скоро, то есть, может быть, на этой неделе, пущусь, с Богом, в Петербург. Полетика, Боголюбов воспевают мне любовь Салтыкова[52] к справедливости и праведным требованиям. Я крепко надеюсь на его пособие; буду просить перейти в Архив с сохранением секретарского жалованья без курса; что выслужено, то отнять не можно без какого-либо повода основательного негодования. Вот что буду я просить вместо награждения за мою ревностную службу, столь жарко Дмитрием Павловичем засвидетельствованную. Поспешу ехать до возвращения Румянцева, чтобы вернее достигнуть успеха: мои петербургские друзья ручаются мне за него (разумеется, они все говорят о кресте моем, не зная моих настоящих намерений). Итак, прощай, Париж, Константинополь и проч.

В Петербурге праздник за праздником для их прусских величеств; чудо будет, ежели им не отморозят носов. Были производства, но мало: нашему Салтыкову дали Александровскую. Князя Павла Гагарина дом на набережной сгорел со всеми сокровищами покойной жены и проч.; сгорел от него самого: зажег камин в кабинете, запер комнату ключом и сам уехал на весь вечер и ночь. Ничто ему, скупердяге! Никто об нем не жалеет. Шереметев умер как святой, оставив все имения малолетнему своему ребенку, а в случае его смерти – все казне; родня бесится. Пенсионов оставил тысяч на сто. Государь апробовал [признал действительной] духовную. Умер также Шувалов [граф Петр Андреевич], что на Щербатовой женат, оставив много детей, 600 000 долгу, а имения нет. Под конец пил с отчаяния.

Константин. Вена, 1 января 1809 года

По сие время не решена загадка, кто сюда будет послом. Здесь теперь целый собор послов и министров. Строганов также приехал умножить их число. Какое-то ему будет место? Графиня Самойлова также здесь, я ее не видал, но говорят, что она все еще

прекрасна. Так вы находите, сударь, что ничто не может сравниться с пением княгини Натальи? Я согласен и вижу, что вы в умилении.

Ваш купец Симеон батюшке наврал о парижской дешевизне. Все пишут, что мочи нет. Карета (я тебе привожу это как статью, которую ваш купец считает одною из самых дешевых) стоит 25 луидоров в месяц. Князь сильно жалуется на дороговизну. Описывает нам иные статьи, кои с Веною сравнить нельзя. Я верю, что в Париже можно жить даром, но чтобы дешево было жить, это пустяки, кои всеми опровергаются, кои там и оттуда приезжают.

Карнавал начался. Балов немного будет в нынешнем году, редуты начались, а в Аполлоновой зале в последнее воскресенье было до 7000 человек. Я там пробыл только до 11 часов и поехал в редут, который меня гораздо более веселит.

Константин. Вена, 3 января 1809 года

Наконец представление князево произвело свое действие, и мои дарданелльские труды не остались без награждения. Теперь, чистосердечно тебе признаюсь, одна мысль портит мое удовольствие, а именно: что для тебя ничего не сделали, хотя ты гораздо более меня заслужил. Непременно надобно, чтобы Татищев вновь представил прямо государю. Я с ним поговорю и счастлив буду, ежели тебя поздравлю скоро кавалером. Мы все шли вместе; больно бы мне было иметь знак, которого бы ты не имел.

Константин. Вена, 11 января 1809 года

Мы сами теперь, хотя и не по уши в веселии, как вы, но поздно очень ложимся: то редуты, то маленькие балики, то вечеринки, но никогда прежде двух часов домой не приходишь. Балов, кажется, немного будет. Эстергази, Лихтенштейн не собираются веселить публику. Надобно, стало быть, утешаться редутами, и я там развлекаюсь по-королевски.

Всегда находили во мне с тобою много сходства. Недавно еще Лизакевич хотел меня уверить, что я проезжал чрез Кальяри. Я всегда с этим соглашаюсь с признательностью. Я неоднократно тебя просил от меня Урусовым кланяться. Он человек весьма добрый, а она премилая женщина [сестра Дмитрия Павловича Татищева, с которым Александр Яковлевич Булгаков служил в Неаполе]. Надеюсь, она питает ко мне дружеские чувства; что до меня, то я к ней искренне привязан.

Дмитрий Павлович опять вдруг собрался отсюда вон. Хотел через неделю непременно ехать, застать Карповых в Венеции и Милане. Говорил о паспортах. Я предоставил ему говорить и

делать, догадываясь о причине. Кажется, тучи рассеялись, и хотя он продолжает говорить об отъезде, но уже мало. У меня состоялся долгий разговор с ним насчет тебя. Вот результаты. «Я думаю, – сказал мне он, – что ваш брат напрасно покинул бы Россию, пока ничего не решено касательно меня самого. Напротив, надобно ему оставаться, чтобы быть там в минуту, когда меня назначат на какое-нибудь место. Тогда он сможет тотчас просить о помещении своем при мне. Сие не замедлит случиться, и я опасаюсь, что, ежели его не окажется в это время в России, как бы не назначили кого другого. Вы знаете, как я люблю Александра и вас. Вы можете легко себе представить, как я был бы этим расстроен!» Потом много мне говорил о дружбе его к тебе и кончил, как обыкновенно, рассказывая несколько анекдотов о вашем житье в Палермо. Я все надеюсь, что он отсюда не уедет; мне кажется, хотя нахожу примечание его весьма справедливым, что ежели бы ты имел обещание, но положительное, что тебя с ним пошлют, где бы он ни был, то мог бы сюда съездить. Он сам уверен, что ты в Москве влюблен, но знаешь ли что? Я сам начинаю ему верить. И я его одобряю, лишь бы это не зашло слишком далеко.

Послушай, но это опять только для тебя одного: Стакельберг сюда назначен; это верно, ибо сам о сем пишет. Ежели чуть мое парижское дело замешкается, то я весною или летом хочу приехать к вам месяца на два. Ежели ты еще в Петербурге будешь, то вместе поедем в Москву и утешим наших любезных, собравшись все вместе к ним. Этот проект трудно осуществить, но желание мое столь сильно, что я сумею сгладить все трудности. С Божьею помощью все устрою; но прошу тебя о сем не говорить никому – не для того, чтобы желал я им сделать сюрприз, но чтобы не подать пустой надежды. Из Парижа пишут, напротив, что граф Румянцев не сбирается еще в Петербург. Я получил от князя предружеское письмо, на которое также сегодня отвечать должен.

Генерал-майор [Глазенап], у которого Гагарин отбил невесту, дает бал, который (говорят) должен ему стоить 3000 рублей, что невероятно. Граф Разумовский также хочет дать бал в своем новом доме. Этот будет великолепен. Пикники редутские очень красивы. Поскольку балов нет, все туда ходят и там танцуют. Стакельберг писал Анстету, чтобы ему дом найти, но не назначил еще времени своего приезда. Посмотрим, что это такое. Мне его жаль, что он преемник Князев. Вечером я познакомился с графиней Самойловой. Ну, брат, как она переменилась! Но я не удивляюсь, когда думаю о празднике в греческом кадетском корпусе, где она была во всей своей красе, а мы были только

мальчиками. Она, кажется, прекрасная женщина; но кто меня совершенно покорил, это барон Строганов [Григорий Александрович, впоследствии граф]. Невозможно иметь лучшего обхождения и быть любезнее.

Александр. Москва, 14 января 1809 года

Такая стужа! Все термометры лопаются. Третьего дня, вообрази, было 35 градусов замерзания. Со вчерашнего дня только 22 градуса, и все радуются. Сегодня пошел снег, – это сделает перелом стуже. Нет почти лакея в доме, у которого что-нибудь не было бы отморожено, а у твоего Яшки заморожена верхняя губа.

Говорят, что после славного праздника, данного их прусским величествам в Таврическом, дворец сей на другой день сгорел почти весь.

Константин. Вена, 21 января 1809 года

Ты жалуешься на балы, и у нас, брат, не лучше: всякий день танцуем до упаду. Балы начинаются поздно, продолжаются до 6–8 часов, а иногда еще 2–3 бала в день, так что мочи нет, а отказать нельзя; к тому же редуты, пикники, а мне, по моим обстоятельствам, везде быть должно. Как успеваю – не могу сам понять, а еще удивительнее – как сношу все это. О несчастьях Вены повторять тебе не буду, писал о сем подробно батюшке, с тобой же поговорю о веселиях. Граф Разумовский дает славный бал на этих днях. Другой – у княгини Любомирской, у графини Пальфи, у Балша и проч., и проч. Во дворце всякую неделю преславный бал. Всякий раз сбираюсь не танцевать, но никак нельзя. Я ангажирован на все тампеты с графиней Траутмансдорф, а во дворце всегда их танцуют.

Мы завеселились и напугались: Дунай так расшутился, что стал мосты срывать и топить город. Сейчас получили мы от Штакельберга письмо. Он пишет, что еще официального назначения не получил, но уже заказывает здесь ливреи. Василий Долгоруков проехал здесь по дороге в Жасси. Он похудел и стал очень хорош. Он славно развлекался в Париже. Я получил письма от Григория, который все тот же добрый мальчик, каким и был. Князь мне тоже пишет очень дружеские письма и полные доброты. Он превосходный человек и лучший начальник в свете. Княгиня, слава Богу, здорова. Была на последнем придворном балу всех лучше, и всегда, где бывает, первая. Она очень похудела, и к ней это пристало. Теперь походит она на пятнадцатилетнюю девушку.

Вообрази, что на днях был я на балу у графа Коловрата,

который кончился завтраком в 9½ часов утра. Готов парировать, что такого в Москве не случается.

Княгиня с Манзо еще не кончила. Все еще есть крючки. Сегодня должен ко мне быть Серво, чтобы окончить разбирательство реестра, присланного от Карпова, и который не согласен с запискою Манзо.

Александр. С.-Петербург, 1 февраля 1809 года

Я выехал из Москвы 24-го с флигель-адъютантом Бальменом и с Логиновым[53], служившим при Лондонской миссии: милые ребята, сделавшие мне дорогу чрезвычайно приятною. Она совершилась благополучно: я только нос отморозил, но теперь все прошло. Крайне для меня было приятно застать здесь милого Боголюбова. Я у него стал сначала; но так как он живет с сестрами, чтобы их не беспокоить, переехал я возле него в *Северный* отель. Мы всякий день и беспрестанно вместе.

Прибыл я сюда 28-го, а на другой день был уж допущен к Салтыкову, благодарил его за то, что мне дал преимущество пред прочими просителями, хотя я был за глазами, и представил причины, не позволяющие мне продолжать службу в чужих краях и удерживающие меня возле батюшки, коему под старость нужна подпора. Граф очень одобрил меня; я ему в двух словах рассказал мою службу, подал ему записочку об ней; он читал ее со вниманием и положил в карман, сказав: «Мне не нужно было и читать эту записку для того, чтобы отдать должную справедливость как вашим способностям, так и вашему усердию; я знаю, как вы и ваш брат относитесь к службе. Но разве вы хотите совсем бросить службу?» – «Нет, граф, я никогда не брошу того поприща, к которому чувствую влечение; но отец мой желает, чтобы я перешел в Московский архив с жалованьем, какое получаю в Коллегии». – «А как оно велико?» – «Тысяча рублей». – «Что ж? Это очень легко устроить; желание ваше и справедливо, и умеренно». – «Все лица, оставшиеся на службе, – прибавил я, – всегда находили доступ к вашему сиятельству, вашему правосудию и покровительству, и я смею надеяться, что и мне не будет отказано в поддержке; а так как я имею счастие быть принятым вашим сиятельством, то покорнейше прошу прочитать отзыв обо мне г-на Татищева. Мне очень неловко восхвалять самого себя, но я могу сослаться на свидетельство как всех моих начальников, так и лиц, коих имею честь знать».

Граф не обещал мне хлопотать о кресте и сказал, что он не может представить государю отзыв Дмитрия Павловича, написанный более года тому назад. Я сказал ему, что могу написать г-ну Татищеву, который охотно согласится вновь

написать столь справедливый отзыв. Граф заметил мне на это, что, когда придет депеша, Румянцев уже возвратится. «И если бы граф, – прибавил он, – расположен был сделать для вас то, что я сделал для вашего брата, он не имел бы более подходящего для того случая, как ваш приезд из Палермо».

Хотя этот разговор и не обещает мне ничего, кроме места в Москве с сохранением моего жалованья, но я тем не менее очень доволен тем, что Салтыков говорил со мной так ласково и откровенно. Боголюбов уверяет меня, что он никогда ничего не обещает, так как его обещание бывает несомненно; но он часто без обещания делает одолжения. Да благословит их всех Господь! Что до меня касается, то мне так надоела служба, что я совсем бы ее бросил и без воли батюшки, потому что все честные люди, служащие добросовестно и с усердием, всячески притесняются, а проныры возвышаются во вред людей способных. Бородавицын, не имеющий понятия даже о географии, едва знающий русскую грамоту, один послан в Персию для дипломатических сношений; он сделан коллежским советником, а другие 54 статских советника, которые старше его, остались назади. Кресты, чины и пенсии так дождем и сыпятся, но всегда находится какой-нибудь дождевой зонт, который меня предохраняет. Будь я честолюбив, меня давно задушила бы желчь.

Эти пять дней, что я нахожусь здесь, всеобщее внимание, похвалы, расточаемые мне, и уважение ото всех вознаграждают меня вполне. Ни кресты, ни почести не дают этого. Я в восхищении от того, что иду, хотя в миниатюре, в паре с Дмитрием Павловичем. Кто легкомысленнее его? А между тем его более, чем кого другого, признают за человека достойного. Единственно, о чем я жалею, удаляясь с поприща (которое, признаюсь тебе, страстно люблю), – это то, что не придется мне, быть может, разделять трудов Дмитрия Павловича, которого люблю сердечно. Коль скоро доложено будет о перемещении меня в Архив (ибо и для эдакой безделицы надобен доклад), и что будет сообщено Коллегией в Москву, тотчас уеду из пропасти этой. Мне грустно по Москве; а здесь тоска, как ни ласкают меня всюду. Искать, право, не умею, язык не ворочается, а здесь надобно бронзовый лоб представлять, а не заслуги. Александру Пинию дали Аннинский крест за претерпенные в морской переезд неприятности. Я тебе из любопытства пришлю с первым случаем мою послужную записочку.

Не могу нахвалиться Боголюбовым: этот малый сущий демон, везде поспеет и всем умеет услужить. Он остается здесь до возвращения знаменитого Румянцева, который пишет, что Струве сделан секретарем посольства в Касселе. Это какой-то роковой

человек для всех нас, даже помимо его старания и желания. Того и жду, что он воспротивится и отымет у меня место, данное мне Салтыковым. Все дураки дивятся, что я отказал кассельское место, а до приезда моего сюда благомыслящие готовы были биться об заклад, что я места не приму, и теперь хвалят меня. Никогда бы и ни в каком случае не принял я этого места. Репман жалеет, что я не еду с ним; теперь Струве будет, я думаю, назначен; князь его в глаза не знает.

Здесь часто бываю я вот где: у Ивана Алексеевича, у Орловых, которые тебе кланяются очень; у них живет граф Чернышев, приехавший на малое время за делом и с коим я ворочусь, вероятно, в Москву; у княгини К.Ф.Долгоруковой, у Александра Львовича Нарышкина; вечера часто провожу у графа Воронцова молодого; у него живут Бальмен и Логинов; мы занимаемся музыкой, поем и проч. Кстати, Александр Бальмен послан к вам; кланяйся ему от меня, а от здешнего княгине Багратион. Я в восхищении от Дюпора, он чудесен; Жорж я еще не видал. Вот острота Александра Львовича: мы приезжаем к нему с Боголюбовым, которому он делает упрек за то, что тот не был у него накануне, когда был концерт, в котором участвовал знаменитый виолончелист. Боголюбов извиняется и говорит: «Я не осмелился прийти, узнав, что это был ангажированный вечер». – «Как ангажированный! – отвечал Александр Львович. – Я ангажирую только свои бриллианты и свои имения».

Последнее мое странствование по Корсике, Сардинии и проч. довольно интересно; но мой дневник ты окончил как раз на том, где путешествие мое только начинается. Ты говоришь, что до Испании еще не дошел и что теперь читаешь все еще про Евангелистку; это меня насмешило[54].

Егорка, паж батюшкин, теперь в заточении, прогнан к дворникам батюшкою за поступок, заслуживающий поистине медаль. Вообрази себе, что он умел вытащить из кармана у Оливиери-рагузейца кошелек, взять из него два целковых и опять в карман положить кошелек. Когда же это сделал? В глазах десяти человек, покуда мы играли в вист. Каков хватик! Вот блестящие способности! Его драли в продолжение двух недель чуть не ежедневно. Оливиери настаивает, что его следует повесить, так как он обещает многое.

Вчера ужинал я у графини Головкиной; тут был Салтыков наш. Жена его со мною тотчас познакомилась, выучила меня вальсу, ею сочиненному, а я ее своему вальсу выучил; заставляли меня, несчастного, петь «Когда ты меня любил», «Per una volta solta» и проч., что так любит Дмитрий Павлович; эта ария произвела восторг. Салтыкова пригласила меня бывать у нее и

для начала позвала меня завтра обедать к себе. Головкина говорила графу о моем деле и сказала ему, что я ужасно боюсь возвращения графа Румянцева. Салтыков на это улыбнулся и поручил Боголюбову сказать завтра Вестману, чтобы он приготовил к четвергу доклад, так как это день, когда он работает с государем. Быть может, одна итальянская ариетка сделает то, чего не могли сделать целые пергаменты о моей службе. Позже приехала также Марья Антоновна Нарышкина; я был ей представлен. Почему она тебя знает? Так как она, узнав, кто я такой, сказала, обращаясь к графине Головкиной: «Я бы узнала сама, потому что он очень похож на своего брата». Играли в лото, смеялись, еще заставляли меня петь и играть на клавикордах. Нарышкина звала меня к себе, и я уж был с визитом у нее. Это, ей-ей, находка, которой я пренебрегать не стану, а напротив того, приложу все старание, потому что счастие такое привалило: можно стать камер-юнкером! Но Бога ради, чтоб это осталось между нами; даже здесь я никому этого не поверяю, потому что объявить такую вещь, и она потом не состоится, – это стать всеобщим посмешищем.

Кочубей мысли свои переменил, перебросился на французскую сторону и интригует в Париже: хочет княжое место*; князь это видит и радехонек. Румянцев оставил уже Париж и едет сюда; очень сердит на себя, на Александровскую ленту графа Салтыкова и вообще на всех; везет с собою стыд и раскаяние напрасной езды. Салтыков так дела устроил, что Стакельберг не будет послан в Вену; он к Татищеву хорошо очень расположен. Мезоннеф, которого мы всегда почитали шельмою, страшно и явно интригует против гроссмейстера: того и гляди, что сам себе шею сломит. Лобанов дуется, что прусский король не дал ему Черного Орла; он хочет мстить за это государю и выходит в отставку. Этим он только оказывает всем услугу. Военная часть места его отдана военному министру, гражданская – губернатору, а по полицейской велено иметь попечение Балашову со званием генерал-адъютанта. Черные Орлы даны были королем: Белосельскому, Александру Львовичу Нарышкину, Толстому, Аракчееву, Ливену, в Берлин министром назначенному; Красного Орла – почти всем генерал-адъютантам, синодскому Голицыну и проч.

Холод нестерпимый, а каждый вечер идут спектакли, хотя афиши и объявляют о их закрытии при 14 градусах мороза. Всем, кто говорит об этом, Александр Львович отвечает, что он ручался только за превосходство спектакля, но отнюдь не за непогрешимость его термометра. Актеры все до одного тоже пришли с замечанием, что их заставляют играть, несмотря на

объявления в афишах. «Господа, – отвечает им Нарышкин, – старайтесь избегать холода в ваших пьесах; но что холодно в России – какое до того дело?»

Молчанов именем князя Александра Борисовича паки просил камер-юнкерство Дивову; государь отказал очень сухо, прибавив, что уважает княжое представление, но камер-юнкерство дает или за отцовские, или за собственные услуги, а Дивов не может ни того, ни другого представить; кроме того, поведение матери его делает его того недостойным[55].

Константин. Вена, 10 февраля 1809 года

Ну, брат, ты меня обрадовал, прослезил, от восхищения видеть батюшку довольного, спокойного, а тебя счастливого. Можем ли мы менее для него сделать, как посвятить дни наши на его спокойствие; можем ли чем-нибудь в свете заплатить ему за все его милости, за его любовь, ежели не старательствами о его благополучии? Может ли для него быть что-нибудь утешительнейшего, как видеть одного из нас при себе? И эту-то часть долга ты, милый друг, уплачиваешь? Ежели бы я мог тебе в чем завидовать, то в этом; но надеюсь, что вы недолго без меня будете и что хоть на время присоединюсь я к вам, милые моему сердцу, без счастья коих я не могу быть счастлив.

Но теперь поговорим о деле не столь важном, но которое меня сильно занимает. Я совершенно с батюшкою согласен, что службу покидать не надобно, но не вижу, чтобы в Архиве для тебя была малейшая польза служить. Занимавшись важнейшими делами, мудрено посвятить себя развертыванию столбцов. Неужели не найдется в Москве места выгоднейшего? В сем может тебе мой благодетельный князь [Алексей Борисович Куракин] быть полезным. Его покровительство много значит, а исходатайствовать оное я беру на себя. Он так часто мне повторял и повторяет, что желает мне быть полезным, чтобы рассчитывал я на его дружбу, и столько мне давал опытов своего милостивого расположения, что я не сомневаюсь в его содействии.

Третьего дня, выходя из театра, нашел я в сенях на скамейке сидящую старуху. Казалось, что она была нездорова. Мы подошли к ней. Она попросила чаю. Буфет был уже заперт; пока побежали в кофейный дом за чаем, пока нашли лекаря, умерла она на наших руках. Ее человек тут был, мы велели принести носилки и отнесли ее, совсем уже мертвую, домой. Ей было 76 лет, имеет прекрасный дом и оставила более нежели на два миллиона имения.

Всегда была здорова, весь тот день была весела, поехала в театр, выслушала всю пьесу; по выходе оттуда сделалось ей

дурно, и умерла от удара. Нельзя веселее на тот свет отправиться.

Александр. С.-Петербург, 14 февраля 1809 года

Дивизиям Суворова, Горчакова и Дохтурова послан приказ подвинуться на границы Галиции. Пусть говорят что хотят, но я не могу помириться с мыслию о войне с Австрией, нашей союзницей во всех европейских войнах. Это будет не более как предостережение. Бонапарт уверил здесь, что стоит прикрикнуть на Австрию, как она испугается и воинственный жар ее потухнет. Государь нерешителен в своих действиях. Уверяют, будто Сперанский дал ему совет подражать в политике своим союзникам, оставить прямоту действий и думать только о своих собственных интересах, с Францией держаться политики выжидательной, не досаждать ей и втихомолку войти в соглашение с Австрией, чтобы перейти потом на сторону того, кто окажется победителем в борьбе. Если это возможно, то, конечно, это лучшее, что можно выбрать.

Положение Бонапарта очень критическое, если не удастся ему опустошить всю Испанию и Италию. Где возьмет он войско? Нам совершенно нечем воевать, денег нет; ни англичан, ни денег! Коленкур говорит, что не надобно ни денег, ни магазинов: надобно воевать на счет неприятеля и войти тотчас в Галицию. Но кто пустит туда? Надобно прежде раза два подраться и два раза победить, а не то умрет с голоду армия, ежели не подумать заранее о корме. Все в унынии от одной мысли войны этой; цель ее еще фатальнее шведской: она нас поведет совершенно к гибели нашей. Говорят, что пишут к Толстому, к вам, чтобы предложить ему мириться с эрцгерцогом Карлом; предвидя, что он откажется, предложат Кутузову, князю Сергею Федоровичу[56]; а другие уверяют, что Бенигсену. Желаю, чтобы Шварценбергу удалось что-нибудь сделать здесь в пользу своего двора; но порабощение воле Бонапарта здесь очень велико, а Коленкур стоит на карауле с железным прутом.

Ежели подъедет свинья Румянцев, не надобно ожидать ничего хорошего. Бог знает, чем все это кончится. Видя все это вблизи, я не могу нахвалиться, что удаляюсь некоторым образом от службы, которая, право, мне огадилась: теперь не может быть цели служить, а приятства службы совсем исчезли.

Батюшка препоручил мне взыскать некоторые долги здесь; коль скоро это кончу, тотчас уеду. Граф сказал мне, что вчера был наконец подписан указ мой государем. Я переведен наконец в Архив с 1000 рублями жалованья. Салтыков, ничего не говоря мне, хотел сделать приятный сюрприз и сохранить мне секретарское жалованье, и для того велел написать указ глухо, то

есть: такому-то, перемещенному в Архив, выдавать жалованье, пред сим им получаемое, и велел было мне производить секретарское жалованье. Надобно быть несчастью моему: государь это заметил и сказал, что это жалованье мне не по чину, что даст другим повод тоже просить, что вследствие указа надобно мне дать по чину 1000 рублей. Салтыков жалеет, во-первых, что не удалось сделать мне приятное, а во-вторых, что не воспользовался случаем представить меня в чин за отличие; это пришло ему в голову, как не время уже было. Со всем тем надеюсь, что, ежели Румянцев замедлит быть, граф что-нибудь для меня сделает. Государь у него спросил: тот ли я Булгаков, коего Куракин к себе требует? Граф отвечал, что нет, а что это ты был в Вене. Граф нас обоих хвалил государю. Это нам пригодится на будущее время: государь будет о нас хорошего мнения. Меня очень ласкают у Головкиной, которая отрекомендовала меня Нарышкиной с лучшей стороны. Я тебе признаюся, что мне хочется камер-юнкерства: это было бы хорошо перед свадебкою. Я еще не сделал предложения, но Боголюбов ручается мне за успех. Начну действовать. К свадьбе великой княжны будут разные милости; авось-либо удастся.

Я в восхищении, что Татищев опять на ногах; государь очень к нему смягчился. Придет и его царство. Лишь бы ваши немцы поколотили французов, здесь все вмиг переменится: куда денется славный Румянцев, его и собаками тогда не отыщешь. Граф умел так славно сработать, что Стакельберг будет век свой in vista. Только и это сделано из предпочтения, которое граф дает моему любезному

начальнику. Нельзя предвидеть, что будет; статься может, что Куракин воротится в Вену и Дмитрий Павлович будет при нем, как Разумовский был при Голицыне. Хотелось бы мне, чтобы Татищев имел это в виду; при первом случае я в разговоре скажу об этом графу и увижу, что он мне ответит; хорошо, коли промолчит, так как у него это всегда означает благоприятный ответ. Кажется, Кочубей домогается места в Париже; Талейран пишет Коленкуру, что это один из просвещеннейших министров России и что он смотрит на вещи с их настоящей точки зрения. Куракин, вместо того чтобы воспротивиться, даст ему, я думаю, все возможные преимущества к достижению его цели, потому что сам князь желает возвратиться в Вену, судя по тому, что он пишет Боголюбову, а именно: «Я здесь скучаю, а по Вене не перестаю тосковать».

Очень кланяюсь Бальмену; я очень дружен с его братом: прелестный юноша. Он живет у молодого Воронцова, тоже прекрасного юноши. Смерть Салтанова меня очень тронула; это

большая потеря!

Константин. Вена, 26 февраля 1809 года

Только и говорят о войне. Все идут сражаться. Князья (а ты знаешь, что это здесь значит), у которых по полумиллиону дохода, оставляют семьи свои, детей и идут служить поручиками и командовать батальонами. Сверх армии, которая теперь ужасна, сверх милиции, состоящей из 80 тысяч человек, из коих 24 конницы, поминутно слышишь, что тот дает 1000, тот 500 человек вооруженных. В Вене даже ремесленники оставаться не хотят, все идут служить. Из милиции в одной роте служат четыре брата, а поскольку тем, коих обстоятельства требуют, чтобы они остались, сие позволено – например, отцам семейств, – то капитан и объявил четырем братьям, что ежели один из них захочет остаться, то сие он устроит, и велел им спроситься у отца и принести ответ на другой день. Вместо ответа приходит отец с пятым сыном и говорит, что, вместо того чтобы взять из службы защитника отечества, пришел он предложить пятого своего сына, а как он сам вдовец, то просит, чтобы и его взяли. Отца сделали унтер-офицером, и он сам поведет к неприятелю всех своих детей. Другой себя продал канонику в солдаты, дабы брату своему, который в инсурекции и не имел лошади, доставить способ оную купить. Энтузиазм превеликий. Из всего дворянства двое только молодых людей не служат, потому что отец не хочет; они же в отчаянии. Здесь теперь ходит подписка, по коей женщины складываются, дабы доставить женам милиционных пропитание, пока мужья их в поле; в сей подписке только женщины, между прочим и императрица. Дамас хотел подписаться, но как сие одни могут женщины, то и написал он: «графиня Роже де Дамас – 25 франков в месяц».

Константин. Вена, 5 марта 1809 года

Ежели удастся тебе попасть в камер-юнкеры, очень будет хорошо. Я надеюсь, что удастся, а это сладить – дело женское, так ты хорошо делаешь, что взял эту дорогу. Видно, нашему доброму князю в Париже не заживаться. Я очень рад, что мое перемещение не сбылось. Оставить хорошее и верное место на столь неосновательное была бы совершенная глупость. У меня одно желание, чтобы князя опять сюда послом назначили; тогда все будут довольны. Ему не хочется там оставаться. Вчера получил и от него письмо, где он то же мне повторяет, и поскольку это всех устраивает, я не удивлюсь, если увижу его здесь через два-три месяца.

Александр. С.-Петербург, 7 марта 1809 года

Прежде всего переговорил я с Головкиною, которая подала мне великую надежду к успеху, но не взялась за обоих просить, прибавив: «На очереди сто человек, и государь не сделает этого, чтобы не раздражать всех; к тому же М.А., не зная вашего брата, едва ли захочет просить за двоих вместо одного. Что касается до вас, то я ручаюсь, что она возьмется за ваше дело». В сем случае сделал я то, что и ты бы сделал, то есть не велел и говорить о тебе, дабы не испортить моего дела. Я уверен, милый брат, что ты меня одобришь, зная, сколь все радости у нас общи. Головкина говорила уже с М.А., а сия очень охотно взялась выпросить, велела мне сделать записочку, которую я вмиг у графини же и написал. Я тебе перепишу ее здесь, благо она коротка. Я особенно указываю на заслуги моего отца, как ты увидишь.

«Действительный тайный советник Булгаков служил 42 года. Услуги, оказанные им России в царствование императрицы Екатерины II, в бытность его в Варшаве, и особенно во время пребывания его в Константинополе, известны всей Европе. Заключение его в течение двух лет в Семибашенном замке тоже всем известно, равно как и переговоры, порученные ему вести в то время и приведшие к ускорению сдачи Крыма России. Его сын Александр, надворный советник Департамента иностранных дел, состоит на действительной службе в продолжение 13 лет, из коих 7 лет в чужих краях, служил всегда с таким усердием, за которое несколько раз был представляем к наградам, но никогда не имел счастья их получить, хотя все его сослуживцы сделаны статскими советниками и получили ордена. Он может сослаться на свидетельства: князя Чарторыжского, барона Будберга, графа Татищева и других своих начальников.

Вышеозначенные услуги его отца и его собственное усердие, не прекращавшееся до сего времени в его службе, не делают его недостойным милости быть принятым ко двору в звании камер-юнкера. Милость эта будет утешением преклонных дней старого и верного слуги отечества, который и сам бы приехал просить о ней августейшего внука Великой Екатерины, его благодетельницы, если бы годы и болезни ему это позволили».

Я старательно переписал эту маленькую записочку, и графиня в тот же день передала ее своей невестке, которая весьма ее одобрила и обещала заняться этим делом. Батюшку она называет достойным и уважаемым старцем, а меня прелестным молодым человеком. Третьего дня была она вечером у графини, играли в лото; она позвала ее к себе обедать на следующий день и, оборотясь ко мне, меня также пригласила, на что графиня вскричала: «Я в восторге, что вы приглашаете Булгакова, потому

что я начинаю убеждаться, что жить не могу без него». Уезжая, М.А. напомнила мне об обеде и прибавила: «А о деле, о котором говорила мне невестка, будьте покойны». Кажется, лучше ничего желать не можно. И так вчера я обедал у нее. Графиня спросила: как идет дело ее протеже? «Предоставьте его мне», – отвечала М.А. Ты можешь себе представить, в каких я ажитациях, и выйдет, что ариетка «Цветочки» то сделает, чего не произвела служба, рекомендации и проч. Так и все на свете! Это грустно.

За столом говорили много о Вене; Дмитрий Львович сказал Шварценбергу: «По милости его брата (указывая на меня) я видел в Вене все, достойное внимания». Нарышкин часто мне говорит о тебе, хвалит тебя, любит.

Нет никакого затруднения получить позволение государя. Это все Мезоннеф упорствует в календарных сведениях. Белосельский никак не может добиться, чтобы занести туда свою жену. Мезоннеф интриган; я не понимаю, какая цель у этого человека. Досадно, что Литта принимает в этом участие и направляет Мезоннефа вследствие старинной вражды своей к Караччиола. Наш Салтыков смеется над их происками; но следовало бы ему положить этому предел. Он написал сдержанное письмо Мезоннефу; по поводу Боголюбова он сказал: «Государь, позволя надворному советнику Булгакову надеть крест, который великий мастер и проч. прислал ему, выразил желание, чтобы вы занесли его имя в число кавалеров ордена». Мезоннеф не замедлил это исполнить. Какой милый человек Салтыков! Я очень часто у него бываю с Боголюбовым; жена его подарила мне шаль на жилет. «Per una volta» производит восхищение. Вчера я дал ее Марье Антоновне. Не имею времени переписывать ее: со всех сторон просят копии. Итак, Боголюбов написал Дмитрию Павловичу, чтобы меня заместить! Экий плут, а мне ничего не говорит. Я буду в восторге, если он будет у Татищева, так как он славный малый, но слишком болтлив. Марья Антоновна спасла его от большого несчастья: государь был сердит и хотел велеть ему голову вымыть за то, что язык длинен. Я сто раз предостерегал его быть осторожнее. Пусть это будет между нами. Боюсь, чтобы на будущее время он не был на дурном счету у его величества.

В театре давали «Сотворение мира». Нарышкину приносят афишу, где вместо *Міра* напечатано *Сотворение мира.* «Велите, – сказал он Шаховскому, – перепечатать афишку; каждый должен делать свое дело, я не хочу мешаться в дела г-на Румянцева». Про одного генерала нашего, у которого изо рта воняет, он говорит: «О, этот генерал с духом!» Этот Александр Львович неисчерпаем. Поехал в Москву.

Министр внутренних дел представил в Совет записку, в которой доказывает невозможность снабжения провиантом новой армии в случае войны с Австриею. Он предвидит такие препятствия, что готов выйти из министерства, если его мнение не одержит верха. Государь 13-го едет в Финляндию, Сперанский его препровождает, о прочих не слышно еще. Отсутствие продолжится две недели. Финляндии дана будет конституция. Румянцев приехал 28-го; уверяют, что ему худо; не очень верю этому: говорят всегда о том, чему желают исполнения. Негодование против него растет со дня на день вместе со страшной дороговизной: мука поднялась в цене с 7 рублей до 26 рублей – неслыханная доселе вещь.

Вчера я обедал у Марьи Антоновны; сам с нею говорил; она меня обласкала, обнадежила. Милая женщина дала славную причину, отчего еще не говорила государю: она доказывает, что будет говорить только наверняка, чтобы дело непременно состоялось. Можешь себе представить, в каком я волнении. Держи все это в секрете. Я в отчаянии, что не могу дать тебе ответа по поводу Мальтийского ордена. Бог знает, сколько раз был я у Салтыкова, и все не могу его застать, все нахожу жену, а его никогда; я не сомневаюсь, что он тебе устроит это дело; во всяком случае, так или иначе, а это не уйдет от тебя; носи свой крест там, а я здесь буду хлопотать.

У нас будут шитые мундиры. Румянцев привез рисунки из Парижа; государь их опробовал, скоро выйдут.

Александр. Москва, 29 марта 1809 года

Я приехал сюда третьего дня. В Клину бросил Антонио с Гришкою и кибиткою, а сам поскакал на перекладных; в восемь часов был в Москве, несмотря на дьявольскую дорогу; но зато и теперь бока еще болят. Батюшка очень обрадовался: боялся, что я пропущу зимнюю дорогу и заживусь в Петербурге. Долго мы очень болтали, пришли Фавст, Чернышев и Жанно, узнав, что я приехал; пили все вместе чай. Батюшка в свое время лег спать, а я – к Фавсту, у которого ночевал.

На другой день опять долго поутру говорил с батюшкою. Он говорил мне об известном письме, о котором я писал тебе подробно из Петербурга и в котором я говорил ему об N. Вот его слова: «Ну, братец, я получил письмо, в котором ты мне говоришь о княжне, думал много об этом; ты знаешь чванство князя Василия, знаешь также состояние моего кошелька. Княжна, конечно, ангел, но я вижу много затруднений. Прежде всего, на ваше устройство нужно 50 000 рублей, нужен дом, затем платья, шали. Я хотя и не ханжа, но думаю, что если тут Божья воля, то

мы не должны ей противиться». Я его прервал, сказав: «Все, что у вас прошу, это не отымать у меня надежду счастья, коим себя ласкаю». Батюшка отвечал: «Ну, увидим; Божья воля исполнится. Не доверяйся никому, будь скромен; ты веришь Фавсту как Евангелию, а он не что иное, как шалун». Княгиня Куракина (Воронцовская)[57], сестра П.П.Нарышкина, – наша поверенная; это очень достойная женщина и любит нас с нежностью, и N., и меня. У князя Василия я думал, что меня удушат от целований.

Александр. Москва, 15 апреля 1809 года

Женитьба моя почти решена. У меня было несколько совещаний с батюшкою. Мне казалось, я замечал в нем холодность; вместо того оказывается, что после моего знаменитого письма из Петербурга он не переставал заниматься сглаживанием препятствий. Он мне сказал, что возьмет на себя расходы по моему обзаведению. Ты знаешь, что батюшка нам оставил по 1000 душ каждому, свободных от всяких долгов[58]. Князь Василий сказал мне: «Мне плевать на то, что в городе болтают. Ты не простолюдин. Что мне до того, что Москва полна слухов об этой женитьбе».

Батюшка дал намедни большой обед Волкову из Петербурга и Муромцевым. Катерина Матвеевна, новобрачная, там была. Батюшка был очень весел. Был тут Иванушка, дурачок Хованских. Папа заставил его плясать и бросил под ноги хлопушки. Он пошел по ним; как хлопок раздается, дурачок наземь кидается, начинает креститься и кричать, будто ему горло режут. Папа не выезжает со двора, не имея коробочку хлопушек.

Константин. Вена, 18 апреля 1809 года

Ты, я чаю, знал генерала Линденау, который всегда гулял по Пратеру в мундире и примечателен был по своей странной фигуре. Он был с эрцгерцогом Людвигом, и ему приписывают оплошное его поведение. Говорят, что эрцгерцог, когда его поколотили, спросил у Линденау: «Что же будут говорить о нас в Вене?» Линденау отвечал: «Скажут, что один из нас молодой принц, а другой – старый осел».

Ежеминутно ожидают новых известий, кои я вам тотчас напишу. Впрочем, император не только не робеет, но будет воевать до последнего человека. А для того, что генералиссимус потерял несколько тысяч человек и свою позицию оставил, неужели Австрия погибла, Австрия, у которой 26 миллионов подданных? Неприятно только то, что, может быть, война будет производиться не в империи, а у самых границ, а может, и в границах здешних; но и сие еще не решено, ибо эрцгерцог в Каме

с более нежели 100 тысячами войска, Тиллер в окрестностях Браунау с 60 тысячами. Сегодня выходят батальоны милиции 30 тысяч человек, а французы, бессомненно, сильно ослаблены потерями в Италии, Тироле, победою Тиллера, да и самим сражением с эрцгерцогом.

Ежели, паче чаяния, французы разобьют совершенно армию австрийскую и придут сюда, то наперед всем иностранцам, а стало, и дипломатическому корпусу, придется оставить Вену; вот что мне бы весьма неприятно было, не имея теперь денег; но и сие может поправиться, когда ты, милый друг, будешь в Москве: ибо батюшка мне пишет, что тебя только ждет, чтобы мне их прислать. Ну, брат, здесь все становится дороже, а мне еще труднее жить тем, что теперь имею; но о сем я тебе уже довольно говорил. Поговорим-ка о твоих делах. Мое нетерпение узнать, как ты в Петербурге все кончил и как главное твое дело идет, – чрезвычайно. Не могу дождаться твоих писем, но надеюсь всякий день не лечь без них спать, ибо ты, верно, из Петербурга еще писал ко мне по почте, ежели не имел курьерской оказии.

7 июля 1809 года скончался в Москве отец братьев Булгаковых Яков Иванович, товарищ князя Потемкина по Московскому университету и деятельный его сотрудник по служению родине. До конца долгой жизни сохранял он равновесие общительного своего нрава и еще в июне того года был в театре и ездил в Валуево (подмосковную графа А.И.Мусина-Пушкина). Летом же 1809 года скончалась и Екатерина Любимовна Шумлянская, мать его двух сыновей.

Перешедший на службу в Московский главный архив Министерства иностранных дел А.Я.Булгаков 27 августа 1809 года женился на княжне Наталье Васильевне Хованской и с той поры жил в Москве, в течение с лишком полувека почти без перерыва. Брат его Константин, приезжавший перед тем из Вены в Россию и бывший (кажется) при кончине своих родителей, поехал в Петербург хлопотать о наследстве после отца. У Я. И. Булгаков а, кроме известной нам сестры Мавры Ивановны Приклонской (дочь которой Елизавета Васильевна была замужем за князем Сергеем Ивановичем Голицыным), была еще сестра, и у нее остались три дочери: Александра, Вера и Анна Петровны: сия последняя была за Колтовским, и она-то предъявила права малолетнего племянника своего Николая (фамильное имя его нам неизвестно), состоявшего под ее опекою, на имения своего знаменитого дяди. Тяжба эта в Государственном совете была решена в пользу Булгаковых, но противная сторона подала жалобу государю. Приказано было пересмотреть дело, и чтобы оно шло обычным порядком. Ради

этого в ноябре 1809 года А.Я.Булгаков ездил в Петербург, где долго оставался младший брат его, следя за ходом тяжбы.

Александр Яковлевич с молодой женою и малолетними двумя сестрами своими по матери, Шумлянскими, продолжал жить и проживаться в Немецкой слободе, в богатом доме покойного отца своего, и думал уже хлопотать о получении места с обеспечивающим жалованьем, теряя надежду выиграть тяжбу. Между тем Константин Яковлевич назначен был в Молдавию правителем канцелярии нашего главнокомандующего в войне с Турцией графа Н.М.Каменского. Таким образом, братья снова были в продолжительной разлуке, и от них осталась за это время переписка, из которой извлекаем черты биографические, бытовые и имеющие общую занимательность, опуская мелкие частности и то, что неудобно для печати.

Александр. Москва, 5 августа 1809 года

Я надеюсь, что молитвами тебя любящих ты благополучно приближаешься к Петербургу, милый и любезный брат. С великим нетерпением ожидаю первое твое письмо, дабы успокоиться, узнав, что ты путь совершил без всяких припадков, здоров и приступил к делу, столь много влияния на будущее наше благоденствие имеющему. Весь город теперь оным наполнен. Утешительно мне видеть, что генерально все одно говорят: наши неприятели покрыли себя омерзением всеобщим и бесславием; все берут нашу сторону и не сомневаются в успехе.

Князь Сергей Иванович, едва о сем узнал, как написал мне записочку, прося тотчас к нему быть на переговор; все то, что он мне сообщил, было уже мне известно. Он чрезвычайное, кажется, принимает участие в нас, а княгиня от желчи на Анну Петровну занемогла опять. Несмотря на все это, я ничего не открыл им о наших поступках, а только просил их быть покойными: ибо, прибавил я, есть духовная, и она уже у Ивана Алексеевича Алексеева, его душеприказчика, и вместо сего одного документа имеем мы двадцать для обезоружения наших неприятелей. Князь и княгиня успокоились, но заклинали, чтобы один из нас, не мешкая, поехал в Петербург. Я отвечал, что дело без того обойдется. О твоей поездке никому в голову не входит, а любящие нас обвиняют тебя, что разъезжаешь по дачам, вместо того чтобы заняться делом и ехать в Петербург.

Тетушка не хочет более видеть этих фурий, все их избегают и оставляют. Анна Петровна исповедуется и завтра идет к причастию. В каком состоянии решается она предстать перед Вселенским Судией! Она в плачевном положении и мелет вздор; теперь говорит, что уступает свою долю мне, сестра ее свою долю

– тебе, лишь бы Николай получил свою. Все это делается, впрочем, только для того, чтобы втянуть нас в дело. Кому-то она сказала, что большой дом достается мне, а другой – тебе, что они мечтают лишь о части имений, которая достается Николаю, и проч. Эта женщина, по всей вероятности, станет добычей своих угрызений, ежели, однако же, есть у нее совесть. Все спрятано в надежном месте частью у князя Василия[59], частью у Волкова и Фавста[60]. Князь говорил вчера о деле Петру Петровичу Нарышкину; он ужаснулся и обнадежил меня быть покойным, прибавив: «Я беру на себя дать вам подписку под присягою всего Сената московского, что воля и желание Якова Ивановича были именно вам все имение свое оставить, и что иные, кроме вас, наследники быть не могут». Он предложил себя к нашим услугам и в таких выражениях, что у меня слезы выступили. Одоевский готовит донос на нас и нам говорит именно, что мы завладели неправильно, что имения на 400 тысяч, вещей на 300 тысяч, денег в ломбарде на 200 тысяч и что мы из дому выгнали племянниц бесчинным образом палкою.

Тем лучше. Чем более будет нелепостей в их поступках, тем лучше для нас. Войти в кабинет я никак не позволю, а пусть оный запечатается общими печатями; кому будет присуждено имение, тот первый туда и войдет. Впрочем, не видно, чтобы намерение их было нагло с нами поступить и опечатывать все имущество; а буде сие бы и воспоследовало, нужнейшее сохранено уже. А буде спросят, каким правом владею, скажу, что правом сына наследовать отцу; что, впрочем, есть духовная батюшкина, повезенная тобою в Петербург к душеприказчику Ивану Алексеевичу Алексееву, и что, впрочем, без тебя я один не имею ни власти, ни желания им ни на что отвечать. Мое решение было всеми одобрено. Вообрази себе, что три дня после кончины батюшки дело начало у них стряпаться, – это узнал я от Баранова; и змеи сии имели дух нас видеть и ласкать, имели дух отдавать телу батюшкину долг, питая столь беззаконный умысел против родных его детей!

Константин. Петербург, 9 августа 1809 года

Милый, любезный, бесценный брат. Не хочу пропустить первой почты, не описав тебе всего, что со мною было с несчастной той минуты, когда я с тобою расстался. Я уехал, как тебе известно, после полуночи и был чрезмерно скор, но это было тяжелейшее путешествие в моей жизни. Какая цель! И потом мысль, что я тебя покинул, может быть, для временных неприятностей, кои я не разделил с тобою, чрезвычайно меня мучила. Наконец я приехал сюда 8-го, к вечеру.

Тургенева не было дома. Я послал за ним и еще раз убедился, что ежели есть злые в этом свете, то есть и добрые, и у нас есть друзья. Тургенев принял дружеское участие в нашем несчастье и неприятности, которая тотчас за ним последовала. Я оделся и послал П. к Алексееву, чтобы предупредить его о моем приезде и попросить о недолгой беседе. Алексеев был чрезвычайно удивлен причиною, заставившею меня предпринять сие путешествие. У него было много народу, он играл, но все это захотел оставить, чтобы со мною увидеться, на что П. не согласился, но просил его уделить мне час времени на следующий день. Алексеев отвечал ему, что останется ради меня все утро дома, чтобы мы могли хорошенько все обговорить. В восемь часов я был у него. Нет нужды говорить тебе, как мы оба были растроганы нашею встречею. После многих слез и объятий он усадил меня и, когда оба мы перевели дух, стал меня спрашивать, как все произошло, какие шаги предприняла Анна Петровна[61], и проч. Он долго этому не хотел верить. Не могло вместиться в его сердце такое черное дело. После он мне сказал: «Будьте покойны, это предприятие гнусное и дерзкое, которое им, кроме стыда, ничего нанести не может. Доказательства ваши так явны; впрочем, кому не известно, что батюшка для вас только и жил, всегда вами был доволен и вами восхищался. Все его письма ко мне сим наполнены. Указ был написан весьма деликатно, как государыня обыкновенно делала. Мне все кажется, что должна быть духовная батюшкина где-нибудь, тогда тотчас бы можно остыдить бессовестную Анну Петровну. Впрочем, и эта духовная хотя недописанная, но вся писана его рукою, всему свету известною, следовательно, и воля его несомнительна; а что вы его дети, кто может это оспорить и кто знает это лучше Анны Петровны? Может ли она не признаться, что это не рука ее батюшки? Следовательно, чего она может надеяться? Ничего, кроме стыда. Надобно попытаться тотчас прекратить зло в его начале, а для сего просить государя. В случае же, ежели он сего и не сделает, то для вас только может быть, признаться, весьма неприятный процесс, но который кончится в вашу пользу. Неприятен, потому что пойдет с малых судов, а там всякий толковать будет по-своему; а когда дойдет сюда, то неоспоримые вы имеете права».

Я ему говорил об указе о Стрекаловых. За ним послали, но это совсем другое. Стрекалов сделал завещание. Мы и положили писать к государю. После обеда я к нему приезжал; он мне сказал, что он еще обдумал дело, спрашивал, сделала ли Анна Петровна какой-нибудь шаг, кроме разговора с нами. Я ему отвечал, что не думаю. А в сем случае нельзя подавать письма, ибо в сих делах нельзя поступать легкомысленно. Государь может спросить, что

соперники за подвиг сделали, а она может отпереться, ибо только еще с нами говорила. «А мы, – прибавил он, – будучи здесь, – мне только ваш братец напишет, что она что-нибудь сделала, – тотчас можем за дело приняться; а между тем надобно приготовить тех, кои действовать будут и помогать могут». Против столь справедливого рассуждения нечего было говорить, тем более что я совершенно с ним согласен.

Потом он мне сказал: «Анна Петровна ко мне писала, я ей, признаться, и отвечать не хотел; вот ее письмо». Она, говоря Ивану Алексеевичу о *ее* позоре и *ее* огорчении, просит у него продолжения дружбы его к батюшке и на нее с сестрою, просит позволения к нему писать и просит его совета, как ей поступать! Иван Алексеевич на сие сказал мне: «Я ей буду отвечать», – и написал тотчас письмо, которое может служить правилом и ее отвести от ее намерения. Иван Алексеевич ожидает от сего письма, что она образумится. Начиная весьма учтивым образом, говоря о дружбе к батюшке, о сожалении о его кончине, благодаря за ее к нему доверенность, говорит ей: «А как вы требуете от меня советов, то я себе долгом поставляю следующее вам сказать. Дошло до меня, будто бы вы имеете намерение оспаривать права у детей вашего дяди и благодетеля на имение, от него им оставленное. Я сему не могу верить; но ежели вы его и имеете, то сие предприятие, которое не может иметь для вас никакого успеха, покроет вас только стыдом и отвратит от вас участие всех честных людей. Кто лучше вас знает, что они его дети; кто может это оспорить? Это всему свету известно. Известно также, что его намерение было никому, кроме их, всего своего имения не отдавать. Сие доказано духовною, которая хотя и не подписана, написана вся его рукою и будет иметь неоспоримую силу, и сверх того, должен я вам сказать, что у меня в руках множество тому доказательств, против которых ничего устоять не может. Итак, я вам советую оставить в покое прах почтенного вашего дядюшки и не делать никакого подвига, о коем вы только сожалеть будете, ибо не получите никакой от него пользы; вы только отвратите от себя участие Александра Яковлевича и Константина Яковлевича, которое вам нужно». Это большое письмо было все в таком смысле. Алексеев полагает, что это ей помешает предпринять шаги в отношении суда.

Покамест, не имея возможности самому вчера отправиться на поиски Левушки [то есть Льва Александровича Нарышкина, племянника многосильной тогда Марии Антоновны] и проведя почти весь день у Алексеева, я послал Тургенева, который его вытянул. Этот добряк принял наше дело к сердцу с такой горячностью, на какую способна только чувствительная и

благородная душа. Он поговорит со своей тетушкой и вернется сообщить мне ее ответ касательно того, надобно ли мне самому принести ей письмо или же передать его ей в том случае, ежели не смогу видеть ее наедине.

Кстати, пошли мне копию грамоты императора Павла батюшке в Вильну, где он ему говорит: *да узрят сыны сынов ваших,* – и проч. Чем больше документов, тем лучше. Левушка обещал в первые дни говорить своей тетке и все употребить, чтобы она взялась за наше дело, он убежден, что она, со своей стороны, все сделает.

Константин. Петербург, 16 августа 1809 года

Вчера поутру Иван Алексеевич писал ко мне, чтобы приехал я к нему для переговора по причине свидания его с князем Лопухиным. Я явился; он сказал мне, что ездил нарочно к князю, дабы объясниться с ним. Князь, несмотря, что был занят, принял его и говорил более часа о нашем деле. Что нужно сие прекратить в начале, что он, со своей стороны, все сделает, что от него зависит. «Надобно подать письмо. Государь, вы знаете, сам не решится утвердить по оному прав их, а надобно упросить его, чтобы отдал дело в Совет. Там же, по моему суждению, не может справедливость дела подлежать сомнению. Вы знаете, – прибавил он, – что просьбы подаются чрез Молчанова, но я охотно беру на себя эту поднести *сам* государю и при сем случае сказать все, что для них может быть полезно. Я Якова Ивановича знал, вместе с ним учился. Впоследствии мы только расстались служением нашим, он – будучи в чужих краях».

Алексеев весьма доволен сим расположением князя, который нраву холодного, но за сие дело берется, кажется, охотно, а что всего лучше, берется подать сам просьбу, чего он никогда не делает и что великое сделает влияние и на прочих членов Совета, когда узнают, что он столько старался; он же будет и по сему ходатаем нашим в Совете, чтобы доказать государю, что он в справедливом деле интересовался. Не надобно давать простыть в нем сему расположению. Алексеев велел мне тотчас изготовить прошение, привезти его к нему для поправки, а потом отправить к тебе для подписания. Эх, ежели бы у меня был от тебя бланкет, тотчас бы это свихляли, пока нет здесь Румянцева, который один, может быть, будет иначе рассуждать.

Алексеев поговорит с Завадовским, с коим он очень хорош и который с батюшкой короток был. Я съезжу к князю Куракину, и всех будем к сему делу приготовлять, дабы оно им было известно и прежде собрания в Совете.

Все предложения Анны Петровны вздорны, и мне кажется,

одни козни, а что она поддерживаема священником, то сие неудивительно: во всяком звании есть изверги. Им же будет стыднее.

Пересмотри еще раз все бумаги и все, что найдется касательно до сего дела, или какие брульоны их писем о нас, или что в журнале не сказано ли о нас, то, списав все, а брульоны в подлиннике, пришли ко мне.

За какого Миллера выходит Волкова? Уж не за приятеля ли моего егерского генерала Ивана Ивановича, что был ранен пулею в шею, и который был в Вене? Я бы очень этому рад был. Он весельчак и очень добрый человек.

Константин. Петербург, 20 августа 1809 года

Я был вечером у Новосильцева, с которым долго говорил. Он также уверен, что все сделается, как мы сего желаем, и велел мне к себе ездить.

Не поверишь, какая помощь для меня милый Тургенев.

Константин. Петербург, 24 августа 1809 года

Алексеев велел тебе написать, чтобы ты постарался как можно, чтобы в суде проволокли, чтобы позже о деле докончили и позже к тебе было требование. Сие легко сделать можно, и я уверен, что ты уже и сам о сем подумал. Ежели же ты получишь требование, то отвечай на вопрос, по какому праву вступил во владение? По праву детей, в силу указа от такого-то года (тот же, на который столь мерзким образом Анна Петровна ссылается), что мы были введены им в свет, ознакомлены, введены в службу как его дети и всему свету детьми его известны; что, сверх всего сего, есть духовная, которая послана в Петербург и представлена на высочайшее утверждение.

Константин. Петербург, 26 августа 1809 года

Письмо переменено в одном только месте, по причине приложения свидетельства. Вместо «сверх сего, мы совершенно удостоверены» и проч. Иван Алексеевич написал: «Сверх сего, все прочие родственники наши, в том числе родная сестра нашего родителя с детьми своими, и некоторые его друзья, ведавшие истинное и всегдашнее его о нас намерение, письменно волю его подтверждают в свидетельстве, всеподданнейше у сего подносимом. Одна только из дочерей дяди нашего, вдова надворного советника Колтовская, облагодетельствованная милостями отца нашего, забыв благодарность и совесть, обнаружила желание завладеть правами, нам одним принадлежащими».

Присланные тобою два письма, из Эдикуля писанные, в

случае могут быть полезны. Спасибо тетушке, что она хотела писать к государю в пользу нашу.

На сих днях пойдем мы с Алексеевым к князю Лопухину – отнести ему письмо, кое уже написано. Он, верно, не замедлит, как обещал Алексееву, представить его императору со своими соображениями. Сверх того, надобно тебе сказать, что его величество несколько осведомлен уже об этом деле и что я нашел средство заинтересовать многих лиц. Посмотрим, что из сего станется. Решающая минута недалека.

Графу Строганову говорил И.Н.Новосильцев. Они оба находят наше дело справедливым, и Новосильцев мне сказал: «Будьте покойны, все исключительно за вас… Император может решить дело, это его прекраснейшая привилегия. Я ничуть не сомневаюсь в успехе».

Константин. Петербург, 31 августа 1809 года

Решение тетушки [Мавры Ивановны Приклонской] оставить свет меня сильно огорчает. Батюшка всегда сему противился; хоть этим ее склоните остаться, по крайней мере не исполнить своего намерения до моего приезда. Постарайтесь об этом и моим именем ее попросите. Надобно ей там совершенно быть спокойной, следовательно, надобно, чтобы и дела ее были в порядке; мы постараемся их устроить. Надеюсь, что семья наша, отдалив от себя фурию и получив вместо нее *ангела*, будет теперь жить подлинно родственнически.

Константин. Петербург, 10 сентября 1809 года

Фавст писал мне о новом мерзком поступке Анны Петровны, которая не устыдилась напечатать в газетах, чтобы должники батюшкины являлись к ней. Хороши они будут, ежели только от нее имеют надежду в уплате. Она, право, с ума сошла. Я бы желал знать, что она им скажет, ежели действительно явятся? Иван Алексеевич, однако ж, советует напечатать и с нашей стороны в газетах примерно в том смысле, что с крайним удивлением усмотрели из такого-то номера «Московских Ведомостей» вызов, учиненный такою-то, имеющим претензию на покойного нашего родителя; для отвлечения, однако же, всякого недоразумения и неудовольствия от тех особ объявляем мы, что она в имении покойного не наследница, и чтобы являлись к нам. Попроси устроить такую статью кого-нибудь, кто в сем разумеет, чтобы нельзя было к ней прицепиться.

Александр. Москва, 13 сентября 1809 года

По батюшкиному завещанию отдал я в приход наш крест с

частью Животворящего Креста Господня; вчера была там большая служба по сему случаю. Поп говорил приличную случаю сему проповедь и уведомил прихожан, как древо это найдено, прочитав грамоту, батюшке данную, и сказал, что дети его, по повелению отца своего, доставили древо сие в приход. Это произвело революцию в квартале; есть купцы, кои уже дали драгоценные камни для украшения сей реликвии, которая будет выставлена для поклонения. Что свеч ставят уже, это страх!

Константин. Петербург, 14 сентября 1809 года

Дела не скоро делаются. Наше, признаться, идет препорядочно, но еще в Совете, потом должно идти на рассмотрение к государю; у всякого свой докладной день, следовательно, и Вейдемейер, который по Совету докладывает раз в неделю, должен дождаться своей очереди и докладывать по порядку. Оттуда, ежели апробуется [будет утверждено], Вейдемейер сообщает волю государеву министру юстиции, который изготовляет указ, представляет его государю, а от него уже идет в Сенат. Вот ход дела; поэтому ты можешь посудить, скоро ли я его окончу; но этим огорчаться нечего: надобно иметь терпение, лишь бы кончить все порядочно, а сверх терпения надобно большую деятельность и стараться выигрывать сколь возможно времени. Ты можешь быть уверен, что я здесь не зеваю.

Константин. Петербург, 21 сентября 1809 года

Ты мне советуешь сказать Сперанскому. Благодарю тебя за совет, но не приписываю его предположению твоему, будто я что-нибудь упускаю. С самого моего приезда он был осведомлен о деле, нашел его совершенно справедливым и премного заинтересован скорейшим его ходом.

Сперанский занят в части законов, и даже в этом отношении он истолковал наше дело в нашу пользу.

Александр. Москва, 10 октября 1809 года

Я третий день как здесь: поехал наперед, дабы все в доме приготовить для приема твоей сестрицы Наташи. Я ее жду сегодня ввечеру; завтра идет почта, я заготовляю письмо это накануне. Вчера ужинал я у Пушкиных; едва вошел я в комнату, как все кинулись мне на шею, как к брату: А.И.Волкова, Афросимова, князь Федор Ник. Голицын; одним словом, все меня стали обнимать с радостными восклицаниями, поздравляя меня то с женою, то с решением в нашу пользу. Весь город только этим и наполнен. Признаюсь тебе, что я был в чрезвычайном недоумении, что мне делать и говорить; всякий говорит, от кого

это слышал, кто это пишет из Петербурга; ну, я всем сказал, что ты обещаешь скоро меня обрадовать своим возвращением и просишь взять только терпение. Иные говорят, что я секретничаю; а другие, что довольно того, что ты пишешь, чтоб радоваться. Что это будет, как ты приедешь! Теперь весь город радуется, все крестятся, говоря: «Слава Богу, молитвы наши дошли до Неба!» Мне невозможно более сомневаться, милый мой, поскольку этот негодяй Одоевский сам был у полицмейстера Волкова, чтобы сказать ему, что дело окончилось в нашу пользу. «Ну, видишь, – заметил ему тот, – что ты взял на себя вещь невозможную и себя только обесславил». «О, я, – прибавил Александр, – знаю, что делать теперь! Не знаю хорошенько, что он сделает, разве что нас отравит, ибо не вижу власти превыше императора».

Волков, подлинно редкий человек, тянул дело пять недель. Доведенный до крайности, он приказал Акиму составить письменный рапорт частному приставу, что мы в отсутствии, один в Петербурге, а другой в деревне, и что он не знает, когда вернемся; а покамест написал мне не уезжать никуда из Горбова. Прошло более одной недели. Некоторое время тому назад Анна Петровна, разгадав наше намерение выиграть время, представила второе прошение в уездный суд, сильнее первого, жалуясь, что дело затягивается и что мы продолжаем править имением, кое нам не принадлежит. Она потребовала, чтобы сделали сообщение в Рузу (поскольку Горбово к сему уезду относится), чтобы Рузский уездный суд потребовал у меня объяснений, по какому праву пользуюсь я чужим имением. Едва успел я уехать из Горбова, как судья, который почти всякий день бывает у князя Василия (добрый малый и влюбленный даже в Наташу), сообщил ему полученную из Москвы бумагу. Он будет отвечать, что меня там нет, что я в Москве; опять на дом пришлют, но бесценный этот Волков опять так все устроил, что проволочат еще неделю и более. Будет бумага в управу: Волков, который все должен приводить в исполнение, протянет, сколько будет от него зависеть, а в самой же крайности дам я отзыв, как мы уже давно и с тобою согласились, что, кроме того, что мы наследники яко сыновья (в чем не может она спорить, ибо предъявим письма ее собственной руки, где называет нас братьями), есть духовная, которую младший сын представил государю императору на высочайшую конфирмацию. Этим заткнем рот.

Впрочем, будь покоен: мы не допустим ни до чего неприятного здесь; только, пожалуй, старайся как можно скорее доканчивать там. Я насилу мог уговорить Наташу ко мне переезжать. Она говорит, что без слез быть в доме этом не может: тебя нет, батюшки, родственников, и, кроме того, еще боязнь,

ежели слишком замедлятся в Петербурге, быть выгнанными из дому. Я ставлю себя на ее место и признаюсь, что положение незавидное; но Бог милостив. Ради Бога старайся, чтобы указ чрезвычайно был ясен и не подлежал никакому истолкованию. Одоевский всем твердит: «Я сим не удовольствуюсь, не остановлюсь на решении сем». Сии слова должно презирать, конечно; решение Совета, государем всемилостивейше конфирмированное, высшей власти, никакому истолкованию подлежать не может; но мы должны быть удостоверены, что Одоевский не упустит ни единой возможности нас тревожить и огорчать.

Константин. Петербург, 22 октября 1809 года

Вейдемейер шесть недель затягивал представление императору решения Совета, а после, вероятно, чтобы поухаживать за графом Румянцевым, в коем он нуждается, он предложил его величеству спросить также мнения Румянцева. Тот же, исходя из своего принципа никогда ни в чем не соглашаться с Советом, написал мнение, кое для нас неблагоприятно. Но это не значит, что его величество более к нему прислушается, нежели к мнению целого Совета. Покамест я написал очень сильное письмо г-же Нарышкиной и, не сообщая ей о мнении Румянцева, убедил ее; я сказал о промедлении, для нас разорительном, и описал ей наше положение отчаянным образом. Я надеюсь, что письмо это будет читано его величеством и произведет свое действие. Понимаешь, хотя и нет еще ничего, что отняло бы надежду, но твое присутствие, может быть, будет здесь необходимо; так что постарайся быть готовым к отъезду, когда я тебе напишу, но, ради Бога, никому ничего между тем не говори, даже жене твоей или друзьям нашим, проболтаться можно в одну минуту. Скажи о сем, однако же, Волкову, ибо тебя это облегчит. Не отчаивайся, мой милый друг, возложи все упование на Бога, на справедливость нашего дела и на мои заботы отвратить бурю.

Константин. Петербург, 22 октября 1809 года

Алексеев, его жена и князь Голицын, который горячо интересуется нашим делом, считают, что ты хорошо сделаешь, ежели приедешь сюда. Не думай, милый мой, что произошло что-нибудь новое; даю тебе честное слово, что ничего от тебя не скрыл. Даже Сперанский того мнения, что голос Румянцева не произведет никакого действия; ибо он всегда пишет против Совета, и обыкновенно это так, будто он ничего и не говорил.

***

Далее переписка ненадолго обрывается, поскольку А.Я.Булгаков

ездил в Петербург по той же тяжбе, решение которой было государем предоставлено общему ходу делопроизводства.

1810 год

Константин. Петербург, 6 апреля 1810 года

Я смеялся над твоей скрибоманией, любезный и милый брат, а теперь сам пришел ранее домой, чтобы начать к тебе писать. Смертельно без тебя мне грустно, а особливо мучительно мне подумать, в каких ты обстоятельствах возвращаешься, сколько неприятностей тебя ожидают, которых я и разделить не могу! Что делать? Мы уже привыкли терпеть, и, видно, для того только и рождены, но, авось, не всегда так дурно будет, авось, и мы оттерпимся.

Итак, отложим размышления, кои только усугубляют печаль, и поговорим о деле. Больно мне было расставаться с тобою; от этой печали, кажется, судьба могла бы меня избавить, но, видно, не хотела. Слава Богу, что Нарышкин с тобою поехал, по крайней мере не дает он тебе раздумываться, а не то было с чего с ума сойти. Расставшись с тобою, был я у Волковой; сидел за столом, но не обедал. После обеда ездил прощаться с Бутурлиной, которая сегодня к вам поплыла. Как-то вы, мои милые, доедете? Потом был у Пушкиных; нашел всех в величайшей грусти по нас. Добрая графиня и ее дочери плакали, и мне же приходилось их утешать. Спрашивали много о тебе. Уезжая оттуда, принужден я был обещать им, что опять к ним возвращусь ужинать; я было обещал Екатерине Даниловне, но не мог и от Пушкиных отговориться, и так часть вечера провел у почтенной Волковой, где я весьма тронут был участием доброй ее дочери, а ужинал у Пушкиных. Граф меня три часа держал, так что я домой приехал в величайшей усталости, от горести, от езды, от разговоров. Тургенев уже спал на твоей постели. Право, как взошел в комнату, как ножом в сердце кольнуло от мысли, что тебя нет. Вот как кончился вчерашний печальный день.

Сегодня поутру говорят мне, что Екатерина Даниловна у ворот и желает меня видеть. Что за добрая женщина; видно, что она мать Александра. У нее кто-то был из деловых людей и дал ей для нас совет, и для того она трудилась ко мне приехать. Право, брат, есть добрые люди на свете. Совет был не пустой. Я ездил обедать с милым Тургеневым к нашему благодетелю. Я говорил с ним о совете Екатерины Даниловны, и они совершенно одобрили, а именно – препоручить Николаю Дмитриевичу Волкову ввести нас во владение деревней.

По сие время ни Михаил Михайлович, ни другой кто мне ничего не говорил. Он не был вчера в Совете, у Ивана

Алексеевича его не видел.

Я был в концерте Ромберга. Народу было множество, и я на несколько времени забыл свои горести. Играет он бесподобно; все были от него в восхищении, а он, я думаю, доволен приходом. Оттуда пил я чай с Боголюбовым и пришел домой рано, чтобы и тебе написать. Пришел, ибо тотчас отпустил карету, чтобы избавиться от лишних издержек. Никто, по крайней мере, не попрекает мне, чтобы я что-нибудь сделал против совести и рассудка, а бессовестно тратил более, нежели имел. Ничто для меня не имеет силы лишения. Море приучило меня без всего обходиться, даже без необходимого. Я не мог не сделать размышления, как непременно должно родителям детей своих определять в такую службу, где бы они могли узнать нужду. Это на всю жизнь их научает все переносить и всем обходиться.

Константин. Петербург, 11 апреля 1810 года

Вчера я в первый раз ужинал у милого Оленина. Сожалею искренно, что давно того не сделал. Провел препиятный вечер.

Государь был несколько дней нездоров. У него болела щека; не слышно и по вчерашний день, чтобы он выходил. Говорят, что князь Алексей Борисович сделан обер-камергером. Не знаю, правда ли, но я думаю, этот слух произошел оттого, что ему послали мундир придворный, шитый по всем швам, – как обер-камергерский. Вот все наши новости.

Мой Тургенев собирается говеть; говорит, что говеет, но вспоминает о сем только ввечеру, когда целый день ел скоромное. Сегодня мы обедали у Уварова.

Константин. Петербург, 14 апреля 1810 года

Наконец, вчерашнего утра, назначил мне граф [Николай Петрович Румянцев] свидание. Я был у него, и вот содержание нашего разговора.

Я описал ему наше положение, невозможность иметь до окончания дела других доходов, кроме жалованья, а оно слишком мало для содержания себя, сказал, что он давал мне слово свое нас защищать и что я явился сего требовать. «Я не могу поехать в какую-нибудь миссию за границу, пока дело не окончено. Вы знаете, что там все дорого, и мне будет невозможно жить пристойно с моим жалованьем. Я могу жить в нищете в своем отечестве, ибо здесь буду смешан с толпою; но в миссии надобно жить согласно моему чину и месту и достойно моей нации. И потом, сверх всех этих рассуждений, я не могу слишком удаляться от брата моего; дело наше может потребовать моего присутствия с минуты на минуту, и надобно, чтобы я был

осведомлен о всяком шаге, предпринимаемом братом моим, и тех, кои наши противники противу нас сделают, а сообщения с заграницею медленны и дорого стоят. Стало, принужден я искать места, кое соединило бы в себе оба преимущества: не слишком удаляться мне от брата моего и иметь жалованье вместе с должностью. Так что я прошу вас поместить меня в Молдавии при главном командующем и, ежели возможно, с увеличением жалованья. В неделю я смог бы быть при брате всякий раз, как присутствие мое будет необходимо. Но прежде нежели отправляться мне на это место, я прошу вашего дозволения провести месяц – два в Москве, чтобы ускорить процесс».

Он мне отвечал: «Вы можете быть уверены, что мне хотелось бы быть полезным вам обоим и что я о сем хлопочу беспрестанно. Вам известно, что при графе Каменском есть некто Блудов, младше вас должностью?» – «Господин граф, я ставлю необходимое условие, чтобы г-н Блудов остался и чтобы мое присутствие не принесло ему ни малейшего ущерба. Я дружен с ним, и потом, в жизни своей не совершал я и малейшего дела против моей совести. Она не позволит мне причинить вред кому бы то ни было. Стало, я не хочу иметь его места, а хочу просто состоять при генерале, коему могу быть полезен, будучи хорошо осведомлен о молдавских делах из корреспонденции с нашими начальниками, которую я продолжал все время, пока находился в Вене».

«Единственная трудность, – сказал он мне, – какая может иметь место при таком назначении, это ваше старшинство в чине, но ежели возможно устроить дело так, чтобы Блудов сохранил свое место, а вы будете зависеть только от главного начальника канцелярии, я это сделаю. Дайте мне время все обдумать, завтра я иду к императору и буду с ним об этом говорить, я выдвину ваши услуги, ваше положение и постараюсь устроить все по вашему желанию. Что же до двух месяцев, кои вы желаете провести в Москве, тут возможна иная трудность: дело в том, что турецкие дела, верно, долго не протянутся, – мы надеемся, что генерал Каменский проявит достаточно активности, чтобы скоро привести дело к миру. У турок очень мало войск. Приходите, прошу вас, послезавтра, я смогу сказать вам что-нибудь более положительное, у меня будет время все обдумать и устроить к лучшему». Еще одно заверение в его нужде быть нам полезным.

«А мой брат, что вы сделаете для него?» – «Какие у него планы?» – «Будучи женат и основавшись в Москве, он едва ли может покидать сей город, где его присутствие необходимо для нашего дела. К тому же денежные ресурсы не позволят ему жить в другом месте». – «Что до дела, то у вас есть в Москве друзья, и

ему надобно только оставаться в России, чтобы вести дело. Я подумал о нем, ибо надобно вам сказать, что я беспрестанно беспокоюсь об вашей участи. Г-н Львов, который при мне состоит, потерял жену, он упрашивает меня разрешить ему оставить службу, и я дам это место вашему брату, ежели он изволит согласиться. Это место, я полагаю, на 2500 рублей. Как вы думаете, согласится ли он его принять? Справьтесь об этом месте». – «Господин граф, я не знаю, обладает ли мой брат познаниями, коих может потребовать столь важное место». – «Я его направлю, я положу на сие полгода и более, ежели понадобится; единственное, в чем я не сумею быть ему полезным, это в знании внутреннего хода дел, кое приобретается рутиною и практикою». – «Господин граф, позвольте мне не отвечать вам, прежде нежели не напишу моему брату». – «Разумеется, спросите его мнение, я сохраню это место за ним».

После сего мы говорили о некоторой сумме дукатов, кои мне должна Коллегия, и он мне сказал просить Жерве напомнить ему о сем прежде его визита к императору. – «Вы знаете, – сказал он, – что его величество вначале отказал, но я поговорю с ним снова и постараюсь их получить. Возвращайтесь в пятницу и рассчитывайте на мое усердие», – и проч. и проч.

Я не могу вспомнить все уверения, которыми наполнил он промежутки нашего разговора. Тургенев в восхищении от места, которое тебе предлагает граф, да и подлинно оно весьма важно, ежели оставят его на том же положении, на котором имел его Львов. Советовать трудно, принять ли тебе его. Место Львова – правитель канцелярии по министерству коммерции, и жалованья он, кажется, 3000, ежели не более, получает. Тургенев и Уваров думают, что его никак упускать не должно. Подумай о сем хорошенько. Не будет ли и для дела полезно, ежели ты будешь здесь? Не будет ли тебе приятнее на несколько времени удалиться от Москвы? Завтра я еще спрошу у графа, писать ли к тебе об этом, а пишу для того, чтобы ты более имел времени перед собой порядочно все обдумать. Тургенев обещался подробнее тебе писать о сем месте и его выгодах. Ежели же ты его не захочешь, то не имеешь ли другого какого в виду? Надобно о сем подумать, посоветоваться с друзьями. Я ходил теперь к Ивану Алексеевичу, чтобы с ним посоветоваться, но никого не нашел дома. Жаль очень! О всем, что я тебе писал, не надобно разглашать.

Я просился в Молдавию по всем вышеупомянутым причинам. Ежели подлинно дела там идут к окончанию, то при мире могу и я себе получить какую-нибудь выгоду, а между тем жалованье там дается серебром, следственно, и я бы имел, вместо одной, три

тысячи. Не вбивай себе в голову, чтобы тут были какие-нибудь другие причины, зная мою страсть к военной службе. Это все хорошо бы было в счастливое время, а не тогда, когда я должен стараться всячески облегчать твою участь.

Константин. Петербург, 18 апреля 1810 года

Я к тебе писал с прошедшею почтою о свидании моем с графом; в другом письме прибавил тебе, что он с государем говорил и все устроил так, как я сего желал, то есть, чтобы ни канцелярия графа Каменского от меня не зависела, ни я от нее, я был бы просто при главнокомандующем при особенных препоручениях. Так оно и сделано.

Молдавские дела, вероятно, скоро кончатся, а тогда и я свободен буду, сделав свой долг. Между тем не брани меня, милый брат, что я решился с тобою не посоветоваться: это сделалось так скоро, что я не успел.

У меня есть до самой Молдавии товарищ, доктор Мазарович, который также туда определен. Мы и в Москву с ним едем; я думаю, что ему можно будет у нас прожить то время, что я с вами буду.

Константин. Петербург, 21 апреля 1810 года

Кстати сказать, нам весьма полезна может быть грамота покойного государя к батюшке; даже мы можем на ней упереться. Там сказано: *сыны сынов* ваших. Не написал бы государь сего, ежели бы у батюшки нас не было, это стоит признания; сказанное государем святым и ненарушимым почитается, а также грамоту должно всегда толковать благодетельным образом для того, кто такие услуги оказал отечеству, как батюшка, и для детей его. Все здесь этой мысли. Я препоручил графу Алексею Ивановичу поговорить о сем с Кошелевым и дал ему копию с грамоты.

Генерал-адъютант Уваров едет в Молдавию. Князю Александру Борисовичу сделалось так дурно на церемонии бракосочетания [то есть в Париже, где Наполеон венчался с Марией-Луизой], что его вынесли. Он, несмотря на свою подагру, хотел присутствовать и очень от этого занемог. Марья Алексеевна, говорят, едет в половине мая в чужие края.

Александр. Москва, 21 апреля 1810 года

Насчет твоей посылки в Молдавию я тебе скажу, что, сколь ни огорчительно будет для меня не пожить с тобою, сколько бы того желал, я тебя не удерживаю принять предлагаемое место. Каменский благородный человек; Милашевич, глава молдавского Сената, был друг батюшкин; это недалеко от Москвы, по словам

канцлера, война скоро прекратится. Все это хорошо, но ужели не легче тебе будет управиться с турками, нежели мне с Колтовскою? Обоим дадим подзатыльника. Уговор лучше денег, смотри заезжай к нам сюда, на сколь бы ни было короткое время; а я уверен наконец, что имя Булгакова принесет счастие турецким делам.

Константин. Петербург, 25 апреля 1810 года

Я намерен в пятницу поутру оставить несносный для меня Петербург и скоро после того быть в объятиях ваших. Вели приготовить две кровати, для меня и моего товарища. Сегодня был в канцелярии и взял записку к государственному казначею для получения дорожных денег; послезавтра поутру возьму от графа письмо к Каменскому и с благодетелем своим, с вторым отцом прощусь, а там уже меня ничто здесь не будет держать, и ежели не в четверг, то в пятницу верно выеду.

Вчера получил я от Оленина наши бумаги без всякого другого ответа. Я их отдал на сбережение Ивану Алексеевичу до дня моего отъезда, а он мне показывал письмо графа Завадовского к графу Гудовичу. Иван Алексеевич говорил, что он не мог бы более интересоваться о своих делах, и мы ожидаем великую от этого письма пользу. Я его с собою привезу. Я ужинал вчера у Оленина с Реманом, который скучает по Москве. После обеда заезжал я к Екатерине Даниловне, а обедал у Гриши Гагарина. Этот добрый, милый малый ежедневно дает мне доказательства искренней дружбы.

У бедного Уварова украли два перстня бриллиантовые в 2500 рублей, что его чрезвычайно расстраивает.

Константин. Петербург, 28 апреля 1810 года

А Нева еще не прошла!

А я еще здесь!

Я бы еще вчера или сегодня отсюда выехал, милый и любезный брат, но по сие время не могу добиться моих дорожных денег. Канцлер сообщил министру финансов 22-го числа, чтобы мне выдать на проезд 300 рублей; с тех пор я все за ними бегаю и получить не могу, ибо надобен подписной указ государя, а Гурьев сегодня только с докладом ездил.

Ты забыл, что я получаю 1000 франков с курсом, то есть по 50 штиверов, а рубль теперь не более двенадцати штиверов, следовательно, и мало класть, так мне 4000 франков, да 20 франков на месяц столовых, составят с лишком 2000. Куда мне их девать, ежели не разделить с тобою? Да захочу ли я их на что иное употребить?

Константин. Знаменское[62], май 1810 года

До сих пор путешествуем[63] мы не очень скоро, мой милый, любезнейший брат, и я только теперь начинаю дышать свободно. Надобен мне был такой прием, какой оказал нам добрый Жанно, чтобы прогнать от меня непонятную или, скорее, очень понятную грусть, в которой пребывал я весь день. Мы с тобою часто расставались, но никогда мне не было так больно, – да и не может быть иначе: никогда не оставлял я тебя в таких обстоятельствах. Дай Боже, чтобы ты скоро из них был выведен. Я тебя заклинаю стараться все кончить, несмотря на пожертвования, кои я все на себя беру, как, кажется, тебе сказано.

Поговорим о нашем путешествии. Приехав на Драгомиловский мост, мы нашли его разведенным: первое препятствие. Пришлось долго переговариваться с унтер-офицером, который хотел вначале пропустить 200 лодок, а нам предлагал подождать до завтрашнего вечера. Имя Волкова [московский комендант, друг Булгаковых] нас спасло, и мы с этим покончили, прождав только час, сколько надобно было обязательно для наведения моста. Отъехав оттуда, мы прибыли к первым воротам только к шести часам. Покамест я спал, одна лошадь проезжавшего мимо обоза своею тяжелою телегою поломала несколько спиц в одном из колес моей брички: вторая беда, задержавшая меня на два часа. Затем переправа через речку в Подольске.

Целая куча карет и телег стояли в ожидании, мне пришлось пошуметь, поссориться с одним московским барином, что было забавно, угрожать доброму офицеру, и однако же я потерял целый час. Так что мы прибыли в Знаменское только к девяти часам вечера. Жанно был на дворе; он услышал колокольчик и не поверил, что это мы. Он был очень рад видеть нас, и нас принимали как самых любимых родных.

Константин. Нежин, 28 мая 1810 года

Мы только что плотно поели, а уже и лошади готовы. Ежели же отсюда не писать, то бог знает откуда удастся: ибо до Киева нет городов, а может быть, Киев ночью проедем. Дороги так дурны, что вообразить себе нельзя. Третью уже ночь как нас валяют, милый и любезный брат. В первую ночь Клим удержал лошадей, во вторую лежали мы во рву, а в эту ночь совсем нас опрокинули. Мазарович[64] повалился на меня и лежа вздумал толковать, отчего нас опрокинули. Кое-как вылезли без всякого вреда для нас и для коляски. Бричка также очень хорошо себя ведет; по сию пору ничего не изломано. Дай Бог не сглазить.

Константин. Киев, 29 мая 1810 года

Насилу мы сюда доехали, милый и любезный брат; но я не сожалею, что приехали мы ночью, а то бы лишился я прекрасного вида, который Киев представляет при восхождении солнца. Мы переехали в самое это время Днепр. Я со своею трубочкою все время о вас думал. Этот вид, эта тишина, шум вёсел, мысль, что я с вами разлучен, так меня растрогали, что полились слезы, хотя я и не Карамзин; но право, со всем тем провел я приятную минуту. Мы остановились в Подоле возле почты. Пещеры в Пещерском три версты отсюда, да многие из них и обрушились в прошлом году, так что мы и отложили попечение их видеть. Тороплюсь чрезвычайно. Чувствую, что пора приехать на место. Я было хотел от имени Наташи сам сходить спеть панихиду по ее матери[65], но некогда, а препоручил здесь хозяину, человеку доброму, который сам едет в Бухарест и ищет моего *покровительства.* Прошу не шутить!

Константин. Могилев-на-Днестре, 31 мая 1810 года

Нам, видно, положено было в России всякую ночь иметь приключение. В эту ночь бричка моя вдребезги разбилась, и я принужден был, простояв 12 часов на станции, променять ее или, лучше сказать, купить другую за 15 рублей, что совсем неприятно мне было. Через несколько минут мы будем в Молдавии, которая отделена одним Днепром. Могилев уже похож на бестолковый город. Здесь мне сказывали на почте, что майор Хрущов проехал курьером в Петербург с семьюдесятью пятью знаменами, взятыми у турок с городом Базарджиком. Он отправлен был из-под Силистрии, и мне туда ехать, а как он сюда проехал за два дня, то, может, и я дня в три поспею в свое место.

Константин. Яссы, 2 июня 1810 года

Вчера прибыли мы сюда, мой милый и любезный брат. Я тотчас пошел к Василию Ивановичу [Милашевичу], который очень мне обрадовался и так милостиво со мною обходился, что я не знаю, как его благодарить. Мазаровича он обласкал; я надеюсь, что они поладят. Здесь мы с Мазаровичем расстаемся, но и я не на Бухарест еду, а, по совету Василия Ивановича, прямо к Силистрии, где главная квартира. Прежде всего скажу тебе славную весточку, о которой мы сегодня и молебен спели. Во-первых, что я тебе писал о взятии Рущука или Тыртова (не помню) – неправда, а Пеливан точно взят в плен. Мы забрали несколько городов по Дунаю к Шумле, между прочим Туртукай. Сегодня поутру Василий Иванович прислал ко мне своего

секретаря спросить о здоровье и поздравить с победою, со взятием Силистрии 30 мая. Я тотчас пошел к Василию Ивановичу его поздравить и с ним ездил к молебну, который служил митрополит. После молебна были мы у него, где видел я здешних, и несколько изрядных, женщин. Василий Иванович завез меня домой и непременно хотел войти ко мне в премерзкий трактир; насилу его удержал. Какой он добрый человек! С каким живым участием говорил о нашем деле! В два часа у него обедаю, а там пускаюсь далее. Теперь мой путь гораздо сократился: можно ехать прямо на Силистрию.

Багратион похвастал, а Каменский взял крепость, которую мы еще никогда не брали. Теперь только взять Варну и Рущук, так и все крепости. Право, молодец! Все его хвалят, и надеюсь, мы уживемся. Я свои вещи и коляску оставляю здесь, а еду в одной бричке налегке. Вещи и Васька будут покуда у Мазаровича, а Василий Иванович обещал все это ко мне доставить при первом письме. На Бухарест было бы напрасно, круг, а мне же пора спешить и к месту. Здесь такая дороговизна, что ни с чем сравниться не может, даже в вещах, кои бы должны, кажется, быть дешевы, как то: чубуки и мундштуки. Вообрази, мундштуки янтарные, как мои, 80 франков. Пожалуйста, не растеряйте вы моих. Пусть часть у тебя, часть у Фавста берегутся, только никому не дарите. Твоя трубка стала красавица. Оставлю ее здесь, чтобы оправили и прислали.

По Молдавии ехали мы очень скоро. Здесь заведено очень умно. В Атаке, что против Могилева по той дороге Днепра, платятся деньги за всю дорогу до Ясс вдруг, так что на станциях предъявляешь только молдаванскую записку, и тотчас запрягают, пяти минут не ждешь, не так, как у нас, где беспрестанные остановки.

Ничего с собою не беру в армию, а портрет Наташи со мною. Он мне должен принести счастье. Обнимай ее почаще за меня, и будьте оба уверены, что ваше счастье и спокойствие для меня дороже моего. Только у меня и желания, чтобы вы скорее успокоены были. Чур, брат, меня не жалеть! Ежели ты меня любишь, то сделаешь, что я тебе говорил. Устрой себе состояние, хотя бы и все мое пропало; все, что в свете называют *деликатностью*, с твоей стороны теперь приму я за знак недружбы и нелюбви ко мне.

Александр. Москва, 4 июня 1810 года

Вчера мы ужинали у князя Багратиона [это брат славного воина]; тут был какой-то гусарский офицер князь Мадатов, едущий в Молдавию; узнав это, мы тотчас его задрали, и он

взялся доставить тебе письмо это, милый и любезный брат. Мы были обрадованы твоими письмами: одно из Знаменского, другое из Мценска.

Одно только желание теперь у обоих, чтобы ты кончил счастливо комиссию свою и возвратился к нам в Слободу пожить с душевно тебя любящими.

Уездный суд постановил сделать опись всего, что находится в доме (что справедливо), и отдать ее в казенный присмотр; постановление уездного суда было передано в полицию для исполнения. Ивашкин [московский обер-полицмейстер], направляемый Одоевским, приказал это нашему частному приставу тайком от Волкова; но как только тот о сем узнал, принялся действовать с неутомимым усердием, чтобы сему помешать. Волков сделал хорошую сцену обер-полицмейстеру, нашел средство поговорить с фельдмаршалом [фельдмаршал граф И.В.Гудович, тогдашний московский главнокомандующий] и заинтересовать его в нашу пользу. Он ему написал весьма настоятельное письмо, заверив его, что никто не может более меня заботиться о доме. Вследствие моего письма фельдмаршал послал за губернским прокурором, доверил ему заботу о нашем деле и приказал в то же время губернскому правлению устроить выволочку уездному суду за то, что постановлял, не выслушав нас, и дать мне требуемую сатисфакцию. Вот так постановление уездного суда приостановлено приказом фельдмаршала. Я представил свою оправдательную бумагу, нашел превосходного адвоката, коего мне рекомендовал Фавст. Одним словом, все нам хорошо служат и от сердца: фельдмаршал (который велел меня заверить, что я останусь в доме) и губернский прокурор, уездный стряпчий, Хрулев и Волков. Ну, брат, вот друг! Он неутомимо нам служит; не было бы конца тебе пересказывать все, что он делает для пользы нашей. Сколько известно нам, уездный суд не приговорит нам имение, но решение его будет такого рода, что ясно доказывать будет, что нельзя и отнять у нас отцовское. Все обрывается на том, что форма не соблюдена в духовной. Через три недели дело будет в Гражданской палате. Ежели (что, не сомневаюсь, будет) граф велит ей решить наше дело не в очередь, то в три месяца и прежде оно в Сенате; идет оно в седьмой департамент; надобно, к счастью нашему, чтобы Столыпин [Аркадий Алексеевич Столыпин, зять Н.С.Мордвинова] был тут обер-прокурор.

В Витебск [в Витебской губернии были деревни Я.И.Булгакова] послано все скоро после твоего отъезда. Эта экспедиция заставила меня заехать в Горбово; я в восхищении, что все делается. Теперь я стал подлинным крючком: сам езжу в

присутственные места и бумаги подаю с Фавстом, который мой сопутник. Никакого не имею ответа от Румянцева, которому по совету твоему писал я убедительно; не беда, ежели ничего не выйдет, ибо нужно мое присутствие здесь теперь. Татищев назначен в Швецию, а покуда

Гриша [князь Григорий Иванович Гагарин], который советником посольства, едет туда поверенным в делах. Государь в Твери, но сюда не будет. Граф туда поехал, обещал возвратиться с арендою для Волкова. Дай Бог! Волков истинно бесценный человек. Ну, право, я того для себя сам не делаю, что он делает. Он неутомим, он представил фельдмаршалу столь поразительную и энергическую картину всего, что до нас относится, что фельдмаршал весьма нас защищает. Граф ему сказал: «Будьте уверены, Александр Александрович, что эта тяжба только проформа; Булгаковым отдастся все, я это знаю верно и знаю мысли государевы». Его брат, граф Михаил, очень нас любит, не хочет, чтобы я шел на примирение, но я на него согласен от чистого сердца, ежели это может быть полезным и особливо постоянным. Будь покоен, любезный брат: добрые рано или поздно возьмут верх, а здесь не будет упущено ничего. Как поеду со двора в шесть часов утра и похлопочу часов шесть, то обедаю лучше, и с восхищением смотрю на твой портрет, чувствуя, что старался и о твоем благе. Какое будет для меня блаженство сказать тебе, обняв, когда возвратишься: «Ну, брат, слава Богу, мы покойно теперь будем наслаждаться отцовским добром; миновали наши хлопоты».

Константин. Силистрия, 7 июня 1810 года

Я в лагере графа Ланжерона перед Силистрией, которая была взята, как я тебе и писал в моем последнем письме, а с нею 200 пушек, 500 бочек пороху, 500 тысяч патронов и множество других вещей. Я прибыл сюда позавчера поутру, надеясь тотчас и отбыть; вместо того я встретил столько трудностей, что едва удалось мне преодолеть их к сегодняшнему дню. Граф Каменский уже перед Шумлою. Отсюда до Шумлы 90 верст; почта еще не устроена, и курьеры едут верхами. Мне пришлось купить лошадей, что было чрезвычайно трудно, ибо турки, которые должны оставить Силистрию, все раскупили на вес золота; и так с большим трудом удалось мне достать трех лошадей для моей брички. Должен был заплатить я за них 30 франков, что ничтожно в сравнении с ценами турок, которые за пару волов платят 25 франков.

Что до графа Ланжерона, то все улажено, и я еду завтра рано утром. Граф, с которым я был уже несколько знаком в чужих краях, и его жена, которая тоже здесь, осыпали меня милостями и

дружескими знаками внимания. Вот я здесь застрял, и признаюсь тебе, что при всем моем нетерпении добраться до цели, я здесь много развлекаюсь. Граф и все наши войска стоят перед городом. Город очарователен, особенно при нынешней чудесной погоде. Силистрия очень приятно расположена на берегах Дуная; за городом начинаются горы, через которые мне придется перебираться, чтобы доехать до лагеря графа Каменского. Вчера мы с генералом гуляли в городе. Мы посетили греческого митрополита и знаменитого Илык-оглы, который управлял Силистрией. Он нас угощал, по турецкому обычаю, кофеем и трубками. Твоя трубка, которую не решился я оставить в Яссах, вызвала восхищение всех этих бородачей; они все курили ее по очереди.

Ты знаешь, насколько турки суеверны, и вот тебе доказательство. Во время бомбардирования одно из наших ядер задело полумесяц наверху мечети и наклонило его в сторону России. Они уверяют, что это, среди прочего, убедило их сдаться. Илык немного печален, а другие турки вовсе не печалятся, но все желают мира и надеются на мир. Великий визирь был в Шумле; нельзя сказать, там ли он еще, ибо с графом Каменским ни за что нельзя поручиться: он так энергичен и талантлив, что едва он появляется, как тотчас и захватывает место. Дай Бог уничтожить ему армию визиря, эту последнюю надежду турок, и тогда они принуждены будут к миру, ежели не хотят по крайней мере заставить нас дойти до самого Константинополя, что уже и не так трудно. Здесь нашел я много знакомых и со многими познакомился. Право, славно жить в армии. Не могу тебе пересказать всей дружбы, коей оделяет меня Ланжерон. Признаюсь тебе, что мне трудно будет с ним расстаться. Он долго пробыл в Вене, и это наша излюбленная тема для разговоров, но завтра надобно уезжать. Он был так добр, что дал мне эскорт из двадцати пяти драгун с офицером и несколькими казаками. Я смогу быть у графа Каменского только послезавтра или через два дня, и у меня предчувствие, что все будет хорошо. Все о нем говорят самое лучшее.

Вот, милый брат, моя реляция. Как я рад, что так скоро нашел случай все тебе написать, но не знаю еще, как это письмо пойдет, может, и чрез Петербург. Что же делать? Когда-то от тебя будут письма? Этого только недостает к моему спокойствию. Надеюсь скоро получить. Ради Бога, пиши чаще. Дорога сюда из Ясс довольно приятна. Я видел Рымник, который сделал Суворова Рымникским. Всякий день вижу что-нибудь достопамятное и чрезвычайно доволен моим путешествием. Право, славно быть в армии, особенно когда дела идут так хорошо, как наши здесь.

Что-то вы, мои любезные, делаете? Всю дорогу о вас продумал и положил решительно, что я пресчастливый человек, имея тебя, Наташу и друзей, как бесценный Фавст. Обними его за меня. Писать некогда, негде и не на чем. Пишу в палатке у Коронеллия, и поминутно ветер уносит бумагу.

Константин. Лагерь перед Шумлой,
14 июня 1810 года

Наконец, милый и любезный брат, добрался я до своего места и не опоздал, как мы все того боялись. Из Силистрии поехал я в своей бричке с тремя новокупленными лошадьми и с большим эскортом конницы и пехоты. Таким образом проехал я верст с 50 в два дня. Тут мы простояли почти целый день для отдыха людей и лошадей. Ввечеру проехал адъютант графа Ланжерона из лагеря графа Каменского и сказал мне, что турки, которым главнокомандующий дал 4 дня сроку, дабы решиться на подписание мира, по прошествии срока отказались от подписания и что граф намерен был идти атаковать неприятеля. Я тотчас же решился оставить Клима с бричкою и ехать верхом, дабы быть при этом деле. На другой день, то есть 10-го поутру, взял я казачью лошадь и эскорту и, проехав верхом верст с 80, благополучно в тот же вечер прибыл в лагерь графа, которому отдал все пакеты и коим был хорошо принят. Граф с армиею стоял на биваке, и я тут мой первый опыт сделал. Блудов мне уступил половину своего ковра на чистом воздухе. Я так устал, что не чувствовал даже, что во всю ночь шел дождь, и весьма удивился, увидев себя совсем вымоченного. В 4 часа все встали. Блудов мне уступил одну из своих лошадей, а в 5 часов гауптквартира выступила. Армия пошла к Шумле тремя колоннами. Граф со всеми нами пошел с центром. В восьмом часу приблизились мы к высотам, окружающим город. Турки тотчас оттуда были сбиты и прогнаны в ретрашементы. Сии весьма крепки, ибо три года как неприятель занимается укреплением города и весьма успел. Мы стали на горе близ правого фланга. Целый день этот фланг был в весьма сильной перепалке, а в лощину, которая между нами и городом, высыпало множество конницы турецкой. Она несколько раз пробовала атаковать нашу конницу, но была прогоняема тотчас. Не поверишь, как весело было смотреть на все эти дела, в которые мы взяли три знамени. Один наш каре егерей весьма меня позабавил. Он стоял впереди, немного влево конницы, между нами и графом Каменским 1-м[66]. Турки, его увидев, тотчас устремились его атаковать с ужасною яростью. Каре весьма хладнокровно подпустило его на картечный выстрел, да как вдруг грянуло на них из пушки и ружей, так куда

девалась храбрость турецкая: все кинулись назад с большей еще поспешностью, как туда летели. Подобная же атака была ими сделана и на Александрийский полк гусаров, кои также их подпустили весьма близко и столь же славно прогнали.

Право, брат, здешняя жизнь мне весьма нравится. На другой также дрались правый фланг целый день, а прочие временно, но ничего решительного не было, ибо турки не дерутся в поле и тотчас улепетывают в ретрашементы. В эти два дня мы их сбили с высот и много им вреда причинили. Ночи провели мы под чистым небом у огня все вместе. Граф весьма мне полюбился, человек без всяких церемоний. Надобно видеть, как он хладнокровно все распоряжения делает. На другой день после пришествия к Шумле хотел уже он меня послать парламентером к визирю, но после раздумал. Мне здесь очень хорошо. Обо мне не беспокойтесь. Все почти люди знакомые и приняли дружески. Я не могу нахвалиться Блудовым: он все услуги, которые может, мне делает и теперь разделил со мною свою палатку. Вчера, наконец, ночью мы перешли влево против самого города и встали лагерем. Надобно будет еще хорошенько побить визиря, чтобы принудить к миру; но на это нужно время, ибо турки не выходят из укреплений, а их взять весьма трудно.

Я здесь нашел Резвого, Валуева, Волконского, Трубецкого, одним словом, множество знакомых, а в армии все запанибрата. Здесь также принц Мекленбургский, мой старый знакомый. Я ищу себе купить верховую лошадь. Ланской обещал мне сыскать. Я везде ездил с графом верхом. Чувствую, что это моя стихия. Ты можешь опасаться за меня, мой милый друг; и напрасно. Ты должен понимать, что главнокомандующий не подвергает себя опасности, но он повсюду бывает и все видит, и это очень занимательно. Одно событие, кое случилось на Корфу с генералом Попандопуло, очень нас, и особенно меня, огорчило. Он был убит в первый день ядром. Это был превосходный генерал. Что делать! Трубецкой был два дня в деле. Он чувствует себя прекрасно. Кстати сказать. Поехав с графом в горы, я нашел там кого? Инзова, который был там командующим. Мы были очень удивлены и рады вновь повстречаться. Я еще не видал Воронцова, который в корпусе Каменского 1-го. Я должен был обедать у них сегодня, но опоздал. Видел Бальмена.

Вижу, как улыбается Маша [невеста графа Бальмена Марья Васильевна Нарышкина], коей прошу тебя передать тотчас все, что я тебе сказал. Я ему передал ее письма, но, как всякий был на своем месте, не имея возможности его оставить, я смог повидать его только вчера. Он пришел в главную квартиру. Он чувствует себя превосходно и был в восхищении от писем м-ль Мари и

всего, что я ему о ней рассказал. Сегодня он мне назначил встречу за обедом, чтобы вдоволь со мною наговориться и обо всем расспросить. К несчастью, встречи не получилось. Бальмен чрезвычайно отличился, и на него скоро посыпятся награды. Ежели он не пишет, то не по своей вине: не будучи в главной квартире, они никогда не знают, когда отбывают наши курьеры, и у них нет времени писать; но он очень просил меня не упускать случая сообщать известия о нем Марии. Начинаю сегодня. Здешние курьеры отбывают с минуты на минуту. Я не могу много писать, но тебе буду писать постоянно, и всегда буду прибавлять несколько слов, кои интересны будут милой м-ль Марии. Однако же Бальмен чувствует себя отлично и очень ее любит. Остальное – со следующей почтой. Поцелуй по сему случаю Жанно, засвидетельствуй мое почтение г-же Анриетте [жене И.А.Нарышкина] и ее девочкам. О себе, милый друг, сказать еще нечего. Слава Богу, здоров. Лагерная жизнь мне полезна, и ежели бы имел я от тебя письма, милый мой друг, то был бы совершенно доволен. Кстати сказать, не забудь, ежели будешь в Петербурге, послать мне полномочия на мое жалованье, прошу тебя это уладить. Я показал портрет доброй и милой Наташи Багратиону, который нашел его очень похожим. Вот тебе доказательство, что он со мною не расстается.

Александр. Москва, 20 июня 1810 года

Мы утешаемся очень твоими милыми письмами. Наташа, князь и все очень велели тебя расцеловать за то, что ты княгиню [Хованскую] покойную вспомнил в Киеве и велел спеть панихиду.

Дело идет здесь своим порядком и очень хорошо до сих пор. Видя участие, Гудовичем в нас принимаемое, уездный суд свой приговор о взятии в казенное ведомство имения отменил. Теперь поверку делает нашим документам, потом потребует у Анны Петровны, на чем основывает свое право, то есть на каком акте, деянии или словах покойного; ибо хотя завещание и полной силы не имеет, но уничтожить его не можно. Вследствие приговора уездного суда наш частный пристав у нее был, показывал завещание и требовал, чтобы она или *опровергнула,* или *засвидетельствовала* письменно, что это рука батюшкина. Она все откладывала со дня на день, наконец дала отзыв, в коем пускается на глупые рассуждения, а главного не говорит; и так пристав ей бумагу ее возвратил, яко вздорную, и дал ей день сроку, чтобы отвечать, его ли рука или нет; ежели завтра не скажет, то силою ее принудят к тому. На эту угрозу начала она себя бить по голове, ругать полицию, особливо Волкова, говоря, что он ей все эти хлопоты наводит. Стало, шаг сей довольно

решающее значение имеет, что она так долго колеблется; она знает, что не может отрицать батюшкиной руки, но боится подтвердить документ такой силы. Майор полиции, человек чувствительный, добрый и лояльный, поделился со мною о всех сих разговорах с нею; он был у нее три раза и говорил с нею энергично, и так, что ей сделалось плохо; у нее были ужасные конвульсии. Майор меня уверяет, что у нее поврежден рассудок и что она беспрестанно мелет вздор.

Я получил наконец ответ от канцлера; он мне пишет с чрезмерною вежливостью и говорит: «Примите мои сожаления, что не могу подтвердить мое расположение к вам предоставлением места в департаменте коммерческой палаты, ибо мне предстоит *отказаться* от этого департамента; в любом другом случае мне будет приятно дать вам свидетельства моего желания быть вам полезным». Я сожалею о сем месте – с одной стороны, но с другой стороны – вижу, что никто не может заменить меня здесь. Я очень нужен здесь для дела нашего. Я узнал, что департамент коммерции уничтожен, что будет только экспедиция и что начальником ее будет Гурьев (это министр финансов). Я совсем не жалею о потере сего места; были бы хлопоты, а особливо издержки.

Александр. Москва, 21 июня 1810 года

Подробности твоего путешествия весьма интересны. Я рад, что ты увидишь край этот, довольно малоизвестный, и узнаешь походную жизнь; я ее вел пять месяцев в Калабрии, и она мне самому очень была по сердцу, хотя войска неаполитанские, несмотря на ревность Дамаса, совсем противную играли роль вашим. Здесь только и разговора, что о Молдавии: все взоры устремлены на вас; думают, что, как и ты говоришь, если граф Каменский побьет визиря и выгонит его из Шумлы, то Стамбул сдастся, и мир будет подписан на барабане. Что меня удивляет, – это то, что твой начальник имеет здесь только поклонников, но не завистников; все отдают ему справедливость; это значит, что все мы здесь истые русские люди. Я был в соборе на молебне по случаю взятия Силистрии и Базарджика. Никогда не забуду того впечатления, какое произвела на меня бывшая там графиня Каменская; все взоры были устремлены на нее как бы с благодарностью за таких ее сыновей. Как сердцу ее должно было быть весело слышать молебствие за победы, одержанные сыновьями ее! Фельдмаршал к ней подошел и поздравил, а потом все прочие. Это было чудное зрелище.

Константин. Лагерь близ Шумлы, 22 июня 1810 года

Снова курьер, и снова случай написать тебе, мой милый и любезный брат. Ничего решающего не произошло между нами и турками. Им начинает недоставать провизии и даже воды, потому что эти дураки, трудясь над своими ретрашементами, разрушили многие трубы, по которым собиралась вода в их хранилища. К нам переходят всякий день обитатели города, кои его оставляют, боясь голода, и, по их сообщениям, почти во всем согласным, по крайней мере в главном, лошадей кормят виноградными листьями, янычары одни получают свои порции, а население премного страдает; дерутся за кусок хлеба, и вынуждены рассказывать им сказки, чтобы их усмирить. Граф Каменский старается перерезать им все пути; Константинопольская дорога уже нами занята, а им остаются одни тропинки, по которым не могут они передвигать свои телеги. Мы ожидаем нашу осадную артиллерию, и тогда уж не знаю, право, что турки будут делать. Неприятно получать бомбы в турецкий город, где полно женщин и детей и где дома совсем не могут служить убежищем. Вероятно, мы останемся еще несколько времени здесь, может быть даже принудим их подписать с нами мир, ежели великий визирь сможет взять сие на себя. Он не решится сделать вылазку, ибо уверен, что его побьют. Ежели он решит убежать в Балканы, жители Шумлы, вероятно, помешают ему их оставить, или же он будет вынужден оставить нам все пушки, и потом невероятно, чтобы граф позволил им осуществить такой план.

Одним словом, благодарение Богу, все идет хорошо. Вчера взяли Джуму и тем самым отрезали им еще одну большую дорогу. Всякий день мы делаем какие-нибудь успехи, всякий день турки теряют какой-нибудь ресурс. Они не решаются более и носа показывать из ретрашементов, ежели их оттуда не выгоняют. Они не могут уже выпасать свой скот, ибо наши казаки беспрестанно у них что-нибудь похищают, и как только они выходят с войсками для защиты своих фуражиров, их атакуют, и они убегают сами или прогоняемы нашими ядрами, к коим испытывают решительную антипатию. Вот наш бюллетень. Он для тебя и друзей наших; но мне не хотелось бы, чтобы он носился по городу, ибо ты знаешь, что я не люблю играть роль Одоевского.

Я был наконец у Воронцова и Бальмена, кои удалены от нас почти на пять верст. Я хорошенько вымок на обратном пути, именно эти-то беспрестанные дожди, кои идут уже несколько дней, и мешают мне навещать их так часто, как я сего желаю. Все были у Воронцова, как я пришел; все были весьма рады меня видеть, но Бальмен особенно, он захватил меня и увел в свою палатку, где продержал долго, говоря о своей доброй Маше и все расспрашивая меня. Он ее очень любит и только и мечтает о

конце войны, чтобы вернуться к ней. Он чувствует себя хорошо – сильно отличился, и это все, что я могу о нем сказать. Его брат, коего я также видел, едет сегодня в Яссы. Надеюсь, что м-ль Мари увидит по тому, как тороплюсь я сообщить тебе известия о Бальмене, какой я хороший комиссионер.

Что до меня, милый мой друг, мне здесь очень хорошо – настолько, насколько это возможно вдали от тебя. Завтра будет месяц, как я покинул Москву. Время идет очень быстро; что ж, оно вновь приведет меня к тебе и, может быть, мы тогда не будем более несчастливы. Я люблю надеяться, и не всегда же мне надеяться напрасно. Я еще не получил известий от тебя, меня это не тревожит, но я очень нетерпелив знать, что вы поделываете и что делают с вами. Я тебе писал несколько дней тому назад с курьером. Я адресовал письмо моему Тургеневу; может быть, это мое письмо будет тебе доставлено Милашевичем, и ежели ты еще в Москве, скажешь мне, которое из двух придет скорее. Хочешь ли знать, что я делаю? Я здоров, играю всякий вечер в бостон с Родофиникиным[67], который обходился со мной очень дружески, с Фонтоном, с коим я подружился после Тенедоса, и с Блудовым, которым я с каждым днем не нарадуюсь. Это превосходный мальчик. Я все лучше его узнаю. Я живу с ним, это избавляет меня от необходимости покупать палатку. Ба! Вот так пушка, надобно ее видеть.

Турки только что выходили за кормом для скота в большом количестве. Граф Строганов и Войнов дали им время срезать хлеб и погрузить его на лошадей, после чего их атаковали, забрали у них весь фураж, убили у них более 150 человек и 69 взяли в плен, среди которых оказался и один из пажей великого визиря, шестидесяти лет. Бедняга командовал вылазкой и был ранен в плечо. Мы потеряли одного человека убитым и двух ранеными. Одно удовольствие – видеть такие дела, это подобно охоте, где турки вместо зайцев. Зукато, который командует отделением недалеко от Дуная, захватил турецкое укрепление. После он был атакован на открытом месте четырьмя тысячами турок и только с четырьмя батальонами и одним казачьим полком их оттеснил, устроил большую рубку и захватил два знамени. Влодек командовал одним из батальонов и очень хорошо себя показал.

Я обедаю у графа или у кого-нибудь из этих господ, а утро провожу в болтовне, в наблюдениях за вылазками турок и в расспросах пленников. Обедаем мы в полдень, после обеда недолгий сон; я же пользуюсь этим временем для небольших прогулок в одиночестве и чтобы спокойно думать о вас. Все обходятся со мною очень дружески. Уверяю тебя, что я весьма доволен своим пребыванием.

Константин 30 июня 1810 года

Бедный Воронцов очень болен. Вчера был одиннадцатый день его горячки, но перелома не было. Сегодня доктор мне сказывал, что ему легче, но все он еще в опасности. Я ему послал 15 лимонов, кои с трудом сыскать мог, заплатив 3 франка. Я надеюсь, что он спасен будет.

Константин. В лагере близ Шумлы,
6 июля 1810 года

Мы теперь стоим несколько далее и более вправо от Шумлы; авось-либо зайцы выйдут из укреплений своих, но тогда уже туда более не возвратятся. Сегодня в ночь часть нашего войска и сам граф Николай Михайлович идет к Рущуку, где мы марша через четыре будем. Приготовляйте плошки. С помощью Божиею и он скоро в наших руках будет. Между тем остается здесь с сильным корпусом граф Каменский для принятия визиря, ежели ему вздумается выйти. Усердие и деятельность нашего главнокомандующего не позволяют ему терять минуты времени: пока Шумла истощается, он возьмет Рущук, который, подобно Силистрии, никогда взят еще не был. На сих днях курьер из Петербурга привез награждения за прошедшие дела. Ну, брат, надо было видеть всеобщее восхищение, чтобы судить, как приятен должен быть знак, кровию заслуженный. Но какие лестные получения награждения! Граф читал список милостям, особливо тем, кои сделаны полкам, живо был тронут, несколько раз принужден был останавливаться. У нас много новых генералов, в числе коих Воронцов, Сен-Приест и Башилов. Граф получил 1-го Владимира, но вам все это должно уже быть известно. Воронцов, слава Богу, вышел уже из опасности, но еще очень слаб. Долго отчаивались в его жизни; его вылечил графский доктор, один из тех, которых мы из Вены прислали.

Константин. В лагере пред Рущуком,
12 июля 1810 года

Я пишу тебе под гром пушек и посреди ужасной бомбардировки, мой милый и любезный друг. Курьер отбывает прямо сейчас в Петербург, и я оставляю прекрасное зрелище, кое представляет нам бедный город, вынужденный получать несколько тысяч бомб, ядер, гранат и проч., и проч., чтобы тебе написать. Мне видны отсюда четыре горящие дома. Бедные жители, мне жаль вас, но я вам желаю всего возможного зла! Мы здесь с позавчерашнего дня. Граф решил оставить пред Шумлой своего брата с большим корпусом, а сам поторопить взятие

Рущука, который, надеюсь, через несколько дней, несмотря на гордость и мужество Босняк-аги, который им командует, также потеряет свою невинность. От самой Шумлы досюда мы шли очень быстро, проделав в 48 часов более ста верст. Признаюсь тебе, что я был побежден усталостью. Это не шутка – оставаться 10 часов верхом и возобновлять то же самое после пяти-шести часов отдыха. Но по какой же красивой местности мы проходили!

Теперь мы на высоте над Рущуком, город перед нами как на ладони; дальше милый Дунай, сей старый друг, с которым я провел восемь лет в этом самом городе. Он течет двумя рукавами, которые образуют между Джургево и Рущуком город, отрезанный своего рода каналом, посредством которого сообщаются оба города. Они расположены, может быть, в трех верстах один от другого, и даже менее. Бомбардировка – прекрасная штука, особенно ночью. Ты видишь, как летят красные ядра, как они падают, взрываются и часто поджигают какой-нибудь дом. Все это дело одной секунды. Туркам в этом деле приходится несладко, и оно их не развлекает так, как нас.

Сегодня поутру мне принесли письмо, я выскочил из постели, чтобы его принять, думая, что оно от тебя, а оно было от князя Куракина. Оно доставило мне не меньше удовольствия тем участием, какое он во мне принимает. Он написал графу, рекомендуя ему меня, как рекомендовал бы своего сына. Какой славный человек! Нельзя не быть к нему привязанным всем сердцем и душою, как я к нему и привязан. В нашем несчастном положении иметь таких покровителей и друзей – подлинное утешение.

Константин. В лагере пред Рущуком,
23 июля 1810 года

Это письмо повезет Блудов, который возвращается в Россию, и, между нами сказать, навсегда. Я занимаю его место и принимаю от него все бумаги. Здешняя жизнь ему наскучила, к тому же случились у него важные домашние дела, которые требуют его присутствия в Санкт-Петербурге и Москве[68]. Ежели он у вас будет, приласкайте его; он меня здесь очень обласкал, и, право, мне жаль, что он едет. Малый прекрасный.

Я пишу у бедного Влодека, который ранен пулею в плечо. Не могли еще вырезать пули, от чего он весьма страдает. Я у него вчерашнюю ночь просидел, да и сегодня то же сделаю, ибо ночью он не может спать, боль делается ощутительнее, и когда он один, то отчаивается. Мы с ним здесь подружились еще больше Виленского. Он без меня не может быть часа.

Александр. Горбово, 26 июля 1810 года

Наташа гулять пошла с Иваном Савельичем, придет, сама припишет тебе. Кстати сказать, о нем. Вчера потешил он нас. Были мы на именинах у соседа, князя Сибирского, известного своим несчастием [князь Сибирский потерпел в царствование Павла]; набралось тут пропасть народа. Сделал я раздачу, кидал деревенским пряников, калачей; стало этого недовольно, взял я шута, натыкал ему за шею, в сапоги, за галстук, в рукава, в штаны пряников, одним словом, начинил его всяким лакомством и пустил его в народ. Надобно было видеть, как бросились на него бабы, девки, мальчики и начали из него вытаскивать добычу; было с чего лопнуть со смеху. Женщины запускали ему руки в штаны, а он им задирал юбки, сие было весьма живописно; вообрази, что даже шумишки, кои я бросал этим дамам, не могли их отвлечь от сего занятия. Мы провели очень приятный день. Вообще нам здесь хорошо, только недостает друзей наших Волковых. Кстати, у нас есть план поехать с ними к Жанно [это Иван Васильевич Нарышкин, тесть графа М.Д.Бутурлина]. Послезавтра поеду в Москву на два дня, и тогда устроим эту прогулку, постараемся Фавста вытащить. Наташа остается здесь (теперь, разумеется), ибо поедет на гастроль к Жанно. Поутру была у нас комедия с шутом. Для наказания князь велел его привязать к качелям круглым, и подняли его наверх; просидел он там довольно, вдруг прихожу и говорю, что князь хочет его велеть расстрелять и что для того и привязали его к качелям. Приходит Белов, камердинер, с ружьем, заряжает его; тот все думает, что шутка, как вдруг бацнут в него холостым зарядом. Как видишь, мы время свое проводим в фарсах, и я был очень доволен, получив твое милое письмо, наполнившее меня радостью.

Константин. В лагере при Рущуке,
2 августа 1810 года

Меня все зовут в Вену, но теперь не то у меня в голове. Меня уговаривают проситься после мира секретарем посольства в Царьград, и я не прочь от этого. Как ты думаешь?

Константин. В лагере при Рущуке,
6 августа 1810 года

Время проходит как в удовольствиях, так и в грусти, проходит и уносит все с собою; это моя философия и мое утешение, когда мне очень грустно. Я был бы неправ, если б жаловался на мое здесь положение. Прекрасный климат и письма из Москвы; нужно ли чего-нибудь тому, кто не хочет жить в Слободе[69]? Могу к этому прибавить занятия, кои доставляет мне

теперешнее мое место, интерес, выказываемый ко мне всеми лицами в главной квартире, и дружбу нескольких весьма почтенных особ – таких, как старый Фонтон, с коим я познакомился на море. Его племянник – превосходный мальчик, которого я очень люблю и который ругает меня всякий раз, как видит меня печальным. Он красиво поет, и я, как могу, ему подпеваю, а когда мне нечего делать, мы идем гулять в красивые места с нашими трубками. Он поет мне мелодии, кои я слышал от тебя, а в конце мы умолкаем оба: он думает о Константинополе, а я о вас, мои милые друзья.

Константин – Наталье Васильевне Булгаковой
6 августа 1810 года

Я подымаюсь очень рано утром. Иной раз в пять часов я уже на ногах. Раннее вставание идет мне на пользу; я усаживаюсь под большими вишнями, где устроили скамью. У меня перед глазами два города – Рущук и Джургево, разделенные Дунаем. Все это наводит меня на размышления. Осажденный нами город, Дунай, притекающий к нам от венского Пратера, где оставляет он прекраснейший в мире променад и веселящихся людей, чтобы прибыть к нам и увидеть печальную картину войны!

Я возвращаюсь к себе, принимаюсь за свою работу с аккуратностью, к коей приучила меня моя миссия в Вене; после перечитываю ваши письма (что делаю ежедневно); наступают 9 часов и смотр. Я без ума от марша, который играют уже два дня, – «О, мой освободитель» – не знаю ничего красивейшего. Постараюсь раздобыть его себе, чтобы вам выслать. После смотра или прежде него, ежели граф меня вызовет, я оканчиваю мою работу с ним и, ежели у меня не появляется новой, иду к кому-нибудь из этих господ; среди них есть рассудительные, веселые, сумасброды, чудаки, и я выбираю себе на утро общество сообразно своему настроению и расположению. Наступает час обеда, это 11 часов или, самое позднее, полдень. Когда я не приглашен в другое место, то иду обедать к графу, общества там хватает: всегда не менее сорока – пятидесяти человек за столом. Я ем много, по своему обыкновению, досадую на обилие мух, слушаю музыку и часто ту, которую люблю. По окончании обеда возвращаюсь к себе, сон борется с мухами, я накрываюсь наволочкою и в конце концов засыпаю. Фонтон является меня будить, мы вместе болтаем, жара чрезвычайная, мы идем играть в бостон, не имея возможности других занятий, а после вечерняя пушка возвещает нам о том, что солнце село. Мы бредем к знаменитым вишневым садам, где пребывает обыкновенно граф, а вокруг него вся главная квартира. Вскоре после того он идет

ужинать, а наша прогулка только начинается, ибо ужинаю я обычно у Фонтонов и гораздо позднее.

Александр. Горбово, 6 августа 1810 года

Сожалею очень о болезни Воронцова; поберегите его! Как мне тебе пересказать, что происходило в сердце моем, когда читал я, что ты говоришь о князе Александре Борисовиче, безо всякого внушения тебя Каменскому рекомендовавшем; я читаю это тогда, как едва известили меня о кончине сего ангельского человека. Я чрезмерно огорчен, и дорога меня рассеять не могла; желаю не быть первым, тебе эту потерю объявляющим. Вам известна парижская катастрофа. Шварценберг дает Наполеону бал, загорается дом, все бегут, князя сшибают на лестнице с ног, у него сгорают волосы, брови, правая рука. Приносят замертво домой, ограбленного, все бриллиантовые знаки сняты, и князь умер несколько дней после. Какая потеря! Воображаю, как тебя это огорчит!

Константин. В лагере пред Рущуком,
10 августа 1810 года

Уже два дня у нас здесь дамы, так что мы начинаем бриться, носить мундир вместо сюртука и прихорашиваться. Дамы – это графиня Ланжерон, которая была известна несколько лет тому назад своей красотой и которая еще может славиться своею любезностью, и еще г-жа Мантефель, едущая на родину полька, очень любезная и еще довольно красивая. У этих дам мы и проводим вечера, и это по крайней мере убивает время. Впрочем, я неправ, что жалуюсь на время, оно бежит очень быстро, ибо у меня всегда полно дел. Я очень доволен моим местом, оно доставляет мне занятия, и работа очень приятна, натурально с графом; меня это с ним совершенно сблизило, и я люблю его день ото дня все больше.

Блудов уехал с большим сожалением, но его дела того потребовали, и потом у него довольно несчастливый характер: он беспрестанно пребывает в беспокойстве, в волнении, которое убьет его однажды. Вообрази себе, как можно быть с таким характером на войне.

Мы по-прежнему блокируем Рущук. По всему, что говорят перебежчики, голод начинает давать о себе знать самым жестоким образом; бедняки умирают с голоду, а богачи едят сухари. Вот покамест и все новости.

Несколько дней тому назад я присутствовал при встрече двух братьев, которые любят друг друга и не виделись в течение многих лет. Это братья Мишо, превосходные офицеры.

У нас обедают порою и в 10 часов. Теперь, когда всего только 6 часов, г-жа Мантефель уже прошла мимо моей палатки, идя навестить своего мужа в нескольких верстах отсюда. Теперь у нас здесь есть мост через Дунай, и в результате мы ни в чем не нуждаемся; мы превосходно питаемся, и потом какие фрукты! Наш лагерь стоит среди виноградников. Виноград начинает созревать, и вчера я уже съел целую тарелку. А среди виноградников растут другие деревья: абрикосовые, персиковые, ореховые, вишни, сливы и проч. Всякий день я ем свежие орехи. То-то бы к вам послал!

Александр. Горбово, 20 августа 1810 года

Тургенев тебе уже, должно быть, сообщил о будущем браке нашего доброго Уварова с графиней Разумовской, сестрой княгини Репниной. Ей дают на 100 тысяч бриллиантов, на 100 тысяч приданого и 6000 душ. Это неплохо и восстановит дела сих славных мальчиков [то есть Сергея и Федора Семеновичей Уваровых]. Не думаю, чтобы Сергей женился по любви, ни даже по склонности: ибо никогда он нам не говорил о сей юной особе, я уверен, что он захотел собою пожертвовать ради матери и брата. Впрочем, сказывают, что она очень славная девушка.

Уваров напечатал элегию «Имение поэта» и поднес ее невесте своей.

Константин. С поля сражения при деревне Батине, 27 августа 1810 года

Мой милый, бесценный брат. Узнав, что Кушнир-али, сераскир Дунайский, Мухтар-паша, сын янинского Али-паши, и другие паши и аяны собрали более 70 000 войска, дабы идти на помощь к Рущуку, и что они уже в 35 верстах от нас, граф наперед послал брата своего приудержать их, а третьего дня прибыл сам сюда для нападения на турецкие толпы, которые весьма сильно укрепились в трех лагерях, выбрав и позицию, весьма от натуры крепкую; но он сделал, как кесарь: пришел, увидел, победил! Третьего дня ввечеру мы сюда прибыли, вчера побили неприятеля, сегодня убираем пушки, пленных и знамена, а завтра возвращаемся к Рущуку. Но какая победа! Турок и следа не осталось. Более 5000 пленных, более 8000 убитых, не считая тех, кои поранены были кавалерией нашей, их преследовавшей. Кушнир-али убит, паша трехбунжучный с 4000 принужден был положить оружие и просить пощады; по сие время 176 знамен, три начальных знака у нас. Подробности еще неизвестны, а я уверен, что всего еще более. Победа была 26-го, в самые именины милой Наташи: она нам принесла счастье.

Ввечеру пред сражением граф призвал меня и отдал мне письмо от тебя, № 6. Ну, брат, что я почувствовал, читая его, и в какое время! Оно еще для меня драгоценнее было. Я ночевал у Бальмена, а в 7 часов утра армия пошла на неприятеля, превосходившего гораздо нас числом и засевшего в укреплениях. Но что может противиться храбрости русских войск? В один день войско турецкое разбито, укрепления взяты, и вечер провели мы в их укреплениях. Я во все время был с графом, а он целый день – на пушечном и ружейном выстреле от неприятеля. Их ядра и пули летали, свистели около нас, но, слава Богу, никого из графского штата не ранили, и я жив-здоров, милый друг. Граф ввечеру, называя меня дипломатом-воином, хвалил мое хладнокровие, говоря: «Вы созданы, чтобы быть военным, хотя и очень на месте как дипломат; вы все время были со мною»[70].

Не поверишь, брат, как сердце радостно после такой победы и как я рад, что себя испытал, что я не трус. Ядра летят, а я трубку курю на своем борзом коне и не нагнусь даже, а около бьют людей и лошадей. Но, милый мой, это пишу для тебя, а не то сочтут меня фанфароном.

Александр. Москва, 29 августа 1810 года

Ты один при графе [Н.М.Каменском] теперь; дай Бог тебе найти другого Куракина в нем. Князь Александр Борисович живехонек и совсем выздоровел. Это были московские сплетни, равно как и о трех графах, о чем я писал тебе, неправда. Блудову отплачу, ежели будет сюда, за дружбу его к тебе. Место Львова от меня улизнуло; но Тургенев, мой неутомимый друг, обещает мне другое. Говорят, что Гриша Орлов будет назначен начальником государственных имуществ; что будут, как прежде, директоры экономии во всех губерниях, которые, кроме 2500 рублей годового оклада, получат много других преимуществ; он юлит, чтобы назначили меня в Москву. Это, конечно, будет хорошо, но я не спешу. Я написал Татищеву (приехавшему в Петербург), чтоб попытать его, и напомнил ему нашу дружбу. Говорят, что он будет начальником над Коллегией, и в таком случае может мне дать славное место. Я ему говорю как другу, откровенно, и такой же требую ответ; увижу, что мне напишет, и, смотря по ответу его, соображу свои планы. Татищева приняли очень хорошо, жена представлена ко двору; скоро оба будут сюда.

Скажи Влодеку, что его страдания меня очень сокрушают, но что, с другой стороны, имея в виду его успехи на славном боевом поприще, я радуюсь за его рану, если только она не будет иметь дурных последствий, а лишь причинит ему кратковременное страдание. Ты не сказал мне, где он был ранен, когда и как;

хочется знать все, касающееся до друга, – а Мишеля я люблю давно. Спасибо, что за ним смотришь. Ничто так не успокаивает, как сочувствие людей к нашим страданиям.

Александр. Москва, 31 августа 1810 года

Как Куракина не любить! Да и дрянные эти французы показывают великое участие в его несчастий: во всякой газете их есть артикул о состоянии его здоровья. Буду к нему писать непременно; у меня есть прекрасный предлог: вся Москва интересуется его здоровьем. Я давно забыл о тех проказах, какие учинил мне канцлер; все было к лучшему. Кто знает, попал ли бы я к Гурьеву (которого едва знаю) под начало? Этот пролаз Тургенев хочет, во что бы то ни стало, доставить мне место директора экономии в Московской губернии. Мне пишут, что Дмитрий Павлович, приехавший наконец в Петербург, по-прежнему очень меня любит, и носятся слухи, что он займет место графа А.Салтыкова. Я ему тотчас же написал, чтобы напомнить о нашей дружбе и спросить о его планах; прошу его также выхлопотать мне что-нибудь за мою прошлую службу и устроить меня повыгоднее.

Балашов обладает всемогуществом, кое соперничает со всемогуществом Сперанского. В министерство полиции включили части всех министерств, даже нашего, ибо оно будет давать паспорта для заграницы, кочевые народы Азии будут от него зависеть.

Константин. В лагере пред Рущуком,
4 сентября 1810 года

Я описал тебе вкратце, в последнем письме моем, наше славное дело. То-то, я думаю, добрые москвичи ему порадовались, да и есть чему. Сильные укрепления, защищаемые с упорностью, великое превосходство в силах, сильная позиция, – ничто не могло противостоять мудрым распоряжениям нового Суворова и храбрости русского солдата. В десять часов 40 000 турок совершенно разбиты, прогнаны, истреблены. Надобно было видеть, как все поля и лощины, по которым конница наша преследовала бежавших, устланы еще трупами, и это ведь на 15 верст расстояния. Сверх того, лагерь уже наполнен убитыми, не считая тех, которых они зарыли. Пленных более пяти тысяч, 176 знамен, трехбунжучный Махмет-паша в числе пленных, а также и двухбунжучный, командовавший флотилией, которая рассеяна, много лодок взято и много потоплено. Весь неприятельский лагерь, вся артиллерия, оружие – все нам досталось. На другой день умора была смотреть на солдат и казаков в турецких

платьях, шубах.

Константин. Пред Рущуком, 11 сентября 1810 года

Мой род занятий здесь, мой милый друг, вся дипломатическая почта. Мне кажется, граф мной не недоволен, ежели судить, по крайней мере, по его обхождению со мной. Я, со своей стороны, все силы полагаю на то, чтобы быть более чем аккуратным, и ему это нравится. Между нами будь сказано, мой предшественник таков не был. Он был поглощен своими мрачными мыслями и пренебрегал несколько работою, что мне и наделало хлопот. Он все оставил в величайшем беспорядке, и только теперь начинаю я наводить ясность. Завел свой порядок, и все идет как по маслу. Возможно ли главнокомандующему, который занят беспрестанно важнейшими делами, вспомнить о каждой бумаге? Это наше дело – очищать их, а у меня ни одна бумага не останется без ответа и без решения. Граф любит порядок, а я думаю, нельзя ему не приметить, что теперь все идет порядочнее. То, что пишу я тебе о Блудове, это только для тебя, мой милый друг. Я здесь это даже от всех скрыл, чтобы не причинить ему вреда.

В Вену ждали Нарышкину. Там теперь множество русских: Бибиков, Новосильцев, Бауэр, Кутайсов, Браницкие и проч. и проч. Живут там очень весело. Княгиня [Багратион] наняла загородный дом, и у нее, по обыкновению, много народу. От Мальи я получил также предружеское письмо. Мне прислали книгу “Vertraute Briefe, geschrieben auf einer Reise nach Wien” Рейхардта. Я был в это время в Вене – и на всех ужинах, концертах, балах, кои он описывает. Преприятное чтение для меня. Он же, всех называя, про всех моих знакомых говорит. Я к тебе со временем пришлю эту книгу, и тебя она будет интересовать.

Блудову я точно отдал для тебя № 17, в коем писал тебе о получении двух твоих писем. Жаль, что он его потерял, но совсем тому не удивляюсь, ибо он поехал отсюда весь не свой. Бог знает, что с ним сделалось. Он все генерально письма потерял и никому не отдал. Экая головушка!

У нас, брат, все идет лихо. Крепость Кладова сдалась. Всякий день что-нибудь нового и приятного. Ну уж достается туркам от нас. Но все это не мешает мне желать миру. После него тотчас к вам, и надеюсь пожить долее, чем в последний раз. Тогда надобно будет думать о месте и опять на годок расстаться. Неужели мы никогда не поживем вместе порядочно? Неужели никогда не кончится горестное наше положение? Что мы сделали, чтобы так долго быть наказанными?!

Бедный Долгоруков (сын князя Юрия Владимировича) умер от горячки в Бухаресте.

Константин. В палатке между Рущуком и лагерем, 15 сентября 1810 года

Наконец, милый, любезный брат, гордость Рущука усмирена. Сейчас подписана капитуляция, которою сдается он победоносному оружию государя императора, и в какой день? В именины государя[71]! Турок было четверо полномоченных, а с нашей стороны – генерал-майор князь Вяземский, Родофиникин, старик Фонтон и я, и я именно и составил акт капитуляции. Что взял Босняк со своим упорством? Принужден был просить пощады. Это еще не все: теперь составляем мы капитуляцию Журжи, которая сегодня также подписана будет. Поздравляю вас, мои милые, с сими двумя важными приобретениями. Нашему начальнику предоставлено было взять крепости, которые никогда еще в руках наших не были. Журжа держится с начала войны, пресильная крепость, Рущук – преогромный город, гораздо более и важнее Силистрии; взяты в один день.

Это еще не все, но еще были взяты корпусом, который состоял под начальством покойного Цукато, а теперь коим генерал-лейтенант Засс командует, крепости: Орява, Краова и Неготин. Какова кампания? Славней этой не бывало и во времена Суворовых, Репниных. Сочтите, сколько дел было выиграно, городов взято. Туртукай, Силистрия, Рущук, Коварна, Разград, Базарчик и Журжа. А побитие визиря, а Батинское сражение, а дело графа Ланжерона? Но надобно мне тебя покинуть, чтобы окончить акт капитуляции Силистрии. Вчера мы им были заняты с девяти часов утра до вечера. Мы поставили палатку близ города, где и собрались. Как подумаю, что на этом самом месте, где два дня назад нас решетили пулями, теперь пощады просят! Валуев несет эту важную весть в Санкт-Петербург.

Константин. Пред Рущуком, 21 сентября 1810 года

О моих упражнениях я уже писал. Дела иногда очень много, иногда же проходят целые сутки, и пера в руки не возьму. Здесь главное – работать скоро и ясно, писать иногда лежа на голой земле и стараться сколь возможно, даже в перевозках, иметь в бумагах порядок. Канцелярией я управляю, и это очень для меня должно быть легко, ибо граф мне это препоручил, а в оной есть камер-юнкер Багреев, который несколько уже лет при здешней армии. Для переписки и порядка канцелярского у меня славный человек, Яковенко, сверх того переводчик Меликов и какой-то губернский секретарь, коего имени не могу затвердить. Для

списывания же французских бумаг переводчик Спис, а для турецких переводов переводят Фонтон и Деодати. Вот, сударь, все наши чиновники и все подробности, которые ты желал иметь обо мне и о нашей канцелярии. Мое место очень приятно, потому что можно обязать почти всех генералов, посылая им газеты или отправляя их письма, знаешь, маленькими услугами, кои ничего не стоят и кои рассматриваются всегда как знаки внимания. Благодарение Небу, я могу только хвалиться всеми, начиная с главнокомандующего и кончая последним офицером. С этой стороны я весьма счастлив и доволен, и надеюсь всегда себя так вести, чтобы все мною довольны были.

Александр. Москва, 4 октября 1810 года

Ну, брат, хваты вы! Говорят, что в Петербурге только и разговоров, что о подвигах графа. Последнее его донесение читалось во дворце, после обедни, военным министром вслух; только и слышны были восклицания: «Хват!», «Ай да молодец!» А я говорю – герой во всех отношениях!

Анекдоты о графе обошли весь город. Говорят, например, что у него прекрасное зрение, неоценимая вещь в начальнике армии, что, когда он на лошади, он смотрит и вычисляет и, если лошадь в это время заупрямится, он ее тотчас меняет, чтобы ничем не отвлекать своего внимания; восхваляют некоторую сдержанность его с подчиненными ему генералами, но без малейшей гордости, что придает вес его словам; говорят о его строгости и замечают, что, будь таковая в наши последние войны в Австрии и особенно в Пруссии, многого бы не случилось; наконец, все его действия, как говорят, доказывают, что он зрело обсудил прошлое. Армия тоже, говорят, обильно снабжена и проч. Я сообщаю тебе все это, чтобы сделать тебе удовольствие. Приехал сюда полковник Свечин, отправленный графом к Гудовичу с известием о взятии Рущука и Журжи. Волков с ним много говорил, расспрашивал, кого граф отличает. Волков говорит, что не мог скрыть своей радости, слыша слова: «Есть там молодой Булгаков; хотя недавно приехал, но граф, кажется, великую к нему оказывает доверенность; он много там значит; граф работает с ним часто», – и проч. Как нас это порадовало!

Константин. В лагере пред Никополем,
17 октября 1810 года

9-го числа оставили мы Рущук, и Бог дал нам прекрасное время и прекрасные дела. На походе получили мы ключи крепости Турны, которую взял князь Вяземский 1-й. Теперь у турок нет ни одного твердого пункта на всем левом берегу Дуная.

Когда мы приблизились к Никополю, выслали к нам депутатов, и на другой день посланы были от графа генерал-майор Фредерикс, Фонтон-старик и я для заключения капитуляции, которую мы в тот же день окончили. Итак, эта сильная крепость 15-го числа, ровно месяц после взятия Рущука, нам досталась со всей артиллерией и множеством военных и съестных припасов. Теперь и на этом берегу Дуная один только Видин. Прежде Турны взяты также были корпусом генерал-лейтенанты Засса укрепления Брегово и Зябры. Каков наш молодой герой! Была ли когда-нибудь такая блистательная кампания?

Константин. В лагере пред Никополем,
19 октября 1810 года

Сегодня ездил я с графом смотреть Никополь. Какое местоположение! Город премерзкий, расположен на четырех горах, на самом берегу Дуная. Много видел я женщин, но закрытых, а только видны прекрасные глаза; иные будто не нарочно открываются, – что за личики! Уж мы лазили, лазили по горам, так что я смертельно устал.

Воронцов был послан с отрядом в Ловчу и взял это турецкое укрепление, сделал пленных после маленького дела, которое там имел. Между тем сегодняшний курьер привез ему за Систов 3-го Владимира, а Сан-Приесту – 1-ю Анну. Какие лихие офицеры!

Скажу тебе, мой друг, под секретом, что граф представил меня ко 2-й Анне за Рущукскую капитуляцию и прописал в депеше, что я был с ним в Батинском сражении. Не говори об этом, ибо еще крест не получен. Курьер отсюда поехал, кажется, 7-го числа сего месяца; может быть, ты прежде меня узнаешь, когда я его получу. Граф ко мне чрезвычайно милостив и даже отлично со мною обходится. Я его несколько раз просил о милостях для других, и он всегда делал, и самым обходительным образом. Кажется, он доволен моею работою, которую приношу я ему всегда прямо к подписи, и по сие время не переменял он ни одной бумаги, а иногда отдавал мне бумаги, кои совсем до моей части не касаются. Одним словом, я чрезвычайно доволен своим положением; дай Бог, чтобы он всегда ко мне столь же был милостив. Он со мною обходится с большою доверенностью и никогда не будет иметь причины раскаиваться; ведь я был в школе у Разумовского. Подчиненные меня любят и, между нами сказать, очень рады, что Блудов уехал.

Сегодня паши, то есть двое трехбунжучных и один двухбунчужный, были с визитом у графа.

Константин – Фаесту Петровичу Макеровскому
В лагере пред Никополем, 19 октября 1810 года

Уж я дожидался, дожидался писем от милого, бесценного моего друга, но, видно, терпением ничего не возьмешь

с ним; дай-ка его поругаю. Шельма, срамец, мерзкий человек, не стыдно ли тебе совсем меня забыть? Неужели, ленивец, не найдешь ты минуты написать ко мне хоть строчку? Это, брат, не по-приятельски – что ты глаза-то вытаращил? Кричи «виноват!», а не то тотчас на палочный караул! Ну уж так и быть, еще раз тебя прощу, только в последний.

Я не хотел пропустить верного случая, не написав к моему милому другу, которого все люблю, несмотря на его молчание. Я, брат, слава Богу, здоров, несмотря на беспокойную лагерную жизнь. Ну, брат, был я в сражении; право, хорошо, особенно как оттуда вернешься. Я своим положением очень доволен. Граф ко мне милостив, и все окружающие обходятся со мной дружно.

Экономические мои дела также идут изрядно. Я нашел почти способ жить одними столовыми деньгами, несмотря на дороговизну. Я уже получил предписание об одном курсе или прибавочных к жалованью; это делает, кажется, 1300 рублей, которые коль скоро приму, то пришлю к брату.

Александр. Москва, 25 октября 1810 года

Я сделался настоящим крючком. Целые утра провожу я в уездном суде; третьего дня сам был в Сенате, коему представил мое опровержение нелепостям, кои кузина выставила ему в своей записке. Обер-прокурор Столыпин меня очень хорошо принял, и я много с ним говорил. Анна Петровна осмелилась сказать Сенату, будто государь *отринул* нашу просьбу, утвердив мнение шести голосов. Я рад, что она тронула эту деликатную и ей вредную струну, и сказал, что большинство столь знаменитое голосов означает справедливость нашего дела, что, впрочем, шесть голосов нимало не опровергают прав наших в ее пользу: государь, утвердив мнение шести голосов, полагавших дать делу законное течение, дал только новый опыт своего отеческого беспристрастия, изъявив волю свою, дабы тяжбы между его верноподданными для всех без изъятия производились в установленных для судопроизводства местах, и проч. Это будет загвоздка для Анны Петровны. Уездный суд в большом недоумении с тех пор, как известно о том, что в Совете происходило; по сю пору ничего не постановил еще. Пусть тянет, а ежели Бог поможет мне успеть совершить введение во владение, то тогда тянись тяжба хоть 10 лет!

Третьего дня получил я письмо от Татищева; нельзя быть

добрее его. Едва назначили его в главные начальники внешней торговли и управляющим всеми таможнями, как тотчас за меня хватился и предлагает мне что у него есть лучшего. Как моя мысль остаться в Москве, я ему и написал соответственно; не располагая местом в Москве, он предлагает устроить мне назначение через Гурьева начальником казенного имущества в Москве; при сем 4000 рублей жалованья, помимо двух процентов с экспорта, и еще другие доходы. Очень я хочу, чтобы это устроилось; все мои желания были бы исполнены. Тургенев меня мучает, чтобы я в том же звании ехал в Казань, где доход больше и место выгоднее; но я говорю, что лучше 4000 здесь, нежели 20 000 там. Надеюсь, что с сим местом не сделается того же, что с местом канцлера, коего все постепенно оставляют. Гриша перешел к Гурьеву и будет у Татищева, а Сережа – к будущему своему тестю. Добрый Тургенев, как он нам также служит! Этот плут имеет около 6000 рублей доходов, он начальник канцелярии Голицына. Блудов здесь. Очень его благодарил за ласки, тебе оказанные. Ну и оригинал! Вот он снова желает воротиться в армию; яснее ясного, что у Румянцева он сего добьется.

Константин. В Рущуке, 1 ноября 1810 года

Теперь и герой Батинский Бальмен у вас. Он вам расскажет, какое славное было дело. Верно, что вас порадовали наши победы. Воронцов славно заключил кампанию взятием Ловчи, Плевны и Сельвы. Он было забрался к Софии. Граф чрезвычайно им доволен; он мне говорил о нем как о человеке, который далеко пойдет. Он в этом деле выказал генеральские качества, спокойствие, решимость и проницательность. С чего ты взял, что я подписал капитуляцию Рущука? Милый мой, для сего надобно быть генералом; я же ее только составлял, равно как и Никопольскую, что уже немало. Вот мы наконец и в городе, и пишу я тебе в комнате; правда, вместо стекол окна бумагою заклеены, но нам уже кажется, что мы во дворце, – после стольких месяцев жизни в палатках. Я поселился в гареме; у меня комната убрана по-турецки, с одним диваном вкруг стен и тысячью шкапов. Мишо живет со мною (Бальмен тебе расскажет, какой это превосходный мальчик); посреди устроено нечто вроде салона, в который выходят с четырех сторон четыре комнаты; одна – моя, другая – Фонтона-старика, третья – канцелярии, четвертая – для людей. Вообрази, что во всех турецких домах ты не найдешь двух комнат анфиладою. Город сильно поврежден нашими снарядами и ядрами.

Константин. Бухарест, 13 ноября 1810 года

Я тебе давно не писал, милый друг. При конце кампании всегда хлопот много, к тому же мы были на пути сюда, а я беспрестанно занят. Наконец попали мы на квартиры. Бухарест показался мне Веною, а моя квартира – нашим московским домом. Ну, брат, посмотрел бы ты, какие мне почеты от всех бородачей: провожают до кареты, кормят на убой, а визитами своими замучили. Что за люди! Все зависит от того, какое место ты занимаешь. Видят, что граф отменно ласково со мною обходится, и все у ног; чуть не так, тебе никто и не поклонится. Они меня боятся; знают, что я для них гроза и теперь занимаюсь планом, который много отымет у них способы красть, а казне прибыли будет, может быть, до миллиона. Я уже говорил об этом графу, и он велел мне написать мой проект, который ему понравился. Прошу, брат, много не шутить: я здесь род канцлера. Граф ежедневно более и более имеет ко мне доверенность и так со мною обходится, что не оставляет мне ничего желать. Я его склонил давать всякую неделю балы, и он мне препоручил устраивать реестры приглашений. Одним словом, чрезвычайно доволен я своим местом; дай Боже всегда так приятно служить. Я это тебе говорю, зная, что тебя обрадует; но это для тебя одного. Квартиру мне приготовили преславную. В целом доме живу один, и канцелярия со мною. Здесь у нас клуб; третьего дня был уже бал; женщины есть очень хорошенькие, того и смотри, что заведу волокитства.

Встреча нам была славная, триумфальные ворота, надписи, иллюминация три дня. Готовятся обеды, балы; веселись, сколько душе угодно!

Вообрази, милый, что один здешний хват успел уже мне пропозировать 1000 рублей, прося моего ходатайства о доставлении ему места. Я его чудно отделал и надеюсь, что это всех их вразумит. Я нищ, но совесть моя богата.

Александр. Москва, 15 ноября 1810 года

Вчера был я у Александра Львовича, который здесь проездом: едет в деревню оброк собирать. Зала была полна гостями, певчими, полковыми, музыкантами, театральною дирекциею, актерами, бухарцами и проч. и проч. Княгиня К.Ф.Долгорукова также здесь; мы у нее бываем. Я познакомился с Юсуповым, который спрашивал о тебе; он здесь поселился. Переселения из Петербурга становятся все чаще и чаще; дороговизна там страшная.

Константин. Бухарест, 24 ноября 1810 года

Ну, милый брат, я теперь при великих хлопотах; но хлопоты

другого рода, и сегодня последний день им. У нас преогромный бал. Граф препоручил мне приглашения, а здесь это дело труднейшее. Интриг больше, чем в большом городе; но все это преодолено, и сим вечером собираю я плоды трудов своих. Бал в верхнем этаже, который великолепен, будет более трехсот человек. В последний раз бал был у нас в клубе. Уверяю тебя, что это было очаровательно; были десяток дам и девиц, кои везде могли бы показаться, а уж какая докторша была, полуфранцуженка-полунемка, и танцует бесподобно! Я со всеми почти познакомился и предвижу, что мы весело проведем малое время, которое должны здесь остаться.

Ну уж, милый друг, бал был у нас вчера! Набралось более трехсот человек, и танцевали до четырех часов без отдыха, кроме ужина, и я на старости лет пустился. Граф чрезвычайно был весел и с дамами любезен. Весь дом, двор был иллюминован прекрасно, так что те из жителей, которые не были званы, приезжали смотреть иллюминацию. Одним словом, весь город был в движении. Дам было множество, много хороших и несколько прекрасных. Опять, какой ужин! Я знаю, что с тех пор, что Бухарест стоит, валахи ничего подобного нашему празднику не видали. Я так себе ноги отбил, что насилу встал и ходить не могу, а должен ехать обедать к Варламу, у которого дочь именинница.

Весело, весело было в Екатеринин день, но нельзя мне было не погрустить, вспоминая о милой маменьке, у которой мы, бывало, в этот день обедывали.

Константин. Бухарест, 6 декабря 1810 года

Небольсин все собирался и насилу собрался ехать, милый и любезный брат, и оттого-то дней с десять, как я к тебе не писал. 25-го ноября, в самый день бала у вестиара Варлама, проклятая щека у меня раздулась и не только не допустила туда поехать, но дней с пять я сидел с нею дома и вчера в первый раз выехал. Жаль очень; говорят, что бал был очень веселый. Я извлек, по крайней мере, из болезни своей преимущество увидеть, что меня здесь не ненавидят: я и минуты один не оставался в своей комнате. Даже больше скажу вам, сударь: меня и дамы посещали, и мамзели. Последних я не принимал, так они на меня за то рассердились. Вот, сударь, как мы здесь живем!

Третьего дня наконец приехали ко мне Италинский, а с ним Бобров и Фонтон Петраки. Я у него был вчера; он много спрашивал о тебе, и я ему много отвечал. Он совсем после Неаполя не переменился, и, что особенно хорошо, у него свой отменный повар и кондитер, так что мы прекрасно обедаем. Вчера он уже беспокоился только о кухне, которая слишком далеко от

него, отчего все блюда доставляются холодными. На сих днях также будет сюда Милашевич. Я его жду с нетерпением и, когда приедет, устрою с ним, как к тебе писать. Сегодня маленький бал у графа. Я надеюсь, что будет весело. Я выбрал всех красивых дам и девиц, независимо от классов дворянства, коих здесь три. Ежели здешние старые парики, а точнее – старые бороды, будут сим недовольны, – тем хуже для них. Что до меня, так лишь бы бал удался, и я буду доволен. Я получил два прелестных письма, одно от Алексеева, а другое от его жены. Есть у меня и письмо от Влодека, который ко мне привязался.

Небольсин тебе доставит, мой милый друг, или с этим письмом, или отдельно 1300 рублей, о коих я тебе говорил. Это мои прибавочные за май. В конце месяца надеюсь послать вам прибавочные за сентябрь. Небольсин сможет привезти мне от вас немного чаю. Очень его тебе рекомендую, мой милый друг; это лучший малый в мире и один из тех, с кем я более всего дружен. Он скоро у вас будет. Полюбите его, познакомьте с князем Василием Алексеевичем [Хованским, тестем старшего Булгакова], коему прошу его также и от меня порекомендовать.

Граф давно уже поговаривает, чтобы я взял к себе и внутреннюю часть. Я долго отговаривался и старался отвлечь от себя, как вдруг приходит ко мне правитель канцелярии внутренних дел Сиракузский и говорит, что князь велел ему ко мне являться и состоять под моим ведомством, но он хочет, чтоб они частью были у меня. Что делать? Должно повиноваться и стараться сделаться достойным такой доверенности.

Константин. Бухарест, 9 декабря 1810 года

Я теперь гораздо более занят после объединения двух канцелярий, дипломатической и внутренней, под моим руководством.

Какой черт рассказал о моей простреленной фуражке? Это правда, мой милый друг, но это старая история. Это было при штурме Ругцука. Я был в траншее с графом. Фонтон-младший был рядом со мною; мы переходили от одной батареи к другой, и, вероятно, тогда это со мною и случилось. Впрочем, я только по нашем возвращении с раненым Влодеком и заметил, что фуражку мне прострелили пулею, – даже не знаю, в какую минуту. Это пустяк, о котором я и не считал нужным говорить ни здесь, ни тебе, ибо ты способен вообразить себе, будто я лез под пули. Фуражку мою показали графу. Я ее храню как сувенир. Прошу тебя, ради Бога, еще раз, не верить всему, что тебе будут болтать на мой счет. Я тебе всегда сам говорил правду, и не стоит тебе волноваться из-за вздора. Я слишком тебя люблю, чтобы некстати

рисковать, и потом – я не военный, это не мое дело. Ежели будешь слушать московские басни, никогда не будешь покоен; вот увидишь, что я вернусь из кампании живой и невредимый. Обещаю тебе так поступать во все время войны.

Воронцов получил орден Св. Анны 1-го класса. Он скоро едет в Петербург, равно как и Ланской, они получили отпуск на полгода.

Верю, что вам в Слободе весело. Можно ли скучать посреди добрых и милых людей, каковы слободские жители? Я бы с ними век прожил. Как Волкова благодарить, я уж и не знаю. Бог ему заплатит за его добрые дела. Они никогда не пропадают, да дай мне Бог только найти случай показать ему, сколько я чувствую его дружеские за нас старания и услуги. Обними его покрепче и скажи, что, право, люблю его душевно.

1811 год

Александр. Москва, 3 января 1811 года

Деньги твои я получил, любезный брат. Принимаю их с душевною благодарностью, уверен будучи, что ты этой присылкою доставил сердцу твоему удовольствие, всякие другие превышающее. Знай и то, что эта помощь очень кстати подоспела. Князь [тесть А.Я.Булгакова Василий Алексеевич Хованский] так запутался в своих суконных поставках, что вот шестой месяц, что не платит Наташе следующие ей 3000, и мы едва перебиваемся.

Напоминай иной раз обо мне Италинскому [Андрею Яковлевичу]; я всегда помню о счастливом времени, как служил я под его начальством, и о его превосходнейших обедах. Намедни имел я случай вспоминать о сем с Иваном Алексеевичем Абресковым, обедавшим у него в Константинополе; мы оба пальчики себе облизывали. Спроси у Италийского, не восхитит ли его мысль иметь при себе доктора Жакмена, чтобы развлекать его в минуты отдыха? Это очень занятный человек. А что, Андрей Яковлевич теперь носит мундир шитый, которого узор ты прислал мне из Вены для него?

Александр. Москва, 10 января 1811 года

Третьего дня, в воскресенье, 8-го числа, обвенчали Бальмена, сперва у Богоявления, а там в католической церкви, на Лубянке. Аббат Сюрук произнес превосходную речь в похвалу обоим супругам. Со мною рядом была тетка Жанно[72], Наталья Сергеевна, сильно меня стеснявшая: просила объяснения всякого слова. «Это что? Теперь что говорят?» – «Теперь, – сказал я ей, – спрашивают у Бальмена: хочет ли он взять за себя Машеньку?» – «А что он отвечал, мой милый?» – говорит она мне. Я едва не расхохотался. После мы поужинали у новобрачных в желтом доме Воронцова неподалеку от нас[73]. Все были очень веселы и остроумны.

Здесь беспрестанные свадьбы. В тот же день Четвертинский[74] женился на графине Надежде Гагариной, княгини Прасковьи Юрьевны дочери. Сушков женится на Пашковой. Новосильцев, камер-юнкер, – на пребогатой Наумовой. Генерал Шепелев – на богачке Баташевой, маленький гвардейский полковник Бартенев – на Бутурлиной, известной под прозвищем «фишетка», и проч. и проч. Мы заселяем свет, а вы жизни отымаете. Маша из радости теперь в печали, ибо наш герой уже горит нетерпением возвратиться в армию. Он не решил еще,

оставит ли жену здесь или же возьмет с собою, чтобы оставить ее в Киеве у брата своего Петра. Воронцов хотел приехать на свадьбу Бальмена, но приедет после. Митюша Н.[75] здесь на полгода.

В самую новогоднюю ночь бал у Александра Львовича, – множество людей и его высочество; вдруг ординарец докладывает, что театр горит. Страшный был ветр, нечего было делать. Остались четыре стены, спасены только книги, счета; гардероб, декорации – все сгорело. Убыток в полтора миллиона. Александр Львович на другой день обедает у императора, который говорит ему: «Так что ж, театр сгорел?» – «Да, государь, и по моей вине». – «Как так?» – «Так ведь в театре-то был один токмо суфлер[76]; а вот было бы их 500, так, верно, погасили бы пожар».

Ну, изволь отгадывать, кому я давал обед в субботу? Ты его очень любишь, ты им одолжен, мы у него обедывали в Петербурге. Да что тебя мучить! Дмитрий Николаевич Сенявин. Мы его славно угостили столом, вином, трубочкой славного табаку и чашкою славного кофе. Все наши добрые слободские [то есть обитатели Немецкой слободы] тут были и все его полюбили. Он велел тебе много кланяться и расспрашивал о всем, до тебя касающемся. Приехал он сюда в отпуск на два месяца, имея также тяжбу в уездном суде. Его обходительность тут всем пришлась очень по душе.

Александр. Москва, 17 января 1811 года

Наш милый Сережа Уваров сделан действительным статским советником и начальником Санкт-Петербургского учебного округа на место Николая Николаевича Новосильцева. Неплохо! Тургенев говорит, что сие сотворило ему много завистников, и я нахожу, что подлинно так, и это подлинно то, что надобно было Сереже.

Александр. Москва, 25 января 1811 года

Чего доброго ждать от канцлера? Однако ж, он как ни вертись, а граф поставит на своем [говорится про канцлера графа Румянцева и его товарища графа Александра Николаевича Салтыкова]; можно ли победителю в чем-нибудь отказывать? А когда увидят, что он сего хочет, что сие справедливо, то и сделают. Поверь, не то еще будет. А между тем душа радуется слышать от всех, из армии приезжающих, то же, то есть большие о тебе похвалы. Бальменово генеральство очень всех обрадовало; живут они так согласно, что любо смотреть на них. Желаю тебе успеха в прибавке десяти тысяч. Кажется, отказать это нельзя; да и ты взял канал самый вернейший, чтобы добиться толку.

Наташа очень сожалеет, что не удалось ей видеть Воронцова. Я много с ним о тебе говорил, просил тебя любить, а он просит, чтоб я его тебе очень рекомендовал. Мне нет нужды это делать. Прошу тебя давать мне новости о Бальмене во всяком письме и с подробностями, ибо тогда будут у меня средства утешать бедную и милую Машу. Тут у нас ничего нового, разве только свадьбы беспрестанные. Из Петербурга мне пишут с оказией, что ведутся серьезные приготовления к войне. Мы в конце концов рассоримся с французами. Бонапарт хочет безраздельно властвовать над Балтикой; он потребовал Финляндию у датчан, кои отказали и бросились в объятия англичан за помощью. Швеция взбунтовалась, там большое брожение из-за объявления войны, сделанного Англии против желания народа. Бернадот покинул Стокгольм, а газеты говорят, что он уехал в лагеря на январь! В Испании дела очень плохи у французов. Ла Романа собрала 50 тысяч человек в тылу у Массены, коему некуда отступать. Аракчеев делается всемогущим, бывшая Военная коллегия будет возобновлена, а он станет ее вице-президентом и потом президентом, чтобы сделаться маршалом. Гурьев покачнулся. Сперанский по-прежнему всемогущ. Кампенгаузен сделан контролер-генералом. Называют Пестеля, Карнеева, Молчанова как преемников его на месте государственного казначея. Мерзкий Козодавлев – министр внутренних дел. Куракин остается только в Совете. Вот и все, кажется. Когда будет случай верный, напиши мне, есть ли надежда на мир с турками. Тут говорят, будто Франция сего не хочет и всячески сему препятствует.

Александр. Москва, 6 февраля 1811 года

Ты о миллионе выгоды для казны говоришь как о шутке. Надобно, чтобы знали о сем в Петербурге: знаешь ли ты, что сие дает тебе право просить 3-го Владимира? Фавст боится, что ты не взял 1000; хочет тебе написать ругательное письмо. Можно подумать, что он бы на твоем месте взял их. Однако же из ста человек девяносто девять не привередничали бы: что такое 12 тысяч – для службы весьма невинно. Нет, брат, в нас обоих и Якова Ивановича кровь течет; все везде без милосердия крадут, но мы пойдем лучше по миру, нежели совесть замарать. Когда был я судьею над корсарами нашими в Средиземном море, бог знает какие суммы мог класть себе в карман, но сего не желал и в том не раскаиваюсь. Вся Россия знает, что императрица предоставила 3 миллиона в распоряжение батюшки, но что он принудил уступить Крым за 600 тысяч пиастров, а остальное вернул. Батюшка сказал мне однажды: «Дурак я был, деньги эти велено отдать Потемкину, а он их промотал». В глубине сердца

своего он думал совсем иначе. Поскольку ты в этом отношении несгибаем, то прошу тебя также не отступаться ни от полушки, ежели дело идет о заслуженном награждении: требуй, кричи, настаивай. Граф тебя поддержит.

Все твои денежные распоряжения будут исполнены. Старухе послал я еще деньги через Митюшу, детям отдал, но только половину, а другую в Святую неделю отдам. У Лизаньки был флюс, теперь их танцклассы очень веселы, и много съезжается. Мы с Фавстом почти всякий раз бываем и танцуем. Фавст приводит туда своих музыкантов; от этого малютки бывают очень счастливы[77]. Завтра едем мы с Фавстом смотреть подмосковную; очень мне ее хочется купить, потому что она в трех верстах от Петелина [подмосковная Фавста Петровича Макеровского, впоследствии принадлежавшая его дочери]. Наташа хочет избавиться от всех своих бриллиантов (столь бесполезных) и купить ее; она дает 5000 доходу в год, прибавь 5000 рублей, кои князь ей дает на мое жалованье: это уже 10 000, и тогда будь что будет, ежели даже и случится с нами несчастье проиграть процесс. Вот обеспеченное существование, и, оставаясь в этом имении, которое только в 35 верстах от Москвы, по шесть-семь месяцев в году, мы будем много экономить и увеличивать доходы. Так ли? А за соседа одного можно дать тысяч двадцать.

26-го венчали Наташу Пушкину[78], к свадьбе приехали Ваня, Александр и Хитрова. У нас почти что ни день, то свадьба.

Сенявин тебе очень кланяется, он скоро едет назад в Петербург. Почтенный этот добрый человек со всех сторон претерпевает несчастья, обиды. Только и имеет он, что 200 душ, и то какая-то родня, на Анну Петровну похожая, отнимает; дело в уездном суде, имение взято в казенный присмотр. Видя, что нечего делать, он возвращается в Петербург. Ах, в какое злое время мы живем! Но есть прекрасные минуты и неведомые злым наслаждения, кои за все вознаграждают. Грейг тебе также кланяется всякий раз, что мы его видим. Он большой фаворит Наташин. Бегу к Бальмену: прислал мне сказать, что Воронцов [будущий фельдмаршал] приехал.

Никита Волконский женится на княжне Зинаиде Белосельской.

Александр. Москва, 28 января 1811 года

Вообрази, что Воронцов и Бальмен едут завтра поутру: есть причины, кои принуждают последнего ехать гораздо ранее, нежели он хотел. Он сам их тебе объяснит. Ты можешь себе представить, как бедная Маша огорчена.

Александр. Москва, 31 января 1811 года

Отгадай, у кого я сегодня был? У Сережи Уварова. Он приехал на три недели с женою и обнимает тебя сердечно, все тот же добрый малый и любит нас по-старому, и с ним приехал Роман. Он и нас сегодня принял и также очень тебе кланяется и велит у тебя спросить, долго ли тебе за докторшами волочиться. Скажи Бальмену, что Селим безутешен после его отъезда и все плачет. Ходит слух, будто император будет в Москву и что граф Каменский также призван, для переговора с его величеством. То-то кабы правда, да тебе бы с ним приехать!

Александр. Москва, 14 февраля 1811 года

Твое письмо (№ 32) приезжал мне отдать сам Пален; меня не было дома, но я с ним виделся несколько дней спустя после у Корсаковой и у наших Пушкиных на балу. Он, так же, как и генерально все, из армии приезжающие, очень тебя хвалил. Его начальник Уваров также говорил мне о тебе, всячески тебя выхваляя. Несмотря на все мое желание быть полезным для тех, кого ты мне рекомендуешь, я никогда не оказываюсь к сему способен: ибо только они сюда являются, город их захватывает; тотчас званы они на все балы, все празднества и гулянья, а положение Наташино не дозволяет мне звать их к нам для распития бутылки доброго нашего венгерского вина. Радует меня очень все то, что от них слышу; они наполнили город самыми любезными похвалами тебе, и то, что ты доверяешь мне как другу своему, они рассказывают всем и всякому, а когда мне о сем говорят, я делаю вид, будто не знаю ничего, и радуюсь. Спасибо, брат, за все твои подробности.

Слава Богу, что тебе хорошо. Вот так-то мне было у Дмитрия Павловича [Татищева]. Он бы все для меня сделал на свете. Я не просил и теперь очень раскаиваюсь; возьми это себе в пример: кто служит с ревностью и честью, имеет право ожидать, требовать поощрения. Право, брат, не пренебрегай моим советом. А между тем я в восхищении, что ты попал на место, которое доставляет тебе случай показать твои способности, ревность и честность. Несчастие, что канцлер начальник твой; впрочем, он не сможет лишить тебя всеобщего уважения в армии и доверия генерал-аншефа; а эти две прекрасные вещи стоят наград, но повторяю тебе: не пренебрегай и последними. Разве граф не относится прямо к государю? Впрочем, это значило бы поставить тебя в еще худшее положение перед Румянцевым, то есть вооружить его для того, чтобы он еще более тебе навредил. Странный он человек. В Коллегии [то есть в Министерстве иностранных дел] нашей царит запустение. Добрый Лачинов ее покинул. Вот и еще одной

светлой головою меньше. Он перешел к финансам. Ты знаешь, сколь он серьезен, разумен и образован.

Кстати сказать, о финансах. Рибопьер, там также служащий, являлся на несколько недель в Москву, был вчера у меня и дал мне к тебе много поручений. № 37 от 3-го и № 38 от 15 января получил я через графа Гудовича. Волков знал, что он имеет письма ко мне от тебя и, зная также мое нетерпение их иметь, посылал к нему ординарца с запискою, брал на себя мне все доставить; но Гудович отвечал, что сам их мне желает доставить в собственные руки, и подлинно в тот день и явился. Не было меня дома, но Наташа его приняла и послала за мною к Фавсту. Я на извозчике прискакал. Он [московский главнокомандующий, фельдмаршал граф Иван Васильевич Гудович] долго у нас сидел и очень нам полюбился, тебя любит и хвалит страх. Его поведение доказывает, как он тобою дорожит, и вообще сии господа все лично являлись вручать мне твои пакеты. Спасибо, брат, за милое, бесценное, длинное твое письмо, а Наташа тебя целует за гостинец, коим обкурила все комнаты. Ароматические пастилки для трубки мне очень нравятся, но Наташе более нравится запах хорошего турецкого табаку, а у меня есть такой, отборный; я думаю также, что сие происходит от ее брюхатости, ибо запах крепок. Я Фавсту с сотенку подарил; этому нужно, ибо курит он отвратительный табак, и когда я к нему хожу, то беру с собою табаку в кармане.

Я придерживаюсь твоих мыслей насчет примирения с Анной Петровною и ничего не упущу для достижения этой цели; ты знаешь, какая она сумасбродная и как трудно с нею что-нибудь кончить; но Апраксин, спасибо, всеми сторонами ее вертит, и теперь хочет на нее напустить Николая, ибо она, кажется, так его любит. Надобно тебе знать, что она поссорилась с Одоевским и потребовала, чтобы Апраксин ничего тому не говорил об этом. Но она сблизилась с Воейковым, другим предателем и адвокатом, который, верно, вознамерился выжать кузину и затянуть процесс, дабы повытянуть из нее денег. Признаюсь тебе, что эта женщина очень зла; у нее низкая душа. Ежели б ты знал, какую паутину лжи она соткала. Апраксин ей сказал: «Вы никогда не измените мнение публики о Булгаковых; невозможно очернить их и в моих глазах, ибо я желаю примирить вас с ними; они не говорили мне о вас ничего дурного, так что оставим это, и скажите, хотите ли вы их слышать или нет». – «Я на вас полагаюсь, – отвечала она, – будьте моим советником», – а после опять пошли сарказмы. Апраксин хочет теперь напустить Щербатова на нее, замешают в это дело малютку[79]. Посмотрим. Будь уверен, что я пойду на величайшие жертвы, чтобы купить наше спокойствие. Все, что у

нас будет, всегда будет общим. Надобно положить конец сей неопределенности, худшей всякого зла. Румянцев тебя обязал бы, ежели б сумел обобрать и оставить без средств. По крайней мере эта фурия молилась бы за него Богу или черту. Теперь мы все страдаем.

Все то, что ты мне говоришь насчет дела, очень меня тронуло, любезный брат. Видно, Бог не на то создал добрых людей, чтоб им быть совершенно счастливыми здесь! Жизнь – здешняя минута. Анна Петровна и теперь терзается и ногтями своими только питается; если и присвоит себе имение батюшки нашего, то не отымет его нежности; благословение его будет с нами. Я все буду счастлив, как никто, совестью своею, братом и женою.

Татищева скоро ждут сюда; я рад очень: лучше можно будет все учредить. Он не переменился в своих чувствах ко мне, непременно будет востребован, и притом активно. Перемены и новшества, кои собирались завести в министерствах, отложены неизвестно на сколько; надобно, стало, обождать мне нового места. Волков тебя обнимает. Он замучен, бедный: Ивашкин лежит болен, Дурасов в отпуску, он один горе мыкает; не понимаю, как поспевает. Вот золотой человек для друзей и для службы императору. Передай мое почтение Италинскому. Хорош ли у него стол? Я еще помню его неаполитанские обеды.

Я тебе уже сообщал, что Сережа[80] весьма нынешним положением доволен и что получил место Николая Николаевича Новосильцева, то есть попечителя С.-Петербургского учебного округа. Он тут уже дней с десять и тебя обнимает. Ни получение места, ни брак не переменили этого милого мальчика. Наш милый Анстет подал в отставку просьбу. Вот еще один светлый ум, и его канцлер оттолкнул.

Волков сейчас у меня был с пожара, на котором, по великому счастью, не остался он замертво на месте. Упало бревно с крыши и задело только конец его сапога, а стоявшего возле него драгуна ушибло очень больно.

Александр. Москва, 19 февраля 1811 года

Война с Францией кажется неминуемой. Император видит ее неизбежность. После обмена многими курьерами Бонапарт прислал очень жесткий ультиматум, требующий ответа «да» или «нет». Император отвечал, что у него на границах уже есть 250 тысяч человек и в глубине страны 300 тысяч ополченцев для поддержания его «нет» и что тем он отвечает пожеланию всей нации, коей уже два года противостоял. Это дело с кораблями на Тенерифе до сего довело. Бонапарт хотел, чтобы товары, как и в остальной Европе, были сожжены, а их только конфисковали.

Потребовали, чтобы Рига и Ревель были объявлены вольными городами. В Париже рассердились на то, что запретили мы ввоз к нам французских товаров. Они нам вредили, всячески препятствовали в наших переговорах с турками, требуя категорически, чтобы английская миссия и англичане были изгнаны из турецких пределов навсегда. Осмелевшие турки позабылись до того, что стали требовать возвращения Крыма. Словом, меры, кои берутся, не оставляют сомнений в том, что мы придем к началу военных действий. Дохтуров призван в Петербург для получения инструкций. Будет три больших корпуса: 1-й – под началом графа Николая, 2-й – под началом самого военного министра и 3-й – под началом Дохтурова. Постарайся же, милый мой, не разлучаться с твоим начальником, который и сам, верно, пожелает оставить тебя при себе.

Все, что я тебе говорю, сообщено мне было одним лицом, явившимся вчера из Петербурга, и кое хорошо осведомлено обо всем. План государственного переворота, чтобы напугать Порту и принудить ее к миру, оставлен; говорят, что войну эту будут считать как бы оконченной; оставят токмо один корпус в 60 тысяч человек с этой стороны Дуная, и ежели турки захотят отнять у нас Молдавию и Валахию, то пускай переправятся через Дунай и оспорят у нас нашу победу. Такое решение кажется мне благоразумным. Разве нет у нас крепостей, кои закрепят нам наши победы? Говорят, что Тучков будет командовать турецкой армией. Мы заручились союзами с австрийцами и пруссаками; первые нарочно сократили свою армию до видимой силы в 70 тысяч человек, чтобы иметь извинение пред Бонапартом, но они требуют, чтобы мы оставили турок и чтобы ту же армию употребили на то, чтобы их поберечь; тогда они скажут Бонапарту: «Мы не можем победить врага, в два раза сильнейшего нас». С англичанами мы, верно, помиримся, и уже началось сближение. Таковы новости, кои передают на ухо в Петербурге и кои Москва, как и во всякое время, сильно раздувает. Я тебя прошу не оставаться в Молдавии; пост этот станет скоро весьма незначащим. Ты пользуешься доверием и уважением князя; не разлучайся с ним.

Александр. Москва, 22 февраля 1811 года

Поговорим теперь о злосчастном сем примирении, коего я желаю от всего сердца.

Апраксин согласен, что с нею это никогда не окончится; так что мы договорились назначить арбитров. Апраксин от нас, а с их стороны будет сенатор Николай Михайлович Сушков.

Разбойники из уездного суда нам пошли навстречу, всячески

опуская то, что нам благоприятствует. Я пожаловался Гудовичу и в правительство, оба стали решительно за нас. Судьи приговорены к штрафу и возмещению нам убытков.

Нет, брат, я тебя никак в Москву не зову; служи и выслуживай себе хорошее. Не расставайся с твоим дорогим начальником. Не надобно более думать о месте, кое Гурьев мне дать предлагал, ибо новых департаментов делать не будут. Надобны миллионы для осуществления всех сих планов. Император все сие отложил. Надеюсь, что палатка не опоздает. Она давно в дороге; остается желать, чтобы была по твоим мыслям. Тетушка была у нас вчера, все так же добра и одинакова, велела тебя обнять, все наши слободские делают то же, Нарышкины, Волковы и Пушкины, дети также тебя обнимают. Сегодня был я с Фавстом в танцклассе. Танцующий Антон – совершенный медведь.

Александр. Москва, 27 февраля 1811 года

Ты дивишься, что долго не присылают тебе жалованья, а в Коллегии и здесь с 1 января не велено вовсе жалованье выдавать впредь до указа, а это потому, что нет ни копейки в Коллегии. Каково тем, кто одним жалованьем живет? Я слышу, что и в прочих местах за тою же причиною остановлено производство жалованья у служащих. Канцлер этот милый только и делает, что все отнимает; но с теми, кто в чужих краях, я думаю, будут поаккуратнее.

Сенявин уехал давно; он очень часто о тебе говорил, и мы старались его угостить всеми силами. При отъезде его я ему подарил табаку, коего ты мне прислал; он мне сказал: «Совестно, а, право, нельзя отказать». Я здесь нашел превосходный табак у одного грека, приятный и слабенький, называется «Самарханский». Кстати сказать: слух прошел, будто граф [Николай Михайлович Каменский; в Москве жила его мать] будет на несколько дней в Москву; тот же самый грек мне сказал, что все его соотечественники хотят пойти к графу в корпус, чтобы отблагодарить его за покорение двух провинций, кои сделали их коммерцию надежнее и обширнее. Я сообщаю Тургеневу все, что может его интересовать, и выписал ему последнюю статью из твоего письма, до него касающуюся.

Волков так занят, что я его по два дня не вижу. Намедни славный Строганов давал обед Александру Львовичу (недавно приехал и на днях едет); вдруг пожар в доме, прискакала полиция, все встревожились. Александр Львович не потерял головы и ну кричать: «Спасайте стерлядей и белужину!»

По тому, что мне сказал Байков, занятие Ловчи имеет влияние на наши военные операции по положению своему. Никто

о том не знал. Я в тот день ужинал у Александра Львовича, говорил о том с графом Михаилом Васильевичем, потом подошел фельдмаршал, взял меня к сторонке и заставил себе рассказать подробности, ибо ему была известна одна только новость. Выслушав, сказал он мне с чувством: «Это, брат, что! Победы от нас не уйдут, победитель-то болен. Тебе пишет ли брат о том?» Я отвечал: «Я никому не говорю о сем, но от вашего сиятельства не смею скрыть, прося у вас тайны; граф Николай Михайлович очень был опасно болен; брат пишет, что лихорадка его, слава Богу, оставила, но что продолжается еще сильный кашель». Фельдмаршал был доволен и прибавил: «Ну слава Богу! Хорошо делаешь, что молчишь о сем, и не говори никому; это может произвести худое впечатление в публике, которая его любит. Я скрываю от старой графини и от брата его, что он болен».

После этого шептания все ко мне приступили, спрашивая: «Что он тебе говорил?» Я отвечал, что говорил о своем деле. Сие тебе покажет, как граф любим и какие меры берет сам фельдмаршал, чтобы столь печальное известие не просочилось. Ради Бога, сообщай мне подробные новости для собственного моего спокойствия. Почему Мазарович не при больном? Меня бы это весьма ободрило, я буду ждать первого твоего письма с живейшим нетерпением, и подробности о графе будут мне интересны более, нежели подробности победы. Было письмо к молодому Гудовичу, от Сабанеева и Закревского (я полагаю), что фельдмаршал не может сладить с нетерпением своим знать новости о больном и распечатывает письма к племяннику.

Государь сегодня должен быть в Тверь. Сюда, говорят, не будет; но положительно это знать нельзя. Здесь Жоржша, Дюпор и Талон; несмотря на Великий пост, их везде таскают по домам, и праздников и балов тьма.

Александр. Москва, 5 марта 1811 года

Катерина Александрова Булгакова, увидевшая свет 1 марта в 8 часов и 21 минуту утра, свидетельствует свое почтение милому своему дяде Константину!!! Ну, брат, слава Богу, все кончено! Наташа и новорожденная, слава Богу, здоровы. Ты можешь представить себе мое благополучие, но чувствовать может оное один только отец.

На другой день мы принимали поздравления всех родных. Волков явился один из первых с империалом. Выхожу я в переднюю, посылаю Акима с радостным известием к родным. «Зайди, – прибавляю, – к Соковниным». Вижу их человека, спрашиваю: за чем? «Меня прислал, – говорит лакей, – Прокофий Федорович сказать вам радость свою: Софья Васильевна родила

дочь Марию». Софья родила в семь с половиною часов, а Наташа – в восемь. Какая будет радость князю! Мы послали к нему эстафету. Он в Горбово по делам своих фабрик. Я шучу, объявляя ему о разрешении Наташи и Софьи, и говорю, что ежели только Полина в этом году выйдет замуж, то на следующий год 1 марта все три сестры вместе родят.

Что тебе сказать нового? В городе только и говорят о смешных и приятных безумствах графа Михаила Румянцева, который тут уже неделю. Пришел он намедни к маршалыпе Пушкиной – просить у нее руки ее, со всей серьезностью. Чтобы избавиться от него поскорей, она притворилась, будто согласна, сказала, что пойдет одеваться к свадьбе, и послала его за священником, а он тотчас и отправился; едва ушел, как все позапирали до самых ворот со двора. Граф воротился с несчастным священником, коего выловил бог знает где, и, увидав все запертым, залился слезами и с того дня повторяет беспрестанно: «Невеста моя умерла». Иной раз он думает, будто спал с маршалыиею, и хочет отдать имение свое пасынку Василию Валентиновичу.

Он только и думает, что о браке да о комедиях, и дает все, что у него ни попросят. Он точная противоположность канцлеру, который ненавидит свадьбы, любит трагедии и отказывает во всем, чего у него просят. Мне сказали, что А.Прайст сделан генерал-лейтенантом; кажется, преувеличивают.

Александр. Москва, 9 марта 1811 года

Ты говоришь мне, что ходишь обедать к Андрею Яковлевичу [Италинскому]. Вот превосходная новость, ежели его сиятельство кушает и в Бухаресте так же хорошо, как кушал в Неаполе. Но увы! Сомневаюсь, чтобы он потчевал тебя vitello de Sorrento, delle fighe. Troyane col salame mezzo-Falato, delle calamarette (как же это вкусно!), угри с маяка, устрицы с Фузаро, рыба-меч со множеством ее адъютантов, а после какой десерт! Sorbetti di bomba Americana e pistacchio. Как часто вспоминаю я о сем чудном Неаполитанском заливе! Я там провел лучшие годы моей молодости, вкусил ярчайших наслаждений, но только после 1 марта знаю я истинное счастие. Поэту для вдохновения надобно неаполитанское небо, но можно всюду наслаждаться счастием, когда имеешь отца, жену, ребенка, друзей и здоровье. Пожалуйста, засвидетельствуй мое истинное почтение Андрею Яковлевичу; я не забуду никогда, как я был им принят, обласкан в Неаполе. Он меня не мог тогда коротко очень узнать, потому что я был без ума от покойной Гагариной; страсть эта пожирала все мое время. Едва она уехала, как Андрея Яковлевича назначили в

Царьград, куда он и отправился.

Александр. Москва, 17 марта 1811 года

Теперь уведомлю тебя, любезный брат, о всем, что происходит по делу нашему в судах, и о хлопотах, которые я, слава Богу, превозмог. Уездный суд решил в пользу Анны Петровны, сделав множество упущений в выписке дела в ущерб наш, сказав, что завещание, не будучи сделано по форме, недействительно, что свидетельство, данное разными особами (умолчав, что всеми родными батюшки и истинными его друзьями), не сделано актом, что указ нам все дает, кроме имения. Вот главные черты, а там много глупых крючков, дабы доказать, что Анна Петровна – наследница и являлась в суд для выслушания определения и подписки апелляции. Фавст был со мною. Вообрази наше удивление, видя, что нас не допускают к апелляции. Мы глазам своим не верили, ибо это мошенничество, не основанное ни на каком законе (и которым Анна Петровна думала сделать делу конец в первой инстанции, заплатив в суде 10 000 рублей), не имеет примера в судопроизводстве. Уездный суд вывел: что государь, утвердив мнение шести членов Совета против большинства, тем самым отринул нашу просьбу, что предерзкая ложь, ибо мы отказа не получали, а велено делу дать законное течение; уездный же суд, отчуждая нас от апелляции, тем самым делает преграду законному течению; да притом нет преступника, коему бы можно отказать в апелляции. Против здравого рассудка отнимать право апелляции у недовольных и дать оное тем, кого удовольствовал, ибо Анне Петровне право было дано жаловаться. За что? За то, что ей присудили имение!

На другой день подал я жалобу: во-первых, графу Гудовичу, во-вторых, губернскому правлению. Через два дня получил суд прегрозное предложение от фельдмаршала дать в своих поступках отчет губернскому правлению немедленно, а исполнение приговора своего остановить. Правление, найдя отзывы оправдательные уездного суда основанными на кривотолках самой даже высочайшей власти и замечая сдавна беззаконные деяния поганого сего суда, предписало указом: 1) жалованье присутствующих в уездном суде и секретаря обратить в Приказ общественного призрения; 2) апелляцию нам немедленно дать; 3) Колтовской в просьбе ее отказать (она требовала взятия имения в казенный присмотр и от нас отчета в том, что мы из дома будто вывезли). 10-го я подал апелляцию, а на другой день подал бумагу в Гражданскую палату. Мы теперь развязались от уездного суда и во второй инстанции. Эта неудача сделает Анну Петровну податливейшею к мирной сделке. Она

подала жалобу в Сенат. У нее вышли раздоры с судьею Матвеевым: большая бестия! Так как дело приняло-таки свое течение в Палату, то не хочет она доплатить 10 000 обещанные. Она заложила свои деревни, заняла, думала заплатить имением, которое ей сулил уездный суд, ошиблась, денег нет, и должники подали, чтоб описать и продать ее имение. Вот что нам рассказал ее пекарь, который также и наш.

Слава Богу, покровительство фельдмаршала, справедливость губернатора, хлопоты Волкова, прокурора Карновича и Хрулева вытащили нас из дурного положения, в кое вверг нас этот адский уездный суд. Видя, чем дело для него оборачивается, пошел он теперь на попятный и заверяет, будто только объявлял приговор, но не собирался его исполнять. Что же за приговор такой, коему не должно однажды исполниться?! Вся эта каша пришла перед родами Наташиными, потревожила меня довольно; добрый Фавст рыскал день и ночь и за меня везде наблюдал. Я не мог так часто оставлять Наташу одну. Я нашел, милый мой, превосходный канал к председателю Гражданской палаты Пименову, – у него советником молодой Лунин. С порядочными людьми нам легче будет достичь взаимопонимания, а уездный суд – это пристанище разбойников. Когда я ходил туда в последний раз, для нежных прощаний, то сказал Матвееву: «Жарко вам будет на Страшном суде».

Спасибо-преспасибо, любезный брат! Едва перестал я к тебе писать поутру, явился ко мне купец-грек с твоим письмом и с посылкою. Ну уж лакомство твои ликеры! Будет чем пощеголять в крестинный обед, который мы дадим, я думаю, в понедельник. Это, кажется, получше будет, чем мараскин Зары. Из одного штофика почти все вылилось, зато другие славно доехали; я в них и подавать велю, дабы удостоверить их происхождение. Спасибо, брат, за гостинец, которого здесь нельзя найти ни за какие деньги.

О новостях что тебе сказать? Ходит тут один слух, который, ежели подтвердится, пресильно меня огорчит. Будто бы Кутузов заступит место графа в командовании Молдавской армией; иные говорят – дабы дать графу время оправиться от болезни, больного повезут в Яссы, по мнению других – дастся графу другое важное начальство. Куда же? Разве против французов. Слухи войны с ними начинают гаснуть. Хитрый Наполеон извивается всячески, чтобы избежать разрыва, с тех пор, что видит нас твердыми и на все готовыми, чего, по внушениям Коленкура, никак не ожидал. Сказывают, что скоро выйдет манифест, коим Россия объявит свой вооруженный нейтралитет, порты наши будут всем открыты, тарифы впускаемым товарам уже обнародованы, и замечают, что

запрещение падает на одни почти токмо французские товары. Наш курс с Англией улучшился сорока процентами от одних слухов мира с ними. Сахар и все колониальные товары стали дешевле. Говорят, что Лористон, заступающий место Коленкура, везет большие предложения от Бонапарта. В Испании у французов плохи дела. Мортье, шедший из Кадиса с двадцатью пятью тысячами человек на соединение с Массеной, почти полностью разбит генералом Хиллом. Дивизионные генералы Мерль и Сент-Круа убиты. От сего прекрасного корпуса треть осталась. Ты уже знаешь о взятии Иль-де-Франса англичанами. Добыча, захваченная по разным магазинам и складам, оценивается в 700 миллионов фунтов. Получилось всякому матросу по 1000 фунтов стерлингов премии, а всякому адмиралу – по миллиону. С трудом верится!

Я не хочу верить, чтобы ты лишился графа; но правда и то, что для его слабости нельзя будет остановить военных действий, а так как у вас нет полных генералов, то, может, пошлют Кутузова, которому на помощь дают (сказывают) Дохтурова. Ежели графу не быть в Молдавии, ты сделаешь свои расчеты, не следовать ли за ним. Грустно мне будет, ежели обстоятельства вас разлучат; но мне все кажется, что это басни нашей Москвы. Уж говорили раз, что Тучков к вам едет, а потом и войны с турками не будет. Ты мне об этом можешь дать обстоятельное сведение с первым курьером.

Александр. Москва, 17 марта 1811 года

Бедная Витша Потоцкая в Польше на станции одной была с дочерью зарезана разбойниками. История престрашная. Проезжий один офицер гусарский, бывший на одном ночлеге, услышав шум, заперся в своей комнате, чтобы успеть зарядить пистолеты. Рубят его дверь топором; коль скоро увидел он скважину, выстрелил в нее и убил одного; другой продолжает прорубливать дыру и, наконец, просовывает в нее руку, чтобы отнять заложенный крючок. Офицер берет саблю и отрубает часть кисти ручной, рука отымается со скоростью, убийцы уходят. Как все утихло, офицер сходит вниз и находит графиню и дочь ее плавающими в крови своей; все люди с постоялого двора, с почты и приезжие бог знает куда девались. Офицер сел на лошадь, продолжал путь свой верхом, приехал к отцу, за 40 миль оттуда, находит его больного, приближается к постели и, откинув одеяло, узнает ту руку, которую накануне ранил саблею. Какое ужасное приключение! В городе только о сем и говорят. История и конец Потоцкой могли бы дать обильную пищу для романа.

Александр. Москва, 28 марта 1811 года

Потеря графа одних только турок обрадует, ты много потеряешь; но я все имею предчувствие, что ты с драгоценным твоим начальником опять сойдешься или и не разлучишься даже; в случае же нужды будешь уметь ужиться и с новым.

Анна Петровна хочет мириться и присылала мне доброго этого Амплия Васильевича сговариваться. Все на волоске держится, и посмотрю, ежели Амплиошка не сделает то, что Апраксин только начал. Сей добрый Агентов пустился от сердца, он мне говорил со слезами на глазах: «Счастлив пойду во гроб, ежели совершим это доброе дело!» Он весьма нежно нас любит. Святая неделя подходит, дай Бог конец! Поеду к Анне Петровне христосоваться. Мое сердце не для вражды сотворено, легко забуду я все зло, которое нам причинила, и готов много пожертвовать, чтобы купить свое, а особливо *твое* и Наташино спокойствие.

Вот письмо к Бальмену от его мадамы. Обнимаю его, Воронцова и всех наших добрых. Злосчастный процесс генерал-интенданта армии князя Дмитрия Волконского наконец окончился: должно ему уплатить 860 000 в казну, много других также обложены, по степени вины и средств.

Александр. Москва, 8 апреля 1811 года

Я неутомим в устройстве примирения с Анной Петровной, но эта женщина подлинно фурия: мы никогда к концу не придем.

Амплий Васильевич, как я тебе сообщил, также начал переговоры, кои обещали нам некоторое устройство дела. Последнее ее предложение было все продать, уплатить долги, а оставшиеся после сего деньги разделить поровну между ею и нами. Она дала два дня на размышление. Я согласился, и подлинно то было бы справедливо. Согласно расчету, который мы с Фавстом сделали, нам бы досталось 180 000 наличных денег. Амплий Васильевич понес мой утвердительный ответ; и поверишь ли ты, что эта женщина имела неблагоразумие отказаться от собственных слов? Амплий Васильевич возмутился. Не понимаю, что она задумала; хотела ли она нас прощупать? Но я никогда ни от кого не скрывал, что желаю окончить все полюбовно, да и ты тоже; я это твержу и всем должникам, которые от процесса страдают, по крайней мере пусть ее винят, а не нас.

Эта женщина – злобное чудовище. От нее бегут, ненавидят ее и покидают ее, сие бесит ее еще более, нежели видеть всеобщий и живой интерес к нам. Она снова обращалась в Сенат, упирая на решение уездного суда и требуя, чтобы забрали имение и дом, и проч. Сенат постановил: определение уездного суда совершенно

уничтожить и предписать разобрать дело Гражданской палате, куда я подал уже апелляцию; прилагаю тебе копию с сей бумаги, из оной увидишь ты все течение дела. Сколько мог я разведать, Палата будет нам благоприятнее уездного поганого суда; трактовали там слегка о деле нашем и говорили, что, отложа право наследия, можно утвердить имение по одной духовной со всеми ее упущениями в форме. Я уже начинаю говорить с сенаторами, чтобы быть наперед уверенным во всех голосах, когда дело пойдет в Сенат. Все эти господа кажутся мне благосклонными, а Иван Владимирович Лопухин, который что московский Алексеев, сказал мне: «Дайте до нас дойти, мы вас защитим как должно».

Александр. Москва, 9 мая 1811 года

Я должен довольствоваться писать тебе по почте: прошедшую заставил меня пропустить внезапный отъезд Бальменовой, за которою муж прислал эстафету из Пинска. Она уже отправилась туда; квартира Бальмену назначена в Новограде-Волынском. Не знаю, как Машенька доедет. У нее бесконечный поезд, всего 16 человек. Сестра Пашенька, хотя и в лихорадке, последовала за нею; она им многие хлопоты доставит, но, с другой стороны, бедная Маша тоже не могла совсем одна остаться. Жанно сильно грустит, остался он без Митюши и без сестриц. Знаменское станет для него пустыней.

О примирении скажу тебе откровенно, что не имею надежды. Анна Петровна в удивительном ослеплении, не то чтобы уверена была в выигрыше тяжбы, но того не хочет понять, что лучше теперь ей взять половину, нежели все получить по окончании тяжбы. Она очень сердита на Сенат, который уничтожил все то, что постановил уездный суд, где она очень истратилась; жаловалась письменно Дмитриеву [Ивану Ивановичу, в то время министру юстиции], что в наших руках деревни и дом и что не берутся меры Сенатом. Дмитриев глухо предписал Сенату сделать окончание, на основании законов, и имение обеспечить. Сенату должно бы велеть взять все в казенный присмотр; но он, повелев уничтожить положение уездного суда, Палате гражданской предписал дело наше рассмотреть немедленно, а до решения обеспечить имение к пользе тяжущихся. Кузина бесится оттого, что мы в доме остаемся.

Отставка графа[81] весьма для тебя досадна, но что делать! Вижу по твоему последнему письму, что и с Кутузовым все неплохо устраивается; уверен, что он тебя полюбит от всего сердца, когда узнает так, как граф. Не забывай быть любезен с нашим старым товарищем Инзовым, коего Кутузов особенно

отличает, и Иван Никитич сможет тебе быть полезен при генерал-аншефе. Я слышал, что государь велел сделать бюст графа Николая Михайловича и что он поставится в Эрмитаже.

Отсюда что тебе сказать? Все помешаны на карусели, которую готовит молодежь здешняя, под руководством Степана Степановича Апраксина; она будет под Донским. Государь дал на это соизволение свое и место. Одно здание будет стоить вчерне 18 000 и будет вмещать 5000 зрителей. Подписка все еще продолжается, набрано уже до 14 000; все вместе: костюмы, бал, празднество – будет стоить около 50 000. Какое безумство! Я был на репетиции. Как далеко это от карусели, виденной нами в Вене! Помнишь ли Пальфи, Зичи, Брудера и проч.? Здесь будут четыре кадрили. Военная: тут Обресков, князь Голицын, Феденька Гагарин и Мордвинов. Венгерская: два графа Апраксина, Валуев и князь Андрей Гагарин, что увез у Зиновьева девку. Рыцарская русская: граф Толстой, граф Шереметев, Демидов, Дмитриев. Галльская: Нелединский, князь Волконский, не помню прочих. Сие трактуют как дело государственное: целый штат, канцелярия, казначеи, ассистенты. Шефы кадрилей: первой – князь Александр Федорович Щербатов, второй – Алексей Михайлович Пушкин, третьей – Виельгорский и четвертой – Чесменский. Главный обер-церемониймейстер – мой тесть. Под ним куча других: Питаша, князь Петр, Соковнин. Ассистенты церемонии: Цицианов – обер-гофмейстер, граф Толстой – герольдмейстер, Мертенс – гофмаршал и проч. Словом, карусель эта есть неисчерпаемая тема всех разговоров, а занятые в ней об ней хлопочут, как о спасении отечества. Надобно видеть тестя! Кстати, он меня почти принудил продать твою лошадь графу Толстому за 800; на следующий день ему за нее 1200 давали. Все верховые лошади вздорожали.

Будет три приза. Золотая сабля, серебряный бокал и прекрасные пистолеты. Как ты понимаешь, я устоял против всех сих искушений и сделанных мне предложений.

Александр. Москва, 30 мая 1811 года

Всякий раз, как ты графа вспоминаешь, сердце мое кровоточит. Ты еще не знаешь, что уже нет его, молодого героя, опоры отечества своего. Тут до сих пор все безутешны. Император написал матери душераздирающее письмо, кое будет вечным памятником любви его к покойному.

Александр. Москва, 27 июня 1811 года

Ну, сударь мой, гора, наконец, родила. Знаменитая карусель состоялась два раза, 20-го и 25-го числа сего месяца. Зрелище было внушительное, великолепное. Здание огромное у Калужской

заставы, квадрат 200 сажен, было до 7000 зрителей, 300 музыкантов, уборы на лошадях пребогатые, набирали, где только могли. Постройка одного цирка стоила 20 000 рублей. Одним словом, все было великолепно. Ездоки не соответствовали зрелищу, мало очень ездоков хороших. Всеволожская кадриль отличалась великолепием, но, по моему мнению, Венгерская кадриль всех была красивее. Посылаю тебе при сем экземпляр произведения карусельного пиита Василия Львовича Пушкина.

Не то сделал, что бы должно: надобно бы сделать подробное описание нынешней карусели для отсутствующих, а он написал историю каруселей вообще, не означив все девизы кавалеров, уборы их и проч.

Первый приз был пистолеты кухенрейтеровы, богатые, оправленные в золоте; их взял граф Александр Иванович Апраксин.

Второй приз, сабля золотая, досталась князю Волконскому, сыну князя Петра Алексеевича.

Третий приз, бокал серебряный, достался Демидову Павлу.

Четвертый, кубок серебряный, достался молодому Шепелеву.

Кавалеры сии увенчаны были четырьмя дамами: Апраксиной, Валуевой, княгиней Долгоруковой и Волковой Маргаритой Александровной. Третьего дня было второе представление – для бедных. В амфитеатре платилось не менее 50-ти серебром, а ложи на 20 человек не менее 50-ти. Набралось тысяч до двенадцати. Сын Всеволожского явился инкогнито, бросил вызов Апраксину, но безуспешно. Было еще четыре приза. Золотая цепь с золотой медалью, где были означены дата карусели и имя победителя, 2-й – кольцо золотое с тою же надписью, 3-й – бокал, 4-й – печать.

Апраксин, гусар, взял первый.

Князь Андрей Гагарин – второй. Кстати, он женился на юной и богатой княжне Меншиковой.

Мерлин, адъютант графа Сергея Михайловича Каменского, – 3-й. Феденька Гагарин – 4-й.

Александр. Катушино[82], 28 июля 1811 года

Слава Богу, вырвался я из Москвы, теперь долго она меня не увидит. Какое блаженство быть в деревне! Mi pare esceo cresciuto d'una canna, как говорят итальянцы. Я нашел Наташу и малютку пышущими здоровьем. Теперь вдвое мне здесь приятнее, ибо не тревожит меня мысль, что ненадолго приехал и что надобно скоро ехать в Москву. Много раз описывал я тебе, любезный брат, сельскую жизнь, но не знаю, дал ли я тебе хорошее понятие о моем благополучии. Живу с ангелом Наташею, с Катенькою, которая час от часу становится милее; окружены мы крестьянами,

благодарящими Бога, что нам достались; людьми мы довольны, соседи у нас хорошие и смирные, местоположение прекрасное, дрожки, верховые лошади для гулянья, ездим или ходим на сенокосы, по грибы, работаем в саду, когда время хорошо, рыбу удим, а когда ненастье, и дома весело: занимаемся музыкою. Лучшие книги все взял из библиотеки и перевез сюда, также эстампы и все, что было хорошего; читаю их, перебираю батюшкины бумаги, кои все здесь и в которых нахожу множество интересного и исторического; в них вижу душу его во всей красоте и еще более его любил бы, ежели бы можно было.

Все свое, и ничего не покупаем: вот истинное хозяйство, а слава Наташина. Она все это умела устроить за месяц пребывания здесь. Вчера приезжали к нам обедать князь Василий Алексеевич, тоненький князь (качай-старик!) и Цицианов, знаменитый врун князя Потемкина. Мы их накормили славно и перепоили. Мой тесть дуется, что далеко от его Горбова; ну а я от сего не в досаде: таковое соседство приводило бы к нам слишком много народу, и тогда прощай, экономия, и потом, я не наслаждался бы удовольствием быть с лучшими.

30 августа откроются два верховные судилища: Верховный совестный суд для дел, как наше, и Верховный уголовный суд для суждения министров, сенаторов и генералов и проч.; будут Сенаты в Петербурге, в Москве, в Казани и Киеве, в каждом председательствующий. Генерал-прокурор, рекетмейстеры и проч. сенаторы выбираться будут дворянством, и кандидаты представляться государю на утверждение[83].

Как тебе не вспоминать часто о покойнике графе, когда мы, зная его только по славе его и по твоим письмам, не можем забыть потерю сего славного мужа. Жители Смоленска, движимые любовью к графу, устроили день памяти и раздали множество денег бедным: жертва, принесенная его памяти, вызвала много разговоров. Ну а подлый граф Сергей купается покамест в удовольствиях и отказывается исполнять последние волеизъявления брата. Я видел этого мерзавца на спектакле через две недели после смерти брата; город не мог поверить роковому известию о смерти графа, а его брат рассеял все сомнения, напечатав о сем в газетах. Даже кузина, и та ожидала по крайней мере шесть недель, чтобы сделать то же, когда мы потеряли батюшку, а она немногого стоит. Мне говорят, что на графе Сергее висит гадкое дело: он переколотил все, что нашел, на пути из Тулы сюда и, между прочим, какого-то капитана принца Ольденбургского; дело передали императору.

Думаешь, что ты один с турками дело имеешь? Передо мною теперь капитан-паша, рейс-эфенди, чауш-баша, сака, кизляр-ага и

проч.; помнишь ты картинки турецкие? Я их прибил здесь на стене, и получилась целая мусульманская фаланга. Султан в окружении жен и дев; до сей поры его высокородие не покусилось на честь ни одной. Когда будет выстроен новый дом, будет чем его украсить.

Александр. Катушино, 17 сентября 1811 года

Слава Богу, что тебе хорошо с Михаилом Ларионовичем; мне это многие предсказали, а письма твои это подтверждают. Разбирая батюшкины бумаги, нашел я записочку от Кутузова, которую при сем прилагаю, яко доказательство, что он был с покойником в связи. Ты мне не говоришь о кресте твоем новом: то-то бы я обрадовался, ежели бы от меня первого ты о том узнал, а я тотчас тебе дал знать, да и новую даже успел тебе сделать и послать пряжечку, получил ли ты ее? Чрезмерно тебя благодарю за все подробности твоего хозяйства и лагерного жития: всякая малость, до тебя касающаяся, меня очень интересует. Радостно мне видеть тебя, окруженного хорошими ребятами, между коими выберешь себе и прочных друзей, а друг истинный есть дар небесный, отрада, утешение от всякого зла. Поздравь Влодека с крестом, как будешь ему писать, поздравления новому Георгиевскому кавалеру Бенкендорфу. Премного кланяйся милому Воронцову, да напоминай меня Андрею Яковлевичу.

26 августа были именины Наташи; мы вспомнили прошлый год, вспомнили победу, за которую бесценному покойному графу пожалована Андреевская лента. День этот, право, был печален для нас по этому воспоминанию; я нашел твое письмо и несколько раз его прочел; в моей душе есть некоторое сильное чувство, влекущее меня к графу. Я видел его в первый раз в театре в Петербурге, как теперь вижу. Давали «Афинянок» в первый раз, пьеса была начата, все кресла заняты, приезжает наш старик Строганов, его место занято, никто не думает себя обеспокоить. Граф Николай Михайлович встает и предлагает ему свое место. Мне это отменно полюбилось, и я с первого раза начал его душевно уважать по сему и после дружбы его к тебе.

Можешь ты себе представить, как я нетерпеливо ждать буду обещаемый тобой портрет его и с каким восхищением повешу его на стене. Да, брат, он должен висеть рядом с батюшкою. Слушай, что я тебе скажу о графе, и посуди, менее ли или более я его люблю теперь. Тургенев мне это пишет, рад я буду, ежели от меня первого все узнаешь. Граф тебя вспомнил в своем духовном завещании и говорит так именно: «Препоручаю в особенную милость государя императора правителя министериальной моей канцелярии надворного советника Булгакова». Завещание было

читано в Сенате, и Дмитриев по статье 20, тебя касающейся, докладывал государю, который приказал, чтобы доклад был сделан начальником твоим. Румянцев заблагорассудил, уважив память графа, представить о даче тебе чина и велел заготовить Коллегии указ. Вот прекрасная оказия принести нам пользу! Что делать? Хорошо и то, что канцлер что-нибудь да сделает. Чин тебе следует по старшинству, но Тургенев замечает справедливо: что взято, то свято, в другой раз того же чина не дадут.

Читая письмо Тургенева, я не мог воздержаться от слез: бесценный граф, умирая, помнил тебя; эта черта меня тронула до глубины души, прах его драгоценный заслуживает быть возле другого, в Покровском монастыре погребенного. Поэтому нетрудно и портрету его найти приличное место, присылай его скорее, брат: сладко мне будет на него смотреть. Упоминание тебя в графском завещании наделало в Петербурге шуму и произвело превосходное для тебя впечатление. Тебе надели на голову венец, и тебе это должно быть весьма лестно. Это стоит хорошей награды. Поздравляю тебя, мой милый и любезный брат, заранее. Тургенев всегда приносит добрые вести. Завещанное графом адъютанту его [Арсению Андреевичу Закревскому] дано не будет, ибо добро наследственное. Ежели был бы я графом Сергеем, то каким бы плохоньким товаром ни был, а самого себя продал бы ради удовлетворения пожеланий такого ангела брата, как тот, коего он потерял; но у этого человека нет сердца. Все в Москве понимают, что он такое, и питают к нему глубочайшее презрение. Кого только не выносит эта бедная земля! Этого, кузину нашу милую и столько других.

Александр. Москва, 27 сентября 1811 года

Каменский [то есть Бантыш-Каменский, начальник Московского архива иностранных дел, где состоял на службе Александр Яковлевич Булгаков] дал мне страшную польскую тетрадь для перевода; вот два дня, что я бьюсь над нею. Он мне сказал первый о твоем чине и прибавил: «Коллежских советников много, но не все пожалованы по столь лестному засвидетельствованию; завещание было разбираемо в общем собрании Совета. Поздравляю – перегнал меньшой!» Я сказал, что у нас общее все и что твой чин и меня произвел. «Потерпите, – прибавил он, – мне велено представить об моих отличнейших, я только писал о вас одних». Я говорил, что не заслужил, что ныне все только сею, вею, кошу, молочу и проч., а старик прибавил, что за прошлое и за будущее. Этот почтенный человек очень нас любит. Хотя и полагаю, что тебе указ сообщен, посылаю тебе для всякого случая копию; при сем поздравляю тебя всею душою,

милый и драгоценнейший брат; воображаю я себе, сколь сей последний поступок преставившегося ангела нашего тебя тронет, а я тебе скажу, по словам приехавшего из Петербурга Алексея Захаровича Хитрова, что много шуму наделало завещание графское в Петербурге, а что тебя все покрывали похвалами. Здесь, куда я ни покажусь, все вижу радостные лица, все меня поздравляют. Тетушка не знала о кресте, я этим начал. Очень это ее обрадовало. Когда предмет был исчерпан, я подал ей читать указ о чине; она думала, что я шучу, указу не поняла; видя, что упомянуто о духовном завещании, подумала, что граф сделал тебя своим наследником. Я премного смеялся, а тетушка плакала от радости.

Указ Правительствующему Сенату

В уважение предстательства, изъясненного в духовном завещании бывшего главнокомандующего Задунайскою армиею покойного генерала от инфантерии графа Каменского 2-го, и во внимание к засвидетельствованию его об отличном усердии к службе находившегося при нем правителем канцелярии по дипломатической части надворного советника Булгакова, всемилостивейше жалуем его, Булгакова, в коллежские советники. Александр.

Августа 30-го дня 1811.

Александр. Москва, 23 октября 1811 года

Волков, приехавший из Петербурга вчера, сказывал мне, что государь отменно весел, говорил ему о успехах Кутузова, ожидает от вас с нетерпением курьера нового и прибавил, прощаясь с Волковым: «Вы хорошие привезете вести в Москву».

Александр. Москва, 31 октября 1811 года

Я тебе говорил, что Волков возвратился из Петербурга, где пробыл шесть месяцев. Он был принят на славу. Чуть было его не отняли у нас; но он отговорился от места обер-полицмейстера в Петербурге; дали оное Горголию. Государь пожаловал Волкову 1500 десятин земли на выбор, где хочет. Полюбуйся нашим другом: он сказал, что от милости сей отказывается, ежели только товарищ его Дурасов не получит ту же награду, прибавив, что тот еще беднее его. Его величество соблаговолил снизойти к его просьбе. Какой человек этот Волков! Пища его – делать добро! Такое поведение заслужило ему всеобщее уважение. Москва в радости, что не потеряла нашего доброго Александра.

Тургенев пишет, что все (и коллежские) радовались производству твоему. Кстати тебе сказать: наш друг истинный

Тургенев узнал, что тебе на шею хотели посадить суворовского Фукса. Ты знаешь, какой он на это хват. Пустился по всем, влияние имеющим, только так удачно поработал, что Фукс отложил попечение править дипломатической частью на берегах Дуная. Твою сторону взяли все; Волкову сказывали, что и сам канцлер за тебя был. Спасибо доброму Тургеневу! Вообрази, что Боголюбову удалось как-то подслушать о проекте, и он поспешил предупредить о сем Тургенева, которому удалось проект провалить. Уж не знаю, кто его придумал.

Ты говоришь, что Италинский делает свои наблюдения над кометою; пошли ему, ежели заблагорассудишь, то, что здесь об ней говорят: я вырезал приложенные здесь лоскутки из «Северной почты».

Дом наш нанял Сергей Львович Пушкин по 180 на месяц; за тот, где была библиотека, дают 900 в год.

Александр. Москва, 7 ноября 1811 года

Вчера были петы молебствия во всех церквах. Я слышал сегодня от Пушкиных, что Михаил Ларионович пожалован графом; дай Бог ему до светлейшества дойти, то есть разбить весь восток и взять султана самого в плен. Благодарю тебя, любезный брат, за все подробности, а паче за то, что ты нигде не участвовал; это обстоятельство сделало мое удовольствие живейшим.

Александр. Москва, 28 ноября 1811 года

Все глаза на вас устремлены. Говорят, будто мир уже подписан, но в вестях такого рода сомнение больше дня не может продолжаться: ежели сегодня не будет подтверждения, то неправда. Однако ж делаются приготовления к перемещению двора сюда, ибо празднества мирные здесь будут праздноваться.

Москва, 29 ноября 1811 года

Я рад, что ты переписываешься с Шулеповым [чиновником в Министерстве иностранных дел]; поддерживай сии отношения. Знаешь ли ты, что все здесь осведомлены о подробностях конгресса? Граф Остерман сказал вчера Жанно, что ты был секретарем конгресса, ему о сем написали из Петербурга. Это лестная должность, я рад; тебе это предоставит преимущества, ежели сделается мир. Знай, что канцлер против всего Совета, интригует открыто и совсем мира не хочет. Он требует идти на Константинополь.

Пускай идет туда один и прихватит с собою чуму ради счастья России! Видели ли когда-нибудь столь злого гения?

Император горячо желает мира, а с ним и все. Все глаза на вас устремлены. Обрадуйте нас; слава Богу, что тебя так хорошо тут сунули. Знаешь ли, что ты теперь то, что был батюшка на Тешенском конгрессе?

Чего хочешь ты ждать от Бароцци, зачем он к вам явился? Натурально для интриг. Остерегайся. Ты знаешь тонкость этих господ. Впрочем, тебя никто не выдаст. Он захочет помериться с Фонтоном, я полагаю; но где ему? Надсадится понапрасну. Бароцци может быть годен для шпионажа, но он не оратор, не переговорщик, не ловкий писатель. Коллегии известны шедевры Кассини из Рима и Бароцци из Венеции. Такого умницу, как ты, надобно ли учить?

Александр. Москва, 1 декабря 1811 года

Ты знаешь, какую братскую дружбу к нам питает Волков. Я заметил, что он отговаривает меня идти служить при Багратионе, и захотел узнать причину. Он мне признался наконец. Надобно знать, что Балашов любит его от всего сердца и хочет, чтобы Ивашкин туда шел, чтобы дать Волкову его место обер-полицмейстера. Как сие дело сделается, Волков хочет, чтобы я стал начальником тайной канцелярии, как Санглин в Петербурге. Балашов к сему приуготовлен. Я буду иметь самое меньшее 3000 рублей жалованья, квартиру, дрова, неоценимое преимущество иметь Волкова начальником. Смогу проводить все лето в деревне и являться сюда только по понедельникам. «Мне будет дело, – сказал Волков, – доставлять тебе лестные и скорые награждения». Я признаюсь, что предложение Волкова меня польстило. С ним служить и с вышеупомянутыми выгодами было бы для меня царство небесное.

Антонио сейчас от меня выходит, он должен принести мне письмо для тебя. Я тебе писал уже, что, скучая праздностью, он принялся служить в Университете, где преподает итальянский язык. Служит за честь, отказал жалованью, зато ищет чин получить, а между тем носит университетский мундир. Я писал к Сереже Уварову, рекомендовал ему г-на Пиллера, просил, чтобы он скорее доставил ему чин. Обещали это сделать, и он, и Тургенев. Отпиши и ты к обоим, попроси хорошенько Уварова. Право, Пиллер заслуживает, его уже все любят здесь, и Кутузов, Павел Иванович, и Антонский. Ежели получу место у Волкова, я его продвину по службе. Это мальчик редких достоинств.

Александр. Москва, 12 декабря 1811 года

Что ты давно не даешь никакой комиссии мне? Я так без церемонии с тобою, прошу тебя заключить скорее мир. Об нем

много болтают. Говорят, что 23-го он был подписан и что государь 12 декабря на параде оный сам обнародует. Между тем червонец упал на 8 $У_2$, рубль серебряный – 3 рубля 60 копеек. На Гамбург курс от семи шиллингов поднялся на 10½, а на Амстердам от *I½* шт. на 12. Все это хорошее предзнаменование. Нового ничего нет, кроме того, что утверждены образцы новых шарфов, темляков и эполетов для офицеров; они будут белые нитяные, и все вместе будет стоить девять с половиною рублей. Хорошо будет бедным офицерам.

1812 год

Константин. Бухарест, 8 января 1812 года

Граф Потемкин, после трехмесячных сборов, едет наконец в Петербург через Москву, где надеется быть дней через двенадцать. Он берется доставить тебе это письмо, оказия верная.

Я писал тебе несколько дней тому назад с Панкратьевым, адъютантом главнокомандующего, который обещал переслать к тебе мое письмо из Киева. В том письме отвечаю на № 73 и 74, полученные через Райского. Между тем получил я от Василия Ивановича три твоих письма – № 72, 73 и 75, за которые поспешаю благодарить тебя. В № 72 ты мне пишешь о приезде Маркова, а в № 74 об этой встрече и рассказываешь. Я тебе ответил на это, мой милый друг. Очень желаю, чтобы эта несчастливая история окончилась, и думаю, что вернее всего заинтересовать ею знаменитого делового человека госпожи Шикано [Милашевича, старшего чиновника по канцелярии главнокомандующего Дунайской армией М.И.Кутузова].

Спасибо, брат, за присылку погон офицера. Видишь, мой милый друг, есть добрые люди в этом мире; но скажи мне, прошу тебя, разве поведение Голдена не вполне естественно, разве всякий другой человек, даже злой, будучи сыном, не поступил бы так же? Я это говорю не для того, чтобы умалить его заслугу, но его поведение кажется мне совершенно простым поведением хорошего сына; к тому же он, видно, прочувствовал то, что написал, и если что трогает в этой пьесе, так красноречие сердца. Я, разумеется, дам ее всем прочитать и начну с Воронцова, которому сегодня и пошлю.

Я тебе писал, сколько все присланное с Райским было мне приятно. Еще раз душевно вас благодарю. Отсюда послать нечего, разве танзуку. Вот также для Волкова трубочка для сигарок. Отдай ему и обними за меня. То, что ты сообщаешь мне о переговорах с кузиной, доставляет мне величайшее удовольствие. Дай Боже, чтобы ее уломал Мягков; но я все еще очень сомневаюсь, потому что не полагаю у нее иной цели, как нам вредить.

Я был бы очень рад, если б письмо молодого Гурьева произвело благоприятное о тебе впечатление. Место инспектора казенных угодий или, скорее, уделов очень хорошее. И жалованье хорошо, да и выслужить что-нибудь можно, а в вашем архиве ничего не добьешься. Пора тебе перестать развертывать столбцы. Это не для тебя.

Ты мне советуешь воспользоваться благорасположением генерала. Я был слишком вознагражден в этой кампании, чтобы осмелиться притязать еще на что-нибудь для себя самого; но мне доставляет величайшее удовольствие то, что генерал согласился сделать все, о чем я просил его, для моих канцеляристов. Экспедитор гражданской канцелярии Сиракузский получил прибавку к жалованью и столовое серебро. Яковенко и переводчик Шпис представлены к Владимиру. Двое других, Иваненко и Сокологорский, – к чинам; еще один, Сорокуцкий, – к чину за выслугу лет и получит тройное жалованье в награждение, также и братья Яновские. Так что они все от меня в восхищении. Другие канцеляристы завидуют их участи, тому, что они у меня. Я предпочел награждение моих подчиненных награде для себя, о коей думал генерал и от коей я отказался. По тому, как все идет в канцелярии, я еще ни разу не имел случая бранить кого-нибудь: они все усердны. Багратион женится через две недели. Его суженая больна. Они только и обнимаются, и так забавно видеть его нежным, этакого толстяка. Знаешь ли ты, что он еще толще князя Василия [тестя А.Я.Булгакова]? Я надеюсь, он будет счастлив: это премилая особа. После свадьбы молодожены и все семейство отправятся в Житомир к князю Петру, и я думаю, что она останется покамест там. Багратион хочет устроиться в Москве, и, наверное, ему это удастся. Он поедет показать жене Петербург, а потом будет к вам. Рекомендую вам заранее его жену. Это добрая особа, мягкая, красивая и любезная. В общем, он сделал превосходную партию.

Нынче в Бухаресте справляют немало свадеб. Вчера вышла замуж самая хорошенькая здешняя девица, мадемуазель Фака. Потемкин был на свадьбе и расскажет тебе обо всем, хотя я все еще сомневаюсь, что он поедет через Москву.

У нас стала прекрасная зима; вообрази, что было до восемнадцати градусов морозу; в санях ездить славно. Давно не рассказывал я тебе о Воронцове; ему гораздо лучше, но знаешь ли ты, что одно время он был очень плох. Он простудился, и мозговой насморк, но очень дурного рода, доставлял ему крайние страдания. Я его каждый день вижу; он выказывает мне величайшую дружбу. Он живет у Сабанеева рядом с Италинским, да и я бываю в этом штабе чаще всего.

Бухарест унылый город, если верить тому, что говорят. Балов не бывает; что до меня, так мне все равно. Милая Маша восхищает меня своей невинностью. Она совсем не хорошенькая, но очаровательна и редкой наивности в наше время и особливо в этой стране. Горе мне, если хоть день я не являюсь: весь дом на меня набросится. Мне досадно, что госпожа Варлам ехала не

через Москву, а не то ты бы видел это прелестное дитя. Признаюсь тебе, мой милый, что если б не проклятый процесс… Но выкинем эти мысли из головы.

Я написал очень настоятельное письмо Уварову о добром Пилларе. Заранее убежден, что он сделает все, что в его силах, и мы вскоре сможем поздравить этого превосходного человека с офицерским чином. В конце концов он станет Бьянки. Передай ему мои комплименты. Потемкин – живая грамота; он скажет тебе все, что ты пожелаешь знать обо мне: всю эту кампанию мы вместе, притом это уже вторая наша кампания. Ты знаешь его по Санкт-Петербургу. Бенкендорф уехал в столицу. Я очень с ним сблизился, это очень славный мальчик, и не так легкомыслен, как кажется. В общем, мой милый друг, я сделал некоторые очень интересные знакомства и приобрел нескольких друзей, на которых, думаю, могу рассчитывать. Сабанеев и Воронцов во главе последних, а за ними Мишо, Ламсдорф, граф Крюзоль, Панкратьев, Дишканец, адъютант генерала, – все превосходные молодые люди. Мы с ними всеми дружно жили в лагере.

Александр. Москва, 9 января 1812 года

Не виню тебя, что не так часто и мало пишешь: мы и по «Северной пчеле» видим, что секретарь конгресса Булгаков занят. Меня эта статья очень порадовала. Журнал этот сильно распространен в обеих наших столицах, и я уверен, что мы увидим твое имя. Это старая графиня Пушкина[84] показала мне статью от 19 октября или ноября из Бухареста. Она сопроводила это своеобразной проповедью, а ее сын Александр прибавил очень скромно, что ты играешь его роль. Подразумевая, что хотя он и камергер, но ему отказали в чине надворного советника. Каменский представил его к повышению, ибо тебе предстоит узнать, что он снова в Архиве. У нас время прегадкое: двух градусов мороза еще не было во всю зиму, больных тьма-тьмущая. Грипп свирепствует вовсю, все старики вдруг перемерли. Князь Иван Сергеевич Барятинский умер, читая письмо у брата своего, и так его перепугал, что и этот было умер. Бедный Волков[85] сильно простудился. Я целый день у него. Бибиков еще по сие время не бывал; жду его, писем твоих и саблю для Волкова, то есть не для того, чтобы ею голову ему отрубить: право, свою бы лучше подставить. Редкий человек этот Волков. Он мне выказывает такую дружбу, кою не забуду я, пока жив буду. Вот верный друг, подлинный и вечный.

Ты мне не пишешь о князе Алексее Багратионе; женат ли он, женится ли, когда, как? Дай мне подробности о сем. Здесь слух разнесся, что и ты женился на Варламовой. Вчера Пушкины

спрашивали, правда ли это. Мне кажется, что ты не скрыл от меня вещь, от которой твое, а следовательно и мое, зависит благополучие; я смеюсь в лицо любопытствующим, кои меня расспрашивают. Думаю, что это вышло от Воейкова. Я с ним обедал у Багратионова отца; он говорил о князе Ал. и Вукареске и мне дал чувствовать, что и тебе не миновать того же. Я не говорил ни «да», ни «нет» князю Петру Ивановичу, ибо настоятельно ни о чем не было трактовано. Министр Гурьев пишет сюда (а также и Гриша Орлов) сыну своему Александру, что ему очень будет приятно меня иметь в команде и что имя мое внесено в списки, которые представятся на высочайшую конфирмацию. Я представлен на место инспектора казенных уделов в московском правительстве. Среди прочих выгод будет от пяти до шести тысяч рублей жалованья. Дай Бог, чтобы это скоро сделалось. Это бы меня ободрило.

Матюша Муромцев приехал из Петербурга на полгода; он сказал, что все, кто приезжают из Молдавской армии, о тебе отзываются как о лучшем мальчике, какого свет видывал. Мое почтение Ивану Васильевичу Сабанееву. Он извинит, что я считаю его в числе моих ближних, не зная его в глаза. Я познакомился с графом Строгановым[86], который приезжал сюда на время повидаться с матерью; мы расстались очень большими друзьями, и он всем здесь сказал, что сочтет себя счастливым в тот день, когда сможет сделать что-нибудь для нас полезное.

Александр. Москва, 16 января 1812 года

Нового нет ничего, кроме женитьбы Гурьева дочери, которая помолвлена за Нессельроде[87]; да Аничковский дворец сгорел в Петербурге. Убыток довольно важный. Император сам целую ночь был на пожаре: вот и все. Жаль мне, что узнал я так поздно об отъезде Сомова: более бы писал и гостинцу бы послал тебе.

Константин. Бухарест, 20 января 1812 года

Я получил твой № 76, приложенное отдал Воронцову, говорил с ним о Корсакове; он сам тебе отвечать будет, а между тем я вот что от него слышал. Он бы душевно рад был все на свете для тебя и Волкова [тогдашний московский полицмейстер А.А.Волков был женат на Софье Александровне Корсаковой] сделать, но у него положено не иметь более двух адъютантов, а у него эти места пополнены; а если бы Корсаков был в той же армии, где он, то во время сражений мог бы он его как-нибудь к себе выпросить, но в адъютанты теперь нельзя. Впрочем, он тебе сам это объяснит. Я думаю, что можно сделать другое. Цель родственников Корсакова есть та, чтобы сын их был при хорошем

генерале, где бы мог научиться ремеслу своему и быть приятно. Наш почтенный Сабанеев пожалован в генерал-адъютанты, ко всеобщей нашей радости. Если ему дадут дивизию, что весьма вероятно, то он может взять к себе Корсакова, в чем мне, верно, не откажет, а я вам ручаюсь, что ему также хорошо будет у Ивана Васильевича, как у Воронцова. Сабанеев остался дежурным генералом, следовательно, больше имеет случаев употреблять его, нежели Воронцов. Если на это согласится Волков, то дай мне знать, а между тем я поговорю с Сабанеевым и наперед уверен, что он согласится.

Поздравляю Белую Бабку [так звали братья Булгаковы двоюродную сестру свою, княгиню Елизавету Васильевну Голицыну. Чиж – ее муж, князь Сергей Иванович] с дочерью. Ну, потрудилась она на своем веку, и Чиж отличился; надеюсь, что это последнее творение и плод чрева ее.

Александр. Москва, 23 января 1812 года

Слава Богу, что вы наконец стали на зимние квартиры и что в Бухаресте, где, должно быть, лучше, чем в прочих городах, по большей части разоренных. Знаешь ты, где раки зимуют: нашел хозяюшку любезную. Я тебе говорил, что тут тебя уже женили, но неизвестно, на ком; говорили, что она (твоя якобы жена) красива, любезна, добра и *богата]* последнее слово не мешает. Здесь одни свадьбы, такая мода. Князь Сергей Щербатов (брат Шуваловой, Скарятиной и проч.) женится на княжне Хилковой. Князь Сергей Меншиков, флигель-адъютант, женится на Протасьевой, очень некрасивой и очень богатой. Молодой Виельгорский женится на младшей Бирошке. С другой стороны мрут; между сими: граф П.В.Завадовский, Бауэр (курьер Потемкина). Николай Федорович Хитров умирает. Рад я очень, что Варлам опять у вас. Гм! Только ты о мамзель Мари говоришь не совсем хладнокровно, а потому воображаю, что она должна быть ангел вроде моей Наташи.

Константин. Бухарест, 4 февраля 1812 года

Должно быть, газетам не о чем писать, коль скоро они заняты мною и моими путешествиями из Георгиева сюда. У нас произошло великое событие, взошла новая звезда; но то не комета, а знаменитый Ромберг. Он здесь совершенно в положении Одиссея. Даст нам три концерта; и я очень любопытен узнать, какое впечатление произведет он на наших жителей, которые до сих пор предпочитают всякой музыке цыганскую. Нужно иметь слух, весьма привычный к этому гаму, а без того есть от чего убежать или оглохнуть. Мы все из кожи вон лезем, чтобы помочь Ромбергу. Не знаю, велики ли будут сборы, но знаю, что получим мы величайшее удовольствие слышать его, ибо мы здесь уже

долго лишены всего, что называется хорошей музыкой. Ну же наслушаюсь его досыта! Он много говорил мне о князе, о Наташе, о тебе и об истории княгини Хованской.

Левшин, который в прошлую зиму ездил в Москву и был у тебя, приезжал ко мне и сказывал, что он сегодня туда же отправляется, и просил писем. Я думаю, однако же, что это письмо положу в пакет Багратиона, который также пишет. Во всяком случае, вероятно, Левшин повезет мое письмо. Рад бы я был, если бы он взялся отвезти ружье, которое уже с неделю у меня хранится для милого Фавста. Если и не возьмет, то скажи философу, что у меня есть славное албанское ружье для него. Мне его подарил дежурный генерал, который тебе кланяется, сам писать будет и еще просит о каком-то деле. Я ему наперед отвечал, что ты охотно исполнишь все его поручения.

Александр. Москва, 6 февраля 1812 года

Какие тебе дать новости? На той неделе меньшой брат Орловых (Федор) застрелился, но жив остался. Случай удивительный! Чтобы не дать промаху, он положил три пули в пистолет и так туго набил, что ствол не выдержал, и пистолет разорвало; пули, чем идти вперед, в рот, пошли вбок и назад; однако ж Орлов обжег себе лицо и ранил плечо. Говорят, что он проиграл 190 тысяч в карты. Это забавно (ибо он будет жить), что через 20 лет можно будет сказать о нем: вот человек, застрелившийся в 1812-м.

Третьего дня скончалась Дарья Николаевна Каленбергша[88], к своему благополучию; умерла в нищете, нашли полтину денег. Ожье, один француз (ибо кому это сделать, ежели не гадине этой?), ее совершенно обокрал и обобрал. Когда она Богу душу отдала, ничего более не имела: почти все было отнято.

Теперь здесь славная актриса наша Семенова. Жорж тоже выступает, и плетутся жуткие интриги; однако же мы, семеновцы, одерживаем верх. Признаюсь тебе, быть может, к стыду моему, что она меня более, чем Жорж, тронула. Последняя неистова. Соперница ее играет завтра Аменаиду на свой бенефис, а Жорж объявила свой на субботу, и посуди, что она поставила тоже именно «Танкреда»; но ведь она сим говорит, что боится Семеновой, достойной с нею потягаться, поскольку бросила ей вызов. Наша собрала уже 10 000, а будет, верно, с 12 000.

Ну, брат, я очень коротко познакомился с графом Федором Васильевичем Ростопчиным, который нас очень любит с Наташею. Он очень приятного обхождения и очаровательный собеседник. Часто бывает у тестя моего.

Александр. Москва, 12 февраля 1812 года

На письмо твое, чрез графа Потемкина, отвечал я с прошедшею почтой, милый и любезный брат; третьего же дня явился вдруг провозглашенный тобою давно Бенжамен с № 8 19 декабря и с эстампом покойного графа Николая Михайловича [Каменского]. Благодарю тебя очень за этот подарок; все у меня просят. Отложив то, что граф сделал для своего отечества, все наши здесь помнят, что он был твой благодетель, и все хотят иметь его на почетном месте в гостиной. Волкову и Фавсту не мог я отказать. Он уже у меня висит возле тебя, и моя Катенька [старшая дочь А.Я.Булгакова], по какому-то чудесному побуждению, все на него любуется, делает ему ручкою, кланяется и хочет его все целовать.

Я только вернулся от графа Пушкина-Брюса, прибывшего из Петербурга. Сказывал он, что Бенкендорф по целому Петербургу барабанит твою похвалу, но с жаром, вас обоих еще более любить заставляющим. Весь Петербург переполнен вашим поведением, вашими достоинствами и вашим влиянием в армии. Пушкин прибавляет: «Я Бенкендорфа, уезжая, расцеловал». Это неправда, что он женится. Но я узнал, что граф Потемкин женится на трагической актрисе Вальдберг. Воронцов почти в одно время получил 2-го Владимира и 3-го Св. Георгия. Дай Бог ему поскорее оставить климат, вредный для его здоровья.

Ну что и говорить о князе Александре Борисовиче [Куракине, тогда нашем после в Париже]! Я знаю, что он любит всех, а кольми паче добрых людей. Спасибо ему за участие к нам. Уверяю тебя, что участие добрых людей – уже большое утешение во всех жизненных невзгодах. Анекдот о турке, который на балу нашел странным, что человек может так утомляться без того, чтобы ему за это платили, нас очень позабавил. Впрочем, это голос здравого смысла. Радуюсь, что твои канцелярские награждены старанием твоим. Это радостно должно быть для твоего сердца. Очень я это понимаю, но послушай меня: не обижай себя и пользуйся благорасположением начальника, не трудись даром. Помни, что во всю твою жизнь ты, может быть, не встретишь такого случая.

Константин. Бухарест, 18 февраля 1812 года

С тех пор, что Василий Иванович здесь, столько мне дела, что некогда было с тобою порядочно поболтать. Всякий год переменяются здесь все правительственные чины, как то: члены Дивана и проч., и сколь назначение новых ни кажется легко, но хлопот пропасть, и вообрази, теперь только мы образование кончили.

Варлам, к общему удовольствию всех русских, попал на сей

год в вестиары, то есть в важнейшее место. Это очень порядочный человек. И все это семейство превосходно. Его считают здесь как будто совершенно русским, и они одни держат открытый дом, где мы и собираемся всякий вечер. Тебе известна, мой милый друг, главная причина, которая меня туда притягивает.

В городе сказывают, будто Барощци, который еще здесь, собирается жениться. Он смеется, когда его о том спрашивают, но не думаю, чтоб слух был неверен. Дочь его Диана прибывает в Яссы, он хочет ее выдать замуж за одного весьма достойного человека, надворного советника Надобу, который в Сербии. Если брак сей устроится, она будет счастлива. Утром был я у Италинского. Зима нынешняя причинила ему много страданий. Он очень сильно мучился своей грудью, харкал кровью, но благодаря уходу и диете стало теперь ему лучше. Сегодня обедаю у нашего доброго Воронцова. Он еще не вполне поправился.

Александр. Москва, 19 февраля 1812 года

Приходит человек от Тургенева, который сейчас приехал. Думал только его обнять; вышло, что четыре часа с ним проболтал. Очень мы друг другу обрадовались. Все тот же милый малый. Все так же добр, чистосердечен, а ведь так легко эти качества в Петербурге растерять, когда окунаешься там в дела. Меня велел Орлов обнадежить касательно обещанного мне места. Дай Бог, чтобы скорее вышло. Тургенев приехал сюда на две недели.

Третьего дня приехал Бальмен из Петербурга. Принят там славно. Флигель-адъютантское жалованье обращено ему по смерть; кроме того, пожаловано ему в Тамбове 3000 десятин земли, которые он уже запродал Ралю за 100 тысяч рублей. Уж, верно, никто не позавидует, когда доброго, достойного и заслуженного человека щедро награждают. Это их сильно ободрит, а то полк его страшно его ухлопал. Он наделал тысячу долгов. Сверх того, он добился Георгиевского креста для одного из своих помощников. Это еще за Батинское дело, кажется; а адъютанту его Ягницкому[89] дана Аннинская шпага. Бальмен возвращается в свой полк через два дня. Маша[90] остается здесь с сестрой и теткой Авдотьей Ивановной.

Много говорят о какой-то странной публикации одного чудака в газете. В Лондоне бы ее никто не заметил, но здесь многих занимает. Я ее вырезал из газеты и тебе при сем посылаю. Сей чудак волочится за двумя невестами, но обе находят его слишком уродливым. Сказывают, что он очень порядочный человек. Фавст ходил на него смотреть в книжную лавку Селивановского, как ходят смотреть на орангутанга.

Все тут за трагедийную актрису Семенову, которая даже Жоржшу уничтожает; она на своем бенефисе собрала (за уплатой издержек) 12 000. Юрий Александрович Нелединский был в таком восхищении от ее игры, что сочинил в нашей ложе десять стихов, кои послал Аменаиде. Она играла в «Танкреде» (после 4-го акта).

Александр. Москва, 5 марта 1812 года

Гражданская палата нам было напакостила и сделала делу конец, совсем отняв у нас и апелляцию[91]. Я прибегнул к Сенату, который меня защитил и апелляцию велел нам дать. Теперь, стало быть, дело наше перейдет в Сенат. Наш старинный приятель Масальский очень нам помог. Княгиня [Масальская] ездила к Анне Петровне нарочно ее увещевать и опять к ней поедет, не потеряв совсем надежду вразумить ее. Чудно, что чужие за нас стараются, а свои нас грабят. Как увидит Анна Петровна, что Сената ей не миновать, так авось-либо другую песню запоет. Я был целую неделю в большой тревоге. Слава Богу, все устроилось. Ведьма заплатила 12 тысяч за этот трюк; а трюк не удался, и она в бешенстве, насколько мне известно. Не знаю, где она взяла деньги. Тургенев [Александр Иванович] тебя обнимает; он еще здесь, поедет послезавтра, спешит в Петербург, ибо 13-го числа государь едет в Кенигсберг, говорят.

Константин. Бухарест, 8 марта 1812 года

Как дороги ни дурны, какие бы ни были препятствия от рек, но все нельзя было не дойти письмам твоим в сорок дней; ради Бога, милый друг, успокой меня. Если будущая почта не принесет мне твоих писем, то не буду я уже знать, что и думать; но не может быть, чтобы ты так долго молчал, зная, что мое единственное утешение и величайшее в свете удовольствие – твои письма, зная, что я без них не могу обойтись долгое время, не мучаясь мыслями.

Графу Воронцову в один день привезли второго Владимира и третьего Георгия. Здоровье его все плохо и очень меня беспокоит. Он решился оставить здешний климат и, я думаю, дней через шесть отсюда поедет в полк. Я сего желаю; хотя жаль будет с ним расставаться, но для него это непременно нужно.

Александр. Москва, 9 марта 1812 года

Поздравляю вас с Ромбергом. Я не забуду никогда приятную минуту, которую он мне доставил восхитительною своею игрою в разных домах, а между прочим у Питаши Салтыкова. Ромберг за душу берет, и потом какая композиция, какой вкус, какое

изящество и легкость в исполнении. Ты слышал симфонию на смерть королевы Пруссии, его вариации на «Чем тебя я огорчила»? Передавай ему мои комплименты. Город кишит музыкантами, беспрестанные концерты, но если бы вернулся Ромберг, он бы произвел фурор и приобрел много денег, ибо о нем очень сожалеют!

Я сделал намедни мистификацию Жоржше. Я вхожу, она спрашивает обо мне и, слыша мое имя, спрашивает, был ли я в Вене; ей отвечают, что был. Она начинает говорить со мною как бы с тобою, о княгине Багратионовой и проч., а так как ты мне вчера описал подробно, то и мог я находиться при всех ее вопросах. Долго это продолжалось; только Соковнина не вытерпела, смехом своим изменила секрет и все Жоржше рассказала, а она верить не хотела никак; тут пуще все: ха-ха-ха!.. Эта шутка и пение Лаблан меня развлекли, ибо было довольно скучно. Эта сцена была у Кругликовой. Должно быть, мы похожи очень, ибо это уже третье приключение в сем роде. Александр Пушкин снова в Архиве; после он мне показал письмо, коим просит Шулепова поместить его при Багратионе в армию. Он хочет того, что князь предложил мне; я решился отказаться от места сего, ибо вижу, что пришлось бы мне тогда точно расстаться с Наташею. Помимо места, кое Орлов мне дать должен, скажу тебе еще, что граф Ростопчин чрезвычайно прельщает меня. Я был бы в восхищении служить с ним, а кажется, нет сомнений, что он снова выйдет на сцену. Он осыпает милостями нас с Наташей.

Александр. Москва, 19 марта 1812 года

Давно не имею я писем от тебя, любезнейший брат. Приехавший из армии офицер (кажется, Левшин) привез к моему тестю письмо от князя Алексея Багратиона; удивляюсь, что ты с сею оказиею мне не писал, но по сей час добиться не могу, где отыскать этого офицера, чтобы о тебе расспросить. Князя Алексеево письмо читал, и он ни слова о тебе не говорит; но это меня и успокаивает, ибо он, верно бы, упомянул что-нибудь, ежели бы ты был в отлучке или болен.

Благодарю за твои хлопоты о Корсакове, но его переводят уже в гвардию. Волков и Корсаков очень тебя велели благодарить за твои предложения. Передавай от меня тысячу учтивостей графу Воронцову за то, что он прислушался к моей просьбе, хотя и было ему невозможно поместить Корсакова при своей особе. Ты мне часто поговариваешь об некотором превосходном создании. Я тебе ни слова сказать не могу, ибо не знаю ее никак, ни даже понаслышке. Знаю я, однако же, что ты рассудителен, во-первых,

а во-вторых, нельзя тебе привязаться к такому предмету, который бы не был достоин всеобщей похвалы и уважения. Воображаю, что она должна иметь ангельский нрав, и душу, и милую наружность; одним словом, должна быть другая Наташа. Одного я ей желаю, и то по стечению наших несчастных обстоятельств: имения для себя и тебя.

Я тебя уведомил о пакостях Гражданской палаты, которая последовала уездному суду, хотя и видела из дела, что сей суд наказан был штрафом за лишение нас апелляции. Я подал жалобу в Сенат, коего указом вчера предписано нам дать апелляцию. Я узнал, что Анна Петровна взбешена этим, ибо заплатила 8000 и ожидала совсем делу конец, без переноса в Сенат; сверх того, Александра Петровна отказалась участвовать в издержках; я не понимаю, где та деньги берет. Ты не поверишь, как князь и княгиня Масальские нам добра желают: он хлопотал по Сенату, а княгиня взяла на себя съездить к фурии нашей, была у нее, долго с нею говорила, усовещивала, всячески ее брала, и совестью, и законом Божиим, и собственной ее выгодою: все было тщетно.

Александра Петровна так была тронута словами княгини Масальской, что заплакала и поклялась княгине перед образом, что ежели имение когда-нибудь ей достанется, то отдаст свою часть нам, что чувствует свою вину против нас, что мы невинны, и жаловалась на сестру, что ее втащила в пустую тяжбу, прибавив: «Работай же сама как хочешь. Я тебе не давала и не дам гроша на это дело; тебя, как дуру, обманывают и обирают», – и проч.

Меня и жену мою полюбил чрезвычайно граф Федор Васильевич Ростопчин. Часто к нам ездит и просиживает часа три-четыре. Он чрезвычайно приятного обхождения и очень любезен. Во время болезни Наташи он мне написал записку с приложенными при сем стихами, а после сочинил для нее другие, кои озаглавил: «Род послания к роду болящей». Прелестно. У меня их затаскали, и я не знаю уж, у кого они, а то бы прислал тебе. Ежели, как вероятно, будет он употреблен, то я могу смело считать на его покровительство. Он теперь в Петербурге, отдал сына в военную службу. Много говорят о войне: войска выходят из Петербурга, даже все гвардейские полки уже выступили к границам. Много поговаривают, что граф Михайло Ларионович будет призван в столицу, а место его заступит будто Дохтуров. Как сего ни хвалят, очень я буду сожалеть, ежели ты лишишься почтенного твоего начальника. Государь должен выехать из Петербурга 25-го числа. Говорят, что поедет через Ригу в Вильну.

Тургенев показался у нас как комета. Наташа без ума от него, а он от нее. Я играю, как видишь, роль, не вполне блестящую. Кстати: Тургенев получил вдруг Анну с алмазом; впрочем,

золотому малому иного креста дать нельзя было, как бриллиантовый. Его Лаврушка сделался форменным верзилою; но Тургенев все еще краснеет, как скажут при нем неприличное слово. Тургенев чрезвычайно понравился тестю моему и повсюду, где он ни побывал.

Мы его здесь затаскали. Я так к нему привык, что мне грустно было с ним расстаться. Тебя хотели послать секретарем посольства в Париж, но Тургенев помешал этому. Это было устроено Гришею Гагариным и Нессельроде. Теперешнее твое место гораздо выгоднее, надежнее и лестнее. Митюша Нарышкин, в самый день выхода своего в поход, пожалован офицером. Туго бы ему было, бедному, он же и не крепкого очень сложения. Чтобы тебя посмешить, посылаю тебе записочку профессора нашего Антонио[92]; я смеялся, как безумный; посмеши Италинского, ежели сочтешь сие у места, ибо он любит хорошую шутку. Князь Василий Васильевич умер в Петербурге. Слепой Гагарин[93] женится на дочери Натальи Абрамовны Пушкиной, которая хотя и стара, но у нее 3000 душ.

Александр. Москва, 20 марта 1812 года

Войны, о коей решено уж было, сказывают, не будет. Бонапарт, не имея средств нас победить, нашел средства нас усыпить. Он предложил раздел Пруссии. Он дает Силезию Пруссии, Берлин и Бранденбург до Кюстрина берет себе, а Кольберг, Данциг, Кенигсберг, Мемель, Поланген – нам. Все еще сомневаются, что император согласится на этакое расчленение, но войска наши выступают. Все гарнизоны уже выступили. Император едет в Ригу 25-го, оттуда отправляется в Вильну. Граф Пален присоединится к нему в пути. Генерал Армфельдт, назначенный генерал-губернатором Финляндии (и который перешел к нам на службу), также едет с императором. Другие таковы: Балашов, граф Кочубей, Магницкий.

Берлин уже занят французами, и прокламация самого короля приказывает хорошо относиться к французам и их слушаться. Вот удар, в коем неприятеля надобно было упредить. Приехавший из Петербурга человек уверял меня, что Италинскому нехорошо, что ему приписывают неудачи в наших негоциациях с турками. Татищев очень ищет быть туда послан, но не успеет, кажется, а Андрей Яковлевич у вас останется. Говорили было, что Кутузов будет взят в Петербург, но теперь умолкли, и он у вас, верно, останется, ежели предполагаемый раздел состоится.

Константин. Бухарест, 26 марта 1812 года

Изволь, мой милый, еще пришлю тебе эстампов графских,

сколько у меня есть. Все русские должны чтить его [то есть графа Н.М.Каменского] память, а ты, любезный брат, любя меня, должен быть к нему благодарным. У меня есть его портрет в миниатюре; ничего нельзя видеть сходнейшего. Катеньку, кажется, люблю еще более за то, что она отличает портрет графский. Познакомился ли ты с Закревским, который поехал в отпуск в Москву? Спасибо государю, этот добрый малый уже полковник.

Очень я доволен, что Бенкендорф говорит обо мне хорошо, я весьма с ним сдружился; в лагере он у нас по целым дням бывал, а там человек таков, каков он и есть; я сумел оценить его: это честный молодой человек, страстно свое дело любящий. Это который же Потемкин на актрисе женился, неужели наш? Вот уж было б вовсе не смешно. Я говорил тебе, что Воронцов нас покинул: он уж переехал границу Молдавии и, стало быть, расстался с этим ужасным для его здоровья климатом.

Кстати, ты меня бранишь, милый друг, что я о себе не стараюсь. Мог бы и я тебя в том же упрекнуть, когда ты был в Неаполе. Кажется, милый друг, этого и в крови у нас нет, ибо и батюшка делал добро, не думая о себе. Такие дела не остаются без награды, и вот тебе доказательство. Генерал по моей просьбе всех моих подчиненных представил. Единственно о такой награде я и просил. Некоторое время спустя получил он от военного министра депешу, где сказано: «По поводу поданной мне записки усмотрел я, что надворный советник Булгаков, по двум представлениям покойного графа Каменского к господину канцлеру и одному ко мне, не получил еще ордена Св. Анны, а потому и прошу уведомить меня, какого именно числа он был представлен, и прислать мне копию с этих представлений», – и проч. До сих пор не могу угадать, кто представил ему эту записку и мог интересоваться мной до того, чтобы он такую депешу прислал. Прилагаю при сем и ответ, сделанный ему генерал-аншефом, и, уж конечно, не по моей просьбе. Посмотрим, что из этого выйдет; а покамест все это для меня очень лестно.

Чина теперь, как ни старайся, не дадут, потому что это противно постановлению; да, сверх того, давно ли я в настоящем? Было б несправедливо мне жаловаться, милый друг; я был щедро награжден и извлек из места своего великую выгоду, то есть знакомства и связи, которые могут быть мне полезны, а также научился различным отраслям службы. Все остальное устроится; генерал-аншеф всегда сможет сделать мне много хорошего и очень ко мне милостив. Если бы ты знал, мой друг, насколько в этом отношении приятно мое место: с добрым начальником и одно слово может сделать человека счастливым, и смею тебя уверить, что мне тут многие признательны и никто меня не

злословит.

Вчера утром был я у Италинского; мы провели часть утра в разговорах. Он много говорил мне о тебе, захотел знать все подробности твоей свадьбы, счастлив ли ты и какова Наташа. Когда я сделал ему описание этого ангела, вот что он мне сказал: «Господин Булгаков, почему не смог я найти в своей молодости такого же ангела? Теперь я один и ничем на этом свете не дорожу; есть у меня друзья, да я редко их вижу. Поверьте мне, это очень печально… Скажите брату вашему, что я поздравляю его с его счастьем и что принимаю в нем самое искреннее участие». А ведь прав добрый старик: каково его существование! Он напоминает мне пьесу о Старом Холостяке.

Рад я очень, что ты видел моего Тургенева и что он тебя от имени Орлова обнадежил; дай Боже, чтобы скорее вышло; тогда-то я рад буду и подлинно доволен. Спасибо государю, что награждает заслуги. Бальменово благополучие всех нас обрадовало; мы были свидетелями его деяний, и поверь, мой милый, никто не позавидовал, а все были рады. Так подлинная заслуга умеет заставить себя чтить. Ах, если бы нашему почтенному Ивану Васильевичу [Сабанееву] тоже дали! А ему очень нужно! Странная публикация из московских газет много нас всех позабавила: что за чудные мысли!

Дочь Бароцци Диана приехала сюда; она выйдет замуж, я думаю, за коллежского советника Надобу из Белграда, весьма достойного человека.

Благодарю тебя за стихи Нелединского. Красивый экспромт; я показал его Горчакову, который и сам поэт; он получил его одобрение.

Какой здесь странный климат: десять раз на неделе светит солнце и идет снег; сейчас снег идет, как зимой; это несносно. Надобно терпение!

Александр. Москва, 2 апреля 1812 года

Возвращаемся сейчас из деревни, куда ездил я закладывать дом. Устал, иззяб, насилу дотащился на полосках, спешил именно к почте, чтоб тебе написать хоть пару слов. Целый свет наполнен теперь Сперанским и Магницким. Они оба арестованы, первый в крепости, а второй в Шлиссельбурге. Точно преступление их, кажется, неизвестно, а болтни пропасть. По последним письмам, государь император сегодня отправляется в Вильну, где центр всех армий. Высочайшую особу сопровождают Чичагов, Армфельдт, Кочубей, Толстой, Нессельроде и Балашов. Ник. Иванович Салтыков – президент временного комитета, учрежденного для государственного управления по текущим

делам, Вязмитинов – военный губернатор вместо Балашова. Кутузов утвержден главнокомандующим Молдавской армии. Слава Богу, что ты не лишился твоего доброго начальника. Граф Федор Васильевич возвратился из Петербурга; он все так же нас любит, третьего дня у меня ужинал, привез Катеньке гостинец прекрасный. Он едет также скоро в Вильну.

Александр. Москва, 16 апреля 1812 года

Благодарю графа Воронцова за письмо его, тем паче, что оно мне служит доказательством, что он уже не болен. Благодарю милого сего почтенного человека за то, что сохраняет мне свою дружбу. Извещай меня и впредь обстоятельно о Милашевиче. Это остается между нами, а я только сообщаю милому П.П.Нарышкину, который умеет тайну хранить, а мы много ему обязаны за разные хлопоты по Сенату. Ежели верить словам, то Милашевич нагрел себе пазуху там; в таком случае немудрено, чтоб у вас были какие-нибудь несогласия. По-старому ли мне адресовать письма свои, то есть через него, в случае какого-либо несчастья, чтобы письма мои не стали в пень? Главного вашего начальника можно бы сделать одним из сорока Французской академии. Этот говорит по-французски так, что со смеху лопнешь. Уж смеялись мы с Наташей!

Домик мой в деревне строится понемногу, расходов немало, кроме того, так нельзя торопить. Но все надеюсь, что к августу месяцу будет готов совсем, и тогда распрощаемся с Москвою надолго. Детей [то есть двух сестер Шумлянских] берем мы с собою обеих.

Подписал я 12-го числа апелляцию в Гражданской палате, а сегодня подаю апелляционную жалобу в Сенат. Слава Богу, что удалось опровергнуть каверзы поганой этой палаты. Как было нам напакостила! Это стоило нам и расходов, ибо суды сии суть логово разбойников. С этим покончено, и я о том не думаю более.

Государь, отслужив в Казанской молебен, отправился 9-го в армию в Вильну. Граф Александр Николаевич Салтыков правит Коллегией в отсутствие канцлера. Граф Толстой, имевший ссору с полковником Дризеном, догнал Преображенский полк в Порхове, дрался с Дризеном и убил его. 7-го приехал в Петербург английский курьер, после сего появления сахар упал на 20. Здесь уверяют, что скоро мир с турками и что англичане блокируют Царьград; также слух, что испанцы взяли Тулузу. Вся Пруссия занята французами. Вы имеете уже, я думаю, новый военный устав, по коему главнокомандующие жалуют до полковников, дают кресты Георгия, Владимира с бантом, золотые шпаги и Анну на шею, могут судить, расстреливать.

Жерве отставлен, вероятно, за дружбу свою со Сперанским. Знаешь ли, кто место первого заступил? Наш толстый Козловский, которому, сверх того, дан ключ камергерский. Боюсь, как бы все сие не вскружило бедную его голову. Впрочем, я в восхищении, что у этого бедного мальчика появилась наконец перспектива. Его сестры оскорбляют его и отнимают у него имение. Козловский написал им, что требует свою долю имения, но что, ежели ему не дадут ее добровольно, он клянется никогда не прибегать к правосудию. Бесчестно было бы ловить его на слове, а он человек слова. Наш коллежский действительный статский советник Бек арестован. Мезонфор пожалован в статские советники, Урусову дана Анна первой степени, Валуеву пожаловано 3000 десятин около Москвы. Мордвинов уволен, говорят, бессрочно; он был приверженец Сперанского.

Только что вышел манифест о новом рекрутском наборе. С 500 – двух человек. Он очень хорошо написан. Видна другая рука, нежели Сперанского; так говорит отец с чадами своими. Так что манифест был здесь принят с большим воодушевлением. Мне пишут из Петербурга, что во время отсутствия императора Коллегией иностранных дел править будет граф Александр Салтыков. Канцлер едет в Москву, откуда должен отправиться в Вильну, в которой центр всех армий и главная квартира. Александр Михайлович Корсаков назначен туда военным губернатором. Нет еще известий о том, что его величество отбыл, но все говорят, что это будет 9-го или 10-го. Лица, кои сопровождают его и за ним следуют, таковы: канцлер, Чичагов, Кочубей, Армфельдт, Балашов, Аракчеев, Толстой, Нессельроде и адъютанты. Граф Николай Салтыков остается как президент комитета правительства, а Вязмитинов замещает покамест Балашова. Сказывают, что 400 тысяч червонцев, найденные у Сперанского, были отданы в строительные учреждения.

Из последнего твоего письма знаю я, что отец назначен вестиаром[94]. Я его полагаю честным человеком, так что сие место не станет для него прибыльным; но не приведет ли оно его к некоторой выгоде, связанной с самим местом? Мне говорили, что он любит жить и все на русских проживает; не лучше ли бы было дочери отделять? Ты видишь, что единственное мое сомнение в имении, то есть таком, которое бы позволило тебе содержать себя, ее и детей. Ты поэтому подумаешь, что для нас все потеряно; я это не думаю, но лучше не рассчитывать ни на что: более тогда обрадует. Дело в том, что проволочка дела одна уже нас разорит.

Граф отменно ко мне милостив. Дела со злодеями идут хорошо. Все умные люди того мнения, что Бонапарт должен будет

атаковать нас с обессиленными и недовольными войсками прежде осени, или отступить совсем из-за голода, который жестоко ощущать начинают. Выйдет им Россия боком! Государь ожидается вскоре сюда. Алексеев пишет мне преласковое письмо, поздравляя с местом при графе.

Какой он добрый человек и как любит нас душевно. Весь город тебя поздравляет и кланяется тебе.

Константин. Бухарест, 20 апреля 1812 года

Ты, должно быть, давно заметил мои чувства к дочери Варлама. В твоем № 80 ты мне говоришь, что без приведения дел в порядок надобно от всего отказаться. Я и не скрывал своего положения, а напротив, разглашал его; посуди же, каково было мое удивление, когда добрый старик Варлам набросился на меня однажды за мою печаль и кончил тем, что предложил мне свою дочь. Я счел своим долгом сделать ему *точное* описание своего положения и даже сказал ему, что не имею на многое надеяться от процесса, что он может тянуться годами и что даже если мы его выиграем, то все равно как будто проиграем; что, конечно, я люблю его дочь, но никогда бы в том не признался, если б не припер он меня к стенке, и что я неспособен предоставить ей достаточных средств к существованию, что означает принудить ее делить мою нищету и подвергать событиям, коих я мог бы не опасаться, будучи один, а не с женой, что она заслуживает лучшей участи и, разумеется, ее дождется. Он мне отвечал, что она не может иметь лучшей участи, чем принадлежать мне, и что он и жена его будут на вершине счастья, что желают этого очень давно; а что касается состояния, то все еще может устроиться.

А теперь, мой милый друг, не будем спешить, как ты говоришь, ни при каких обстоятельствах, и начнем с самого главного, обстоятельства моего счастья. Я уверен, что буду счастлив с этим милейшим созданием. Два года я изучал ее характер, и я его, так сказать, сформировал, он превосходен. Она не красотка, ей 16 лет, она меня очень любит, и уверяю тебя, что я весьма живо разделяю ее чувство. Окончим на том, что мне скоро тридцать лет, пример Италийского меня пугает; он давеча говорил мне со слезами на глазах о том, как сожалеет, что не женился; и потом, мой милый друг, каково мое положение, какие у меня перспективы? Нынче я обеспечен финансово, но по заключении мира мое жалованье уменьшится до 1000 рублей; можно ли жить на этакие деньги? Я всегда найду себя угол у тебя, но много ли места у тебя самого? Твоя семья счастливо растет, однако ж средства твои не приумножаются.

Варлам дает двести тысяч пиастров приданого за своей

дочерью (в дукате 12 пиастров). В любой стране мира это более чем кусок хлеба, это жизнь, и в Москве в любом случае можно, я полагаю, совсем неплохо устроиться с такими деньгами, либо поместив капитал, либо купив землю. Багратион такими средствами не располагает, несмотря на все прекрасные посулы.

Я служу с удовольствием и с охотой, но всегда ли у меня будет такой начальник, как граф Кутузов? Впоследствии я могу столкнуться со служебными трудностями и буду принужден переносить их, принужден служить везде, где захотят, не имея никакой жизни, и все терпеть. Одно только это размышление склоняет меня к решению, ибо таковы могут быть человеческие обстоятельства. Это ужасно, тогда как с небольшим состоянием я всегда буду сам себе господином и не буду уж трудиться тогда ради одного пропитания. Я посоветовался с Сабанеевым, который питает ко мне братскую дружбу; мы взвесили все обстоятельства, и он заклинает меня не упустить счастия, которое посылает мне Небо: женщину, которую я люблю, и состояние, коим мне, быть может, никогда владеть не придется. Моя будущность, мой разум, мои обстоятельства, мое счастье, да и твое тоже, мой милый друг, так верно связанное с моим, повелевают мне это. Я убежден, что ты порой думаешь о моей будущей судьбе и она тебя беспокоит: в тридцать-то лет, без состояния, без перспективы, да с позорным процессом на руках, вот так положение! И все это переменяется в одну минуту, столь счастливым и неожиданным для меня образом. Я смотрю на это не иначе как на награду Небес за мое теперешнее поведение.

Посуди, милый мой друг, с каким нетерпением ожидаю я твоего ответа и твоего благословения. Я прошу тебя о нем, как отца, как лучшего из братьев.

Александр. Москва, 23 апреля 1812 года

Ну, сударь мой, порадуйся же: 17-го числа в полдень Наташа благополучно разрешилась от бремени сыном Константином[95]. Не сомневайся в том, что ты его и крестишь: выходишь и дядя, и отец крестный. Вообразить можешь мою радость, весь дом в восхищении. Только и как благополучно все совершилось! Слушай. 16-го ввечеру сидел у нас граф Ростопчин. Наташа часто выбегала. Он это заметил и спрашивает: «Не собираетесь ли вы нам подарить наследника?» Посмотрел на часы и, видя, что уже полночь, уехал. Мы поужинали; был тут и Метакса, флотский офицер, которого я очень знал в Неаполе и Сицилии. Легли спать. Ночью не очень хорошо спала Наташа. Мы встали, завтракали. Мне надобно ехать в Сенат по делу. Я прощаюсь с Наташею, оставляю ее в 10 часов на ногах с работою в руках, еду в Сенат;

там подал я нашу апелляционную жалобу, заплатил пошлины в Палате. Долго было недосуг обер-секретарю, наконец вышел; просьба довольно длинна, ибо надобно прописывать все течение и переход дела, читал медленно, много делал вопросов. Наконец кончилось все; я рад, что все порядком, ибо последний день присутствия: в Страстную и Святую бумаг не принимают; могли бы пропустить законный срок. Еду домой в половине второго часу. На дворе первый Кирилло мне говорит: «Вам Бог дал, сударь, сына!» Я и верить не хотел; но выбегают Оленька и Лизонька [сестры Шумлянские], все девки, люди во дворе меня встречают, и тут верить не мог. Божусь, что я только к вечеру пришел в себя. Малютка глазами похож, кажется, на меня, а все прочее маменькино, волосы пречерные, как твои, и бакенбарды, что никогда у детей не бывает. Наташа, слава Богу, здорова, сколько можно было в положении ее. Надобно видеть удивление Катеньки, и как она ласкает братца своего!

Вот моя семейка и подросла. В деревне будет кому нас забавлять. Я очень нетерпелив туда ехать; домик наш строится понемногу. В день рождения Кости был я обрадован письмом от Тургенева. Он меня уведомляет, что определен на место Магницкого, но со званием токмо помощника статс-секретаря в Совете по законодательному департаменту. Это прибавляет ему еще 3000 жалованья, сохраняя прочие должности и оклады.

Сестра его Наталья Путятина взята во дворец с пожалованием столовых денег по 8 рублей в день. Лонгинов взят в секретари к императрице Елизавете Алексеевне. Государь изволил отправиться 9-го из Петербурга из Казанского собора, где пето было молебствие. Как он стал садиться в коляску с Толстым, один мужик подал государю сайку, говоря: «Возьми, государь, на дорогу на здоровье». Император, приняв сайку, заплакал. Народ, увидев это, закричал: «Ура! Счастливый путь!» Мне пишут, что сцена была очень трогательная.

Неизвестное лицо. С.-Петербург, 10 апреля 1812 года

Окончив вчерашний день около первого часу письма мои к разным лицам и в разные места, по прекраснейшей погоде побрел я гулять. Идучи, кроме благорастворенного воздуха, без предмета, очутился я на Невском проспекте и между необыкновенным столплением людей. «Что сие значит?» – вопросил я с удивлением. Как ответствовали мне с большим удивлением в таковом же вопросе: «Разве ты не знаешь, что царь наш едет в Казанский на молебствие? Он после отправляется в путь». Тут я и опричь хорошей погоды получил еще лучший предмет. Я пустился в Казанский собор. Стечение всех состояний было чрезвычайное.

Два митрополита [то есть Новгородский Амвросий и Киевский Серапион] с прочим знатнейшим духовенством ожидали возлюбленного Александра на паперти. Солнце взошло и закатилось; опять взойдет, но скоро ли? Это вопрос, который зависеть будет от обстоятельств. Государь в слезах простился с нами, народ кричал «ура!» Какой-то мужик в тряпице подал ему на дорогу сайку. С восхищением отец принял дар сей от верноподданного и сам отдал его спрятать кучеру своему Илье. В дорожную коляску сел с государем обер-гофмаршал граф Толстой. И так прямо от Казанской полетел он туда, где важных происшествий ожидать надобно. Мы молились с коленопреклонением о том, чего вся Россия повелителю своему желает. При целовании креста митрополит Амвросий благословил его образом, поднесенным в бархатном футляре.

Сим кратким уведомлением спешу загладить мое неведение пред Александром Яковлевичем. Да скачет и он в Вильну с графом Ростопчиным! Смотрите, работайте хитро, как до вас дело дойдет. От вас много хорошего ожидаем. Не пренебрегайте тем, который изворачивается мелким бесом. Надобно вертеться, а не думать, как тот генерал: *мы его шапками закидаем.* Подобные суждения не приведут нас к успеху. Я сказал, что было на сердце. Простите, до пятницы. Пора приниматься за кучу писем по Белорусскому тракту. Важнейшее к благодетелю моему Дмитрию Прокофьевичу [Трощинскому]. Ежели вы отправитесь, то желаю вам счастливого путешествия. Принудьте к миру того, который до сих его диктовал другим. P.S. Говорят, что австрийский посол хочет продавать свои вещи. Ни одного иностранного министра не было на молебне.

Александр. Москва, 24 апреля 1812 года

Ласки графа Ростопчина столь к нам явны и чистосердечны, что я хотел, чтобы он Костю крестил; но меня, хотя и с трудом, отговорили от того, уверяя, что Софья[96] и другие кумушки начнут болтать, что тут чванство и жадность к подарку, который сделать должен кум матери. Я решился графу сказать после, что не смел его просить, крестить же будешь ты (заочно) с Пашенькою[97]. Вот тебе и племянник, и крестник. Приложенная при сем записка графа Ростопчина докажет тебе, как он нас любит[98].

День рождения малютки моего Константина также и день рождения моего или, скорее, нашего милого Волкова. Сия встреча есть добрый знак.

В день Пасхи (кстати: Христос воскресе!) было открытие статуи великой Екатерины в Благородном собрании. Она

бронзовая и работы Мартоса. Праздник не вышел. Иван Иванович Демидов и другие директора имели глупость велеть выгравировать их имена на пьедестале статуи. Смешать имя бессмертное с именами этих скотов! Уверяют, что войны с Францией не будет, но верно то, что государь отказал иметь свидание с Наполеоном.

Этот иллюминат Сперанский нам пакостил в Петербурге: это теперь видно. Разве не искал он всеми своими делами и манифестами взбунтовать дворянство? И наше дело было натурально возбудить негодование всех честных людей. Говорят, что он и в ссылке своей в Нижнем Новгороде успел напроказить. Боялись, что он вынырнет опять, но Шишкову дано уже его место.

Нормандия вся охвачена возмущением; другим провинциям не доверяют, и отсюда это устрашающее вооружение во Франции. Молодой Тюфякин (венский) сделан помощником Александра Львовича по театрам. Этот, будучи тем не очень доволен, говорит: «Я не могу тотчас выказать ему доверие, доверю ему для начала марионетки и театры на качелях».

Константин. Бухарест, 1 мая 1812 года

Слышал я о Ростопчине как о человеке весьма любезном; береги его дружбу, она может тебе быть полезна, ибо люди его достоинства недолго остаются без места. Сердечно я рад, что милый наш Тургенев награждается. Понемножку, брат, добрые подвигаются вперед, и в этом поколении, которое нынче вперед подвигается, у нас есть несколько друзей: Воронцов, Бальмен, Уваров, Гагарин и проч. и проч. Наш Сабанеев сделан начальником генерального штаба и стал еще более на виду. Нынче мы все обедаем в деревне в его честь, по-военному, с певцами и музыкой; надеюсь, будет весело. Какой превосходный человек и превосходный друг! Уверяю тебя, что всякий день я имею новые доказательства его привязанности; несмотря на его занятость, если не вижу его день, уверен, что назавтра он уж у меня. Турчанинов сделан дежурным генералом, вот еще весьма честный человек, с которым я в совершенной гармонии. У нас начинают вводить новую организацию, и выбор лиц делает величайшую честь генерал-аншефу и доставляет величайшее удовольствие армии.

Я очень рад, что меня не послали в Париж. Куда нам! Здесь я могу быть полезнее, да и для меня лучше: место важнее. Должен рассказать тебе о предложении, которое сделал мне Италинский, который, как ты знаешь, питает ко мне большую дружбу. Бобров не хочет ехать в Константинополь. Италинский предлагает мне заменить его, и зовет меня с такой настойчивостью и столь

лестным образом, что, по правде, не могу ему отказать. Впрочем, это очень хорошее место, я там буду с теми, кого хорошо знаю и кто меня любит. Если мир заключат, на какое место могу я надеяться? Не хотел бы я оставаться в Петербурге без дела, я уж так не смогу, обретя привычку трудиться, и притом много. Он хочет просить обо мне канцлера и императора, генерал-аншеф, конечно, его просьбу поддержит.

Дело это еще не решенное, и, когда будет что-нибудь более положительное, я тебе о том напишу; а покамест хотел тебя уведомить, ибо не совершаю и никогда не совершу окончательного шага без твоего совета и согласия. Отвечай мне на это, милый друг. Константинопольская миссия единственная, где можно жить на небольшие средства и без больших трат; жалованье секретаря 1800 рублей, уже кое-что. Он имеет кров и стол у посланника, так что на эти деньги можно жить.

Константин. Бухарест, 4 мая 1812 года

Милый, любезный брат! Сабанеев опять имеет к тебе просьбу, которую усмотришь из прилагаемого при сем его письма. Деньги, как прежде, отдай в Опекунский совет; что же касается до сироты, которого он тебе поручает, зная твое сердце, я спокоен насчет будущего его бытия. Новая черта редкой души Ивана Васильевича: имея сам весьма малое состояние, он берет на воспитание сирот, и не одного, а четырех, знаю. Я с ним долго говорил о том, которого он тебе поручает. Мое мнение, на которое и он согласился, есть следующее. Сирота этот не будет иметь никакого имения и никаких доходов, следовательно, и должен он с этих лет узнать нужду, привыкнуть к ней, а потому не знаю, полезно ли бы для него было, если бы отдали его в Университетский пансион. Он бы тут привык к содержанию, которого бы впредь никогда иметь не мог; особливо если попадет в службу унтер-офицером. Лучше определить его просто в Университет на казенное содержание или же, если нет вакансии, то все-таки туда определить с платою сколько приходится, – разве большую найдешь разницу в воспитании и учении между пансионом и Университетом? Все это предоставляет тебе Сабанеев, уверен будучи, что ты, будучи на месте, к лучшему все устроишь. Коль скоро учредится, то напиши к его брату Николаю Васильевичу, от которого прислан к тебе будет сирота. Теперь моя к тебе, милый брат, просьба: будь ему отцом, не только о нем наведывайся, но по праздникам бери его к себе и тем утешай несчастного в горестном его положении. Бог тебя за это не оставит, а Иван Васильевич вечно тебе за это будет благодарен. Как только найдешь средство устроить сироту или поместить его,

напиши о том Сабанееву.

Александр. Москва, 6 мая 1812 года

Закревский имеет славное место при военном министре, место весьма доверенное: он заместил Воейкова (сына того негодяя, что управляет кузиной), коего удалили из Петербурга за некоторые весьма двусмысленные поступки. Все радуются фортуне Закревского, он отлично уважаем всеми. Ба! Ба! Да это он, верно, Барклая навел на тебя. Спасибо ему, доброму человеку! Граф Ростопчин, коего не стал я просить крестить моего Костю из ложной скромности, меня в том горячо упрекнул и потребовал у Наташи другого сына на будущий год. Он был у нас вчера со своим червонцем. У Наташи их уже 40 штук. Будет на что жить целый месяц. Казна не платит; князь Василий, в свою очередь, нам тоже не платит. Строение наше в деревне по сему приостановилось. Мы скоро уже туда собираемся.

Экзаменов нет более для вступления в 8-й и 5-й классы. Мезонфор был первый, которого без экзамена произвели в статские советники.

Письма свои адресуй по-прежнему: в Немецкую слободу, в собственный дом близ Салтыкова моста. Акиму поручено доставлять мне письма прямо в деревню; он для этого живет в доме. Его теперь нанял Сергей Львович Пушкин. В городе теперь только и разговора, что о дворянском споре. Я тебе писал, что собранными от московского дворянства деньгами вылита трудами Мартоса бронзовая статуя императрицы Екатерины II. Монумент сей, поставленный в зале Благородного собрания, открыт был в день Пасхи. На пьедестале директоры не написали года и числа, а намарали свои имена. Публика была шокирована тем, что какие-то безвестные имена, и ничуть, к тому же, не прославившиеся в царствование сей государыни, смешиваются с ее образом. Так что было представлено предложение, коим просят вынести решение путем баллотировки, удобно ли стереть сии имена или надобно их оставить; бумага подписана почти всеми членами. Это главная новость дня, и мнение сие так выражено, что сказывают, будто директоры, не дожидаясь баллотировки, сотрут имена свои с монумента. Старик Валуев первым подписал протест, но что весьма забавно, это то, что как он старейший из членов, то его имя первым и красуется на монументе. Кто-то сказал: «Господа! Когда вы были последовательны в своих поступках – тогда или теперь?..»

Все разделились на директористов и стиральщиков, но первые куда менее многочисленны. Славный князь Дмитрий Петрович Волконский очень отчаянно болен. Странная болезнь:

правый глаз плачет кровию. Говорят, что это выпитая им солдатская кровь.

Третьего дня обедала у нас и целый почти день сидела тетушка [Мавра Ивановна Приклонская; дальше говорится про ее дочь и зятя]. Она дулась на тебя за утаение твоей поездки в Петербург. Голицыны, не имея возможности тебя иначе атаковать, вбили ей сие в голову. Я ей это доказал с величайшей очевидностью. Надобно знать, что их дела дошли до того, что они принуждены все продать, и слова не сказав тетушке; они продают дом в Сущево Николаю Гагарину за 32 000, а месяц спустя вешают афишку на городском доме, что и он продается. Иду к тетушке; все один разговор: «Я с тем в гроб пойду, что вас люблю как детей; только Константин доказал, что меня не ставит ни во что». – «Почему? Он вас почитает как мать и любит душевно». – «Какая это любовь! Не сказал ни слова и скрыл, что едет в Петербург тогда. Кому более участия принимать в делах ваших, как мне не любить вас? Князь Сергей Иванович и княгиня, конечно, этого со мною не сделали бы никогда». Тогда она от меня узнала, что дом был продан без совета с нею, а другой – уже в газете, тогда как ее и не думал никто предупреждать. Она сделала вид, что на них сердита, и спросила у них, почему они в неведении того, в чем в свое время так тебя упрекали. Они увидели, что попались в собственные сети, а я доказал тетушке, что она не должна ни на кого сердиться. Тетушка наша – добрейшая и славная женщина.

Александр. Москва, 14 мая 1812 года

По отправлении последнего моего письма поехал я на несколько дней в подмосковную; воротясь же оттуда, получил приказание явиться тотчас к Волкову. Он вручил мне неоцененное твое письмо № 11, с эстафетою сюда доставленное. Милый и любезный брат, я тебе описать не могу, сколько я был нетерпелив распечатать пакет. Волков ждал известия о заключении мира с турками; но мир бы меня никогда не мог так обрадовать, как сообщаемая тобою радость. Она прочно основывает благополучия твоей жизни. Твой будущий жребий меня часто приводил в грусть. Я часто делал сам все те размышления, коими наполнено твое письмо. Они все основательны и неоспоримы. Хвала Всевышнему! Он нас не покидает. Я и заступников наших узнаю: это Яков и Катерина[99].

С чего же мне начать? Прежде всего тем, что мне очень прискорбно, что долго будешь ты в ожидании моего ответа; но как быть? В почтамте не взялись отправлять эстафеты ни в Яссы, ни в Бухарест; это не бывало еще, и все наши труды были тщетны.

Можно бы послать до границы, но как бы дошло оттуда до тебя? Я принужден тебе писать по обыкновенной почте. Мысль заставить тебя столь долго ждать крайне меня огорчает; но как быть, ежели нельзя иначе? Я был горячо взволнован всем, что ты мне говоришь о твоем почтенном и любимом будущем тесте. Его благородное и великодушное в твоем отношении поведение снискало мое уважение и всю мою любовь. Сии чувства всегда будут переполнять мое сердце. Пусть Небо благословит твой союз с сим ангелочком, который зовется Машею, пусть пошлет оно вам всевозможное благополучие, и если надобно, пусть отрежет от моего счастья, чтобы сделать твое совершеннее.

Государь отказался видеться с Бонапартом, а созывает конгресс, на который с французской стороны едет в Кенигсберг Талейран.

К несчастью, одного увольнения от Каменского[100] не довольно, чтобы ехать в чужие края; надобно обратиться к Румянцеву, а одно это имя мне показывает отказ или неудачу; но я еще долго стану о сем думать, прежде нежели откажусь совершенно. Тебя не было на моей свадьбе; разве придется мне отплатить тебе той же монетою? С какой радостью поплясал бы я на твоей свадьбе, даже и казачка, если б пришлось! Как нежно расцеловал бы я того, кто должен будет заменить тебе отца; с какой гордостью поздравил бы я его с счастием его дочери! Вас-то как бы я прижал к сердцу, как бы душевно вас благословил! Постарайся уговорить своих новых родителей перебраться в Россию, особливо если вскоре сделается мир. До мира я могу согласиться жить без тебя; но после мира, ежели ты тотчас сюда не воротишься, я еще буду верить, что у меня есть брат, но друга потеряю; надобно будет изгнать из сердца моего предмет, который заполняет его почти исключительно со времени ранней юности. Этого, брат, я не перенесу, и пеняй на себя после, ежели мы не будем жить женатые, как жили холостые. Наташа любит Машу уже без ума. Я вижу отсюда их дружбу, нежную связь.

Еще дам тебе совет очень хороший. Деньги здесь редки теперь, множество продается теперь дешевых деревень. 200 тысяч делают столько же рублей, еще и более, а за 200 тысяч можно теперь купить деревню, приносящую 20 000 годового дохода. Поговори о сем с добрым старичком и посоветуйся; право бы, хорошо было перевести сюда деньги на покупку имения хорошенького. Волков чрезвычайно в сем уверен, и меня также убедил. Так что я тебе советую, по получении сего письма, написать тетушке, князю Василию, Голицыным, П.П.Нарышкину и графине Куракиной и объявить им о помолвке твоей с девицею Марией, дочерью г-на Варлама, вестиара княжеств Молдавского и

Валахского; и пусть невеста твоя прибавит приписку своею рукою. Это всем доставит удовольствие. А покамест буду развлекать их вздором, что тем более легко, как уже поговаривают некоторое время о твоей женитьбе.

Константин. Бухарест, 16 мая 1812 года

Узнаете ли вы или не узнаете, что у нас новый начальник: адмирал Чичагов сменил графа Кутузова на посту командующего. Последний призван, весьма лестным образом, в Петербург, получать награды за свои услуги и труды. Снова надобно мне привыкать. Это уже мой третий начальник, и снова человек, коего я совсем не знал и который едва ли знал и о моем существовании. Бог хочет, чтоб и этот был для меня как его предшественники. И почему бы тому не быть? Я неукоснительно исполняю свой долг и не мешаюсь в то, что до меня не касается.

Признаюсь тебе, что поведение адмирала мне очень нравится; характер его в роде Каменского; никаких фраз, но говорят, что если он к кому поимеет доверие, то на всю жизнь станет ему другом и горячим покровителем. Все эти качества превосходны. Богу угодно, чтобы я всегда имел случай этим воспользоваться. До сей поры не имею на него жаловаться, и день ото дня все лучше. Этим я обязан, вероятно, друзьям своим, которых он, кажется, ценит: Италинскому и Сабанееву. Убежден, что и генерал говорил ему обо мне хорошее, ибо кажется мне, что не могу сомневаться в чувствах последнего на мой счет. Давеча дал он мне недвусмысленное доказательство своей ко мне доброты. Он представил меня к званию статского советника и поддержал формальное представление партикулярного письма графу Румянцеву, которое меня, по правде, умилило. Я не заслуживаю всего хорошего, что он говорит обо мне. До сих пор я был крайне счастлив со своими начальниками. Богу угодно, чтобы так всегда продолжалось. Граф на днях едет в Петербург. Сожалею я о двух его адъютантах, которые с ним поедут, о Дишканце и Панкратьеве, превосходных и честных молодых людях и больших моих друзьях. Знаешь, кто был здесь? Наш добрый друг Грейг. Он сохраняет к тебе живейшую признательность за все дружеские чувства, которые вы с Наташей ему выказали. Он от всего сердца порадовался, узнав о рождении господина Константина, и повторил мне все, что ты мне писал о Катеньке.

Из других лиц адмиральской свиты знаю я Поленова, который был секретарем в нашей Коллегии и который, кажется, премилый человек. Он начальник канцелярии, по новому распорядку, то есть под его начальством объединены бывшие канцелярии Кайсарова и князя Горчакова. Эти двое господ нас покинули, да

невелика печаль. Я же свое место, независимое от новой канцелярии, сохраняю; все очень хорошо устроилось. Генерал Ивелич тоже здесь, ты, должно быть, его помнишь: ты видел его у Алексеева в Петербурге. Это тот, который женился на сестре Натальи Алексеевны [Колтовской]. Вот почти все, кто прибыл с адмиралом, да еще молодой Стурца – переводчик, с которым я еще незнаком. Думаю, что говорил тебе обо всем, что относится к этому событию. Адмирал – человек справедливый и умеющий ценить службу каждого, это все, что мне покамест нужно; надеюсь, что он будет доволен по крайней мере моими усердием и точностью.

Я был бы очень рад, мой милый друг, если бы ты мог служить с графом Ростопчиным, ибо по всему, что вижу, он питает к тебе дружбу, и пора уж, чтобы что-то сделали для тебя. Держись его, милый мой, он всегда делал добро: это ведь ему мы обязаны ассесорским званием; надеюсь, что буду ему еще более признателен за то, что сделает он для тебя и что занимает меня гораздо более, чем то, что станется со мною. Никогда бы не угадал я назначения Козлова [Ивана Ивановича, будущего поэта]. Ежели он остепенился, то хорошо; ибо в прочем он и по душе и по разуму предостойный малый.

Константин. Бухарест, 20 мая 1812 года

Надобно мне ехать в турецкий генеральный штаб, что займет у меня две или три недели; так что не беспокойся, если в это время не будешь иметь от меня известий. Я очень радуюсь, что увижу снова Шумлу, перед которой были мы с графом Каменским.

Александр. Москва, 20 мая 1812 года

Получил я письмо от Тургенева. Он сделан третьим членом Комиссии о составлении законов, то есть князь Лопухин, Розенкампф и живчик наш, который, сверх того, сделан директором училища высшего правоведения. Пошел в гору молодец! И этого женить надобно. Я поглядываю на нашу милую княжну Полину, и потом надобно обязательно женить Фавста на Лизон[101]; я уж ему о том написал. Пожалей, милый мой, о бедной Соковниной[102]: она почти без надежды, все тело с правой стороны поражено апоплексическим ударом. Уже семь дней, как она утратила дар речи и почти без сознания. Можешь вообразить себе горе всей семьи. Наташа не подозревает об этом несчастий; еще месяца не прошло, как она оправилась от родов; не хочу ей говорить, я почти ее не оставляю, из опасения, как бы по неосмотрительности кто ей не рассказал о положении сестры ее.

У меня голова не в себе, и ежели бы не к тебе писать, то и пера бы в руки не взял. Это такое несчастие, подобный удар в 24 года. Даже ежели она поправится, то останется калекою или же не владеющей каким-нибудь членом. Много обвиняют акушера Рихтера, который оставил ее пять дней после родов с запором и не делал ей промываний. В городе только и разговоров, что о сей бедной Софье. Ох, нет Мазаровича: он бы ее спас, а то наши л од еры головы потеряли.

В Вильну приезжал от Наполеона полковник Нарбон с каким-то важным препоручением; его очень поласкали, но отпустили с тем же, с чем приехал. Румянцеву от паралича, говорят, получше. Лористон собирается ехать. По последним письмам, звал он в Петербурге всех на прощальный бал, детский. Испанцы взяли Байадос и сделали 4000 французов пленными. Французы должны были оставить блокаду Кадикса и оставили Мадрид без защиты. Наполеон болен ногами: это все сей египетский лишай гуляет в теле. Князя Алексея Ивановича Голицына сын Иван (Горбун), женатый на Мельгуновой и ею брошенный, умер на сих днях, также и Наталья Петровна Волынская. Бедный Жанно[103] завтра едет к вдове Бальменовой; еще сам не знает, где отыскать сестру и как объявить ей о ее несчастий. Кстати! Антонио принялся к А.Д.Нарышкиной, учителем к сыну ее; квартира, стол, свечи, все содержание и 700 рублей в год. Я очень рад. Мы едем в деревню на лето, а ему по Университету нельзя отлучиться из города.

Александр. Москва, 28 мая 1812 года

Несчастие, которого мы опасались, свершилось: Софья Васильевна, после больших мучений, продолжавшихся шесть дней, скончалась в прошлую среду, в три часа ночи. Вся семья погружена в печаль, весь город ее разделяет. Больно видеть 24-летнюю женщину, здоровую, мать троих детей, оставляющую свет. Меня очень это перевернуло; я несколько ночей там провел утайком от Наташи, которой не знаем еще, как объявить о смерти сестры. Князь лежит и мучается спазмами, а княгиня в положении, которое нас пугает: она не плачет, у нее род исступления. Это совершенная тень, кашель у нее очень плохой. Каково же мне все это скрывать еще от жены! Я ее не оставляю на минуту: боюсь, чтобы сорванец какой-нибудь ей вдруг не брякнул; мы ее готовим понемногу. Признаюсь тебе, что в сии дни я сделал более горестных размышлений, нежели во всю жизнь мою. Я уговорился с князем Ростопчиным, коего жена моя чрезвычайно любит: это он ей скажет, что Софьи нет более. А покамест я всякий день готовлю ее к этому несчастью.

Фельдмаршал наш[104], по вторичной просьбе, уволен

наконец, по милостивому рескрипту, при коем посылается ему портрет императорский, для ношения на себе по установлению. Твоего начальника[105] ожидают в Петербурге. Иные сюда его шлют на место Гудовича, а другие – графа Ростопчина. Жалею душевно, что ты лишился Кутузова. Как-то тебе будет с Чичаговым? Ежели пойдет на лад, то славно, ибо ему очень везет теперь. Но все это теперь побочное дело. Истинное твое и прочное счастие в руках у милой Маши. Граф Ростопчин очень меня задирает; он у меня обедал вчера без всякой церемонии; был только он, милый Микелли, да я с Наташею. Сбираюсь в деревню, а граф пари предлагает, что я не поеду; спрашивает, давно ли я в моем чине, и проч. Наташе сказал он: «Что бы вы сказали, сударыня, если б после поездки в Петербург ваш муж воротился и представился бы вам задом наперед?» Мы пытались разгадать эту загадку, а граф сказал, смеясь, что это для того, чтобы показать мой камергерский ключ. Ты не поверишь, какую привязанность к нам он выказал в постигшем нас несчастий. Он почти всякий день приходит.

Вильна сделалась главною пружиною Европы. Бискупский палац сделал подрыв Тюильриям. Туда приезжал от Бонапарта граф Нарбон с комиссиею. Он очень был обласкан государем, но Жан уехал с тем, с чем приехал, и в восхищении от состояния и выправки наших войск. Приехал туда также шведский чрезвычайный посол; ожидают также скоро Шварценберга. Бенигсен в большой милости и опять в действительной службе. Иные говорят, что Румянцеву от паралича лучше, а другие, что он умер. Весь город наполнен известием о мире с турками, но нас так часто обманывали, что я уже не верю.

Лобанов рижский отставлен за то, что выпустил из Риги 7 транспортов с хлебом во Францию, где голод так велик, что правительство платит по 130 франков за всякий куль муки.

Константин. Пера Константинопольская, 5 июня 1812 года

Человек предполагает, а Бог располагает. Вот, мой милый и добрый брат, я и в месте нашего рождения, где все мне еще более живо напоминает и о том, что я потерял, и о том, что мне осталось. Я испытал очень приятные чувства, снова увидев наш дом в Буюкдере. Я все узнал; то же, что позабыл с той поры, возвращается мне на память. Я ходил из одной комнаты в другую, с места на место, будто надеялся где-нибудь отыскать тебя, снова увидеть милых наших родителей; так я волновался все то время, что был в нашем доме.

Ты удивишься, узнав, что я здесь. Право, я и сам удивлен не менее твоего, да ведь что только удивительного не случалось со

мною с тех пор, как я служу? Я в восхищении от поездки, хотя и весьма утомительной, ибо из Шумлы должен был я возвращаться верхом, делая по 80 и по 100 верст в день. Уверяю тебя, что вечерами трудно мне было садиться, и я весьма сожалел о том, что некоторая часть моего тела не железная. Балканский перевал очень живописен, он окружен ущельями, и какие виды открываются на каждом шагу, это восхитительно! Здесь все помнят батюшку, все нас знают, и я не могу довольно нахвалиться приемом, который мне всюду делали, где я представлялся. Если б не притягивало меня к Бухаресту кое-что, то хотелось бы мне проводить некоторое время здесь, но то не от меня зависит: когда служишь, то дела и определяют время пребывания; мое же время, я думаю, будет недолгим. Надеюсь по своем возвращении найти в Бухаресте письмо от тебя, которое так жду. Если Сабанеев найдет средство пересылать мне сюда твои письма, он это, конечно, сделает, но я такой возможности не предвижу.

Русский дворец в Пера сгорел, но старый стоит. Помнишь фиговое дерево внизу? Так вот, оно все то же. Как все здесь прекрасно, не могу наглядеться. Не зная, сколько времени здесь пробуду, стараюсь все повидать; по виду меня можно принять за сумасшедшего или человека, который никогда не видал ничего прекрасного; даже Клим в восторге. В Шумле я был два раза у великого визиря, оставался более трех часов с ним. Он не любит церемоний и любит беседовать с иностранцами. Он меня очень хорошо принял, по-парадному, это была форменная аудиенция; после же он всех отослал, и тот самый человек, который за миг до того был облечен всем своим достоинством, оставил важный и величественный свой вид, и я нашел в нем очень любезного человека. Мы даже поговорили о женщинах; он мне дозволил навещать его, тогда и так часто, как мне того захочется; словом, я в восхищении от его приема. Тебя удивила бы безопасность, с какой здесь теперь путешествуют, и все это благодаря суровости великого визиря, который, как только к нему приводят вора, велит рубить ему голову. Я был с моим драгоманом, одним из наших курьеров, Климом и в сопровождении единственного татарина великого визиря; так вот, мы ни с кем вовсе не повстречались, несмотря на то, что я несколько раз ездил ночью из-за сильной жары.

Александр. Москва, 11 июня 1812 года

Хотя это не в порядке вещей, но я тебя поздравляю первый, а не ты меня, с заключением мира с турками. Это неожиданное известие крайне меня обрадовало. 8-го встаю я рано, скачет ко мне ординарец; граф Федор Васильевич извещает меня запискою,

что в ночь получил курьера из Вильны, что 10-го мир подписан, и чтобы я приезжал обедать к нему, ежели хочу знать подробности.

Дай Бог, чтобы ты был отправлен к нам с султанскою ратификациею; тогда бы завернул ты и в Москву. Во всяком случае, старайся иметь хоть отпуск месяца на четыре. Поработав столь хорошо, ты имеешь право на короткий отдых. Москва в восхищении; цены всему, видимо, упадают. Привезший известие адъютант Балашова Протасьев получил подарки: от дворянства – богатую табакерку, от купечества – блюдо серебряное в 300, от графа [Ростопчина] – брегет с надписью в 1200, от губернатора – табакерку в 700 и проч.

Твое письмо № 12 пришло очень кстати. Мир бы меня радовал, но я бы печалился, что Костя мой опять без хорошего места. Ты меня успокоил, ибо я уверен, что ты ни минуты не колебался принять от доброго Андрея Яковлевича [Италинского] предлагаемое место Боброва. Бери, бери скорее! Оно выгодно; кроме того, ты увидишь твою родину, стены, где ты родился, театр батюшкиной славы. Какие напоминания! Ты в буюкдерском доме и саду найдешь почти следы батюшкины: явятся старые знакомые и друзья даже. Италинский тебя будет выводить и готовить на свое место; тогда турки будут говорить с сердцем: «Аллах, аллах! Эти чертовы Булгаковы возрождаются из пепла. Нам дают сына того, кто отнял у нас Крым». Право, брат, поезжай.

Графу, кстати, пора тебе сказать, что твое предсказание насчет графа Ростопчина сбылось: он в самом деле назначен генералом от инфантерии и генерал-губернатором Москвы на место Гудовича. Он уже неделю, как водворился, к великому удовольствию всего города. Император сказал в рескрипте, который возвещает графу мир, что Италинский уже отбыл, чтобы занять пост чрезвычайного министра в Константинополе.

Мне, кажется, тоже фортуна улыбается, ибо граф нас любит не на шутку (что называется). Он хочет, чтобы я служил обязательно; вчера он у нас был и сказал мне: «Я сделал фортуну многих людей, кои не имели ни ваших способностей, ни ваших заслуг. Я буду ревностно продвигать вас по службе». Кажется, после всего, что я буду начальником его тайной канцелярии, с хорошим жалованьем. Он мне предложил это место, и я с радостью согласился. Граф мне сказал напоследок: «Итак, решено», – и обнял меня. Так что скоро смогу я тебе объявить новость, что я снова при деле, я сему рад, ибо праздность мне докучает.

Придется мне часто разлучаться с Наташей, но что делать? У меня дети, надобно трудиться. Я в восхищении, что Полина проведет лето у нас: Наташе будет веселее. Весь город знает, что

граф нас любит, – да что там! – весь город убежден, что я буду играть важную роль. Надобно видеть пируэты и низости, кои мне выделывают, это мне-то, кто всего лишь in petto; это токмо догадки, ибо я говорил только тебе и написал Фавсту. Сам граф никому не говорил, кроме Волкова, коего уже много любит, прежде всего за него самого и потом за все то, что знает о нем от меня.

Канцлер все хуже и хуже. Второй удар изуродовал ему правый глаз, его часто рвет. Думают, что третий удар его прикончит[106]. На его место прочат миротворца Чичагова и между прочим князя Зубова, который снова вынырнул, также еще Кочубея. Увидим.

Александр. Москва, 25 июня 1812 года

Желаю узнать, как тебе у Чичагова; видно, добрым у него хорошо, ибо Барощци и Филлия прогнал он (как пишут мне) к Салтыкову, в Петербург.

Я по-прежнему собираюсь служить при графе Ростопчине; он осыпает меня ласками. Вчера он приехал к нам в сюртуке, инкогнито, в дрожках и до полуночи просидел. Буду искать поместить хорошо доброго Фавста, я уже говорил о нем графу, равно как и о друге Микелли, который будет обер-полицмейстером[107].

Французы вступили 13-го в Ковно; ты это увидишь из приложенного здесь печатного рескрипта. Дадим мы им! Россия велика, где им ее завоевать? Мемель перешли 40 тысяч с Макдональдом и Даву. Им дают продвигаться; по-видимому, князь Петр Иванович Багратион зайдет им в тыл. Бог Российский велик, благословит наше оружие.

Александр. Москва, 2 июля 1812 года

Я вижу по письму твоему то, чего лучше желать нельзя было: ты не разлучился с милой Машей, ты при Павле Васильевиче [Чичагове], и он тебя любит и протежирует. Слава Богу, я спокоен. Нас душевно обрадовало все то, что ты пишешь о новом твоем начальнике. Узнав тебя хорошо, желать он будет составить твое счастие, а он имеет большой кредит, а потому и более средств, нежели его два предшественника. Алексей Самуилович [Грейг], верно, тебе тоже помог в мыслях Павла Васильевича; я его еще более люблю за это. Грейг из тех людей, коих редко в жизни встречаешь.

Я уверен был, что рождение моего Кости тебя обрадует; нет, сударь, изволь подивиться вот чему. Волков приехал из деревни и, увидев Костю, отскочил вчера с удивлением. Что такое? «Боже

мой, да это живой брат твой», – сказал он мне. Все, кто приходят посмотреть на моего малютку, поражаются сходством его с тобою, и не без основания. Подлинно, что, будучи брюхатою, Наташа, глядючи на твой портрет, все твердила: «Ежели бы я могла родить такого мальчика, как Константин». Так и сделалось. Теперь у меня и у всех одно во рту, чтобы Костя и душою, и умом на тебя походил. Что до Катеньки, это законченная плутовка; она двигается как кошечка. Любит она удивительно графа Федора Васильевича. Когда он нюхает табак, она на него смотрит, смеется и передразнивает. Граф уверяет меня, что, когда у него дурное настроение, он идет к нам, чтобы поотдохнуть с Катенькой.

Я прочитал графу Ростопчину твою о нем статью, ибо при нем получил я твое письмо. Он был ею польщен и сказал мне: «Скажите Константину Яковлевичу, что я его надежду оправдаю! – А после добавил, глядя на меня с улыбкою: – Мы будем ладно жить». Балашов ему пишет, что его величество согласен, чтобы я служил при графе, и что указ на сей счет будет незамедлительно отправлен в Коллегию иностранных дел. Вчера граф мне сказал, что велит обустроить для меня крыло в доме генерал-губернатора, в коем будет скоро жить, что мне там и всем моим будет удобно. Так что вот, сверх жалованья, и квартира, и отопление. Это меня ободрит.

С французом все хорошо. Мы уклоняемся от генерального сражения, и это их бесит. Они умирают с голоду. 24 июня у них было сухарей только на три дня. Во всех мелких сражениях мы до сих пор имели преимущество. Особливо кавалерия наша чудеса делает. Я тебе не посылаю бюллетеней, ибо ты их, верно, получаешь. В последнем упоминают капитана Галева 1-го, который, будучи послан на рекогносцировку со своим эскадроном, был окружен тремя полками неприятельской кавалерии. Он и не подумал сдаваться, а проложил себе путь через столь многократно превосходящие силы неприятеля, убил множество народа и двух эскадронных начальников. Известно, что три командира полков были расстреляны их милым господином. Это событие дало французам представление о мере сопротивления, кое найдут они у нас, и о превосходстве нашей кавалерии над их. Мы провалили первоначальный план Бонапарта разбить нас порознь, ибо все сии отдельные удары объединились с первой армией Барклая, и теперь я узнаю, что соединение Багратиона с великой армией состоялось 25-го. Начало прекрасное! Дай Бог продолжения.

Константин. Бухарест, 16 июля 1812 года

Возвратясь 13-го числа сего месяца из Царьграда, первое мое стремление было кинуться на твои милые письма, коих столь долгое время был лишен и коих нашел здесь много, от № 90 до 95 включительно. Как описать тебе радость мою, читая их, мой милый, добрый брат! Твое согласие, твои советы, всякое слово твое трогало меня до слез; я бы тотчас все кончил, но торопливость в столь важном случае могла бы повредить. Чем более люблю я добрую Машу, тем более должен пещись устроить наперед будущее нашего состояния и иметь что-нибудь в руках. Не то чтобы я мог минуту усомниться в обещаниях Варлама; но он сам может быть приведен в невозможность сдержать их, а тогда что делать? Мир заключен; он намерен оставить край, где нельзя ему продолжать пребывание свое, не подвергнув опасности жизнь свою; с другой стороны, продать имение в срок – это было бы или вовсе кинуть его, или отдать за бесценок. Следовательно, надобно устроиться и извернуться в этих трудных обстоятельствах, решиться на что-нибудь.

Это письмо отдаст тебе старый твой приятель Ралли, который нашел меня в Царьграде и коего уговорил я ехать не на Одессу, а со мною сухим путем.

Теперь буду вкратце отвечать на твои письма. Варламу письмо вчера ввечеру отдал; увидим, что он скажет, когда узнает, какой у меня брат. Это его скорее еще решит ехать и поселиться в Москве. Я должен теперь идти с армией, которая возвратится в Россию; пойдем бить наших злодеев; после этой последней борьбы все будет спокойно, и я поеду наслаждаться благополучием с вами, мои милые, и, если Бог дозволит, с Машею.

Ты получишь 21 дукат, либо золотом, либо в бумагах, от Александра Венедиктовича Кругликова, который проживает в Тамбове. Это тебя удивит, но его письмо, которое к сему прилагаю, тебе все объяснит. Его сын был в плену, я доставил ему всю возможную помощь через семейство Фонтонов, и его спасли от смертельной болезни, которая была только следствием недостатка самого необходимого и трехлетнего пребывания на каторге. Я освободил его с офицерами. Я и не подумал бы говорить отцу его о своих тратах, но поскольку он сам у меня о том спрашивает в своем письме и поскольку он, полагаю, богаче меня, надобно, чтоб он заплатил. Посылаю тебе при сем все документы, о чем предупреждаю и господина Кругликова; я ему сообщаю, что деньги он должен вручить тебе, а тебе только остается передать ему документы, взять деньги и пользоваться ими.

Смерть Бальмена чрезвычайно нас всех огорчила. Большая

печаль отечеству и друзьям! Неожиданная кончина бедной Соковниной также поразила меня. Это наводит на печальные размышления. Как все это перенес князь Василий, который такой превосходный отец?

Александр. Москва, 30 июля 1812 года

Понимаю, любезный брат, какие сладостные чувства ты должен ощущать на всяком шагу, какие милые напоминания находишь в родине нашей! Я без слез письма твоего читать не мог. Ты был, может, в той комнате, где мы родились, увидел старых друзей покойного батюшки, людей, которые, верно, сыну стараются платить за благодеяния, от отца полученные. Известно было в городе, что тебя послали для размены ратификаций, но сомневались в успехе по интригам французов. Слава Богу, теперь кончено все. Намедни явился сюда, вдруг, один, без жены, Алексей Багратион, который сказал нам, что тебе препоручена и размена пленных. И так я тебя полагаю еще в Стамбуле. Оканчивай скорее твои комиссии и возвращайся к милой Маше, но поскорее за веселый пирок. Я еще не объявляю о сем никому, но так как Багратион многое разгласил, то я говорю всем, что это вещь сбыточная, но еще не конченная, ибо ты бы написал о том тотчас к родным. Ну, брат, уже Багратион тебя превозносит: одним словом, говорит он, Булгаков – друг Сабанеева, – а более этой похвалы нельзя сделать никому.

Пожалуйста, пришли или сбереги мне сувенир какой-нибудь с родины нашей. Хоть кедровую шишку. Наташу отвез я в подмосковную, смотреть за хозяйством; насилу отсюда урвался. Какое блаженство быть в своем уголку, любимым мужиками, с доброю женою и милыми детьми! Надобно, чтобы я очень любил графа, чтобы разлучаться со своими и служить. Право, награждения все для меня ничтожны, я слишком счастлив дома, чтобы за чем-нибудь в свете гоняться, и ежели служу, то оттого, что в графе вижу благородного человека и ревностнейшего патриота; обстоятельства же теперь такие, что стыдно русскому не служить и не помогать добрым людям, как Ростопчину, в пользе, которую стараются приносить отечеству. Я чрезмерно доволен графом, который лестно со мною обходится. Вчера были мы обрадованы приездом курьера, привезшего нам две славные победы. Витгенштейн дрался трое суток под Себежем 18-го, 19-го и 20 июля с 27-тысячным корпусом маршала Удино. Положив 10 000 на месте, взяв в плен 1000 человек с генералом де Сен-Жени, две пушки, весь обоз генерально и даже генеральский экипаж Удино, преследует и гонит французов, как свиней, за Двину, а там идет разбивать Макдональда, несмотря на то, что сам ранен

(но легко) в щеку. Мы жалеем о храбром Кульневе, которому обе ноги оторвало, он тут же умер. Впрочем, потеря невелика с нашей стороны. Тормасов двинулся и с армией своею разбил в Кобрине саксонский корпус семитысячный, взял генерала, или командовавшего, Клингера в плен с тремя тысячами рядовых, множество офицеров, и знамя, и проч. Достопамятно то, что Шварценберг, узнав о нашем приближении, оставил, со своим корпусом, Кобрин и пошел к Минску. Австрийцы, кажется, драться не хотят с нами. Данциг взят. Осадная артиллерия и магазины брошены в море и сожжены или вывезены. Положение Наполеона очень плохо; не знаю, как он выедет из западни.

Сию минуту ввалился Радди; жди предлинное письмо во вторник. Ура, ты уже на месте! Слава Богу, какое блаженство читать твой толстый пакет! Умираю от нетерпения. Вот тебе реляция, еду сейчас в собор, где молебствие, и будет 51 пушечный выстрел за победы наши.

Константин. Бухарест, 1 августа 1812 года

Мы покидаем край. Варлам тоже уезжает, он занят приготовлениями, и вот почему я должен отложить свое счастие еще на некоторое время. Меня утешает, что, вероятно, здесь я буду только помолвлен, а свадьбу сыграем у вас, милые мои друзья, в Москве. А покамест я уладил все дела со стариком. Он дал мне бумагу, коею обещает мне 200 тысяч пиастров, которые будут вручены мне в день моего вступления в брак; бумага эта подписана Сабанеевым как свидетелем. Благодарение Небу, настоящие обстоятельства ничего не переменили в моем положении. Этим утром я говорил с адмиралом, который выказывает мне большую доброту. Он через несколько дней уезжает; я просил у него разрешения оставаться здесь до отъезда Варламов, он согласился на это со всею возможною милостью, добавив, что, поскольку я не создан для того, чтобы сидеть сложа руки, он даст мне поручение. Я открыл ему свое сердце, и так стали мы говорить о наших делах и особливо о процессе. Он мне сказал: «Большое дело, а когда мы с ним покончим, то займемся и своими собственными. Вы ознакомите меня с подробностями вашего дела, и ежели смогу быть вам полезен, буду рад. Покамест я согласен, чтобы вы оставались здесь, а если будет у меня в вас нужда, отправлю к вам курьера». Очень я доволен, мой милый друг, тем, как я все устроил. Маша не знает еще, что останусь с ними: какой сюрприз после стольких слез! Захотелось мне тебе первому рассказать об этом. Когда уедут они и я провожу их до границы, то присоединюсь к адмиралу и попрошу у него, спустя некоторое время, полгода, чтобы навестить вас. А покамест

Варламы побудут в Москве. Вы познакомитесь с Машей и, уверен, полюбите ее.

Ты меня спросишь, быть может, почему я останусь здесь после адмирала. Это нужно Варламу, чтобы к нему не придирались, и потом, это принудит его уехать скорее. Вот так, господин мой, доволен ли ты? Когда я буду помолвлен, напишу всем, кого ты мне указал.

Мы в восхищении от всего, что сделала Москва; надеюсь, что продвижение врага в Белоруссии не обеспокоит вас за стеной наших войск; отвечаю тебе, что наша Дунайская армия себя покажет. Она великолепна.

Александр. Москва, 2 августа 1812 года

Я счастлив с тех пор, как я с этим несравненным человеком графом Ростопчиным. Я тебе посылаю картинку, за кою дерутся на Спасском мосту[108]. Саблуков, приехавший из Твери, говорит, что прибывший курьер привез туда известие, что Бонапарт уехал во Францию, ибо испанцы идут на Париж. Пруссаки в больших количествах переходят на нашу сторону. Победителю Витгенштейну дан Георгий 2-й и 1200 рублей пенсии ежегодной, а Кульневой матери – 3000 рублей. Все идет отлично, французы отброшены к Минску.

Александр. Москва, 7 августа 1812 года

Ты, слава Богу, на месте, возвратился из Царьграда; но прежде всего, любезный и *высокородный* брат, поздравляю тебя с чином статского советника, о чем уведомляет меня сейчас Тургенев, а равно, что Кутузов сделан светлейшим князем. Как несказанно обрадовало меня твое производство! Это большой шаг, готовящий тебя на выполнение всех возможных должностей. Вчера, по слухам уже одним, коими наполнена была Москва, пили мы у князя [В.А. Хованского, тестя Булгакова] за ужином за твое здоровье. Этим вечером будем официально праздновать. Дай Бог тебе так же мало быть в статских советниках, как в коллежских, но паче всего так же выслуживать новые милости, как старые. Даже Фавст повеселел, стал чрезвычайно весел. Тетушка тебя поздравляет и поручает тебе сказать, что Бог не оставит без награды то, что сделал ты для бедного Кругликова, коего вытащил ты из константинопольской тюрьмы. Мать написала тетушке благодарственное письмо, кое нас так же растрогало, как то, что отец тебе написал. Я не благодарю тебя за помощь, кою ты мне высылаешь, ибо я знаю, что те, кто меня любят так, как ты, не могут и поступать иначе; я знаю также твое ангельское сердце, чтоб быть убежденным, что ты более удовольствия получаешь,

посылая мне помощь, чем я, ее принимая. Буду писать к Кругликову о задержанных тобою деньгах для несчастного сына его. Знаешь, кто здесь? Влодек. Он приехал из армии и едет к государю в Петербург; но так как император сюда ожидается*, то он хочет поджидать государя здесь. Мы не можем о тебе наговориться, и Влодек в числе тех, которые чрезмерно ценят душу твою и способности.

Александр. Москва, 13 августа 1812 года

Здесь большая суматоха. Бабы, мужеского и женского полу, убрались, голову потеряли; все едут отсюда, слыша, что Смоленск занят французами. Бездействие Барклая произвело несчастное, но геройское Смоленское дело. Багратион с двумя дивизиями шесть раз прогонял 100 тысяч из Смоленска, убил 20 тысяч у неприятеля и сделал 7000 пленных; но город должен был быть оставлен. 7-го атакован был Барклай, он должен был уступить поле сражения и идти к Дорогобужу. Французы страшно потеряли вообще, и весь народ в радости от назначения Кутузова главнокомандующим над обеими армиями, куда послал он уже свое приказание, а сам он ожидаем сегодня сюда проездом в армию. Он все поправит и спасет Москву. Барклай – туфля, им все недовольны; с самой Вильны он все пакостит только. Император ожидается сюда на сих днях. Наташу отправляю я на всякий случай во Владимир с детьми, ко второй маменьке Куракиной, а сам останусь здесь с графом. Все спокойно у нас. Я поклянусь, что Бонапарту не видать Москвы, но не худо детей и Наташу обеспечить. Где с ними после возиться? Лучше согрешить избытком предосторожности. Влодек тебя обнимает. Он все еще ждет и ждет императора. Всякий день у нас ужинает. Этот братски тебя любит. В теперешних обстоятельствах политических я бы почти желал, чтобы свадьба твоя надолго была отложена. Но ты на месте, тебе это решить и устроить с твоим счастием и мое.

Вот тебе послание графа к жителям Москвы. Этот человек почитаем всем городом. Он суров и справедлив. Почт-директор Ключарев ночью с 11-го на 12-е число взят нами и сослан. Это большой негодяй, и город радуется удалению сего фантазера. Я тебе уже писал о радости нашей, что ты *высокородный*; также пожалованы чинами Бобров и Фонтон. Мир с Англией обнародован 4 августа в Петербурге. Там уже лорд Бентинк. Скажи, как мне писать тебе, а ты делай мне отправления на имя его сиятельства графа Федора Васильевича Ростопчина, генерала от инфантерии, обер-камергера, сенатора, главнокомандующего в Москве и разных орденов кавалера в Москве; я просил сие позволение у него. Подразумевается, что поверх моего пакета ты сделаешь другой на адрес графа. Сестры также поедут с Наташей.

Наши имения в Велиже совершенно разрушены неприятелем, и все мужики разбежались. О себе что сказать? Я здоров, распредоволен местом своим и положением.

Александр. Москва, 21 августа 1812 года

Здесь был милый, добрый Мишо[109]. Он меня обворожил, меня и жену, хотя и видели мы его только часа два: он в тот же день отправился в Петербург к государю. Вот уж добрый человек! Он тебя любит, как брата, и без слез не может почти имя твое произносить. Много мы очень о тебе наболтались; вот тебе письмо от него, а другое от Марьи Любимовны[110].

Вчера получил я письмо из Гжатска от Анстета. Он тебя поздравляет от всего сердца и напоминает мне, что он тебя всегда любил, как собственные кишочки (его выражение). Когда явился он пред императором в Вильне, его величество приказал ему оставаться при своей особе; он ожидает или возвращения императора в армию, или же нового назначения. Ты, верно, порадуешься, что я был довольно счастлив друга нашего Фавста переименовать в майоры и еще определить к новому моему благодетелю графу, для исправления разных препоручений. Фавст начал уже третьего дня новую свою службу. Вот и этому доброму малому открывается карьера; ты поймешь, как для меня приятно служить с ним вместе и ему помогать. Хочется мне теперь пристроить и Бригонца куда-нибудь.

О себе не скажу ничего: желать мне нечего со столь добрым и могучим начальником. Граф сделался в Москве предметом всеобщего обожания. Попечительность его о благе отечества и особенно Москвы не имеет пределов. Посылаю тебе здесь разные его афиши, картинки и бюллетени, по городу ходящие. Мы здесь очень покойны. Барклай наконец свалился. Этот человек недостоин был командовать русскими. Кутузов сделан главнокомандующим надо всеми армиями нашими, и вами, следовательно. Он 15-го прибыл уже в армию в Вязьму и дал солдатам тотчас праздник, о коем начинали уже не помнить: он повел их тотчас *вперед 40 верст.* Одно его появление была уже победа. Говорят, что Бенигсен будет командовать Барклаевою армией, а на него сделали следующие стишки:

Не бойся боле Барклая-де-Толли;
Идет Кутузов Бить французов.

Ты можешь себе представить, сколько здесь вздорных слухов и как наши дамы пугаются. Это побудило графа напечатать афишу, здесь приложенную. Наташа будет здесь до самого нельзя,

а потом поедет в подмосковную, где дети большие и малые. Говорят мне, что Багратион едет чуть свет; пошлю скорее, чтобы не опоздать. Он живая грамота.

Константин. Бухарест, 2 сентября 1812 года

Старик-отец остается здесь еще на несколько дней, чтобы окончить дела. Я же еду через два дня, провожаю Машу и мать ее в Яссы, где их и оставлю, чтобы далее вернуться к адмиралу, при котором останусь лишь строго необходимое время, а потом поеду в Москву. Покамест, как Варлам присоединится к семейству, они двинутся в Москву, но будут останавливаться в каждом городе на пути, до тех пор, пока все у вас не вернется к прежнему порядку, о чем ты ему и сообщишь, мой милый друг. Они тебе напишут, где остановятся. Я полагаю, что это лучшее устройство, какое можно теперь предпринять, ради их собственного спокойствия.

Победы Раевского и Дохтурова прекрасные, но проклятый неприятель в Смоленске, а потому и ожидаем мы с нетерпением новой победы, которая бы принудила их отступить назад. Я рад, что Кутузова употребили главнокомандующим; с такими исполнителями, как Барклай и Багратион, все пойдет хорошо, ибо самому ему действовать трудно: он слишком стар, не может долго быть на лошади, планы же его суть планы старого искусного и опытного генерала, и я уверен, что, следуя оным, не видать французам Москвы. Не знаю, имеет ли он при себе наших братьев-дипломатов; в таком случае надеюсь, что он меня не забудет и возьмет к себе – так, как он мне и говорил. При нем адъютантом друг мой Дишканец; если с ним встретимся, то поговорю об этом. Этот постарается, а новый князь, верно, не будет делать затруднений, ибо он меня знает и к моей работе привык, а на него не всякий угодит. Если успею, то сам напишу к нему; надобно его поздравить. Все новости будут сообщены Андрею Яковлевичу [Италинскому, который был уже послом в Константинополе], который ими натурально жадничает, ибо французы черт знает что распускают в Царьграде.

Хорошо, мой милый, делаешь, что отправляешь Наташу во Владимир; надобно дать пройти туче, а в городе, где много-много баб, мужеского и женского полу, пожалуй, вскружат голову и напугают. Послание к народу прекрасно и, я уверен, много сделает добра. Надобно с каждым говорить на его языке, так делал Суворов и всегда имел удачу. Слава Богу, что граф Федор Васильевич на месте Гудовича: этого любят, а того не любили, служба выигрывает 200 %. Я уверен, что с ним все пойдут, да как и не идти? Дело идет о защите Москвы; неужели дадут корсиканцу похвастать, что он и в ней был победителем, а не

пленным? Этому никак не могу поверить. Впрочем, армии наши его не только не допустят, но отымут охоту и впредь иметь подобные затеи. Москва не Вена, а русские не немцы, и подлинно перемелется все, будет мука. Ежели ты еще успеешь, поцелуй от меня Влодека, которого очень люблю. Мы половину кампании проделали вместе, попроси его рассказать тебе наше дело 22-го. Когда пустили слух, будто я убит, это и в самом деле был Булгаков, да другой; не так-то глупо!

Вот я и статский советник; я здесь стал ужасно важным. Менее чем за год два чина и один крест. Так можно позабыть и об усталости, а по справедливости это называется – получить гораздо более того, что заслужил. Это долг, который мне предстоит выплатить, но уж лучше платить его в плюмаже, чем без него. Ох, наделает мне это врагов, вот что мне досадно. По такому случаю получил я чудесное письмо от Шулепова. Все мои товарищи очень рады моему продвижению. Отдыхать теперь мне еще нельзя, надобно непременно ехать к генералу; но я тебе обещаюсь не принимать канцелярии, дабы быть свободным, ибо там теперь дипломатам дела никакого не может быть, а канцелярия только руки связывает. Я здесь умел избегать этого, дабы иметь возможность остаться на несколько дней в Бухаресте; теперь не приму, дабы повидаться с Москвою.

Я, право, не знаю, какой тебе дать адрес. Разве надписывай к Сабанееву, начальнику генерального штаба, но куда? Пока в Дубно, а там постараюсь тебя уведомить. Ну, мой милый, любезный брат, прости; писать мне множество, а времени мало, надобно сбираться ехать дня через два непременно.

Константин. Яссы, 15 сентября 1812 года

Ну, слава Богу, наконец оставил я Бухарест, пробуду здесь дня с два и отправлюсь к адмиралу, который меня зовет весьма ласковым письмом. Я проводил сюда милую Машу с ее матерью; старик остался на несколько дней в Бухаресте, а там, коль скоро ты им напишешь, что могут они следовать в Москву, то немедленно туда отправятся. Адресуй к ним письма на имя Василия Ивановича, через Дубоссары в Кишинев. Обрадовал ты меня своими письмами № 101, 102 и 104, которые не меня одного, но всех здесь обрадовали по хорошим известиям о сражениях 23-го и 24-го, а здесь партия французская бог знает что наговорила. Продолжай, мой друг, уведомлять меня и Милашевича, без того он обещал открывать мои письма. Все это в двух словах, ибо я знаю, что у тебя лишнего времени не много наберется. Спасибо, мой друг, за поздравление с чином; постарайся, чтобы в скором времени и я мог тебя поздравить, и

поверь, что это доставило бы мне куда большее удовольствие.

Очень я доволен, что Радди передал тебе все, что я тебе посылал, и особливо завтрак в хорошем состоянии. Он очарователен, это правда, потому я и счел его достойным быть подаренным моей дорогой Наташе.

Картинка твоя произвела здесь то же действие, что и на Спасском мосту; ее рвут из рук в салоне Милашевича, и все находят, что это очаровательно, остроумно и особливо политично. Продолжай, милый мой, присылать мне все, что может касаться текущих событий.

Сейчас получаю еще письмо из армии от адмирала; отправляюсь сегодня же туда.

Константин. Брест-Литовск, 28 сентября 1812 года

Я к тебе писал из Ясс и скоро после того оттуда выехал. Больно мне было расставаться с милою Машей; но что делать, принужден и это перенести; дай Боже только, чтобы не надолго было. Меня крайне беспокоит их положение. Все семейство сбиралось в Москву, а теперь бог знает, где зимовать будут, и когда и как я с ними соединюсь. Между тем останутся они в Кишиневе, где будут ожидать от тебя писем, куда им деваться и где спокойно можно будет остановиться. Не менее, но гораздо более еще беспокоит меня твое положение: где ты, где Наташа, где дети? После 104-го твоего номера не имею от тебя известий; верно, письма твои странствуют, и бог знает, когда дойдут до меня. Верно, у тебя денег нет. У меня есть для тебя, но как переслать и куда? Подай мне, милый мой, возможность доставить к тебе несколько денег; если найдешь, займи хоть 2000: я тотчас заплачу, ибо чистые деньги у меня готовы и будут сбережены для тебя.

Если бы я уверен был, что это письмо до тебя дойдет, я бы, сверх этого, прислал бы к тебе вексель Кожухова, но боюсь рисковать; ибо как пропадет вексель, так, может быть, и не заплатит отец и денег. Впрочем, Кожухов – адъютант князя Кутузова и, верно, с ним. Нельзя ли тебе с ним списаться? Все бы на свете отдал, чтобы тебя хоть с этой стороны обеспечить, ибо без денег с семейством трудно тебе было переехать. С каким нетерпением ожидаю от тебя известия, где твои и все ли вы здоровы. Ради Бога, не упускай ни одной оказии, пиши прямо ко мне или Сабанееву, при главной квартире Западной армии. Вчера вступили мы в Брест-Литовск; неприятель ретируется, а мы его преследуем. Слава Богу, много уже, как ты видишь, края нашего очищено. Адмирал продолжает быть ко мне весьма милостив; дела нам, дипломатам, никакого нет, да я же, слава Богу, и от

канцелярии отделался, ибо без дела это только одни хлопоты; а теперь я развязан и могу отправиться в отпуск, когда будет удобное время, чтобы с тобою повидаться. Вот главная причина, зачем я не принял канцелярии по возвращении из Царьграда, хотя несколько раз мне говорил Павел Васильевич [Чичагов]. Я живу с добрым Иваном Васильевичем, и мы там вместе и едим. На мой счет будь совершенно спокоен: в огонь не суюсь и обещаюсь тебе и впредь не соваться. Вчера очень хотелось ехать с адмиралом, но вспомнил тебя и милую Машу, и охота прошла.

При отъезде из Ясс был я обрадован твоим письмом № 103, но оно старое, от 21 августа. Рад я очень, что ты познакомился с Мишо, малый редкий и истинный мне приятель. Брат его здесь. Я бы к нему писал, но теперь едва нахожу возможность к тебе написать несколько строчек. Если случится, кланяйся ему и уверь в вечной моей дружбе.

Константин. Брест-Литовск, 14 октября 1812 года

Отгадай, что я здесь делаю? То, что делал батюшка двадцать лет тому назад, – то есть губернатором очищенной части Гродненской губернии. Адмирал, которого милостивым со мною обхождением не могу я нахвалиться, хотел мне дать опыт доверенности, назначив меня временным правителем сего края. Хотя это и не дело дипломата, но я не мог ему отказать, тем более, что он позволил мне, устроив здесь все, оставить на мое место Багреева, который при мне, если мои обстоятельства потребуют отлучки, или если предпочту я ехать к нему. Стараюсь делать как можно лучше, но весьма странно для меня заниматься новым делом. Хлопот множество, но по крайней мере на месте я по дурному времени не должен таскаться по бивакам. Вот настоящее мое положение; долго ли оно продолжится, все это зависеть будет от твоих писем и от писем милой Маши, которую полагаю в Бессарабии, в Кишиневе. Только два письма от нее получил после выезда моего из Ясс. Одним словом, молчание вас обоих меня мучает и лишает меня последнего спокойствия.

Право, есть минуты отчаяния, в которые удивляюсь, что с ума не сойду; видно, не с чего. Особливо как подумаю о твоем положении, мой милый брат. С семьею бог знает где и, может быть, без денег, тогда как у меня для тебя 2000 готовы, но не имею способов переслать. Получил ли ты по крайней мере с Кожухова? Больно мне быть так от тебя отдаленным, в минуту, когда бы мог быть тебе полезным. Я в Бухаресте все продал и имею несколько денег, сверх того, продолжаю получать столовых 30 червонцев в месяц; все бы тебе отдал, ибо мне ничего не надо. Покудова пиши ко мне прямо в Брест, через Житомир, и адресуй

временному правителю Гродненской губернии. Ты отлично чувствуешь, что «временный» – это как раз по моей мерке, ибо не хотел бы я продолжать здесь свое пребывание, и мне даже было бы это невозможно, надобно мне воссоединиться с Машей. Я не смогу перенести долгой разлуки.

Благодарение Богу, новости из большой армии хорошие, наш старый фельдмаршал делает им много хлопот и начинает ставить их в положение турок Слободзеи, принуждая их есть своих лошадей. Мы же здесь живем очень хорошо, генерал Чаплиц принял элитный гвардейский полк, вместе с генералом все офицеры и солдаты – польские дворяне. Генерала зовут Конопка, это брат госпожи Татищевой.

Константин. Брест-Литовск, 25 октября 1812 года

Я здесь продолжаю губернаторствовать. Губерния моя ежедневно увеличивается очищением от войск наших одного повета за другим; теперь уже Слоним и Волковиск чисты. Дела множество, да иначе и быть не может, ибо господа поляки, под видом защищения края, так его разорили, что лучше быть нельзя. Все это может быть еще исправлено, и поляки, получа теперь такой чувствительный урок от своих так называемых избавителей, будут умнее. Из старых знакомых, которые были при батюшке, никого здесь не нашел в должностях, а иногда попадаются помещики, кои и до сих пор его хвалят.

Старики спрашивают меня, куда отправить семейства и обоз; вопрос весьма затруднительный, потому что не знаю, где ты; так и отвечал, что, покуда не получу от тебя известия, советую им жить в Кишиневе. Старик [Варлам] сам было хотел приехать в главную квартиру адмирала, но я его и от этого удержал: где ему таскаться по походам в его лета и с его ревматизмами? Его было турки хотели удержать в Бухаресте, однако ж наш генерал не выдал, и с этой стороны я теперь спокоен. За работою время проходит скоро и наконец соединит меня и с тобою. Адмирал ко мне весьма милостив. Сабанеев был у меня недавно в гостях и ночевал. Я как вижу его, так точно ближайшего родственника, да и в его дружбе уверен. Также был у меня Турчанинов, и нет почти дня, чтобы кто не заехал. Между тем вот более шести дней, что я не одевался, а сижу в халате: идти совершенно некуда, гулять грязно, а одеваться не для кого. У меня есть дурной клавесин, хорошая гитара, и в минуту отдыха я пытаюсь перенестись в прошлое, а, по мне, ничто так не напоминает о событиях нашей жизни, как музыка, которая действует на нас через воспоминание. Вот каковы мои развлечения, мой милый друг; это не мешает мне в то же время мучиться и терзаться из-за твоего молчания,

которому уже давно пора прерваться.

Мужества и здоровья, вот чего я тебе желаю. Эта туча пройдет, и у нас будет самая ясная в мире погода.

Александр. Москва, 28 октября 1812 года

Я тебе пишу из Москвы или, лучше сказать, среди развалин ее. Нельзя смотреть без слез, без содрогания сердца на опустошенную, сожженную нашу золотоглавую мать. Теперь вижу я, что это не город был, но истинно мать, которая нас покоила, тешила, кормила и защищала. Всякий русский оканчивать здесь хотел жизнь Москвою, как всякий христианин оканчивать хочет после того Царством Небесным. Храмы наши все осквернены были злодеями, кои поделали из них конюшни, винные погреба и проч. Нельзя представить себе буйства, безбожия, жестокости и наглости французов. Я непоколебим в мнении, что революция дала им чувства совсем особенные: изверги сии приучились ко всем злодеяниям, они видят кровь человеческую с равнодушием, всякое бедствие, ими причиненное, для них равнодушно, грабеж – единственное их упражнение. На всяком шагу находим мы доказательства зверства их. В Богородске обмакнули они одного купца в масло, положили на костер и сожгли его живого, смотрели на его страдания и раскуривали в огне трубки свои; здесь насильничали девчонок 10 и 11 лет на улицах, на престолах церковных. Оставляя Москву, они взорвали Кремль, но этот последний подвиг ярости их был неудачен. Соборы и Иван Великий остались целы, а пострадали: часть Арсенала, две башни, Кремлевская стена к Москве-реке и колокольня около Ивана Великого. Грановитая палата сожжена. Бог показал великое чудо. Образа Сына Божия на Спасских воротах и Николая Чудотворца на Никольских не токмо невредимы, но стекла в них и фонарь целы, тогда как от кремлевской мины и удара полопались стекла здесь, в графском доме, и под Девичьим, то есть на другом конце города.

Я приехал сюда с графом 24 октября. Для любопытства твоего, прилагаю здесь роспись оставшимся домам [этой росписи не имеется при подлинном письме]. Они не сгорели, но зато разграблены. Почти девятая часть города остается только. Наши слободские дома целы. Много в них расхищено; все же, что я нашел в них, мебелью, отправлено мною в подмосковную; библиотека вся перемешана, разрыта. Книги валяются по полу, даже по двору. Однако же я бился трое суток и кой-какие увражи привел в порядок; все, что соберу, пошлю в деревню. Милая кузина не много найдет в домах, даже если они ей когда и достанутся. На сей раз я не упрекну себя в том, что оставил что-

нибудь в доме, как я сделал двумя годами ранее, покидая Слободу. Должно было тогда произвести теперешнюю операцию.

В саду много порублено; я нашел там мертвых лошадей, коих мы зарыли; беседки перебиты, в них искали, видно, клады. Вообрази, что, живучи сами в доме, эти разбойники сделали из залы, что из фальшивого мрамора, нужник свой, а у тетушки в доме стояли лошади. Дом бедного Фавста сгорел до основания, равно и Волкова и Жанно. Часть моих пожитков и книг батюшкиных (все русские и французские «Живописные путешествия») сгорела у Фавста. Вино сладкое батюшкино было у Волкова. Погреб разбит в подвале, и теперь слышал я запах славного нашего венгерского вина. Во многих частях города такая пустота, что нельзя осмотреться, ежели бы не церкви. Вообрази, что я от Белявина дома в Слободе шел прямою линией до самой почты, все по развалинам, имея направлением Меншикову башню.

Все сии несчастья, все опустошения снесем мы с радостью и без ропота, лишь бы злодей нашел в России гроб свой. По достовернейшим известиям знаем мы, что у Бонапарта не более 60 000 войска, ежели не гораздо менее, а Кутузов в совершенном бездействии, спит целый день и всем связывает руки. Один глас в целой России: все говорят, что Павлу Васильевичу предоставлена слава бессмертная освободить отечество свое от злодеев ее, спасти целую вселенную от тирана, ее опустошающего. Слышно уже, что он отделил 30 000 в Вильну и сам с главной армией в Минске. И так бегущий Наполеон будет вашей жертвой. Хочет ее у вас вырвать Витгенштейн, который имеет 52 000 войска и, к счастью своему, действует отделенно; но кажется, что ускользнет от него Бонапарт, который из Можайска в два марша сделал 150 верст с гвардией своею. Мат ему пришел. Уж ты как хочешь, а ежели Бог благословит оружие Павла Васильевича славной победою, в чем нет никакого сомнения, то пришлите, ради Бога, тотчас курьера к нам в Москву. Мы запоем молебен и долголетие адмиралу на развалинах наших домов; они нам покажутся дворцами тогда. Давай мне все возможные подробности обо всем, что ты делаешь. Начальник мой радуется, что адмирал командует армией: «Это генерала надобно в сих обстоятельствах, – сказал он, – ибо он человек, который пошлет… Кутузова делать все, что сам сочтет полезным для славы и спасения России».

Кутузову за дело 6-го пожаловали саблю в бриллиантах с лавровым венком, и посуди, что он узнал о сей победе 16-го, тогда как 15-го в Петербурге пели благодарственный молебен. Я тебя спрашиваю, не фельдмаршалу ли обязаны победой? Бенигсен получил 100 тысяч, большого Владимира и Св. Андрея в

бриллиантах. Для вас же будет большой Св. Георгий, но куда более заслуженный, и тогда адмирал докажет, что первые Св. Георгии в семье – наследственные.

Я не даю тебе подробностей о Москве, ибо ты узнаешь их от вручителя сего графа Буксгевдена. Я, слава Богу, здоров, живу в одной комнате с бесценным графом, коего дом, не знаю каким чудом, уцелел. Удивительно, что не сожгли они домов графа и Маркова, а кажется, обоих их очень ненавидят злодеи. Все люди наши, в день вступления французов, бежали из дому и жили все время в моей подмосковной: Аким, Максим, Павел, Исак и проч. Бедного Бригонца заставляли работать как лошадь, а кормили как птичку. Ты знаешь, как он поесть любит. И смешно, и жалко. Чижиков [то есть дом князя Сергея Васильевича Голицына, которого прозывали *чижиком*] дом сгорел до основания. Я занят разысканием его украденных вещей, и многие уже в сундуках, чтобы быть ему отправленными в Казань, где и тетушка. Наташа все у княгини Куракиной с детьми малыми и большими; там и будет зимовать, я думаю. Наш подмосковный дом прекрасный, я его построил прошлого года, но печей еще нет. Я Бога благодарю, что деревнюшка наша спаслась, а то пришлось бы по миру идти.

Я по сей день не могу натешиться письмом твоим из Брест-Литовска, а то, что ты писал из Ясс, я не получил по сие время. Через час будет сюда Барклай-де-Толли, на житье в Москве, впредь до повеления; с ним Закревский, который находит, что невеликодушно бы было оставлять начальника, тогда как он в несчастий. В Петербург я уж не еду, как тебе писал, и очень тому радуюсь. Погодя, отпрошусь к Наташе на недельку, чтоб порассказать ей о Москве. Прощай, мой милый и любезный брат. Душа моя горит нетерпением тебя прижать к сердцу; постарайся к нам прилететь. Где Варламы и где моя будущая сестричка? Ты, я чаю, наговорил ей чудеса о Москве, а найдутся только следы величия ее.

Константин. Брест-Литовск, 3 ноября 1812 года

Я продолжаю здесь занимать место, которое забирает все мое время и силы. Я делаю, что могу, хотя это для меня и новый род службы. В то же время начинаю я привыкать к такого рода делам и вижу, что с усердием и честностью можно быть полезным всюду. Я делаю добро, умею, а особливо стараюсь помешать делать зло – вот и вся моя наука. Я гуляю, когда нет ничего лучшего делать, за городом, ибо нет возможности сделать и шагу по нашим прекрасным улицам; я иду в Тересполь, который столько раз проезжал я по пути в Вену и обратно. Мог ли я тогда подумать, что однажды водворюсь в Бресте, который всегда

покидал с таким нетерпением! Вечерами мы обыкновенно играем в бостон у меня, но я остаюсь простым зрителем; мне невозможно играть самому, ибо как только меня перестают занимать дела, я уж неспособен чем-либо заниматься. Я все думаю о твоем молчании, обо всем, что тебя касается, и мучаюсь.

Константин. Брест-Литовск, 14 ноября 1812 года

Слава Богу, по последним известиям из большой армии, Москва очищена, а потому, полагаю, что и мы в нее возвратимся. Но в каком состоянии нашли вы ее! Если правда, что до нас доходит о зверском их поведении, то вряд ли можно будет вам эту зиму в ней прожить; говорят, что все сожгли и разорили. Экие злодеи! От тебя все не имею писем. Посуди, каково мне! Ни днем, ни ночью не имею покоя; как задумаю о тебе, так, право, боюсь сойти с ума, а могу ли о ком другом думать, мой милый друг? Больно, и, право, нет сил перенести твоего молчания.

Так как я принял здешнее место с условием, что не более как на два месяца, хотя срок еще не совсем вышел, я, однако же, решился ехать к адмиралу. По окончании с ним некоторых дел, если можно будет, отпрошусь в отпуск, поеду в Кишинев, и если время дозволит, то есть отпустят на два месяца, и узнаю, где ты, то непременно явлюсь обнять тебя; если же ты будешь спокоен и на месте, то, может быть, провожу к вам и Варламов. Не правда ли, это прекрасный план, только бы Бог помог мне его исполнить. Адмирал бесконечно ко мне милостив, надеюсь, он мне в том не откажет: зимой он не будет иметь во мне нужды. Направляй свои письма в Дубно. Я попрошу почтмейстера отсылать их ко мне в Генеральный штаб.

Константин. Любовна, 19 ноября 1812 года

Я приехал сюда вчера к вечеру, после очень тяжелой дороги, проделанной на собственных лошадях; остановился я, чтобы починить свою бричку, а затем поеду в Луцк, где и решусь на что-нибудь. Не могу решиться здесь, не зная положительно, где адмирал, какой дорогой надобно направиться, чтобы присоединиться к нему, и через сколько времени доберусь до него на своих лошадях.

Константин. Дольск, 28 ноября 1812 года

Я все еще в окрестностях Любовны, в городке под названием Дольск, где находится генеральный штаб Сакена. Я здесь, чтобы дождаться известий от адмирала и узнать, где смогу я к нему присоединиться; ибо иначе придется мне странствовать, как твоим письмам, не достигая своего назначения.

Благодарение Богу, дела идут как нельзя лучше и господин Бонапарт уносит ноги куда как быстрее, чем шел к нам, оставляя все и самую свою армию, которую на каждом шагу гонят и бьют. Вот и низвергнуты и он, и слава его, ибо без армии он может говорить что угодно, уж ему не поверят. Надеюсь, что событие это откроет глаза всей Европе на его истинные цели и на то, что спасением своим обязана она нашему отечеству. Очень я досадую оттого, что не могу быть с адмиралом и видеть этот полный разгром, ибо я убежден, что он уже в деле с ними.

Константин. Брест, 17 декабря 1812 года

Человек предполагает, а Бог располагает. Покамест все мои планы неизменно срываются. Военные события решили по-своему, снова мы заняли эту губернию, и я сюда возвратился. Как я сюда приехал, надобно было сделать объезд ее и восстановить порядок до того, как совсем уеду. В то же время я пишу к адмиралу и прошу у него милости отозвать меня и назначить на мое место Багреева, моего помощника. Мне многое надобно сделать, как ты, наверное, догадываешься, мой милый друг: враг натворил тут много беспорядка.

Меня затормошили исправники, городничие, комитеты, жиды. Все сваливается на меня разом.

Константин 25 декабря 1812 года

После моего последнего письма из Бреста был я в Высоко-Литовске и с той стороны сделал объезд для восстановления порядка, что было весьма необходимо. Мне надобно было повидать генерала Сакена в Скиматижко, в Белостокской губернии, там я нашел госпожу Анстет, которая там поселилась, поскольку это имение принадлежит ее брату. Она не имеет никаких известий от мужа, позднее я узнал, что он проехал через Белосток. И вот я здесь со вчерашнего дня, мой милый, мой добрый друг. Завтра уезжаю я в Гродно, ибо надеюсь получить свободу; если не найду там приказов адмирала, то пошлю к нему другого курьера; я ни за что не хочу здесь оставаться.

Надобно мне увидеть тебя до весны, не могу я более переносить твоего молчания, а так бог знает, когда я получу от вас известие. Целый месяц я только и делаю, что разъезжаю, и все без всякого продвижения вперед; только теперь я смог пуститься в путь, который выведет меня к моей цели. Меня уже десять раз прерывали с тех пор, как я начал это письмо; у меня только день, чтобы устроить здесь правление: назначить служащих, выслушать жалобы тысяч евреев, решить двадцать дел, и добавь к тому, что все мои мысли устремлены к тебе. Надобно всем заниматься

самому, адмирал бог знает где, а я вот в такое трудное время оказался, бог знает как и почему, губернатором польской губернии. Я исполняю свой долг довольно хорошо, насколько способен я к такого рода службе, которая для меня совершенно новая, и в такой момент, когда постоянное прохождение войск требует деятельности, не дающей мне передохнуть ни днем, ни ночью.

Александр. Москва, 30 декабря 1812 года

Я пишу тебе второпях: еду с графом объезжать губернию и смотреть, все ли мертвые тела зарыты или сожжены в Бородине и других местах. Я надеюсь, что твое беспокойствие об нас теперь уже миновалось. Мы все здоровы, слава Богу; все наши тебя обнимают. Посылаю тебе брошюрку моих трудов, которая много здесь делает шуму [какая это брошюра, не знаем]. Мы на новой квартире, где нам славно. С нами и Приклонский. Тебе, я чаю, пропасть хлопот с прибытием императора в Вильну.

Константин. Меречь, 31 декабря 1812 года

Я узнал, что фельдмаршал князь Кутузов приезжал в Меречь, где находился его величество. Это был для меня превосходный случай пойти поприветствовать первого и попытаться избавиться от дорогого своего губернаторства. Приехал я сюда вчера к вечеру. Фельдмаршал принял меня с бесконечной добротой, я провел с ним весь вечер. Я воспользовался минутой, когда мы остались одни, чтобы поговорить с ним о себе, и просил его освободить меня от моей должности; он сказал мне очень лестные вещи, и я надеюсь быть теперь при нем. Еще этим утром он говорил мне об этом и пошел к императору с намерением все устроить. Единственная трудность в том, что я считаюсь состоящим при адмирале, но надеюсь, что это уладится, хотя до вечера я ничего не смогу узнать. Посмотрим. Кожухов, адъютант фельдмаршала, едет в Москву; посуди, мой милый друг, с каким удовольствием я пользуюсь этим случаем, чтобы написать тебе. Это письмо, по крайней мере, верно до тебя дойдет. Кроме того, передаст он тебе две тысячи рублей, кои он мне должен и о коих я тебе писал ранее. Я смог разузнать здесь о вас лишь совсем немногое, все вас видели, но то было до оставления Москвы; ас тех пор полагают, что вы туда возвратились и что вы вместе с генералом Ростопчиным. Но все это меня не успокаивает и не утешает. Это только предположения, ничего достоверного. Если ты в Москве, почему же тогда твои письма до меня не доходят? До каких пор пребывать мне в этакой неизвестности? Хотя бы с Кожуховым ответь мне.

Я нашел здесь Анстета и Влодека, у которого и остановился, Ламсдорфа и многих своих друзей. Все приняли меня с распростертыми объятиями, все просят меня остаться здесь, и я того же желаю. Сам фельдмаршал говорил со мной и дал мне понять, что не будет недоволен видеть меня при себе. Валашские кампании доставили мне много друзей. Видел я Льва Нарышкина в Гродно, очень мы были довольны нашей встречей. До меня дошло здесь известие, сильно меня огорчившее, о смерти нашего доброго Малии. Еще одного друга не стало! Большая утрата для меня, для службы и для всех, его знавших. Анстет вошел к фельдмаршалу, не зная, что я у него, и бросился мне на шею. Все, мой добрый друг, выказывают мне свою дружбу и интерес. В этой проклятой корчме так холодно, что я едва могу держать перо, а мне так многое надобно тебе сказать! Анстет получил ленту Св. Анны первого класса, многие наши знакомые получили награды. Бенкендорф – генерал, Чернышев – генерал-адъютант, добрый Мишо – адъютант его величества. Как я рад, что он не упустил случая показать свой талант и усердие. Пальцы мои совершенно закоченели, не могу более продолжать. Я чувствую себя хорошо. Кенигсберг был взят, и в нем 50 пушек; каждый день какой-нибудь новый успех. Вот и спаситель России!

1813 год

Александр. Москва, 15 января 1813 года

Граф Андрей Иванович Гудович едет в армию и едет в Гродно, обещал он доставить тебе верно письмо это. Вчерашние письма из Петербурга говорят, что ты назначен губернатором гродненским. Я слишком тебя люблю, чтобы не просить тебя остаться по крайней мере некоторое время на занимаемом тобою месте: для тебя это откроет возможности большой карьеры, и ты сможешь выделиться из толпы разбойников и грубых скотов, кои правят другими губерниями.

От нашествия французов потеряли мы около двадцати тысяч рублей, но Боже сохрани меня роптать. Мы сохранили нашу подмосковную, а она доставит нам почти все необходимое для хозяйства. Благоразумная экономия Наташина позволяет мне не отставать от очень многих, куда как богатее меня, но не таких аккуратных, как мы.

Графом [Ростопчиным] я чрезвычайно доволен. Он обращается со мною как с другом, и я с ним более не разлучусь, даже ежели будет он призван в Петербург. Я к сему человеку питаю совершенно особое уважение. Люди его закалки очень редки, особливо в теперешнее время.

Константин. Гродно, 21 января 1813 года

Из Меречи писал я к тебе, мой милый и любезный брат, через адъютанта светлейшего, капитана Кожухова. Оттуда поехал с главнокомандующим далее и был с ним до Витемберга, ибо в Лыке уже докладывал он обо мне государю, и я определен к нему по-старому. Кончив сие, я тотчас искал средство отпроситься в отпуск и так славно все сделал, что это никого не шокировало, и я уже свободен на три месяца с обещанием, однако же, воротиться как можно скорее. Приняли меня и обходились со мною очень ласково, я потрудился с князем и также с Нессельроде. Он очень упрашивал меня воротиться поскорее для полной выгоды. *Мы поболтаем* об этом. Не правда ли, сие слово доставляет тебе удовольствие?

Что до меня, то я с ума схожу от радости, что скоро тебя увижу. Вот мой план. Завтра еду в Могилев-на-Днестре, где сейчас Варлам. Я отлично устроил его дела: он действительный статский советник, я везу ему орден Св. Анны 1-го класса и письмо, коим обеспечены ему будут имения в Бессарабии, как только станет готова топографическая карта края. Я бы начал

поездку с Москвы, ибо именно туда более всего и влечет меня мое сердце; но надобно окончить дело Варлама, выбрать то, что подойдет ему лучше всего из имений, ибо есть и довольно ничтожные, и довольно прекрасные, а после надобно будет тотчас предупредить фельдмаршала, чтобы их ему дали. Ты понимаешь, как важно это дело и как я в нем заинтересован, ибо, к несчастью, в этом мире нужны деньги. Мне придется принести сию жертву. Я люблю Машу, и думаю, что доказал, как сильно; но ты на первом месте, мой милый друг, и я согласился бы не видеть Маши еще несколько времени, чтобы лететь к тебе, но ты первый меня и выбранишь.

Я бы очень хотел приехать со всем семейством в Москву. Скажи мне, обитаем ли ныне сей славный город и смогут ли там устроиться Варламы? Это было бы чудесно. Напиши мне тотчас о сем в Могилев-на-Днестре. Ежели Варламы все еще в Кишиневе, я поеду туда и велю переслать мне туда твое письмо; но не медли, ибо надобно будет точно воспользоваться концом зимы. Ну, мой милый, скоро мы с тобою или, лучше сказать, наконец увидимся. Я был обрадован двумя твоими письмами – № 107 и 113. Спасибо за брошюру, которая и меня тронула. Бедная Москва! Но много бы надобно говорить, а потому и отвечать не буду. Я точно думаю, что брошюра твоя удалась: ее тебе сердце диктовало, и русские читают ее. Она очень славно написана. Мы поговорим об этом. Посылаю тебе все, что было напечатано в армии.

Слава Богу, что вы живы и здоровы; прочее все устроится.

Я чрезвычайно тороплюсь и обязательно хочу ехать завтра, я прибываю сегодня и должен сдать все мои дела и бумаги; ибо, благодарение Богу, я рассчитался с этим чертовым губернаторством. Я напишу тебе из Могилева, ежели не сойду с ума от мысли, что смогу вскоре обнять тебя, равно как и мою милую, добрую Наташу. Прощай, мой милый друг, до свидания. Целую всех детей, ну уж достанется им от меня, задушу всех вас. Голова у меня идет кругом, это плохо для дела. Оставляю тебя. Прощай, милый. Кланяйся друзьям нашим.

Душевно поздравляю с Новым годом и славным годом. Увидимся в нем.

Получил ли ты двенадцать тысяч рублей, кои должен мне Кожухов? Он обещал мне заплатить тебе.

Константин. Могилев-на-Днестре,
27 января 1813 года

Прошу тебя дать мне знать, смогут ли Варламы приехать теперь жить в Москву, ибо тогда очень может статься, что я и привезу их к вам. Жду твоего письма с самым горячим

нетерпением.

Александр. Москва, 11 февраля 1813 года

Ты славно все устроил. Место твое новое лучше губернаторства; ежели мы засядем в Германии, то может для тебя найтись какое-нибудь важное дипломатическое препоручение: слетаешь в Вену, Дрезден или Мюнхен; все это очень хорошо. Вхожу в твою кожу: какая для тебя отрада надеть на милого нашего старика [то есть на Константина Дмитриевича Варлама, дочь которого тогда была невестою Константина Яковлевича Булгакова] ленту, объявить ему о пожалованной деревне. Это все следствия уже определения твоего к светлейшему, при коем пойдут и для тебя, с случаями отличаться, милости разные.

Москва все та же Москва, то есть золотое дно, город, в коем уже более 120 000 обитателей, 4000 заново отстроенных лавок и снабженных всем, что токмо можно вообразить; запасы еды изобильны, жизнь недорога, а главное, Москва есть почти единственный город, изъятый от болезней, кои свирепствуют во многих губерниях. Мертвые тела сжигаются с большою живостью, и мы не боимся весны.

Константин. В Могилевском карантине,
14 февраля 1813 года

Мой милый, мой добрый друг. Надобно все испробовать в этом мире, и вот я в карантине, а все оттого, что провел несколько дней в Кишиневе, где все чувствуют себя превосходно! Что мне особенно во всем этом досадно, это то, что даже ежели я сегодня или завтра получу твой ответ на мое письмо № 1 из Гродно, от 21 января, коего ожидаю с самым горячим нетерпением, чтобы знать, могут ли Варламы теперь устроиться в Москве, то придется провести еще несколько дней в этой проклятой тюрьме, прежде чем смогу ехать далее. Я здесь не один; как я тебе писал в последнем письме, я вывез все семейство из проклятой кишиневской дыры, и мы прибыли сюда все вместе; но надобно мне начать раньше. Из Могилева я уехал ввечеру, после обеда с сенатором, и к 11 часам утра стоял уже перед дрянным забором дрянного городишки, – то были кишиневские ворота. Пришлось еще раз подвергнуться обкуриванию и пройти все формальности, кои выводили меня из терпения тем более, что приближался я к счастливой минуте, когда вновь увижу Машу. Никто не ждал меня видеть; первым заметил меня учитель греческого языка, который живет в доме; он тотчас побежал объявить о моем приезде и опередил мои сани, несмотря на то, что я гнал со всей мочи. Все выбежали на дорогу, и я думал, что

меня задушат. Бедная Маша была бледна и дрожала, не в силах произнести ни слова до тех пор, пока слезы не пришли ей на помощь. В ту минуту я увидел, как любим всей семьею, во всем доме был подлинный праздник. После первой минуты я просил позволения переодеться и сумел получить его только при обещании тотчас же воротиться. Я позвал в свою комнату Машу и Костаки, сына; я положил в накрытый поднос большую ленту Св. Анны с орденским знаком и рескрипт и дал его Маше, чтобы отнесла отцу своему. Она не знала, что это такое, а ее брату я дал письмо фельдмаршала, коим обеспечиваются ему от имени императора имения в Бессарабии соразмерно тому, что он теряет в Валахии.

Добрый старик ничего такого не ожидал; он думал, что я привез ему какое-то лакомство, и каковы же были его удивление и его радость! После сего сын его вручил ему письмо фельдмаршала, он не мог удержать слез, и, признаюсь тебе, я тоже был взволнован. Он хорошо понимал, что это я все устроил, и что ежели бы я не был при Кутузове, чтобы толкать дело, то ежели бы сие даже и случилось, то не теперь, когда император занят столь важными делами. Вот он и действительный статский советник, кавалер Св. Анны и почти ничего не теряет от того, что покидает родину. Я ничем не смогу воздать за сей день и за собственную радость и удовлетворение от того, что оказал великую услугу человеку, в чьих руках судьба моя, и потом, я уверился в чувствах всего семейства. Но вернемся к Маше. Она весь день только глядела на меня, не умея почти говорить, все не верила, что меня видит; но на следующий день начала уже болтать, рассказывать мне обо всем, что она делала и думала, покуда меня не было, совершенно как дитя. Я уверен, мой милый друг, что вы с Наташею ее полюбите; она же наперед обожает вас обоих и только и мечтает теперь о счастии присоединиться к вам как можно скорее; всякий день она меня спрашивает: *а ответ Александра!* Она боится, как бы он не оказался не таким, какого она желает, как бы ты не сказал, что дома нет. Она в постоянных волнениях.

После мира у меня останется только желание устроиться там же, где и ты, объединить наши два дома. Кто тогда сравнится с нами в счастии? Как учишься ценить покой и мирную жизнь после всех этих кампаний! Сколько иллюзий она разрушила! Ты видишь мир таким, каков он есть, и подлинные наслаждения, кои он дарит. Не в честолюбии, не в богатстве, не в круговерти столиц надобно искать их, а напротив того – в тесном кружке друзей; а можно ли иметь лучшего друга, чем такой брат, как ты? Да, мой милый, ты увидишь, что, когда захотят сказать о счастливых

людях, будут вспоминать о нас.

Мы проводим время в нашем карантине довольно весело. С нами итальянец Саччи, который поет и играет на гитаре; мы играем в карты, хорошо кушаем, строим планы, и дни проходят довольно быстро. Тем лучше: они приближают меня к тебе. Все чувствуют себя хорошо, а я – в совершенном удивлении обнаружить себя свободным, без дел, хозяином своего времени, как школьник на каникулах, так как в старину мы Светлую неделю провожали дома.

Мне сказали, что ты был в руках французов, и рассказывают даже и подробности [что именно произошло с А.Я.Булгаковым 2 сентября 1812 года, неизвестно]. Боже мой, если бы я это знал тогда, что бы со мною сталось! Я еще более ненавижу этих мерзавцев. Меня уверили также, что князь Василий вновь женился, – какое безумство! Как ему не помешали это сделать?! Уладил ли ты с ним дела, ибо после этого фарса он способен промотать все свое добро [князь В.А.Хованский вторично женился на вдове Ивана Федоровича Дмитриева-Мамонова Елене Васильевне, урожд. Толстой].

Константин. Смоленск, 3 мая 1813 года

Ну, мой милый друг, к грусти да еще и скука смертельная от беспрестанных остановок на почтах: лошадей или вовсе нет, или прескверные, так что я только сегодня в 6 часов утра мог дотащиться до Смоленска. Тут бы желал проскакать скорее, чтобы не видеть все опустошения, а, напротив, тащился, как рак. Не буду повторять тебе, что никогда мне так не было больно с вами разлучаться, как теперь. Надеюсь, что в последний раз, и это меня поддерживает. Не забывай, что я тебе оставил на руки Варламов; замени мое место у них, покуда обстоятельства меня возвратят. Люби их, этим еще больше докажешь мне любовь свою. Обними милую, добрую Наташу, ей поручаю свою Машу. Лошади готовы, а если подождать, то еще не будет; ибо сын Каверина [сенатор Каверин приводил тогда в порядок разоренные неприятелем Смоленскую и соседние губернии] едет в армию, а здесь он много значит. Я, слава Богу, здоров, но вообразить себе не можешь, как грустен.

Константин. Гродно, 6 мая 1813 года

Сейчас сюда приехал, крайне устал и голоден, но прежде всего нетерпенье поболтать с вами, мои милые. Если бы не твой пирог, пришлось бы мне в дороге, как последние два дня, есть один хлеб. Ничего достать нельзя, и я ничего горячего не ел и не пил с самой Москвы. К тому же время испортилось; но самое

дурное сделано, а как доберусь до Белого Стока, там пойдет лучше. Я разъехался с Чичаговым; никто не знает, в Петербург ли он поехал или в свою деревню, а знают только, что проехал за два часа передо мною.

Константин. Пултуск, 8 мая 1813 года

При выезде из Гродно узнал я о смерти Кутузова. Ты хорошо представляешь себе, мой милый друг, как меня это опечалило и огорчило – и из-за меня самого, и из-за Варлама, который потерял великого и, может быть, единственного покровителя. Поскольку я уж пустился в путь, то и продолжаю его, не зная, что со мною станется. Император взял командование на себя. Теперь, когда уже нет Кутузова, папа нельзя более терять времени; надобно, чтобы маман готовилась к отъезду, и по первому же письму моему из армии ехала в Валахию оканчивать дела свои. Я увижу, что надобно будет сделать; но теперь, когда возобновились военные действия, тут совсем о другом думают, нежели об имениях в Бессарабии. Это придет после; а покамест надобно во что бы то ни стало все закончить в Валахии. Объясни все это хорошенько и с осторожностью папахе.

Константин 12 мая 1813 года

Наконец, мой милый, бесценный друг, дотащился я до главной квартиры, где нашел много перемен, однако же почти всех моих знакомых и приятелей. Князь Волконский принял меня весьма ласково. Я еще не осмотрелся и не знаю, как и при ком буду; но Бог милостив, верно, меня не оставит. Анстет мне обрадовался, да вообще все знакомые, а Мишо безумно рад. Его брату оторвало руку, и он, хотя и лейтенант-полковник, получил крест Св. Георгия. Скажи, прошу тебя, графу, что я передал два его письма. Закревский здесь, он тебе пишет сам. Кстати, здесь имеют такое большое понятие о твердости характера графа Ростопчина, что продают водку чудовищной крепости и называют оную *дупельт Ростопчин.* Попытаюсь тебе ее прислать при возможности.

Я остановился у Мишо. Как только найду благоприятную минуту, тотчас представлю прошение императору, чтобы приказали продать мое имение и уплатить долги. Я уже говорил о сем Журавлеву, который при Шишкове. Я много потерял в поездке; но что может сравниться со счастием тебя повидать и самому привезти к вам Машу? Я ни о чем не жалею, все это окупится. Здоровье мое, слава Богу, хорошо.

Александр. Москва, 14 мая 1813 года

Ты можешь себе представить, любезный брат, какой был для нас удар кончина твоего покровителя [то есть князя Кутузова, дипломатической канцелярией которого заведовал Константин Яковлевич Булгаков в турецкую войну]; будучи так поражен, изумлен сею неожиданной новостью, должен я был еще скрывать грусть свою внутренно и стараться давать хороший пример почтенному старичку [Константину Дмитриевичу Варламу]. Боялся я, что он сляжет; ему эту новость неосторожно брякнул вдруг за ужином Приклонский. Я захохотал, уверив, что граф первый был бы извещен о столь важной новости, а он, напротив, не получал ничего с пришедшею за час почтою. Таким образом разуверил я старика, но на другой же день объявил ему о получении печального известия. Оно не могло уже иметь то же действие, ибо большое поражение было ему причинено накануне. Он особенно о тебе тосковал; но я ему сказал, что ты находишься в том же положении, в каком ты был по смерти Каменского; доброе имя и дарование тебя поддержали, ты нашел другого покровителя, и теперь Бог не оставит. Потом грустил старик о участи нашей армии, говоря: вот теперь будет Бонапарт сам; у нас все люди молодые, сделают ошибки. На мою помощь, подоспела славная победа 20-го числа у Люцена, которая чрезмерно его обрадовала, и он целый день твердил: «Вот вам и великий Наполеон! Кутузова нет, холода нет, того нет, сего нет, а мы его бьем, мы его бьем! Объясните-ка мне это». Насчет бессарабских земель он не беспокоится, ибо дело в ходу; да притом же я его уверил, что это более зависит от Чичагова, яко последнего главнокомандующего в Молдавии, нежели от покойного светлейшего. С того дня, что пришло несчастное известие, мы не оставляем его ни на минуту одного: партия всегда готова и, благодаря Богу, все так обошлось хорошо, что как бы ни в чем не бывало теперь. Подумал я, что, ежели тебе представится удобный случай, надобно его хватать на лету, почему и посылаю тебе три бланкета старика, два на высочайшее имя, а один на частное какое-то лицо; ты дополнишь в случае чем надобно и сделаешь нужное употребление.

Ручаюсь тебе, любезный брат, что ничего не будет упущено для успокоения, удовольствия старика и всей семьи.

Меня радует душевно истинная и горячая дружба, которая уже существует между нашими двумя семьями, или, лучше сказать, в нашей семье, ибо грешно бы было разделять Варламовых от Булгаковых. Все, что могу тебе сказать, то, что я бросил всех и целый день с Наташею у них. Когда старик спит, иду домой поработать, ежели есть что, а ежели нет, то остаюсь с Марицею, которая совершенный ангел. Мы сидим, играем до

первого, второго часу, а она, бедная, все сидит да зевает; это нездорово для нее. Однако же завтра едем все в Перову рощу, куда пошлются трубки и арнаут для приготовления барана по-ихнему. Волков будет с нами, Метакса и Попов. Спасибо им всем, они почти всякий день там. В воскресенье было в соборе молебствие по случаю победы 20 апреля. Время прекрасное, и великое стечение народа. Старик прикладывался ко всем мощам, и народ смотрел с восхищением на его набожность; попам трем дал по червонцу, и они его с помпою провожали до дверей церковных. Захотел непременно ехать к преосвященному Августину, яко начальнику епархии, рекомендовать себя. Сей отлично его принял, долго очень удержал и удивлялся образованию и знанию русского языка в Молдовании.

Константин 18 мая 1813 года

У меня еще нет никакого положительного места, я пока с графом Волконским, начальником главной квартиры; начинаю работать, но через несколько дней скажу тебе что-нибудь более положительное. Мое письмо было отправлено с Ламсдорфом его матери и будет верно тебе доставлено; но когда же получу я известие от тебя, мой милый друг?

Константин 27 мая 1813 года

Влодек, который сильно здесь болеет, едет завтра в Петербург; он взялся доставить тебе письмо мое от границы; посуди, милый мой, добрый мой друг, с каким усердием поспешил я воспользоваться сей оказией, чтобы тебе написать. Я по-прежнему при князе Волконском, который выказывает ко мне дружбу; но к чему это может привести меня, особенно с моей глупой манерой ничего себе не просить? Я тружусь, сколько могу, над делами старого папахи, но ты хорошо понимаешь, что теперь и император, и его окружение заняты совсем другим, нежели частными делами. Я думаю, что благоразумнее всего было бы маман, не теряя времени, самой отправляться в Валахию и продать как-нибудь тамошние их имения; ибо срок подходит, и тогда они рискуют все потерять. Даже ежели добьюсь, чтобы император приказал Италинскому просить продления срока, тем лучше будет, это ни в чем делу не повредит; а оказавшись сама на месте, она могла бы принять меры, с коими никогда так хорошо бы не справился их доверенный человек. Я прошу тебя, любезный друг, хорошенько им это растолковать и особливо, что не надобно терять времени.

Мое первое же письмо должно принести что-нибудь более решительное на этот счет, и тогда нужно будет, чтобы в любом

случае она готова была тотчас ехать. Мысль о том, что моя милая Маша поедет в те края, признаюсь тебе, меня огорчает; но разве может она оставить мать свою в такую минуту, когда будет ей единственным утешением, и потом, как ты хочешь, чтобы она оставалась с отцом своим? Так что пусть едет, и да хранит Бог обеих. Я не буду иметь минуты спокойной до их возвращения; одна только мысль меня и облегчает, что Фавст будет их сопровождать, ежели хочет дать мне подлинное доказательство дружбы своей и сдержит слово; и тогда не будет такой жертвы, какой не имел бы он права от меня потребовать. Надобно прямо теперь написать канцлеру, чтобы получить паспорт, и просить Шулепова, чтобы он добился от него рекомендательного письма для Кирико; надобно в точности указать число и имена лиц, кои их сопровождают, чтобы избежать впоследствии каких-нибудь неприятностей. Я надеюсь, что Тургенев добьется всего этого, а ты, милый мой, все устроишь так, чтобы я был покоен.

Прошу тебя сказать папахе, что письма фельдмаршалу были представлены императору Волконским. Об арнаутах он ответил и поручил графу написать ему, что надобно покамест оставить все как есть. Об N. император сохранил письмо у себя, чтобы говорить о сем с Балашовым. Адмирал тем временем написал об имениях, его письмо пришло во время болезни фельдмаршала, его послали графу Румянцеву. Вот на сию минуту и все, что мне известно. Посмотрим, что можно будет еще сделать, но не думаю, что много; теперь неподходящая минута. Терпение, и все устроится. А покамест не надобно забывать о поездке в Валахию. Папенька хорошо сделает, ежели останется в Москве, а еще лучше – ежели повезет Костаки в Пажеский корпус; меня спрашивали здесь, был ли он уже там, и я отвечал, что в сем году будет.

Что до меня, то поскольку я здесь, то и надобно мне здесь оставаться, и я надеюсь, что это будет не без выгод для меня, ибо все обходятся со мною чудесно. Все зависит от случая, и кто знает, когда он представится.

Мое здоровье хорошо, я живу с милым Мишо в прелестном домике, в городке в трех верстах от Рейхенберга; у меня также квартира в городе, но мне так славно здесь, что думаю тут и оставаться, тем более что и император здесь, и Ламсдорф, и все мои друзья, Анстет, Нессельроде, Закревский и проч. Сабанеев в городе, я ездил к нему обедать сегодня, и отлично прогулялся верхом вместе с Закревским.

Напиши Фавсту, что я говорил с Сабанеевым о Голембовском, которого назвал своим родственником; он с величайшим удовольствием берет его к себе, но, к несчастью, есть лицо, коего нельзя избежать, несмотря на то, что Сабанеев говорил о сем с

Барклаем; надобно, чтобы он представил прошение по регламенту и просил о вступлении в седьмой егерский полк, чтобы отослал его мне, и тогда все устроится. Этому молодому человеку будет хорошо, и он сможет получить повышение, все зависит от его поведения.

Скажи князю Урусову, что я отправил письма, кои он мне поручал, но что я ничего не сумел сделать для его родственника, поскольку князь Кутузов умер. Принеси ему мои извинения.

Мишо, который теперь воротился, поручает мне сказать тебе и жене твоей тысячу учтивостей. Как он любит своего брата! Этому несчастному малому оторвало руку, и он перенес три операции с удивительной твердостью; в конце концов ему отняли плечевой сустав. Он был адъютантом императора и хотя лейтенант-полковником, получил крест Св. Георгия 3-го класса. Я обыкновенно провожу вечера у адъютантов императора с Потоцким, Браницким и проч., которые все отличные малые. Я ложусь засветло, подымаюсь ранним утром, совершаю прогулки верхом, всегда в приятной компании, край прекрасен, погода чудесна; но все это не утешает меня, когда не имею ни от кого из вас ни строчки.

Между нами будь сказано, сын твоего начальника болен; он остался не знаю уж в каком городе. Я просил Сабанеева, который был с ним дружен, присмотреть за ним немного, ибо он молод и не жалеет себя.

Князь Волконский – начальник главной квартиры при императоре, а Сабанеев – начальник главной квартиры при Барклае, который идет за фельдмаршалом в командовании армией. Помнишь ли ты того военачальника, что жил у меня в Вене? Ну так вот, он был здесь на днях; из Лондона он возвращался через Петербург в Вену. Я был очень рад его видеть.

Я получил два твоих прошлогодних письма; как они были бы мне интересны тогда! Представь себе, что я только теперь получил кучу приказов, отправленных мне адмиралом во время моего губернаторства!

Александр. Москва, 29 мая 1813 года

Все обожают это бесценное семейство. Я возил Константина Дмитриевича к князю Александру Борисовичу [Куракину], который сюда приехал. Он старика обласкал очень. Можешь себе представить, сколько князь о тебе спрашивал; он не знал о твоей помолвке и захохотал, прибавив: «Что-то в Вене скажут, когда узнают, что бабочку посадят на булавку?» Вчера был князь у моей жены, долго у нас сидел, чуть не отнял твой портрет, на который долго смотрел.

Константин 7 июня 1813 года

Вчерашний день был для меня подлинным праздником. Это был первый день со времени нашего разлучения, когда я был весел и доволен, мой милый и любезный друг. Я как раз возвращался с Сабанеевым из Гнаденфрея, маленького городка, где обосновалась колония моравских братьев, когда меня остановил какой-то казак и вручил мне большой пакет. Какой радостью для меня было видеть твой почерк, мой милый брат! Словом, я нашел в пакете столько приятных вещей, большое письмо от тебя и письмо от моей милой Маши. Это было прямо при нашем входе в город Мекленбург, где живет Сабанеев, который хотел идти ко мне в наш городок; я выпрыгнул из брички и помчался домой наслаждаться.

Как вспомню московское наше житье, так все бы бросил и пустился к вам; но если бы и пожертвовал я своими личными выгодами, то дела нашего старичка требуют много хлопот и непременного моего здесь пребывания. Если бы князь был жив, все бы это тотчас кончилось; а теперь надобно искать каналы или, лучше сказать, сотворить новые, а это не минутное дело. Вот самое большое доказательство, которое могу дать ему, моей неограниченной привязанности к нему.

У гернгутеров купил я, между прочим, кошелек для Наташи, а для тебя ножичек, который при сем прилагаю. Там все наши, русские, раскупили. Я в первый раз видел это общество; как они мирно и согласно живут, все у них общее, как у братьев.

Вот письмо к брату Тургенева, отошли к нему тотчас, а Александру напиши, что я, не найдя князя в живых, не могу ничего для его братьев сделать и даже определить к Нессельроде или Анстету, что бы, впрочем, и не очень было для них выгодно. У первого есть уже двое в канцелярии, надворный советник Бутягин и Шредер, а у последнего был один, да и тот ему не нужен; отпросился в Санкт-Петербург.

Вот также письмо, которое Мишо просит отослать немедленно в Одессу. На случай, если жена его брата проедет через Москву, то прошу тебя, мой друг, быть ей полезным в найме извозчиков и проч. Они оба мне друзья, особливо этот, с которым живу. Он любит свою свояченицу почти как я Наташу и спокоен обещанием моим, что я Волкову ее поручил. Поговори также о ней милому полицеймейстеру. Дайте ей наставление на дорогу и надежных извозчиков, ибо она женщина одна с ребенком. Похлопочи за нее, этим меня крайне обяжешь, а особливо Мишо. Я очень рад, что с ним живу. Он мой утешитель. У него в Ярославле у почтмейстера остались дрожки, которые изломались.

Он тебя просит поручить кому-нибудь по прилагаемой при сем записке продать их, а что, я думаю, еще лучше было бы – перевезти в Москву, вычинить и тогда продать. Дрожки славные и были совсем новые, когда он поехал в Ярославль. Сделай, что будет лучше и для него выгодней. Когда дела нет, то мы играем по вечерам в кегли с Браницким, Потоцким, Ламсдорфом, Мишо и проч. или ездим гулять верхами. Местоположение здесь прекрасное, вокруг все горы. Какие мы едим вишни, – послал бы к вам целый воз. Я обедаю или во дворце, где имею стол ежедневно, или у Сабанеева, который живет в Рейхенбахе, где главная квартира Барклая (а здесь государева), или у графа Браницкого. Я здесь с ним только познакомился, прекрасный малый.

Государь поехал в Богемию видеться с великими княгинями Веймарскою и Катериной Павловной. Теперь мы в перемирии. Все, слава Богу, идет по желанию, хорошо. Это для тебя: сейчас узнал я, что государь утвердил все представления графские. Сейчас получил записку Журавлева, которую при сем прилагаю, поздравляя тебя от всей души, мой милый, любезный брат. Рескрипт везет податель сего, которого имени все-таки не знаю. Поздравь также Попова, особливо доброго Волкова, также Ильина.

Вот награждения:

Ивашкину – 2-го Владимира, трем полицеймейстерам – по 10 тысяч, Булгакову – 2-ю Анну, Руничу – чин коллежского советника, Ильину – 4-го Владимира, князю Волконскому и Попову – 4-го Владимира, Трунцевскому – чин коллежского асессора, майору Гельману – чин подполковника в Изюмский гусарский полк.

Приставы Яковлев, Иванов, Чистяков и еще кто – 2-е Анны.

Нескольким частным приставам и квартальным надзирателям – 4-го Владимира и одиннадцати человекам – подарки. Всей канцелярии – годовой оклад.

Константин. Петерсвальдау, 21 июня 1813 года

Мне пишут, что Стурдза отчаянно болен, а приезжие оттуда уверяют, что его уже нет на свете. Конечно бы, это место хорошо бы и прилично было для папа; я здесь со многими об этом говорил, вот что мне отвечали: Бессарабия еще не на таком положении, как другие губернии; туда назначен был губернатор от Чичагова, а потом и теперь его рекомендация большую будет иметь силу, тем более, что выбор туда губернатора будет затруднен здесь, не имея сведения о сем крае. Следовательно, если Стурдза точно помер, то надобно писать к Чичагову и просить его предстательства, которого, я уверен, что он не откажет, а при сем случае может он опять напомнить о заслугах

Константина Дмитриевича [Варлама. Скарлат Стурдза – это отец графини Эдлинг]. Когда его письмо или представление будет здесь, то и мне можно будет хлопотать, а без оного ничего нельзя мне сделать. Это также мнение Журавлева, которому ход этих дел известен. Итак, не терта времени, пишите к Чичагову и к Василию Алексеевичу Поленову. Он мне приятель, ты можешь даже от себя написать. Уведомь меня, на что вы решитесь, но не надо терять времени.

Этот Фавст – занятное создание, он не может никогда быть счастлив, со своими страхами; но я очень доволен по крайней мере знать, что он был рад началу своей карьеры. Если бы его теперь и не любила его невеста, то, верно, полюбит, когда узнает короче, а он боится противного. Экий чудак! Есть ли какой-нибудь ответ Чичагова на первое письмо? Из твоего второго письма я вижу, что Вакареско сильнее, чем я думал… Траты, которые они сделали, чрезмерны, но чем это все окончится? Я рад, что папаха сделал то же наблюдение. Ты говоришь мне, что мои траты очень ограниченны, но я нахожу, что 30 в день за стол – этого много. Не допускай их бросать деньги, особливо без пользы. Надобно особливо смотреть, чтобы их дома не обкрадывали все эти молдаванские камердинеры. Мне кажется, он слишком доверяет своему камердинеру. Его кошелек всегда у того в руках; ежели в один прекрасный день ему придет в голову его унести, зло будет непоправимое: прощай, деньги и бумаги. Поговори о сем с маман; почему это не хранится у нее в каком-нибудь шкапу, особливо бумаги?

О Ростопчине я тебе писал, он болен в Бромберге, и кажется, также без денег, и более от сего, нежели от болезни, сюда не едет. Закревский хлопочет, чтобы его вывезти. Я думаю, не худо бы, если бы граф поручил это особенно Сабанееву: он умеет обходиться с молодыми людьми и держать их в руках. Он же и без того любит молодого графа, о коем все отзываются весьма хорошо.

На сих днях видел я князя Репнина, как он растолстел! Княгиня здесь и все дети. Они будут жить в нашей деревне. Можешь дать это известие Каменским, о которых мы много с нею говорили. Князь Чарторыжский тоже здесь, я был у него, не нашел дома, но его встретил; он меня обласкал и звал к себе.

Константин. Петерсвальдау, 22 июня 1813 года

Я был у Нессельроде, чтобы еще раз напомнить ему о деле папахи. Проникнувшись к нему наконец дружеским расположением, какое и он ко мне испытывает, я убедил его дать мне в сем доказательство, пойдя тотчас представить императору

докладную записку, которую я давно уже заготовил на этот счет. Он пошел и принес мне доброе известие, что император согласен на просьбу папа и приказал ему довести его приказы до сведения Италинского в официальной депеше. Я тут же ее составил, а Нессельроде подписал. Ее отправят при первой же оказии. Посылаю тебе копию, для сообщения папа. Надеюсь, он будет ею доволен и признает, что ее писал сын, который очень к нему привязан. Слава Богу, вот дело и устраивается. Я напишу Италинскому, чтобы поторопить его тут же дать ход делу; а с такой депешею и такими решительными приказами он сможет многое. Кроме того, я рекомендую дело всем Фонтонам на свете, ибо их сотрудничество необходимо. Они все друзья мои, они все мне обязаны, и я надеюсь, они пошевелятся.

Копия депеши государственного секретаря графа Нессельроде его превосходительству посланнику Италинскому, писано в Петерсвальдау 21 июня 1813.

Господин посланник!

Поскольку император желает, чтобы действительному статскому советнику Варламу была оказана вся возможная помощь в устройстве его дел, его императорское величество поручает вашему превосходительству совершить необходимые шаги для получения фирмана [указа султана] Порты, коим будет предписано князю Валахии выкупить имения, которыми г-н Варлам владеет в этом княжестве. Поскольку подобная же мера была принята в отношении князя Михаила Кантакузина при принце Ипсиланти, его императорское величество надеется, что Порта и теперь не откажется от подобного же снисхождения в отношении г-на Варлама, который находится совершенно в том же положении.

Посему соблаговолите также, господин посланник, довести и до сведения его высочества, сколь чувствителен будет император к сему знаку справедливости и снисхождения, столь сходным с великодушными чувствами, им руководящими.

Если, однако же, Порта категорически откажется исполнить сию просьбу, вам будет легко, сударь, добиться по крайней мере того, чтобы установленный срок для продажи имений был продлен в пользу г-на Варлама на три года. Император тем более убежден в успехе ваших шагов, что, со своей стороны, его величество нисколько не утесняет турецких подданных, владеющих имениями на территории, уступленной России по последнему договору.

Вашему превосходительству известны услуги г-на Варлама, коим покойный фельдмаршал Кутузов неизменно отдавал столь

разительную справедливость. Сии соображения склонили его императорское величество в его пользу и, несомненно, обязывают вас, г-н посланник, употребить все публичные и частные средства, коими вы располагаете, для достижения успеха этого дела.

Я сочту особенным знаком внимания, если ваше превосходительство будет иметь доброту не оставить г-на Кирико в неизвестности относительно успешности ваших шагов, дабы он мог довести сие до сведения госпожи Варлам, незамедлительно отправляющейся в Бухарест. Имею честь быть, и проч. Подпись (Нессельроде).

Константин. Петерсвальдау, 11 июля 1813 года

Сегодня со мною случилась вещь, заставляющая меня покраснеть, и это потому, что я чувствую себя виноватым. Генерал Балашов, бывший в отсутствии несколько дней, воротился. Я часто его встречал; но сегодня я обедал с ним при дворе. После обеда он подошел и обратился ко мне так ласково, сказав, что желает со мною познакомиться. Я был совершенно смущен, оттого что до сих пор у него не был и не представился, тогда как мы стольким ему обязаны за его участие к нам в нашем несчастном деле; да вот только несчастье делает робким. Мог ли я верить, что он помнит о моем существовании? Он с чрезвычайною добротою говорил со мною о деле и о своем участии в нас; он сказал мне, что познакомился с тобою, словом, я впервые смущен такой добротою, какой я столь мало заслуживаю. Я исправлю свою вину завтра же: я иду к нему.

Константин. Петерсвальдау, 15 июля 1813 года

После отправления последнего моего письма к тебе был я у Балашова. Он меня принял весьма благосклонно, я сидел у него с час и имел разговор весьма приятный о Москве, о тебе и о нашем милом Волкове. На твой счет Александр Дмитриевич отзывался весьма хорошо, говорил, что познакомился с тобою, имел даже дело, и весьма тебя хвалил. Подтвердил то, что я писал тебе о кресте твоем, с выражением, весьма лестным для тебя. Когда дошла речь до нашего Микеля, я весьма рад был, что мог говорить о человеке, которого столько люблю, с человеком, который также его любит и уважает. Он между прочим сказал мне весть весьма приятную. Я знаю, что на Волкова в Москве все валится, что его начальник и товарищ его часто болеют, и если все движется, то главным образом благодаря ему самому и его заслугам; так что ежели Ивашкин по какой-нибудь причине свое место оставил, то оно по праву принадлежало Волкову, и я убежден, что такой выбор только приятен городу, где он сумел

завоевать всеобщее уважение и дружбу. Ты понимаешь, что я не смолчал при сем случае; но уверяю тебя, что не имел многого сказать, чего министр уже не знал. Я в восхищении и от того, что его труды так хорошо известны и от перспективы видеть его всегда с нами; ибо коль скоро основная моя мысль в том, чтобы устроиться вместе с тобою, посуди, рад ли я такой уверенности. Я очень доволен, что узнал ближе генерала Балашова; это очень любезный человек, и сразу замечаешь, что он человек большого ума. Я буду навещать его так часто, как будет можно, чтобы не стеснять его, и так часто, как позволит мне его занятость. Мы также говорили о нашем деле и о планах продать часть имения для уплаты долгов. Он нашел это очень правильным и не предвидит в исполнении никаких затруднений. Одним словом, я очень доволен своим визитом.

Не знаю, писал ли я тебе, что Поццо здесь. Он поручает мне сказать тебе тысячу учтивостей и кланяться нашей милой Наташе. Роман Багратион тебя просит доставить два письма, кои прилагаю при сем. Он очень досадует на безумные расходы Вакареско и на мысль Алексея явиться сюда вместе с его женою. В самом деле, это было бы весьма обременительно, повлекло бы большие расходы, и я не знаю, дозволительно ли полководцу возить с собою жену. Роман хотел ему писать об этом. Закревский поехал в Ландек.

Константин. Петерсвальдау, 25 июля 1813 года

Посылаю тебе листок из английских газет, из которого усмотришь подробности Веллингтоновой победы; может быть, они вам еще неизвестны. Он сделан фельдмаршалом и вошел уже во французские пределы. Один отряд был уже близ Байоны. Ай да молодец! Между тем Моро прибыл в Швецию, что-то от этого будет? Сюда прибыл из Лондона курьером Афендельев; он теперь при миссии Татищева, который все еще в Лондоне, где ожидает свою жену. С ним Полетика, к нему также будет и Богомолов. Козловский отправился на свое министерство в Кальяри; говорят, что все такой же чудак, не меньше того счастлив, имеет хорошее, спокойное место и 8 тысяч ассигнациями с курсом жалованья. Впрочем, он человек бедный, так это не худо. Закревский возвратился из Ландека, куда ездил к водам. Он сказывал, что молодой граф совершенно здоров, но все надобно держать его в руках. Ваня Пушкин проехал через Рейхенбах к Витгенштейну, я его не видал. Он пожалован в действительные статские советники. И этот счастлив. Журавлева тебе кланяется, она была на этих днях у меня. Здесь также молодой Воронцов [то есть граф Иван Илларионович Воронцов-Дашков], он также приехал из

Лондона курьером, велел тебе кланяться. Мне сказывал граф Толстой, что он получил письмо от князя Василия Алексеевича, который жалуется, что он совершенно разорен, и просит места. Я подтвердил о его потерях, а что будет из места, не знаю; но напрасно он не означил, какое место имеет в виду. Князь Роман Багратион поехал в польскую армию к Бенигсену. Он был у меня, все сердится, что князь Алексей мотает. Мне весьма приятно было видеть из письма графа к Закревскому, что он любит Сабанеева.

Предостойнейший человек! Я его почти уговорил, когда все кончится, приехать в Москву и, если можно, там поселиться. Я ручаюсь наперед, что все бы его полюбили. До сих пор не знаем еще, точно ли твой граф переселится в Петербург; поговорили было, но опять замолчали. Для тебя сердечно желают, чтобы сего не было. Поццо здесь. Мы часто гуляем вместе. Я не знаю приятнее человека и по уму его, и по познаниям. С ним надобно учиться думать. Он недавно произведен в генерал-майоры.

Константин. Прага, 2 августа 1813 года

Ежели мое письмо первое возвещает тебе о великом событии, то ты будешь совершенно удивлен, мой милый и превосходный брат, видеть его датированным Прагой. Одно это имя должно указать тебе на нынешнее положение дел. Дело в том, что, поскольку посредничество императора Австрийского не привело к примирению, каковое должно было быть последствием, Франц I объявил войну Наполеону, будет действовать заодно с нами, и наш император прибыл сюда, чтобы встретиться со своим новым союзником. Я уже вижу, как будут рады у вас узнать такую удовлетворительную для доброго дела новость. Да благословит Бог усилия обоих государей и наших союзников, пруссаков, шведов, испанцев и англичан! Их целью было счастие и спокойствие Европы, столь долго возмущаемой честолюбием и эгоизмом Наполеона; мотив священен и слишком прекрасен, чтобы не получить поддержки Неба. Но ангел, всеми направлявший и к сему приведший, – наш император; так что Европа и потомки никогда не смогут произнести его имя без самого горячего чувства признательности. Император здесь только со свитою, а поскольку я в свите, то вот и я в Праге.

Если бы у меня были письма от тебя, я был бы более расположен к развлечениям в сем прекрасном городе; но я мучаюсь от твоего молчания, не знаю, чему его приписать, не знаю, когда оно окончится; ты хорошо понимаешь, что я испытываю! Я не сумею описать тебе всеобщий энтузиазм, какой произвело прибытие императора в одной карете с его августейшим союзником! Улицы заполнены веселыми и

счастливыми лицами, неописуемые возгласы народа; но что же будет завтра в театре! Мы имели предусмотрительность взять ложу, чтобы насладиться в свое удовольствие искренней радостью, которую испытывает сей добрый народ. Мы вчера были в театре с Влодеком, который вернулся, Браницким и Мишо. По воле случая нам досталась та ложа, которую занимало прежде французское посольство, и появление в ней русских мундиров произвело приятнейшее впечатление. На нас смотрели более, чем на пьесу.

Я теперь окончательно при Нессельроде, и сюда прибыл вместе с ним и с почтою. Экипаж свой я отправил вперед. Нессельроде обходится со мною с бесконечной добротой, я надеюсь заслужить ее своим усердием и точностью. Мы нашли здесь Анстета, который, как ты знаешь или не знаешь, был полномочным послом. Я вновь видел здесь графиню Софью Волконскую, которую оставил девочкой 10 лет тому назад. Она натурально сильно переменилась; кажется, и я не остался прежним, ибо пришлось просклонять мое имя, без чего мадам меня не узнала бы. Все это прекрасно, но у меня совсем нет писем из Москвы, что жестоко меня мучает.

Здешний дворец, называющийся Ракин, огромен. Оба императора, обе великие княгини и великие князья там поселились со своими дворами; прусский король также там будет поселен, и мы с Мишо занимаем две прекрасные комнаты. Прага – великолепный город, огромный; местоположение замечательное, театр красив, и все это выглядит празднично, да тут и в самом деле праздник. Я почти не нашел своих венских знакомых. То, что я мог видеть из австрийской армии, превосходно, и видно, что они в восхищении от того, что теперь с нами.

Александр. Москва, 14 августа 1813 года

Сегодня сидим мы все перед графским кабинетом [то есть на Тверской, перед кабинетом графа Ростопчина], ждем всякий своей очереди; приезжает какой-то комиссариатский офицер, присланный курьером из армии в здешнее депо. Волков и Дурасов спрашивают, что нового в главной квартире. – «Ничего! Только что император изволил послать к австрийскому императору с миссиею статского советника Булгакова». Очень меня это обрадовало, ибо вижу, что ты, во-первых, в ходу, а во-вторых, по части, тебе известной, да и комиссия в такое место, которое тебе очень известно. За обедом у Варламовых говорили об этом. Старик уверяет, что ты все сделаешь как должно, и лучше Анстета, а Марица все сомневается, что нечего делать с австрийцами, что они преданы Наполеону.

В самый разгар дискуссии – бац! – предписание, от кого? От графа. Зачем? С запискою ко мне. Читаю, и граф уведомляет меня, что 29 июля Австрия объявила Франции войну, и что наши вступили в Богемию и что сейчас прислали ему с сим курьера. Вообрази себе радость всех! Встали из-за стола, ну креститься, ординарцу денег надавал папа. Пошли расчеты. Ты отправлен 23-го, два дня ты ехал, два возвращался и два трактовал; ты привез государю известие сие радостное, и весь дом в восхищении, да и очень все сии предположения могут быть справедливы. Узнаем все из газет или от тебя самого, ожидаем писем с нетерпением. Дай Бог, чтобы мог я тем обрадовать завтрашнюю именинницу. Письмо от тебя было бы ей лучше всякого подарка.

Ай да немцы! Насилу-то вышли из терпения. Пишут сюда, что Корсиканец в последней своей конференции с Меттернихом плюнул ему в лицо; видно, при всем пристрастии, не показалось это Божиею росою. Это известие наделало большого шуму во всем городе, и история Корсиканца скоро закончится. Граф, который узнал, что завтра Марица именинница, спросил, можно ли ему прийти вечером; ты угадываешь ответ, который он получил, а я поджидаю Наташу всякий час. Повторяю просьбу, любезный брат, сообщать мне всегда статейку о графском сыне. Он очень ленив писать, и мне очень будет приятно давать о нем известия отцу. От меня (а я по твоему письму № 11) граф только узнал о прибытии сына в Петерсвальдау; после писал ему и Барклай, что граф Сергей Федорович отпущен к водам на две недели.

Мы все откладываем поездку папахена в Петербург, оттого что граф Сергей Румянцев показал графу письмо от брата своего канцлера, где тот ему говорит, что только что представил императору прошение о полной отставке со службы. Говорят уже, будто место его заступит князь Куракин, а другие – что сам граф. Тот ли или другой – все для нас лучше, а тогда и будет время ехать в Петербург, ибо невозможно было бы мне ехать вместе с папахеном, один токмо мой вид уже принес бы неудачу и испортил бы его дело с чертовым канцлером. Весть об австрийцах так подняла дух папа, что он хочет ехать в главную квартиру. – «Зачем?» – «Да чтобы показаться императору». – «Для чего же? Обождите, когда его величество вернется в Петербург: у вас тогда будет двойная причина туда ехать». Насилу урезонил; да и Николу не знаю зачем посылает: он будет у вас бесполезен и вам, и себе, ибо дело арнаутов, как ты писал, отложено до времени.

О продаже имения нашего для оплаты долгов производится уже дело в уездном суде, коим будет сделано определение все продать и удовлетворить должников; дело же само в Сенате, по апелляции нашей из Гражданской палаты, и бог знает, когда

будет очередь; но признаюсь, что удовлетворение батюшкиных должников более меня интересует, нежели само дело.

Эстампов Воронцова нет уже, их все расхватали, а новых еще не привезли из Петербурга; мои взял граф и не отдал. Вот что значит быть добрым малым, как граф Михаил. Бахметев поехал в Петербург, во-первых, сделать себе деревянную ногу, а во-вторых, требовать должные ему разными особами 40 000; пишет к папа, что его удовлетворит со всеми процентами. Бахметевские деньги мы сбережем. Теперь у меня еще другой проект, который пошел на лад. Вот что. Тебе, живя здесь, нельзя не иметь подмосковной. Каверину пришла петля, он продает свою подмосковную, Волков ее торговал два года назад. В ней лесу десятин 50, дом такой, что на 25 000 здесь не построишь, от Москвы в 27 верстах, а от нашего Катушина в 25-ти. Мы ладим это дело с Волковым. Полагаю, что за 35–40 тысяч рублей мы сию землю получим, а она может давать 3000 рублей дохода, что очень выгодно; я думаю, что папа тебе ее подарит (там 49 крестьян) сверх условленного приданого.

Александр. Москва, 17 августа 1813 года

Славно мы попраздновали Марицыны именины; жаль, что Наташа не была: она приехала только вчера, маленькое женское недомогание помешало ей быть здесь к 15-му числу. Все наши обедали и ужинали у Варламовых. Мы мистифицировали важного Попова. Он спросил, играя в вист, трубку. Слуга, не поняв его, принес ему стакан пива, которое Попов проглотил, ни в чем виду не показав; снова просит трубку, и снова приносят стакан пива, которое Попов проглатывает по рассеянности; опять требует трубку, ему приносят третий стакан пива, мы его уверяем, что это первый; словом, он говорит: «Да хоть бы и не первый был стакан, мне что-то пить хочется», – и выпивает с миной человека, который уже не знает, кому следует верить: другим или же себе. Метакса уверяет его, что «трубка» в Валахии звучит как «пиво», а Попов понял, что его разыгрывают, только когда он, желая пива, просил трубку, а ему принесли трубку. Нет вечера, чтобы не было мистификации.

Александр. Москва, 18 августа 1813 года

Приехав сюда из деревни, с ужасом узнал я о черном, гнусном заговоре, сделанном камердинером Егором и арнаутом против доброго нашего папа. Сии бездельники в ночь с понедельника на вторник хотели ночью прийти взять шкатулку под кроватью, с тем, что ежели бы папа услышал и проснулся, то его зарезать, а потом с добычей бежать. Бог не попустил

злодейству совершиться. Пьянство, коему они предались в последние три дня (я был в деревне), и некоторые слова арнаута дали подозрение. Капитан Николо просил папа не позволять арнауту возле себя спать, что и было ему запрещено, и выполнялось два дня; на третий Николо говорит, что арнаут все тут же спит. Ночью папа призывает Егора и спрашивает, где спит арнаут. – «Со мною». – «Зачем это? Я запретил». – «Да что, разве вы его боитесь? Он вам так же верен, как и я». – «Тебе нет дела, зачем; я не хочу, чтобы он спал тут, поди тотчас теперь и отбери у него все оружие». – «Я не пойду (папа хочет сам идти). Не ходите, вам будет дурно». Константин Дмитриевич, дав ему плюху, пошел в другую комнату; арнаут тут спал. Он взял все оружие и отдал его капитану Николо; возвращается в спальню, Егор говорит: «Отдайте оружие, а то худо будет». Тут начался разговор очень шумный. Костаки подслушивал у дверей, испугался, побежал за матерью; она вошла, закричала на Егора, который так сильно ее ударил в грудь, что она упала. Марица, к счастью, сохранила ум и – тотчас курьера за Метаксою; сей, узнав, что шум в доме, берет на гауптвахте четырех солдат и приходит в дом в самую пору, чтобы связать злодеев. Арнаут уже схватил папа за горло, но ни он, ни грек не могли ничего сделать без оружия, а после их взяли. Папа хотел, чтобы Метакса отослал солдат, говоря: «Это сделает шум, на что? Я их накажу сам завтра». Но Метакса, который видел, что это не шутки, стоял на своем. Волков допросил несчастных и добился признания от грека, что они замыслили зарезать и обокрасть своего доброго хозяина, а после бежать из России. Арнаут упорно все отрицает, но это его ни к чему не приведет.

Слава Богу, папа избавился от этого аспида Егора, коего я никогда не переносил. Папа хотел добиться от графа, чтобы того отослали в Валахию и заставили работать всю жизнь. Мы бы тогда насмотрелись, он бы стал жечь имения папа или сговорился бы с другими негодяями, чтобы чинить ему вред. Его отправят прямехонько в Сибирь. Посуди, любезный друг, что добрый папа что-то чуял, но не умел объяснить; он был беспокоен, задумчив, не хотел видеть ни жены, ни детей (та шельма ему и наговаривал на них всякий день); он все время зяб, в груди сохло. Кельц не знал, что и думать, а то было не что иное, как дурные предчувствия, ибо один раз он даже сказал Метаксе: «Кажется мне, что я скоро умру». Как только предателей арестовали, у него все прошло. Эта история произвела впечатление на все семейство; но поскольку мой приезд у всех вызвал радость, то уж более и не говорили о виновном. Весь дом радуется, ибо не могли переносить ни грека, ни арнаута. Я же благодарю Бога, что папа

навсегда избавился от этой шельмы. Уверяю тебя, что он так завладел стариком, что перессорил бы его со всеми близкими и оставил бы его одного. Папа с этим согласен и пересказал нам все их разговоры. Вот тебе, милый мой, краткое описание бесчестного покушения на человека, который желает только счастья всему своему окружению. Николо и особливо сын его Метакса оказались в высшей степени полезны, и ура Марице, которая в решающую минуту не потеряла головы и действовала как самый хладнокровный мужчина. Меня восхищает знать тебя с Мишо, потому что вижу из твоих писем, какой он добрый малый.

Константин. Теплиц, 18 августа 1813 года

Ура, милый брат, ну уж пощелкали мы французов! Вандам с корпусом сунулся было в Богемию, но его отрезали, взяли у него всю артиллерию, 40 пушек, самого Вандама и трех генералов, принц Рейс убит, а пленных куча. Гвардия дралась удивительно. Вот вкратце сегодняшнее дело. Командовал Барклай. С Праги мы все верхом, и я своей брички даже и не видал. Тороплюсь и смертельно устал.

С другой стороны Блюхер около Яура разбил Макдональда, взял 60 пушек и много пленных. Вот, брат, как идут дела наши.

Кронпринц Шведский также имел победу, взял 26 пушек и проч.

Где я стоял сегодня, туда даже и ядра не долетали, и так прошу Машу быть спокойною.

Константин. Теплиц, 23 августа 1813 года

Я очень доволен своим положением. Я люблю активную жизнь, люблю трудиться, и того, и другого мне здесь довольно. Я видел наконец молодого Ростопчина, здоровье его хорошо, он получил орден Св. Анны 2-го класса. Это красивый молодой человек, очень живой и умный и полный отваги. Прошу тебя передать графу мое почтение. Думаю, я тебе говорил, что австрийский император будет возводить памятник нашим гвардейцам на самом поле сражения. Именно там проходит большая дорога из Дрездена в Теплиц, и иностранцы, кои поедут впоследствии к водам, не смогут помешать себе восхищаться доблестью и упорством 6000 русских гвардейцев, которые стояли здесь много часов и наконец разбили 40 тысяч французов и тем подготовили блестящую победу, поставившую их над всякой армией мира. Ну уж молодцы!

Константин. Теплиц, 28 августа 1813 года

Поццо, когда писал письмо в Англию, сделал такой красивый

портрет мадам Сталь, что я счел должным его списать. Посылаю его тебе, чтобы ты прочел графу. Я убежден, что он ему понравится своею наивностью и правдивостью. Я нахожу его очаровательным.

Александр. Москва, 28 августа 1813 года

По милости графа я опять пожил с неделю с Наташей в деревне, где мы и праздновали 26-го числа ее именины; отыскал твое письмо, где ты говоришь о Батинском деле, порадовался, вспомнил прошлый год, Бородино, потосковал; вдруг явились приятели из Москвы: Метакса и Попов. Наташа мне подготовила прелестный сюрприз. Пообедав, мы отправились во флигель, что в саду. Крестьяне и крестьянки пришли нас поздравить. Группа расступается, вижу крестьянку, а это Наташа. Крестьяночка маленькая кланяется мне в пояс, подает хлеб-соль, а это Катенька; поворачиваюсь, вижу и Костю в крестьянской рубашечке. Признаюсь тебе, я не мог сдержать слез: все эти крестьяне имели столь счастливый вид. Погода была прекрасная. Что бы я дал, чтобы в ту минуту тебя прижать к сердцу своему! Подагра папахи помешала и ему быть, тогда праздник был бы совершенный. Утешила меня очень Наташа. Мужики целый день пели, плясали, бабы пели песни. После ужина сожгли мы фейерверк. День прошел чудесно.

Чрезмерно тебе благодарен за лондонские брошюрки: они меня усладили. Ты знаешь, как я люблю произведения сего рода. Ради Бога, присылай мне все, что будет попадаться, я же делаю коллекцию всего, что печатается относительно бессмертных 1812-го и 1813-го годов, и имею уже три толстые тома. Жарко же Наполеону; все его друзья, Моро, Борго, Стейн, в главной квартире. Недостает Ростопчина. Сказывал ли я тебе, что граф купил очень красивый бюст Бонапарта в бронзе? Он его устроил возле стульчака, а на него ставит комнатный горшок. Не знаю, право, ненавидят ли его в Мадриде так, как здесь. Посланник Испании в Петербурге Бардачи нанял сельский дом Лаваля на Каменном острове. Ему заметили, что Лаваль слишком дорого застраховал его от пожара. «Да неважно, – отвечал министр. – Ежели мы получим весть о смерти мерзавца Бонапарта, я и сам запалю деревню с четырех концов для иллюминации и заплачу господину Лавалю добрыми золотыми реалами». Смешнее всего то, что все это выдумали в минуту заключения контракта. Из приличия пришлось изъять сию энергическую статью из оригинала. Гурьева, соседка Лавалева, нашла, что Бардачи действует как Ростопчин; другая дама очень хорошо заметила, что лучше действовать а-ля Ростопчин, чем а-ля Гурьев, а княгиня

Долгорукова радуется, что между нею и представителем его католического величества есть Нева.

Не забудь, как уже писал я тебе, в письмах твоих упоминать словцо о молодом графе, ибо он очень ленив писать к отцу, который сыну своему скорее друг, нежели отец. Как теперь у него дела? Свяжись с ним. Это милый мальчик. Не пренебрегай генералом Балашовым – пригодится; он замечательно обходителен. Я тут работал для него, когда император был последний раз. Были польские бумаги, кои не хотели никому доверить и кои я целую ночь переводил, и генерал сказал мне, что его величество доволен моими трудами. Засвидетельствуй ему мое почтение. Я тебе пошлю свою книгу для него, в красивом переплете; ежели найдешь сие кстати, поднеси ее ему от моего имени. Волков сильно расхваливает его таланты и очень ему предан. Ах, милый мой брат, когда же поквитаемся мы с Ивашкиным? Даже ежели отбросить всякую пристрастность, то при Волкове полиция получит новую душу, все его служащие обожают справедливость и опасаются его суровости, а Ивашкин вялый… и отделывается везде поклонами. Спиридов очень деятельный, он один помогает графу. Комендант Гессе уже два месяца помирает, вице-губернатор – вор с большой дороги. Граф не может никому довериться и должен все видеть сам. Ивашкин ушел бы, но тщеславная жена его удерживает, и потом она не забывается, остается еще надеяться. Он вечно болен, рука его парализована, он хочет поехать к водам на год; ежели он сие сделает, надобно будет без церемоний дать его место Волкову, который желает места коменданта, но несправедливо было бы погребсти его таланты на незначащем посту коменданта. Хорошо, чтобы ты знал все это.

Александр. Москва, 1 сентября 1813 года

Удивляюсь я, что ты не получил тоже книги, которую мы с Метаксою написали и где, между нами будь сказано, его только план[111]. Она имеет здесь успех. Ее перевели на немецкий и английский. Граф Чернышев переводит ее на французский язык и публикует на свои средства. Был сделан превосходный ее перевод на греческий, и печатают оный на деньги папа и Зосимы, знаменитого сего грека с жемчужиною. Так как очень раскупают, то я делаю теперь второе, очень дополненное, издание. Я тебе послал уже несколько экземпляров с разными оказиями. Я прочитал Волкову подробности твоей беседы с генералом Балашовым. Все, что ты мне пишешь, доставило ему большое удовольствие, он тебя братски обнимает. Как же ты мне не сказал, что теперь Поццо с тобою? Поцелуй его и крепко обними от меня.

Ты не прибавляешь, среди любопытствующих ли он или служит.

Завтра в шесть часов вечера пойду я к Устретенским воротам, смотреть на место, где меня взяла в плен французская кавалерия, вступившая в Москву; встану на цыпочки, изображу воинственную пантомиму и сделаю вызов самому Наполеону. Тогда я был хладнокровен, а теперь не могу думать об этом без страха. Ежели б обыскали меня, как сего требовал один из генералов, то было б от чего четвертовать меня на месте, без церемоний, и желание писать прокламации против бывшего великого человека меня бы уж не посещало. Я показал сию пьеску Анстету, который приезжал в Москву на несколько дней. Чудак оказался проницателен. «Зачем все это? – спросил он меня. – Вы думаете, эта шельма (Наполеон) дает им (солдатам) досуг для чтения; это может причинить более зла вам, нежели Бонапарту». Передай мои комплименты, самые горячие, Анстету, несмотря на то, что канцлер называет его контрабасом.

Мы недовольны Кирико, это жирная скотина и мошенник в одно время, он только обещает и болтает, и я думаю, что он нас мистифицирует. Надобно, чтобы Италинский написал ему очень строго. Папаха осторожненько о сем напишет посланнику и Боброву, от коих он получил прекрасные письма и просил меня приготовить ответы. Очень раздражает меня мысль, что папа забрал себе в голову ехать в главную квартиру. Я сделал все по-человечески возможное, чтобы его от сего отговорить. Вчера за столом я сказал ему прямо, что он станет для тебя обузой, ибо он говорит всегда: «Мне надобно помогать Константину; мне больно, что он все за меня старается, а не за себя, то я поеду за себя хлопотать. Император уважит, что старик пустился в столь дальний путь», – и проч. То, что ты сообщил мне о любезных словах императора, изволившего говорить с тобою о твоей помолвке и ее родителях, окончательно вскружило им всем голову, и Марица, которая обыкновенно согласна с моими мнениями, также поддерживает отца своего, как и мать. «Вот увидите, что Константин будет в восторге видеть меня». – «Ну конечно, он вам не скажет: убирайтесь; раз уж приехали, дела не поправишь, но уверяю вас, что в глубине сердца он будет не рад вашему появлению. Вы на него уже повесили капитана Николо, не написав ему о сем предварительно». Я истощил свое красноречие, напомнив, сколько важнее и полезнее поездка в Валахию. Боже сохрани, при беспрестанных припадках и ревматизмах старика, занемочь дорогою; кто будет его беречь? Не везде найдешь помощь. Ну, ежели прибудет он в главную квартиру, а государь изволит в тот же день уехать в Петербург? Как за это ручаться? Вот 3000 верст и убытки по пустякам. Император переменяет свое

местопребывание, что же и старику таскаться, с его здоровьем и летами?

Все эти и множество других причин давал я; ничего не помогает, и старик упрямо настоит на отъезде и готовится скоро ехать. Я объявил, что сделал свое, дал дружеский совет; его воля делать, что хочет. Он написал также Кирико, что, наскучив его туманными обещаниями, сам едет в главную квартиру; мне же кажется, что и Кирико, который вправду небрежен, изменит свое поведение, когда получит новый приказ, после депеши графа Нессельроде к Италийскому. Мне, право, жаль; я чувствую, что и тебя старик свяжет, и себе не сделает пользы поездкою сею, но как быть? И я бился, и Волков, и Метакса, все не помогает; я, однако же, все буду бомбардировать доброго нашего старика. Ему, после объявления австрийцами войны Наполеону, главная квартира кажется раем, а наш император – Богом; ну хочет побывать в раю, да и только!

Известие о содействии Австрии произвело здесь неописанную радость, все в восторге, кроме некоторых шельмов богатых купцов, которые видят, что полно им сахар продавать по 80, ибо навезется пропасть из Мальты в австрийские порты.

Славно мы попраздновали государевы именины 30-го. Освятили Успенский собор, было молебствие, ввечеру был перед домом графским преогромный транспарант с изображением побед наших, Иван Великий и проч. Но вот тебе описание, которое помещено будет в московских газетах. Стечение народа было необычайное, и радость на всех лицах изображалась. И папа наш иллюминовал дом свой весь плошками; был транспарант, на коем было написано по-гречески: «Великодушный Александр спасает Европу и истребит изверга Наполеона».

Александр. Москва, 4 сентября 1813 года

То-то вам житье теперь! Все носят на руках. Берлин, Прага у ног ваших. Здесь рассказывают первое свидание двух императоров, которое было очень трогательно. Ну, слава Богу, теперь ты прикован к месту; работы будет довольно, *стало быть* (выражение Попова), и случай отличиться. Я уверен, что Гриша [князь Григорий Иванович Гагарин], друг Нессельроде, ему тотчас писать будет, узнав, что вы служите вместе. Какие времена, какая эпоха, какая слава для русских! С концом несчастного Бонапарта мир позабудет все, от чего так долго страдает. Задал ему дела великий Наполеон, мы знаем, что он ловок впутываться в дурные дела, но посмотрим, как умеет он из них выпутываться.

2-го числа обедало нас человек 25 в русском трактире; это

было общество папахи, все мы, Волков, Афросимовста-рик, который зовет Метаксу Мескатой и Нетаской, Николай Богданович, Метакса, князь Петр Алексеевич, Пущин и проч. Чрезвычайно все были веселы, пили за здравие государя, армии и гибель злодея Корсиканца; после обеда были пляски, песенники. Старик был вне себя от радости. Граф пенял, что его не звали, а потому папа делал там же для него обед во вторник. Каким непохожим было 2 сентября прошлого года: в тот день французы входили в Москву, а теперь мы празднуем наши победы на Эльбе. Вот уже год, как эти негодяи брали меня в плен. Я посетил свое поле битвы, стал на то место у Устретенских ворот, где меня стащили с телеги моей, снял шляпу и, перекрестясь, Богу помолился.

Тысячу любезностей другу Влодеку. Скажи ему, что я часто думаю о времени его злосчастного изгнания, что надеюсь, что теперь он хорош с *бэбэдэтэ*, особливо же прошу его быть любезным с моим братом и любить всегда нас обоих, как в прошлом. Обними также славного Мишо. Нетерпение получать новости здесь столь велико, что в почтовые дни всякий сам бежит в почтовую контору или едет к графу, чтобы схватить что-нибудь из первого источника, а после, к вечеру, новость, передаваемая из уст в уста, разрастается до гигантских размеров. Всегда не менее 20 000 убитыми, 10 000 дезертиров и проч. Поскольку удовольствие сие совершенно невинное, дают им болтать.

Тысячу любезностей г-ну Анстету. Письма Метаксе от Аффандулиева были переданы ему в тот же день. У наших все славно, не считая злополучной поездки: папа во что бы то ни стало хочет пуститься в путь на следующей неделе; все, что я делаю, бесполезно, особливо потому, что маман и Марица того же мнения, что он. Он убежден, что может быть весьма тебе полезен в армии; но он плохо знает карту страны, и я ему твержу, что он только свяжет тебе руки и что невозможно ему будет пускаться за императором и тобою. Пускай! Граф Артемий Иванович Воронцов скончался в Белкине у дочери, графини Бутурлиной.

Папахен писал Кирико, что так как до сих пор он видит только от него одни обещания, кои не выполняют, он решился ехать в главную квартиру сам. Между тем Италинский и до получения еще Нессельроде депеши часто Кирико напоминает о делах Константина Дмитриевича. Бобров прислал папахе прелестное письмо, на кое я также написал премилый ответ, как Боброву, так и Италинскому.

Константин. Теплиц, 7 сентября 1813 года

Я тебе не писал, но послал несколько бюллетеней графу

Ростопчину, чтобы он тебе передал, надеюсь, он на это не сердится; я же продолжу тебе посылать наши бюллетени. На сегодня вот коллекция перехваченных писем, кои доказывают уныние французской армии. Отдай один экземпляр графу, а остальное кому хочешь, конечно, начиная с папахи. Вот еще несколько бюллетеней. Все идет чудесно. Количество пленных превысило уже 500 тысяч, а взятых пушек – 300. Что до убитых, то Харону будет чем поразвлечься, перевозя их через Стикс. Посуди, что один австрийский офицер (не знаю где, но кажется, в Иллирии) с пятьюдесятью бойцами атаковал 900 и взял их в плен, и это потому, что у него было 300 хорватов, которые тут же отомстили за себя французам. Трое русских, попавших в плен, вернулись из Дрездена. Они были без оружия и привели с собою трех вооруженных пленников. Я не окончу, если буду тебе рассказывать все истории в таком роде, какие тут происходят. Всякий день случаются какие-нибудь небольшие преимущества, не считая больших, о которых я послал тебе бюллетени. Уверяют, будто в последнем деле Наполеон был на лошади убитого. Что это доказывает? Что ему приходится присутствовать лично, чтобы дело продолжалось. Это доказывает падение духа и уныние в армии.

Александр. Москва, 9 сентября 1813 года

Сегодня Константин Дмитриевич дает русский обед в русском трактире нашему графу Николаю Николаевичу Головину, губернатору и человекам шести. Поедем и повеселимся. Он называет сие прощальным обедом, но я все еще надеюсь, что он не поедет. Несчастная идея вошла ему в голову. Я с ним спорил только что не до драки.

Александр. Москва, 11 сентября 1813 года

Мы все в удовольствии, часто получаем от тебя письма; но я сокрушаюсь мыслию, что ты не наслаждаешься тем же благополучием. Волков объясняет дело тем, что всех офицеров, кои едут в главную квартиру, Лобанов останавливает, чтобы включить их в резерв, и так письма мои также останавливаются; но должно ведь быть частое сообщение между Лобановым и вашими.

Ну, брат, уже повеселились мы третьего дня! Папа давал в русском трактире русский обед; вот кто были: графы Ростопчин и Головин, губернатор Спиридов, старик Афросимов, Н.Д.Приклонский, Волков, Дурасов, Метакса и наши. Уж мы пили, пили – вот это удовольствие! Старик Афросимов был прелестен, и никогда не бывал я еще на таком веселом обеде. Нашло пропасть

народу, который при здравии за армию, победы, графа прокричали: «Ура!» После обеда были танцы, кулачный бой, на медвежью травлю не успели ехать. Ты видишь, что все было русское. Старик наш плакал в удовольствии. Афросимов все время повторял одну и ту же фарсу, – вдруг скажет: «Александр Александрович!» – «Чего изволите, Павел Афанасьевич?» Афросимов кричит: «Ура!» – и все за ним; посидит да опять: «Григорий Григорьевич!» – «Чего изволите?» – «Ура!» – опять все «ура» за ним, а ему любо. Сказывали, что везут сюда грозного Вандама. Граф сказал папахе, что уже приготовил людей для его услужения. «Кого же, ваше сиятельство?» – «Камердинером дам ему вашего бывшего, а арнаут будет брить Вандама». – «Пусть будет жить он на Иване Великом», – прибавил наш старик. Ну, уж повеселились мы! Хотя папахен и считает сей обед прощальным, я все держусь мысли, что он не решится покинуть Москву, несмотря на все свои приуготовления; теперь он говорит, что хочет обождать приезда Наташиного, чтобы проститься с нею, а она может задержаться на неделю. Ежели уж придется ехать, то я рад, что граф дозволил Кельцу себя сопровождать, я его пугал тем, что из-за осенней непогоды может он где-нибудь заболеть и оказаться без слуги. Потому и решился он взять Кельца. Поездка сия меня подлинно беспокоит. Она будет тяжела, разорительна и бесполезна, а тебе только в тягость. Ежели состоится, то вина подлинно будет не на мне.

Вчера крайне был я обрадован твоим свежим письмом из Теплица. Привезенный экстренный выпуск газеты был тотчас переведен и напечатан здесь. Ради Бога, и вперед сообщай все, что у вас печатается, равно и новости, кои у вас гласны. Граф мне сказал, что твой пакет был ему передан графом Нессельроде; я дал прочесть графу то, что ты мне пишешь о его сыне; руки у него так дрожали, что я боялся, как бы письмо из них не выпало, слезы радости выступили у него на глазах, и он расцеловал меня за добрые новости, кои ты мне сообщаешь о его сыне. Уже два месяца он не имел от него известий. Твои строки наполнили его радостью. Он такой нежный отец, и у него один только сын. Берегите Сергея Федоровича и умеряйте несколько его любовные порывы. Ну уж гвардейцы удивили нас. Здесь такое ликование, какое ты и вообразить не можешь. Победы следуют одна за другою с такою быстротою, с таким блеском!

Константин. Теплиц, 16 сентября 1813 года

Спасибо, милый друг, за книжку твою, которую, однако же, не мог я дочитать, ибо князь Петр Михайлович Волконский взял ее прочесть, а потом просил граф Толстой. Она очень славно

задумана и написана, и особливо, что редко в подобных изложениях, отмечена достоверностью. Я сердит, что ты поскупился и прислал мне только один экземпляр. Почему ты не посвятил ее императору? Пришли мне еще несколько экземпляров для Сабанеева и наших друзей. То, что я успел прочесть из книги, очень интересно. Браво, господин автор! Я скажу тебе мое мнение об остальном, как только смогу подцепить ее и прочитать.

Закревский просит тебя доставить приложенное при сем письмо графу Ростопчину, отправить письма генеральше Пиллар и Резвой, другое Киселеву, два письма Шатилову с пакетом, который тебе передаст новый майор, и еще одно письмо отцу Закревского.

Вчера был великий день. Это был день коронования нашего обожаемого императора. Было молебствие в лагере, где находились император Австрии и король Пруссии с огромным кортежем. Невозможно видеть что-нибудь более красивое. Спроси у капитана Николо, которого я привел нарочно, чтобы видеть все это. После этого гвардейцы дали обед императору, где были также государи-союзники. Это было великолепно, а вечером весь город был иллюминован, прусские гвардейцы пели серенаду императору; словом, было всеобщее ликование весь день. Чтобы сделать его еще более блестящим, вечером состоялась великолепная церемония: депутация в облачениях ордена Подвязки представила императора к сей награде.

Александр. Москва, 20–23 сентября 1813 года

Благодарю тебя за радостное письмо твое 20 августа из Теплица, наполненное хорошими вестями о всех действующих армиях; тут были приказы Шварценберга и манифест австрийский, спасибо очень за все, и вперед присылай. Ты знаешь, сколь я сам ненавижу трубить вести, а все, тобою сообщенное, знаю про себя; в городе нет недостатка в новостях, всяк рассказывает свое, но я верю тому, что печатает граф или сообщаешь ты. Лишнее тебя уверять, что имя твое никогда не будет упомянуто. Теперь отучил спрашивать у меня; прежде все кидались ко мне с вопросом, что пишет братец, говорит ли о том, о другом; но я отвечаю, что ты ни слова мне никогда не пишешь о делах. То-то, я чаю, житье у вас! Грустно только то, что письма мои не доходят к тебе.

Старик все занимается приуготовлениями к отъезду в главную квартиру, ну стал на этом, да и только. Я писал тебе довольно о всех моих усилиях его отговорить, но он не слушает никого, а мама и Марица, к несчастью, также против меня. Хотя и

я отчаялся уже в успехе, но нет таких средств, коих я не употребляю, чтобы его разубедить и отвратить от тяжелого, разорительного и бесполезного во всех отношениях путешествия. У него еще эта мания заступничества за Валахию и Молдавию. «Но вы же видите, – говорю я ему, – что ваши собственные дела еще далеки от завершения, несмотря на всеобщее благоволение». Я во всем этом вижу и некоторое ребячество: увидать главную квартиру, государей-союзников, последующие победы, армии разных народов и проч. Вчера подпустил я штучку новую, подучив Волкова сказать, что пишут, что государь поедет на время в Петербург. «Вот, – сказал я, – недоставало бы того, чтобы вам напрасно съездить и разъехаться с императором». До сих пор погода стоит прекрасная, но того гляди пойдут дожди и непогода, сие также заставит призадуматься такого старого ревматика, как наш папа. Я могу и ошибаться, но, как я понимаю, папахен для тебя был бы большой обузой.

Как я обрадован был нечаянным приездом любезной тетушки. Чижик честным манером ее выпроводил, уверив, что ей лучше всего жить в Кашине, в своей деревне, куда она скоро едет. В деревне она с ним была добра, но в городе другое дело, да и много ли нужно моей тетушке. Она очень состарилась, но настроение у ней все прежнее. Все наши были у нее со мною, и надобно было видеть пантомимы тетушки и Афр. Дмитриевича. Костаки был переводчиком. Она также находит, как и многие другие, что Константин Дмитриевич сильно напоминает покойного батюшку. Все плачет об долгах и желает, чтобы казна купила данную по смерть аренду, которая почти ничего не дает.

Общество наше все то же. Вот еще полицеймейстер Дурасов приходит иной раз в вист поиграть, да старик Афросимов, забравший себе в голову стать твоим соперником и засыпающий порою возле нашей красавицы. Он очень забавный; когда за ужином засидятся, то спрашивает: «Скажите, пожалуйста, что, у вас, в Валахии, за ужином и спят?» Приехал фельдъегерь Шенинг, привез славного Вандама.

* * *

Вчера, в день коронации, весь город был славно иллюминован. Много было транспарантов; у графа представлена была императорская корона в огне, на одной стороне: «1801, венчался короною», а на другой – «1813, увенчался славою».

Я тебе послал описание щита, бывшего у графа в Александров день.

Любопытство всего города обращено на Вандама: только что его привезли, народ столпился около графского дома. Дабы избежать беспорядка, граф велел в своей карете отвезти его на

квартиру. Вот разговор графа с Вандамом, при большом множестве людей и в продолжение которого Вандам стоял в самом почтительном положении.

Граф: Я приказал, чтобы удовлетворяли все ваши нужды.

Вандам (с поклоном): Я надеюсь, что ваше сиятельство…

Граф (перебивая): С вами у нас будут обращаться, как со всеми пленными генералами. Дам вам только один совет. Я вам советую не показываться, ибо после того, что французы сделали с Москвою, вы будете подвержены неприятностям и, может быть, даже оскорблениям. Французы стали гнусны для русского народа.

Вандам (еще поклон).

Граф: Я приказал дать вам две комнаты в Кремле, дабы вы могли насладиться видом высоких дел, кои обессмертят имя вашего милого господина. Прощайте, сударь.

Я был с Волковым раза три у Вандама. Долго с ним говорил; он болтлив, как все французы, дерзок, но умен и имеет познания. Много очень слышал я и узнал любопытного у него. Я все это записал и сообщу тебе. Говоря об Испании, он сказал: «Мы наводнили эту страну своей кровью, вымостили ее своими костями». Он также был против прошлогодней экспедиции и сказал, что за то, что слишком явно осуждал ее, был изгнан так же, как король Еремка. «Значит, – сказал я ему, – вы против всех предприятий, кои кончаются неудачей». Он засмеялся. Он уверяет, что все были против похода в Россию, кроме одного Даву, коего цель была – быть польским королем. О самом Наполеоне говорит он иной раз дерзко, а иной раз превозносит его до небес. О Германии говорит он с оскорбительным презрением.

Вчера обедали мы с папа у графа, где был фельдъегерь. Я просил его рассказать о поездке. Курьер вытаращил глаза, когда папа сказал ему, что собирается ехать в главную квартиру в четырехместной карете. «Вы не доедете в полтора месяца». – «Платить буду хорошо». – «Да это все равно: где нет лошадей, так хоть миллион платите, их не будет; я часто пешком шел». Все это не слишком обрадовало нашего путешественника, он колеблется. Мне кажется, что рад бы остаться, но боится, чтобы не назвали малодушием: сказав столь решительно, что едет, – остаться. Я говорю ему, что прекрасно бы было ехать по первому пути, покойнее, дешевле, и легче, и скорее; говорю это в той надежде, что подоспеет между тем твой ответ на письмо мое через Шепелева, где говорю тебе о намерениях папахи. Через два дня еду с Наташею в Кашин праздновать эту не по сердцу всем свадьбу Пашеньки с Обресковым. Я уломал старика дождаться моего возвращения, а пробуду там неделю, вместе с дорогою. Вот

и еще выгаданное время.

Портрет Сталь мастерский. Граф нашел его поразительным и особливо весьма хорошо написанным. Скажи ей всяческих любезностей от меня и от Наташи, которая часто вспоминает о ее любезном обществе.

Дмитриев атаковал меня вчера у графа, осыпав и меня, и Наташу комплиментами и любезностями. Хвалил чрезмерно мою книгу, которую ты, надеюсь, теперь уже получил. Кажется, он не вернется более в Петербург. Поскольку я весьма дружен с его г-ном Болотниковым, то написал ему длинное письмо при посылке книги. Он годится нам при случае. Это славный, честный человек, добрый и чувствительный. Во время его последнего здесь пребывания мы почти всякий вечер бывали вместе у Волкова, у графа или у меня. Мы почти все время виделись, ибо он живет у графа.

Тут только и разговоров, что о *безнаказанной жестокости*, свершившейся в Петербурге. Каналья француз Флери осмелился побить человека адмирала Сенявина. Флери только арестован. Я тебе отвечаю, что ежели б в Москве какой француз дерзнул оскорбить крестьянина, то заплатил бы очень дорого. Эта история всех возмущает, и она того заслуживает.

Константин. Теплиц, 22 сентября 1813 года

Генерал Балашов едет в Лондон, чтобы отвезти русские ордена принцу-регенту; обязанности его, думаю, будет исполнять покамест адъютант Кутузов. Поццо теперь при шведском кронпринце как дипломатический агент. По поводу Кирико я еще раз написал Италинскому с курьером, отбывшим этой ночью в Константинополь, хорошенько его отчитать. Папа увидит, что я ничем не пренебрегаю из того, что может быть ему полезно, но, ради Бога, не пускай его ехать. Я уже столько писал против этой поездки, что ничего не могу более добавить, разве что он будет совершенно бесполезен для дела, чрезмерно пострадает дорогою и бог знает, доедет ли в это время года при существующей нехватке лошадей. Признаюсь тебе, что мысль о его приезде была бы мне весьма мучительна, ибо нет никакой возможности поселить его в главной квартире, где находятся три государя с их свитами и генерал-аншефами. Я требую категорически, чтобы вы все вместе отговорили его от этого плана.

Константин. Альтенбург в Саксонии,
1 октября 1813 года

Вот мы и снова верхами, мой милый друг, и, как видишь, продвигаемся вперед, а вместе с нами и дела подвигаются.

Посылаю тебе два бюллетеня графа Нессельроде и третий австрийский, в коем содержится великая новость: король Баварский с нами, он отрекся от Конфедерации и становится под знамена правого дела. Это увеличивает наши силы до 36 000 человек и вызовет недовольную гримасу у великого человека. В общем, мой милый друг, все идет прекрасно. Вот я и снова вдвоем с Нессельроде; все другие наши господа остались позади, а с ними и моя бричка. Погода нам досаждает несколько в наших кавалькадах, ибо, как только мы садимся на лошадь, начинается дождь; несмотря на это, мы сделали позавчера более тридцати пяти верст, чтобы прибыть сюда. Это очень красивый маленький городок, мы в превосходном замке, принадлежащем герцогу Саксен-Готскому, но что здесь в самом деле восхитительно, это орган в замковой церкви и особливо знаменитый Бартель, органист, угостивший нас вчера и этим утром несколькими отрывками; между прочим он один сыграл и «Сотворение» Гайдна, и признаюсь тебе, было впечатление большого оркестра.

Константин. Лейпциг, 7 октября 1813 года

В эту минуту мы победоносно входим в Лейпциг, мой милый и любезный друг. Император посылает своего генерал-адъютанта с сим известием в Петербург, и несмотря на то, что я изнурен усталостью, тороплюсь сообщить эту великую новость тебе. Я еще не могу соединить в голове все подробности блистательной победы. Наполеон, после обороны города в двух сражениях, в которых мы все одержали победу и которые длились весь вчерашний день, наконец отступил. Этим утром мы бились, и к одиннадцати часам император, в сопровождении короля Пруссии и кронпринца Швеции, и огромного кортежа, вошел в город, где еще продолжалось сражение. Восхищенные обитатели его кричали ему «виват», кидали цветы из окон. Король Саксонский с королевою здесь; вот славный герой дела, он был покинут своим августейшим союзником, и каковы результаты! Лористон, Ренье и куча других генералов взяты в плен, среди прочих герцог Падуанский Ариджи, множество пушек и пленных, число которых в этот первый момент невозможно определить, и этой славной победой обязаны нашему императору, который в эти два дня покрыл себя славою и дал доказательства выдающегося таланта и высочайшей доблести. Во время вчерашней битвы многие саксонские полки перешли на нашу сторону с их пушками и тут же направили их на своих бывших союзников.

Всё покидает великого человека; дело в том, что Небо защищает свое собственное дело и вверило его ангелу. Именно как такового нашего императора всюду и принимают, и все ему

поклоняются. Обойдя город, улицы которого покрыты мертвецами и умирающими, император произвел смотр армии шведского кронпринца. Она великолепна, и повсюду его встречали с тем же воодушевлением, которое он внушает и всему его окружению и которое не нарочитое, как по повелению кардинала Мориса. Мы преследуем врага. Граф Иосиф Понятовский, раненый, упал в реку неподалеку отсюда и там окончил свою карьеру. Не видна ли в сем ясно рука Божья, начинающая поражать тех, кто поддерживает столь неправедное дело? Император Австрии здесь. Не было ничего прекраснее вчерашнего зрелища двух императоров и короля Пруссии, стоявших на этом маленьком холме перед Лейпцигом во время битвы, решавшей участь Европы, и смотревших, как их армии соперничают в доблести и усердии. Наш император получил орден Марии-Терезии, Большой Крест и орден Австрии, Св. Георгия 4-го класса. Шварценберг получил Марию-Терезию и Св. Георгия 1-го класса, ибо он был командующим. И с той и с другой стороны сражались с беспримерным ожесточением. Это была годовщина Тарутинского сражения; то было началом спасения России, а это, надеюсь, есть сигнал начала спасения всей Европы. Анстет сказал мне, что уже 14 генералов взяты в плен. Потери неприятеля исчисляются более чем в 100 пушек и проч.

Что до вчерашнего дня, то я предпочту переписать тебе письмо, кое Меттерних написал маршалу Бельгарду в Вену. В нем содержится не много подробностей, но оно даст тебе понятие об одержанной победе, которая подготовила победоносное взятие Лейпцига.

Рота (в 1½ милях от Дрездена), 7 октября 1813 года

Я спешу, г-н маршал, возвестить вашему превосходительству, что в дни 4/16 и 6/18 союзнические армии одержали полную победу над неприятелем. Результаты этого последнего дня собраны, и маршал князь Шварценберг в 24 часа отправит курьера к вашему превосходительству, дабы вы совершили торжественное вступление в Вену.

Трофеи двух дней можно оценить более чем в 90 пушек. Объединенные армии князя Шварценберга, Блюхера и кронпринца шведского сражались на одном поле брани и вытеснили неприятеля со всех его позиций, оттеснив его к северу от Лейпцига.

Два полка вюртембергской кавалерии под командованием генерала Нормана, саксонский кавалерийский полк и 7 батальонов с двумя батареями под командованием генерала Рюсселя перешли на нашу сторону во время сражения. Неприятель отступает в величайшем беспорядке на Вейсенфельс и Мекленбург. Его добивают

и преследуют. Последствия сей победы трудно переоценить. Союзники сражались с равным жаром. Оба императора и король Пруссии не покидали поля битвы.

10 часов утра

Рапорт князя Шварценберга с поля сражения, который только что пришел, не оставляет сомнений в полном отступлении неприятеля. Его живо преследуют. Последние деревни, которые он занимал перед Лейпцигом, взяты. Он удерживает еще только один пункт. Клейнау захватил у него этим утром в преследовании 3 пушки и 30 ящиков боеприпасов. Князь Шварценберг сообщает, что повсюду находят брошенную неприятелем артиллерию.

Баварский курьер сообщает нам, что генерал Вреде будет в Вюрцбурге 24-го числа сего месяца. После мы вступили в Лейпциг. Посуди, сколько еще трофеев мы захватили. Я падаю от усталости, вот уже четверо суток мы проводим весь день верхом. Обнимаю Наташу и детей и всех вас от всего сердца. Сделайте прекрасную иллюминацию. Дасколо может отличиться и сказать в общих чертах то, что Европа скажет на всех языках: император Александр – спаситель Европы. Прощай, милый друг. Бог с вами!

Константин. Веймар, 13 октября 1813 года

Милый мой друг. Ты уже видишь результаты наших великих побед. Мы с сегодняшнего дня уже в резиденции нашей великой княгини, которая сама еще в Праге, но не замедлит воротиться сюда. Неприятель упорно преследуется. Лейпцигские сражения и их последствия уже обошлись ему более чем в 300 пушек и 37 тысяч пленных. Понятовский в самом деле утонул; Лористон, Ренье, полтора десятка генералов взяты в плен и проч.

Все спят. Что до меня, хотя я и устал после возвращения сюда верхом из Лейпцига и этим утром из Иены, но откладываю отдых, чтобы написать тебе, мой милый друг. Ты найдешь при сем отрывок из письма, кое получил я только что от Иосифа Фонтона. Прочти его со вниманием и хорошенько разъясни его папа. Не следует забывать, что то, что мне поверяет Фонтон, не должно стать никому известно, но надобно теперь взяться за дело таким образом, как он о том говорит, и не продолжать. Прежде всего, надобно иметь надежного человека в Бухаресте, но еще лучше, кажется, было бы просить старика Фонтона взяться за переговоры с агентом принца Караджии. Надобно назначить разумную цену и особливо держать все в секрете и действовать с осторожностью, как того требует столь важное дело. Во всем следует придерживаться того, что советует Фонтон. Более я уже ничего не могу сказать. Папа самому надлежит принять решение, какое он сочтет наиболее подходящим, переговариваться в Бухаресте или

же в Константинополе; что до меня, то признаюсь тебе, что более доверяю осведомленности Фонтона и усердию его нам услужить, нежели любым лицам из Бухареста, где тот, кого выберет папа, будет окружен шпионами. Главное же, милый мой друг, пусть, ради Бога, поторопятся и, отсылая письмо Фонтону, найдут надежную оказию. Стоило бы труда и отправить кого-нибудь в Бухарест, откуда Кирико поручили бы отправить далее своего янычара.

После того, что я тебе обо всем этом сказал, бесполезно и говорить, что все происходит в подтверждение того, что я всегда твердил о необходимости для папа оставаться в Москве и отказаться от поездки на место. Надеюсь, он это и делает. Он может убедиться, что я ничего не оставляю в небрежении и пишу в Константинополь при каждой оказии. Он меня достаточно знает, чтобы понимать, насколько близко к сердцу принимаю я все, что до него касается, и употребляю на то все мои возможности. Обними его от меня. Я не пишу ему, поскольку, по правде, нет у меня времени, да и могу я ему лишь повторить то же, что говорю тебе.

Перейду к нашим здешним новостям. После всех побед надобно тебе также сказать несколько слов и о награждениях. Платов, Милорадович получили орден Св. Андрея. Блюзер – Св. Георгия 1-го класса и сделан прусским маршалом. Наш милый Мишо и Закревский сделаны генерал-адъютантами. Уваров и Винцингероде – генерал-аншефами. Барклай и Бенигсен – пожалованы графами. Князь Петр Волконский и Шувалов получили орден Св. Александра. Ламсдорф (мой друг) получил орден Св. Георгия 4-го класса, так же как и граф Потоцкий. Адъютанты Вольцоген и Бартоломей сделаны генералами; Браницкому, Никите Волконскому – Св. Владимира 3-го класса, Влодеку – шпагу с бриллиантами. Воронцову – Св. Александра. Я его видал в Лейпциге, здоровье его превосходно, и мы с ним обнялись, как бедняки. Он тебе кланяется.

Александр. Москва, 16 октября 1813 года

Приезд Николо несказанно меня обрадовал. Ежели бы еще днем опоздал Николо, Константин Дмитриевич бы уехал, ибо все было готово к отъезду. Я тебя уверяю, что вояж этот делался из одного ребячества и любопытства видеть армию, главную квартиру, пасть к ногам государя; а ты знаешь, что наш добрый старик почитает это величайшим благом на земле. Разглася, что едет в армию, и не хотя показать всем, что он легко мысли переменяет, положил он отправить эстафету; но так как добрый наш Голембовский еще здесь, то ему даем мы всю экспедицию.

Мысль папахи писать к государю недурна. Ты лучше можешь на месте все сообразить; но мне кажется, что письмо так написано, как должно. Дабы тебя не отяготить, добрый старик велел мне написать письмо к графу Нессельроде, препровождая к нему просьбу к государю. Он захотел также непременно писать к разным генералам; мне кажется, что ему от этого не должно ждать ничего: там всякий думать должен, как бы себе самому что урвать. Велел Милорадовичу написать чрезмерно льстивое письмо, превознося его до небес. Ланжерон гасконец, так что ему в этом же роде. Посылаю тебе все свои брульоны, дабы ты знал содержание.

Не скрою от тебя также, что ежели Италинский, который ничто не любит в свете, и любит тебя с Варламом, то действует он очень слабо. Как! При том серьезном положении, в коем наши дела пребывают, не добиться от Порты такого пустяка, как продление срока на три года, при том, что имеет он приказания императора на сем настаивать? У него есть оружие против глупости, невежества или недоброжелательства Порты. Или он опять станет мне говорить о французской партии? Италинский совершенный эгоист; когда он хорошо пообедает, то думает, что и весь мир насытился. Давно его знаю. Голова его пустая, сердце ничтожное; в Неаполе он был более слуга Актона, нежели посланник державы, которая одна и поддерживала существование сего бедного двора. Ежели он раболепствует перед рейс-эфенди, как лебезил перед Актоном, не следует многого ждать от его особой благосклонности, но ежели ему показать зубы, он умеет рано подыматься, трудиться и действовать. Надобно, стало, чтобы приказали ему очень положительно с сим делом покончить. Надобно прежде всего иметь указ о бессарабских землях.

Я не опасаюсь гонений со стороны турок, но ежели б они начались, то имения турок в Бессарабии ответили бы за их дерзость. Перевес на нашей стороне, то есть в нашей Бессарабии более имений турок, нежели имений русских в Валахии, а выходцев только и есть, что наши да Вакарески и еще малое, может быть, число. Надобно, чтоб Италинский ловко надавил на сие обстоятельство, не придавая сему официального характера. Я знаю, что так называемый король неаполитанский Жозеф захотел конфисковать имения у неаполитанцев, кои из привязанности к подлинному королю последовали за тем в Палермо; Галло шепнули, что, поскольку слух о сем достиг Сицилии, там секвеструют все имения неаполитанцев, кои после предупреждения не являлись на Сицилию. Маркиз де Галло отменил намеченную конфискацию, хотя эдикт был уже и напечатан. С Варламом то же самое. Я не скажу сего императору,

ибо тогда натурально было бы его величеству сказать: «Что ж, пускай дело на том и остается, и в сем случае мы употребим карательные меры относительно земель турок в Бессарабии». Папа со своей стороны тоже был небрежен и помешал продаже; он привязан к своим землям, у него все в голове мысль сидит, что Молдавия и Валахия скоро станут русскими; он хочет счастья крестьян своих, он наперед стонет об их участи, ежели их продадут. Их обдерут, говорит он. Посему только теперь он и отправил описание своих земель и назначает за них чрезмерную цену в два миллиона – что значит отбить желание их покупать. Я ему проповедовал, что надобно делать жертвы: потерять две, зато получить десять или двенадцать сотен тысяч пиастров. Но, как я тебе уже говорил, его великий нрав им владеет, и он забывает пословицу, что своя рубашка ближе к телу. Он забывает Бухарест и многого ждет от наших побед (кои интересуют его более, нежели собственные его дела) и от твоих предприятий. Он честнейший, добрейший, великодушнейший и щедрейший человек их всех, кого я знаю, но и самый беззаботный.

Александр. Москва, 17 октября 1813 года

Граф много тебя вспоминает. Клянусь тебе, что он заслуживает всего с нашей стороны, ибо в нем я обрел и благодетеля, и друга. Это одна из прекраснейших душ, какие только я встречал в своей жизни. Катастрофа московская много сократила ему жизнь. Он две недели болен; желчь, геморроиды и спазмы его донимают. Я удивлен, что император не даст ему какого-нибудь разительного доказательства своего благоволения, не Св. Владимира, от коего он отказался прошлого года, но какую-нибудь энергичную похвальную грамоту с портретом, или уж не знаю что еще. Ежели б граф был шарлатаном, он сделался бы сыном века. Молчание сына тоже его убивает. Заклинаю тебя, любезный мой друг, говорить мне о нем во всяком письме, хотя бы даже два слова, чтобы его успокоить; обяжи молодого графа быть аккуратнее, наложи на него сам контрибуцию, как только увидишь, всунь ему перо в руку. У него такой снисходительный отец. Графиня 13-го числа сего месяца разрешилась сыном, коего назвали Андреем. Роды прошли так удачно, что она сама объявила о сей радости графу запискою, написанною собственноручно; было пять часов утра.

По поводу Николо граф написал князю Горчакову о его патентах, пенсии и проч. Николо едет через несколько дней в Бессарабию.

Я тебе послал со многими книжку мою; посылаю тебе несколько экземпляров, из коих один прошу поднести

достойному твоему начальнику графу Нессельроде. Я посылал через твой канал Воронцову, Закревскому, и не понимаю, что с этим сталось. Книга так покупается, что печатаем второе издание, а я работаю над третьим, которое будет очень умножено и в двух томах. Радуюсь, что и у вас книга полюбилась. Она переведена на немецкий и греческий язык, на сем последнем печатается иждивением Константина Дмитриевича. Я хотел было перевести ее и на французский, но времени мне недостает; толстый Феншли обещал сделать перевод ее и на английский. Второе издание принесет мне несколько тысяч рублей. Мы с Метаксою имели глупость продать первое книгопродавцу по 2 рубля, в то время как тот столько продавал по 5 и собирается по 6. Это урок. Я не решился посвятить ее Империи, а потому эклоги его величеству, кои там рассеяны, могут показаться чрезмерными, хотя никакой государь в свете не заслуживает и никогда не заслуживал такого восхищения, как наш величественный спаситель Европы. Никогда не видали столько славы и смирения; в этом и есть истинное величие.

Расскажу тебе анекдот, как пришел я к папахе читать ему брульоны писем. Читая письмо к императору, дошел до места: «Да будет имя Провидением посланного Александра I…» – «Стой! – говорит старик, – погоди…» – Встает, думает и вдруг, ударив со всей силы кулаком в стол, кричит: «Пиши: Великого! Да, Александра Великого!» Я светился от ликования, поскольку слава императора вся была на лице нашего старичка. После он сказал: «Ежели я первый дам титул Великого, то умру доволен». Невозможно более любить императора и его славу, более любить русских и Россию, чем наш добрый старик. Граф говорит, что этот анекдот заслуживает быть рассказанным; он рисует Варлама и нынешние обстоятельства, ибо мы здесь как околдованные, далеко от всего того, что случается у вас.

Ты знаешь, что некий доблестный человек и усердный патриот, ревнитель имени русского, печатает здесь газету под названием «Русский вестник». Посылаю тебе № 11, ибо в нем есть статья о доблестном Сенявине и еще описание сюрприза, сделанного мне Наташею 26 августа в нашей деревне. Это может показаться бледным при чтении иностранцам, но уверяю тебя, что в тот день я плакал от умиления. Ты будешь весьма любезен сообщать мне анекдоты из армии для Глинки, который украшает свою газету всем, что составляет честь русскому имени. В будущем году он будет много писать в своей газете о покойном батюшке; его портрет будет напечатан во главе. Я передал Глинке много материалов: о пребывании в Семи Башнях, письма князя Потемкина, Суворова и проч.

Чтобы показать тебе, как чтут у нас милого Наполеона, посылаю тебе несколько экземпляров его портрета, который вывешен здесь во всех русских лавках. Вот также портреты графа, довольно похожие. Ежели попадется портрет у вас шведского принца, Блюхера или других, то пришли, пожалуй.

Я видел намедни Дмитриева, который, кажется, хочет выйти из игры; оттого, верно, так меня и обласкал, спросив позволения навестить меня, осыпав похвалами мою книгу, и проч. Как время переменяет людей! Тот же самый человек преследовал нас в Петербурге во время нашего процесса. Кстати сказать, все имение Азанчевского было секвестровано для ответа за его управление имением батюшки со времени его кончины. Кузина, сказывают, отчаялась, что это дело затеяла. Не верю я в ее отчаяние: она гнусная ехидна. Я тебе говорил, что советчик ее Воейков, заступивший место Одоевского, последовал за тем и в иной мир.

Знаешь ли ты, что есть в Петербурге, под председательством благодетельной императрицы Елизаветы, комиссия для вспомоществования разоренным вражеским нашествием. В комиссию сию посылаются свидетельства за подписью графа, и по ним получают суммы в возмещение. Многим бедным разоренным помог я такое свидетельство получить. Татищева, мать княгини Урусовой, получила 6000, архивский секретарь Михаил Иванович Шульц – 3000, Николай Богданович Приклонский – 5000, Попов – 2000, и многие другие. Никогда я не хотел просить у графа за себя, хотя и все потерял, то есть все остатки мебелей батюшкиных. Граф же, ничего мне не сказав, послал свидетельство для меня. Можешь себе представить, как я был вчера растроган. Переписал я набело письмо императрице, представляю его графу для подписи; а он, при всей его слабости, приписал туда собственною рукою следующие строки: «Между свидетельствами, посланными мною к вашему императорскому величеству, препоручить смею вам особенно данное мною надворному советнику Булгакову, женатому на княжне Хованской. Он был употреблен мною прошлого года в самых важных случаях, попался в плен к неприятелю и чудесно спас себя и жизнь. Этот достойный, способный и преусердный, благородный человек лишился всего своего имущества». Такие слова, писанные такому ангелу, как наша императрица, да еще человеком, коего она столь уважает, могут привести токмо к чудесным результатам. Богу это угодно, ибо московская катастрофа проделала чудовищную брешь в моих финансах.

Тургенев пишет мне, что один брат его, Сергей, поступает в военную службу, а другой, Николай, едет служить при посланнике Штейне. Так что, может быть, ты увидишь их обоих.

Фавст стал писателем, написал маленький панегирик графу Ростопчину, и очень ловкий, который я дам Глинке для напечатания в его газете. В «Инвалиде», очень модной нынче русско-немецкой газете, напечатали отрывки из «Политического человека»: это род писем из Лондона в Москву, кои граф Чернышев[112] пишет всякую неделю и кои мне посвятил.

Ежели найдешь благоприятную минуту, умоляй или проси умолять императора приказать о продаже имущества папа и об удовлетворении всех наших кредиторов; и чтобы то, что останется от продажи (а от нее ничего не останется), положили в Воспитательный дом до окончательного завершения процесса.

Дмитриев сказал мне, что представления для тех, кои, прослужив положенные сроки, должны получить повышение, были посланы императору в мае месяце, и что я включен в список. Спроси у Журавлева, правда ли это, и кланяйся Журавчику от меня.

У нас здесь, как ты знаешь, Вандам. Посылаю тебе отрывок, который попросил я Лизон[113] переписать из моего журнала; ты увидишь там прием графа и первую мою беседу с этим милым негодяем. После был я у него с полдюжину раз и узнал много весьма любопытных вещей. Я могу ошибиться, но Наполеон имеет в нем злодея. Он желает, чтобы Бернадот был на престоле французском; он через графа писал к принцу шведскому, прося его заступления у нашего государя, чтобы быть переведену отсюда в Стральзунд. Я ему заметил, что он себя сим компрометирует. «Против кого?» – вопросил он. «Как же, – отвечал я, – против Наполеона, с которым шведский принц в войне». На это он сказал: «Плевать мне на это. Пусть думает, что хочет. Право, я довольно пролил своей крови и за него, и за отечество, пора подумать немного и о себе; сделаю, что смогу, чтобы улучшить мой плен. Впрочем, я не получу ответа ранее, чем через месяц, а по тому, как идет дело, через месяц все так или иначе окончится». После он добавил: «Как бы то ни было, клянусь вам честью, незапятнанной во всех тех низостях, кои приписывают мне немецкие газеты, что я более служить не буду. Ежели вы вступите во Францию, стану защищать мое имущество и мою страну, но никогда не буду биться ни за испанского, ни за голландского короля, ни за Рейнскую конфедерацию». Когда мне нечего более делать, я хожу вместе с Волковым поболтать с ним.

Константин. Франкфурт-на-Майне,
27 октября 1813 года

Я пишу тебе из Франкфурта, мой милый, мой любезнейший друг, из Франкфурта! Чувствуешь ли ты всю важность сего? Ровно

год тому, как та же самая армия была перед Москвою и за Москвою, а сегодня она на Рейне, и там даже казаки, довольно неустрашимые, чтобы решаться переходить Рейн и ступать на чертову французскую землю. Правда, это лишь несколько любопытных, но они побывали во Франции, и Наполеон не может отрицать позора. Посылаю тебе при сем все бюллетени, печатанные в австрийском Главном штабе, и франкфуртскую газету. Ты увидишь, мой милый друг, описание кровавых баталий 29-го, 30-го и 31-го. Баварцы бились как черти. Доблестный генерал Вреде был ранен во время атаки в ногу, во главе гренадеров. Уверяют, что число пленных, взятых в этих сражениях, доходит более чем до 90 000 человек, и каковы результаты! Нет больше Конфедерации за Наполеона: все государи отреклись от него и присоединились к союзникам. Великий герцог Франкфуртский отбыл в Констанцу и отрекся в пользу вице-короля Итальянского.

Я никогда не окончу письма, ежели примусь описывать тебе все наши успехи. Ты увидишь из коллекции перехваченных писем, кои при сем прилагаю, каково настроение умов во Франции. Прибытие императора во Франкфурт было самым прекрасным триумфальным въездом, какой только можно вообразить. Его встречали как освободителя бедного сего города от подавлявшего его ига.

Появится, верно, и описание оного, и я тебе его пришлю. Накануне наш император встречался с императором Австрии, и они вместе отправились в собор, где состоялось молебствие. Вечером они были на спектакле, и целый день в жителях царит неописуемое ликование. Наполеон же покамест отошел, как сказывают, в Париж. Если бы можно было видеть оба эти вступления в одно время! Какой контраст!

Здоровье мое превосходно, да и как можно нехорошо себя чувствовать, когда становишься свидетелем таких величайших событий, когда гордишься тем, что ты русский? Какую роль играет наш ангельский государь! Обожание, кое к нему испытывают, невозможно выразить.

Александр. Москва, 27 октября 1813 года

Ах, милый мой, какая победа! Мы все плачем, как дети; на улицах все только и обнимаются. Город будет весь иллюминован этим вечером. У графа будет щит с вензелем Александра Великого, а вкруг слова *спасает, карает, прощает, побеждает.* Имена принца шведского, Блюхера, Бенигсена, Шварценберга и всех главных начальников будут также тут. Завтра торжественное молебствие с коленопреклонением в соборе с пальбою. Грустно

всем, что граф болен; но известие сие оживило нашего бесценного патриота, который мучается с месяц нервами, желчью, геморроидами. Он не решается думать о своем сыне, но говорит с великодушием, ему свойственным: «Будь воля Божия. Я не мог умереть за Москву, пусть Сергей Федорович…» – не мог докончить от слабости и слез. Граф прочитал твое письмо, оно нам подтверждает все, что знали мы от Вязмитинова. Как я тебе признателен, мой любезный друг, что ты в столь важную минуту подумал обо мне.

Глава купцов Кожевников дает обед городу сегодня. 100 бутылок шампанского заказаны.

Константин. Франкфурт-на-Майне,
31 октября 1813 года

Я очень даже подозревал, какое удовольствие доставят тебе наши бюллетени, так что не избавил тебя ни от одного, посылая их регулярно то тебе, то попросту графу, когда у меня не было времени писать тебе. Сегодня ты получишь два старых бюллетеня, но это для твоей коллекции, и два экземпляра перехваченных писем, на случай, ежели мое последнее письмо до тебя не добралось. Беседа графа с Вандамом коротка, но хороша, и мысль поместить его в Кремле восхитительна.

Ты тем более хорошо поступил, прислав мне второе прошение Голембовского, что при первом не было никакого свидетельства, кое доказывало бы, что он на самом деле служил в милиции. Теперь я надеюсь, что дело устроится, милый Сабанеев только и мечтает, что иметь его при себе, особливо с той поры, как я сказал ему, что он родственник наш. Поццо весьма чувствителен к памяти о тебе и к памяти о нашей милой Наташе. Он передает тебе тысячу учтивостей и очень тебя любит. Он теперь здесь, в Главном штабе императора. Вчера наконец приехал злосчастный Алексей Багратион с его крестом Св. Анны. Милый Сабанеев взял его к себе, ибо в полку он сыграет дурную роль, не зная фронтовой службы и особливо после того, как все подчиненные нам ним восторжествовали. Тактик он невеликий. Упускает блестящую кампанию и приезжает в такую минуту. Он рассказал мне много о Москве и о связи между его родными и Варламами. Не думаю, что она очень тесная. Ты говоришь мне о письме для молодого графа Ростопчина, но ты забыл мне его прислать, к тому же Закревский сказал мне, что Ростопчин получил одно письмо от тебя. Здоровье его хорошо, он блестяще проявил себя во всех сражениях. Он кавалер ордена Св. Анны, какого-то, кажется прусского, ордена и представлен к званию капитана. Все его товарищи очень его любят, а в армии это

великая рекомендация. Твоя книга произвела здесь фурор, я уже не могу ее вернуть себе: она переходит из рук в руки. Граф Толстой говорил о ней с императором, который вспомнил тебя и хочет прочитать книгу, но бог знает, найдет ли он для сего время посреди таких значительных событий.

Влодек здесь. Он тебя обнимает и целует руки Наташе. Он при императоре. Я тебе говорил, что он получил саблю с бриллиантами. Вот еще один бюллетень, еще одна победа. Теперь французы остались только на Кассельском плацдарме, а этот берег весь чист. Все принцы Конфедерации оставили своего притеснителя. Третьего дня вступили сюда наши гвардейцы. Они всех восхитили и удивили. В самом деле, невозможно вообразить себе что-нибудь более прекрасное. Говорили, что они будто выходят из казарм. Здесь никогда не видели ничего подобного.

Франкфурт довольно красивый город, но, как говорят, здесь мало общества. Что до меня, то я и не выхожу; вечером, когда делать нечего, мы с Анстетом, Ламсдорфом и Рошуаром играем в вист, и так время проходит, до той счастливой минуты, которая нас соединит. Мой Клим болел, но теперь поправляется, сегодня даже уже вставал. Я очень им доволен. Он заботится о моих вещах, о лошадях и вообще обо всем. С ним я покоен, ибо сам я очень редко бываю с моими вещами.

Константин. Франкфурт-на-Майне,
4 ноября 1813 года

Благодарю тебя за то, что послал мне еще один экземпляр своей книжки, но, поскольку я получил только ту, что была адресована Журавлеву, он ее получит только для чтения. Шишков отзывался мне о ней с большой похвалою и спрашивал, читал ли ее уже император, хотя и без желания ее представить ему. Пойду его об этом просить. Не знаю, кто прислал твою книжку Шишкову. Он очень приветствует твои планы поработать над более пространной книгою. Твой № 135 не донесли до меня, следовательно, не мог я отдать еще книгу Воронцову и Закревскому, который желает ее иметь.

Александр. Москва, 10 ноября 1813 года

До нас доходят одни приятные вести. Я тебе писал это в день получения известия о Лейпциге, которое называем мы Александровское сражение. Были пиршества, столы, иллюминации и проч. Ходила подписка, в коей граф предлагал собрать сумму для раненых в сем сражении; вообрази, что в бедной, разоренной Москве и теперь накопилось более 40 тысяч и идет к пятидесяти. Ежели так пойдет в Москве и в Петербурге, мы

сможем построить дом инвалидов. Только этого памятника не хватает России, чтоб увековечить славу императора. Мы на этих днях переезжаем на другую квартиру, которая в той же улице, но ближе к графу. Я здесь один с Наташею. Дети еще в деревне, мы ждем переезда, чтобы поехать за ними. Нянюшка пишет мне, что Катя часто ей говорит: «Ах, няня, жай, жай Москвы». – «А что?» – «Фафули опять ее сожгли». – «Почему же?» – «Да фафули сожгли опять Москву; оттого мы не едем туда».

Вот и чума теперь всему будет мешать. Италинский, кажется, сыграет в Константинополе самую печальную роль. Ртищев подписывает выгодный мир с Персией.

Закревскому скажи, что хлопочу по делу людей, отпущенных на волю покойным графом Николаем Михайловичем [Каменским], о коих сам граф Федор Васильевич очень интересуется. Он все еще болен. Ты его не узнаешь, веселость его обратилась в меланхолию, которая совершенно переменила его характер. Понятно, что это нравственная болезнь, и коренится она в неведении о том, что происходит с его сыном. Ради Бога, пиши мне о нем. Говорят, что он убит. Вчера сказали, что Киселев [Дмитрий Иванович Киселев, отец графа Павла Дмитриевича] писал отцу, будто молодой Ростопчин взят в плен. Лечу к Киселеву. Оказывается, что он уже с месяц писем от сына не получал и сам этим опечален.

Поздравляй меня. Я тебе писал о лестном представлении графа, сделанном обо мне императрице. Ее величество изволила через сословие о призрении разоренных прислать мне 6000. Это серьезно поправит мои финансы. Вот и еще причина для признательности графу, тем более, что никогда я не просил у него за себя, а просил о благе людей более достойных, нежели я, по их несчастью и их бедности.

Константин. Франкфурт-на-Майне,
13 ноября 1813 года

Кромин сказал мне, что был в Москве, когда Демидов явился всем возвестить о назначении нового генерал-губернатора. Это показывает, сколь он бестактен. Мог ли он ожидать хорошего приема от общества, которое может быть только привязано к графу? Поскольку с той поры прошло уже немало времени, а мы не слыхали подтверждения сему известию, я предпочел бы считать его ложным. С другой стороны, даже если графу придется переменить место, ты с ним слишком в хороших отношениях, чтобы разлучаться; а это в то же время устроит наши планы жить вместе в Москве, на что я смотрю как на верх счастья для себя.

Благодарю тебя, мой милый друг, за проповедь Августина,

она драгоценна и была всеми прочитана с величайшим интересом.

Я был очень удивлен, обнаружив у себя по возвращении совершенно поправившегося Ванюшу Нарышкина. Он прибыл курьером от графа Толстого и поселился у меня, что доставляет мне величайшее удовольствие; но это ненадолго, ибо он должен незамедлительно отбыть. Здоровье его превосходно, и притом он не растолстел, по-прежнему забавный и добрый малый. Третьего дня я был награжден крестом командора Красного Орла Пруссии. Это прелестная награда и очень почетная, ибо у них есть генералы, у которых только малый крест. Он белый и по форме совершенно как наш Св. Георгий, только в середине орел, и лента желто-белая. В тот же день я получил крест командора гражданских заслуг Вюртемберга. Это белый крест с большой короной, лента черная и с желтыми кромками. Я ходил благодарить короля, который принял меня очень милостиво. Эти награды станут для меня вечным напоминанием о блестящей кампании и о великих сражениях, коим был я свидетелем.

Александр. Москва, 17 ноября 1813 года

Письмо твое из Веймара от 25 октября чрезмерно меня обрадовало, любезный брат, и я не могу довольно тебя поблагодарить за то, что ты минуты отдохновения посвящаешь нам. Кроме удовольствия знать о тебе, известия, тобою сообщаемые, столь восхитительны, что ждем писем твоих как посланников с неба. Чудеса вы делаете, да и только. Не наготовишься здесь плошек, колоколов и пороху праздновать все победы. Вандам, который меня все уверял, что Наполеон никогда не будет сбит с Дрездена, разве захотим мы добычу эту купить 150 тысячами жертвами людей, и тот теперь так огорошен, что говорит уже о Рейне. «Горе вам, – говорит он, – ежели вы перейдете Рейн».

Мы ходили вчера все в новооткрытый театр Познякова. Все сборы были в пользу бедных разоренных, а издержки – Познякова, и хотя театр мал, набрали 1200 рублей.

Это сильно оживило город. За билеты в партер платили до 50 рублей. Актеры очень хороши, декорации и костюмы чудесные. Давали «Древо Дианы». Другой раз будут давать «Два дня». Микелли будет отличаться. Один только Анко недоволен театром; он говорил со всей серьезностью: «Что мне до того, что он говорит, это до меня не касается». Когда он увидал Купидона с крылышками, засмеялся, говоря: «Это не человек и не птица». Всего более ему понравилось, когда аплодировали; смеясь во все горло, он сам хлопал руками. Папахен в восхищении и после

театра зашел к генералу Познякову, чтобы ему сказать, что он истинный русский барин. Я передал папахену копию письма Фонтона, которую ты мне прислал, после того как прочитал ему ее два раза. Ты знаешь, как он упрям бывает. С большим трудом убедил я его написать Фонтону. Он и этому, и Италинскому не доверяет даже, имение свое ценит в два миллиона – не менее, в соглашение входить с господарем не хочет; наконец согласился просить Фонтона с господарским зятем в Царыраде учредить продажу и торг. Кирико во всяком письме спрашивает о ценах деревень, ибо являются покупщики, а ни он, ни поверенный Константина Дмитриевича не извещены еще о ценах. Папа говорит, что это не нужно, что кто более дает, того будет, а что гуртом все стоит два миллиона. С трудом большим уговорил я его в письме к Фонтону прибавить, что с цены реченной сбавить две-три и до четырех сот тысяч, что все равно остается дорого; ибо мне сказал он по приезде сюда, что его имение может стоить 1 200 000 пиастров.

Я не вижу в продаже ничего такого, и мне кажется, что в глубине своего сердца он решил не продавать свои земли. Видно, что он к ним питает особенную привязанность, говоря, что они принадлежали его отцу, деду и проч. Чтобы не вызывать огонь на папа, я о сем молчу, но не могу довольно надивиться Италинским, который легко мог настоять на продлении срока на три года, ибо наш император, уважив просьбы валахов и молдаван, имеющих владения в Бессарабии, продлил им срок, не установив срока экспатриации. Однако же их много, а среди нас только два-три эмигранта. Ежели б Афр. Дмитриевич поехал вовремя в Бухарест, он бы лучше все устроил; а теперь чума, которая уносит до 150 человек в день, также сильно препятствует.

Я желаю, чтобы Голембовский доехал до тебя поскорее и чтобы Нессельроде получил приказ написать Италийскому, чтобы тот категорически просил продления срока на три года, взамен на милость, пожалованную нашим императором тем более великодушно, что она неограниченна. Это еще бы лучше, ибо папахен наш обрадуется и еще на три года заснет; впрочем, признаться надобно, что срок 18-месячный был очень короток. В Кайнарджинский мир было три года срока, и тогда говорили, что мало.

Ты не поверишь, что наши победы испортили старика: он думает, что все должно пасть, что конец Турции, что Дунай уже граница, что он валашский генерал-губернатор, что Порта, дабы подслуживаться государю, 10 миллионов даст за имение, что мир с Персией турок перепугал и проч. Словом, голова у него молодая и горячая. Он хочет во что бы то ни стало иметь секретаря, но я

пресекаю это столько, сколько можно, ибо тогда он велит писать бог знает что, тогда как теперь все проходит через мои руки.

Александр. Москва, 21 ноября 1813 года

Поручик Вольф прислан сюда от князя Барклая курьером от тебя, не привез ничего, но я чувствую одолжение почтеннейшего Ивана Васильевича Сабанеева, который пишет мне именно для того, чтобы я не беспокоился на твой счет. Он говорит, что ты во Франкфурте с государем, здоров, что он в тот же день (25 октября) имел от тебя записку, что ты дипломатишь во всю прыть и проч. Спасибо доброму человеку! Когда возвратится к вам Вольф, буду с ним писать много и выполню все комиссии Ивана Васильевича с большим удовольствием.

Константин. Франкфурт-на-Майне,
25 ноября 1813 года

Николай Тургенев еще не приехал; его ожидают со дня на день. Я говорил о нем со Штейном, который уже очень благоприятно настроен на его счет. Он получит, надеюсь, хорошее место с 2000 червонцами жалованья, что весьма значительно. Покамест он сохраняет свои петербургские оклады. Черт бы забрал Воейкова! Ежели бы он помер, наша милая кузина имела бы грехом меньше на своей совести, а мы были бы покойнее.

Александр. Москва, 26 ноября 1813 года

Успехи коронованного ангела восхищают Москву. Всякая почта ожидается с нетерпением, которое не могу тебе описать. Счастлив ты видеть столь близко бессмертные происшествия и даже в них участвовать. При старости будешь вспоминать о сих временах с восхищением. Делаешь ли ты хоть записки? Да полно, станет ли время на это? Копи как можно более материалов. К Фонтону писали мы сходственно с твоим наставлением по эстафете через Кирико и Александра Пини.

Болезнь почтенного графа нас мучает. Он в страшном расслаблении. Завтра будет консилиум. Посмотрим, что они решат. Нервы его испорчены. Волков хочет оставить службу; это было бы большим несчастием для Москвы и для службы. Но этот дурень Ивашкин, вечно больной и с каждым днем все глупеющий, остается, выжидает все неизвестно чего, уж ведь был он вознагражден куда как лучше, чем того заслуживал. Дурасов стал вице-губернатором. Только доблестного Волкова не повышают. Не житье, видно, добрым людям[114].

Константин. Карлсруэ, 4 декабря 1813 года

Я воротился из театра, где давали «Два дня». Какие воспоминания! А мне говорят, что меня повсюду искали из-за отправки курьера. Не хочу отпускать его, не сказав тебе, мой милый и любезный друг, что у меня все превосходно. Я, верно, куда лучше употребил бы свое время, ежели бы тебе написал, а не в театр ходил, да только совсем неизвестно было об отправке курьера. Прости мне краткость моего письма, время не позволяет мне написать больше. У нас ничего нового. Я видел гейдельбергскую бочку, город Карлсруэ построен в форме веера, точно как Хинрикс нам сказывал.

Константин. Фрейбург, 10 декабря 1813 года

Я не смог устроить дела, порученного тетушкой, иначе как просив о том графа Нессельроде. Я настоятельно пишу об этом предмете его тестю. Поскольку есть указ, как уверяет тетушка, о продаже аренд, это в ведении министра финансов, и бесполезно докучать императору, минуты коего столь драгоценны для всеобщего благополучия. Я извещу тетушку об ответе, который мы получим; а покамест ей рассказываю о том, что уже сделано. Поздравляю нашего милого Фавста [Фавст Петрович Макеровский женился на девице Мосоловой] с его счастием и особливо с тем, что он наконец почувствовал себя счастливым, и с тем, что мир не так плох, как он всегда предполагал. Он, кажется, весьма доволен своим выбором. Да благословит его Бог, но хотелось бы мне знать, что он в Москве, чтобы ты мог быть свидетелем счастья нашего друга.

Курьер из Лондона привез мне письмо от Полетики, который шлет мне, между прочим, труд г-жи Сталь о Германии и несколько новых карикатур. Посылаю их тебе в обмен на те, кои передавал ты мне в свое время. Я пришлю тебе еще книг, когда их прочту. Ты найдешь здесь также новую политическую брошюру, которую тоже прислал мне Полетика. Она о Мезонфоре и ему по заслугам. Ты узнаешь от Маши, как я сюда доехал. Я уже не нашел здесь главной квартиры Барклая, но нашел офицера, у коего и спросил известий о молодом графе. У него все отлично, – вот и все, что он смог мне сказать. Знаешь ли ты, кого ожидают здесь со дня на день? Не угадаешь, так что придется мне тебе сказать. Графа Андрея Разумовского. Я буду в восхищении видеть своего старого начальника, который был всегда так добр ко мне. У нас все идет превосходно, мы перешли Рейн у Базеля. Взяли несколько крепостей, и, между прочим, Бенкендорф взял одну. У меня нет под рукою прокламации Шварца, сделанной швейцарцам; я тебе пришлю ее. Мои вещи все еще позади. Кстати,

почему ты не просишь графа выпросить тебе ключ камергерский? Ему это будет стоить лишь словечка, а я знаю, что ты его давно желаешь. Прошу тебя, мой милый, отложи в сторону свою величайшую деликатность и воспользуйся милостями начальника, который тебя любит и, верно, не желает и лучшего, чтобы быть тебе полезным. Сделай это, любезный друг.

Я хотел сказать тебе еще об одном предмете, но при условии: ежели это можно устроить без труда, начинай переговоры, а ежели нет, то и не говори о сем. Надобно надеяться, что дела хорошо окончатся, и даже нет сомнения на этот счет; стало быть, надобно заранее подумать о месте. Согласись, что после стольких трудов, после четырех кампаний можно и помечтать о некотором отдыхе, и пожелать хорошего места, удобного и приятного. Есть одно такое в Москве, соединяющее в себе все сии выгоды, – это место почт-директора, но я неспособен подать и малейшего прошения, не будучи уверен, что граф не желает распорядиться им иначе, и не будучи убежден, что, добиваясь его, я не совершу ничего такого, что было бы ему неприятно. Ежели он ничего против не имеет, мне надобно письменное одобрение и даже более, представление с его стороны, ибо выбор будет зависеть главным образом от него. Исследуй это, мой милый друг, и дай мне ответ, как только сможешь. Ежели он изволит сделать милость представить меня к сему месту, я смогу воспользоваться им только по заключении мира. Так что надобно будет тебе послать мне его представление без даты и с отдельной печатью, чтобы я мог, в подходящую минуту и в нужном месте, подать его императору. Я, конечно, не могу лучше сделать, чем доверить это дело заботам такого брата, который любит меня, как ты. Выскажись мне об этом откровенно, но умоляю тебя, не говори о сем никому иному ни в коем случае, независимо от того, может ли устроиться это дело или нет; в первом же случае не забудь, что надобно мне будет во что бы то ни стало иметь представление в оригинале в моих руках. Вот и все. Жду твоего ответа.

Император вступил сюда, как и в другие города, посреди восторженных криков населения, которое видит в нем своего освободителя. Это-то и есть подлинные триумфальные арки. Сегодня наконец главный штаб собирается здесь, ибо в Карлсруэ были только князь Волконский, Нессельроде, Аракчеев и Толстой, все остальные были в Дюрлахе, который, по правде, лишь в трех верстах от резиденции, но куда я не смог попасть ни одного разу. Дорога, которая ведет туда, представляет собою тополиную аллею, красивейшую из всех мною виденных. Вообще, милый мой друг, страна эта восхитительна; мы теперь в Брисгау, и от самого Франкфурта досюда один сплошной сад. После Дармштадта с

одной стороны теснятся горы (это знаменитая Бергштрассе), а с другой виднеется долина Лапеш, которая тянется до Рейна, который недалеко отсюда. Гейдельберг божественно расположен. Так называется старинный замок на горе. Здесь и находится знаменитая бочка, и вид божественный. Виден Рейн. Некер, на котором стоит Гейдельберг, также очень красивая река.

Я был очень рад получить письмо от Полетики. Он с Татищевым. Он написал мне чудесное письмо из Лондона. Вот письмо Кирико. Прочитай папахе все, что может его заинтересовать. Влодек беспрестанно поручает мне передавать тебе его комплименты. Он все тот же – славный малый и любит друзей своих. Мишо также обнимает Катеньку, которая его фаворитка, и очень сердечно тебе кланяется. Алексей Багратион ушел в отпуск по болезни: еще одно доказательство отсутствия в нем такта. Он является сюда, все видят, какой он толстяк и здоровяк, и вот он болен.

Константин. Фрейбург, 12 декабря 1813 года

Разумовский приехал. Я был у него, он принял меня с бесконечною добротою и был очень рад меня видеть. Он несколько постарел, но все еще очень хорош. Кудрявский с ним, этот постарел чрезвычайно и оглох. Мы много болтали с графом о Вене, о милом Маллиа, о доме графа и проч. Вообрази, что с тех пор он беспрестанно застраивал и увеличивал свою землю, делает новую улицу в предместье, мост наискосок через Дунай, в один пролет, и откуда будет дорога прямо в кофейням. Словом, как говорят, красивее в мире нет.

Александр. Москва, 16 декабря 1813 года

Здравствуй, Красный Орел! Здорово ли поживаешь? А мы по сю пору перечитываем всё письма твои от 4-го и 13 ноября.

Радуюсь вместе с тобою, что поездка папахена не состоялась. Уверяю тебя, что, несмотря на его возраст, надобно было разве что не за помочи держать его, как ребенка. Намедни был на первом балу открывшегося Собрания. Старшины, Валуев, князь Юсупов, Апраксин и проч. делали ему разные учтивости. С Аф. Дм. зачинал польские. Теперь хочет непременно их звать к себе, к ним ездит. Бог тебе воздаст в сто раз за тетушку, ежели в чем для нее можешь успеть. Она живет в ГЦекотове бедно, а Г. дает праздники в доме своем. Он получил 10 000 рублей возмещения за свои потери, и я сомневаюсь, чтобы оказал он хотя малейшую помощь тетушке.

Я уверен был, что книга наша будет читана у вас с удовольствием; возрадуюсь, ежели удостоится прочтения

государя. Тут очень много, к славе его относящегося. Для того именно и поднести императору не хотели книги. Печатается уже второе издание. У меня пропасть любопытных материалов, и я работаю над третьим изданием, которое будет в двух частях, очень дополнено и с разными рисунками, яко то горящая Москва, взорванный на воздух Кремль, Никольская башня с чудесным сохранением образа на башне и проч. Книгопродавец Свешников получил от книги 5000 барыша, это деньги, которые полагались бы мне с Метаксою, ежели бы мы не продали книгу по 2 рубля 50 копеек, тогда как книгопродавец продавал по 6. Но признаюсь тебе, что, поскольку в свое время было заключено перемирие, я опасался, что продажи упадут. Надеюсь, что оба издания принесут нам десяток тысяч рублей. Я все переработал и использовал в дело все материалы, кои накопил в своем портфеле, не считая злосчастной нашей эмиграции. Мне досадно, что я не работал один и отдельно, ибо Метакса может подумать, будто хочу я присвоить себе его труд, и я сильно удалился, хотя все знают, что Метакса удивительно плохо пишет по-русски. Впрочем, все равно, лишь бы книга была хороша и читаема. Суждением Журавчика нельзя пренебрегать; я рад, что ему понравилось. Надеюсь, мой милый, что ты не сидишь сложа руки, а запасаешься любопытными материалами, кои я проглочу, когда ты приедешь сюда. Ты имеешь такую репутацию бога молчания, что в городе говорят: «Что нового, не знаю, а говорят, что Булгаков получил письмо из армии». – «О, да это от брата: он ему никогда не сообщает ни слова о делах». Старик Афросимов считает, что ты пишешь, но что я храню это для себя одного и что я в точности знаю, когда мы будем в Париже.

Письмо Закревского я передал графу, который уже ответил Арсению Андреевичу через князя Меншикова.

Граф позволяет, чтобы я тебе отправил, под открытою печатью, письмо Вандама к его жене. Дай ему ход, ежели можешь и хочешь, а ежели нет, то сожги.

Тот самый господин, который не так давно утверждал, что никогда мы не перейдем линии Эрфурта, что Дрезден может быть взят только ценою жизней 100 тысяч человек, что не только их император, но и из французов никто никогда не подпишется под жертвою Италии и Голландии, говорит мне теперь (и вот его слова): «Тот, кто учинил все сии оскорбления, должен их и исправить. Надобно, чтобы император серьезно задумался, чтобы он подписал мир во что бы то ни стало, чтобы он уничтожил свое самолюбие из любви к Франции; надобно, чтобы он отказался от Германии, Италии и даже от Голландии ради сохранения Франции, которая есть и всегда будет прекраснейшим

королевством в свете», – и проч. и проч.

Я тебе послал с четверговою почтою (по-прежнему через Калинина) экземпляр «Русского вестника», в коем содержится описание деревенского праздника 26 августа; а через мой канал № 3 я или, вернее, сам автор тебе отправил тот же самый «Вестник», заполненный одною только заметкою о службе батюшки. Тебе это доставит большое удовольствие. Пиши, мой милый, Глинке, коего зовут Сергей Николаевич. Скажи ему, что вся армия его знает как превосходного русского, ревностного патриота, что его «Вестник» читают в армии с большим удовольствием; поблагодари его за справедливость, отданную им памяти батюшки, и проч. Ему очень это будет приятно. Разумеется, что напишешь ему по-русски. Как бы не забыть: вообрази, что Иван Савельич [шут князя Василия Алексеевича Хованского] представляется всюду с крестом Почетного Легиона, и когда ему говорят: «Что ты это, дурак, как ты смеешь это носить?» – «Ах, батюшка, – отвечает он, – теперь уж это сделался шутовской орден; мы все носим, всем позволено, и гроссмейстер позволил», – «Да кто гроссмейстер?» – «Наполеон Карлыч».

Константин. Фрейбург, 19 декабря 1813 года

Я вижу с большим удовольствием, что мои письма доходят до тебя достаточно исправно, несмотря на удаленность и огромное расстояние, созданное нашими блистательными успехами между нами и нашею милою Москвою. То, что сей славный город сделал для раненых в лейпцигских боях, – движение, достойное наших доблестных москвичей.

Я подпрыгнул от радости, когда прочитал статью о 6000 рублей, пожалованных вам императрицею. Я полагаю, что сие явилось очень кстати, и вас с сим поздравляю. Бог не оставляет нас.

Я тебе писал из Франкфурта, что я получил 1000 рублей за трактаты; они пришли тогда, когда я и вправду не знал, что делать: уже полтора года я не получал и полушки жалованья; а то, что привез с собою, было вскоре истрачено, ибо, хотя так и не кажется, здесь тратится уйма денег; мне пришлось сделать несколько долгов, и вдруг 1000 рублей позволяют мне выпутаться, да еще мне и останется, на что продолжать кампанию, не одалживаясь ни у папахи, ни у друзей моих. Я захотел было отложить половину, но не получается. Смог поместить лишь 400 рублей к Нессельроде при условии, что смогу забрать их при надобности. Как буду выглядеть без этого в главной квартире, полной иностранцев? А занимать деньги означает очень дурной тон.

Александр. Москва, 21 декабря 1813 года

Приглашение императора приехать к нему произвело столь радостное впечатление на его августейшую супругу, что она от сего на целый день заболела. Вся Россия разделяет ее радость, и она отправится, сопровождаемая пожеланиями и благословениями. Какое путешествие или, вернее, какое триумфальное шествие! Побегут смотреть на кого? На супругу спасителя Европы. Ожидаем тысячу любезностей от Александра Львовича, когда он возвратится. Передай ему мои комплименты, когда увидишь. Когда ему сказали, что Левушка занимал такое-то или такое-то место в Голландии, – «ах, как я рад, – отвечал он, – Левушка весь в отца, все занимает», – да и, по-моему, отдавать не будет[115].

1814 год

Александр. Москва, 9 января 1814 года

Уверение в дружбе вещь лишняя, глупая; желаний не делаю на этот год, ибо со дня моего рождения привык тебя любить наравне с собою, а может, и более. Да будет благодать Божия с тобою, любезный брат! Утешай нас письмами твоими. Яко русского, поздравляю тебя с истекшим годом; да будет нынешний еще славнее прошлого! Государь затмил славу всех государей. Некоторые из них прославились великодушною защитою союзников своих в трудных обстоятельствах; но государю, видно, определено Небом спасти самых даже неприятелей своих, зажигателей Москвы, злодеев всего мира. Какая роль! Вот что я сказал Закревскому и тебе повторяю. Прекрасно быть русским! Граф [Ростопчин] славную шутку подпустил вчера. Он говорит: «Бывало, чихнет кто-нибудь от испанского табаку, так поклонюсь; а теперь как чихнет кто от русского, так надобно в ноги поклониться».

Я получил письма твои № 40 из Карлсруэ, № 41 и № 42 из Фрейбурга. Приложенные доставил, то есть отдал Марице [невесте К.Я.Булгакова, Марье Константиновне Варлам], которую мучил вчера, но не мог уверить, что горы так высоки в Швейцарии, что нельзя курьерам проезжать, и что раз ты в Швейцарии, писем от тебя не будет. Мы с Наташей много с нею говорили о том, что надобно набраться терпения. Она очень рассудительна на этот счет, но иной раз, сама не желая того, приходит в негодование, говоря, что пора тебе уже возвратиться сюда. Не слушай никого, милый мой, даже Марицу, и верь твоему лучшему другу. Оставайся, где ты есть, так долго, как будет там император. Трудись; ибо то, что делаешь для себя, делаешь и для будущей твоей жены, и для ваших детей. Я тебе объявляю, что ежели ты возвратишься, то не желаю тебя видеть. Это подлинно так, и я говорю сие всему семейству Варлама и самой Марице. Им нечего возразить брату, который любит тебя превыше всего. Марица молода и может обождать; она только приобретет ожиданием, а после дела старика устроятся, то есть он продаст хотя бы за деньги, равные 200 тысячам рублей, кои тебе причитаются. Я с ними часто говорю об этом, и папа написал в Валахию, чтобы это сделалось. Он очень добр, но надобно, чтобы кто-нибудь всегда понукал его и заставлял делать даже и то, чего он сам желает.

Воображаю себе, какие воспоминания от слушания «Двух

дней» в Карлсруэ! Сужу по себе самому. Эту оперу давали в прошлое воскресенье (ибо прошу тебя поверить, что у нас уже есть театр, и притом прелестный, это театр Познякова; сей славный человек содержит все из собственного кармана, а все деньги от сборов идут бедным и инвалидам; все крепостные его, и славно играют и поют). Так вот, я не мог удержать слез при арии Микелли; я подумал о Вене, а особливо о тебе, и сказал вместе со славным Микелли, думая о моем Константине: «Himmel, schutze seine Schritte!»

Карикатуры уморительны. Четыре англичанина (уже несколько времени идет дождь), явившиеся посмотреть на сожженную Москву, помирали со смеху. Эти чудаки были в маскараде вчера, все у того же генерал-майора Познякова и по-прежнему в пользу инвалидов (деритесь смелее!). Вообрази, что они в башмаках, в вице-мундире из Собрания [то есть из Благородного собрания, с Большой Дмитровки], которое также восстановлено, сели в кибитку и поскакали в Петербург, потому что уже было уложено камердинером. «О, – говорили они, – мы заночуем в Твери и там переоденемся в дорожные костюмы». Экие чудаки! Лазили на Ивана Великого. Это им понравилось всего более.

Твое письмо Милашевичу было ему вчера отправлено; он мне недавно писал, прося найти для его дочери французскую гувернантку. (Каков!) Я не мог при ответе не засвидетельствовать ему моего удивления (лучше сказать, негодования). Господи Боже, когда прогонишь Ты из России этих аспидов! Их ненависть тем более ужасна, что она затаилась. Со всей нашей славою мы изнутри загнием, ежели не прогоним всех этих мерзавцев.

Целую тебя со всей моей нежностью, так нежно, как поцеловал я Марицу, когда она сообщила мне известие о новом твоем Баварском кресте. Это делает меня счастливым, счастливым до невозможности! Король Баварский – великий государь, я это говорю, как мадам Севинье говорила о Людовике XIV после того, как сей чудесный король танцевал с нею. Чего ты хочешь? Свет таков, эгоистичный, тщеславный с другими и не такой с самим собою; однако же, признаюсь тебе (говоря, как Лонгинов), что ты мой кумир.

Александр. Москва, 15 января 1814 года

Я говорил с графом о месте, кое имеешь ты в виду. Он в восхищении видеть тебя на нем; ибо, уверяю тебя, хотя и мало тебя знает, но сильно любит. Ему столько раз отказывали, что теперь его рекомендация ничего значить не будет. Граф, кажется, удивлен, что ты согласен оставить твое нынешнее место, ибо

считает, что оно далеко тебя поведет. Я говорю, что это было только подготовочкой к миру. «До этого не так близко», – отвечал он. «Вы понимаете, что ежели я до подписания мира оставлю свое теперешнее место, то представление мною человека неслужащего не будет иметь весу. Впрочем, ежели мне придется уйти, вы о сем узнаете, и тогда мы примем свои меры и сможем устроить дело так, что вы заступите место помощника начальника, ибо тот, кто его теперь занимает, верно уйдет, ежели другому дадут место, коего он так жадно доискивается. Может быть, вы предпочли бы служить вместе с братом; ибо мне хочется, чтобы император приблизил вас к себе, и я могу это устроить, когда сам увижусь с его величеством. Я тогда попрошу у него и ключ, ибо не думаю, чтобы можно было сделать это по переписке. Я на сем не настаиваю, но буду иметь близко к сердцу место для вас. Ни вы, ни я не будем упускать этого из виду и не станем говорить о сем кому бы то ни было». Благодарю тебя, что думаешь о выгодах моих.

Вчера был я с Наташею у Соковниных, как вдруг ординарец от графа. (Спасибо этим добрым скакунам; где бы я ни был, везде меня отыщут, когда дело идет обрадовать меня письмом от тебя.) Вид толстого пакета меня чрезвычайно обрадовал. Тотчас поскакал к Марице, там снят конверт и найден № 43 от 19 декабря; там обрадована была милая моя сестричка. Мы все ходили в публичный маскарад. Марица все держала в одной руке платочек, а в другой – твое письмо. Напрасно говорил я ей, что она его потеряет. «Ба! – говорила она. – Смотрите, как я крепко его держу». Она совершенный добрый ребенок, но ее крайняя чувствительность часто доставляет ей воображаемые огорчения, довольно и того, что я ее не поцелую, не так на нее посмотрю: она тотчас думает, что я перестал ее любить, и вот уже печальна! А можно ли всегда быть в одном настроении?

Ну, брат, 1000 ф. стоят Баварского креста, ежели не лучше. Я обрадовался этому без ума. Нечего тебя учить беречь деньги. Умно сделал, что отдал на сбережение Нессельроде. Нет денег, нет и искушений. Кузина вытаращила глаза. «1000!!! Да вы знаете, что это 12 000 рублей?» – «Да, знаю, так ведь он и трудится как собака». Мне казалось, что глаза Чижика с завистью ощупывали это золото.

Ты, верно, увидишь доброго Лонгинова, который сопровождает его величество [Н.М.Лонгинов – секретарь императрицы Елизаветы Алексеевны]. Передай ему от меня тысячу любезностей, прошу тебя.

Александр. Москва, 19 января 1814 года

Посетил я сегодня приятеля своего, издателя «Русского вестника» Глинку, познакомился у него с братьями его Федором и Григорием Николаевичами, служащими при Милорадовиче и отправляющимися сегодня же к вам. Некоторые пакеты были у нас приготовлены для курьера графа Михаила Богдановича [то есть для курьера, приезжавшего в Москву от графа Барклая-де-Толли], коего отправляем к вам обратно; но я счел лучше все отдать господам Глинкам для вручения тебе, любезный брат, а для того курьера приготовим новую экспедицию. Очень тебе рекомендую этих господ. Глинки все ревностные патриоты и из породы честных людей. Люби их и делай им добро, если можешь. Брат их посылает тебе третью книжку своего «Вестника». Она вся посвящена памяти нашего отца. Ты прочтешь сие с умилением. Я тебе посылал экземпляр с Голембовским, но бог знает, что с ним сталось. Это начинает беспокоить меня. Его появление доставило бы тебе столько удовольствия, от того, что тебе везет от нас. Это у меня вызывает большую досаду. Все мы, слава Богу, здоровы и смотрим на вас выпучив глаза, ожидаем необычайные происшествия; только Боже сохрани от мира с Бонапартом.

Увы, не стало Каменского[116]. Почтенный этот старик умер, как святой; последнее слово было, причастясь и благословив детей: «Теперь я готов. Господи, прими душу мою». Тут и умер. Умер так, как жил. Сия смерть весь город поразила.

Одна из посылок – для Григория Александровича Корсакова, коего тебе очень рекомендует мать его Марья Ивановна[117].

Александр. Москва, 22 января 1814 года

Куда-то вы теперь забрались? Ежели будешь в замке какого-либо маршала, пожалуй, возьми какой-нибудь портрет, хоть стенной, Наполеона или другого фафули, и мне привези. Прибьем у себя, как сувенир. Ты будешь говорить, ты сам его взял, вот там-то во Франции. Это нам оплатит дедушкин портрет, который проклятые фафули сожгли в тетушкином доме.

Александр. Москва, 31 января 1814 года

Не довольствуясь тем письмом, которое уже имеют от меня к тебе, любезнейший брат, братья почтенного издателя «Русского вестника», они хотят еще особенную рекомендацию. На что? Ты, право, их полюбишь без того. Добрые, честные ребята. Храбры, изранены и обожают свое отечество. Младший, Федор Николаевич, ведет очень любопытный журнал всему происходящему с армией и с ним самим; он адъютантом при Милорадовиче. Старший, Григорий, истинный солдат, имел много происшествий несчастных, был солдатом и дослужился до

настоящего чина грудью, под Смоленском сильно ранен. Вчера было пиршество:

прощальный ужин в русском трактире. Тосты беспрестанные. Наконец Федор, взяв рюмку и став на стул (ибо мал ростом), сказал: «Мы пьем за память Якова Ивановича Булгакова; а так как он умом своим отразил войну с турками, и кровь русская от того сберeглась, то надобно пить красным вином за Булгакова». Потом пили анафему Наполеону. Пили за славу России и народа. Втащили мужика с улицы, коему целовали сапоги, руки; словом, это был такой патриотический энтузиазм, коего не могу тебе описать. Я с Федором побратался, променялся крестами Аннинскими.

Александр. Москва, 9 февраля 1814 года

Мне досадно, что Вандама перевели в Вятку. Я доставлял себе жестокое удовольствие часто навещать его, чтобы объявлять ему об успехах нашего оружия и затруднениях милого его господина.

С великим нетерпением жду брошюру Свиньина. Боже мой! Свиньин писатель! Он был в Мессине в моей канцелярии, и помнится, мне приходилось все самому переписывать, ибо были сплошные ошибки да пропуски, когда велели ему что-нибудь переписать. Татищев часто ему говорил: «Ах, милый мой, сильно сомневаюсь, что вы когда-нибудь получите портфель российского канцлера, по крайней мере при жизни моей». Пришли же, брат, его книжку; да забыл ты книгу Сталь о немецкой литературе.

Марица объявила мне, что ты получил еще баденский орден Верности. Я ее нежно за это расцеловал. Она говорит, что этот орден красивее всех и что герцог, верно, очаровательный человек. Я ничего такого не думал, но, когда я ей сказал: «Ага, стало быть, Константин получил орден за вечную свою вам верность», – она подпрыгнула на аршин и покраснела более, нежели Бригонци, который безжалостно поджаривался возле камина. Прошу вас, сударь, рассказать мне, каковы все эти ордена, и потом не забудьте однажды нацепить все ордена, кои имеете, и заказать ваш портрет в таком виде, дабы послать его будущей супруге. Ордена эти станут весьма сладостными сувенирами на всю твою жизнь. Я сделал большую глупость, когда в Кальяри король Сардинии велел Лисакевичу спросить у меня, что он может сделать мне приятного, и я не попросил у него Св. Лазаря, а после не воспользовался милостями королевы Неаполитанской, когда маркиз де Чирчелло предложил мне за трактат 1805 года орден Св. Константина. Я должен был принять его за одно только имя. Если по какой-нибудь необыкновенной случайности увидишь где-нибудь королеву, может быть, сможешь все это устроить. Может

статься, я тебе пошлю письмо для ее величества; а королева, верно, тотчас это сделает, особливо ежели бы дела ее взяли счастливый оборот.

Я уверен был, что «Русский вестник» тебе будет по сердцу. Я у тебя прошу взамен что-нибудь парижское, например, какой-нибудь портрет или гравюру, взятую из замка Тюильри. Надеюсь, что Аустерлицкий мост будет опущен, что его распилят на кусочки, чтобы понаделать из них табакерок с подобными надписями. Мне хотелось бы, мой милый, иметь портреты всех маршалов Франции; я бы украсил ими целую комнату в моем именьице, поместив над каждым из этих господ по русскому генералу, который его и разбил. Я надеюсь, что ты накупишь много любопытных книг, особенно до русских касающихся и которых привоз сюда был бы запрещен. Не забудь напомнить обо мне Поццо. Наташа тебе то же поручает со своей стороны.

Переслав письмо Закревского к его батюшке, предложил я быть посредником в переписке их; вот письмо от старика, которое прошу отдать Арсению Андреевичу.

Александр. Москва, 20 февраля 1814 года

Московский департамент. Коммунальное отделение Кузнецкого моста. Ура! Виват, мой милый друг! Не могу выразить тебе радость, какую испытал я при чтении твоего письма из Бар-сюр-Оба от 21 января, кое извещает нас о полнейшем поражении маленького чудовища в Бриенне; стало быть, там, где получил он свой первый урок, преподали ему и последний. Он был хорош. Спеси поубавили. Я узнал от тебя сию новость на несколько часов ранее самого графа, который вскоре после того получил эстафету из Петербурга. Я любуюсь на твое письмо с французскою маркою, читаю и показываю его, как монах в неаполитанском кабинете древностей показывал подлинный черновик «Освобожденного Иерусалима» Тасса. Сия драгоценная бумага займет почетное место в моих бумагах; ты ею возвещаешь нам об освобожденной Франции.

Много благодарю тебя за брошюры; есть одна очень интересная; там говорится о Москве и много о графе. Приятно видеть, как отдают ему справедливость даже за границею; без сего человека верно было бы в Москве возмущение; он будет играть большую роль в истории. Заклинаю тебя, ради Бога, пришли мне из Парижа также всякого рода брошюры, листки, анекдоты. Чтение этих безделиц пища моя, и у меня преславная коллекция переплетена в пяти больших томах. Как мог ты подумать, что я не получаю «Консерватора»[118]: эта газета так интересна и славно написана.

Александр. Москва, 26 февраля 1814 года

Вчера сидел с Марицей, которая по старой привычке горевала, что нет писем от тебя; спрашивает: «Когда приходит почта?» – «Завтра!» Вместо того пошел я к графу, чтобы у него дождаться ее прибытия. Сидим, болтаем, вдруг дежурный офицер несет кучу писем: петербургская почта, забилось сердце и не понапрасну. Калинин[119] посылает графу два пакета от тебя, и оба, разумеется, для меня от любезного брата. Ну уж обрадовал ты меня! Твои письма были от 26 января из Бар-сюр-Сен и от 28-го из Труа. Граф посмеялся твоему сближению новой Трои с древнею и размышлениям, кои тебе сим были внушены. Поскольку я по опыту знаю, что, давай Марице сразу два-три письма от тебя или одно, все одно надобно, чтобы через несколько дней после явилось новое письмо, без чего она загрустит; потому вручил я ей твое письмо из Бара, а через два-три дня отдам и письмо из Труа. Троянский князь Метакса выразил свое высочайшее одобрение сей мере. Мы удивлены равнодушием, с коим узнал он о взятии столицы. Вот шутка Попова, которую Метакса не оценил. «Сам ты Эней, – сказал он ему. – Я же не троянин, а грек, и скорее Ахиллес, Улисс, нежели Эней». Можешь вообразить себе смущение Попова, который ни великий географ, ни знатный историк. Он не знал, как выпутаться, когда, согласно похвальному своему обыкновению, кое ты за ним знаешь, принялся чихать так, что у нас в ушах зазвенело. Сия сцена нас премного позабавила. Теперь, когда оба чемпиона встречаются, кто первый скажет: «Что, брат Эней!» Троя теперь стала неисчерпаемой темой наших разговоров.

Есть негодяи, коим угодно распространять тревожные слухи: то Блюхер убит, то отбросили нас от Парижа. Здравомыслящие люди над сим смеются, но трусы устрашаются. Граф удваивает бдительность. Вчера взяли одну фафулю, которая сказала, что Бурбонов позвали в Париж только для того, чтобы всех их отправить в тот же день на гильотину и положить конец их притязаниям, и проч. Это дамочка высокого полета, она содержала пансион для девиц (миленькое воспитание!). Граф велел привести ее к себе, сказал ей, что надобно быть безумною, чтобы вести такие речи, и вследствие того приказал Ивашкину обрить ей голову и посадить ее на месяц в сумасшедший дом. Посуди об удивлении и бешенстве сей фафули. Теперь хвост поджали все эти шельмы. Можешь сообщить этот анекдот другу фафулей Мишо. То-то обрадуется освобождению Пьемонта, а я без ума рад за доброго короля, которого видел в Кальяри, возвращаясь из Сицилии. Два раза у него был. Как он меня

обласкал! Превратности судьбы и несчастья, кои повсюду преследовали сих королей, сделали из них подлинных отцов народов их.

С горячим нетерпением ожидаю письма от Поццо. Оно, вероятно, придет из Парижа. Чего бы я не дал, чтобы поболтать с ним часочек! Многое из того, что он предсказывал в 1808 году, теперь случилось и случается. Здесь сказывают, что жена мясника человеческого мяса отправилась в Орлеан стать Жанною д'Арк. Кстати сказать, когда я давеча писал графу Чернышеву, то сделал плохонький каламбур, вот такого рода: Наполеон *один* великий злодей, нет *двух* таких в свете и хотя он оказался разорван на *четыре* (четвертован), пытавшись сделать из Москвы Трою О*три*), сей город, однако же, обновлен (*9*); усилия маленького корсиканца будут напрасны *(20),* и он кончит тем, что обратится в ничто *(0)*. Ежели найдешь случай, передай сие с моим почтением генералиссимусу каламбурщиков Александру Львовичу Нарышкину.

Константин. Париж, 18 марта 1814 года

Надобно иметь сотню рук, чтобы описать все, что я видел, мой любезнейший друг, сотню глаз, чтобы видеть все, что можно было увидеть. Мы сегодня вступили в Париж, вчера разбив войска, кои защищали этот город. Ранним утром явилась депутация к императору, поручая город сей его великодушию. Все было соглашено этим ангелом, и мы вступили в столицу Франции не как вражеская армия, а как спасители. Вообрази себе императора с его блестящей свитою, окруженного парижской толпою, которая благословляла его среди восторженных криков, идущих из глубины сердец. Невозможно описать общее воодушевление. Это была прекраснейшая минута, какую только доводилось пережить какому-либо государю с тех пор, как мир стоит. Посуди же, как были мы счастливы видеть вступление этого ангела, видеть, как шагают наши гвардейцы посреди благословений народных толп. Со всех сторон неслось «да здравствует император!», «да здравствует наш спаситель!», «да здравствует Людовик XVIII!», и повсюду белые кокарды. Какое зрелище, когда народ может дышать свободно!

Я слишком тороплюсь, чтобы входить в подробности; прилагаю при сем прокламации и публикации, кои расскажут тебе обо всем, что совершилось. Я ожидаю «Монитора», и ежели мое письмо не уйдет прежде, то пошлю его тебе. Толпы были столь огромны, что я и не видел прекрасных улиц, по которым мы прошли, боясь раздавить кого-нибудь. Надобно было видеть, как все нас хватали за руки, как нас благословляли, и моя лошадь

получила нынче более поцелуев, нежели множество людей за всю их жизнь.

Я видел молодого графа [старшего сына графа Федора Васильевича Ростопчина Сергея], у него все прекрасно. Барклай маршал. Я видел Воронцова и Щербатова, обоих со вторым Св. Георгием. Словом, я видел всех. Вообрази, что экипаж мой не здесь, и мне почти нечего одеть: он со Шредером и бог знает где. Еще вчера мы захватили кучу пушек. Наши успехи неслыханны. В городе царит величайший порядок, раздаются только крики радости. Разделите ее с нами, мои милые друзья! Ура!

Константин. Париж, 21 марта 1814 года

Император был вчера в Опере, давали «Весталку». Какая толпа, какое восхитительное зрелище, какие балеты! И особливо – какой прием был оказан императору! Продолжительные приветствия, кругом видны только белые кокарды, слышны только проклятия Наполеону. Публика принудила закрыть орла, коим украшалась Наполеонова ложа, которая одна пустовала, а по окончании пьесы, едва император покинул свою ложу, как наполеоновский орел был разломан на куски. После 2-го акта публика потребовала песенку Анри IV и просила Лея петь куплеты. Тот выходит с почтительным видом и поет примерно так:

Да здравствует Александр,
Да здравствует король королей,
Ни на что не притязающий,
Не дающий нам законов,
Сей августейший государь… и проч.

Как-то так. Я думал, что зала обрушится от силы аплодисментов и криков. Словом, при виде нашего ангельского государя, который с улыбкою, одному ему свойственною, приветствовал публику и завоевывал себе самой своей скромностью сердца даже отъявленных бонапартистов, толпу охватило воодушевление, коему нет названия. По выходе один старичок мне сказал со слезами на глазах: «Как вы должны быть счастливы иметь такого государя!» И все, кто был вокруг нас, принялись кричать: «Да здравствует наш спаситель!» Словом, милый мой, в моем письме ты не найдешь много смысла, но дело в том, что я подлинно ошеломлен всем, что вижу. Как счастливо быть русским! Как счастливы мы у себя! Учишься ценить свое счастье, проведя лишь миг в Париже.

Декларация

Армии союзнических держав заняли столицу Франции. Государи-союзники удовлетворяют пожелания французского народа. Они провозглашают: как скоро условия мира должны заключать надежнейшие гарантии обуздания амбиций

Бонапарта, они будут благоприятнее, если, вернувшись к мудрому правлению, сама Франция предоставит гарантию такого покоя.

Государи-союзники провозглашают, вследствие сего, что они не будут трактовать ни с Наполеоном, ни с каким-либо членом его семьи; что они уважают целостность старой Франции, какой она была при законных королях. Они могут сделать и более, ибо неизменно исповедуют принцип, что для счастия Европы нужна великая и сильная Франция, и они готовы признать конституцию, которую примет французская нация, и стать ее гарантами. Тем самым они побуждают Сенат назначить временное правительство, угодное французскому народу.

Выраженные мною здесь намерения едины с намерениями других держав.

Подписано: Александр.

Париж, 19 марта 1814, в три часа пополудни.

Указ Правительствующему Сенату

Ведомства Государственной коллегии иностранных дел статского советника Булгакова, в вознаграждение трудов и отличного усердия по службе, всемилостивейше жалуем в действительные статские советники. Александр.

Париж, марта 29-го дня 1814.

Александр. Москва, 23 марта 1814 года

Папа нанял в Петровском прелестную дачу на семь месяцев; он платит только 2000. Есть где поселиться всем нам, и граф будет совсем близко, что меня очень устраивает. Граф совершенно расположен видеть тебя на занимаемом месте. Он хотел бы быть уверен, что просьба его будет принята, и тогда он тебя вытребует. Между нами будь сказано, он считает, что этот ничтожный К.[120] имеет покровителя, который возвратит его на место сие, как только граф оставит свой теперешний пост. Он склонен так думать, потому что все время избегали назначать преемника К., хотя фельдмаршала Салтыкова и просили горячо за заместителя, который теперь там и которым вовсе не довольны. Все это дело очень беспорядочно, и графу все это очень не нравится, ибо тот – сын ревностного мартиниста и сам мартинист; а граф ненавидит все, что есть секта и

таинственность, он не делает никакого различия между иллюминатами, якобинцами и мартинистами; однако, поскольку легион сей многочисленный и граф атакует его в лоб, можешь вообразить, сколько у него врагов.

Посылаю тебе карикатурки на Наполеона, из коих две особенно мне полюбились. Покажи их Закревскому. Моя коллекция увеличивается, у меня их уже более 130. Я познакомился с князем Иваном Барятинским, который очарователен, и он, и жена его; она в этом месяце должна родить. Я очень часто у них обедаю, стол у них изысканный. Он одолжил мне два нумера «Амбигю», кои я читаю с жадностью и удовольствием, достойными бывшего дипломата.

Константин. Париж, 24 марта 1814 года

У меня множество дел, ибо, помимо обычной моей работы, поручили мне просматривать прошения, направляемые императору, а их, однако же, не менее семидесяти в день. Но я предпочитаю лишить себя сна, предпочитаю не видеть всего, что можно здесь посмотреть, чем не поболтать с тобою, мой милый и любезный друг. Прочтя газеты, ты узнаешь все, что происходит в Париже, в самых больших подробностях и лучше, чем я смог бы тебе описать, ибо признаюсь тебе, что я все еще ошеломлен всем, что вижу. Ибо это не сон, мой милый друг, это действительность. Добродетель торжествует над пороком и преступлением. Все происходит здесь в величайшем спокойствии. Режим притеснителя пал. Ты вытаращишь глаза, но это правда: Наполеон не царствует более. Великие события сменяют друг друга с удивительною быстротою. Мармон перешел со всем своим корпусом на сторону добрых французов, все покидают тигра в несчастье. Но можно ли звать несчастьем справедливейшее деяние Неба? Надобно видеть, как относятся здесь к русским, – как они того заслуживают, этим все сказано.

Наши друзья, Влодек и Закревский, получили большую ленту Св. Анны. Посылаю тебе сегодня с газетами очень интересную брошюру Шатобриана. Перо, долгое время угнетенное, решилось наконец писать.

Я буду очень расстроен, ежели наш милый Волков из Москвы уедет. Надеюсь, что он этого не сделает. Он поступит очень дурно и для себя, и для нас. Я был очень огорчен смертью почтенного Каменского. Такие люди, как он, должны бы жить в такое счастливое и блестящее для нашего отечества время.

Париж очень красив. Для развлечений надобно иметь много денег, и, по счастью, у меня нет ни времени, ни возможности их тратить. Стараюсь увидеть в спешке то, что надобно посмотреть.

Покамест был я на нескольких спектаклях, – они великолепны; какой балет, какая трагедия! Тальма единственный в своем роде; меня особенно поразило все вместе: ничто не осталось в небрежении.

Александр. Москва, 29 марта 1814 года

Христос воскресе! Прошлый праздник были мы вместе, любезный брат, теперь должно довольствоваться письмами. Как быть? Немного, кажется, остается нам потерпеть. Дела идут быстро, происшествия столь скоропостижны и неожиданны, что нельзя ручаться, чтобы разлука наша не прекратилась, и даже очень скоро. Убежденный сам этою сладостною мыслию, я и Марицу утешаю.

Благодарю за № 56 и за брошюрки, кои, покуривая трубку, читаю с восхищением. Портрет великого человека писан со странною фантазией. Мы его здесь отпечатаем с экземпляра, присланного из Берлина, но который не так хорошо сделан, как твой. В городе большой шум из-за двух великих побед, одержанных Блюхером 28 февраля и 1 марта. Сия новость пришла с эстафетой из Штутгарта в Петербург. От тебя мы ее узнаем только позже.

Я вчера сыграл фарсу с Янко [Янко, Костаки и др. – домочадцы К.Д.Варлама]. Я ему вручил якобы письмо от тебя, запечатанное, где ты ему говоришь, что на Пасху будешь просить императора сделать Янко твоим адъютантом, что ты ему поручаешь передать комплименты всему семейству, но что, будучи очень занят, пишешь только ему одному, и проч. Надобно было видеть его радость! Сначала не хотел он распечатывать письма, чтобы не попортить печати, и потом сказал, что, когда Булгаков возвратится из армии, сам прочитает ему письмо. Но, уступив просьбам матери, он письмо открыл. Марица грустила, что ты ей не пишешь, а Янко утешал ее, говоря: «Когда он писал вам, а мне нет, я ничего не говорил; что ж, теперь вы тоже наберитесь терпения; впрочем, Булгаков просит меня передать вам свои комплименты». Но особенно с большим пренебрежением и очень выраженной гордостью смотрит он на Костаки. Янко просил пойти на качели, а когда у него спросили, зачем, он сказал, что это для того, чтобы всем показать твое письмо.

Константин. Париж, 4 апреля 1814 года

Я очень доволен, что повидал *этот мир,* и особливо в такую интересную во всех отношениях минуту. Париж – это в самом деле мир, но чтобы им наслаждаться, надобно иметь много времени для себя и главным образом много денег, ибо все

чрезвычайно дорого, даже вещи первой необходимости. Спектакли, однако же, восхитительны. Я никогда не видел ничего подобного. Я видел здесь нашего милого Воронцова. Мы обнялись от всего сердца. Он получил, как и князь Щербатов, Св. Георгия второго класса. Ты читал в газетах, что он назначен генеральным комиссаром при временном правительстве.

Сын Александра Михайловича Корсакова убит в одном из последних сражений. Я тебе это говорю, чтобы его не спутали с братом г-жи Волковой, в том случае, если дойдет до вас эта новость.

Александр. Москва, 6 апреля 1814 года

Вчера шатался по качелям пешком. Время прекрасное стоит во всю Святую неделю. Со мною был Иван Савельич в шитом кафтане с разными шутовскими украшениями; я заставил его дурачиться и плясать на балконе с паяцем. Тебе известно, как хорошо его знают во всем городе; так, верно, можешь себе представить, как это всех развлекало. Волков был верхом и над сел ся, смеявшись.

О веллингтоновой победе никто здесь не знал. Говорят много о смерти молодого графа Строганова. В Петербурге не знают, как объявить о сем несчастье графине[121], которая уже очень занемогла, узнав вдруг о смерти архитектора Воронихина. Эта преждевременная смерть (хотя, по здравой логике, в армии преждевременной смерти не бывает) возбудила беспокойство всех матерей, тем более что говорят о многих раненых генералах. Называют нашего доброго Воронцова. Ты знаешь, как охотно раздувают все новости, у всех лица вытягиваются. Вместо того чтобы терять время на их утешение, я их уверяю, что французы, равно как и мы, имеют пушки и ружья и стреляют в нас не печеными яблоками, а ядрами и пулями. В четвертый раз заявляют, что мы заняли Париж, и хотя мы еще не в Лондоне, но зато всякий день идут беспрестанные парижи. Карикатуры, кои ты мне прислал, очень смешны. Здесь их тоже беспрестанно выпускают.

У князя Барятинского бывает гордый оригинал, Тончи, коего ты знаешь, я думаю. Это человек, свихнувшийся на системах, он теперь защищает одну, которая должна доказать, что в сем мире нет ничего. Граф ему испек на сих днях следующую эпитафию:

Ci Git un fou, homme de genie,
Qui passa toute sa vie
A prouver fort bien
Que tout n’est rien[122].

Уж коли пустился на стихи, так вот тебе еще весьма удачные, кои будут помещены в щите на концерте послезавтра.

Где Александров меч сверкнул,
Воскрес народ, спаслась держава;
Ступил, и славы луч блеснул.
Везде с ним век пребудет слава.

Константин. Париж, 8 апреля 1814 года

Кромин должен привезти с собою сына графа; я очень радуюсь за почтенного отца: он будет иметь радость узнать, что сын его отлично показал себя во всех сражениях, и увидеть его славно награжденным. Теперь, когда дело в прошлом, можно говорить о том, чем он рисковал, будучи с Барклаем, который всегда чрезвычайно подставлялся опасности. Это не шутка – быть его адъютантом: он многих сменил.

Я видел здесь Милошу Нарышкина. Я бы его никогда не узнал, таким он стал взрослым малым. Он получил Св. Владимира и Шведский крест. Он проделал более выгодную кампанию, чем Ваниша.

Александр. Москва, 12 апреля 1814 года

Мы полагаем, что разбитие Мармона и Макдональдовых сикурсов откроет армии путь в Париж и что там злодей объявится отрешенным от престола, а всякий, ему преданный, – бунтовщиком и разбойником. Такая мера заставила бы всех бросить его, особливо когда будет провозглашен его преемник, а без этого не вижу и в занятии Парижа ничего завидного. Наши на этой неделе хотят переехать на дачу, которую наняли в двух верстах от Тверской заставы, куда и я думаю переехать, ежели Наташа решится скоро ехать в подмосковную, куда буду ездить только урывками, покуда граф не поедет к водам; тогда и я пущусь в подмосковную.

Александр. Москва, 16 апреля 1814 года

Ура! Ура! Еще официального от вас нет ничего о взятии Парижа, но эстафета, прибывшая в Петербург из Кенигсберга, известила о вступлении государя и прусского короля 19 марта в сию столицу злочестия. Графа известил о сем Вязмитинов курьером. Москва в восхищении. Во вторник был я свидетелем зрелища, которое никогда не забуду. Купцы, мужики все сбежались в дом графский, пробились до его кабинета, требуя его

видеть. Будучи нездоров, он не одевался; но какая болезнь может противостоять такой радости? Граф надел сюртук мундирный, вышел в залу, поздравлял, целовался со всеми, велел подать вина, пил со всеми за здоровье государя и армии нашей и прусской. Крики «ура!» и «да здравствует отец наш, государь император!», произнесенные тремястами, может быть, человеками, бывшими в зале, такое представляли зрелище, что, право, нельзя было не плакать. Одни выходили, другие входили на смену, двор и улица были наполнены людьми. Сии изъявления радости продолжались часа два, все целовались, как в Светлое Христово воскресение. Граф очень был тронут. «Что всего лучше, ребята, – говорил он, – что все обошлось тихо в Париже, без капли крови, никого из жителей не обидели». – «Что говорить, – возразил купец один, – ведь мы, батюшка, ваше сиятельство, христиане; они вошли (фафули) только сюда, как варвары!» А эти шельмы французы разъезжают уже и здесь с белыми кокардами. Экие пострелы! Куда ветер, туда и они. Пожалуй, любезный брат, обняв за меня и поздравя Закревского, сообщи ему и молодому Ростопчину то, что тебе пишу о радости московских жителей. Пришли мне письмо от последнего к отцу его. Заставь его писать чаще. Сию минуту князь Барятинский меня известил, что жена его родила дочь. Можешь сказать это графу Толстому[123].

Александр. Москва, 20 апреля 1814 года

Ты не можешь описать своего восторга от всего того, что видел, слышал и чувствовал, вступая в Париж с государем; а я не могу тебе пересказать, с каким восхищением читал я твои два письма, № 59 и 60, оба из Парижа писанные. Спасибо тебе сто раз, любезнейший брат, что в столь сладкие для души твоей минуты ты меня не забыл и уделяешь мне твоего благополучия столь большую часть. Я переношу себя в Париж, я там с тобою вижу толпу, превозносящую до небес Избавителя вселенной, вижу народ, целующий твою лошадь! Ну, брат, велел Бог дожить нам до сих времен, почти баснословных. Я со вчерашнего дня заперся дома и читаю, перечитываю, учу наизусть твои письма и все бумаги, которые ты мне доставил. Назвать их любопытными, право, мало; не нахожу и выражения, а умоляю тебя, ради Бога, продолжать присылку журналов парижских. Это может и тебя избавить от лишнего писания, а ты должен быть чрезмерно занят. Как ты счастлив, любезный брат, быть свидетелем, да даже и участником во всем том, что происходит.

Когда я думаю о славе императора, мне кажется, что это слишком много для смертного; но когда думаю, что наш император сделал для Европы и всего света своею твердостью,

мудростью и доблестью, то нахожу, что Бог ему доставляет только то, что он заслужил. Тут мы как безумные, все целуются на улицах. Дни 23-го, 24-го и 25-го назначены для празднования взятия Парижа. Граф оплачивает расходы первого дня, дворянство – второго, а купечество – третьего. Между нами, здесь грустят, что курьер не был послан прямо в Москву[124]. Васильев, обер-полицмейстер, посланный с известием в Петербург, получил в подарок около 15 000 рублей; но уверяю тебя, что, ежели кого-нибудь послали бы прямо сюда из Парижа, тому город дал бы 100 тысяч. Попытайся прибыть с новостью о смертельном поражении Корсиканца, и чтобы тебя послали прямо в Москву. Вся Москва отличится. Мы очень весело пообедали у молодого Вельяшева. Вася Пушкин придумал прелестные стихи, я просил их записать, он мне только что их прислал, вот они, так, как я их от него получил. Я уверен, что в Париже они понравятся[125].

Поругай молодого графа Ростопчина. Его отец очень на него сердит, и надобно было очень постараться, чтобы граф, обыкновенно столь снисходительный, рассердился. Я написал графу Сергею. Пожалуй, попроси Закревского его пожурить и доставь мне от него письмо к отцу. У меня была дня с три лихорадка, но известия ваши меня поставили опять молодцом. Нет такой болезни, что устояла бы против таких новостей.

Константин. Париж, 24 апреля 1814 года

В газетах, кои посылаю я тебе сегодня, увидишь ты церемонию въезда короля. Это был подлинно праздник, и я его, конечно, видел. Я ходил гулять по улицам с Анстетом и Шредером. Дома были все украшены, во всех окнах полно народу. После нашей прогулки мы наняли два окошка и смогли все рассматривать в свое удовольствие. Я не жалею о луидоре, которого мне это стоило.

Вчера объявили о «Двух днях»; я не мог помешать себе туда пойти. Эта опера всегда пробуждает во мне весьма приятные воспоминания. Это странно: я помню о всех представлениях, на каких бывал, между прочим и в 1810 году в Петербурге в немецком театре с милым Мишо. Здесь ее сыграли великолепно, особливо твой любимый финал был славно спет.

Я получил огромное письмо от Лонгинова. Вчера видел я Воронцова, он едет в Англию. Сабанеев еще тут. Я надеюсь, мы увидим его в Москве. Знаешь ли ты, что некоторые друзья обещали мне прийти на мою свадьбу? Мой Клим еще ко мне не присоединился, однако же должен быть в дороге. Я не был бы недоволен увидеть его, ибо с ним все мои вещи.

Александр. Москва, 27 апреля 1814 года

Граф сделал фортуну против тех офицеров, которых посылал в губернии курьерами с известием о взятии Парижа. Тому, который послан был в Орел, подарено 3400 деньгами и три золотые табакерки. Все в восторге. Здесь три дня сряду праздновали. Славные были иллюминации. Транспарант и иллюминация графского дома стоили 15 000. Во многих местах были пресмешные картины. Известный старик Дризен написал, из немецкого усердия, государя, попирающего Наполеона в виде черта, с надписью: «И с чертом сладил!» Но народу не понравилось видеть черта возле ангела нашего; мужик подошел и вырезал вон черта Наполеошку, оставив только государя. Третьего дня купцы устроили великолепный праздник в городе. Дамы сделали заговор и все явились туда в национальных платьях. Это было очаровательно. Дам с десять были только одеты по-французски, от стыда уехали тотчас домой. Я не звал Марицу туда ходить; подлинно, что мама чувствует себя не очень хорошо. Намедни Дмитрий Николаевич Сенявин обедал у меня; я его познакомил с Константином Дмитриевичем и Марицею, которых он очень полюбил. Посуди, что французские генералы, кои сидят в Орле, не верят во взятие Парижа; они сказали курьеру графа: «Ба! Да русские скорее луну укусят, чем возьмут Париж!»

Александр. Москва, 30 апреля 1814 года

Вся порабощенная Европа приведена в Москву в 1812 году, а полтора года спустя Россия освобождает всех врагов своих от ига общего врага, все вступают в Париж, пренебрегают всякою местью, становятся освободителями, тогда как предводитель один становится врагом всех и особливо своих же. Но оставим эту неисчерпаемую тему. Чудовище больше не царствует, но сего мало. Сийес говорил о Людовике XVI: «Смерть, и без лишних слов!» Что сказать тогда о проклятом Корсиканце? Но предоставим Провидению действовать через нашего императора. Уже три года он доказывает, что делает лучшее, что может, он хочет, чтобы Бонапарт жил; стало, надобно, чтобы он жил и давился своею бессильною яростью на острове Эльбы (где я провел две грустные недели, однако же положение Порто-Серраджо очень красиво).

Москва с величайшим ликованием четыре дня праздновала взятие Парижа. Первый день было молебствие в соборе с пальбою и коленопреклонением. Вот тебе и славная речь, говоренная Августином. У графа был обед. Ввечеру весь город (и в следующие дни) был иллюминован, у графа горел щит с изображением Парижа, нами занимаемого. Это стоило 15 000

рублей; были разные надписи, как то: «Слава держит вензель государя и трубит *миру мир\»* — и проч. На другой день бал в Дворянском собрании, на третий купцы дали славный праздник; все дамы были в русских национальных платьях, кроме того, сыграли они 25 свадеб бедных девиц, всякой дав 250 приданого. На четвертый Позняков давал маскарад отборному дворянству и купечеству и проч. Васильеву, петербургскому полицмейстеру, привезшему радостное известие, поднесли купцы 500, дворянство – табакерку в 4000, а граф – другую в 5000. Сенат собрался вчера на чрезвычайное заседание, чтобы решить о посылке депутатов к императору с поздравлениями. Поздравь от меня милого Закревского; ежели успею, буду писать сегодня сам. Графу отдал его письмо, а Сергей Федорович все не пишет к отцу.

Константин. Париж, 2 мая 1814 года

Ты доставил мне подлинное удовольствие, сообщив, что вы собираетесь жить в деревне с Варламами. Я боялся узнать, что они там одни и стали добычею скуки, ибо без общества старик папаха потерян, а более приятного общества, чем твое, он и иметь не может. Я рад, что с вами будет Метакса; кажется, его очень любят в доме. Маша говорит о нем с признательностью, и я прошу тебя засвидетельствовать ему мою собственную признательность. Я передал Закревскому твое письмо, он уверяет меня, что писал тебе через Ростопчина (я полагаю), который наконец уехал, нагруженный письмами, пакетами и проч. Ежели Кромин поехал с ним, тебе будет что почитать, ибо он везет кучу брошюр, газет и проч.

Константин. Париж, 6 мая 1814 года

Знаешь ли ты, кто здесь, кто приехал меня навестить и кого я еще не видел? Радди, который сделал чудесным мое пребывание в Москве, когда я приезжал туда во времена батюшки, и впоследствии сделал для меня то же в Вене. Он приехал сюда (как говорят), чтобы просить у императора капитал в 30 тысяч, который он потерял в результате его отзыва из Москвы. Ежели известие о нашем вступлении в Париж было преждевременно, когда ты писал мне свое письмо, ты после должен был увидеть, что это было не так уже плохо угадано. Я обедал вчера у Воронцова с Сабанеевым, Бенкендорфом, Стюартом, который тебя знал, я думаю, в Вене, и прочими друзьями. Сабанеев положительно мне обещал, что оставит Голембовского при себе и сделает своим адъютантом. Возвести сию добрую новость женатому философу: это доставит ему удовольствие. Татищев должен был обедать с нами, но не пришел. Я много вижусь с

Полетикой и люблю его с каждым днем все сильнее. Он полон ума, а его прямота столь редкостна в наше время. Я передал Удому письмо г-жи Корсаковой; ее сын здоров, он очень красивый малый. У него глаза любезной его сестрицы.

Я очень даже несомненно знаю Тончи. Он все выводит из воображения, а существует ли, по крайней мере, само воображение? Вовсе нет, ничто в мире не существует. Это доказало бы, что то, что он доказывает или хочет доказать, также не существует. Эпитафия графа очень красива, и когда станет применима, Тончи, по крайней мере, не усомнится, что существует смерть.

Стихи государю также хороши. Кто их автор? Идея Фавста заказать для жены портреты тех особ, коих она никогда не видела, уморительна. Он оригинал во всем, что он ни делает, и я уверен, что он выкинет какую-нибудь фарсу при рождении своего ребенка, ибо одно из двух: либо я плохо разгадываю его апокалиптический стиль, либо жена его носит плод любви его.

Надобно мне идти к Канингу, бывшему английским посланником в Константинополе, когда и я там был. Я даже жил у него. Он мне назначил встречу в 1 час, а уже четверть второго. Так что придется мне тебя покинуть.

Александр. Москва, 7 мая 1814 года

Посылаю тебе, милый мой, новый план сожженной Москвы, который заказал я для своей книги, с Бонапартом в виде черта. Это будет диковинкой в Париже. Все, что черно, было сожжено, но теперь сей план уже ничего не стоил бы, ибо осталось самое большее 2000 домов, кои еще заново не отстроены. Ты не узнаешь Москвы! Граф в радости: Закревский написал ему, что сын его едет в Москву. В Петербурге происходят великие дебаты о том, как встретить императора при его возвращении. Титул *Благословенный*, который будут умолять его принять, не вполне меня удовлетворяет. Несравненный, единственный, вдохновенный, европейский – были бы лучше. Впрочем, как дать надлежащий титул тому, кто поставил себя выше всякой хвалы или почестей! Надобно было бы попросту назвать его Александром Великим: сие слово все содержит. Его даровали многим государям, но Александр затмил славу всех, кто принимал титул Великих. Здесь было много прений. Купцы согласны с мнением графа увековечить деяния нашего государя построением на Москве-реке трех каменных мостов в четыре миллиона; один будет назван Парижским, другой – Александровским, а третий – Бурбонским. Дворянство построит большую больницу для дворовых людей. Скажи это Закревскому,

ежели не успею ему написать.

Константин. Париж, 13 мая 1814 года

Татищев от меня выходит и поручает передать тебе тысячу учтивостей от его имени. Через два дня он снова едет в Лондон, откуда поедет на свое место в Испанию. Он несколько постарел. Что за город Париж для покупок, ежели у тебя есть деньги; к несчастью, это моя слабая сторона. Особенно меня сердит то, что нет у меня мерки Наташи и Маши; а какие прекрасные туфельки я бы им привез! Но что делать. Не имея экипажа, вынужден я даже собственные вещи отправить прямо в Россию, и они до меня доберутся неизвестно когда. Моя бричка так поломалась, что пришлось продать ее за 100 рублей. Я сам поистратил здесь денег, и клянусь тебе, даже не знаю как, чтобы одеться хоть немного по-христиански, это обошлось мне более чем в 2000 франков. Я, правда, заказал себе шитый мундир, без коего мне никак невозможно обойтись. Все прекрасно, но стоит гораздо дороже, чем у нас. Я занял 1000 рублей у Полетики, настолько мы все издержались; но все равно: я видел Париж в такую минуту, когда многие дорого заплатили бы, чтобы его увидеть. Англичане начинают наезжать сюда в большом числе. Одежда английских женщин и особливо шляпки их сильно отличаются от здешних, потому что французские шляпки в буквальном смысле в десять раз выше.

Александр. Москва, 14 мая 1814 года

Графиня Строганова, старая, просила меня узнать, жив ли и что делает Ладомирский, кажется, семеновский адъютант Потемкина. Справься и уведомь меня. Наши за худою погодою еще не переехали на дачу. Явился Митюша Муромцев, такой же живчик, как и прежде. Антонио сходит с ума, сочиняет оду на наши победы, и все ему кажется, что не довольно сильно; «Un poco di Tasso ed un poco di Dante», – говорит он, а я прибавляю: «Un poco di tutti basta che non vi sia niente di voi», – и он сердится. Потом я ему говорю, чтобы еще его позлить, что слишком много оскорблений Наполеону и что цензура не дозволит это напечатать.

Константин. Париж, 17 мая 1814 года

Мы с добрым Полетикою читали с восхищением твои письма, которые наполнены радостью вашею, причиненною нашим вступлением в Париж, и смеялись стихам Пушкина; видно, что он был в Париже. Эти стихи могли бы служить путеводителем по Парижу. Ты говоришь мне, что граф Ростопчин сердится на сына; теперь, когда он уже в его объятиях, я убежден, что гнев его

поутих. Что до моего портрета, то я очень сомневаюсь, что успею его заказать.

Полетика у меня сидит и ругается, но все это относится ко мне одному, а в рассуждении тебя отзывается с обыкновенными чувствами истинной приязни и говорит, что хотя мы оба из одной утробы, но друг на друга отнюдь не похожи.

Верно: Петр Полетика. Спасибо вам, любезнейший Александр Яковлевич, за то, что содержите в строгой дисциплине избалованного вашего братца. Если бы не вы, то он сделался бы совершенный повеса.

Константин. Париж, 18 мая 1814 года

Император, как ты знаешь, начнет поездку свою с Лондона, куда едет через два-три дня. Я в числе немногих лиц его свиты. Пребывание в Лондоне продлится лишь несколько дней, оттуда – в Вену, оттуда – в Берлин, а после постараюсь я ехать прямо в Москву. Все это только для тебя, мой милый друг, и чтобы ты мог облагоразумить Машу, ежели она тем огорчится. Я пишу ей о Лондоне. Я ей и оттуда напишу. С другой стороны, я надеюсь, что она будет и достаточно благоразумна, чтобы не сердиться на меня за то, чему все завидуют. Посуди, сколь мне будет приятно сопровождать императора в этой триумфальной поездке.

Константин. Париж, 21 мая 1814 года

Васильчиков, генерал-адъютант, повезет вам известие о мире; посуди, мог ли я упустить эту оказию, чтобы ею не воспользоваться; но не ожидай от меня длинного послания, ибо уверяю тебя, что у меня столько дел, что голова идет кругом. Император отбыл этой ночью в Лондон; мы последуем за ним, как только окончим некоторые дела и отправим нескольких курьеров. Я получил вчера крест командора ордена Леопольда Австрийского, еще одна красивая награда. Теперь их у меня девять. Ни больше ни меньше!

Александр. Москва, 21 мая 1814 года

21 мая! Довольно вспомнить число это, чтобы знать, что происходит в душе моей. Кидаюсь в твои объятия, любезный брат, поздравляя тебя с сим вожделенным днем. Мы его празднуем все у старика, который вчера переехал на дачу свою; там будем обедать и пить за здоровье некоторой *полярной звезды*, которая, видно, *блудящая*, ибо теперь находится в Париже. Ну уж радуешь ты меня, утешаешь, веселишь; я, право, как ребенок, коего задаривают ежедневно игрушками. Что за письма, что за газеты, что за брошюрки! Как все это исправно, скоро доходит! Как ты

часто пишешь! Право, не знаю как, чем тебе воздать, любезный брат. При всех твоих великих занятиях, ты меня до того довел, что я насилу могу успеть тебе отвечать.

Александр. Москва, 28 мая 1814 года

Никогда я не слыхал таких криков, как вскричала в другой день твоя невеста. Приезжаю туда в день прогулки во Всесвятское, которое в четверти версты оттуда, первый вопрос, разумеется: «У вас есть письма от Константина?» – «Нет!» Настаивает. По-прежнему: нет! Наконец Марица верит и покоряется до следующего почтового дня. Она предлагает мадам Асламбеговой (у коей муж моряк, милый мальчик и друг адмирала Сенявина) пойти прогуляться. Спускаются по лестнице, а я подымаюсь на третий этаж и оттуда, с балкона, пускаю твое письмо. Марица видит, как что-то падает с неба. Великое удивление; но когда она видит, что к ногам ее падает пакет со словами: «Моей милой Маше», тогда испускает она сей знаменитый вопль, который отдается во всех окрестных лесах. Она не обедала от удовольствия. Обрадовалась очень чистому воздуху, вдруг от него и чистого гулянья у ней щека распухла; я ее потер твоим письмом, и опухоль уменьшилась. Я ей написал вчера, обещая еще на сегодня некоторое медицинское пособие от парижского аптекаря.

Карамзин сочинил прекрасные стихи о европейских событиях; они в печати. Ты их тотчас получишь. Я слышал, как вчера он их графу читал.

Константин Лондон, 29 мая 1814 года

Я со вчерашнего дня в Лондоне, и все тут так необыкновенно, столь особенно, что я не могу прийти в себя и совершенно ошеломлен. Мне будет весьма затруднительно сделать его описание, ибо надобно вначале собраться с мыслями, а в голове у меня полная сумятица. Какой огромный город, как все тут отличается от того, что видим у других народов. Наше путешествие из Парижа было благополучно, но морская переправа причинила мне страдания, ветер был слишком сильный и противный, так что нас рвало 20 часов подряд. Объявляют об отправлении курьера, и я успеваю только нацарапать пару слов *to my good brother*. Знаешь ли, я тут с невероятным нахальством говорю по-английски, и меня понимают. Императора и всех нас принимают здесь с огромным воодушевлением.

Приписка Петра Ивановича Полетики: С крайним сожалением уведомляю вас, любезнейший Александр Яковлевич, что братец

ваш ведет себя в Лондоне столь же худо, как и в Париже.

Александр. Москва, 8 июня 1814 года

Наконец приехали Ростопчин [то есть граф Сергей Федорович, старший сын графа Федора Васильевича] и Кромин, столь давно ожидаемые. Все пристали на даче у графа ко мне, чтобы я распечатал твои пакеты, но я был непоколебим: растаскали бы газеты и брошюрки. Итак, я отправился домой, где расположил на большом столе и начал распечатывать. Прошу тебя премного благодарить от меня любезного Ламсдорфа за цепь. Какая работа! Кто поверил бы, что из того же железа делают затворы и пули, кои убивают нас, как мух.

С какою изумительною быстротою последовали друг за другом все эти невообразимые перемены. Император освободил нацию, которая уже десять лет полагала славу свою на пресмыкательство и порабощение. Не думаю, чтобы все, тобою виденное, обратило почтение твое к поганым фафулям, коих нельзя не презирать. Гадко слушать их теперь и читать. Что за народ! Целая Франция, заглушая совесть, казнит доброго короля, а теперь пустое слово союзного генерала обезоруживает праведное негодование и ярость народа к истинному убийце и варвару Франции. Поди пойми их! Я в сокрушении, что не предан смерти Бонапарт.

Поцелуй от меня с нежностью милого Воронцова; говорили, будто убили его в битве при Краоне. Люди из здешнего его дома приходят ко мне с управителем с перепуганными лицами и с болью расспрашивают, правда ли, что у молодого графа оторвало руку и он умер при ампутации. Весь город, верно, о сем говорил. Посуди о моем счастии смочь ободрить этих славных людей. Я как раз только получил твое письмо, где ты мне пишешь: «Я только что расцеловал Воронцова, который получил 20-го крест Св. Георгия». Я им показываю письмо, перевожу отрывок; они крестились, плакали от радости. Прошу тебя рассказать о сем молодому герою: такие вещи созданы для такого сердца, как его. Я дал двойные газеты графу Чернышеву, который пришел провести со мной некоторое время; это будто я ему дал 100 тысяч. Старый князь Федор Сергеевич Барятинский умер от апоплексического удара; о нем весьма мало сожалеют, и подлинно он того не заслуживает. Сегодня похороны старого Валуева, который поторопил свою смерть неумеренным употреблением крепких ликеров. О сем человеке будут жалеть только его подчиненные, коих он засыпал всякий год наградами – единственно из гордости и чтобы показать свое влияние при дворе; однако же известно, как получал он желаемое.

Александр. Москва, 9 июля 1814 года

У нас, кажется, заклад с тобою, любезный брат, у кого будет больше чего? У тебя крестов или у меня детей! Бог обрадовал меня дочерью, нареченною под пару Костюше – Ольгою. Она родилась 1-го числа сего месяца.

Я упорно верю, что есть одно письмо твое потерявшееся, ибо мы не получали более после твоего первого из Лондона. Тут уверяют, что ты трудишься с императором, а граф Нессельроде остался в Париже, имея миссию от его величества еще на несколько дней. Ежели это так, то благословляю твое молчание; пускай оно даже и продлится, лишь бы Бог сохранил твое благополучие. Ты видишь, что я очень рассудителен, или, лучше сказать, моя любовь к тебе превосходит все в этом свете.

У нас и в Петербурге только и разговоров, что о времени возвращения императора; делаются пари, что его величество вернется 22 июля; надобно не иметь здравого смысла, чтобы сие утверждать. Впрочем, я со своей стороны убежден, что император сам не смог бы назначить точную дату своего возвращения; дела и политические события слишком сильно на это влияют.

Константин Митава, 12 июля 1814 года

Ну вот, мой милый, любезный друг, и я в России. Я тебе описать не в состоянии, что чувствую. Право, кажется, что все это сон. Между тем мы летим, а не едем. Из Лондона выехав, только два раза останавливались, а то скакали день и ночь. Как бы ни был утомителен такой способ путешествовать, он очень соответствует моему положению. Я останусь в Санкт-Петербурге только несколько дней, так что надобно все устраивать к моей свадьбе. Я написал о сем Маше, но еще не говорил, что мне, очень вероятно, придется снова ехать после месячного пребывания в Москве; сохрани это для себя одного. Я хотел бы в это время и жениться. Я напишу тебе из Петербурга. В случае, если старый папаха захочет туда ехать, скажи ему, что он меня там уже не найдет. Напиши также Фавсту, чтобы приехал: он мне обещал.

Александр. Москва, 15 июля 1814 года

Граф через два дня едет на воды, его не будет четыре или пять недель; сделаюсь вольным казаком, чаще буду со своими. Сегодня едет в Петербург Дмитрий Николаевич Сенявин, который всякий раз делает мне препоручение обнять за него Костюшку. Какой добрый человек! Говорят, что великий князь прибыл в Петербург с известием о мире, который невеликую производит радость; давно уж этого ждут, никто не предвидел затруднений к

заключению оного, а все смутны, видя Бонапарта не токмо живым, но и самодержавным на Эльбе. Никто не внемлет рассудку, а всякий предается токмо чувству ненависти и мщения к сему разбойнику. Не умер ли он, когда приведен в невозможность делать зло?

Александр. Москва, 17 июля 1814 года

Граф был извещен из Петербурга, что из Парижа отправлен сюда курьер с известием о заключении мира, но он не являлся. Для всеобщего сведения и из предосторожности объявлено было полицией, что, как скоро прибудет в город курьер, все жители известятся о сем пушечными выстрелами; ты можешь себе представить, любезный брат, как у меня вчера сердце забилось, как услышал пальбу. Две радости для меня… как две? три! Мир, письмо от тебя и приближение твоего возвращения! Это немало! Хотел тотчас скакать к графу, который живет на даче; коляска еще не запряжена, является ко мне ординарец графский с большими пакетами от тебя, привезенными Васильчиковым. Граф велел мне быть к себе на другой день рано, и так целый вечер мог я заняться чтением твоего милого письма от 2 июня и газетами.

Этим утром в 6 часов был я у графа; он спал, я прогуливаюсь в саду, вижу человека весьма высокого роста, который подходит ко мне с трубкою во рту, – это посыльный нашего ангела!.. Я его видел почти что первый раз, но познакомиться с ним оказалось минутным делом. Какая скромность в этом герое, с какой добротою отвечал он на все мои расспросы. Мы проболтали до пробуждения графа. Ты, верно, понимаешь, как много расспрашивал я о тебе. Васильчиков сказал мне, что очень удивлен, что Закревский не уехал из Парижа в Москву прежде него. То-то уж замучаю вопросами; с этим церемониться не стану.

Ты извещаешь меня, что едешь в Лондон; я от этого с ума схожу от радости и желаю сего от всего сердца. Вот еще страна единственная во всех отношениях, которую ты увидишь, страна совершенства почти во всем. Под совсем еще свежим впечатлением от Парижа ты сможешь сделать сравнение, ежели можно делать сравнения между рептилиями и человеками. Не надобно иметь очень проницательного ума, чтобы догадаться, к какому классу относятся господа фафули. Что ж, мир вздохнет спокойно: окончены побоища, и отныне будут подымать руки (как сказал я в предисловии к своей книге) лишь для благословения ангела, орудия Божия. Какая роль и какая слава для России! Ах, если бы император мог видеть все слезы, кои заставляет проливать этот мир!

Константин. Петербург, 21 июля 1814 года

Вот я наконец и в Петербурге. Не могу тебе описать, с какой радостью обнял я нашего почтенного Алексеева и его милую жену. Они не ожидали меня видеть. Это был мой первый выход, и признаюсь тебе, что мы были взаимно счастливы снова встретиться. Вот настоящие друзья! Я был также у Пушкиных; маман сильно постарела, не может говорить о сыне своем, не проливая слез; я хорошо это понимаю, бедная мать! Меня приняли в семью, как родного сына. Я нашел всех сильно переменившимися. Ты, верно, понимаешь, с каким братским чувством обнял я нашего доброго Тургенева. Он все тот же. Все друзья наши, Григорий Гагарин, Уваров приняли меня с выражениями искренней дружбы, и вообще все выказывают мне самые дружеские чувства и поздравляют. Я не многих еще успел повидать, у меня нет времени, ибо я тороплюсь покончить с бумажными делами, чтоб уехать. Надеюсь сделать это к концу недели или к началу следующей. Мазарович объяснил мне, где живут Варламы, это мне по дороге, а поскольку я не знаю, где живете вы, то там и остановлюсь. Я написал Маше, что, вероятно, мне придется вскоре после свадьбы снова ехать. Так что надобно все приготовления к свадьбе окончить до моего приезда. Поторопи все это, мой друг.

Марья Любимовна удивлена и в восхищении от того, что меня видит. Ее муж все тот же. Бабушка в Кронштадте у сына. Я огорчен, что не смог обнять ее. Боголюбов часто меня навещает. Этот бедный малый искалечен и ходит на костылях. Юлинац от меня не выходит, это очень славный человек. Гурьевы осыпают меня милостями благодаря Нессельроде, который любит меня с каждым днем все больше. Я много ему обязан, это друг и покровитель. Я сегодня обедал у матери Тургенева с ее сыном и Боголюбовым. Завтра еду в Петергоф на праздник и представляться императрице-матери. Я поеду с Тургеневым и поселюсь у Нессельроде, у которого есть комната. Я получил от английского короля прекрасную шкатулку с шифром.

Вчерашний вечер я провел у Уварова между Тургеневым и Боголюбовым, который не утратил своей веселости. Мы много смеялись. Я так счастлив, так рад, что даже, думаю, стал несколько любезен.

Александр. Москва, 21 июля 1814 года

Наконец принц Валахии заплатит почтовые деньги, и, если не ошибаюсь, 81 тысяча рублей уже выданы Кирико, который говорит, что сохранит их в твоем распоряжении; впрочем, ты знаешь все это прямо от Кирико. Вообще им[126] очень

благоприятно говорят о всех их делах.

Папа болел, то ли от дурной погоды и холода, который все еще нас не оставил, а потом, как ты очень верно говоришь, от тоски, ибо не играют в вист. Впрочем, как ехать в деревню навещать их в такое время, как теперь; даже я сам три дня не видел ни своих, ни даже графа, который от них в четверти версты. Старик жалуется иной раз на Москву, но он был крайне избалован в Бухаресте, где дом его был ярмаркой. Боже меня сохрани выражать и малейшую претензию, но он не видит, что с тех пор, как он здесь, я забросил вместе с женою моею всех знакомых, чтобы отдаваться им без удержу: мы у них бывали всякий день, как Бог даст, один день пропустить было преступлением, в то время как у нас мы их видели со времени твоего отъезда, может быть, дюжину раз.

Александр. Москва, 22 июля 1814 года

Mein gnadigster Herr baron von Bulhakow! Однако, знаешь ли ты или не знаешь, или же Карбонье желал невозможного, но он уверяет меня, что командорский крест Леопольда дает баронский титул. Я забыл тебя поздравить в письме, которое отвечает на посылку, привезенную Васильчиковым, этот злополучный трактат отнял у меня, замшелого дипломата, голову на целый день. Особливо спешка графа меня сбила с толку. Приди же в мои объятия, мой милый друг, я поздравляю тебя с крестом, но вовсе не с баронским титулом. Куда как славнее быть русским крестьянином, чем бароном, герцогом или принцем какой бы то ни было страны.

Я тебе тоже хочу радость объявить: я получил твое письмо через Закревского, который прибыл через два дня после Васильчикова. Вхожу в кабинет графа, нахожу его там, и каково же мое удивление: наш добрый Закревский тоже там. Я бросаюсь ему на шею. Граф мне сказал: «Попеняйте, что так опоздал». Я отвечал графу, что это в порядке вещей и что пехотному генералу нельзя так скоро поспевать, как кавалерийскому. Книгу Сталь я дал читать князю И.И.Барятинскому. С жилетами сделал я шарлатанство, сшил здесь и сказал, что ты их так и прислал мне; все требуют дать на фасон и уверяют, что видна парижская работа, тогда как это какой-то дрянной портняжка их наделал, самоучкою, быть может. Ткань не особо хороша, идея добрая, но лилии должны были быть белы на цветном фраке. Вчера надевал я один, а сегодня другой надену. Так что, как видишь, Закревский мне все в точности доставил; сверх того, он мне сообщил о тебе подробности, кои привели меня в восхищение. Госпожа баронесса (так я теперь Марицу называю) тоже не нарадуется, что ты едешь

в Лондон.

Господин Арсеньев, предводитель дворянства, подарил Васильчикову от имени всего здешнего дворянского корпуса шкатулку, украшенную бриллиантами, стоимостью от 10 до 12 тысяч; посредине находятся слова: «Вестнику мира, Россией) в Париже подписанного 18 мая 1814», – и вокруг слова «от московского дворянства»; внутри шкатулки выгравировано: «Господину генерал-адъютанту Лариону Васильевичу Васильчикову». После сего предводитель купечества подарил от всего корпуса 2500 золотых дукатов на позолоченном серебряном блюде с надписью вокруг: «Усерднейшее приношение вестнику вожделеннейшего мира, заключенного 18 мая 1814 года в Париже, его величества генерал-адъютанту Л.В.Васильчикову от московского купечества». Посредине блюда выгравирован вензель Васильчикова. Граф дает своему зятю двух лучших лошадей из своей конюшни. Я жду Закревского, с которым пойдем гулять пешком.

Константин Санкт-Петербург, 23 июля 1814 года

Конечно, мой милый друг, я бы рад был снова видеть Вену; но что может сравниться с удовольствием обнять тебя, повидать Наташу и заключить наконец, после стольких отсрочек, мой брак. Ежели мой рассудок противостоит испытанию и я не теряю присутствия духа, это доказательство того, что радость не производит такого действия. Удержи, ради Бога, Фавста. Я надеюсь, тебе будет нетрудно.

Мой Клим приехал ко мне утром. Это мне облегчение, а не то пришлось бы ехать без слуги или тут брать случайного. Праздник в Петергофе был блистательным и прекрасным, особливо тою радостью, какую производило во всех сердцах присутствие императора. Вместе с тем присутствие гвардейского полка, который двумя месяцами ранее нес караул в Париже, – это действительно национальный праздник.

Сказывают, что граф Ростопчин сюда едет. Ты должен что-нибудь об этом знать. Я надеюсь, что путешествие это будет для тебя небесплодно и что он привезет тебе из столицы какую-нибудь награду. Мне здесь много советовали просить места, о коем я тебе часто говорил. Ежели граф сделает о сем прошение, думаю, что мне в нем не откажут после Вены. Вот что нужно сделать.

Александр. Москва, 27 июля 1814 года

С прибытия государя в Петербург я перестал тебе писать, любезнейший брат, полагая, что ты явишься скоро за

императором. Марица держится твоего предписания не переставать писать, покуда не дашь нам сигнала шабаша. Это рассудительно. Но куда же адресовать письма? А их у меня два для тебя от Марицы. Где ты находишься? Едешь ли сюда или в Петербург? Мне кажется, что ты воротишься в Россию с графом Нессельроде, который еще не бывал, а ожидается в Петербург; итак, посылаю это письмо к Тургеневу: он у Гурьевых[127] узнает, что с ним делать. Я в беспрестанном волнении: мне кажется, что ты вдруг падешь как снег на голову.

Ежели бы мог я предвидеть, что ты в Петербурге будешь, я бы непременно поехал с графом [Ростопчиным], который едет туда послезавтра на короткое время. Слышу, что Константин Дмитриевич [Варлам] нанял дом в Петербурге; сожалеть буду, для себя и для его кармана, ежели туда переселится; авось-либо твое прибытие и переменит это все. Проект сей обязан, может быть, своим рождением всяческому великолепию, о коем пишут Вакарески, кои только и говорят, что о Петергофе, о празднествах и проч. Я живу рядом с графом Ростопчиным, в доме Соловова, почти против католической церкви, в каменном красном небеленом доме.

Константин Санкт-Петербург, 27 июля 1814 года

Государь мне позволил ехать жениться и оттуда, не приезжая уже в Петербург, ехать прямо в Вену. Он Нессельроде весьма милостиво на мой счет отзывался. Слава Богу, я свое время не потерял: государю известен с хорошей стороны. Это все, чего я добивался. На балу в Петергофе его величество изволил разговаривать со мною с бесконечной добротою, это настоящее отличие, и я был весьма счастлив слышать голос этого ангела. Надеюсь, что смогу пуститься в путь послезавтра ночью, но не раньше, ибо надобно мне еще окончить несколько дел и исполнить кое-какие обязательства.

Александр. Москва, 30 июля 1814 года

Как изобразить мне тебе радость свою при получении милого, бесценного твоего письма из Петербурга! Вообрази, что, несмотря на все мои предосторожности, от письма твоего одного сделалось Марице дурно: чуть не упала. Слава Богу, все кончено, и теперь она опять становится как розан. Явясь к графу, по обыкновению поутру, был обрадован другим твоим письмом – из Митавы, которое почитал потерянным. Стану отвечать по порядку; второе письмо из Лондона, видно, потеряно; ежели пропало в великобританских владениях, то прощаю, так и быть, в пользу табакерки, которую тебе подарили, с чем душевно тебя

поздравляю; однако ж желаю, чтобы ты к табаку не приучился.

Граф вчера уехал в Петербург. Я в какую-то минуту пожелал ехать с ним, но после побоялся упустить тебя как-нибудь и нам всем таким образом разойтись. Все подробности, кои ты мне сообщаешь о наших петербургских друзьях, доставляют мне величайшее удовольствие. Почтенные Алексеевы! Воображаю их и твою радость, доброго Тургенева, который до сей поры имеет талант не портиться. Ты не можешь пропустить Варламов, которые точно на твоем пути: не доезжая Петровский дворец, налево хорошенький домик с тремя статуями на фасаде. Я удивлен, что вчерашняя почта ничего нам не доставила; верно, ты еще не воротился из Петергофа. Не могу сказать тебе, как мне было сладостно познакомиться с достойным графом Нессельроде; он не придаст сему большого значения, но прошу тебя сказать ему, что питаю к нему самую нежную привязанность и особливо признательность, которую ничто не сумеет никогда уменьшить: я ему много должен за все милости, кои он совершил и продолжает совершать для тебя. Гриша мне много о нем говорил, а здесь князь Николай Г. возносит его до небес. Мы все здесь готовы к свадьбе[128]. Сегодня кровать притащится на дачу, твои покойники очень милы.

Это ужасно, что надобно мне теперь нестись к генералу, неизвестно как, который был послом Англии в Персии. Графа нет, обер-полицмейстер дурак; оборвется на мне и Волкове, а это человек, оказавший России с этой стороны большие услуги. Волков нас оставляет. Какое это для меня огорчение! Жалка будет наша Москва; неужели этому доброму служителю государеву за 9 лет полицмейстерства не дадут место комендантское здесь, которое он так желает! Граф повез с собою его просьбу в отставку. В некоторых отношениях я его участи завидую и хотел бы быть отставлен со службы, несмотря на все, что мне говорят. Я совершенно горд и счастлив всеми твоими успехами; я делаюсь мухою и сажусь на твою телегу.

Александр. Москва, 1 августа 1814 года

Здесь только и разговоров, что о празднике в Петергофе, но у нас нет подробного описания. Я очень желаю, чтобы ты повидал графа в Петербурге, и поэтому тоже хотел бы, чтобы твой отъезд был отложен на несколько дней. Он сам ехал с горячим желанием тебя повидать. Повторяю тебе, милый мой, что тебе уже говорил, что он очень желает тебя видеть на том месте, о коем речь, но по-прежнему полагает, что знаменитый ссыльный места сего не потеряет, что его партия сохранит для него это место и что графу отказ нипочем, это касается только нас, лишь бы он попросил.

Что заставляет меня думать, что предположение графа необоснованно, это то, что император обещал сие место Озерову, однако, когда тот губернатором в Твери, у тебя нет опасного или сильного соперника. Ах! Ежели бы это могло устроиться, как это было бы восхитительно, приятно, удобно и доходно.

Конечно, Бог не оставляет многочисленные семейства, однако ж король, дама, сам-шост! Это не безделица. Ну! Бог милостив. Я утешаюсь мыслью, что, по словам господина Уели, прибывшего из Персии, у короля персидского 53 сына и 112 дочерей; хотя у этой самодержавной свиньи 500 жен, они все не стоят и кончика носа моей собственной, а ее нос не есть самое восхитительное в этом свете.

Александр. Москва, 30 августа 1814 года

Жаль, любезный брат, что не пробыл ты у нас еще полдня: ты поехал в беспокойствии быть в Вену позже государя, с пришедшею же часа с два после твоего отъезда почтою узнали мы, что император отправляется в Вену 5-го числа. Эта мысль тебя бы успокаивала дорогою, и ты мог бы не так торопиться. Сегодня еду в Петровское обедать. Наши завтра или послезавтра переезжают в новый дом, тут будем видаться гораздо чаще. Янко объявляет всем, что он заменяет у Марицы твое место, и, увидев шляпу твою, что ты дал славному Метаксе, сказал матери с сердцем: «Как вы глупы, что вы тоскуете, Булгаков здесь: разве вы не видите его шляпу, вот она, и что ему там делать? Разве вы не знаете, что все французы перебиты?» Малый заявляет, что всюду, где ты садился, пахнет духами, и со всех сил тянет носом.

У меня что-то предчувствие, что ты забежал к Волкову из Перхушкова, желая очень его видеть; он ожидается сегодня из деревни. 100 рублей отдал людям Варламовым, а дабы не было ссор, то расписал, сколько всякому дать, и все довольны. Тетушка тебя обнимает и в больших хлопотах: «Да скажи, мой батюшка, в больших-то хлопотах не забыл ли Константин Яковлевич взять мою просьбу; нет, воля твоя, я пошлю к Марье Константиновне спросить». Уверил ее. Что же? Другая беда: «Боюсь, так ли подписала я, белы очень чернила, ну, как не прочтет государь, ведь не разберет, так и просьба к черту пойдет».

Сейчас входит Волков. Пришла почта; молодой граф ему сказывал в соборе, что отец уволен от звания главнокомандующего в Москве, и велено ему быть при особе государя. Вот событие, нарушающее мои делишки. Преемник графа неизвестен. Его назначение определит мое положение и мою участь. Генерально считают, что это Балашов; тем лучше тогда для Волкова, и для меня, и для Москвы.

Александр. Москва, 7 сентября 1814 года

Чрезмерно обрадовал ты нас, любезнейший брат, двумя твоими письмами – из Смоленска и из Орши; сегодня, по моему расчету, должен быть ты в Вене.

Граф назначен в Совет, а тут его место заступает Тормасов. Я выжидаю, чтобы несколько направить себя, что граф мне напишет; останусь на своем месте до твоего возвращения. Когда твоя судьба будет решена, займусь и своею также. Я буду очень удивлен, если граф ничего для меня не сделал, он мне, однако же, наобещал златые горы. Такова была всегда моя судьба – не иметь ничего от тех, кто любил меня более всего. Здесь у нас на место Валуева заступил князь Юсупов. На место Дмитриева – Трощинский, что прекрасно для всех и для нас тоже. Графу Петру

Разумовскому – великого канцлера, Кочубею, Гурьеву, Балашову, Шишкову – 1-го Св. Владимира, маршалу Салтыкову – княжеское достоинство, Вязмитинову – голубую ленту. Фельдмаршалу – 50 000, перстень с портретом. Екатерининские банты – женам генерал-адъютантов князя Волконского, Балашова, Васильчикова, Кутузова и княгине Голицыной. Графиня Барклай – статс-дама. Аракчееву, на его отказ от голубой ленты, – портрет. Он решил оставить портрет, а бриллианты отослать императору; я нахожу очень глупыми тех, кто восхищается тем, что есть лишь избыток гордыни, тщеславия и дерзости. Надобно полагать, Аракчеев сделает рамку из папье-маше для портрета и так будет носить. Не говорю тебе о других милостях, ты должен все это знать.

Вот письмо бедняги Огиевского. Если можешь, помоги ему; ты помнишь, что он вышел из батюшкина константинопольского питомника. Бедный Волков в отчаянии. Граф сыграл с ним плохую шутку, не представив императору его прошения об отставке, он исполнен решимости ногой не ступать более в полицию и сказаться больным. Он написал Балашову, который очень его любит, чтобы во что бы то ни стало отставку получить; он умоляет того добиться его назначения генерал-майором и считаться по армии, тогда он обождет год-два, покуда не представится какое-нибудь хорошее место. За Тормасова только одно. Добрый, кроткий, честный человек, но и не более того. Однако же, если это и не великолепно для города, то превосходно для его подчиненных. Я научил Марицу твоему «Парижскому маршу», и она его играет чаще, нежели Метакса свою знаменитую симфонию. Добрый Калинин сделан тайным советником.

Александр. Москва, 10 сентября 1814 года

Кажется, граф не имел большого успеха в Петербурге, ибо он оставил службу, ничего не сделав для своих подчиненных; впрочем, он может сказать: «Ничего не сделали и для меня». Он помещен в Совет, но сие не может считаться награждением, это род вышней герольдии. Гудович в свое время был почти отослан, и, однако же, получил портрет. Но все это меня не так интересует, как ты. Кажется, из содержания манифеста от 30-го, который прощает всех, виновных в каких-либо грехах, что К. вернется сюда на свое место, ежели, однако, опозоренный человек может быть облечен местом, кое было отнято у него с таким шумом. Не поискать ли тебе назначения адъютантом графа Нессельроде, ежели сохранит он портфель и членство в коллегии; а я покамест повысматриваю тут. Граф прибывает через десять дней, увижу, что он мне скажет, и тебе о сем напишу, хотя уже ни на что не надеюсь от его вмешательства. Он испортил дела

бедного Волкова, не представив его прошения в отставку; ежели не хочет он оставаться в этой проклятой полиции, я заклинаю его обождать Балашова, который будет сюда через два-три дня, ибо он хочет сказаться больным тотчас по прибытии Тормасова.

Сегодня маленькая вечеринка у наших: два стола будут. Какая роскошь! Все те же прежние вистовщики. Константин Дмитриевич хочет взять четверг дома сидеть, ибо все прочие дни он в Английском клубе.

Я вижу из газет, что сардинский король сам отправляется в Вену; тем лучше: ты сможешь действеннее устроить дело с крестом и низринуть меня к стопам его величества, если будешь ему представлен, и тогда напомни королю о моем пребывании в Кальяри и в Гаете с Татищевым. Кстати сказать, граф Воронцов подарил мне три года назад сочинения принца де Линя; они доходят только до 15-го тома включительно, то есть смешанные сочинения (а не военные); ежели принц продолжал бумагу марать и есть теперь еще другие тома после 15-го, привези мне их, когда будешь обратно.

Константин. Вена, 15 сентября 1814 года [129]

Надобно идти к обедне: нынешний день должен быть дорог всякому русскому, это день коронации нашего обожаемого государя. Императрица также приезжает сегодня; надобно будет одеть мундир, но на сей раз по приятной причине. Сердце радуется, глядя на эту прекрасную чету. Я не стану тебе описывать день прибытия императора, все это, вероятно, будет в газетах, а я, с обыкновенною моей аккуратностью, постараюсь, чтобы они к тебе дошли. Буду писать в Париж для брошюрок; а покамест прилагаю при сем несколько оных, кои тебе посылаю.

В день прибытия императора все мы ожидали его во дворце. Ему представили весь австрийский двор и сановников. Он был так милостив, что изволил подойти ко мне и спросить, давно ли я прибыл и женился ли уже. С его ангельской добротою, коею он один обладает, он меня изволил поздравить и пожелал мне всего вообразимого счастья.

Граф Ростопчин более не генерал-губернатор Москвы. Это меня очень огорчило из-за тебя, и я с нетерпением жду от тебя известий, чтобы узнать, какое решение ты примешь. Не думаю, что это переменяет твое положение, в отношении твоего помещения; кажется, ты место свое можешь сохранить, но оно тебе будет натурально уже не так приятно, как при графе. Тормасов очень порядочный человек, его все уважают; тебе, верно, хорошо будет с ним, после того как он тебя так же узнает. Меня беспокоит только то, что я не уверен в решении, которое ты

примешь. Граф[130] не говорил о моем месте. Нессельроде все это мне объяснил и обещал мне потрудиться здесь, чтобы оно мне досталось. Посмотрим, что для меня устроится.

Здесь приготавливается множество очень блестящих празднеств. Они заранее наводят на меня скуку. Ты не поверишь, как я переменился, как я не токмо равнодушен ко всему, что не от Москвы идет, но и как все, что другим в развлечение, меня утомляет. Все мои мысли и привязанности в Москве, и мое единственное желание – оказаться среди вас, милые мои друзья, и соединиться с моей милой Машей.

Вена очень переменилась, или же я сам все теперь вижу по-другому. Я встретил много прежних моих знакомых и уверяю тебя, что многих из тех, с коими расстался я на Грабене, обнаружил все на том же месте. Только вот доброго Маллиа мне недостает. Бедняга! Никто так, как он, не заслуживал жить в таких обстоятельствах. Он бы умер от радости!

Кстати сказать, о смерти: я уже не нашел королеву Каролину, – она скончалась за несколько дней до нашего прибытия. Я был давеча у герцога Серра-Каприоли, вручил ему твое письмо, которое он принял с бесконечною добротою. Радди навестил меня, мы с ним много говорили о тебе. Он сохраняет большую привязанность к тебе. Сен-Клер тут, надобно мне зайти к нему. Принц Леопольд [будущий король Бельгийский, с 1796 года находившийся в русской службе], узнав, что здесь какой-то Булгаков, подумал было, что это ты; но Радди объяснил ему, что я твой брат, и он велел передать мне, что желает меня видеть. Мы пустимся с Радди, как только будет свободная минута, ибо теперь это не так просто. Старик Пеллегрини здесь, он выходит от меня. Сему человеку скоро 100 лет будет, а он все молодцом. Я передал ему письмо и посылку от Метаксы.

Константин. Вена, 16 сентября 1814 года

Вместе с императрицею прибыл Александр Львович [Нарышкин, некогда обергофмаршал], который все тот же; он забавный и любезный. Просил у меня о тебе известий. Нынче при дворе нет ничего, но невероятно, как много приготовляется празднеств и развлечений. Вена блистательна и очень дорога. Я видел графиню Кауниц, теперь княгиню. Она совсем не переменилась. Говорят, что ее муж назначен посланником в Испанию. Ему на роду написано вечно служить рядом с Татищевым.

Полетика прислал мне свой портрет, я нахожу в нем сходство неуместное и вовсе для него не лестное. Он в точности такой же желчный на своем портрете, каков он и в жизни. Старик

Пеллегрини навестил меня. Удивительно, как он сохраняется. Он так же стар, как Петербург.

Отт чертовски постарел. Священник все тот же, он приходил навестить меня. Кажется, он доволен своей участью.

Константин. Вена, 18 сентября 1814 года

Прихожу в канцелярию, фельдъегерь дает мне письмо от тебя и говорит, что последний курьер еще отсюда не уехал. Не знаю, что делать, два раза уже читал твое письмо и, как в чаду, не знаю, что читал, а хочется еще с этим курьером уведомить тебя о получении твоего письма, на которое подробно отвечать буду с будущим. Ты еще не знал, что Тормасов на место графа, ты еще ни на что не мог решиться. Посуди, с каким нетерпением буду ожидать будущего письма.

Константин. Вена, 19 сентября 1814 года

Принц Леопольд, узнав, что я был у Сен-Клера, просил меня зайти к нему, несмотря на то, что мой наряд вовсе не подходил для того, чтобы мне ему представляться. Он принял меня с бесконечною добротою и долго говорил мне о тебе и о дружбе, которую он и все его семейство к тебе питают. Он поручил мне передать тебе тысячу любезностей от него. Очаровательный принц.

В Вене такой блеск, волнение и шум, каких ты и вообразить не можешь. Вчера был большой съезд при дворе. В жизни своей не видал я такого блестящего собрания. Женщины и мужчины были усыпаны бриллиантами, и наряды были самые богатые. Наш император сам представлял нас императору и императрице Австрии. Император Франц меня вспомнил.

Это подлинно единственное событие – видеть в одной зале нашего императора, императрицу, императора Австрии, королей Пруссии, Дании, Баварии, Вюртемберга, великого герцога Баденского, наших великих княгинь, несколько владетельных принцев и самых значительных лиц Европы.

Какую прекрасную роль во всем этом играет наш обожаемый государь! Именно благодаря ему все здесь и собрались, все переводят дух. Какая слава для русского имени, какое счастье быть подданным такого властелина! Это ангел. Он всех здесь покорил. Он одет в белый мундир и великолепен. Довольно лишь увидеть его, чтобы уже не удивляться, что именно его Бог избрал для спасения всего света. Признаюсь тебе, сердце радуется, когда его вижу. Великий князь еще не изволил прибыть. Ждут его. Добрейший Лагарп сделан действительным тайным советником. Это также очень порядочный человек, весьма привязанный к

императору. Он не может говорить о нем без восхищения. Как должен он радоваться, видя воспитанника своего в такой славе. Я сегодня обедаю у Франсуа Пальфи, он дает обед русским. Должен тебя покинуть, пора мне одеваться.

Константин 21 сентября 1814 года

Был я вчера на придворном празднике. Было всего только 10 тысяч человек! Для этого праздника отвели зал манежа, и уверяю тебя, что в жизни своей не видел я ничего более прекрасного. Было множество, как ты понимаешь, и особенно в зале, где находились государи. Дети исполнили очень красивый танец, особенно один из маленьких казаков был прелестен. Я пробыл там недолго и возвратился домой вместе с Шредером выкурить трубку и поболтать.

Позавчера был бал у княгини Багратион. Император и король Пруссии почтили его своим присутствием, и говорят, что он был великолепен. Я оставался там полчаса, и мой верный товарищ Шредер пришел со мной покурить. Так я и оканчиваю почти все мои вечера, с ним и Воронцовым [графом Иваном Илларионовичем Воронцовым-Дашковым], очень милым мальчиком, с коим часто мы говорим о тебе. Теперь он с нами. Каменский [брат известного биографа Дмитрия Николаевича Каменского, пользовавшийся особым расположением государственного канцлера графа Николая Петровича Румянцева, который продолжал еще ведать Коллегией иностранных дел] еще не приехал из Парижа, куда был отправлен курьером. Граф Нессельроде говорил мне о нем и хочет оставить его при мне, а я лучшего и не желаю, ибо сохраняю подлинную привязанность к покойному его отцу. Ты говорил мне хорошо о сыне, и этого довольно, чтобы я отнесся к нему как к другу.

Александр. Москва, 22 сентября 1814 года

Нет уже сомнений, что мы снова увидимся к концу ноября, ибо император сказал Тормасову, что приедет в Москву в декабре месяце[131]. Граф нас покинул, ничего для меня не сделав. Кажется, как я тебе уже писал, что участь моя в том, чтобы пользоваться доверием и дружбою моих начальников, и не более того. Это отлично, но недоходно; что делать? Может быть, коего близкую дружбу заслужить я не буду иметь счастья, тот и сделает мне более всех добра. Все мне расхваливают нового начальника и убеждают остаться при нем; так что я решился остаться у Тормасова до твоего возвращения, тем более, что неприятно мне было бы терять 1500 и квартальные выгоды. Граф, который не оставляет меня без своих дружеских писем, пишет в последнем:

«Господин Тормасов порядочный человек, который вас знает таким, каковы вы есть, от вас зависит оставаться при нем», – и проч. Граф будет сюда через два дня, а Тормасов через три. Это обстоятельство будет полезно для моих делишек. Поскольку граф не представил отставку Волкова, тот считает себя вынужденным оставаться на месте до возвращения императора. Когда его величество будет здесь, мы надеемся, что Балашов сделает что-нибудь хорошее для нашего друга.

В Архиве у нас новый начальник. Это Малиновский, который, сверх того, получил 3-го Владимира, коего крест свисает у него до брюха.

Александр. Москва, 24 сентября 1814 года

Третьего дня Аф. Дмитриевна лежала в постели нездорова, и я, обедавши там, ее не видал; ввечеру прихожу, нахожу, что и у Марицы голова перевязана уксусом, а пришел я отдать письмо твое из Коцка и Дублина. Сидели мы с час, болтали на постели у Аф. Дмитриевны. Я спорю с Марицей, что все ее болезни в воображении, потому что все вылечиваются твоими письмами. «Ох, – говорит она, – у меня очень голова болит, но, верно, если бы получила я письмо от Константина, то кинула бы платок и весь этот уксус к черту; но надобно ждать, ведь не так давно он нам писал из Брест-Литовска». Тут достаю я твое письмо из кармана; в самом деле, платочек тут же оказывается на полу, и Марица чувствует себя как нельзя лучше. Мы все очень веселились, ибо мне принесли также письмо из деревни, где все здоровы. Мы рады знать, что 3-го ты был в Дублине, тогда как император 7-го был только в Слониме; у тебя был, стало быть, по крайней мере месяц в запасе.

Вообрази себе наше приключение. Ложимся спать в деревне, слышим слезы. Наташа говорит, что Ольга, я ей пеняю, что не знает голоса своих детей. Только вдруг входит Алена с ребенком, которого подкинули нам в сад под окошки дома. Так что мы взяли сие крошечное создание прежде всего из человечности, а потом из расчета, ибо говорят, что это приносит счастие; впрочем, я думаю, что так со всеми добрыми делами. Малютку окрестили под именем Натальи Александровны Находкиной.

Уверяют меня, что в герцогстве Варшавском и в Пруссии дают 100 наших бумажек за 6 дукатов. Было бы хорошей спекуляцией послать туда дукатов для обмена. Ежели у тебя есть там человек (да чего же лучше Сабанеева) и то, что мне говорят, подлинно, ты хорошо сделаешь, написав Кирико послать остаток денег тебе в Вену в золоте, чтобы произвести такой обмен. Метакса (который силен во всем, и, стало, скажу, как Суворов-Рымникский: «Он все

знает, помилуй Бог!») представляет множество проектов, кои должны принести Марице золотые горы, да только не очень я во все это верю.

Константин. Вена, 27 сентября 1814 года

Не могу понять, как это граф ничего для тебя не сделал. Я его не прощаю, напрасно твое доброе сердце его извиняет. Он, так хорошо знающий твое положение, мог бы его и улучшить, ибо император наш – это ангел доброты, а он оставляет свое место и о тебе забывает? Я не мог и подумать о таком, признаюсь тебе.

Я еще не начинал хлопотать о будущем своем месте. Нессельроде обещал мне потрудиться над этим, как окончим мы наши дела здесь, и я чаю, что император не откажет мне в куске хлеба. Место, коего желаю, несомненно, то, что и подойдет мне лучше всего во многих отношениях, и особливо потому, что мы смогли бы жить все вместе. Ежели не удастся мне его получить, то придется искать что-нибудь другое, ибо отчаиваться ни к чему не ведет. Очень мне любопытно знать, что скажет тебе граф Ростопчин по возвращении своем в Москву; я все еще надеюсь, что приберегает он для тебя какой-нибудь сюрприз, ибо подлинно не похоже на него было бы забыть о тебе после всей дружбы, какую он тебе выказывал.

Мне кажется, что сочинения принца де Линя составляют более 15 томов, я справлюсь на сей счет и привезу их тебе, несмотря на то, что они мало значат. Все самое лучшее собрано госпожой Сталь в одном томе. В Вене мало брошюрок, я тебе пришлю, что найду. Я написал в Париж, чтобы иметь продолжение твоей коллекции, но просил только то, что не совсем дурно, ибо все вместе составит тысячу томов, и большая их часть не будет стоить и своей цены.

Написал ли тебе Тургенев о 5000 рублей, которые у тебя есть? Попроси его устроить это дело и уплатить тебе годичное жалованье, кое должен я был взять у Канкрина. Я написал об этом милому Тургеневу, но он так занят и рассеян, что боюсь, как бы о сем не забыл, ежели ему не напомнить. А покамест, если эти деньги у тебя, то передай сам, а если еще у Тургенева, то вели ему вручить моей тетке Мартыновой 200 рублей: я забыл дать ей эту сумму, которая за четыре месяца вышла для бабушки Анны Любимовны [К.Я.Булгаков хотел сказать «двоюродная бабушка». Мы не знаем, за кем была замужем эта третья Имбер].

Нынче обедаю я у принца Меттерниха на большом обеде. Надобно идти туда к 5 часам. Я люблю поздно обедать. Вечером я мало выхожу, обыкновенно Шредер с Воронцовым приходят ко мне, как и Николай Долгоруков, мы играем партию в вист и

сидим в облаке дыма; сам посуди, что это – три таких законченных курилки, ибо и один Воронцов курит как драгун, дымя в самой комнате.

Александр. Москва, 28 сентября 1814 года

Граф приехал вчера в Москву[132], любезный брат. Ни минуты не было у нас путем поговорить, ибо с утра до вечера приезжает все кто-нибудь к нему. Он очень весел, здоров, и фрак очень к нему пристал.

Напрасно ты боишься: как бы государь шибко ни ехал, догнать тебя невозможно. Я воображаю, что ты будешь писать нам с фельдъегерем, который привезет в Петербург известие о прибытии императора в Вену, а это, по расчету, может быть через несколько дней. Рекомендую тебе прежнюю исправность: присылай все выходящие в Вене бумаги, касающиеся до Конгресса. Я у тебя не прошу государственных тайн, ибо, во-первых, я любопытен только там, где дозволено, а потом, это был бы потерянный труд с тобою. Марица мне сказала, что ты угрожал ей продать, может быть, твой лондонский ящик [это драгоценный ящик, подаренный К.Я.Булгакову регентом Англии Георгом IV]. Ты о сем думаешь, милый мой? Не делай сего, я тебе никогда не прощу. У тебя столько знакомых в Вене, кои при случае тебе помогут, а потом черкни нам словечко: мы тебе пришлем денег отсюда. Заклинаю тебя сохранить этот ящик.

У Тормасова камни; он приедет только через десять дней, ибо будет делать по 40 верст в день. Граф уверяет меня, что мне с ним будет хорошо. Посмотрим. А Карамзин, приятель Малиновского, который получил 3-го Владимира и владычество Архивом, советует мне добиваться быть помощником его. Меня это не особенно трогает, а ты что о сем думаешь?

Константин. Вена, 3 октября 1814 года

Поццо приехал два дня тому назад. Он останется с нами некоторое время.

С нынешнего утра у нас здесь еще одна знаменитость. Не буду заставлять тебя угадывать, что было бы довольно трудно, и скажу, что это князь Козловский, в коем нахожу некоторые перемены к лучшему, в смысле состояния его духа; что же до тела, так он растолстел и совершенно округлился. Платье его скроено совсем не по английской моде, несмотря на его пребывание в Англии. Оно так же дурно, как и прежде. Он тоже пробудет с нами некоторое время.

Здесь продолжаются празднества, сегодня бал у княгини Эстерхази, я туда не пошел, а завтра – большой концерт в

манежной зале, куда собираюсь идти. Будут исполнять «Самсона» Генделя, и много хорошего говорят о красоте этой музыки. Кстати, надобно мне доверить тебе кое-что, что прошу тебя сохранить при себе, мой добрый друг. Знаменитый художник Изабе здесь, и я последовал совету графини Нессельроде заказать ему мой портрет для Маши, но мне хочется сделать ей сюрприз. У него нет времени делать миниатюры, он пишет только акварелью. Я видел несколько очаровательных портретов и надеюсь, что мой будет похож. Я уже дал ему один сеанс позавчера, завтра даю второй, а всего надобно дать пять. Он пишет меня просто анфас, так он сам посоветовал. Кроме того, надобно будет сделать и второй портрет, но в миниатюре, для матушки [то есть для тещи], которая желает во что бы то ни стало, чтобы он был при мундире и всех крестах; мне это не нравится, но что делать, надобно пройти через это ради ее удовольствия.

Когда портрет Изабе будет готов, я постараюсь тебе его переслать, чтобы ты мог сделать Маше сюрприз. У тебя будет сколько угодно времени на приготовление сей проделки, и я уверен, что она хорошо получится. Это чрезвычайно дорого, но по крайней мере это прелестная картина. Придется уплатить 25 луидоров, то есть 600 рублей; столько же стоил и портрет Фавста, правда, он был маслом написан, но зато и какая разница в живописи! Вы будете им довольны, мои милые друзья.

Константин. Вена, 6 октября 1814 года

Этим утром был я на военном празднике на Пратере, а вечером – на большом балу у Меттерниха. Хотелось бы мне, мой любезный друг, чтобы чье-нибудь изящное перо занялось описанием первого, кое было в своем роде самым прекрасным из всего, что видел я в жизни. Центральным пунктом избрали Люстхаус: там поместили трибуну, где стояли государи в то время, как дефилировали войска, там государи пообедали, и там сходились несколько аллей, в коих установлены были столы для солдат. Через три моста, все изукрашенные гербами и оружием, соединяется этот берег с другим, где также устроены были столы для 15 тысяч человек. Я не в состоянии описать тебе подробно это празднество, столь напоминающее день спасения всего света и устраиваемое для тех, кто его и спас. Великий герцог командовал полком кирасиров Гогенцоллерна, он был в австрийской форме.

Константин. Вена, 7 октября 1814 года

Нынче наш император дает в доме Разумовского обед на 300 персон для генералов и других военачальников, кои участвовали в битве при Лейпциге.

Константин. Вена, 8 октября 1814 года

Кажется, я тебе уже говорил о военном празднике, который состоялся третьего дня; в газете ты найдешь подробное его описание, к коему мне нечего добавить, разве что это был один из прекраснейших праздников в моей жизни.

Бал у Меттерниха, состоявшийся в тот же вечер, также был великолепен; зал заставлял сожалеть только о том, что через несколько дней он перестанет существовать, ибо он был выстроен из дерева и именно для сего бала. Архитектор Моро проявил выдающиеся таланты в его возведении, но подлинным шедевром вкуса и чувства меры была зала у Разумовского, где император дал вчера обед на 300 персон для всех государей, а также для генералов и офицеров, кои участвовали в прошлом году в Лейпцигской битве. Мы ходили смотреть эту залу, ибо на обед были званы одни военные, и признаюсь тебе, я был поражен великолепием зрелища. Это заставляло вспоминать Ариосто. Устроен был большой манеж, вроде шатра, вкруг него развесили знамена союзников, а на столах разложили трофеи, среди коих щиты с надписанными на иных именами выигранных сражений, как в Испании, так и во всей остальной Европе. Посуди сам, сколько было трофеев, а все вместе имело вид столь внушительный, что невозможно было смотреть на сие без волнения. Надеюсь, появится прекрасное его описание. Моро сказал мне, что сделает рисунок, и тогда ты сможешь рассудить, насколько великолепно было сие празднество. Его возглавлял сам император, и все восторгались этим ангелом.

Нынче вечером был бал у графа Штакельберга; я туда зашел на минуту. Сказывают, что там было очень весело, но после всего, что мы видели в сии последние дни, этот бал, уж верно, не мог произвести большого впечатления. У нас беспрестанные празднества, говорят о новой карусели, которая, вероятно, будет так же великолепна, как и все прочее. Я сегодня выложил, со вздохом, 600 флоринов за мою карету; это чрезмерно дорого, особливо ввиду употребления, какое я ей делаю, и однако же не иметь оной было бы неприлично. Жизнь тут необычайно дорога, но уверяю тебя, что я не делаю бессмысленных трат.

Константин. Вена, 10 октября 1814 года

Я восхищен твоей решимостью оставаться с Тормасовым, но не могу прийти в себя от удивления, что граф Р. ничего для тебя не сделал. Когда же захочет он что-нибудь сделать, ежели упустил такой прекрасный случай? Это совсем на него не похоже, ведь когда он был в нашем департаменте [то есть в царствование

Павла, когда граф Ростопчин управлял Коллегией иностранных дел, а юноши-братья Булгаковы служили в Московском архиве оной], столько добра всем сделал. Надеюсь, тебе будет лучше у Тормасова. Все в один голос уверяют, что он превосходный человек. Надеюсь, что теперь вы друг друга узнали и ты убедился в сей истине. Разумеется, следует с ним остаться: при твоем положении для тебя было бы весьма чувствительно потерять выгоды сего места, какими бы ничтожными они ни были.

Так вот каково начало приданого [то есть приданого жены К.Я.Булгакова], кое тебе достается. Надеюсь, что и остальное скоро прибудет. Я бы его желал, чтобы иметь возможность принять какое-нибудь серьезное решение. Нессельроде продал свое имение, и хорошо сделал, ибо оно доставляло ему одни только неприятности. Если услышишь где-нибудь о продаже имения ценою от 2 до 300 тысяч рублей, но хорошего и крепкого, сообщи мне о нем, но с верными подробностями: этим ты окажешь ему услугу. Что до дукатов, кои получил ты от Кирико, это нам, мой милый друг, решать, выгоднее ли обменять их теперь или надобно подождать. Ты на месте и можешь посоветоваться с каким-нибудь честным негоциантом. Словом, я совершенно спокоен насчет всего, что ты сделаешь, только надобно обязательно поместить эту сумму в ломбард, а не к частному лицу, но, однако же, так, чтобы можно было ее забрать при необходимости.

Тут приготавливается большой маскарад у графа Меттерниха. Русские дамы будут наряжены крестьянками; мне предложили участвовать в этом кадриле, но ты хорошо понимаешь, что я отказался. Ежели можно будет пойти в домино, то пойду, а ежели нет, то увольте, ибо не хочу пускаться в безумные расходы. Говорил ли я тебе, что княгиня Суворова [вдова князя Аркадия Александровича, урожд. Нарышкина, вышедшая позднее за князя Голицына] здесь? Она чрезвычайно переменилась. Она с ее матерью и с Александром Львовичем просили передать тебе тысячу любезностей. Среди русских дам тут графиня Репнина, княгини Софья и Зинаида Волконские, княгиня Прозоровская, г-жа Протасова, г-жа Солдан, урожденная Хитрова, Пушкина-Брюс, старуха-княгиня Волконская – вот, я думаю, и все. Поскольку я ни у кого не бываю, то встречаю этих дам на больших праздниках. Император изволил отбыть в Буду [то есть в Венгрию, где государь посетил могилу старшей сестры своей]; поездка сия продолжится, говорят, четыре – пять дней. Король Пруссии и палатин также туда поехали.

Александр. Москва, 11 октября 1814 года

Я опять зажился в деревне, любезный брат. Граф приехал сюда очень скоро и сказывал, что АП.Тормасов должен был выехать через неделю после него. Имея, таким образом, дней десять перед собою, я поехал погостить к Наташе. Какое-то предчувствование меня оттуда выгнало дня три прежде; со всем тем я чуть было не опоздал, и я въехал в город с одной стороны, а А.П. – с другой. Он прямо вышел в Кремле, где в соборе слушал обедню; воротясь домой в большой усталости от дороги, только пообедал и лег спать, никого не принимал. На другой день мы все представлены были. Он очень ласково со мною говорил, сказал, что был знаком с покойным батюшкою. Многие приятели его, коих я о том и просить не думал, меня отлично рекомендовали ему еще в Петербурге. Между прочими князь Юсупов мне пишет: «Я сказал генералу Тормасову много похвального о вас и надеюсь, что это принесет вам много добра; это очень услужливый человек, и в его интересах будет полюбить вас», – и все соглашаются, говоря только самое хорошее о генерале. Не знаю, орел ли он, но его поведение до сих пор было образцовым.

Его посещение Кремля произвело очень хорошее впечатление на народ, который говорит: «С Богом начинает, будет прок в этом». Все приходящие тут же представляются; он всех видит, чрезвычайно любезен, словом, он уже заставил себя любить, а всего неделю здесь. Сегодня утром он передал мне через Бибикова, своего фаворита, адъютанта и правую руку, являться к нему впредь во фраке. Мне два шага к нему ходить, то есть ближе даже, чем было к графу; стены наших домов соприкасаются, ибо наняли для генерала дом Соловой, что был Марьи Ивановны Корсаковой. Покамест будут устраивать дом главнокомандующего, где у меня тоже будет маленькое помещение. По всему этому, мой милый друг, ты видишь, что я решился оставаться при генерале Тормасове, следуя советам всех моих друзей, ибо потеря 1500 жалованья и квартальных – не шутки для меня. Я всегда смогу уйти, ежели представится что-нибудь получше. Граф совершенно ничего для меня не сделал, особливо оставляя службу. Кто знает, не будет ли Тормасов меня менее любить и не сделает ли более для моего блага. Генерал слышать не хочет о том, чтобы Волков уходил; он с ним обращается с чрезвычайным отличием, много с ним советуется, видит очень часто и заклинает его обождать возвращения императора.

Брокер[133] оказывается теперь ни к селу ни к городу. Этот человек причинил графу много неприятностей и сделал зла. Вчера Брокер говорил, что уйдет, и Тормасов взял его на слове. Кажется, Бибиков заступит место этого милого Брокера, коего все

ненавидят. Мне расхваливают его привязанность к графу; я думаю, что достаточно доказал свою, не сделавшись ради этого гнусным для всего города, как Брокер. Все остальные чиновники остаются. Генерал Тормасов привел с собою только четырех адъютантов: Бибикова, барона Штейнгеля, Гессе и Сабурова, и потом, с ним его маленький племянник, которого ожидают со дня на день: это маленький Миша Тормасов, сын Петра Петровича, коего мы знали в Вильне, ребенок шести лет. Генерал был женат на мамзель Хейкин, с которой мы познакомились у принцессы Бирон; у него есть девятилетний сын, и в нем все продолжение целого семейства[134]. Город притекал на протяжении трех дней к генералу, он отдал все визиты на следующий день лично.

Маленькая мамзель Находкина умерла; она родилась больною.

Александр. Москва, 12 октября 1814 года

Марица была грустна все эти дни. Она говорила всем, что фельдъегерь, который должен быть в пути от Вены, дурак, что он едет как немец, что, верно, это окажется новичок, коего взяли на службу в Вене, что император путешествует гораздо быстрее. Я вечером болтал с нею о нашем отсутствующем, когда она мне сказала: «Ах, как было бы приятно, если бы можно было иметь письмо, когда хочется!» – «Верно, – сказал я, – было бы прелестно, ежели бы вы подули, к примеру, и вот вам тотчас письмо». – «А! Ба! Да вы снова шутите; идите отсюда. Оставьте меня». – «Ну что ж, коли так, тогда сам буду дуть». Я дую, и тотчас в ее руке оказывается письмо. Марица была как безумная, бросилась мне на шею, принялась меня целовать.

Все, что ты мне говоришь о доброте императора, кружит мне голову от радости. Никто не знает твоего сердца так, как я, а я знаю, что ты достоин расположения Благодетеля рода человеческого. Бог сделает его нашим благодетелем, как его бабушка была благодетельницей батюшки. Весь город только и говорит, что о титуле короля Польского, принятом на себя, как уверяют, императором.

Тормасов выглядит очень достойным человеком; он со мною весьма ласков. У меня еще нет никакого занятия, он сам и один занимается своею корреспонденциею с императором и главными министрами, что было моим делом у графа Ростопчина. Я подарил генералу «Наблюдателя», коего ты мне прислал, он очень хорошо говорит по-немецки. Он мне сказал, что император должен возвратиться даже раньше, чем предполагалось. Он ведет себя с осторожностью и крайним благоразумием. Все к нему могут подойти, он облегчил участь многих несчастных уже, и

наша милая погорелая не только не говорит о нем еще плохо, но уже и любит его. Вчера было два года, как французы оставили Москву; была, как заведено, большая процессия, время было прекрасное, и народ с удовольствием смотрел, как генерал следует в процессии за архиепископом в течение двух часов с непокрытою головою.

Я очень огорчен смертью королевы Каролины; ей должно было умереть по крайней мере годом позже на берегах Неаполитанского залива. Сен-Клер или Бог знают, какое употребление надобно сделать моему письму к ее величеству; не думаю, чтобы мое маленькое притязание могло вызвать какие-нибудь затруднения. Ежели спросят про Булгакова, то подумают, что это ты, и все будет пожаловано, и потом, это скорее справедливость, нежели милость, поскольку о сем было уговорено и обещано, а признаюсь тебе, доставило бы мне большое удовольствие. Я не хочу, чтобы меня звали Булгаковым-неаполитанцем без причины. Передай мое почтение принцу Леопольду и напомни ему о балах в Неаполе и в Палермо при дворе и о Гречанке, а по-ихнему о миледи-москвитянке, которую заставлял я их отплясывать в течение трех часов. Сколько раз королева, подходя ко мне, имела доброту благодарить меня за то, что я оживлял ее балы. Рекомендую тебе Сен-Клера: это превосходный мальчик. Он нам давал изумительные обеды, он тебе расскажет, как я когда-то ел.

Александр. Москва, 15 октября 1814 года

Одно из твоих писем было передано Марице, когда мы шли в театр, другое я от нее припрятал и отдам его только через два дня; у меня будет время придумать какую-нибудь фарсу, но надобно, чтобы и твоя очередь однажды наступила. Марица пошла в театр как безумная, беспрестанно меня спрашивая, долгий ли балет; я сказал, что будет пять актов, она принялась ругаться на сочинителя, говорила, что довольно глупо делать такие длинные балеты, – и все это для того, чтобы скорее возвратиться и прочитать твое письмо. Не умея более унять своего нетерпения, она только и делала, что читала твое послание в ложе, и я весьма сомневаюсь, чтобы она знала теперь, была ли то опера или балет. Он был красив. Но сюжет таков: праздник в стане союзных армий. Пели куплеты в честь союзников, кои очень хорошо приняли; но когда настала очередь императора, принесли знамена, щиты со словами: «Лейпциг», «Бриенн», «Монмартр», «Париж», начали кричать «ура» и зажгли фейерверком вензель, воодушевление достигло своей вершины и так завладело публикой, что Марица оставила твое письмо и

сказала: «Это прелестно! Подлинно прелестно, надобно написать о сем Константину». Тормасов был в ложе императора (это именины императрицы-матери) и был тронут видом таких проявлений усердия москвичей.

Князь Александр Голицын ее дразнит, пугает Багратионшею, а она смеется над ним. «Не бойтесь, – говорит она, – у меня не отобьют моего мужа, как у вас отбили жену». Такой энергичный отпор отнял у него всякий вкус к шуткам.

Все мы растроганы добротою императора, который изволил лично представить тебя французскому императору, невозможно мало любить такого ангела, и я понимаю, что господин Лагарп не может говорить о своем воспитаннике без горячего чувства. В городе говорят, что Лагарп будет министром народного просвещения. Ты мне столько о нем говорил, что я желаю его приезда в Россию.

Константин. Вена, 16 октября 1814 года

Это правда, что даже во время кампании мы могли довольно дешево покупать наши банковские билеты; но, во-первых, это значило бы заниматься ремеслом жидов, кои немилосердно ощипывали офицеров, коим надобно было менять деньги, а я не захотел обременять свою совесть, и, во-вторых, был тут своего рода риск: ибо встречались фальшивые билеты, и Браницкий обнаружил 600 таких, думаю, из 3000. Тогда прощай, выгода! Он спекуляциями не занимался; его также одурачили.

Я буду очень доволен, ежели то, что тебе сказал Метакса, быстро осуществится, ежели тесть мой продаст землю, а остаток денег ему достанется. Не в том дело, что я сомневаюсь в его доброй воле, Боже сохрани меня от этого; но я только хотел бы иметь возможность превратить приданое в нечто прочное.

Слава Богу, что мой сундук в руках уже графа Закревского. Когда пришлет, то сбереги его до моего приезда; там нет ничего такого, что могло бы испортиться. Королева Сицилии умерла, но Радди еще вчера говорил мне, что дело с крестом решено и что ты будешь носить мой орден.

Ты просишь у меня брошюр, но немцы не такие бумагомаратели, как французы; ты видишь, что даже и в газетах не умеют они описывать интересно все, что здесь делается по части празднеств. Я спрашивал у Тургенева (который получил крест Красного Орла), и даже у него нет никаких брошюр, что доказывает, что их и не существует. Маша права, я грозился продать свой ящик, но это только при последней крайности; он до сих пор со мною, и я надеюсь выбраться и без его продажи. Я ненавижу долги, и только страх наделать их может заставить

меня решиться продать этот ящик, в коем для меня, к тому же, нет никакой пользы. Надеюсь, что не буду доведен до такой крайности. О французских брошюрах я писал Бутягину в Париж, но еще не имею ответа. Я уверен, что он пришлет все, что найдет нового и интересного. Я попрошу у него именно таких, какие ты желал иметь.

Ф. с его чрезмерною деликатностью, которая скорее глупость с его стороны, будет всю жизнь проигрывать дела свои. Я был уверен, что он устроит все таким образом, чтобы его тетка, даже несмотря на все обожание, кое она к нему питала, не смогла, умирая, ничего для него сделать. Я сержусь на него за эту глупую деликатность, особливо теперь, когда он женился и должен был подумать о своем наследнике; кроме того, у него есть свои идеи, коих я никак не разделяю, несмотря на то, что насчет деликатности я, верно, так же щепетилен, как и должно порядочному человеку.

Я подумал о месте помощника Малиновского для тебя, но Вейдемейер уже предложил Ждановского, и было слишком поздно его просить: это стало бы походить на интриганство и верно не доставило бы тебе удовольствия. К тому же этот Ждановский бедный малый, у коего тоже жена и дети и коего положение, судя по тому, что говорит Каменский, весьма печально. Вот почему я не стал делать более никаких шагов. Я не вижу даже, чем это место могло быть тебе выгодно. Плату за три месяца ты имеешь, и надеюсь, что ты ее сохранишь, ибо не сомневаюсь, что тебе будет хорошо с Тормасовым.

Мы с Шредером еще вместе не поселились, но почти целый день вместе и более дружны, чем когда-либо. Это превосходный мальчик, и я с удовольствием отношу его к числу своих друзей.

Александр. Москва, 19 октября 1814 года

Из Петербурга пишут, что Конгресс кончится гораздо скорее, нежели ожидали, и что государь 15 ноября будет уже на обратном пути в Варшаве; тебя можно полагать, следовательно, в Москве к этому времени. Я проповедую терпение Марице, а право, имел бы сам надобность в проповеднике. Не успели мы пожить вместе с семьями нашими.

В пятницу был обед у генерала для Милорадовича. Он пригласил только первых лиц города, и я был один из канцелярии вместе с Руничем, который ее начальник. Мне это очень польстило, ибо было всего 12 человек. Генерал, подойдя ко мне, сказал: «Ты наш сегодня, обедай у меня». И вернулся в свой кабинет. Из-за сего тыканья я решил поначалу, что Тормасов обознался, но Волков меня ободрил и прибавил: «Я вас

поздравляю. Вы сподобились милости сегодня, а я позавчера, ибо генерал говорит «ты» только тем, кого особенно любит». У Александра Петровича повар Дмитрия Львовича Нарышкина. Ну, брат, что за стол: объеденье. Я сидел возле Волкова, и мы взапуски пустились. На другой день был обед у графа Ростопчина для Вяземского же героя, который часа с четыре говорил о военных происшествиях. Сегодня дает ему бал и праздник генерал Вадковский.

Константин. Вена, 20 октября 1814 года

Вчера был великолепный бал у графа Разумовского. Ты знаешь его дом, который со времени твоего последнего пребывания в Вене значительно украсился и расширился.

Залы, где мы ужинали, были особенно красивы и чудесно освещены. Он ничего не пожалел. Это один из самых прекрасных праздников, какой у нас был. Кое-кто, кто ушел с бала в 4 часа утра, сказал мне, что танцы еще продолжались. Когда я уходил, там было очень весело.

Константин. Вена, 25 октября 1814 года

Уже несколько дней кряду я провожу утро в главной канцелярии с англо-прусским комиссаром, коему поручена проверка полномочий. Весь город в волнении из-за маскарада Меттерниха, который должен быть послезавтра. Я спокоен, но, однако же, был принужден заказать себе маску, чтобы не пришлось брать какой-нибудь претенциозный костюм. У меня только эта маска, чтобы по возможности самым дешевым образом отделаться от этого блестящего праздника. Говорят о костюмированном бале и о карусели, которые скоро будут; беспрестанно что-то устраивается, и надобно отдать справедливость этому двору: празднества его великолепны. Жаль только, что не умеют тут делать красивых описаний. Парижские газеты в этом отношении были куда интереснее.

Тетушкина просьба у государя; но не натурально, чтобы он мог теперь, посреди столь важных занятий, заниматься партикулярными делами; если будет иметь свободную минуту, то, верно, прочтет экстракт, и я не сомневаюсь в успехе: ибо что она просит – и мало, и справедливо. Не сказывай ей, однако же, этого, а не то она еще нетерпеливее будет, наша добрая старушка [Мавра Ивановна Приклонская, потерпевшая в 1812 г. от французского нашествия]. Я снова написал в Париж о брошюрах. Надеюсь, что они у нас будут, но ты позабыл прислать мне номера газет, коих тебе недостает, а это главное для пополнения твоей коллекции.

Сегодня у меня день наслаждений: я обедаю у Кудрявского, иду на балет «Нина», бенефис мамзель Биготтини, и затем – редут для бедных. Я там не задержусь. Мое здоровье по-прежнему хорошо. Я, подлинно, и не делаю ничего, чтобы его расстроить.

Константин. Вена, 29 октября 1814 года

Слава Богу, твой новый начальник прибыл, и ты решился остаться с ним; именно этого я и желал. Я убежден, что вы с ним поладите. Он не был бы тем, что о нем говорят, если бы, узнав тебя ближе, тебя бы не полюбил, но в этом отношении я совершенно покоен. Тебе должно быть приятно, что ему все тебя рекомендовали без того, чтобы ты о сем просил, и, не льстя тебе, могу сказать, что эту услугу тебе также оказали по взаимности. Я не знаю, какой именно Бибиков его адъютант; ежели это племянник покойного фельдмаршала, то я был весьма дружен с его братом, умершим от ран в Вильне, – молодым человеком, который прежде был с нами в Валахии и подлинно добился всеобщего уважения. Он был у меня в Бресте, там я и видел его в последний раз; он вверил моему попечению своего любимого унтер-офицера, который был болен и оставался у меня несколько месяцев. Он был в Ольвио-польском гусарском полку. Я был очень близок с этим доблестным молодым человеком.

Я не знаю Брокера, но не слышал о нем хорошего в Москве, так что не удивляюсь, что ты его потеряешь; но если Бибиков похож на своего брата, то желаю, чтобы он его заменил.

Маленький Миша Тормасов, о коем ты говоришь, теперь здоровенный малый, выше тебя. Я видел его в Райхенбахе, он служит в нашем департаменте и стал весьма красивым молодым человеком.

Не знаю, говорил ли я тебе о спектакле, который стараюсь смотреть так часто, как только возможно: это балет «Нина», танцуемый Биготтини. Это самое интересное, что я видел в этом роде. Знаменитая Биготтини играет роль безумной от любви с таким чувством, от коего у всех слезы выступают на глазах, и признаюсь без стыда, что и мне не раз приходилось отирать свои собственные. Я только вчера ходил смотреть этот балет и постараюсь его не пропускать. Я всегда сажусь вместе с Воронцовым и Шредером, и мы подлинно наслаждаемся сим зрелищем. Сегодня вечером костюмированный бал, снова будет несколько тысяч человек; я думаю туда идти, но решил точно пробыть там недолго.

Константин. Вена, 30 октября 1814 года

Да, мой милый друг, я счастлив отношением ко мне нашего

ангельского государя. Он изволит говорить со мною с такой добротою и обращается ко мне с такой ласковой улыбкою, что, признаюсь тебе, не колеблясь пойду на смерть вместо него, ежели понадобится. Это ангел.

Бедный герцог [Серра-Каприоли] занемог, болен уже несколько недель, и говорят попросту, что с ним случился небольшой апоплексический удар. Я не видел его уже давно; как только будет у меня свободная минута, пойду к нему, ибо подлинно я его искренне уважаю. У него столь твердые принципы, и он так предан своему королю.

Константин. Вена, 1 ноября 1814 года

Моя жизнь здесь совершенно монотонна, среди всего этого круговорота празднеств, кои нам устраивают. Я туда хожу, чтобы иметь возможность сказать, что я их видел, ибо, признаюсь тебе, они вовсе меня не развлекают. Говорят о новом празднике у Разумовского, я уверен, что он будет прекрасен, особливо ежели Кудрявский, незаменимый в управлении праздниками, чувствует себя хорошо.

Константин. Вена, 5 ноября 1814 года

Я дал вчера последний сеанс Изабе; завтра он совершенно окончит работу, и после буду искать оказии послать тебе портрет как можно скорее. Заранее наслаждаюсь фарсою, которую разыграешь ты с Машей, и ее радостью. Все находят портрет прелестным, я нахожу в нем большое сходство; это несовершенно, но у него талант схватывать сходство и лестным, и приятным образом. Все его портреты, и особливо портреты дам, очаровательны; за ним находят лишь один недостаток, он в том, что он слишком полнит лицо, а я не имел нужды в такого рода лести. Он даже Нессельроде сделал жирным. Предупреждаю тебя о сем, чтобы вы там не подумали, что я растолстел, ибо на самом деле наоборот.

Константин. Вена, 8 ноября 1814 года

Этот Тургенев непостижим. Прошу тебя, мой милый друг, написать ему о возвращении моего жалованья куда должно; мне, однако же, не хотелось бы попасть в историю и чтобы говорили, что я дважды получил одно жалованье. Коллегия принудила меня принять его и не захотела сама выплатить казне то, что дал мне Канкрин по просьбе графа Нессельроде. У меня не было тогда денег, и я не получал жалованья более года. Ты премного меня обяжешь, ежели устроишь все это; если не через Тургенева, так пусть он тебе хотя бы скажет, что надобно делать, и пусть пошлет

тебе или вручит тому, кто тебя сменит в Санкт-Петербурге, бумагу, которую я ему написал, со всеми приложениями, кои объясняют все дело. Не знаю, почему Тургенев медлит прислать тебе деньги Кожухова, он должен был это сделать через несколько дней после моего отъезда. Я живу в полном довольстве, мой любезный друг, так что это кстати. Мне бы хотелось суметь добавить к сему кое-что, но теперь надобно мне экономить, поскольку хочу сохранить ящик, как и ты советуешь. Ежели все для меня устроится, как я того желаю, сможем мы уже сделать что-нибудь более прочное. Бог велик! Я верю в то, что Он хранит нас, и надеюсь, что Он меня не оставит и даст мне возможность стать полезным моему добрейшему брату, который нуждается в помощи и для которого не сумел я еще ничего сделать к настоящему времени. Репнин [князь Николай Григорьевич, в то время вице-король Саксонский] приехал из Дрездена. Не знаю, Тургенева брат с ним ли [Сергей Иванович, дипломат, скончавшийся в Париже в 1827 году.]? Я с этим еще незнаком, а Николай точно Андрей покойный: даже и хромает, как он.

Константин. Вена, 9 ноября 1814 года

Мой портрет у меня. Все находят его прелестным, но несколько толстоватым. Кроме шуток, это недостаток всех портретов Изабе. Надеюсь, что разыграешь какую-нибудь хорошенькую фарсу с Машей, вручая его ей, то-то крикнет! Сходство разительное, и в очаровательном роде; скажи ей только не держать его на солнце и в сыром месте. С такими предосторожностями его должно сохранять как масляную миниатюру. Портрет Воронцова также очень красив.

Константин. Вена, 11 ноября 1814 года

Я очень доволен, что мои письма доходят до тебя с такою точностью, и все благодаря добрейшему Калинину [петербургский почт-директор, предшественник К.Я.Булгакова в этой должности]. Твои фарсы очаровательны. Я ожидаю главного, когда ты ей отдашь мой портрет, который уже совершенно окончен и даже упакован. Я думаю, что в конце концов дам его господину Давосу [может быть, отец почтенного Делавоса, который позже был директором Ремесленного училища в Москве], русскому купцу, который отправляется в Москву; он давно там обосновался и кажется мне довольно надежным, чтобы доверить ему вещь, коей потеря ежели случится, то повергнет меня в отчаяние, во-первых, потому что она мне дорого стоила, а потом, у меня уже не будет случая встретить Изабе. Теперь надобно мне заказать мой портрет в миниатюре для тещи. Она

хочет, чтобы я был написан в мундире и со всеми орденами; это меня весьма удручает, но надобно через это пройти. Я был уверен, что все прелестные пустяки, кои я послал Маше, станут для нее развлечением хотя бы на один вечер. Большего я и не желал.

Лонгинов вновь переведен в наш департамент, сделан коллежским советником и сохраняет место секретаря при императрице. Я от него в восхищении, ибо он подлинно славный молодой человек и твой большой друг. Кроме того, он получил командорский крест Бадена и Баварии. Он весь сияет от радости. Я только что получил командорский крест Даннеборга. Мне большое удовольствие доставляет то, что Шредер также его получил, равно как и добрый Воронцов, у которого еще не было иностранных крестов. Это обрадует его мать [графиню Ирину Ивановну? урожд. Измайлову], и он сам сему очень рад. Я не стану тебе описывать крест, Маша тебе все расскажет. Вот их уже и десять, из коих восемь на шее. Как все это носить? Надобно идти благодарить короля Дании за эту милость, которой мы нисколько не ожидали. Это крест старинный и очень почетный.

Сегодня вечером карусель, я решил не ходить, а пойду на бал, чтобы посмотреть костюмы кавалеров и их дам, кои, говорят, беспримерно великолепны. Завтра опять бал в Аугартене, но я не пойду.

Константин. Вена, 18 ноября 1814 года

Я передал Сергею Гагарину письмо его брата. Этот обещающий молодой человек много дружит с нами. Он был принят в наш департамент как переводчик и помещен к Каподистрии. Он очень хорошо сделал, приняв такое решение, ибо в Цюрихе у него будет мало развлечений, и он сильно вырастет под руководством своего начальника, который очень способен его направить. Они все еще здесь.

Константин. Вена, 19 ноября 1814 года

Я обедаю сегодня за табльдотом (то есть у Отта): он дает мне обед, который, верно, будет дурен. Воронцов и Шредер также у него обедают. Завтра Кудрявцев дает нам обед, а послезавтра Лонгинов. Праздники и балы окончились, однако же сегодня будет второе представление карусели; я твердо решился не ходить, разве только на минуту.

Константин. Вена, 27 ноября 1814 года

Давеча был бал у Разумовского, который был прекраснейшим в свете и сделал честь русскому имени. Не знаю, знаешь ли ты его

дом таким, каков он теперь. Он столь велик, что даже не все покои были отперты, несмотря на то, что присутствовало 600 человек на балу и 600 за ужином, и все в разных комнатах. Было десять оркестров, которые вторили в других покоях и в зимнем саду тому, что играл большой оркестр. Это было подобно волшебному дворцу Армиды; одним словом, не считая праздников, устроенных австрийским императором, этот был самый прекрасный, какой мы здесь только видели. Библиотека также была открыта. Ай да Разумовский!

Константин. Вена, 28 ноября 1814 года

Бедный принц де Линь умирает, вчера ему было очень плохо, и он позвал священника. Жаль, что такие любезные люди, как он, кончаются. Он почти не видится со своими детьми, чтобы не увеличивать их боль, но все продолжает шутить. Говорит, что его император хочет еще устроить нам зрелище погребения фельдмаршала. Сказывают, что он исповедуется первый раз в жизни. Ежели позвал духовника по убеждению, то я очень за него рад.

Вчера толстый Потоцкий устроил для нас обед-мальчишник в термах Дианы; это новое заведение, в коем участвовал покойный Маллиа, поистине великолепно, и ты знаешь, что Вена в нем нуждалась, ибо другие бани не очень чисты.

Константин. Вена, 1 декабря 1814 года

Козловский подлинно стал чище с тех пор, как стал министром, и много выиграл. Когда совсем перебесится, то будет порядочный человек, ибо он, верно, не лишен способностей, было бы только поболее порядка в его голове.

Благодарю тебя, мой любезный друг, что поступил со мною, как всегда должен был поступать. Ты хорошо знаешь, что то, что принадлежит мне, принадлежит и тебе. Не теперь, я надеюсь, начинать нам друг с другом счеты. Я тебе повторяю: ты очень хорошо поступил, взяв 3000 рублей. Почему я не могу тебе дать 100 тысяч! Прошу тебя только, мой любезный друг, сделать еще другое распоряжение. Я должен во что бы то ни стало вернуть те 5000 рублей (и я столько раз просил Тургенева это устроить): мне не хотелось бы, чтобы меня упрекнули в том, что я дважды взял свое жалованье, а так и получилось, потому что Коллегия не захотела сама возместить Канкрину. Так что прошу тебя, договорись с Тургеневым или еще с кем-нибудь, чтобы это дело устроилось и я был покоен. Чтобы добрать до 5000 рублей, возьми 3000 рублей, кои тебе самому понадобились (что ты послал бабушке), из капитала или из тысячи дукатов, кои, как

извещает меня Кирико, он тебе послал. Надеюсь, что такое устройство не представит никакой трудности.

История Гагарина с его женой и до нас дошла из Петербурга, но в версии, весьма отличной от той, кою ты мне рассказал. Весь город считает его жену невинной, а без того, верно, Гурьева, всем известная своей суровостью в отношении нравов, ее бы и не приняла. До нас дошло весьма трогательное описание положения этой дамы, которую не в чем более упрекнуть, кроме чрезмерной любви к своему мужу. Не берусь судить, но, однако же, прием Гурьевой и общественное мнение располагают в ее пользу.

Две записки от ветреного Тургенева получил, но что он при этом пишет, не знаю. Вижу, что деньги заплачены за мой настоящий чин, но кем? И если Тургеневым, то из каких денег он заплатил: из своих ли? Он, право, совсем с ума сойдет. Немного ему до сего осталось.

Бедный принц де Линь окончил сим утром свой долгий жизненный путь. Он умер скорее от старости, нежели от болезни, ибо она была неопасной, но у него сил уже не осталось. Какая ужасная катастрофа для всей семьи, и особенно для бедной княгини Клари, которая любит его так же, как мы любили нашего батюшку. Для города это непоправимая утрата, это был любезнейший человек, каких больше не делают. Остроумие и любезность долго будут скорбеть о нем, и его место долго останется в свете незанятым. Иностранцы теряют необыкновенный и приветливый дом. Все о нем сожалеют, и более того, он сего заслуживает, ибо лесть не переходит через край могилы.

Александр. Москва, 7 декабря 1814 года

Милый и любезный брат. Я в больших хлопотах всю эту неделю. Завтра слушают дело наше в Сенате. Слава Богу, все идет очень хорошо, даже сверх моего ожидания. Почтенный этот и предобрый Петр Петрович Нарышкин старается за нас как друг, как отец. Я был у всех сенаторов, присутствующих в 7-м департаменте. Я в них нашел Алексеевых других. Все без изъятия меня обнадежили: Алябьев, Кушников и князь Масальский желают нашего блага. Князь Багратион не присутствует по родству, а Рунич в отпуску. Почтенный старик Алябьев меня наставил; я подал еще бумагу сегодня сам в Сенате. Завтра рано надобно подать тетушке также бумагу, и дело пойдет. Не решаюсь, милый мой, давать тебе положительную уверенность, что дело будет решено на месте, в департаменте, не переходя на общее собрание, ибо столько раз мы уже обманывались в наших надеждах; но, кажется, имение будет нам в департаменте

единогласно присуждено. Сенаторы согласны в основном; опасаюсь только, не будет ли различий во мнениях о способе, на коем порешат. Масальский хочет доклада в нашу пользу императору, а Алябьев считает, что Сенат своей властью должен дать нас ввести во владение имением, которое нам принадлежит по праву. Ты видишь, что в любом случае это в нашу пользу. Нет, милый мой, Бог будет за справедливость, и мы вздохнем свободно.

Не могу пересказать тебе, какое участие в нас принимают. Кузина была вчера у Масальского; он ей сказал: «Ей, Анна Петровна, я вам говорил давно, помиритесь», – а она уверяет, что хлопочет для нас же. Как она зла и какими глупцами считает других! Сегодня после полудня иду к обер-прокурору Озерову, это друг Тургенева. Словом, милый мой, я ничего не упускаю. Я отдал бы десять лет жизни своей (это много для такого счастливого человека, как я), чтобы наконец иметь возможность сказать тебе, в понедельник, что все окончено, и чтобы принести покой в твое сердце. Будем ожидать всего от Бога и от славных людей. Я знаю, что нам, может быть, ничего не останется от имения, но как сладостно будет успокоить кредиторов батюшки и вернуть покой его праху, уплатить Фавсту 29 000 рублей, кои ему причитаются. Разве это не великое наслаждение? Какое счастье, что я не порвал писем кузины; они нам служат чудесно. Я их недавно отыскал. Скажи теперь, что бывают незначащие письма!

Константин. Вена, 9 декабря 1814 года

Вчера я держал ребенка во время крестин у Карибоглу, а завтра обедаю у Манукбея на турецком обеде с Нарышкиным и многими нашими соотечественниками. Шредер и Воронцов тебя дружески обнимают, последний покажется в живых картинах, кои будут представлять при дворе. В субботу нам обещают обед на 100 человек у Штакельберга на рождение нашего ангельского государя.

Александр. Москва, 14 декабря 1814 года

Я видел вчера князя Масальского, спросил у него новости. Он мне отвечал: «Ты знаешь, что это наша тайна, говорить нельзя об этом; только повторяю, что вам надобно будет выменять образа трех сенаторов, которые много на себя берут».

Ну-с, приехал наконец персидский посол 11-го числа. Весь город от десяти часов до одиннадцати был на улицах, смотреть иной посла, иной слона; не видали ни того, ни другого. Слоны остались в Воронеже; посол был в золотой карете шестеркой, но поскольку стекла замерзли, и персиянин, не думая повстречать

знакомых, рассудил ненужным их опускать, ничего и не увидели. В Англии народ побил бы стекла камнями; здесь же довольствуются тем, что лижут ему…! Один малый, слесарь, пропивший, верно, свои рукавицы в кабаке и дувший себе на пальцы, видя окончание процессии, сказал послу: «Ах, б…, б…, да где же все эти слоны, коими нам все уши прожужжали!» Сия выходка меня премного позабавила. Посол был позавчера в Дворянском собрании. Это красивый мужчина 40–45 лет, с прекрасными черными глазами, такой же бородою, романтическим лицом, приятными манерами, очень богато одетый, хорошо говорящий по-английски; образован и остроумен. Я любовался его непринужденностью, в то время как не меньше сотни бегало за ним беспрестанно, глядя на него так, будто смотрят на орангутанга. Войдя в большую залу, он остановился и воскликнул: «Эта зала подобна русской нации!» Но что мне очень понравилось, это его ответ губернатору Спиридову, когда тот у него спросил, как он находит Москву. Посол отвечал: «Одно из двух: либо Бонапарт не умеет жечь городов, либо русские их очень быстро строят». Я не сомневаюсь, что, кабы дали сжечь этому сахару, он бы получше отпотчевал нас. Он поживет с неделю, а там отправится в Петербург.

Константин. Вена, 14 декабря 1814 года

На рождение императора мы имели большой обед у здешней императрицы, куда она приказала позвать всех наших соотечественников, до моего чина включительно. Австрийский император был в русском мундире. Не знаю, известно ли тебе, что у нас есть гренадерский полк его имени; а наш император был в австрийском мундире, который на нем необыкновенно красив. Во время обеда играла прекрасная музыка, и, конечно, пили за здоровье нашего ангельского государя. Накануне был большой концерт в прекрасной придворной зале, под управлением Сальери. Оркестр был само совершенство, и выбор музыки прелестный. Вчера у нас был обед на 110 персон у графа Штакельберга. Было три стола в трех разных комнатах; первый, за коим я и сидел, возглавляла графиня, второй – граф, а третий – госпожа Отт. Все русские и все, кто состоит при императоре как посланники, камергеры здешние и военные, были приглашены. Это также было в своем роде нечто необыкновенное. Вечером был концерт для бедных в праздничной зале, я зашел туда ненадолго, чтобы заплатить свой дукат. Началась зима, на рождение императора выпал снег; это для него любезность.

Константин. Вена, 17 декабря 1814 года

У Радди подагра. Он ждет ответа из Палермо, чтобы тебе написать; я к нему ходил. Что до дела Манзо, то могу только его пожалеть и не постигаю, как у Татищева хватает сердца оставлять его в таком положении, будучи его главною причиною; но едва дело касается денег, как все кончено. Подлинно, не знаю, чем он кончит; у него в Лондоне было столько долгов, что без его брата и Полетики, которые умаслили банкира Хаманна, его, думаю, засадили бы в тюрьму. В Испании он тратит без счета и весь опутан долгами. Куда все это должно его привести? Я бы очень хотел быть Манзо полезным, но признаюсь тебе, что испытываю отвращение к такого рода делам, и знаю наперед, что и Полетика не захочет вмешиваться. Но что мешает Манзо просить там, где ему и должно? Коллегия принуждена будет вычесть из жалованья Татищева, а это уже кое-что.

Полетика хочет оставить Мадрид и от дороговизны, и от жены Татищева, с коей никак не может ужиться. Он ничего не имеет против Татищева, напротив, хвалится его дружбою; но страдает оттого, что видит, как тот галопом несется под откос. Слава Богу, Фрейганг едет завтра в Голландию, он состоит при Пфулле. Не будет более докучать мне.

Константин. Вена, 20 декабря 1814 года

Бедный Разумовский плохо окончил год: большая часть его великолепного дома сгорела с кучей вещей и мебели. Чтобы не повторять подробности, кои доставляют мне подлинное огорчение, отсылаю тебя к моему письму Маше, где привожу их довольно. Разумовский хотя внешне и спокоен, но чувствительно поражен, и боюсь, как бы не заболел. Жестоко, особливо в его летах, видеть уничтоженным то, что соединяло в себе столько привязанностей. Этот дом был для него жена и дети. Он, конечно, имеет средства заново его отстроить, но ему уже за 60; сколько же времени будет он им еще наслаждаться, ежели только не станет исключением из природного порядка? Я был у него и признаюсь тебе, что вид этих руин там, где несколько дней тому назад мы веселились на прекраснейшем в свете празднике, навел меня на размышления о тщете человеческих усилий.

Мне многое надобно сделать сегодня, ты знаешь, что такое Новый год тут. Неприятная часть занятий сего дня состоит в том, чтобы тратить деньги, и весь свет объединяется, чтобы заставить тебя платить за пожелания, кои у них только на устах.

Константин. Вена, 21 декабря 1814 года

Вчера я видел Разумовского на балу при дворе. Он спокоен, но спокойствие сие может быть только наружным. В его возрасте

должно быть чувствительным к потере того, чем так дорожил в жизни. Этот дом, который он столько лет обустраивал по-своему, составлял его счастие. Огонь все поглотил. Он мне сказал, что это как если бы он потерял ребенка, коего пятнадцать лет воспитывал, и я это понимаю. Он не хочет заново отстраивать то, что сгорело, и я думаю, что он прав: это вовлекло бы его в огромные траты и всякий день возбуждало бы его сожаления.

Константин. Вена, 22 декабря 1814 года

Снег выпадает на диво, и я уже повстречал одни сани. При дворе подлинно готовят прогулку в санях. Всего будет 50 саней, а свиты государей поедут верхами. Этим будет прохладно, ежели будет такой мороз, как сегодня (10 градусов). Прошлый год в это время мы были еще во Фрейбурге. Сколько событий прошло с тех пор! Уже даже и не говорят о Наполеоне, и кто все это сделал? Наш император.

Константин. Вена, 23 декабря 1814 года

Новый год чрезмерно тяжел здесь, но кошелек он чрезмерно облегчает. Флорины летят так, что любо-дорого, но зато имеешь пожеланий сколько душе угодно. Я буду очень счастлив, ежели они хотя бы отчасти исполнятся, но это уже дело не пожелателей. Вот пожелания разносчика афишек. Передаю тебе его пожелания, которые обошлись мне в 5 флоринов. Сегодня утром был у меня Радди, он ждет ответов из Палермо, чтобы написать тебе. То, что он мне рассказал о Татищеве, не делает тому много чести, и напрасно Манзо не представляет прошение в Коллегию, без чего ему никогда не заплатят, особенно потому, что долги накапливаются, и бог знает, как он кончит.

Александр. Москва, 24 декабря 1814 года

Я тебе не писал, любезный брат, в понедельник, потому что в пять часов утра воротился с бала, который графиня Орлова давала для персидского посла. Господин посол был очень весел. Он нашел праздник и собрание очаровательными. «Почему, – спросил он только, – дозволили прийти сюда всем этим старым женщинам?» Ему объяснили, что сии старые женщины есть матери и тетушки молодых особ, кои не могут выезжать одни. «Отлично, – возразил персиянин, – но разве у этих молодых особ нет ни отцов, ни дядюшек?»

Дом графини очень красив, все было очень хорошо устроено, но боже мой, как далеко было всему этому до праздника графа Разумовского, который ты описываешь мне в своем № 32, полученном мною вчера. Все глаза вытаращивают, а старик

Варлам кричит как одержимый: «Ага! Отлично, смотрите-ка, что творится! Партикулярный русский дает в Вене своему государю праздник великолепнее, нежели все праздники австрийского императора, прекрасно!» Надобна была подлинно оказия, как эта, чтобы достойно явить сей великолепный замок, какой построил граф Андрей. Меня засыпают вопросами, хотят от меня планов этого дворца Армиды. Дурасов, устроитель пиров, у меня спрашивает: «Да разве нельзя здесь построить такой же дом, завести зимний сад?» – а я ему отвечаю: «Да извольте-ка построить такой же Дунай, извольте развести такой же Пратер». Эти шесть оркестров, эти переклички не выходят у меня из головы. Вчера я обедал у наших. Вхожу, натурально первый вопрос о письмах, – их нет; меня обыскивают – ничего. «Пусть нам дадут хоть пообедать, – говорит Марица, – я голодна». – «Это, – говорю ей, – вам только кажется». – «Как мне кажется? Я голодна, хочу есть». – «Вы не голодны, и вы не будете обедать». Входим, споря, в гостиную, и Марица много удивлена, что я лучше нее знаю, что делается у нее в желудке. Я всегда сажусь на одно место за столом, а она тоже, рядом со мною. Сели.

Она снимает свою салфетку с тарелки. Что же находит она вместо двух кусочков хлеба? Твое письмо № 32: вот была радость, вот крику было! И подлинно, как я и сказал, она ничего не ела, а только читала твое послание. Марица заявляет, что никогда я еще ее так ловко не ловил.

А вот как я вручил ей твой № 31. Мы были вечером у них. Что делать? «Давайте играть в дураки». Я учу ее игре, но, поскольку она заглядывала мне в карты, я убрал руки под стол. Марица торопит меня играть, я кричу: «Козырь!» И с этими словами вместо карты роняю на стол твое письмо. Ну и тут порядочная была комедия. Марица хотела, чтобы был ты здесь завтра, а теперь говорит, что ежели завтра не будешь, то уж все равно: она готова ждать до февраля. Ты можешь себе вообразить, что я истощаю все свое красноречие, дабы ее успокаивать.

С превеликою радостью сообщаю я тебе, милый мой друг, что вчера было подписано господами сенаторами определение по нашему делу. Слава Богу, любезный брат, и вечная благодарность трем нашим покровителям! Можно дело полагать конченым; добрый Петр Петрович достал мне копию с определения. Итак, избавились мы от прений общего собрания. Мы боялись прежде, что дело туда не перейдет и не попадет, следственно, в Совет, а теперь выходит, что дело кончено в департаменте, минуя общее собрание и все проволочки. Послезавтра подпишется сходственно с определением Сената доклад к государю, коим Сенат, излагая все обстоятельства в нашу пользу, испрашивает утверждения

государя по несоблюдению покойным батюшкою токмо некоторых форм в завещании, им писанном. Я пишу Ивану Алексеевичу (экстракты из батюшкиных писем к нему весьма были полезны) о всем, а паче, чтобы убедить Трощинского скорее доложить; как скоро воспоследует *быть по сему*, то Сенат тотчас предпишет палате введение нас во владение. Как мы себе голову ни ломаем (пуганая ворона куста боится!), но не можем предвидеть никакого обстоятельства, могущего испортить дело; надобно признаться, что здесь хватски все сваляли; это сделалось не без труда, и даже не без затрат. Мы имеем бесконечные обязательства перед почтенным Нарышкиным, но он был друг батюшкин, память коего он чтит; мы не сумеем довольно отплатить за усердие Алябьева и Кушникова, кои оба нас совсем не знают. Одно время зашла речь о перенесении нашего дела в совестный суд; сие было бы, верно, для нас благоприятно, но продолжилось бы еще годы. Словом, милый мой, возблагодарим Бога и возрадуемся; но, боже мой, через сколько испытаний пришлось пройти! Все это быстро забудется.

Теперь трудно решить, надобно ли будет весною ехать в Белоруссию; но кажется, что останется и нам что-нибудь за уплатою долгов; банковый до 1812 года выплачивался с процентами исправно; после того не знаю, куда девали доходы. Таково, милейший мой брат, положение наших дел. Как далек я был от предвидения такого благоприятного поворота дела! Все радуются, добрая тетушка много тому способствовала бумагою, которую представил я от ее имени в Сенат. Голицыны сплошной сахар, разумеется, а я пугнул вчера тетушку. Прихожу к ней: «Ну, тетушка, вас требуют в Сенат на допрос по вашей бумаге; теперь дело не наше, а выходит ваше, вам надобно судиться с Анною Петровною и вести тяжбу». Надобно было видеть, какую мину она сделала. «Ну, я знала, что вы меня втащите в беды, заставили меня подписать бумагу». – «Пишите, тетушка, пишите, ничего!» – «Вот тебе ничего! Да скажи, батюшка, в самом деле, что ль?» Вот милая кузина и погорела, но мы заставим ее раскаяться за то зло, какое она нам сделала, и притом таким способом, какого она ничуть не ждет.

Эко счастие Чижику[135]! Комиссия дает ему еще 26 000 за претерпенное разорение от фафулей. Эти деньги даются на десять лет без процентов. Тесть мой получает 50 000. А какие потери!

Константин. Вена, 26 декабря 1814 года

Я вчера родился, но, ежели бы я родился один, ежели бы не было тебя на свете, какого счастья был бы я лишен! Я не знал бы, что такое брат, как ты, который мне подлинный друг. Я провел

день как обыкновенно. Был на обедне и всех вас препоручил Богу. Пообедал у Нессельроде, был на детском балу у Штакельберга и кончил тем, что написал жене своей. Только бы время шло и соединило скоро нас всех, я мало думаю о том, как бы приятнее его использовать; впрочем, есть только один приятный способ: читать твои письма, письма Маши и, в свою очередь, царапать вам целые тома.

Воронцов подлинно весьма крепкий молодец и совершенно милый мальчик. Мы по-прежнему вместе. Он питает ко мне большую дружбу и выказывает мне доверие; он следует моим советам, и они подлинно могут быть ему полезны, ибо у меня опыта и знания людей более, нежели у него. Я был не один раз прав, а это именно и нужно доброму и благомыслящему молодому человеку, чтобы привязаться. Я тоже искренне люблю его. Он очень к тебе привязан. Шредер натурально более солиден, но и старше двенадцатью годами, и потом, он прошел через столько событий, так поездил по свету! Он добр, услужлив, привязан к своим обязанностям и безгранично пунктуален. Именно с ними, с Сергеем Гагариным, Николаем Долгоруковым, Станиславом Потоцким, Обресковым я и провожу свою жизнь. Большой свет мне в тягость и не развлекает меня, балы напоминают мне о сердечных склонностях, коих более не существует; я убежден, что только покойная жизнь может сделать меня счастливым, жизнь домашняя, общество брата и друзей. Поццо едет в Париж. Он теперь слишком занят своими приготовлениями и пришлет мне свой ответ из Парижа. А покамест он мне поручает заверить тебя в его дружбе и передать его нижайший поклон моей любезной невестке. Так он ее называет, и я думаю, что он не ошибается.

1815 год

Александр. Москва, 4 января 1815 года

Нет ничего нелепее слухов, кои здесь разносят. На сих днях сказали, что месье Лагарп назначен регентом Швейцарии и что это заставило прервать конгресс. Вчера только и разговоров было, что об опале графа Н. [то есть графа Нессельроде, при котором служил К.Я.Булгаков], который потерял портфель со всеми важными бумагами (будто портфель вроде булавки): это как будто наказали школьника за то, что потерял свою грамматику. Подобное несчастье огорчило бы самого графа Н. более, чем кого-либо. Какое наказание может быть более его страданий! Да стоит ли труда все это тебе пересказывать? Все, что можно из сего заключить, это что у графа полно ревнивцев и завистников, что он по-прежнему поднимается и что число сих господ увеличивается. Смешно, что люди высокого ранга шепчут об этом с уверенным видом на ушко, подобно Апраксину и проч.

Тургенев мне прислал ящик от тебя. Я полагаю, что это тот, в котором игры и вырезанные картинки. Я его открывать не стану, он дождется твоего прибытия: а то ежели потеряем какие-нибудь куски, жалко будет. Сегодня должны мне принести твой большой ящик. Закревский мне о нем объявил, а я знаю, что его адъютант Шатилов[136] вчера приехал.

Очень жаль любезного князя де Линя. Никогда не забуду, как он нас насмешил однажды у графини Багратион. Так ли все живет княгиня, как прежде? Что поделывает Анриетта? Сколько детей появилось от этого славного брака?

Княгиня Флора должна быть в большом горе. Вышла ли она замуж? За кого?

Я постараюсь устроить с Тургеневым дело 5000, но думаю, что лучше обратиться к человеку, менее занятому, менее влюбленному и менее танцующему. Дело Гагарина оказывается именно тем, что ты говоришь. Это довольно низкий персонаж; сказывают, что для того, чтобы загладить все свои бесчинства, он притворяется сумасшедшим. Катается по снегу, молится Богу и бьется лбом до крови, читает псалмы на улице и проч.

Граф Р. [Ростопчин] поехал в Петербург накануне нового года; он мне сказал, что меня не забудет и что тогда не время было просить о чем-либо императора. Я сему верю тем более, что совершенно ничем не вызывал сего обещания с его стороны. Он едет в апреле месяце в чужие края и начинает с Пирмонтских вод, ибо здоровье его расстроено.

Константин. Вена, 7 января 1815 года

То, что тебе князь Масальский сказал, есть отличное предзнаменование. Бог даст, и ты сможешь скоро мне объявить, что процесс совершенно окончился, как мы оба вправе были надеяться.

Я исполнил твое поручение касательно господина Клера. Он очень обрадовался, что ты помнишь о нем, и сказал мне, что надеется с первым же курьером из Палермо суметь сообщить тебе что-нибудь приятное.

Я говорил тебе о гравюрах, их я также вверил последнему курьеру, адресовав господину Калинину, который и переправит их тебе. Экземпляр с бивуаком наших казаков на Елисейских Полях принадлежит тебе, прочие же для моего семейства. Каподистрия упросил меня поручить тебе одно дело, и дело сие доброе, ты, верно, не откажешься. Из приложенного письма, ему адресованного, ты поймешь, о чем речь. Тут и еще одно письмо, которое добрый отец пишет дочери своей, а я прошу тебя доставить его ей и спросить ответ, который ты мне и вышлешь. Ежели, кроме того, сможешь ты быть полезным мадемуазель Шац, сделай сие: ты мне окажешь услугу, оказав ее Каподистрии. Госпоже Алексеевой я послал превосходную коллекцию семян. Я с нею состою в регулярной переписке.

Вчера был большой бал у английского посла в честь именин королевы. Я туда не ходил, надоели мне эти празднества. Михаил Воронцов в Варшаву еще не прибыл, но из Лондона уже выехал. Полетика во что бы то ни стало хочет удрать из Мадрида. Состояние дел его требует возвращения его в Россию. Нессельроде обещал мне добиться для него дозволения вернуться.

Константин. Вена, 11 января 1815 года

Не удивляюсь тому, что Матаки оказался негодяем, я другого никогда и не думал и говорил о сем в свое время, да доброе сердце старика всех оправдывает, до тех пор, пока уж невозможно отрицать очевидное. Я надеюсь, ты Тормасову объяснил, что это за сволочь. Насчет Метаксы я никогда не заблуждался и не без огорчения видел великую близость его с моим тестем, но говорил себе: ему нужен кто-нибудь, кто был бы с ним постоянно, чтоб занимать его и развлекать, он привык иметь двор; я был уверен, что сплетни, которые мог наделать Метакса, не коснутся того, что для меня существенно, – твоей дружбы с Машею. К тому же, я и поместил ее под твое покровительство и руководство, и поверь мне, сия мысль составляет мое счастие. Я весьма огорчен

неприятностями, кои доставляют тебе сии сплетни, но и рассчитываю, более, чем когда-либо, на дружбу твою к Маше. Сплетни утихнут, и старик увидит, что нет у него лучшего друга, чем ты. Я убежден, что он тебя любит и одного слова твоего будет достаточно, чтобы удалить сплетников; но найдутся иные, потому что в Москве много других негодяев, и сии люди имеют весьма беспокойный характер.

Отт получил вчера крест Святого Владимира 3-го класса. Всю миссию наградили: Фроманн и Кудрявский получили повышение и прибавку к жалованью, Николай сделан камергером, Любомирский – камер-юнкером, священнику прибавили 300 рублей, внук его взят учеником в службу и помещен в миссию, а кроме сего наш ангельский император пожаловал его зятю Федорову, который в Москве живет и коему батюшка покровительствовал, 3000 рублей, о которых генерал Тормасов получит депешу от Нессельроде. В письме твоем новые надежды на успех нашего дела. Да услышит тебя Бог! Ты не поверишь, мой милый друг, как растрогали меня слова твои о том, что собираешься ты предложить кузине нашей поселиться в одном из батюшкиных домов. Ты ангел доброты; ты делаешь и более, ты хочешь помочь ей, и верно я тебе в сем мешать не стану. Надобно ли какое иное завещание, нежели сия твоя сердечная черта? Сия есть черта доброго нашего батюшки, разве кто посмеет отрицать? Бог даст, дело окончится, и память его более не потревожат.

Вчера состоялась знаменитая прогулка в санях, поистине замечательная. Я в жизни своей не видал ничего чудеснее. Надеюсь, что описание ее будет в газетах. Она того стоит. Весь день обошелся, как сказывают, в 800 тысяч флоринов, и меня сие ничуть не удивляет. Мы обедали у Шонбрюннена, где был спектакль, и вернулись домой при факелах. Я ходил смотреть сей спектакль вместе с Шредером во двор замка и на улицах. Мы видели его три раза.

Мне принесли твое письмо, мой милый друг. Оставляю тебя, чтобы прочитать его. Как колотится мое сердце! Обманет ли меня мое предчувствие? Нет, мой милый. Итак, с этим покончено, предчувствие меня не обмануло. Во всю жизнь свою я сего письма не забуду. Шредер видел, как я его читал, и не понимал, что со мною. Я не мог удержать слез! Как отличаются они от тех, что проливал я в Санкт-Петербурге. Я возблагодарил Бога от глубины сердца за то, что защитил Он память батюшки нашего и наши права. С какой радостью Воронцов и Шредер читали место сие твоего письма, с каким воодушевлением меня обняли! Я и не думал, что сия новость так живо меня тронет. Я покамест не могу собраться с мыслями. Итак, мы победили. Положение кузины

должно быть ужасно, она сего не переживет. Я все ей прощаю, ежели это может успокоить ее совесть. Я от чистого сердца подписываюсь под всеми предложениями, кои намереваешься ты ей сделать. Она увидит, что была вдвойне чудовищем. Да сжалится над нею Бог! Надобно мне пойти на воздух. Это ты, мой любезный друг, испил чашу до дна, я же был далеко, когда ты один занимался процессом и глотал все пилюли.

Александр. Москва, 11 января 1815 года

Говорят, что князь Трубецкой приехал в Петербург. Марица, бывшая очень грустною, понемногу веселеет, ибо все говорят, что князь Трубецкой уверяет, будто император должен был покинуть Вену шестью днями позже него. Слухи такого рода время от времени очень хороши: сие нас ободряет и восстанавливает наше сокрушенное мужество. Вчера знаменитый Попандопуло[137], прибывший из Петербурга, сказал ей, что император скоро там ожидаем.

Я думаю, что наши пойдут на бал, который дает 13-го генерал Тормасов на именины императрицы [день рождения императрицы Елизаветы Федоровны]. Маскарад у Шаховской был прелестный. Я был маскирован кокеткою. У меня было очень изящное декольтированное платье, с великолепными накладными грудями. Шея у меня очень белая, так что я сумел притвориться женщиною и всех заинтриговал. Я сел рядом с персидским послом; он очень долго смотрел на меня; под конец, увлекаемый темпераментом своим или же от любопытства, он не смог устоять и взял меня за грудь, я его шлепнул по руке, а когда он увидел, что трогает одну вату, то принялся хохотать во все горло. Давно не был я на таком красивом балу.

Вот, милый мой, письмо добрейшего Алексеева. Уф! Слава Богу, одной заботой меньше. Все подписано в Сенате. Князь Масальский ездил в Петербург, он не хотел двигаться из Москвы, пока определение не будет подписано; вчера он уехал. Трясучка, вместо того, чтобы пытаться сблизиться с нами, поскольку она пропала, хочет представить императору жалобу на Сенат; думаю, что увидим мы, и как она будет жаловаться Господу Богу на императора. Как утешительно для меня думать, что, когда ты будешь здесь, не надобно будет более заботиться о процессе. Это дело отравляло многие минуты моей жизни, кои без него были бы приятны. Слава Богу, что успел в том, чтоб дело слушалось до твоего приезда, дабы избавить тебя от неприятных хлопот, езды, просьб и проч. Грешно нам будет забыть Алябьева, Кушникова и Масальского, а еще более доброго Нарышкина. Он будет к сему весьма чувствителен, ежели ты напишешь ему несколько слов

благодарности; этот человек дорожит всем, что имеет отношение к батюшке. Надобно обязательно этой зимою ехать мне в Петербург, чтобы обнять Алексеева и благодарить Трощинского, который должен будет поставить в деле последнюю точку. Я обо всем предупредил хорька Тургенева. Письмо графа Н. к Ключареву было отправлено в Воронеж, и я написал Ключареву передать мне ответ, который я тебе отошлю тотчас по получении.

Все, что ты говоришь мне о Татищеве, очень меня огорчает. Я все это себе представлял, но твоя уверенность, кою ты мне сообщаешь, бесконечно меня огорчает: он заслуживал лучшей участи. Вот следствия глупой женитьбы. Когда она его разорит, то верно бросит[138]. Павел Гагарин здесь, его жена также, они живут раздельно, хотя и в одном доме. Не хочу ни обвинять, ни оправдывать никого, но нахожу довольно смешным, что она танцует мазурки на всех балах, куда он приходит поплакать в уголке. Они не должны показываться, ни один, ни другой, в таком положении. Она по крайней мере неосторожна и бесчувственна, если не виновата; что до него, я его считаю сумасшедшим. Отъезд Фрейганга из Вены – отличная новость для всех тех, коих он посещал, но твой отъезд был бы еще лучшей новостью, не для венцев, но для нас.

Жизнь моя, милый мой, очень однообразна. Утром я, бывает, хожу к генералу. Я еще только два раза с ним работал; он с нами всегда очень любезен. Обедаю я почти всегда у Марицы, если не у Н.Гагарина, но никогда дома. Вечером я дома, когда никуда не зван; около 10 часов хожу обыкновенно играть в бильярд в Английский клуб.

Не могу тебе сказать, как я был поражен несчастием, постигшим графа Разумовского. Это несчастье для Вены, ибо город теряет свое величайшее украшение. Это, несомненно, – увы, это *был,* несомненно, красивейший дом в Европе. Многие короли живут не так хорошо, как граф; я могу это сказать, ибо был во дворце короля Сардинского в Кальяри. Не могу тебе сказать, как были поражены все, кому сообщил я эту печальную весть. Только и разговоров в городе, что об этом. Князь Михаил Голицын, да и все, кто был в Вене, сильно опечалены. Бедный граф, – воображаю, что должен он испытывать.

Между тем австрийский «Консерватор» говорит о потере только части здания. Я верю более твоим печальным подробностям насчет этого несчастья. У нас бы отстояли. Для этого московская полиция первая в свете, но ваши немцы тяжелы на подъем: как встать ночью, вдруг одеться, ехать на пожар! Им надобно час собираться, и если и заливают, то не дом, а людей. Маша сообщает мне, что ты более убежден в превосходстве

венских пожарных, нежели дом князя Андрея. Тебя на этом пожаре обрызгали.

Константин. Вена, 12 января 1815 года

Да вознаградит Бог добрых людей, кои нас не оставили! Посвящаю им вечную мою признательность. Они были справедливы. Вот увидишь, мой любезный друг, что после уплаты долгов нам что-нибудь да останется; а даже ежели не останется ничего, то, по крайней мере, все те, кто доверяли лучшему из людей, уже не пострадают, а это для меня наиглавнейшее благо. Спасибо доброй нашей тетушке! Любопытно мне теперь прочитать первое письмо, какое получишь ты от Алексеева. О том, как дело наше обернулось, я покамест говорил только с Шредером и Воронцовым. Я не мог от них сие утаить, это было бы преступлением против дружбы.

Александр. Москва, 18 января 1815 года

Марица гораздо веселее теперь, а если поспеет портрет, то совсем будет умна. Она, верно, тебе описывает Тормасова бал 13-го числа, на который, хотя с трудом, но уговорили мы ее ехать. Мы отличились с нею в экосезе и кадрили. Празднество было прекраснейшее и блистательное.

Александр. Москва, 21 января 1815 года

Я все надеюсь на ответ Поццо; тем лучше, если напишет он мне из Парижа: письмо его, быть может, будет приправлено брошюрками. Здесь только и обсуждают, только и читают, что сие знаменитое письмо русского офицера лондонскому другу. Все приписывают его Поццо. Говорят о каком-то ответе на сие письмо, весьма незрелом и полном более ругани, нежели рассуждений.

Я получил письмо от князя Юсупова, который рассказывает мне о пожаре в доме графа Андрея; говорит, что все его драгоценности и бриллианты погибли. Ты мне этого не сообщал. Какая потеря! Ах, этот проклятый огонь, сколько народу он убивает, сколько городов сжигает, домов! Но, с другой стороны, сколько он жарит телят, пулярок и проч. и проч. Все уравновешено; но каким бы гурманом я ни был, я во всю свою жизнь обошелся бы без жаркого, ежели б могло это спасти дом графа.

Константин. Вена, 25 января 1815 года

Мы послали намедни графу Ростопчину малый крест Леопольда для его сына. Ты мне говорил некогда, что отец сего желал, так что полагаю, это доставит ему удовольствие.

У Генриетты нет детей. Она говорит, будто были у нее неудачные преждевременные роды: сие есть прибежище женщин, коих возраст соделал бесплодными.

Графиня Багратион ведет все такой же чудесный образ жизни. Она многих видит, устраивает праздники. Не понимаю, как устраивает она свои финансовые дела. Она завела себе обыкновение, чудовищное для ее общества: у нее в доме жара, как в оранжерее, и вообрази, что даже летом у нее всегда огонь в камине.

Александр. Москва, 28 января 1815 года

Ты получил, мой милый друг, приятную новость о конце нашего процесса. Тут все уже сделано, добрейший Алексеев устроит остальное с господином Трощинским. Сенаторы все бы кончили и без доклада государю; вот к чему они это сделали: часто бывают с них по старым делам штрафы и денежные взыскания, поэтому для обеспечения себя они представляют решение свое на высочайшую конфирмацию, ибо решение сие не на строгости законов основывается, но на совести, на ясности и неоспоримости предъявленных нами документов, а именно завещание, свидетельство, письма батюшки к Ивану Алексеевичу, тетушкина бумага и проч.

Я не сомневаюсь, мой милый друг, в сочувствии доброго Шредера и милого Ваниши (да простит он мне это имя, коим напоминаются мне его юность, чистосердечие и Неаполь). Здесь все радуются! Меня всюду обнимают, я вижу, что много есть еще честных людей. Это всегда утешительно. Хотел бы я, чтобы кузина вновь обрела здравомыслие, ибо подлинно она до сих пор была как безумная или одержимая. Чего не делает проклятая корысть! Я также думаю, что нам может кое-что остаться. Дом приносил в год около 4000 рублей. Все это разворовано, разумеется; но надобно будет много починить. Придется ехать в имение весною.

Я уже читал твою статью о Даненброге в гамбургской газете. Я сердит несколько на Петерсона, но так почему же я и так жаден до брошюрок? Я их получу с твоим первым письмом, терпение! Лод ер получает множество немецких из Берлина, кои мне передает. Я раздобыл наконец перевод записок Бонапарта. Если это не его, то кого-нибудь, весьма близко знающего все уголки души его. Признаюсь тебе, что я там нашел вещи глубокие и, к несчастью, правдивые. Этот молодец знает людей, но прежде всего знает он французов. Как он им отдает справедливость! Впрочем, много бахвальства, но это его стихия.

Графу[139] дали Аннонсиаду. Это не шутка: это брат Суворова.

Я знаю, что король не дал ордена этого даже маркизу… [так в подлиннике], большому его фавориту, который последовал за ним, как подлинный Пилад, во всех его несчастиях и скитаниях, и коего нежно он любит. Здесь вытаращивают глаза при этом известии и утверждают, что граф сделан будет канцлером. Я же предсказываю, что у тебя будет Лазарь на шее и некоторая другая персона на кресте в бутоньерке. Ладно! Зеленая лента так же хорошо пойдет к красивому цвету лица некоего молодого камергера, с коим ты частенько обжираешься и куришь, и еще чаще играешь в вист.

Марица сказала мне, что ты хвастаешь, будто стал профессором в висте. Я буду все в половину к тебе ходить.

Здесь почти всякий день балы; но я мало выезжаю. Я сожалею только о тех балах, где бывает Марица, принимая в то же время приглашения милой подруги Метаксы. Вот нашла коса на камень! У Корсаковой будет праздник на целый день, прогулка в санях, завтрак, бал и проч. и проч. На здоровье! Это мир наизнанку, она должна была бы взять за пример свою почтенную дочь г-жу Волкову. Но оставим кумушек и возвратимся к честным людям. Фавст[140] строит планы быть сюда весною, он обязательно хочет служить. Можно подумать, что он летающий человек: он мне говорит только о местах в таможне или в удельной; и он кончит, воображаю, тем, что все это захочет. Наш старик на иголках, с тех пор как Кальярки-большой едет в Петербург. К.Д. [то есть Константин Дмитриевич Варлам, тесть К.Я.Булгакова. Кальярки – тоже валашский боярин] все боится опоздать. Зимой для такого путешествия надобно только шесть дней. Маман нетерпеливее его в этом деле. Что до Марицы, у нее одна песня: *твое возвращение.* Я из кожи лезу вон, чтобы развлечь публику. Я делаюсь подлинным дипломатом, я все от нее терплю, ибо я ее люблю и разделяю ее огорчение.

Знаменитый Попандопуло, приехавший из Петербурга, рассказывает о нем чудеса. Он как дикарь, увидевший зеркало первый раз в жизни. Метакса по-прежнему то Демосфен, то Алкивиад, то Нельсон, то Полишинель, то Фоблас, и все мимо. Мы ждем милого Попова, для которого я просил полгода у генерала.

Обнимаю тебя и твой милый причет.

Константин. Вена, 30 января 1815 года

Я был уверен, что несчастье Разумовского тебя огорчит. Его снова перенесли в большой дом, который он не любит. В остальном ему хорошо; сказывают, что он более не думает о своих потерях.

Константин. Вена, 4 февраля 1815 года

Лорд Кэстлри уехал в Лондон. Веллингтон замещает его на Конгрессе. Я привезу тебе с него гравюру, очень похожую. Добрая старая княгиня Прозоровская сильно болела, теперь ей гораздо лучше. Мы за нее было встревожились.

Александр. Москва, 4 февраля 1815 года

Прежде всего, мой милый друг, поскольку ты выхвалял перед графом Нессельроде мою аккуратность, чтобы тебя не опровергнуть, вот ответ на письмо, кое граф поручал мне доставить господину Ключареву. Мы еще не вступили во владение имением, а уже кредиторы начинают радоваться за себя и за нас. Фельдмаршал Пушкин прислал сюда нарочного, чтобы говорить со мною о деле своем. Я отвечал неопределенно, что оно будет удовлетворено в должное время. Как и ты, я тоже думаю, мой милый друг, что не так страшен черт, как его малюют[141].

Константин. Вена, 8 февраля 1815 года

Я получил весьма любезное письмо от госпожи Алексеевой, которая пишет мне о том, как счастливо обернулось наше дело, а Тургенев передает мне через брата своего, что доклад Сената сюда присылать не будут, а представят в Совет, который и решает сии дела в отсутствие императора.

Мы теперь будем иметь здесь спектакли в обществе, позавчера был один у княгини Багратион. Играли довольно хорошо, и мне вспомнились наши давнишние вильненские спектакли. Завтра будет спектакль при дворе. Петерсон споет русскую песню, а княгиня Багратион исполнит русский танец, будут живые картины и разные сцены. Я вчера ужинал у Нессельроде с Александром Львовичем, который все так же шутит, веселится да сыплет каламбурами. Жена его едет на днях в Париж. Княгиня Прозоровская поправляется. Все сему радуются, ибо все ее любят и уважают. Погода здесь такая прекрасная, что утром все гуляли во фраках. В воздухе уже чувствуется весна. Я много хожу пешком, сие мне приносит величайшую пользу, склоны здесь прелестны.

Константин. Вена, 11 февраля 1815 года

Разумовский не потерял ни бриллиантов своих, ни драгоценностей, только счета, и, несмотря на сие, потери его исчисляются в 100 тысяч флоринов, как сказывал мне Кудрявский. Вчера видели мы прелестный спектакль при дворе. Играли разные сцены из многих пьес. Петерсон спела «Чем я тебя

огорчила», княгиня Багратион танцевала русский па-де-де со знаменитой Пальфи. Конец спектакля был особенно прелестен. В глубине виднелся Олимп, составленный из всех здешних красавиц, а перед ним исполняли маленький балет. Сие было поистине прекрасно.

Александр. Москва, 11 февраля 1815 года

Ты мне доставил прекрасную минуту с Федоровыми, мой милый друг. Я видел, как целая семья перешла от уныния к чрезмерной радости. Я был у них сам, я начал с фортуны папы-священника. Это доставило им огромное удовольствие. «Есть в Вене, – сказал я, – внук капеллана». – «Как, – отвечала мадам Федорова, – это Алексей, мой сын! Ах, если бы вы могли поместить его куда-нибудь!» – «Это сделано, – отвечал я. – Император приказал приписать его к миссии в качестве студента». Все от мала до велика запрыгали от радости. «Теперь, – прибавили они, – мы забыли все наши невзгоды, мы забыли наш красивый домик, сожженный французами…» – «Знайте, – продолжал я, – что император, который осыпает своими благодеяниями не только отдельных лиц, но и целые семьи, жалует вам 3000 рублей в возмещение за ваши потери, и вот письмо, коим генералу Тормасову дозволяется выдать вам эту сумму». Тут они не могли выдержать и все залились слезами. Признаюсь тебе, что я был сильно тронут. Если и можно завидовать чему-нибудь на свете, так это счастью делать людей счастливыми. Комната наполнилась благословениями нашему венценосному ангелу. Вот письмо Федорова его тестю.

Ну, брат, Бог милостив! Как мы счастливо отделались! Посуди, что с домом, нанятым Константином Дмитриевичем, едва не случилось то же, что с домом графа Андрея. Давно в зале был неприятный запах, который ничем выкурить не могли, а это не что иное было, как балка, которая давно тлела, быв проведена слишком близко к трубе кухни, которая под домом. А третьего дня у Александра Петровича [Тормасова] меня вызывают; я отвечаю: тотчас.

Минуту спустя адъютант мигает мне, чтобы я вышел скорее. Выхожу. Андрей мне говорит: «Вас спрашивают к Варламам, там несчастие сделалось». – «Что такое?» – «Пожар». – «Дали ли знать полиции?» – «Нет!» Что делать! Впрочем, в таких случаях голову теряешь. Надобно было прежде меня сказать полиции. Посылаю на извозчике в Управу; сам скачу к Ивашкину, в пять минут пожарные были там. Но слава Богу, делать было уже нечего: разбили доски и погасили огонь в самом начале. Зала прилегает к лестнице, в ней токмо один выход; ежели б огонь занялся, то

никто из спавших не спасся бы: это было на рассвете. Признаюсь тебе, что провел довольно бурные полчаса, но слава Богу, мы отделались испугом и теперь смеемся над сим приключением, а приключение это могло бы обойтись в 50 000 рублей старику, который был бы довольно счастлив выпрыгнуть из окошка голышом. Какое счастье, что в зале спал мальчик и был разбужен дымом в ту минуту, когда огонь только занимался. Убытков на 120 рублей, но урок стоит 120 000!!! Впрочем, вина на хозяине дома, который начал бы жаловаться, а я предпочитаю нервную, гнойную, желчную горячку – любому процессу. С трубочистом составлен контракт для проверки и починки всех печек с подпискою, чтобы он отвечал за всякое несчастие от печей.

Константин. Вена, 15 февраля 1815 года

Свой ответ я начинаю просьбою, а именно: не отдавать гравировать мой портрет. Не всем дозволено делать с себя гравюры, оставим это знаменитым и известным людям, а также тем, кто себя таковыми считают. Первые правы, ибо всякий желает их иметь, чтобы составить себе представление о лице их, но мне-то для чего сие может понадобиться? Для моих друзей? У меня их не так много, чтобы я не мог подарить портрета тому из них, кому сие доставило бы удовольствие. Сие точно имело бы вид претензии перейти некоторым образом к потомству, а ты знаешь, милый мой друг, как мало у меня претензий. Так что оставим это. Я хотел было заказать копию Изабе, да у него не нашлось времени; мы сделаем одну для вас, или же, ежели найду тут хорошего художника, закажу снова свой портрет, чтобы доставить тебе удовольствие, но только не делай с него гравюру, прошу тебя.

Записки Бонапарта, кои ты читал, не могут ему принадлежать. Сказывают, что он ими занимается, да еще ничего не вышло.

Александр. Москва, 18 февраля 1815 года

Я пропустил последнюю почту, сопровождая генерала на пожар. Тот огромный и красивый дом Апраксина, который он заново отстроил с такими большими издержками после французов, снова сгорел. Несчастная свеча, забытая в спальне, истребила весь дом. Апраксин только успел выбежать полуодетым ночью. В то же время неслыханные усилия полиции спасли две трети дома с самой ценной мебелью. Я все стоял с Волковым, на которого упал карниз и ушиб ему плечо и ногу. Брокер провалился с целым потолком, его насилу вытащили из-под развалин. Сгоряча он не почувствовал, но вчера ему два раза

кровь пускали, и он лежит. Апраксин принял это довольно философически. «Ну, что скажете? – сказал он мне, глядя на огонь. – Суета сует, генерал!» Ладно, но жестоко испытать это два раза в три года. Убыток оценен в 200 тысяч рублей. Он будет отстраиваться, но обещает не жить более в сем доме. Он его продаст.

Что бедного Апраксина возмутило – это видеть, что перед сгоревшим домом установилось нечто вроде первомайского променада. Дамы являлись поглазеть, как они ходят в театр смотреть, как Ярб сжигает Карфаген. Было две вереницы карет, и внимание полиции принуждено было разделиться между пожаром и любопытными гуляльщиками. Я видел одну совершенно буйную даму, как она опустила передние стекла и кричала кучеру своему: «Что ты, каналья, тут стал; тут ничего не горит, ступай дальше!» Театр был спасен. В первые минуты тревоги побросали декорации в окна, так что видны были великолепный сад и цветы там, где давеча был только снег, но теперь все исправили, и сим вечером уже будет спектакль.

Я тебе сообщил главную новость дня; вернемся к твоему письму, мой милый друг. А ты верил в поездку в Вену? Ба, о сем говорили два дня, а после и речи о сем не было.

Впрочем, я сумел сделать невозможное, чтобы старик не поехал. Это идея домиков, и к тому же неосуществимая во многих отношениях. Марица мне о сем говорила только очень поверхностно. Может быть, то был проект Метаксы, который захотел повидать друга своего Мазаровича. Граф Ростопчин пишет мне, что получил крест Леопольда для сына своего. Мне было досадно, что я не мог первым объявить ему эту новость. Балы тут не иссякают, но я никуда не хожу. В воскресенье мы, однако же, попрыгаем у Чижика, а во вторник пойдем в Собрание. Тетушка третьего дня обедала у наших; она там допоздна засиделась, и у всех нас было отличное настроение. Это единственная особа, с коей Марица по-русски говорит, и уверяю тебя, что у нее неплохо выходит.

Ты знаешь, что бедный И.П.Архаров умер. Говорят, что это следствие панического страха: он видел привидение, объявившее ему, что ему осталось только три дня жить; он в самом деле на третий день умер.

Константин. Вена, 25 февраля 1815 года

Третьего дня наша императрица нас покинула. О ней будут много сожалеть здесь, она сумела покорить все сердца. Сегодня прибыл Васильчиков, иначе говоря – старший; он постарел и разжирел и заявляет, будто и я стал таков же. Мы оба, верно,

правы.

Александр. Москва, 25 февраля 1815 года

Я тебе уже послал ответ Ключарева на письмо графа Нессельроде. Здесь говорят, что Рунич с почты станет губернатором в Калуге. Тем лучше, ежели это по той причине, коей мы желаем.

Чай был рекомендован Волковым. Метаксе, коего зовем мы *ванючка*, было поручено его пить. Не знаю, ему ли или купцу не заплатили; во всяком случае, я ему вернул после твоего разрешения 92 рубля за чай. Ванючка много проиграл в карты. Я предвижу минуту, когда он исчезнет. В один прекрасный день мы не узнаем, что с ним сталось. Этот человек здесь проездом на неделю. Вот уже пять лет, как он разлучен с женою, с детьми. Зачем? Что он делает? Чем он живет? Все это похоже на дурной роман, и потом, все эти смешные влюбленности, эта манера выставлять женщин напоказ, эта шокирующая фамильярность, – все это мне очень не нравится. Впрочем, все это его дела, а не мои. Тем хуже для него и для тех, кого он дурачит, но число их сильно уменьшается.

Александр. Москва, 8 марта 1815 года

Письмо Северина передано г-ну Дмитриеву, который сию минуту подтвердил мне получение его в собственные руки. Я написал Мишо, прося его прислать мне брошюрки тотчас по прочтении. Я купил здесь сочинение весьма полезное и интересное: это официальный сборник Шоэля. Я от тебя получил только восемь парижских тетрадей. Весь труд теперь составляет 18 тетрадок, в них очень удобно заглядывать при необходимости. Благодарю тебя, что исполнил поручение Лодера, который доставляет мне очень интересное чтение. Если есть средство, привези еще струны, кои он у меня просил. Передай от меня тысячу учтивостей Петерсону. Как его здоровье, которое даже в Неаполе было неважным? Спроси у него, помнит ли он еще принцессу Гессенскую, незабвенной памяти. Пора уже ему сделать, как я, и перестать быть первостатейным обжорой: я уж не ем, как прежде.

Константин. Вена, 10 марта 1815 года

На этой неделе я исполняю свои религиозные обязанности. У нас молитва два раза в день, а после сего в 5 часов мы обедаем у князя Петра Волконского, где постятся. Моя совесть не вполне покойна в этом отношении, ибо пост сей столь восхитителен, и едят там рыбу, чего моя тетка мне так ни за что не простила бы.

Однако же невозможно было бы устроить иначе в Вене, где и понятия не имеют о нашем посте. Бог простит нам это послабление. Император, великие княгини и частью свита исполняют свои религиозные обязанности, а его величество не пропускает ни одной службы.

Константин. Вена, 18 марта 1815 года

Конгресс окончится, но ужасный Бонапарт вновь вышел на сцену и опять пытается смутить всеобщий покой.

Сие ему не удастся, но покамест более чем вероятно, что сие отсрочит возвращение всякого на родину. Не могу ничего сказать тебе о себе, ибо мне неизвестно, что со мною станется; через несколько дней, верно, смогу сообщить тебе что-нибудь более положительное по сему поводу, а покамест оставь Маше надежду на скорое мое возвращение. Ежели этого не случится так скоро, как я того желаю, то по крайней мере мы избавим ее от нескольких лишних дней огорчения. Ты прочитаешь в газетах о том, что случилось во Франции; но кто поверил бы, что злодей вновь найдет себе приверженцев во Франции, что маршалы переметнутся на его сторону и что армия выкажет ему преданность, а в то же время все сие истинная правда. Они забыли своего доброго короля, чтобы служить разбойнику; предпочли волнения и гражданскую войну тишине и спокойствию. Какой народ! Вот он уже и в Париже. Я видел народ сей и слышал, как все проклинали Бонапарта, и теперь не могу опомниться. Тем хуже для них, никто их уже не пожалеет, они накликают бесчисленные бедствия на свою несчастную страну.

Александр. Москва, 22 марта 1815 года

Волков уже написал с дороги[142]. Злополучный Метакса предложил ему план учреждения публичных игр. Ты подумаешь, что речь идет об олимпийских играх, как бы не так! Наш грек говорит о картах фараона, он хочет натурально, чтобы сделали новое министерство. Кто станет министром? Нетрудно догадаться. Кто оплатит расходы? Одураченные. Кто должен выиграть? Казна, как он утверждает. Побывав Фобласом и Ловеласом в 50 лет, он теперь Лоу, но все это окончится так же, как злополучная система, – банкротством, ибо он много проигрывает.

Ну, брат, с деревней кончено. Я ее купил после долгих прений за 38 000 рублей; все ценят ее в 50 000. Когда будешь сюда, увидишь; если понравится, то возьми себе. Местоположение незавидно только, но, что бы ни было, я свое Смердино ни на что не променяю. Мужики там очень зажиточны и славные люди.

Теперь у меня мания построить дом в Москве по моему плану. Куплю какое-нибудь погорелое место подешевле, да и ну строить. Нет ничего неприятнее переездов: все мебели портятся, и рискуешь остаться под открытым небом.

Константин 23 марта 1815 года

Наш старый товарищ Бутягин прибыл из Парижа, где он оставался поверенным в делах с тех пор, как оттуда уехал Поццо. Он видел въезд Наполеона, и его рассказы совершенно противоречат тому, что читаем мы во французских газетах. Париж уныл и мрачен, полиция раздает деньги, чтобы кричали «Да здравствует император!», но даже и по усталым голосам кричальщиков легко догадаться, что они только наемные крикуны. За него одни солдаты, а все торговцы, собственники, ремесленники думают и о воинской повинности, и об упразднении торговли, и о новых налогах, ибо денег у него нет: король, оставляя Париж, повелел вывезти не только казну, в которой более трехсот миллионов, но и сокровища, драгоценности и даже корону. Бонапарт послал три полка, чтобы захватить все это, но напрасно, так что теперь ему нечем платить своей армии, и я спрашиваю себя, не станет ли она более требовательной. Прежде он сам вершил судьбу своих офицеров, маршалов, а теперь маршалы армии поставили его на ноги. Он мало показывается, устраивает смотры своей гвардии во дворе Тюильри, все подъезды к коему перекрыты. Сказывают, что, однако же, многие маршалы последовали и за королем: Мармон, Бертье, Макдональд. Южные провинции за короля, дух там очень высок, и гражданская война фактически началась. Вот, любезный мой друг, что рассказал мне Бутягин.

Константин. Вена, 29 марта 1815 года

Благодарю тебя за то, что с точностью передал Дмитриеву письмо от Северина. Он очень приятный молодой человек. Досадно мне, что он в Мадриде, где ему негде развернуть свои таланты. Я с ним подружился в Лондоне и могу только повторить тебе, что он во всех отношениях милый молодой человек. Я недавно получил от него письмо, он слезно просит об отъезде: ему недостает его жалованья, поскольку Мадрид очень дорог. У меня для тебя есть несколько брошюр, я их тебе пошлю с Каменским. Вчера видел я генерала Гогеласа, который прибыл из Парижа, уехав оттуда через несколько дней после прибытия Наполеона. Ты, верно, его знаешь, он прежде был моим постоянным соседом у Менье. Он человек хладнокровный и не пустозвон. Он сообщил мне некоторые подробности, которые

доказывают, что дела Ринальдо Ринальдини вовсе не так хороши, как о том говорится во французских газетах. Все недовольны, а особенно торговцы и собственники. Они было начали благоденствовать, торговля расцветала, и тут этот злодей вновь явился ввергнуть их в ужасы разделений и войны. Несдобровать ему, и ему не удастся во второй раз возмутить всеобщий покой.

Александр. Москва, 29 марта 1815 года

Здесь только и разговоров, что о господине Бонапарте. Все спорят, обсуждают, парируют. Здравомыслящие люди предрекают ему конец Пугачева. Он совершенно ему делается подобен. Не думаю, чтобы событие это задержало тебя в Вене, хотя Иван Алексеевич передает мне сии слова: «Августина Васильевна[143] получила семена от милого Константина Яковлевича, который, кажется, останется еще в Вене по случаю бегства Эльбского колодника». Граф мне пишет, что в лице Тургенева мы имеем неутомимый суд присяжных.

Лодер просит тебя напомнить о нем барону Гумбольдту, коего он много знавал прежде.

Константин. Вена, 31 марта 1815 года

Мои письма проходят через руки вашего почт-директора, а мне не хотелось бы, чтобы он знал прежде срока то, что могло бы его самым непосредственным образом заинтересовать.

Еще за некоторое время до появления Бонапарта, когда готовился отъезд императора, а нам должно было оставаться тут еще несколько дней для выработки трактата, Нессельроде говорил обо мне с императором и просил для меня места московского почт-директора. Император отвечал ему таким образом и в таких выражениях, кои хорошо мне показывают, как он ко мне добр. Он сказал, что и сам весьма того желал бы, и изволил сопроводить сие уверение выражениями благосклонности, кои доставили величайшее удовольствие Нессельроде. И прибавил: «Вы хорошо понимаете, что я не могу устроить это тут, а только по возвращении моем в Санкт-Петербург, ибо мне не хотелось бы совершить слишком явной несправедливости, не зная тех, кои могут претендовать на сие место; однако же повторяю вам и передайте Булгакову, что желаю дать сие место ему». Нессельроде просил у него дозволения напомнить ему о сем предмете в Санкт-Петербурге. «Я не только вам сие дозволяю, – отвечал наш ангельский государь, – но даже приказываю сделать это тотчас по нашем прибытии». Вот, мой любезный друг, каковы мои чаяния. Не такое это место, чтобы иметь протекции, ибо относится к разряду мест обыкновенных, но

это место доверенное, и поскольку император желает, чтобы я получил его, разве кто его у меня оспорит? Я опасался, нет ли у императора кого, кому он его уже обещал, или не наметил ли он кого туда, но на сей счет я покоен: он бы тотчас мне отказал. А ежели, при всей невозможности, у меня его сумеют отобрать, то обещание государя даст мне право на место равнозначное, и в любом случае не останусь я без хорошего места. А покамест договорились мы с Нессельроде держать сие в секрете, дабы не возбудить внимания тех, кто доискивается места сего и коих число должно быть велико. Так что прошу тебя, мой любезный друг, держать сие в величайшем секрете.

Все так устраивалось, и тут проклятый Наполеон вновь явился во Францию. Все решения пришлось переменить. Вновь собирается война, отовсюду подтягиваются армии. Веллингтон уже отбыл командовать правым флангом, у него под началом будет 120 тысяч пруссаков и 40 тысяч англичан. Поццо при нем. Все готовятся к этой ужасной битве, в которой все за нас. Неизвестно, возвратится ли император в Россию в такую минуту. Я не вижу такой возможности, ибо в делах теперь надобна величайшая быстрота, чтобы не дать чудовищу возможности собрать большую армию. Южные провинции за короля, весь народ за него, но он позволяет армии руководить собою. Ежели разрушить армию, все будет кончено для разбойника, а ты хорошо понимаешь, насколько теперь необходимо присутствие императора, который стал душой нового альянса. Без него не были бы мы в Париже в первый раз, без него кто поручится за успех ныне? Когда во Францию вступят 700 тысяч человек, я не поручусь, что она сама не избавится от своего тирана; но надобно действовать, и мы действуем энергично. В Италии уже начались боевые действия между австрийцами и неаполитанцами. Уже было небольшое дело, где первые одержали победу. Генерал Филангьери был взят в плен либо убит, четыре пушки и несколько сотен пленных стали результатом сего первого удара. Австрийцы подтягиваются для нападения; Бианчи и Фримон – люди решительные, и надобно надеяться, что скоро Мюрат будет наказан по заслугам и без всякой пользы для беглеца с острова Эльбы.

Самое совершенное единение царит между государями-союзниками. Испанцы, португальцы – все хороши, и со всеми внутренними возмущениями во Франции Бонапарту будет трудно справиться. Но что же за народ такой эти французы! Не будем о них говорить, это стыд человечеству. Для них нет ничего святого, их клятвы ничтожны, и Ней отлично показал, до какой степени можно дойти в бесчестности, ибо, прежде чем встать под знамена

Наполеона, он пришел сказать королю, что будет верен ему и одно только его тревожит – не хочет оставлять долги свои жене и детям. Король дает ему миллион, он бросается на колени, целует ему руки, плачет и уходит, – чтобы предать его и сделать воззвание, которое навеки его опозорит. И так поступает маршал, человек, коему доверяет король. Это поистине неслыханно. Но их ждет кара небесная! Вот, мой любезный друг, каково общее положение вещей. Ты понимаешь, в какое затруднение поставила меня эта ужасная история. Я не знал, какое принять решение. Война может окончиться через несколько месяцев, но может затянуться на год и более. Могу ли я, по совести, не делать всего, что от меня зависит, и не принимать участия в кампании?

Признаюсь тебе, мой любезный друг, что мне нелегко предпринимать шаги, но у меня есть жена, и мое отсутствие и без того уже проклинают. Вот на что я решился. Будут говорить о сем с императором, изложат ему мое положение, оно, впрочем, ему известно, и, верно, он не осудит меня за недостаток усердия послужить ему. Но я смогу сделать это в другом месте. Упросят его пожаловать мне то место, кое он соблаговолил мне обещать, теперь, коль скоро обстоятельства переменились и возвращение его в Россию так скоро не состоится, и ежели император согласится, мы скоро увидимся; ну а ежели нет, то я не могу настаивать, ибо ему сообщат и то, что без места не могу я возвращаться в Россию ждать его возвращения. Ежели император пожалует меня этой милостью, то я буду совершенно счастлив; ну а ежели он мне откажет, я не возропщу и покорюсь, даже если война затянется. Положение мое будет куда более тяжелым, но совесть моя будет покойна. Кто сможет обвинить меня, когда мне приходится терпеть и когда я все сделал, что от меня зависит, чтобы воротиться? Я не могу больше думать о Маше без стеснения в сердце, но я не господин моей участи.

До получения мною ответа молчи, мой любезный друг, обо всем, что я сказал тебе, и вообще сохрани это для себя и нашей милой Наташи. Ежели Небо благословит мои усилия, мы будем очень довольны.

Константин. Вена, 1 апреля 1815 года

Надобно мне сообщить тебе дневные известия, прибывшие с нашею почтою из Швейцарии. Юг Франции охвачен всеобщим возмущением. Было даже два боя между роялистами и корсиканскими войсками, с преимуществом первых, кои завладели Балансом. Массена, говорят, арестован в Марселе; Тулон неподвластен Наполеону, и роялисты идут на Лион. Сообщение между этим городом и Парижем ненадежное до такой

степени, что парижские негоцианты не дают и не принимают векселей для Лиона. Декларация союзнических держав произвела в Париже большое впечатление, и там начинают проявлять недовольство автором этой новой войны. Ему досаждают и новые приспешники, коими вынужден он был окружить себя и кои пытаются им руководить. Все сие совершенно естественно: прежде он делал маршалов, а теперь они вновь поставили его на ноги, и они требовательны. Он подготовил список из 24 изгнанников, но не решился подписать его, его окружение тому воспротивилось. Даже Монитор пишет о возмущениях на юге. Несмотря на то, что постарались облечь известия из тех краев в звонкие фразы, истина сквозь них проглядывает.

Другие новости уверяют, что англичане послали и продолжают посылать оружие и припасы в Вандею. Все это наделает хлопот Наполеону. В городе сказывали, что в Париже было большое возмущение, оттого что Корсиканец расквартировал свои войска среди населения, чего даже мы не делали во время пребывания нашего в сей столице. Народ отправился к Тюильри, возмущаясь сей мерой, и говорят, будто он приказал стрелять из пушек по толпе. Положительно известно, что два полка стали лагерем в саду Тюильри и подъездные пути все перекрыты, как в крепости. Если бы французы сами свершили суд над этим человеком и не было бы войны, вот было бы хорошо. А покамест все эти известия из Франции не приостанавливают расположения держав, и войска продвигаются вперед. Наполеон послал генерала Флао с письмами в Вену, но король Вюртембергский заставил его воротиться назад. Не хотят ничего получать от этого чудовища.

Ежели это Александр Бенкендорф был в Москве и теперь управляет в Витебске, он, верно, присмотрит за нашими имениями, ибо он из близких моих друзей. Думаю, что обстоятельства все же вынудили его переменить место назначения. Не такой он человек, чтобы в военное время дали ему отдыхать.

Константин. Вена, 2 апреля 1815 года

Козловский отбывает на свой пост в Турин и дал нам прощальный ужин. Я не ел, потому что никогда не ужинаю, но провел приятный вечер, болтая с Лагарпом, который оказался моим соседом. Я пешком вернулся по валу, ночь была чудесная, и я не захотел лечь спать, не пожелав тебе доброго вечера, мой лучший друг. Сказывают, что Разумовский будет сопровождать императора, но с титулом ли канцлера, мне неизвестно. Знаю, что он покупает лошадей и готовит свои экипажи. Хотелось бы мне

очень, чтобы стал он канцлером, он порядочный человек, благомыслящий и может сделать много добра. Мы с ним всегда ладим, но, поскольку он очень занят, я редко к нему хожу. Несколько министерских назначений уже готовы. Не надобно о сем говорить, ибо они еще не вышли, и указы покамест не подписаны. Хитров поедет во Флоренцию, Балк – в Лиссабон, Пален – в Мюнхен, Хаников – в Ганновер, Мальтиц – в Карлсруэ. Будут назначения и в консульства, и у меня есть надежда поместить беднягу Юлинаца генеральным консулом в Ливорно на место Гейдеке, коего переведут в Гамбург.

Ежели я уеду, Шредер не хочет ни за что оставаться, несмотря на все мои старания его убедить. Он утомился этой бродячей жизнью, но ежели я останусь, то не хочет меня оставлять; в этом отношении я совершенно счастлив: оба моих товарища меня очень любят, и между нами такое согласие, какое редко можно найти в канцелярии. Я не знаю, кто придет на мое место, ежели я уеду. Шредер непоколебим; я его ругаю, но он держится и ожидает только решения моей участи, чтобы принять собственное решение. Ему хотелось быть секретарем в Мюнхене у Палена. Это хорошее место, покойное, тем он и ограничивает свои притязания. Я хочу взять Шписа на место Каменского, но все выжидаю, не зная и того, что станется со мною. Полетика уже покинул Мадрид, но одному Богу известно, какой дорогою он направился; не имея более возможности ехать через Францию, он, верно, где-нибудь сядет на корабль. Хотел бы я видеть его здесь и на моем месте.

Нессельроде делает все, чтобы убедить меня остаться, но входит в мое положение и, верно, с усердием услужит мне. Он по-прежнему так же дружески ко мне расположен. Признаюсь тебе, что дорого мне будет стоить расстаться с ним, с товарищами моими и с Генеральным штабом, где все выказывают мне одну дружбу, но сердце мое влечется к Москве, и только там я буду покоен и счастлив. Несомненно и то, что я смог бы добиться некоторых преимуществ, поучаствовав в этой кампании, но мысль о новой разлуке с тобою и с моей женой неизвестно на какое время пугает меня. У меня нет честолюбия, и еще одна лишняя лента меня не прельщает.

Константин. Вена, 3 апреля 1815 года

Киселеву прислали из Лондона несколько карикатур. Я ему сказал, что у тебя их целая коллекция, мой любезный друг, и он их мне подарил, чтобы я их тебе послал от его имени. На двух из этих гравюр ты узнаешь Козловского. Рядом пожелали изобразить графиню Ливен. Козловский очень горд на свой счет, говоря, что

сие есть отличие; но сие положительно доказательство того, что он привлек внимание публики, а в Лондоне и сам король не имеет защиты от такого рода отличий. Я уже видывал карикатуры сии в Лондоне, но их там было столько и таких смешных, что выбор был затруднителен, а купить их все стоило бы более тысячи фунтов стерлингов. Каменский еще не едет, он хочет получить прусский крест, и по праву; и я надеюсь, что он его получит, ибо прусский канцлер обещал поговорить о сем с королем и сказал, что в успехе не сомневается. Шпис также его получит по этому случаю. Каменский весь светится от своего счастья[144] и нещадно меня погоняет, чтобы ускорить свой отъезд. Александр Гурьев, который должен теперь быть в Москве, тоже получил дозволение жениться, и Каменский как раз и понесет сие известие. Ты можешь позволить себе удовольствие объявить ему о том, равно как и о родах сестры его.

Больше никаких новостей, не считая того, что мы знаем о юге Франции. В газетах ты прочитаешь, что австрийцы провозгласили королевство Ломбардию; они давно должны были сие сделать, но лучше поздно, чем никогда. Безумство Наполеона произвело пагубное впечатление на курсы обмена тут: дукаты стали уже в 22 флорина, а вчера были в 19 с половиною. Курс постоянно меняется, и всякое новое известие его повышает или понижает, но нигде ажиотаж не доходил до такой степени, как тут. Все, соответственно, растет в цене, и мы на себе это чувствуем. Признаюсь тебе, что не знаю, как выкручусь. Брат Тургенева чувствует себя совсем хорошо, но не решил еще, что ему делать. Штейн предлагает ему должность в этой кампании, и думаю, что он в конце концов согласится; это лучшее, что он может сделать.

Константин. Вена, 4 апреля 1815 года

Каменский не получил еще своего Орла, а он хочет воротиться в Москву Юпитером, так что сегодня он еще не едет. У нас воскресенье, я был на обедне и пойду обедать к Пратеру. Князь Петр Волконский дает нам обед, который, верно, будет хорош; жаль только, что погода совсем не хороша и портит нам планы прогулки.

Константин. Вена, 5 апреля 1815 года

Вчера пришли известия, но чересчур они хороши, чтобы я поверил полностью в их правдивость. Это письмо из Лиона от 7 апреля, в коем говорится: армия Юга насчитывает уже от 120 до 150 тысяч человек. Есть несколько испанцев; она движется тремя колоннами на Пюи, Гренобль и Лион. Авангард уже во Вьене, готовятся оборонять Лион, город объявлен на осадном

положении. Массена был расстрелян 24 марта в 4 часа после полудня. Силы Наполеона на юге насчитывают до 8000 человек и также движутся тремя колоннами; полагают, что вышедшие из Гренобля войска уже не смогут туда вернуться. В письмах из Женевы пишут, что во всякую минуту ждут известия о входе роялистов в Лион и Гренобль. Впрочем, все это довольно хорошо согласуется с другими известиями. Монитор объявляет об отбытии пяти полков в Лион, что доказывает, что там неспокойно. Да и возмущение на юге принимает оборот все более серьезный. Хорошо, если бы они сами его укокошили! День отъезда императора еще неизвестен, но он не может долее откладываться. Как я был бы счастлив, если бы смог устроить свое дело! Мысль о кампании наводит на меня страх, как подумаю о тратах, кои надобно произвести, и как долго сие будет продолжаться.

Александр. Москва, 12 апреля 1815 года

Да исполнятся уста наши хваления Твоего, Господи! Ну, брат, ура! ура! ура! Настал конец нашим страданиям: дело приведено к совершенному окончанию в общем собрании Государственного совета. О радости сей извещают меня Волков, Тургенев и граф Федор Васильевич письмами. 6-го апреля накануне дело единогласно было утверждено всеми членами. Переписываю тебе слово в слово то, что сообщает мне об этом граф:

«Ура, мой милый Александр Яковлевич! Подобно согласно настроенной арфе, Совет, без единой струны, фальшиво звучащей, вынес решение по вашему процессу сообразно мнению Сената московского и Комитета. Все имение – ваше, и вы обязуетесь только уплатить задолженности по налогам (если они есть) за время процесса. Вы будете удивлены, что посреди двадцати с лишком лиц нашелся один голос, захотевший предложить ничего не решать, поскольку император отказался дать свое одобрение в первый раз, отослав все дело в суды. Голос сей не был услышан, и я взял на себя труд, как сосед его, урезонить его. И скажу вам по секрету, что это – князь Дмитрий Лобанов; но теперь, когда фельдмаршал Салтыков подписал журнал, решение Совета будет послано в управление, в ведении которого состоят имения, чтобы ввести вас во владение оными».

Я ходил обедать к нашим, когда ординарец принес мне письмо графа. Мы все плакали от радости. Я расцеловал Марицу, как если бы она была ты, и мы пили за твое здоровье. Никогда не забуду сей чудесный день =11 апреля. Ах, милый мой, милый мой, сколько испытаний пришлось претерпеть, сколько страданий, сколько беспокойств! Слава и салют нашим дорогим здешним сенаторам: это их работа. Я радуюсь, что не напрасно

сделал некоторые маленькие траты для подчиненных сенатских. Новость сия будет громом среди ясного неба для кузины, которую поеду повидать на Пасху. Надобно поцеловать ее, похристосоваться и помириться.

Добрая тетушка на седьмом небе; она утверждает, что сыграла тут некоторую роль. «Это все сделала моя бумага, и сенаторы говорят, что без меня не было бы ничего». Я оставляю добрую тетушку при ее вере, которая, к тому же, частью весьма справедлива. Чижик говорит, что мы будем богачи; уж не завидно ли стало? Будет работенка для нас, но все это будут уже только розы, с шипами мы расправились.

Пусть себе Вольтер говорит: кто хорошо служит стране своей, не нуждается в предках! У Вольтера, верно, не было батюшки, как Яков Иванович, который способствовал блеску царствования Екатерины Великой; не было у него дедушки, как Иван Михайлович, коего отличал и почитал Петр Великий! Такие предки стоят больше, чем выигранные битвы. Прекрасно принадлежать им, уметь признавать их, и этого-то и хотела лишить нас милая кузина.

Александр. Москва, 20 апреля 1815 года

Каменский доехал с удивительной быстротою в 12 дней. Смотри, на что способен самый флегматичный человек, когда влюблен. Прибыл он в поздний час; он мне прислал все пакеты, извинившись, что не пришел сам. Коляска его, всегда хорошо державшаяся, разбилась в 80 верстах отсюда, и он доехал на перекладных.

Дай Бог, чтобы надежды наши сбылись поскорее, но если для достижения *желанной цели* понадобится еще потерять время и продлить сию жестокую разлуку, заклинаю тебя во имя нашей дружбы не колебаться ни мгновения и принести самые милые сердцу твоему интересы в жертву твоему долгу и тому, кому обязан ты милостями, коими император осыпает тебя на протяжении двух лет. Оставайся там, где ты есть, продолжай. Будь уверен, что ни один честный человек тебя не осудит.

Александр. Москва, 21 апреля 1815 года

Я был у Каменского. Он превозносит тебя до небес. Он подлинно проникнут признательностью тебе за все, что ты для него сделал. Он собирается жениться на сущем ребенке. Не знаю, есть ли ей 15 лет, но ее торопят замуж, ибо, так как нет у нее имени, не может она сделать раздел со старшей сестрою, которая замужем за Загряжским (косым), служившим в Архиве. У нее имение, но надобно сильно постараться, чтобы извлекать из него

10 тысяч рублей дохода, хотя даже и половины довольно будет для него, так как у него почти ничего нет.

Я отвел его этим утром к Тормасову. Каменский либо очень невежествен, нелюбознателен, либо сдержан (видно, что у тебя служил), даже с генералом, ибо не мог сообщить ему никаких известий, какие ты мне сообщаешь и кои можно найти, впрочем, в «Beobachter».

Можно парировать, что война эта будет недолгой. Не знаю, какую прелесть найдут французы в том, чтобы биться за удаление доброго короля и укрепление человека, признанного вселенским бедствием. Если еще драться меж собою и бороться против всей соединенной Европы, разбойник не сумеет превратить эту войну в национальную. Этого не случилось, когда союзники шли в прошлом году на Париж. Почему бы Бонапарт мог сделаться французам дороже теперь, когда он покрыт ненавистью, презрением и осуждением? В прошлом году, по крайней мере, на его стороне были сила и слишком громкая слава, которая, несмотря и на Лейпцигскую битву, не вполне разрушилась и потом, без пушек, без кавалерии, без денег; у него будет *пушечное мясо*, изменники и торжественные речи, но когда дойдут до пожертвований, до сего подлинного краеугольного камня, тогда увидим, как французы развяжут свои кошельки и докуда дойдет их любовь к их голубчику. Но тебе только и говорить обо всем этом. Тебе, я полагаю, уже все уши прожужжали. Довольно и того, что мы политикуем как бешеные с Александром Гурьевым, который на седьмом небе от счастливого разрешения его сестры[145]. Я бы устроил себе праздник, сообщив ему это доброе известие, прежде чем он узнает о сем из письма графа Нессельроде.

Поскольку король Фердинанд – это моя мания, я в восхищении от того, что Мюрат сбросил маску и что война с Австрией началась. Этого болвана, который тоже корчит из себя маленького Бонапарта, скоро прикончат. 10 тысяч русских, высадившихся в Неаполе в то время, как король Лазарони устремился в Тоскану, завершат всю эту фарсу за месяц, и король Иоаким отправится вместе с Иосифом, Жеромом, Луи и проч. на карнавал в Венецию. Ай да Ней! Он всех превзошел.

Господин Метакса является иногда жаловаться на старика, то есть меня жалобить; но хитрый грек терпит неудачу. Не знаю, оттого ли это, что у меня была кормилица-гречанка, но ему не удается меня провести. Это человек тем более опасный, что он обвораживает. Он чудовищно меня боится, ибо порой я бываю чрезмерно откровенен; так что открытого свинства он не сделает, но кто знает его темные дела и задние мысли? Тот, кто более

подл, всегда и одерживает верх при старике, и признаюсь, что в борьбе сего рода Метакса всегда одержит верх надо мною. Сколько труда надобно было доказать старику, что Вакарески делают глупость, отправляясь в Петербург; несмотря на мои настояния, он написал, чтобы ему наняли квартиру в Петербурге. Теперь он первый насмехается над Кальярки, который тратит деньги свои на пустяки, а возвращение императора все так же не решено. Наконец я доказываю Константину Дмитриевичу, что мои мнения всегда диктовались искренней дружбою, лишенной какой бы то ни было частной корысти; он это чувствует, знает, обнимает меня, и все оканчивается поцелуями.

Метакса сказал мне, что у него не будет дохода за весь этот год и что не на что рассчитывать, кроме как на деньги, кои должен ему Милорадович и другие генералы, коим он беспрестанно пишет, и все напрасно. Бахметев единственный все ему аккуратно выплатил. Боюсь, как бы он не покусился на твои капиталы, но я тебе уже сказал, какие я взял меры, чтобы украсить все это, его не обидев.

Ты говоришь мне об отъезде Козловского в Турин. Если не устроит он дело с моим крестом (я был настолько глуп, черт возьми, что не взял его у Лизакевича в Кальяри), я сделаю карикатуру, гораздо более злую, *широты* России[146].

Константин. Вена, 28 апреля 1815 года

Дело моей тетушки окончено, и даже лучше, чем она могла того желать. Я говорил тебе, что писал по этому поводу для Нессельроде сопроводительное письмо к ее прошению. Я просил сложить его к ногам императора вместе с делом об аренде и умолял, чтобы его величество пожаловал ей 5000 рублей на устройство ее дел. Император тотчас ответил положительно на первый пункт, а по второму заметил, что она не имеет положительного права на денежное вознаграждение, помимо того, коим обладают и иные московские жители, относящиеся к той же категории, но что он пожалует эти деньги из милости ко мне. Наконец все устроилось, приказы отправлены министру финансов, а я написал другу Тургеневу получить деньги и послать их тебе, чтобы ты передал их моей доброй тетушке. Как будет счастлива эта добрая старушка, но все не так, как я, – оттого что смог оказаться ей полезен. Договоритесь с Машей, чтобы сделать ей сюрприз, никто этого не ожидает так, как ты с твоим добрым сердцем. После первых радостей надобно ей будет связаться с господином Гурьевым, дабы завершить это большое дело. Кажется, хорошо поручить это Алексееву либо нашему доброму Тургеневу. Вот так, благодаря Богу и нашему

ангельскому государю, и устроилась ее покойная жизнь до конца ее дней. Прилагаю письмо для нее. Уже слышу отсюда ее радостные восклицания. В приказе министру финансов сказано, что император жалует 5000 рублей именно мне, но его величество оставляет за мной право употребить их в пользу моей доброй тетушки. Ты найдешь тут также приложенное письмо для нее от Нессельроде.

Константин. Вена, 2 мая 1815 года

Как описать тебе, что испытал я, читая о счастливом окончании нашего процесса? Признаюсь тебе, что тяжкое бремя спало с сердца моего, сдавленного уже многие годы. Не иначе как свыше был положен сему конец и услышаны молитвы лучшего из отцов. Возблагодарим Бога, мой милый и любезный друг, вот и окончились все наши мучения. Мы с твердостью и смирением перенесли роковую минуту, когда начались наши страдания; ну что ж, тем сильнее теперь наша радость. Я несколько раз кряду перечитал твое письмо, не в силах от него оторваться. Слезы благодарности и умиления мешали мне читать. Насладимся же благодеяниями нашего батюшки, кои неблагодарная и злая хотела у нас похитить. Небо не дозволяет таких дел: рано или поздно зло наказывается, и стыд, угрызения и общественное презрение становятся его уделом. Бог свидетель, я не держу на нее зла. Она доставила мне радость задолжать отчасти брату, коего я люблю, то, что оставил мне мой батюшка. Да, мой милый друг, ступай к ней, уверь ее и от моего имени, что я ей прощаю, да смилуется над нею Бог.

Константин. Вена, 3 мая 1815 года

Я заметил, что император желает, чтобы я остался. После сего могу ли просить об отъезде? Не будет ли это неблагодарностью после стольких милостей, коими ангельский наш государь осыпал меня при всяком случае, и в последний раз еще и с делом моей тетушки? Новые шаги с моей стороны мне повредили бы, и я бы сего заслужил, ибо, когда речь идет о службе, все частные соображения должны отступать. И потом, разве я один, когда и сам император подает нам пример? Как поступил бы батюшка в сем случае, как ты сам поступил бы? Надобно трудиться дотоле, доколе смогу приносить пользу. Бог нам поможет, и война, надеюсь, долго не протянется, ибо наши силы будут огромные, альянс и упорство государей обеспечат нам быстрый успех. В Италии все идет как нельзя лучше. Мюрата только что хорошенько взгрели, австрийцы прошли за Рим и скоро, верно, будут в Неаполе, и тогда конец тут всей музыке.

Александр. Москва, 10 мая 1815 года

Вчера, когда я садился в дрожки, чтобы ехать во Всесвятское, почтальон мне принес два пакета от тебя – с книгой и с твоим № 64. Я запрыгал от радости. Невозможно было получить письма более кстати. Отвечаю тебе, что нам очень радостно было вновь увидеться с Марицей. Я там загулялся, закурился и заболтался до вечера. Они там отлично поселились. Это по большой дороге в Петербург, бесконечное движение, а ты знаешь, что маман не слишком любит одиночество. Там красивый сад, вольера, кою мы населим красивыми птичками, и для начала уже есть две-три дюжины, которые поют одна другой лучше. Это премного развлекает Марицу. Фрукты и цветы из оранжереи также в их распоряжении. Все это стоит только 1500 рублей до октября месяца, то есть ровно вполовину меньше, чем дом в городе, который стоил 500 рублей в месяц. Вот единственная разумная вещь, которую старик сделал с тех пор, как он здесь. Мысль моя, мой милый друг, переехать туда; я договорился о сем с Марицей, она бросилась мне на шею в благодарности. Да Боже мой, чего не сделаю я для нее, чтобы успокоить ее и помочь ей перенести твое жестокое, но необходимое отсутствие? Признаюсь тебе, что, несмотря на огорчение, кое доставляет мне разлука с моими, я делаю это охотно, когда думаю, что это для тебя делаю я сию жертву и что речь идет о спокойствии жены твоей.

Давыдов[147], едва женившись на Шаховской, ее оставил, и оставил ее, чтобы идти на войну. О, как напираю я, если бы ты знал, как напираю я на это приключение, чтобы доказать Марице, что она куда более счастлива, чем бедная Давыдова и мадам Гурьева; эта также приходит мне на помощь. Муж ее едет завтра.

Не удивляйся, что Жанно [Иван Васильевич Нарышкин] редко видит Марицу: он весь в наслаждениях отцовства. Его жена родила в свет сына Алексея, который чувствует себя хорошо, против обыкновения детей Жанно, но который велик, как ботиночек моего Кости. Жанно, который все остается шутником, выходит давеча из своей комнаты и говорит первому мужику, коего встречает на улице: «Как тебя зовут?» – «Алексеем». – «Ступай за мною, голубчик». – «Зачем?» – «Крестить моего новорожденного сына, а дам я ему твое имя». Мужик, сильно удивившись, останавливается, колеблется. Жанно тащит его за собою, происходит церемония, и мужик уходит весьма удивленный тем, что сделался крестным малютки Нарышкина, дальнего родственника Петра Великого. Жанно уверяет, что это приносит счастье, что единственной неприятностью было то, что мужик, только что пообедавший, вонял чесноком и наполнял

ароматом комнаты также и снизу.

Распечатав твой пакет № 67, первое, что я вижу, это письмо графа Нессельроде к тетушке. Большего и не нужно было, чтобы заставить меня заподозрить все хорошее, что ты мне сам объявляешь. Я не мог довольно себя держать в руках, чтобы размышлять о сюрпризах: случай был слишком счастливый, слишком важный. Я побежал к тетушке. Она была, к счастью, одна. «Знаете ли вы, тетушка, – сказал я ей, – что сегодня счастливейший день моей жизни?» – «Что такое?» – «Ваше дело кончено!» – «Какое дело?» – Она поднялась со стула. «Вам государь жалует пенсион вместо аренды по вашему желанию, и, кроме того, брат выпросил вам 5000 рублей единовременно для поправления дел ваших». Пока я говорил, я видел, как по лицу ее пробегало всякого рода движение. Она захотела встать под образа, чтоб осенить себя крестом, упала на стул. Слезы радости принесли ей облегчение. Я прочитал ей письмо графа и твое, ибо она сама не могла сего делать. «Ну, – сказала она, – брата твоего нет, так тебя вместо него обнимаю». Она бросилась мне на шею. «Ах, – сказала она, – каюсь перед Богом, перед Константином: я его не знала, не знала, какая у него душа. Иду в церковь сейчас, молебен петь на коленах, во-первых, за государя, а там за Константина».

Надобно видеть теперь ее волнения! «Что делать? Мне ведь надобно писать *Нельроду* да и государю; как же, мой батюшка, ну да ежели *Нельрод-то* уедет из Вены, ответ мой не получит, ведь отымут пенсию». – «Помилуйте, как отнять?» – «Ну да подумают, что умерла: да полно, можно и умереть от такой радости. Ах ты, мой Константин, ты мне вместо Якова Ивановича». Вот что говорит она всем, кто приходит ее поздравить.

Мадам Верней пела здесь хриплым голосом в опере «Замок Монтенегро»: добрый или дурной поступок рано или поздно находит награду свою. Однако же это относится к тебе и милой кузине-сутяге. Я желаю, чтобы «рано» стало для тебя, и, учитывая радость тетушки, согласен на «поздно» для милой кузины.

Этот любезный хорек Тургенев предупреждает мои желания: он мне уже пишет обо всем этом, объявляет мне посылку этих 5000 рублей для тетушки и говорит, что потрудится над остальным.

Пожалуйста, мой друг, не забудь скрипичные струны, кои я обещал Лодеру через тебя достать.

Александр. Москва, 11 мая 1815 года

Да, тебе назначено Небом быть благодетелем всего твоего семейства и заменить несравненного человека, коего Небо

слишком рано у нас отняло. Сердце мое, как и твое, должно чувствовать, чего стоит высшее счастье упокоить навсегда старость, обеспечить состояние, существование, и кому? Пожилой тетушке, окружавшей заботами детство наше, которая нас воспитала и предоставила тебе столь щедрую поддержку в этом несчастном процессе!

Я получил прелестное письмо от графа Ростопчина, который получил письмо от императора. Его величество посылает ему дозволение ехать на воды. Оттуда граф поедет в главную квартиру. Ты его увидишь, вероятно. Ты сможешь сказать ему словечко за меня; потом я уверен, что он меня не забудет, если случай представится сделать для меня что-нибудь. Ключ всегда пригодится.

Константин. Вена, 12 мая 1815 года

Император едет на днях. Я отправляю письмо мое, ибо очень вероятно, что перед его отбытием будет отправлен курьер в Петербург. После сего опасаюсь очень, что до нашего прибытия в Генеральный штаб ты не будешь иметь моих писем, но тотчас, как мы туда доберемся, наша переписка снова возобновится, как бывало. Этот пропуск меня огорчает, но что делать?

Александр. Москва, 13 мая 1815 года

Я не произвел еще своего злосчастного схождения в ад. Надобно быть Гераклом, чтобы решиться на сие так рано, а я найду у милой кузины вместо Альцеста только несколько горничных с постными рожами. Хотя все и окончено по всем статьям, как ты знаешь, отказ здешней управе еще не подоспел, и я только этого жду, чтобы отправиться к нашей доброй подруге.

Жанно мне советует не ходить туда одному. Он слишком много чести ей делает. Я и одним кулаком урезоню. Однако же, если предложит она мне чашку кофею, я поблагодарю, поскольку душа ее цвета кофея. Сладко говорить себе, что все кончено.

Люди папахи все с ума сходят от радости; жаль, что не дожили бедный и верный Аким и Кирилло! Привязанность ко мне последнего была мне более чем доказана в различных случаях. Он был исполнен усердия, ума, бдительный и отважный как лев. Никогда не забуду, что, когда я был взят в плен французами в Москве, он счел долгом своим одному выступить со мною против 5000 французов. Он бросился на них с кулаками и едва не был разорван на куски.

Константин. Вена, 14 мая 1815 года

Император отбыл этой ночью, мы последуем за ним через

несколько дней, после того как окончим тут наши дела и выправим бумаги. Я тебе послал с курьером, отбывшим этою ночью, пять ящичков, адресовав некоторые Калинину, а иные Тургеневу. Прошу тебя сохранить четыре из них, а в пятом, самом легком, картонная игрушка для наших деток, которую я советую Кате и Косте разорвать, как только она им наскучит.

Разумовский сделан князем, Штакельберг получил Св. Владимира 1-го класса, Анстет – Св. Александра; не знаю еще, что и получит ли Нессельроде. Кудрявский сделан статским советником. Ты спрашиваешь, чем пожалован я сам. Надеюсь, я не дурно поступил, предпочтя нечто более прочное. Ты увидишь из приложенной тут копии указа, что речь об увеличении жалованья, равнозначном содержанию, ибо сказано: *впредь до указа,* и понадобится другой указ, чтобы меня сего лишить, чего, надеюсь, никогда не случится. 1200 рублей, сдобренные 50 стиверами, – это не шутка, состоит почти наполовину из дукатов и остается мне в тех же пропорциях, даже когда буду в России. Это величайшая милость нашего ангельского императора. Все наши вояки отбыли или отбывают в Гейльбрюн, куда переехал наш Генеральный штаб. Император раздал здесь, по обычаю, великолепные подарки. Он всех тут заставил себя полюбить, как и везде, где он был.

Константин. Вена, 22 мая 1815 года

Очень мне хочется отправить с Недобой два ящика с разными вещами, коих список прилагаю к письму. Ежели он за это возьмется, ящики надобно адресовать Тургеневу, который тебе их передаст. Я разрешаю тебе их открыть, ибо там будет одежда из сукна, которую могут насекомые попортить. Позаботься также, прошу тебя, о фраках, я только что получил их из Парижа. Что для Маши, то отдай ей; среди платьев есть два одинаковые с именами Александр и Фредерик, одно из них для Наташи, равно как и пакет с туфлями. Записи же сохрани у себя; это мои любимые мелодии, аранжированные для пения на манер Крессантини и Велутти. В свертке с гравюрами ты найдешь несколько экземпляров гравюр императора, сделанных Изабе. Можешь взять одну для себя. Маленький портрет Людовика XVIII просто поразителен. Он очень похож на Кутузова. Брошюры – тебе. «Цензор» – это очень интересная газета. «Герцоги московские» – роман для Маши.

Неаполитанские дела сляпали на скорую руку. Австрийцы туда вошли, король Иоахим закончил на Искьи, королева – пленница и едет в Триест. Ты сможешь прочитать о всех последних успехах австрийцев и событии в целом в

«Обсерваторе», который я продолжаю тебе посылать. Герцог и Радди ходят сияющие, и, право же, есть от чего. Они собираются ехать в Неаполь, где, весьма вероятно, найдут уже своего короля. Вот дело все и окончилось. Слава Богу!

Константин. Генеральный штаб в Хейдельберге, 2 июня 1815 года

Благодарение Богу, вот мы и в Генеральном штабе. Едва я приехал, как тотчас узнал об отбытии курьера. У меня только минута, чтобы сказать тебе, мой любезнейший друг, что у меня все хорошо, что я сильно устал и еще не совсем оправился. Здесь столько народу, что трудно найти угол, чтобы устроиться, а мы прибыли сюда последними. Мы не застали уже ни императора, ни Генерального штаба в Гейльбрюне; и к лучшему: Хейдельберг – прелестное место. Я нашел здесь Полетику, Мишо, Ламсдорфа, Закревского (которого сделали на днях генералом), Влодека, словом, множество друзей и знакомых, кои встретили меня с распростертыми объятиями. Мне надобно еще тысячу дел уладить, купить лошадей, а они редки. Шредер поехал на месяц на воды. Воронцов и Кудрявский тут с нами. Я поселюсь с Воронцовым.

Константин. Хейдельберг, 6 июня 1815 года

Мы сидим с Полетикою за одним столом. Он пишет к матери, примусь-ка и я благодарить милого брата за милое его письмо от 10 мая под № 258, которое на сих днях до меня дошло и душевно меня обрадовало. Я себя всякий день убеждаю, что дело с имением – доброе дело. Его величайшая ценность в моих глазах – в твоем соседстве. Полетике, коему я о нем сказывал, оно голову закружило. Он также желает иметь владение в тех краях, но может истратить на то не более 25 тысяч рублей. Если ты найдешь маленькое именьице, кое ему подошло бы, и тебе это нетрудно, напиши мне или прямо ему, и он тебе поручит уладить дело, разрешив Ливио уплатить нужную сумму. У меня еще нет лошадей, они редки; но Нессельроде дает мне верховую лошадь на всю кампанию. Теперь мне, по крайней мере, нет нужды торопиться с покупкой другой, и я подожду, пока обстоятельства не приведут меня к тому. Я ищу тягловых лошадей, коими будем мы владеть сообща с Шредером. Бричку я дал Полетике. Тебя сие удивит, но знай, что он состоит при маршале Барклае по дипломатической части. Его зад бьет тревогу заранее, ибо ездить верхом он не мастер, да и не шибко любит он ядра; но место превосходное, начальник превосходный, и я уверен, что они отлично поладят. Мы часто будем вместе, чему я подлинно рад.

Утром видел я прохождение кавалерийской дивизии под командованием Ламбера; невозможно и вообразить более красивой выправки, лучших молодцов, более красивых лошадей, прекраснейшей артиллерии. Я видел множество войск за свою жизнь, я только их и вижу в последние годы; так вот, красота сего войска меня поразила.

Александр. Всесвятское, 7 июня 1815 года

Очень сожалею я о бедном Манзо, но с таким слоновьим телом, как у него, он едва ли бы дожил до возраста Мафусаила. Сожалею также о Татищеве; ежели он не исправится, то кончит еще хуже, чем Манзо. Мы увидим, как дойдет он до положения, в коем очутился в том же Мадриде Муравьев-Апостол. На эти апостольские штуки Татищев хват, хоть кого перещеголяет. Ты даешь мне весьма утешительную надежду: несмотря на твои беспрестанные перемещения, ты не перестаешь писать нам, и даже часто. Калинин весьма любезен, и я пишу ему время от времени вежливые письма с благодарностью за его аккуратность; через него пишу я также и графу Ростопчину, коего предполагаю находящимся в Берлине.

Константин. Хейдельберг, 10 июня 1815 года

Курьер отбывает. Маршал герцог Веллингтон и принц Блюхер одержали полную и блистательную победу над Бонапартом и его армией и повергли его в отступление. Уже после отбытия курьеров, а их понаехало множество, были захвачены три сотни пушек, огромное количество обозов, и между прочим все Наполеоновы обозы, и бесчисленные пленные. Удивительно то, что славное сие дело случилось возле деревушки под названием Бель-Альянс [Прекрасный союз]. Постараюсь сообщить тебе некоторые подробности о сей сокрушительной победе. Верно, что кампания лучше и начаться не могла, и продвинуться в ней быстрее невозможно было, как успехом в одном сражении. Наследного принца Оранского ранило в плечо, начальник Генерального штаба Веллингтона генерал Сэндли убит, как и лорд Юксбридж, который командовал кавалерией. Это брат Пейджета, который состоит при герцоге; он получил две контузии, но легких. После такого сражения, как это, невозможно и говорить о других вещах. Студенты и жители Хейдельберга на всю ночь подняли такой тарарам от радости, ходили по всем улицам с факелами и кричали во все горло.

Константин. Мангейм, 14 июня 1815 года

Вчера утром мы оставили Хейдельберг и верхом прибыли сюда, несмотря на довольно сильный дождь, который длился весь день. Вечером город был иллюминирован, я зашел ненадолго в театр, который есть колыбель всех театров Германии; оркестр превосходен, певцы сносны, давали «Весталку». Мангейм – прелестный город. Местоположение его на Рейне, при слиянии Неккара с этою рекою, замок, сад, спускающийся к самому Рейну, – все это очаровательно, город устроен с совершенной правильностью и чист. Мы поселились в замке, одном из величайших в Европе. Часть его пострадала при бомбардировке, здесь также поселились наш император с императором Австрии и их свиты; а у нас три прекрасные комнаты с Ванишей, который в восхищении от своего нового образа жизни, и даже вчерашний дождь его сильно развлек. Я раскопал новую газетку, которая печатается в австрийском Генеральном штабе и будет тебе небезынтересна. Я собираюсь на нее подписаться и буду посылать тебе ее со всею возможной регулярностью, а если попадутся какие-нибудь брошюры, ты их получишь. Надеюсь, я точно исполняю твое поручение? Генерал Саплиц привел мне трех превосходных русских лошадей; мне нужна еще четвертая, тогда я буду совсем устроен. Я не покупаю верховых лошадей, Нессельроде дал мне одну из своих на время всей кампании. Адъютант прусского короля заверил меня, что число пушек, взятых Веллингтоном и Блюхером, доходит уже до четырехсот. Захватили бриллианты Наполеона, после того как перебили стражу на Эльбе. Блюхер послал их королю – как подарок от армии принцессе Шарлотте.

Константин. Саверн, 19 июня 1815 года

Мы прибыли сюда поздно, а завтра в 4 утра уже отбываем. Я устал, но сказал себе, что напишу тебе и сдержу слово, столь для меня приятное. Так вот, милый мой друг, Наполеон снова отрекся. Это показывает, насколько Веллингтон и Блюхер его проучили; в самом деле, по признанию самих французских генералов, они то, что называют… В обоих палатах происходят великие дебаты, они уже отправили депутацию к союзническим государям, чтобы просить мира, – словом, они уже не могут терпеть.

Константин. Нанси, 24 июня 1815 года

Вот мы и в Нанси со вчерашнего дня, – как видишь, продвигаемся мы гигантскими шагами. Город красив, есть площадь, очень красивая. Тут соорудили белый павильон, мелькают белые кокарды. Три государя были вчера на спектакле,

и ты догадываешься, с каким воодушевлением их встречали. Публика заставила сыграть песенку Генриха IV. Завтра поедем дальше.

Александр. Главная квартира всех святых,
сирень Всесвятское, 24 июня 1815 года

Ты видишь, мой милый друг, что я расстаюсь охотно с женой моею и детьми, чтобы быть с Марицей и постараться заставить ее забыть о твоем отсутствии. Если бы мог сделать больше, сделал бы. Не вздумай счесть жертвою то, что делаю я для жены того, кто мне дороже всех в свете. Деревня, дети смягчают для жены моей мое отсутствие, но Марица без меня была бы печальна, получала бы твои письма позже, а твои письма для нее – все. Она очень рассудительна, и уверяю тебя, что с тех пор, как принуждена была отказаться от твоего возвращения и не раздираема более между опасениями и надеждою, она храбро приняла свое решение и стала куда более спокойной. Нам случается смеяться весь Божий день. Теперь случаи к сему доставляет мадам Фавст. У нас от смеха доходит иной раз и до брани. Софья Сергеевна превеселая и пресмешная. Она больших способностей для общества, весьма любезная, добрая, хорошо воспитанная, смешливая, болтливая, полная противоположность мужу своему, и в то же время они очень счастливы, оба очень друг друга любят. После полудня мы пускаем мыльные пузыри. Взапуски. Да ведь как пускаем, с балкона верхнего этажа, и шары так летают высоко, что теряем их из виду. Ввечеру играем в горелки. Вчера многие останавливались там при прогулке. Метакса строил гордеца, молодого человека и задыхался на бегу. Один из греков, чтобы дать ему по носу, принялся бегать и, несмотря на свои 56 лет, обогнал Евхохотата, который сдался. Прогулка оживилась; но удивлению нашему не было границ, когда мы увидели двух седовласых старцев 66 лет, бегающих вместе с нами, да ведь как скоро! Фавст будет ездить время от времени в Петелино, жена его будет оставаться во Всесвятском. Она будет для Марицы большой подмогой, когда я у Наташи, но я отсутствую только по три-четыре дня.

Константин. Вуа, 25 июня 1815 года

Я тебе писал вчера, мой любезнейший друг; но во время перехода нашего сюда государь получил известие о взятии Парижа 4-го числа сего месяца. Известие сие доставил нам Бальмен, и я не хотел отпускать курьера, не объявив того тебе. Блюхер славно бился накануне, и город сдался через капитуляцию.

Константин. Париж, 2 июля 1815 года

Вот я, или, скорее, мы, и в Париже со вчерашнего дня. Император опередил нас на несколько дней. Теперь снова смогу я посылать тебе газеты и брошюры. Я уже договорился об этом с моим книгопродавцем. Я нашел Париж очень переменившимся. Правда, до сего дня я видел его лишь урывками, или, быть может, это оттого, что вижу его не в первый раз. Король здесь, ты прочитаешь в газетах, как его встречали, я тебе пошлю все это с ближайшей почтою. Остатки французской армии, где находится и знаменитый Вандам, отошли за Луару, в соответствии с актом капитуляции, заключенным меж нею и Блюхером. Сказывают, будто и она собирается переходить на сторону короля. Тут все уже ходят с белой кокардою, белое знамя опять сменило триколор, который прежде сменил белое знамя, которое, в свою очередь, сменило статую Наполеона на Вандомской площади; надеюсь, теперь в последний раз. Ты спрашиваешь меня, где Наполеон. В Рошфоре, хотел плыть в Америку, но удерживается англичанами. Тут говорили даже, будто он взят в плен и даже ранен, но, кажется, нет. Сие, однако же, может и случиться, по крайней мере если он не удерет, как из Египта, но надеюсь, что англичане его сцапают на море или при отплытии, ибо уверяют, что они выслали эскадры специально на этот случай. Его братья также не смогли отплыть. Говорят, будто Ней также направился к какому-то побережью, чтобы сесть на корабль.

Это все слухи, и я тебе повторяю то, что слышу. Наш император был встречен криками ликования, кои, верно, были искренни, ежели они все же способны на сие чувство. Дело в том, что повсюду, где я был, говорят о нем с величайшим восхищением, и я часто слышу: «Если бы у нас был такой!» Они не избалованы. Вот покамест и все, что могу я тебе рассказать из Парижа. В газетах ты прочтешь остальное, но я смогу их тебе выслать токмо со следующей почтой. Не могу, однако же, помешать себе передать тебе очень смешные слова одного цирюльника из Гана. Человек, приближенный к Наполеону, являлся всякий день к нему бриться и всякий раз платил ему два су. Когда стало известно о падении Бонапарта, цирюльник говорит тому человеку: «Сударь, нынче вам надобно уплатить мне четыре су вместо двух». – «Почему так?» – «Потому что ныне у вас лицо куда как более вытянутое, чем обыкновенно». Волков, верно, скажет, что сие недурно. Я нашел здесь Шредера. Посуди сам, восхищался ли я им. Он чувствует себя совершенно превосходно. Я передал ему чай, он от него в восхищении. Мы живем все в Елисейском дворце Бурбонов, как и в прошлом году. Я занимаю

комнаты Анстета, которые лучше.

Кстати, мой любезнейший друг, раз уж мы теперь владеем нашим имуществом, моя совесть требует от меня поступка, от коего ты, верно, не откажешься: дать свободу Климу. Он ею, верно, не воспользуется, но я ему сие должен за его услуги и его привязанность. Ежели ты согласен, в чем я не сомневаюсь, то прошу тебя, подготовь необходимые бумаги, чтобы по моем возвращении мы могли ему их вручить.

Александр. Всесвятское, 4 июля 1815 года

Славное, брат, сделал ты дело. Таких людей, как Полетика, надо было отыскивать, употреблять и анкуражировать. Поздравляю Барклая[148], а ему здесь особенно припишу за его память обо мне. Вот ваш круг и прирос еще одним приятным мальчиком.

Полетика тебе скажет, что мы всё сделали с Татищевым в 1805 году для потери Неаполитанского королевства, то есть для того, чтобы оторвать его от Бонапарта и бросить в объятия Ласси, Оппермана, Крейга и проч. Мы написали (мы с Полетикой) трактат от 10 сентября. Так что справедливо, что король дает мне Св. Константина, который, к тому же, носит имя горячо любимого мною брата. Напомни, прошу тебя, через свои каналы, герцогу обещание его; я же сказал о сем пару слов и Радди. Я очень даже держусь мнения Полетики, который терпеть не может *ядра.* Ну что вы, дипломаты, суетесь, где не надобно? Дадут туза, не только не скажут спасибо, да еще и свои засмеют. Надобно любить ядра на манер Отта: для него *ядра* суть *цыплята*[149]; но зато все воскресные цыплята на Пратере превращаются для него в *ядра,* и, право же, сии последние не всегда легко переварить.

Александр. Главная квартира Варлама,
5 июля 1815 года

Письма Киселева тотчас доставлены; вот и расписка, и ответ его отца. Мамзель Лиза Киселева в радости: она только что помолвлена с Милютиным. Родители сему противились, ибо хотя он и асессор, и Владимирский кавалер, и очень добрый мальчик, и весьма богат, но он сын купеческий. Отдавая ему справедливость, родители не хотели его в зятья. Мамзель Лиза удалилась от света, не выезжала, не видела более Милютина, но объявила, что пойдет замуж только за него. Я узнал, что перемена в чувствах родителей произошла по настояниям твоего Киселева, который взял сторону сестры. Он хорошо сделал, ибо весь город говорит, что она будет пресчастлива, ибо Милютин очень порядочный и очень любит невесту свою. Спасибо Павлу

Дмитриевичу.

Пакет Гизети сам вручу, ибо вижу на нем печать графа Нессельроде. Ну, брат, славно идут дела. Победа в Бель-Альянс, 381 пушка, армия рассеяна, сабля паяца Шарлеманя захвачена, и проч. и проч. и проч. Какое время, какие чудеса! Прямо «Тысяча и одна ночь». Сокройтесь с глаз, Овидиевы «Метаморфозы», после того, что является взорам нашим. Какое перо сможет описать историю этой четырехлетней европейской войны? Это надлежит сделать Поццо, несмотря на две его контузии. Но тихо! Фавст утверждает, что Бонапарт не покорен, ибо не убит. Это смешно, ежели угодно, но увы! Пугачев был побежден, лишь когда его четвертовали. Объявите же нам поскорее о смерти его, ради успокоения Фавстова. Послезавтра печальный день для нас. Я еду в монастырь[150] с тетушкой, а оттуда лечу к Наташе, ибо 8-го праздник в нашем селе.

Константин. Париж, 10 июля 1815 года

Я часто получаю письма от старого графа Семена из Лондона, он необыкновенно добр ко мне. Михаил, который сейчас в Мо и которого надеюсь увидеть здесь в ближайшие дни, часто мне пишет. Я покамест послал ему все брошюры, он мне их вернет. Ты знаешь, как французы болтливы и какие они писаки, сему-то они нынче и предаются: всякий день выходит какая-нибудь новая брошюрка, большая часть их дурны, но небезынтересны, ибо рисуют характер нации. Только что вышла книга под названием «Тайная любовь Наполеона». Я ее не читал покамест, но взял для тебя. Я откладываю чтение всего этого до той поры, когда смогу покойно устроиться в Москве. Намедни я ходил смотреть катакомбы. Это любопытно, но, по-моему, ужасно: собирать разрозненные останки бедных существ, коих более нет в живых, и раскладывать их по пещерам с величайшею симметриею, черепа отдельно, кости отдельно. Ими украсили часовню и проч. Почему не оставить их покоиться среди мертвых? Это утешительно для парижан, кои ходят смотреть на них с мыслью и надеждою, что придет и их черед, ибо время от времени опорожняют все кладбища, и собираются все останки для переноса их в катакомбы. Мой образ жизни очень однообразный. Я совсем не развлекаюсь. Иногда бываю в театре, но даже и там партийный дух лишает публику некоторых хороших актеров. Мамзель Марс, например, более не играет.

Константин. Париж, 16 июля 1815 года

Посылаю тебе газеты. В № 8 официальной газеты ты прочитаешь об учреждении Административной комиссии. Я и

являюсь комиссионером со стороны России, так что всякий день я с 10 часов утра до часу или двух в заседании. Мне это занятие нравится, я очень рад назначению.

Александр. Москва, 17 июля 1815 года

Я получил письмо от графа Ростопчина из Берлина. Здоровье его поправляется, он в восхищении от пруссаков. Его всюду встречают с ликованием и носят на руках.

Александр. Всесвятское, 19 июля 1815 года

Меня беспокоит то, что указ подписан только двумя сенаторами. Поскольку все остальные из 7-го департамента отсутствуют, нельзя ничего исполнить, ибо закон требует трех подписей. Поскольку сие обстоятельство останавливает исполнение более 200 дел в Сенате, а Кушников возвращается только через два месяца, я упросил Алябьева сделать представление Трощинскому приказать прикомандировать третьего сенатора из другого департамента, дабы подписать готовые уже 200 дел, не исполняющиеся единственно по недостатку третьей подписи сенаторской. Это может забрать три недели времени, но мы, впрочем, ничего от этого не потеряем, ибо ничего не могу делать, пока не имею твоей доверенности, которую посылаю тебе для подписания. Впрочем, все это вздор по сравнению с нашими прошлыми горестями.

Говорят, что кузина трясется, как бы мы не отняли у нее имение в Нижнем, для которого нет у нее никакой бумаги от покойного батюшки. О! За это я ее несколько попугаю: она заплатит несколькими бессонными ночами. Эти несчастные мужики из Нижнего, коих она раздражает, едва не убили ее Мишку Косого, явившегося к ним заранее собрать оброк за будущий год; они взбунтовались, крича: «Мы теперь булгаковские, а не этой *кошки ободранной).»* Кузина меня уже прощупывала насчет этого имения, я отвечал неопределенно.

Константин. Париж, 23 июля 1815 года

Я был убежден, что ты испытаешь радость, получив известие о новой милости, пожалованной мне нашим ангельским императором. Я понимаю, что это сильный аргумент против жалоб моей милой Маши, и в последнем письме я увидел производимое им действие: она стала куда более рассудительна, понемногу успокаивается, а известие об ускорении хода событий довершит остальное. Теперь она наберется терпения, ибо недолго уж ей осталось ждать. Да, мой милый друг, молитвам моей доброй тетушки и, главным образом, твоим я приписываю

милость, какую ничем я не мог заслужить. Это еще один долг к уплате лучшему из государей, и, верно, вся моя жизнь будет употреблена на то, чтобы оправдать и заслужить продолжение его милостей. Те, кто ищет везде одну выгоду и, возможно, порицает меня за то, что долг свой я предпочел удовольствию побыть с Машей, без всякой надежды на такую великую милость, – даже и они не найдутся, что сказать. Я счастлив результатом, но еще более – доказательством благосклонности нашего Господина. Да кто же не прольет за него и последнюю каплю своей крови? Всякий раз, как происходит со мною что-нибудь счастливое, вспоминаю я батюшку и думаю: зачем не дожил он до того, чтобы разделить нашу радость?! Но он видит нас с неба, он радуется за нас, и его благословение всегда с нами. А на этом свете ты мне его заменяешь, и потому первое, что сказал я друзьям моим: как же обрадуется мой милый, мой любезнейший брат! И моя милая Наташа, и наши милые сестры, как они будут радоваться с нами!

Полетика от меня ушел. Этот превосходный человек совершенно доволен своим положением при Барклае. Фельдмаршал сумел оценить его, жалует его своим доверием, и надеюсь, что такое благорасположение начальника обернется для него преимуществами в карьере. Михаил Воронцов также был тут недолго; он вернется провести с нами несколько дней. Говорили мы и о тебе. Он тебя обнимает. Чувствует он себя как нельзя лучше, растолстел и все такой же весельчак. Вчера ввечеру мы с Полетикой и Воронцовым ходили любоваться на мамзель Марс. Она удивительная и единственная в своем роде. Она все еще красива на сцене. Ее встретили непрерывными аплодисментами, бросили ей венок, вызывали после пьесы, словом, публика была в величайшем воодушевлении, и она сего заслуживает. Какой талант, какая естественность и тонкость в ее игре! Мы были восхищены ею. У Гагарина был неплохой вкус. Так и передай ему от меня.

Я в Париже совсем не развлекаюсь. Единственное развлечение, какое я себе позволяю, – это спектакли. Я хожу иногда посмеяться над фарсами Брюне и особенно Потье, который еще смешнее, а иногда прогуливаюсь по бульварам, что называют здесь Малым Кобленсом; но вообще я нахожу Париж сильно переменившимся с прошлого года, меньше народа на улицах и набережных. Можно подумать, что жителям стыдно показываться после их поведения, которому нет никакого оправдания.

Я знаю, что граф Безбородко умер; это несчастье обременит бедного Лобанова, который только что сюда приехал, еще несколькими десятками тысяч крестьян. Он дал нам

превосходный обед в тот день, когда Михаил был тут. Брат Мишо недавно приехал. Он очень хорошо переносит свое ранение, но видеть его ужасно: ему даже не остается плеча, и, однако же, он весел и шутит как прежде. Он нам доказывает, что две руки – это роскошь, и в самом деле, просто удивительно, как ловко он пользуется левой рукою. Его брат страдает больше него, видя его в таком состоянии. Он любит его нежно. Эти два брата – как мы с тобою.

Константин. Париж, 28 июля 1815 года

Я вернулся со смотра наших войск. Не видел ничего прекраснее, чем дивизии гренадеров, кирасиров и артиллерии, которые прошли сегодня по Парижу.

Константин. Париж, 1 августа 1815 года

Не знаю, говорил ли я тебе, что Муромцев приехал навестить меня, он тут со своим начальником Ермоловым. Митюша Нарышкин тоже приехал ко мне и привез мне письмо для Жанно; ты найдешь его при моем письме. Михаил Воронцов то тут, то в Мо, где находится его штаб-квартира. Он просил у меня копию с портрета, который я заказал для Полетики и копию которого привезу тебе, потому что его находят очень похожим. У меня будет и портрет Михаила, а портреты Шредера и Ламсдорфа уже написаны и поразительно похожи. У меня составилась превосходная коллекция. Тебе будет большое удовольствие ее посмотреть. Ваниша заказал свой портрет маслом; он желает, чтобы у меня был большой его портрет.

Намедни мы с друзьями были в Тиволи, на необыкновенно большом празднике, который совсем не удался. Шар не захотел подыматься, а танцовщица, которой полагалось подниматься по канату, сделала обратное: она с него упала. К счастью, успели вовремя принять ее в полотно и тем спасти ей жизнь. Она была толста сверх меры; отделалась тем, что поцарапала себе ногу. Полетика нас завтра покидает. Он остается в Мелене с фельдмаршалом и будет часто меня навещать, это всего в десяти лье отсюда. Я свыкся с ним, это превосходный молодой человек. И тут, и у фельдмаршала его все любят.

Александр. Всесвятское, 2 августа 1815 года

Возвратившись сюда, я нашел твои два письма, № 79 и 80, последнее – вновь датированное этим злополучным городом Парижем, который то за Бога, то за дьявола, но всегда за того, кто его хочет. Приготовляю тебе сие письмо заранее. В понедельник у нас благодарственное молебствие в соборе с пушечной пальбою. В

Петербурге получили известие о взятии Парижа. Вскоре после явился граф Шувалов с известием о взятии и Бонапарта. Наконец корсиканская мышь попалась в английскую мышеловку! Слава Богу, но что до меня, то я требователен, и спокоен буду, только когда вы повесите, и совершенно повесите Бонапарта. Так что прошу вас заняться этим важнейшим делом для спокойствия всего света. Я понимаю, что Париж показался тебе переменившимся. Крики «да здравствует король!» со стороны подобного отродья должны внушать только жалость и негодование.

Окажи мне большую услугу. Лодер, сей знаменитый болтун, из одной только чрезмерной любви ко мне занялся Наташею с тех пор, как этот безумец Кельц нас покинул; он поставил ее на ноги своими заботами. Она свежа как роза и отлично себя чувствует. Все это благодаря Додеру, тогда как он отказывается от 500 рублей за свои консультации. Он никого не лечит, будучи слишком озабочен должностью своею. Ты увидишь из его записки оригинальной, что ему хочется. Сделай, друг любезный, милость, постарайся о сем истинно почтенном Мадевейсе, о коем и граф Ростопчин писал мне много добра. Он известен и Штейну, и Гарденбергу, Гумбольдту, Гнезенау и проч. Я уверен, что это не встретит затруднения, если возьмешься дружно. Это будет для меня отличный способ рассчитаться с Лод ером, который сочтет себя оскорбленным, ежели я хоть что-нибудь ему предложу.

Профессор Лодер[151] *31 июля 1815 года*

Как брат ваш счастлив быть столь близко к памятным событиям нашего столь памятного времени! Однако же, что до теперешнего пребывания, ему не может там нравиться. Столица такой нации, как французы, не может быть приятна доброму русскому, каков он и мы.

Но, кстати, о брате вашем! Не возможно ли будет добиться через его посредничество милости нашего монарха для одного из достойнейших и старинных друзей моих, тайного советника Пруссии и почт-директора Кенигсберга господина де Мадевейса. Может быть, имя это ему известно по крайней мере по имени его брата, который был довольно долго министром короля Прусского при штутгартском дворе. Мой друг – человек из самых почтеннейших во всех отношениях людей: честный и деятельный как нельзя более; сверх того, исполненный ума, образованный, любезный, услужливый, как наш граф Ростопчин, который был у него в Кенигсберге, рассудил о нем. Он первый почт-директор, и я думаю, что он еще и единственный, кому король дал титул и звание тайного советника, вознаградив его таким образом за

выдающиеся заслуги в обустройстве почт, кои учредил он во многих частях Пруссии. Прежде он был почт-директором в Галле, где я прожил с ним многие годы. Французы, завладев этим городом в 1807 году, затащили его во Францию как заложника и обобрали его их обыкновенным способом. Потеряв, таким образом, всю фортуну свою, он подчинялся более необходимости жить два года или более в нужде, нежели согласиться на значительный пост, предлагавшийся ему в службе презренному Жерому, предыдущему королю Вестфальскому. Его король, который премного почитает его, дал ему затем пост, который занимает он теперь в Кенигсберге. У него только один сын, который, участвовав в качестве офицера стрелкового полка почти во всех баталиях первой и второй кампании, пребывает в 4-м корпусе прусской армии, и теперь, несомненно, в Париже или в окрестностях. Мой друг любит русских с воодушевлением и всегда усердно оказывал нашим курьерам, равно как и всем нашим путешественникам, все вообразимые любезности самым бескорыстнейшим образом. Вы знаете очаровательный способ, как молодой Дивов учреждениями его обогнал французского курьера, который вышел на многие часы ранее него из Санкт-Петербурга, так что Дивов, несмотря на все это, прибыл в Париж накануне прибытия другого. Император говорил с ним несколько раз и даже благодарил его за его знаки внимания, равно как и великий князь Константин.

Нельзя ли устроить его награждение нашим орденом Св. Анны на шею? Это стоило бы одного слова брату вашему и стало бы прелестным сюрпризом для господина Мадевейса, который и не думает сего ждать. Я почти уверен, что граф Нессельроде его знает, будучи знаком почти со всеми министрами нашего двора и двора берлинского, так же как и почти со всеми русскими и прусскими генералами, среди прочих с Гнезенау, который очень с ним дружен. Никто из этих господ, кажется, о том не подумал; без сего он давно уже получил бы какую-нибудь награду. Я желаю, чтобы именно наш божественный Александр, обожаемый им всем сердцем, отличил сего почтенного человека. Ежели это сделается, я буду на седьмом небе.

Константин. Париж, 4 августа 1815 года

Наш бедный Юрко Юлинац только что назначен генеральным консулом в Сицилию, вместо покойного Манзо.

Как ты обожаешь эти края, то и сможешь лучше оценить его счастие, если добавишь сюда прекрасное содержание и хорошие деньги на проезд, в то время как до сих пор пребывал он в великой нужде с женой своей и ребенком.

Ежели сочтешь, что одежду мою у Варламов следует проветрить, то прошу тебя, проследи, чтобы они это сделали при тебе, ибо не слишком доверяю аккуратности их людей. Прошу тебя передать Маше все туфельки, для нее предназначенные, какие найдешь в различных ящиках, которые до тебя дойдут. Я тебе как-то раз говорил об одном большом ящике, который я давно уже отправлял транспортным судном из Вены. Он был адресован Гурьеву для передачи Тургеневу, и я не имею о нем никаких известий. Будь так любезен расследовать это дело, мне не хотелось бы, чтобы он потерялся. Он отправлен из Вены 17 февраля. Попроси Тургенева его получить и отправить тебе. В доме Гурьева есть еще один старый ящик, отправленный из Франкфурта с вещами Нессельроде, который я так и не смог раскопать. В нем одеколон и многое другое. Постарайся его также разыскать. Мне будет очень обидно, если он затеряется, что было бы, впрочем, весьма затруднительно, ибо он помечен, кажется, буквами «С.В.» или «К.Б.».

Художник Меллинг, бывший в Константинополе при батюшке и которого у тебя есть несколько видов, принес мне гравюры, заказанные им с его рисунков, они прелестны; только вот не знаю, как их перевезти. Очень много места они занимают.

Александр. Всесвятское, 9 августа 1815 года

Наконец я заимел рисунок чудесной курицы с женским лицом. Я его заказал для тебя. Лодер прибавил к нему маленькое описание. Все это в Москве. Я приложу его к сему письму, когда буду запечатывать. Подлинно чудно. Я не верил все, покуда сам не видал; но и в том признаюсь, что рисунок более поражает, нежели сама вещь. Курица эта здесь теперь, в Университете, ожидая приказа министерства просвещения. Умора видеть страх профессоров, как трусят, чтобы курица не умерла у них на руках. Любопытные приходят весь день, чтобы поглазеть на чудо, и ты видишь важного профессора, который говорит: «Приходите в другой раз, курица только что поела и спит…» Он рассердился на меня, потому что курица, услышав мое «цып-цып-цып», взлетела мне на плечо, откуда я ее согнал. «Она могла, – сказал ректор Гейм, – ушибиться». Чудаки господа немцы. У Гейма плут дворник продает по 5 рублей яйцо, уверяя, что курица снесла и что такой же родится урод от яйца. Таковы подвиги нашего доброго города. Впрочем, думаю, что в Париже еще больше фарсов.

Константин. Париж, 22 августа 1815 года

Кланяйся в ноги моей милой сестрице за прелестные кисеты

для табака, кои прислала она мне и кои мне с величайшим трудом удается отбивать от посягательств Воронцова. Они поистине очаровательны, и я не расстанусь с ними даже ради друзей своих. Мне особенно драгоценно воспоминание о ней, и очень приятно.

Вельяшев прибыл несколько поздновато, чтобы воевать, но как никогда не видал он Парижа, то по крайней мере извлечет сие преимущество из своей поездки. Я ведь давно его знаю, он племянник Шулепова и очень долго состоял в нашем департаменте.

Александр. Москва, 22 августа 1815 года

Не знаю, откуда пришел смешной слух, что ты будешь здесь почт-директором. Ты помнишь о славном человеке Келембете. Он мне сказал намедни, что один почтовый служащий сказал ему: «Говорят, Василий Петрович, что ваш приятель Булгаков назначен сюда почт-директором». Я заверил доброго Келембета, что это басня, совсем даже неправдоподобная, что ты о сем и не помышляешь, потому что цель твоя – место в чужих краях. Впрочем, это в первый и в последний раз, что слышал я разговоры об этом. Тем лучше. Я думаю, что господа почтамтские, не любя Рунича, придумали эту басню. Келембет прибавил: «Уж коли вы не знаете ничего об этом, так, стало быть, глупость».

Константин. Париж, 1 сентября 1815 года

Император вернулся нынче вечером. В день св. Александра были награждения. Я еще всего не знаю, но вот что сказывают: Барклай сделан князем, Дибич получил орден Св. Александра с бриллиантами, Толь – Св. Анны с бриллиантами, Михаил Воронцов стал генерал-адъютантом, полковник Хартинг – генералом, Марченко – статс-секретарем, маленький Дурнов – адъютантом императора.

Константин. Париж, 8 сентября 1815 года

Я еду с Нессельроде, который сопровождает императора. Мне неизвестно, какое турне совершит его величество, но, отбыв отсюда, он будет подвигаться к Москве, коей мне так не терпится достичь поскорее.

На днях я очень удивился, повстречав Соковнина, Прокофия, в коридорах Одеона. Я и не знал, что он собирался в Париж. Он был у меня в то время, как был я в Комиссии, так что я его не видел.

Сабанеев уехал на год; надеюсь, что он навестит вас в Москве. К нам много собираются на зиму: Шредер, Ламсдорф, Полетика и

пр.

Я прочитал записку Лодера; но, по правде, мой милый друг, я не знаю, как можно было бы сделать теперь и тут то, чего он желает; нет у Нессельроде никакого предлога сказать о сем; такие вещи делаются по запросу главного министерства, и как Лодер знаком с Харденбергом и Гумбольдтом, то хорошо бы ему написать им и просить их сделать представление. Что до меня, при всем моем величайшем желании услужить Лодеру, мне никак невозможно это дело устроить. Дай ему сей совет, и тогда все может устроиться.

Надеюсь, что Тургенев признает, что неправ передо мной, посчитав, что не стараюсь я быть полезным его братьям. Пусть спросит о том их самих. Кстати, оба они только что получили повышение. Очень порядочные молодые люди. Каподистрия сделан статс-секретарем. Закревский получил орден Св. Анны с бриллиантами.

Константин. Париж, 20 сентября 1815 года

Наконец-то мы покидаем этот ужасный Париж, где мне было совсем не весело и который обошелся мне чертовски дорого; но все равно, мы едем, и дело с концом. Надобно будет теперь экономить понемногу, чтобы уплатить долги;

но мы все это уладим. Итак, мы едем в Дижон на австрийский смотр, император прибудет туда из Брюсселя, а из Дижона, я думаю, отправимся прямо в Берлин, в то время как император поедет навестить великих герцогинь. Куда из Берлина поедем, еще не знаю.

Что до моих вещей, буду я ехать как попало, поскольку кареты у меня тут нет, моя – у Полетики, и бог знает, застану ли его во Франкфурте при нашем проезде; что до моей славной личности, то она будет, как обыкновенно, с Нессельроде. Часть вещей своих я отправил прямо в Петербург, другая часть отправится с Кудрявским, который едет в Берлин ждать нас, а третья – со мною. Понадобится время на то, чтобы собрать их все вместе. Шредер останется тут еще ненадолго, а после приедет в Петербург. Воронцов в миссии Анстета, который назначен во Франкфурт представителем при Германской конфедерации. Крейдеман у него секретарем посольства, а Тормасов, племянник вашего генерала, помещен канцелярским служителем. Можешь объявить о сем твоему начальнику. Сим обязан он его рекомендации, ибо много имелось охотников. Бальмен назначен комиссаром на остров Св. Елены и очень тому рад.

Скажи моей кузине, что ее сын Василий остается с Михаилом Воронцовым. Я настоятельно ему его рекомендовал, как и всем

лицам, от коих он будет зависеть. Ему будет хорошо. Тургенев Сергей тоже остается при нем с 1500 рублей жалованья.

Константин. Дижон, 24 сентября 1815 года

Мы прибыли сюда вчера вечером. У меня разыгрались геморроиды, кои доставляют мне необыкновенные страдания. Насилу дотащился и теперь сижу; это подлинное мучение. Не знаю, как буду продолжать я дорогу, особенно так, как едем мы с Нессельроде. Словом, придется страдать, что делать! Все ходили смотреть австрийские войска; но я не двигаюсь и пользуюсь минутой, пока мы здесь, чтобы искать облегчения. Не представляй сие в трагическом свете Маше, но страдаю я, однако же, чертовски, несмотря на то, что сие неопасно.

Александр. Москва, 4 октября 1815 года

Тургенев сумасшедший; я направил к нему человека, который должен взять твои ящики и принести их мне сюда. Дважды Тургенев сказался отсутствующим дома; теперь он мне пишет и жалуется, что мой комиссионер не приходит за ящиками. Любовь закружила ему голову. Думаю, что брак этот в конце концов устроится. И этот будет нашего полку. Он мне написал, что толстый Шаховской поставил пьесу «Липецкие воды». Он ходил ее смотреть, есть остроумные мысли, но множество длиннот и скуки. Это сатира на балладника Жуковского и Уваровского «Гомера». Жуковский, выйдя из театра, воскликнул:

О чудо из чудес природы!
Он сотворил сухие воды.

Что до господина Сержа Гомера, оставляю его кому угодно: он совершенно испорчен. Я не Ахилл, он не воспоет мою ярость, но он тоже не Гомер; верно, это неудавшееся подражание Шатобриану.

Александр. Москва, 7 октября 1815 года

Я вчера был зван на обед к князю Юсупову; я и не думал встретить там своего начальника, генерала Тормасова, ни того, что, подойдя ко мне, он скажет: «Что ж, ваш брат собирается возвращаться». Он мне сказал, что император 1-го должен был прибыть в Берлин и что в конце сего месяца его величество будет в Петербурге.

Константин. Берлин, 10 октября 1815 года

Я выехал из Парижа, не вполне хорошо себя чувствуя, в

Дижоне был не совсем здоров, а по приезде в Нанси у меня случился приступ сильной лихорадки. Я, однако же, не захотел останавливаться и продолжил путь с Нессельроде. Этот приступ продолжался до Франкфурта, и по приезде туда я не выдержал. Нессельроде позвал своего врача, который категорически потребовал, чтобы я остался; я принужден был согласиться, он дал мне рвотное, из меня вышло много желчи, и сие спасло меня от горячки или желчной лихорадки. Однако же мне пришлось оставаться в постели и не покидать комнаты пять дней. Почувствовав себя несколько лучше, я вновь пустился в путь с Киселевым, вынужден был провести одну ночь в Лейпциге и по приезде сюда был так слаб, что должен был снова лечь в постель и лечиться. Благодарение Богу, теперь мне лучше. Оставшиеся дни, что мы здесь проведем, должны совершенно поставить меня на ноги.

Эта малая болезнь, задавленная при самом своем начале, спасла меня от большой, и право же, невозможно всегда быть здоровым! Надобно время от времени платить сию малую дань природе.

Все то время, что был я во Франкфурте, я ни на минуту не оставался один. Добрый Полетика приехал сюда в один день со мною и не только не оставлял меня ни на миг, но даже и оставался еще несколько дней после отъезда штаб-квартиры маршала, и я после провез его несколько прогонов, чтобы он нагнал его. Кроме него, видел я в это время 35 человек, кои являлись почти всякий день меня навещать, и среди прочих добрейшего Сабанеева, который получил отпуск на год и которому император пожаловал 20 тысяч рублей.

Слухи о моих претензиях на место почт-директора в Москве таковы же, как и все ложные слухи. Ты знаешь, мой милый, как обстоит дело. Ты знаешь, насколько мои планы от сего отличны. Впрочем, пусть болтают, что мне с того? Меня это только смешит, как и тебя. Ты, однако же, хорошо сделал бы, ежели сказал бы Келембету, что это неправда. Это успокоило бы, думаю, господина Рунича, коему сия новость, верно, не доставляет радости.

Константин. Берлин, 13 октября 1815 года

Император прибыл вчера, мой милый друг, и был встречен со всем воодушевлением, какое возбуждает он повсюду, где появляется. Я ходил смотреть на его прибытие, но не ко двору, ибо не могу покамест отважиться на приведение себя в порядок. Вероятно, скоро отправится почта, хочу, чтобы письмо мое было готово.

Константин. Берлин, 15 октября 1815 года

Я получил известия от бедняги Боголюбова. Он в ужасном состоянии в Мадриде; с ногою у него дело обстоит сносно, но он кашляет кровью, и очень вероятно, что у него чахотка. Ему только что предоставили шесть месяцев на поездку в Пизу, но бог знает, сможет ли он этим воспользоваться. Северин, который прибыл в Мадрид, говорит мне, что он совершенно утратил веселость и очень дурно выглядит. Что до Татищева, он теперь себя чувствует хорошо, после того, как едва не умер от местной колики, очень дрянной болезни. Маленький Кондырев и Фроманн получили крест Леопольда, чем очень довольны, и я их понимаю, ибо эта награда вызовет к ним уважение в Вене и даже, я думаю, повлечет за собою баронский титул. Вот Отт и опять поверенный в делах, ибо Штакельберг получил дозволение ехать в Италию, где австрийский император проведет зиму.

Ввечеру будет большой бал при дворе, был также и большой обед. Меня пригласили, но я занят только своим здоровьем и сторонюсь празднеств и удовольствий. Рихтер, коего ходил я навещать, поручает мне сказать тебе тысячу вещей. Не знаю, известно ли тебе, что он атташе при здешней миссии. Этот бедный молодой человек был во Франции с Алопеусом, упал с лошади и так повредил себе ногу, что уже три месяца не выходит из комнаты и может ходить только на костылях. Плохо то, что сие может еще долго продолжаться. Он много выстрадал. Это не мешает ему петь и играть в вист. Он тебя тоже очень любит. Я повстречал здесь Крафта, который был некоторое время в миссии в Вене, и Кенигсфельда, превосходного молодого человека, которого ты, кажется, не знаешь. Эти господа часто меня навещают. Берлин по-прежнему красивый город, но кажется очень пустынным после Парижа. Театр тут неважный. Поет все та же мамзель Шмальц, что пела некогда в Вене. Я ее еще не видал, но она, верно, постарела; что до красоты, то она никогда и не была красавицей. Есть здесь превосходный комический актер, заменивший знаменитого Ифланда, некто Девриан, он превосходен; а балет дурен.

Константин. Берлин, 21 октября 1815 года

Мюрату, который удалился на Корсику, там, вероятно, не понравилось. Он не мог позабыть былого своего величия и захотел устроить бегство а-ля Наполеон. Собрал некоторое число своих приверженцев, сел в рыбацкую лодку и отплыл в Калабрию, после чего распространил оскорбительное воззвание, которое начинается «вашим Иоахимом», где он объявляет законного

короля лишенным трона, словом, все наполненное подобными вещами. Оно не произвело никакого действия. Прибывает он в Пицци, показывается народу и говорит, что он их король, однако же сии добрые люди схватили его и его свиту и отвели к неаполитанскому генералу, заправлявшему поблизости. Вот он и попал в руки правительства. Назначили военную комиссию, чтобы судить его, приговор вынесли, привели в исполнение, и Мюрата расстреляли. Вот как окончил он свою карьеру.

Константин. Берлин, 25 октября 1815 года

Я также начинаю верить, что Тургенев слегка обезумел. Ежели это от любви, то невелика беда, это пройдет. Мне только досадно, что я отправил к нему свои вещи в минуту его любовной горячки. Однако же надеюсь, что все найдется; несколькими днями раньше или позже, это ничего. Право же, не понимаю я куража Шаховского, с каким критикует он Жуковского, одного из лучших наших поэтов, не исключая ни Державина, ни Ломоносова, ни Сумарокова. Это талант, коим всякий русский должен гордиться.

Третьего дня при дворе объявили о браке великого князя Николая с принцессой Шарлоттой, дочерью прусского короля. Она очень красива, будет очаровательная пара. Вот их и обручили; а когда будет свадьба, не знаю, но сказывают, что не ранее, чем через год.

Меня уверяют, что император изволит отбыть завтра. Нессельроде в таком случае выедет только двумя днями позже. Я рассчитываю ехать в один день с ним, с той разницей, что вынужден буду всякую ночь спать, по приказанию врача. Сие письмо я вручу господину Марченко с просьбою отправить его тебе с первой же почтою, которая отправится, вероятно, из Варшавы еще прежде моего прибытия. Без сего ты будешь некоторое время без известий от меня, что может тебя встревожить. Здоровье мое поправляется, но мне еще надобен уход, и я решился следовать предписаниям господина Форане, коему в высшей степени доверяю. Вчера получил я письма из Парижа, от Шредера и от Воронцова. Последний совершенно счастлив оказаться среди всех своих родных, ибо отец Михаила тоже в Париже. Не знаю, говорил ли я тебе, что и Мария Бальмен сейчас в Париже.

Константин. Варшава, 5 ноября 1815 года

Вот я и в Варшаве, после шести дней скучного и утомительного путешествия. Спал я только две ночи, без чего был бы, я думаю, все еще на сих дурных дорогах. Впрочем, состояние

здоровья моего не потребовало более частых остановок, и чувствую я себя довольно сносно. Надеюсь, что в течение пребывания нашего тут я окончательно поправлюсь. Варшава мне особенным образом напоминает о нашем батюшке. Я нашел здесь многих лиц, кои вспоминают о нем с удовольствием и отнеслись ко мне с великою дружбою. Повстречал я и многих наших прежних знакомых: Пака, Веселовского, кривляку Корсаковского, брата Виленского епископа, и проч. и проч.; но я не видал ни одной дамы из Вильны, а может быть, я их и не узнал, они, должно быть, несколько переменились. Был я на блистательном балу, который князь Адам давал императору. Поскольку я не танцую, то развлекался болтовней с прежними моими знакомцами. И подлинно наслаждался я тем, что вижу нашего доброго императора, коего не видал с самого Дижона. Он был так добр, что заметил меня и подошел ко мне с тем ангельским видом, каким он один обладает. Невозможно не обожать его, и я почитаю себя воистину счастливцем, оттого что мог сопровождать его в течение нескольких лет во время столь важных событий и быть свидетелем того воодушевления, какое возбуждал он повсюду, где только появлялся.

Александр. Москва, 25 ноября 1815 года

Лестно быть кавалером ордена государя, который так мало церемонился, чтобы снять с Мюрата его корону, а с нею и голову. Это называется: одним ударом двух зайцев. Ай да мой Фердинанд! Вспомнил меня, вспомнил, что у него в 1805 году так мало было надежных слуг, что бедный Булгаков днем работал для Татищева, а ночи сидел у маркиза Чирчелло, работая для короля. Признаюсь тебе, что приятно носить заслуженный уже орден. Я должен был тогда его получить, но боялись, как бы Алькье, посол Франции, что-нибудь не заподозрил. Трактат 1805 года 10 сентября, который Татищев подписал, а составил я, вместе с Полетикою, обеспечивает мне сию награду. Кстати, милый мой, не забудь, что мне надобно словечко от графа Нессельроде для дозволения носить этот крест. Теперь можно терпеливее ждать попасться в Лазари и Маврикии. Говори что хочешь, а Январь[152] не испортил бы никакого году. Славный орден. Давай больше крестов. У Кости грудь широкая, богатырская. Людвиг, дважды вдовец, обязательно должен был дать тебе какой-нибудь крест или же шкатулку в 25 000 франков. Но он не таков, как наш Фердинанд, который одной рукою расстреливает изменников, а другою награждает честных людей, в то время как Ней еще жив. Но ежели король будет медлить повесить Нея, тогда Ней повесит короля. Мерзкое отродье! Я в восхищении, что ты дал друзьям

Ванише и Шредеру кисеты для табака. Наташа совершенно это одобряет, а мешку, право, стоит принадлежать таким курильщикам и таким приятелям.

Ты говоришь мне о Тургеневе. Увы, я довольно его знаю, его достоинства и недостатки. Это письмо не через него шло, боясь, чтобы он, в своем любовном бреду[153], не сделал бы ему какое иное употребление.

Константин. Петербург, 6 декабря 1815 года

Наконец-то, милый друг, я здесь! Меня уж отделяют от тебя только двести лье, и они скоро останутся позади, как только окажусь я в моей маленькой коляске. Я тут уже два дня. Ты хочешь, верно, знать, надолго ли. Я на то не надеюсь и того не желаю, да только мне надобно уладить несколько мелких дел, и после того стану я счастливейшим человеком в мире в объятиях брата, коего люблю больше жизни. Не буду говорить тебе ни о радости, какую испытал я, обняв нашего благодетеля, ни о ласковости, с какою он и жена его меня приняли. Сохраню это для разговора с тобою по приезде моем. У Тургенева, и правда, голова кругом идет, но это не мешает ему быть лучшим в мире малым. Я разыскал свои ящики и сам их отправлю. Я провожу жизнь на бегу, был у Пушкиных, кои нас подлинно любят. Повстречал я здесь моего друга по армии, добрейшего Полетику, который во что бы то ни стало желает ехать в Москву со мною.

Александр. Москва, 6 декабря 1815 года

Вчера 101 выстрел из кремлевских пушек возвестил прибытие государя императора в Петербург. Всякий имел свою долю радости, но моя была, думаю, самой основательной, мой милый друг, поскольку возвещала мне и твое возвращение. Я был у Тургенева, когда прибыла эстафета. Через полчаса весь город был наполнен радостным известием. Я тотчас побежал объявить его милому другу Волкову, который болеет. Эта новость его вновь оживила, ибо он в ней полагает конец своим страданиям и своей службе, которую ненавидит; в самом деле, полная потеря здоровья и его маленького состояния после 22 лет активной службы, да еще рана, которая его мучает, – все это ему стоило только приятности быть одним из старых полковников в России. Он будет смотреть на увольнение свое как на особую милость и, если не получит с тем пенсии и генеральского звания, примется возделывать землю, а его друзья ему помогут.

Константин. Петербург, 9 декабря 1815 года

Я не выхожу почти из кареты и, право, замучился. Только что

продеру глаза, как уже наплывает ко мне куча народу – и приятелей, и старых знакомых, и людей, кои воображают себе, что я могу им быть полезен, и кои сильно ошибаются.

Был я два раза у Катерины Даниловны [матери А.А. Волкова] и не застал ее дома. Что меня бесит особенно, так это то, что никого не застаю и надобно возвращаться по десять раз, прежде чем кого увижу, не считая милых Алексеевых, коих вижу часто и всегда с новым удовольствием. Я обедал также у Посникова, который задал нам превосходный обед; во все дни я зван, завтра обедаю у Полетики. Мое величайшее утешение быть вместе с друзьями. Я тебе еще не отослал твои неаполитанские газеты, держу их у себя, ибо надобно, чтобы Нессельроде получил для тебя дозволение носить орден моего начальника. Вообрази, что награду не выслали, а, к несчастью, я не могу тебе сделать ее тут, ибо единственный кавалер, Александр, отсутствует в Петербурге: его сделали полицмейстером в Чернигове.

Константин. Петербург, 13 декабря 1815 года

Вчера должен был я быть представлен императрицам, но представление не состоялось; я, однако же, имел счастие видеть нашего ангельского императора и утром, и вечером на балу, куда был я зван, несмотря на то, что не имею на то никакого права, и особенно потому, что не был представлен императрице-матери, которая бал и давала. И утром, и вечером император меня заметил и соблаговолил говорить со мною. Поистине, когда он говорит, то осчастливливает того, к кому обращается. Утром он сказал мне: «Здравствуй, сопутчик, когда приехал?» Никогда не позабуду я времени, когда имел счастие быть рядом с ним столь долго и в такое интересное время. Я рассказываю тебе о его милостях, ибо ты сумеешь их оценить; все, что случается со мною счастливого, доставляет тебе радость, да и может ли существовать для меня что-нибудь более прекрасное, нежели быть лично известным лучшему из повелителей, и, смею писать, не в самом невыгодном свете. Я ношусь весь день. Часто вижу добрых Алексеевых, Пушкиных. Я не могу забыть, что батюшка был их другом, и хожу к ним подлинно как в свою собственную семью. Меня осыпают дружескими знаками внимания. Мне тебе нечего сказать теперь. Я говорил вчера перед князем Урусовым с генералом Балашовым о Волкове. Он весьма им интересуется и хочет ему быть полезен.

Вчера я обедал у Лонгинова с Бенкендорфом, который только что приехал и шлет тебе привет.

Константин. Петербург, 16 декабря 1815 года

Тургенев в печали, его брак никак не устроится, кажется, есть интриги, и милый мальчик страдает. Он заслуживает счастья, и сие было превосходным средством[154].

Константин. Петербург, 20 декабря 1815 года

Ныне должен состояться въезд персидского посла, со слонами и всей прочей бутафорией. Завтра он нанесет визит Нессельроде, а в четверг будет иметь аудиенцию у императора. Его величество приказал, чтобы перевод речи послу зачитал именно я. Ты прочтешь все подробности в церемониале, который посылаю тебе вместе с письмом.

Александр. Москва, 20 декабря 1815 года

Едва прочел я вчера письмо от Марьи Любимовны[155], как был обрадован твоим от 13-го числа под № 107. Как быть, любезный брат, все меня уговаривают слетать в Петербург, даже Марица. Ей кажется, что это поторопит возвращение твое сюда. Льют масло на раскаленные угли. Признаюсь, что умираю от нетерпения тебя обнять, но хорошенько остерегусь показывать это Марице: это только увеличит ее нетерпение. Я ей выставляю причиною мою ужасную занятость. У меня даже есть приглашение от графа Ростопчина. Я думал, что испытаю чудовищное сопротивление, а вместо того Марица торопит меня ехать, но ехать скоро или не ехать вовсе, и тут она права. Наташа равным образом побуждает меня к этому путешествию. Она представляет удовольствие, кое буду иметь я, – обнять тебя двумя неделями ранее, и к тому же надобно мне исполнить священный долг в отношении нашего благодетеля Алексеева. Словом, милый мой, голова у меня идет кругом, и думаю, что я поддамся искушению. Моим великим желанием было бы видеть в Петербурге только Алексеевых, тетушку и Тургенева, ежели возможно, и улететь обратно летучей мышью.

Скажи Тургеневу не печатать столько Библий: знаменитый игрок в бильярд князь Мещерский сошел с ума от того, что читал Новый Завет. И бедный «качай-старик», старый князь Василий, тоже с ума сошел. Он у меня вчера спросил, расстреляли ли уже Барклая, перепутав нашего фельдмаршала с маршалом Неем. Я у него спросил, в чем же преступление Барклая, а он отвечал, что тот короновал Бонапарта на острове Св. Елены. Он не знает уже, что говорит, жалок, бедный. Я ему сказал: «Качай, старик». Это его рассмешило, и он беспрестанно твердил эти слова, не понимая их значения. Это не мешает мне, однако же, любить его от всего сердца. Я знаю, чем мы ему обязаны, и знаю, как усерден он был в важных и существенных случаях.

Я думаю, что письма твои удержат здесь старика и без того, чтобы я был здесь и мешал ему ехать. Скажи ему, что его присутствие в Петербурге покамест бесполезно, и по причинам, кои объяснишь ты ему, когда его увидишь. Я же шепну ему, что император, верно, приедет в Москву по дороге в Молдавскую армию. Этого довольно, чтобы вскружить ему голову и привести его к терпению. Посылка Киселева в Бессарабию уже ему голову заморочила насчет войны с турками. Впрочем, разговоры о том, что император сюда скоро приедет, можно и в городе слышать. Марица не так хорошо покупается на сии доводы, но Марице я твержу постоянно: «Милая моя, он уже *в России*, еще немного терпения; вы ждали год, подождите еще несколько дней».

Константин. Петербург, 23 декабря 1815 года

Мне очень неприятно было сообщать тебе, что сталось с делом Тургенева, и мне тоже кажется, что тут были интриги и слухи; что до него, то он безутешен. Я какое-то время не верил, что он стал причиною разрыва: он неспособен на подлость.

Нынче состоится аудиенция персидского посла, где и я буду играть свою роль. Надобно в ранний час отправляться ко двору. Въезд персидского посла состоялся в понедельник, как и описывается в приложенной брошюрке. Слоны были очень элегантны со своими кеньгами.

Иезуиты запрещены и высланы отсюда. Сие воистину акт правосудия. Невозможно же простирать терпимость вплоть до причинения ущерба собственной религии, а эти господа все свои заботы и усилия направляли на то, чтобы делать прозелитов, дурить головы детям и женщинам. С этой новостью все поздравляют друг друга, как со взятием Наполеона; это доказывает, насколько общественное мнение противилось деятельности иезуитов.

***

В начале 1816 года младший Булгаков возвратился наконец в Москву, к молодой супруге своей и старшему брату. Император Александр Павлович ценил его служебные дарования и трудолюбие: тесть его (бывший валашский вестиар) пожалован был чином действительного статского советника, ему самому дана пенсия в 6 тысяч червонных. Государь двоекратно выражал желание определить его посланником в Данию, но Константин Яковлевич вместо должности дипломатической испросил себе московское почт-директорство. Таким образом, братья Булгаковы зажили в Москве и были почти неразлучны до 1819 года, когда младший из них переехал в Петербург на ту же должность. Старший занялся хозяйственными делами и управлял унаследованными от отца их

имениями в Витебской губерниц, куда и ездил в 1817 году. Ради этих же хозяйственных дел в августе 1818 года проживал он в Петербурге.

Константин. Москва, 24 июля 1816 года

Третьего дня, по случаю именин вдовствующей императрицы, был большой обед у Тормасова. Утром я был у него с поздравлениями и представил ему Рушковского [Иван Александрович Рушковский, определенный в Московский почтамт еще канцлером графом А.Р.Воронцовым, т. е. в начале столетия, и преемник К.Я.Булгакова на московском почт-директорстве]. Он много расспрашивал меня о том, что у вас нового. После того мы были на обедне в церкви Дома для сирот и подкидышей. Августин служил, был благодарственный молебен, а потом завтрак. Пообедал я у Тормасова, но на сей раз сидел не с Лодером, а между Шульгиным и Урусовым. Тут был Орлов, генерал-адъютант, отпущенный на два года в отпуск, и измайловский генерал Храповицкий, присланный учить здешний гарнизон и войска. Закревский будет сюда за три дня до государя [это был первый приезд Александра Павловича в обновленную после французского разорения Москву; с ним был тогда в первый раз в Москве и великий князь Николай Павлович]. Еще будут граф Аракчеев, Волконский, Уваров, Киселев, Марченко, Панкратьев, коим уже и квартиры изготовлены. Смотрите, вы не опоздайте, к 15-му явитесь непременно. В тот же день, то есть в субботу, были мы все в Екатерининском институте, где был бал с сюрпризом для именин госпожи Крок.

Лонгинов мне пишет от 18-го: «Строганов едет этим вечером в Константинополь. Бутенев (очень милый мальчик, состоящий при миссии в Штутгарте) назначен секретарем посольства вместо Боброва. Император уезжает отсюда 8-го, так что доедет до вас 10-го. (Этому не верю.) Оттуда поедет в Киев и Варшаву. Праздник Бурсы был некрасив, все пропало из-за нескончаемого дождя».

Константин. Москва, 27 июля 1816 года

Наконец получил я разрешение насчет квартирных денег и приказание ломать ветхие флигеля, а между тем как опробован будет план для нового строения, поставить каменные или деревянные заборы. Вчера был я у главнокомандующего, просил его о дозволении строить деревянные заборы, ибо это только временные, а каменные по смете (слово проклятое!) стоили бы с лишком 20 тысяч, и то одни столбы с решеткой деревянною. Он на сие согласился, но непременно надобно все кончить к приезду

государя, то есть старые сломать, свезти, вывести всех живущих в них, поставить и выкрасить заборы. Не знаю, право, как успеть, а нечего делать: надобно стараться. Квартирными деньгами иные довольны, другие нет, как обыкновенно бывает; но это уже не моя вина. Шредер мне пишет, что с государем будет еще и граф Каподистрия, а с ним, вероятно, Северин, чему я душевно рад. Смотрите, вы не опоздайте. Накануне Петергофского праздника поехал в Петергоф Каподистрия и должен был докладывать о деле Варлама.

Яковенко пишет мне из Бухареста от 16 июля: курьер, прибывший сейчас из Константинополя, объявил, что моровая язва начала вновь свирепствовать, в самом доме Италинского в Буюкдере 4 человека заражены, а Андрей Яковлевич находится в такой опасности, что не имеет свободного сообщения и с своими чиновниками. Бумаги, приносимые к нему, подписывает, подкладывая под свою руку доску, и не допускает к себе даже Боброва. Экая беда! Жаль мне его сердечно, скоро его Строганов выручит из сего карантина, ибо он уже оставил Петербург. У нас здесь нового ничего нет. В Кремле работа чудесным образом подвигается; площадь в Китай-городе скоро будет готова, одним словом, все так и кипит. Как-то пойдут наши заборы! Мы опять с Бибиковым описываем товары, коих в сем приеме еще более.

Вчера проехал здесь инспектор почт Доливо-Добровольский, обедал у меня и тотчас отправился далее в Петербург. Я своих инвалидов начал учить ходить и стоять, взял у Волкова унтер-офицера. Первое и второе для них трудно, ибо они почти всегда пьяны.

Шредер мне пишет: «Должен сказать вам еще несколько слов об одном оригинале-англичанине, явившемся в Петербург. Это господин Кертис, которого вы, возможно, встречали в Лондоне. Он путешествует на собственном судне. Бросил якорь перед домом посольства Англии, дал несколько обедов на борту своего корабля, на которых были господа Гурьев и Каподистрия. Сегодня идет в Петергоф, разумеется, водным путем, откуда возвращается прямо в Англию. Если бы Нева текла в Москву, поехал бы и туда, чтобы видеть въезд императора и на следующий день отбыть». Экие оригиналы!

Константин. Москва, 31 июля 1816 года

Варламовы дела начинают устраиваться, но не совсем так, как он желал. Дочь, что в монастыре, сделана фрейлиной, Костаки поступает в Пажеский корпус (чему очень я рад, по крайней мере, может быть, сделают из него человека). Янко записан также в пажи. Император советует ему ехать в Бухарест,

чтобы озаботиться там продажей своего имущества, обещая ему свое покровительство, а также в Валахию и в Константинополь. Необходимо дать ему еще денег, чтобы он смог поехать, не наделав новых долгов. В займе отказано, но вновь дано обещание имения в Бессарабии.

Константин. Москва, 6 августа 1816 года

Московские вести все те же: строят, красят, украшают город, только и речей, что о приезде государя. На Кузнецком мосту множество карет, дрожек, барыни все заказывают платья к балам, а я еще о сем и не думал. Я все-таки сомневаюсь, чтобы в Китай-городе все было готово; хотя площадь и отделана, лавки строятся, работников тьма, но и дела множество.

Каподистрия будет жить в архиерейском доме, там же, где и граф Аракчеев, Закревский – у Волкова, прочие, кажется, во дворце. Вчера был у меня князь Трубецкой, генерал-адъютант, проездом в свои деревни. Также был Рибопьер, едущий в Смоленск. Мы ездили гулять в Петровское-Разумовское, набрали грибов, напились сливок и порядочно погуляли. Сегодня также сбираемся куда-нибудь ехать, погода стала прекрасная. Мне Разумовского сад, а особливо пруд, весьма понравился. Походит на Царское Село. И этот человек не пользуется столь прекрасной подмосковною, а живет в Петербурге бог знает зачем.

Александр. Можайск, 7 сентября 1817 года

Тут можно подумать, по всем слышанным мною рассказам, что Бородинское сражение только вчера состоялось. Все еще пугают детей, говоря: «Чу, французы палят!» Я обнаружил здесь так называемый портрет Нея, рисованный красным карандашом, с четверостишием, кое я списал:

Можайским князем возвеличен
Французский маршал Ней;
Можайск и был всегда отличен
Породою свиней.
Не так глупо!

Досадно мне, что уже поздно: не увижу я поля Бородинского сражения. Придется отложить это на обратный путь. Одно заставляет меня беспрестанно краснеть: титул «превосходительства», расточаемый тут моему ордену. Не хотят ни согласиться с моими резонами, ни дать себе труд получше прочесть мой паспорт. Напрасно я говорю, что не все то золото, что блестит. Что ж, будем золотом, будем превосходительством!

Был же семь лет превосходительством в Италии.

Александр. Смоленск, 10 сентября 1817 года

Здесь весь генералитет в отсутствии: поехали все в Вязьму, где играется свадьба Пашкевича-генерала. Он женится на Грибоедовой. Дворянство здешнее хотело сподличать, просило у графа Аракчеева позволения поставить его портрет в дворянском собрании и требовали присылки похожего из Петербурга. Сиятельный отвечает: «Я желаю, чтобы изображение мое было в сердцах смоленских жителей, а портрету моему непристойно быть там, где один государев висеть может».

Александр. Смоленск, 11 сентября 1817 года

Дорога преславная, я не видывал подобной никогда. Я думаю, десяти ухабов не было до Смоленска. Время самое летнее, даже жарко, ночью очень светло от месяца. Еду себе, то ем, то курю, то Глухова дурачу; а его все рвет да рвет, а как не рвет, так врет чепуху. Уверен, что, «кабы не было этих аллей по Белоруссии, Бонапарт не нашел бы дороги в Москву, потому что не у кого было спросить: мужики по-французски не разумеют, да они же все разбежались по лесам, точно они наделали все эти несчастья. Вы с прошлого года изволили смеяться надо мною, а уж это *беспременно*, что он, шедши все по аллеям, дошел и до Москвы».

Костров очень обрадовался твоему письму, и что будет служить под твоими глазами. Он здесь, кажется, всеми любим; заключаю это по дружественным письмам к нему от Паскевича, Писарева, кои здесь долго стояли. Здесь один губернатор уцелел, почти все сменены советники; вице-губернатор также новый приехал, какой-то полковник Темиров, комендант и проч., все это новые. Я решаюсь здесь провести вечер и ночевать, чтобы отдохнуть, в Велицы мне все равно приехать, что до обеда, что после: все в тот же день не поеду по деревням; по крайней мере, не так устану. Не могу нахвалиться не только Костровым, но приемом всех вообще на станциях. Перед самой Вязьмою, в Теплухе, смотритель новый, солдат, служивший в последнюю шведскую войну, рассказывал, как возле него был убит князь Михаил Долгоруков; а лучший его анекдот, хотя также живописный, это, как третьего дня генерал-майор Панчулидзев хотел его привязать к колесу за то, что не было лошадей. Лучше пилить сандал, чем быть смотрителем за 100 рублей несчастных, кои получают. Нет им покою ни днем ни ночью; их же колотят. Он доказал, что ямщики его не слушают, что из Вязьмы долго не возвращаются, то есть часов по десять и по пятнадцать. «Ты с них шкуру дери, а я с тебя», – отвечал беспардонный генерал. Я

сказал ему, чтобы заявил почтмейстеру Вяземскому; он отвечал, что два раза жаловался Булатову, но что тот не входит в это. Мне кажется, дурно делает Булатов, что потакает ямщикам. Ежели будет сюда какой-нибудь объездный, то не худо бы ему это разобрать; а бедный Горемыкин скорее решится на колесование, нежели тебе жаловаться.

Нельзя описать радость, которую везде производит отменение рекрутского набора. Я первый это возвестил на дороге.

Александр. Велицы, 12 сентября 1817 года

Наконец я на месте! От Смоленска дорога была очень дурна, выключая некоторые места. Проклятые обозы, коих идет бездна от Смоленска в Белоруссию, перепортили все дороги. Весь город спит уже в сей час. Я принужден был остановиться у одной жидовки в довольно грязной комнате, в окружении маленьких храпящих жиденков. Чувствую искушение украсть одного для исполнения поручения Софьи Пушкиной. Я потерял два часа времени в Поречье, где крупные городские тузы, то есть городничий, судья и твой экспедитор, лично явились звать меня на свадьбу. Это было уморительно. Новобрачная – дочь помощника твоего экспедитора, а супруг – офицер Иркутского гусарского полка, расквартированного в городе.

Теперь выпью полдюжины чашек чая с ромом и буду спать как лакей. Негодные жидки так кричат, что мочи нет. Я на одного закричал и жизни не рад: вдруг их с дюжину завизжало во все горло, как будто режут. Экое отродье!

Александр. Велицы, 13 сентября 1817 года

Я прибыл сюда вчера в 6 часов вечера, благополучно. Поездка эта совершилась с невероятною скоростью, ибо ежели вычесть 14 часов, кои я потерял, ночуя в Смоленске, то я приехал из Москвы в Велицы ровно в 50 часов. Дорога и погода славные, только пыль одолела. Стал я здесь у городничего и бывшего опекуна нашего Шестакова. Явился тотчас Ефим Петров, ожидавший нас уже два дня здесь. Был я в бане, а там лег спать и качнул до десяти часов утра. Вставши, принимаюсь тотчас писать к тебе, любезный брат, ибо спешу тотчас в ближайшую деревню, Хилино. Боюсь, чтобы время не испортилось, да заеду также к Богдановичу, где чинятся наши котлы винокуренные. Ефим говорит, что в деревне, слава Богу, все благополучно. Хлеб уже весь убран. Жаль, что я не ранее сюда приехал: имел бы счастие, коим удостоился наш писарь в Чурилове, а именно – принять государя, проезжавшего нашей станцией. Дом наш почтовый очень хорош, построен вновь, лошади славные. Государь был очень весел и смеялся фигуре

заседателя Ясенского, который все забегивал и перед государем вытягивался. В Витебске не было ничего, только герцогине Вюртембергской дана аренда. Очень близко от нас, в Сураже, мужик подал государю просьбу на тиранства своего помещика. Велено это рассмотреть. В Могилеве император изволил стоять у губернатора, графа Толстого, коему пожалована табакерка. Впрочем, 30-го никаких милостей не было. Вот все, что знают здесь о проезде императора. Слух носится, что государь не прежде 16 октября будет в Москву, а сказывал это Петр Иванович Миллер, наш сосед.

Александр. Городня, 15 сентября 1817 года

Сюда ехал весел, а приехал на беду: в Граблине был третьего дня пожар, ночью, и весь наш хлеб в пяти амбарах сгорел. Это большой удар нашему хозяйству; убытку будет, конечно, тысяч на 20. Не поверишь, как это меня сразило. Бедный Ефим все плачет. Строение славное, его трудами поставлено, ржи одной было до 700 четвертей, кроме овса, соломы и прочего хлеба. Я уже просил суд нарядить следствие, но что пользы? Что сгорело, не воротишь. Не доищешься причины. Не хочу верить, чтобы подожгли (это мнение Алексианова); скорее, от проклятых трубок, кои курят солдаты; тут же, неподалеку, была ярмарка, из которой все воротились пьяные. Здесь, на перевозе у Алексианова, один пьяный солдат даже и утонул. Все мне говорят, что почти всякий год бывают от трубок несчастья, а теперь такая засуха, что и земля сделалась как порох. Прошлого года у соседа Богдановича также от трубки загорелись все хлебные амбары. Чем кормить скот без соломы? Чем гнать вино без хлеба? Беда!

Завтра еду в Граблино все лично освидетельствовать. Ефим, чем бы меня утешить, более только огорчает, говорит: «Ежели бы я не был в отлучке, может быть, и беды бы не было». Да как знать это? Дело баб и детей плакать; надобно как-нибудь помочь этому. Нечего делать, надобно мужикам разделить грех пополам. Солому возьму с них, обложив всякое тягло, а остающееся от того года вино, то есть деньги, кои за него выручатся, употреблю на покупку сколько можно хлеба; ибо ежели встанут винокурни, то прощай и доходы наши. Мне должно здесь остаться долее, нежели я думал. Покуда все не учредится, отсюда не уеду. Не могу тебе еще назначить времени, не побывав в Граблине. Здесь накопилось до 1000 рублей, да в Чурилове и Хилине столько же. Тотчас надобно приняться за строение. Без имения худо, а и с имениями вот какие бывают беды. Здесь нашел я все очень исправно и войту определил жалованье 60 рублей. Дом приходит к окончанию и

очень хорош, вид прекрасный. Обедал у нашего священника. Все хорошо, но только и я, и все повесив носы. Месяца два надобно забыть о доходах, а меня человека три ждут с деньгами.

Константин. Москва, 17 сентября 1817 года

Петербургские гости начинают съезжаться, князь Трубецкой, генерал Розен уже здесь, казаки вступили вчера. Сейчас получено известие, что вся правая сторона Черной Грязи, как ехать из Москвы, сгорела; слава Богу, что мост и почтовый дворец, который мы только что отстроили, уцелели.

Александр. Село Белицы, 18 сентября 1817 года

Отчего загорелось, никак добраться не мог; была ночь, все спали, даже караульные, которых я велел высечь в присутствии целой деревни. Меры взяты, чтобы вперед избавиться от подобных бед; но эта потеря невозвратная. За строением дело не станет: лес и люди есть, тотчас примутся работать. Я объявил мужикам, что они должны нести часть убытку. Сделал раскладку, и с них со всех возьму солому для прокормления скотины зимой; а уж рожь, нечего делать, надобно будет купить где-нибудь подешевле, ибо здесь она по 18 рублей четверть. Остающееся от прошлого года вино определил я на эту покупку, также старых коров велел продать, хоть и дешево; с жидов-корчмарей получил тысяч до четырех. Этими ресурсами исправил несчастие, но зато месяца два не получим доходов.

Надобно сказать спасибо Ефиму: все найдено чисто, в величайшем устройстве. Писарям дал по 100 рублей единовременно для ободрения их. Войтам, коих должность очень обширна, определил я по 60 рублей жалованья в год, а ключникам, у которых ключи ото всего, по 25 рублей. Все очень довольны. Без этого несчастного пожара и я бы очень был доволен. Как быть? Городнянский дом очень хорош, теперь кладу печи. Завтра опять туда еду со здешним архитектором, чтобы сделать при себе род крылечка в среднем доме, на бельведере наверху. То хорошо, что все домашнее. Дом тот в Москве стоил бы 25 000, а здесь и трех не стоит: плотники, столяры, слесаря, конопатчики, кузнецы, печники – все свои и очень хорошие. Кирпичи у нас славно жгутся, наделано их до 50 000. Станем подводить фундамент. Дом обобьем тесом, а внутри обои или оштукатурить? Запасов домашних послано в Москву пропасть: сукно этот год и шире, и тоньше, годится и людям, и на пол. С первым путем явится большой обоз со всем этим, а между прочим и туша для Лукьяна Яковлева и Ампле́я.

Александр. Сельцо Граблино, 24 сентября 1817 года

Султан в Константинополе! Ему недостает токмо брата его, султанши и цыпляточек. За их отсутствием он скучает, хотя и занят беспрестанно. Я нашел здесь порядок замечательный и величайшее усердие в крестьянах, особливо в тех, что работают в винокурнях; я не мог удержаться, чтобы не подарить их деньгами, для ободрения этих славных людей. Пот стекал со лба их. «Что помпы, тяжелы?» – «Ничего, – отвечали они мне, улыбаясь и удваивая усилия свои. – Работали мы на чужих, а теперь для родных панов легче працовать».

Я тебе писал из Можайска, из Гжатска, из Смоленска и из Велиц. На следующий день по приезде поеду с Ефимом в свои имения. Я стал у бывшего опекуна Алексианова, который по дороге. Я нашел его больным от последствия заговора его людей, кои в один прекрасный вечер все сбежали из дому, устав от дурного его обращения. Он меня накормил хорошим обедом и ужином. Проспав одну ночь у него, мы продолжили путь наш в Хилино. Я посетил новую винокурню, она подлинно игрушка, и чистота такая, какой нигде я не видал. Много скота, а чердаки набиты зерном, овсом и проч. В одном Хилино у нас 591 четверть зерна и 921 четверть овса. Только имение Переца отделяет Хилино от Граблина; ежели бы мы могли купить его или заложить Чурилово, вместо того чтобы продавать это имение, мы ладно устроили бы дела наши, а доходы наши удвоились бы; но, кажется, Перец добился остановки продажи владений своих с молотка. Сегодня, рано поднявшись, я захотел осмотреть все сначала, то есть как мука делается вином. Это любопытно, но признаюсь тебе, что еще мало понимаю все это. Впрочем, мы покамест только в начале операции, которая должна окончиться поздно вечером; я оставил все в брожении. Покамест это делается, я пришел сюда тебе написать.

Вчера я был пьян, а после болен, оттого что пробовал там и здесь вино и разную степень его силы; сам того не заметив, я опьянел. Я лег спать без ужина с жестокою головною болью. Выспался, и все прошло. Сегодня делал я шинкаря: продал жиду до ста ведер вина. В городе есть бочек с тридцать вина, теперь большой будет расход, и выручится денег довольно. Зато в пост мало сойдет. Мне очень хочется умножить во всех частях винокурение так, чтобы, по крайней мере, продавать нам 40 000 ведер. Людей прибавлять не надобно будет, а издержки раз навсегда, котлов, бочек и проч., не так важны. Посвятя тысяч восемь на это, сделаем мы себе престрашное приращение доходов; но к этому приступить нельзя прежде будущего года, и своего хлеба не станет, надобно купить, и купить вовремя,

дешево. Нынешний урожай будет плох, но все-таки лучше ожидания. Мы имеем намолоченного более 2000 четвертей ржи, с лишком 100 четвертей пшеницы и 3600 четвертей овса. Гусарский полк, к несчастью, выступает отсюда. Если сделаны контракты и взяты задатки, мы выручили бы более 20 000 от сена и овса. Ежели будет сюда, как говорят, конная артиллерия, так хорошо; а без нее надобно будет со слезами провожать елисаветградских гусар. Тормасов премного благодарит меня за рыбу, которую ему послал, и за калачи.

Константин. Москва, 27 сентября 1817 года

Умер старик Заборовский, который, помнишь, был уверен, что он виновник несчастий Европы: ибо если бы он принял в службу Наполеона[156], когда сей был поручиком и сего искал, то бы не быть ему императором. Впрочем, о нем сожалеют; старик был добрый и честный.

Вчера граф Тормасов был не очень здоров. Жаль, если занеможет серьезно: очень будет некстати.

1818 год

Александр Черная Грязь, 6 августа 1818 года

Еду изрядно, но грязно; но не была бы и станция так названа. Но вы хороши! Уморили со смеху. Подразни Федора Дмитриевича. Я нашел смотрителя в сокрушении. «Что ты, братец?» – «Как что! Получил приказ от почт-директора готовить для генерала Булгакова 24 лошади (вместо четырех!)». То-то наделает Федор Дмитриевич тревоги по Петербургскому тракту. Смотритель так и вспрыгнул, узнав, что генерал Булгаков перед ним, но требует только 4, а не 24 лошади.

Дом здесь игрушка, хоть куда! Хозяин хват, но плохо идут барыши, жалуется.

Александр. Клин, вторник, 5 часов пополудни

Вот я и в Клину, любезный брат. Все идет хорошо. Пыли нет, не жарко, коляска цела, трубка курится. Евсей рассказывает балясы. В Подсолнечной славно поел. Обе станции славно устроены. Я входил даже на кухню. Везде чисто, а в Черной Грязи даже картины, бронзовые часы, портреты Козодавлева, а под ними то же изображение Мечникова, то же, которое у тебя в рамках красного дерева. Успокой Серапина. Черногрязский смотритель спьяна, со сна, сглупу прочел вместо *давать по четыре – двадцать четыре* лошади. Его коллега из Подсолнечной смеется над ним.

Александр. Торжок, 7 августа 1818 года

Хотя я и не в Марокко, но окружен марокином, который хотят заставить меня купить во что бы то ни стало. Из дурного сего каламбура ты догадаешься, что я в знаменитом городе Торжке. Нельзя жаловаться: до сих пор все идет хорошо, любезный брат. Покуда накрывают на стол и делают маленькую починочку в коляске, пишу тебе строки сии. Время хорошо; боялись мы дождя поутру, нашли тучи, но Евсеевы вздохи их разогнали, видно. Он хромеет, утверждает, что у него в большом пальце лопнула жила (новая болезнь, о коей можешь сказать Бремеру). В Тверь приехал в 4 часа утра. Я уступил победу сну и, проспав два часа с половиною у приятеля Гальяни*, выпил кофе и поскакал.

Что-то делается у вас в Свирлове? Впрочем, не сомневаюсь; но боюсь, что Саша не узнает другого Сашу [младенца – сына Константина Яковлевича Булгакова] по возвращении из Петербурга.

Тверь очень украсилась. По реке сделано гулянье. В Завидове (кажется, там) атаковала меня мать смотрителева, рассказывая, как она в 12-м году ушла без башмаков за 300 верст и все потеряла. Я старался ее утешить тем, что тот, от которого она бежала, сам теперь почти без штанов (Бонапарт), а она отвечала: ничто ему, таковскому сыну! Ежели бы Иван Александрович [Рушковский, с 1819 года почт-директор в Москве] увидел, какие мне почеты отдают, он бы мне позавидовал. Они бы следовали помощнику, а не брату почт-директора.

Обнимаю всех вас душевно. Я надеюсь, что Серапин мне великодушно извинил, что Черногрязский смотритель скотина? По дороге весь народ пьян по случаю праздника Преображения Господня.

Александр. Бронницы, 9 августа 1818 года

Коляска начала шалить. Серьезных бед нет, но все легонькие починочки, которые меня, однако же, задерживают. Переваривают шину здесь, а в Крестцах спицу вставили. Я могу поспеть в Петербург сегодня, но не хочу перебудить весь дом у Закревского, а потому ночую в Ижоре, а завтра сделаю свое торжественное вшествие в столицу. Здешняя дирекция от нашей – как земля от неба. Ни лошадей, ни ямщиков, ни смотрителей, ни дорог, даже ни местоположений, ни веселости, ни кофе – сравнить нельзя между собою. Пожары и поселение военное убили у всех дух. Я песни не слыхал. А ко всему тому и неурожай.

Гальяни держал в Твери гостиницу.

Холодно, как осенью, дождь мочит. Одни видишь болота да леса.

Что-то вы поделываете? Мне кажется, что я два месяца из Москвы. По дороге говорят, что государь едет 30 августа в ночь. Тем лучше; со всем тем лишнего часу не пробуду в Петербурге. Я Евсея уверил, что в деревнях, где поселение, вербуют проезжающих дворовых, и он все пристает, чтобы ехать ночью этими местами, говоря сквозь зубы: «Как бы солдаты не сшалили что-нибудь, не отрезали чемодан; ведь у вас письма там», – тогда как чемодан у нас в коляске.

Александр. С.-Петербург, 10 августа 1818 года

Я дотащился, или, лучше сказать, доплыл, до Петербурга, любезный брат. Что за погода, ты себе представить не можешь. Вихрь и дождь проливной; все ехал, но как стала вода пробираться внутрь коляски, несмотря на то, что я в ней был закрыт со всех сторон, то я должен был еще кое-где останавливаться и пережидать еще – не дождя обыкновенного, но

дождя бессовестного, проливного. В Помераньи был я часов в восемь. Между прочими товарищами по несчастью нашел я там Голицына, князя Александра, старинного приятеля. Людей посадили мы в мою коляску, а сами, сев в его коляску, прибыли в Петербург сегодня, во втором часу пополудни. В Ижоре, где также была дождливая карантина, зазвал нас строитель шоссе Вельяшев, который важно нас накормил и напоил. У заставы такой дождь пошел, что не только лошади не шли, но и люди не шли из караульной требовать подорожной. Уж климат, ай да Петербург! Мне показалось, что Закревский сам сжат, и для того я думал жить у Тургенева; но Закревский слышать не хотел, и я у него занимаю три комнаты, где жил Волков. Он очень мне обрадовался и говорит, что умно сделал, что приехал: ибо весь дом гурьевский на воздухе, по случаю женитьбы сына Николая на дочери Марии Антоновны, поэтому надобно их понуждать не письмами, а словами. Я нахожу в нем совершенно братское обхождение: предложил себя во всем, уговаривал не нанимать экипажа, что у него есть и карета, и дрожки, и все, что надобно, и проч. Ну самый добрый малый, каким мы его знаем. Не очень здоров, жалуется головою; но, признаться, и дела столько, что не знаю, как поспевает. Он ничего не знал о счастливом обороте дел наших; благодарит тебя за доставление его писем и посылок Толстым[157]. Давай им знать, когда будут случаи или фельдъегери сюда: это будет очень приятно Закревскому. Кроме него, не видал я еще никого.

Измок, устал и ездил к этому рыскуну – Тургеневу. Вообрази, что и в эдакую бурю нет его. На полу – Стальшины «Размышления», на окошке – портрет Штиллинга, в гробу лежащего, кое-где валяются письма, записочки, далее доклады, во всех углах разные газеты. Книги, которые он в 1816 году приводил в порядок, теперь в еще большем беспорядке. Ну, одним словом, тот же. Я велел человеку его выругать и спросил: «Да знаешь ли меня?» – «Как не знать!» – «Кто я?» – «Да вы Уваров». – «Ну точно. Так скажи, что Уваров был и что у нас *ночью* будет чрезвычайное собрание в Академии». – «Слушаю-с».

Хотел заехать к Мартыновым, но было жаль и себя, и лошадей. Поехал домой, проболтал до первого часу и теперь ложусь спать. Завтра встану рано, начну негодяем Тургеневым, а там буду у Нессельроде и всех прочих. Тургенев меня направит. Сегодня не видал я никого, кроме должностных, имеющих дела до Закревского.

Несмотря на то, что въезжал сюда очень весело, несмотря на дурную погоду, Петербург, при всей своей красоте, не имеет той приятности и разнообразия, которые представляет Москва.

Здешняя чистота меня поразила: на улицах – как в гостиных, только мебелей недостает. Я писал Козодавлеву [Осипу Петровичу, тогдашнему министру внутренних дел] очень нежное письмо, где говорю, что не хочу нарушить ни того уединения и спокойствия, за которыми он, вероятно, переехал на дачу, ни обязанностей благодарности за все его милости и благосклонность к брату; что посылаю письмо и посылку и буду ожидать его позволения явиться к нему чрез И.А.Мечникова и проч. Надеюсь, что сие произведет свое действие, и мне хотелось бы первый раз пойти к нему с «рад стараться». Почитаю весьма любопытный журнал посольства Ермолова, им писанный и присланный Закревскому, а там засну мертвым сном. Вот пять дней, что я не раздевался.

Александр. С.-Петербург, 11 августа 1818 года

Спал я подлинно богатырским сном, несмотря на вихрь и дождь. Казалось, что дом унесет. Я должен был укутаться шубою Закревского: так холодно. Одевшись, я отправился к Тургеневу, нашел его еще спящего. Очень обрадовался и удивился моему приезду, ибо ему все было известно очень слегка. Советовал держаться Нессельроде, который очень расположен к нам. Я так и намерен не прибегать ни к какому другому покровительству, а отдать себя ему и Гурьеву. Болтали мы часа два о всякой всячине; долго это все рассказывать. Поехал потом к Нессельроде. Кто-то перед ним, и он подписывал бумаги. Я взошел, он посмотрел на меня и продолжал подписывать. Я вижу в этом и слепого, и рассеянного; стою нарочно, он опять посмотрел, узнал, спрыгнул со стула и ну меня обнимать, отправил чиновника, посадил и ну болтать. Он сказал, что писал тебе подробно, но что я хорошо сделал, что приехал; что дело пойдет на лад, что Гурьев обещал при первой своей работе все кончить, что он очень хорошо расположен к нам, что только несколько затруднялся дачею денег без всякого процента; что он, Нессельроде, просит все 200, а не 150 тысяч, что о залогах от нас речи нет, что можно будет обойтись без того, что нам поверят так, что министру финансов приятно сделать для нас все; что он боится только того, что пропасть военных налягут на государя и на него с такими просьбами, и проч. и проч. и проч.

С карандашом в руке, мы с графом Нессельроде вошли в наимельчайшие подробности. По моему долгу, сделав расчет, он нашел, что ссуда в 200 тысяч рублей с пятью процентами ипотечными устроит мое дело почти наилучшим образом; ибо эти 200 тысяч и 100 тысяч, кои будем мы иметь за 1000 освобожденных крестьян, погасят весь долг сразу, обложив нас

процентами наименьшей продолжительности. Этим вечером Нессельроде поговорит еще с Гурьевым, к коему отведет меня завтра утром. Я должен пойти к нему в 9 часов с половиною и от него пойти к графу Нессельроде, дать ему отчет в моей аудиенции. Сам я склоняюсь к 150 тысячам без процентов, пусть даже и с ипотекою; но ты понимаешь, что я не стану торговаться и останавливать дело, столь превосходно подвигающееся. Худой конец всегда будет для нас находкою.

Гурьев – лучший друг из всех министров. Его правлением недовольны, как и его действиями, и самой его скупостью. Граф Нессельроде завтра или послезавтра увидит императора; он мне сказал, что покажет императору твое письмо, кое я ему вручил, что оно хорошо написано, и так, что можно оное показать. Словом, я очень доволен графом Нессельроде, который говорил со мною с чрезвычайной участливостью и весьма желает нашего спокойствия. Он мне не раз повторил: «Молчите об ипотеке». Впрочем, императору известна честность графа, он поверит ему на слово. «Я предлагал императору, – сказал граф, – дозволить вам взять заем с доходов московской почты, но император, поразмыслив минуту, отвечал: «Нет, надобно, чтобы это устроилось с министром финансов, это по его части!» И Нессельроде не стал настаивать, и очень хорошо сделал, я думаю.

Сидел я больше двух часов у графа; отпуская меня, он мне сказал: «Я теперь знаю ваши дела как свои собственные, мы это устроим, и я поговорю еще вечером с Гурьевым, который положительно обещал мне позавчера только, что все будет окончено при первой его работе». Ты, верно, понимаешь, что я ничего не упустил, чтобы его умягчить, между прочим я сказал ему, что 26-го числа сего месяца надобно нам было уплачивать около 50 тысяч, что кредиторы нам грозили строжайшими мерами, ежели деньги не будут готовы в срок. «Каково, – сказал я ему, – ежели пошлют описывать имение?» Он отвечал: «Ну что ж! Мы все это окончим прежде отъезда императора». Я ему заметил, что мы подпишемся под сроками. Он отвечал, что нет, что как дело будет устроено, надобно получить сразу всю сумму. Одним словом, не могу тебе передать, какое усердие и какую живость он во все это вкладывает. Вот какова суть нашей долгой беседы с графом.

Я был после у Марьи Любимовны [Мартыновой, родной тетки Булгаковых] на часочек, там меня было задушили; а на нее нашел как тупик от радости и удивления. Я в восхищении от того, что Тургенев, и граф Нессельроде, и Закревский одобряют мой приезд сюда. Я был у Беннера [живописца], дома не застал; едучи мимо Горголи, заехал к нему; он очень меня обласкал, предлагал свои

услуги и проч. Скажи Шульгину, что Горголи[158] ему отвечал и благодарит за книги. Горголи сожалеет очень о разнесшемся здесь слухе, что Брокер умер скоропостижно в Москве, что не хочет этому верить, не получая от меня подтверждения; хвалил очень Брокера.

Был я у доброго Калинина, очень меня благодарил за твои дружеские сношения с ним, много болтал о почте, предлагал свои услуги, знает хорошо нашего иезуита Рушковского и проч. Я не нахожу, чтобы он состарился, и, кажется, здоров. Заезжал к Соковнину, не нашел его дома. Вот моя поездка утра сего. Закревский тащил меня куда-то обедать с Марченко, но я выпросил остаться дома, обедать с Шатиловым; стану лучше болтать с тобою да с Наташею.

И здесь много говорят о переменах важных, но, по-видимому, они не выйдут до отъезда государева. Точно то, что Милорадович сюда военным генерал-губернатором, и он принимает поздравления уже и говорит: «Я истреблю воровство, как истреблял Неевы колонны в Красном». Вязмитинов просит спокойствия, но его удерживают для председательства в Комитете министров и еще что-то. Нет сомнения, что министерства полиции и внутренних дел будут соединены; но еще неверно, что Кочубей будет оными заведовать. Козодавлеву предлагают министерство юстиции, но он не хочет, а Лобанов не хочет быть одним из областных, коих уже называют пашами. По сим и некоторым другим затруднениям все, вероятно, отложится до возвращения государева, которое воспоследует в декабре. Войска союзные будут выведены из Франции; говорят, что одна Пруссия еще противится тому и все Бурбоны, кроме самого короля, который желает выступления войск союзных.

Каподистрия уже в Карлсбаде. Здесь его все более и более любят и уважают; он у всех снискал и делает добро всем. Государь на дорогу пожаловал ему 5000 червонных. Граф сказал по сему случаю, смеясь: «Так что этот год он стоит на две тысячи дукатов дороже, нежели прошлый». Он уехал больным. Смерть Стурдзы [то есть Севериной, урожденной

Стурдзы] сильно его поразила; Северин, сказывают, как тень. С государем едут Ожаровский и Чернышев; первый женится, а второму, кажется, несдобровать со своей женой. Уваров уже поехал в Карлсбад. Кроме Нессельроде, никто более, кажется. Аракчеев отправляется в Харьков, к военным поселенцам. Марченко остается здесь. Бедный Алексей Орлов лежит; его разбили в дрожках и больно ушибли голову и плечо. Трубецкой отпущен на два года в чужие края, едет с женой и детьми. Потемкин также. Вообще, кого ни хватись, все едут в чужие края,

особливо дамы.

Уж для гуляльщиков, как я, Петербург город единственный! Наевшись плотно и накурившись, видя, что дождь перестал, я пошел ходить пешком; ну, вот как по паркету, и сухо, как будто не было дождя. Государь приехал из Царского Села на сутки. Идучи без дела, вижу над Перспективой афишку: что такое? Восковой кабинет. Плачу два рубля и вдруг оказываюсь в обществе известных лиц. Три большие комнаты, полные народа.

Я не мог пройти без волнения перед нашей милой школой Сен-Пьер, перед Эбенау, который все на том же месте, перед цирюльниками, которым продавали мы наши старые тетради, чтобы купить булок, перед домом Хинрикса и проч. Признаюсь тебе, что почувствовал умиление, вспомнив сии мгновения нашей юности. Что-то ты поделываешь? Я жалею, что уехать должен был, не окончив дело дома с этим дураком Щербатовым. Нессельроде говорит, что было бы заблуждением отдавать ему этот дом. Я же, признаюсь тебе, им не дорожу, особливо как с помощью Божией мы все устроим здесь. Это главное. Ты к этим хлопотам не привык, да и, быв в Свирлове, тебе не так ловко действовать. Впрочем, надеюсь, что Тормасов и Шульгин свое слово сдержат, а ежели не так, то черт с ними, с домом, а особливо с Щербатовым. Вот и Закревский явился от князя Петра Михайловича[159], кричит: «Полно тебе, бригадир, бумагу марать, ты меня разоришь. Станем чай пить».

Я не знаю, писал ли тебе, что бедный Орлов Алексей упал с дрожек и очень ушибся. Закревский говорит, что он, однако же, встал. Марченко тебе премного кланяется. Каподистрия славно устроил Батюшкова. Он по слабому здоровью определен к Итальянской миссии; ему дан чин, деньги на проезд, большое жалованье и позволение быть в Одессе сколько захочет и ехать к миссии когда захочет. Как не любить этого Каподистрию? А вот и чай! Прощай покуда.

Александр. С.-Петербург, 12 августа 1818 года

Фельдъегерь едет сейчас в Москву от Закревского; славная оказия, не хочу ее упустить. Я сейчас от Гурьева, который, более получаса продержав меня в кабинете, очень терпеливо выслушал описание положения нашего, очень, кажется, расположен помочь нам. Много потерял времени, рассказывая, как не дельными просьбами истощают казну государеву, и потом, когда надобно помочь истинно нуждающимся, как мы, то надобно соваться, чтобы искать деньги. Долго все пересказывать, время драгоценно. Отпуская меня, он сказал: «Надобно окончить дело и окончить его до отъезда императора. Я буду работать в среду с его

величеством; зайдите ко мне в четверг утром, а ежели буду иметь нужду в вас прежде, то попрошу вас прийти ко мне». Добрый Сверчков[160] тотчас меня ввел. Кто не бывает нужен на сем свете? Жена его премилая; оба мне сказали: «Слушайте, надобно знать папа; он известен своей несговорчивостью, но уж ежели обещал вам окончить дело, вы можете на это рассчитывать, и потом, Нессельроде принимает это близко к сердцу; моя сестра также при отъезде говорила с ним о сем; мы атакуем его всем семейством». Закревский то же говорит, что Сверчков. Я Марченко видел там; много о тебе спрашивал и то же повторял, что Гурьев: вечно отказывает, потом торгуется, но, обещав, дело делает. Коли так, то слава Богу. Еду к Нессельроде, который велел мне быть к себе после Гурьева. Просителей-то, искателей, лент, кого тут только не было! Быть призванным – уже милость большая. Был я у Осипа Петровича.

Видел его минуту: он ехал в Комитет, звал в четверг обедать на дачу. Видеть его только минуту была одна вежливость. Я ему сказал, что, по нашей с тобою дружбе, все его милости к тебе почитаю себе оказанными. Он меня *изволил поцеловать*, и «рад стараться» было тут.

Марченко поссорился с Аракчеевым, явно государю на Тормасова наговорил что-то, и государь так был сердит, что хотел его отставить, но удержался. Кто-нибудь да хочет место московского, потому что делают каверзы Тормасову. Все удивляются, что Гурьев не отказался до времени, потому что денег на вояжи фамилии царской надо кучу, и их везде ищут и собирают. Я, слава Богу, здоров, а признаюсь, что Петербург не мой город. Немного пожить в нем хорошо, а оставаться в нем не хотелось бы.

Александр. С.-Петербург, 13 августа 1818 года

Уф, ну досталось мне! Два часа битых сидел у меня Фонтон. Ничем и никак не мог его выжить. Он определен к Неапольской миссии. Счастливец! Поутру был я у Тургенева, пил кофе с ним, потом начался у него волшебный фонарь, или кукольная комедия: то один, то другой, то поп, то солдат, то нищий, то мамзель и, между прочими, твой бывший экзекутор, который, видя меня, устыдился, кажется, потому что весь покраснел. Ищет места, но худой это подарок. Познакомился я с Крузенштерном-моряком, а на днях собираемся к Коцебу на «Рюрика», стоящего на Английской набережной.

Князя Никиту я еще не видал; он все еще отправляется в Лондон, где будет покупать лошадей и отправлять их сюда. Нелестная комиссия для его лица; он же не знает, я думаю, и

толку в лошадях. Миссия его сделалась непременною, то есть постоянною, и этому шуту с новым окладом и с сохранением прежних будет всего тысяч тридцать пять в год. Сказывают, будто княгиня Зинаида придумала для него эту удивительную миссию. Так холодно, что мерзнут пальцы. Право, ходил бы в шубе, если б не стыдно было; а без Закревского шубы, коей закрываюсь, я бы замерз ночью. Ну уж климат! В пятницу еду с Тургеневым в Царское Село и Павловское к Жуковскому, Карамзиным и прочим там живущим знакомым.

Кстати сказать, я тебе писал с дороги из Черной Грязи, из Клина, из Торжка, из Валдая и Бронниц: все ли дошло? По милости Фонтона намарал только это. Кажется, довольно; ссылаюсь на мое длинное письмо, первое отсюда; впрочем, завтра, я думаю, князь Трубецкой, адъютант Закревского, едет в Москву; буду писать и с ним. У Шатилова славное фортепьяно; мы ввечеру забрались к нему, бренчали, курили и чай пили. Сереже Корсакову письмо вручено; при свидании скажи это матушке его.

Пора письмо посылать Калинину, одеться и обедать у Марьи Любимовны. Ее дети все в гренадеры годятся, и дочери тут же. Лизонька пребольшая[161] и все-таки смешна. Я спросил, какое имя дать дочери, ежели еще будет у меня; она, подумав, сказала: назовите ее *Богиня*. Мартынов все тот же. Говорит все о своих визитах к знатным, подает государю альбом с видами здешними, поджидая великие и богатые милости.

После свидания моего с Дмитрием Александровичем Гурьевым заходил я к графу Нессельроде, которому все пересказал, что было говорено с тестем его. Он всем очень был доволен и прибавил: «Вы выбрали очень правильную манеру вести себя с Гурьевым», – а я ему [то есть Гурьеву] сказал в заключение: «Ваше положение таково, что я никогда не дерзну ставить условий, но предоставляю участь двух наших семейств целиком милостям вашего превосходительства. Сделайте то, что подскажет вам ваше сердце, и я уверен, что император не откажет вам ни в чем, что вы у него попросите. Вы сами отец, поставьте себя на мое место: у меня выбор отдаться кредиторам и быть ввергнутым в нищету, после того, как я был помещен в свет столь, осмелюсь сказать, выгодным образом». Он выслушал меня с величайшим терпением, это он-то, вчера еще говоривший какому-то тузу: «Напрасный труд, я не дам вам ни копейки, по крайней мере ежели вы не предъявите мне бумагу, подписанную: *Александр*». Впрочем, я тебе уже рассказал все существо разговора и обнадеживания Гурьева. Граф Нессельроде ему еще писал какой-то ответ на просьбу, напомнив опять в постскриптуме о нас,

и послал ему в оригинале письмо твое, мною приложенное, которое, взяв назад, покажет завтра государю и предупредит государя, что Гурьев представит ему о способе нам помочь. Я решился всем довольствоваться и не торговаться, ибо этим самым Репнин, искавший также займу, испортил дело свое: Гурьев взбесился и отказал очень сухо деньги, на каком бы то ни было основании. Дело в том, что ежели не просить теперь, то прощай, надежда: вояжи царской фамилии истощат все наличные деньги, а Гурьева готовность может охладеть. Нессельроде со мною согласен в этом, но все обнадеживает, что получим 150 тысяч без процента. Убри, Званцев и Шулепов тебе кланяются; второй очень тебя благодарит за какие-то одолжения, ему оказываемые тобою.

Ну-с, был я наконец у Беннера, который прельщает всех нашими портретами, а тебя неизреченно благодарит за письмо, за начинку его и за твои старания о нем. Я видел его коллекцию австрийского дома, которая, мне кажется, гораздо превосходнее самой царской: работа лучше и большое сходство. Маленький Наполеончик – совершенный красавчик, и Беннер говорит, что он еще лучше портрета. Кто бы думал, что черт сработает ангела! Беннер поедет в Ахен на конгресс, и хорошо сделает: будет ему работа.

Я был у Марьи Любимовны, у коей завтра обедаю; послезавтра у Марченко с Закревским и в четверг у Козодавлева на даче. Какой он гриб старый! Точно Гейм, когда ему будет сто лет. Я не налюбуюсь на Петербург; что за здания, что за тротуары, столбики чугунные, что за чистота! Дома все были выкрашены вновь к приезду прусского короля, который мимоходом надул Трубецкого, дав ему алмаз не Черного, а Красного Орла. Бульвар против дворца перенесен сажен на 20 ближе к Адмиралтейству; сим открыли прекрасный вид на Неву и на биржу. Бульвар против большой фасады Адмиралтейства тоже подвинется в отсутствие государя ближе к зданию, и сделается от того улица и шире, и прекраснее. Все то, что на Исаакиевской улице не займется Лобанова домом, будет застроено родом Пале-Рояля. Скоро откроется у Чернышева дома прекрасный чугунный мост. Угол Кушелевского дома отрежется, чем откроется вид на Морскую. Одним словом, со временем город сей будет точно восьмое чудо в свете. Но со всем тем я предпочитаю разнообразие Москвы и вообще Москву, может быть оттого, что в ней, а не в Петербурге, Московский почтамт, где я часто мысленно гуляю и курю с тобою трубку.

Я с большим удовольствием читаю писанный самим Ермоловым журнал его посольства в Персию. Умный, острый и твердый человек! Он обошелся с персиянами, точно как батюшка

с турками; только Ермолов перещеголял своим ориентальным слогом, которому персияне и сам шах надивиться не могли. Они даже думали, что он переодетый мусульманин. Он Мазаровича хвалит в журнале. Разве что его нельзя напечатать ради многих вольных суждений. Ермолов ненавидит и презирает англичан и французов; что ж он любит? – одну Россию.

Александр. С.-Петербург, 14 августа 1818 года

Закревский вручил мне сейчас первое твое письмо, любезнейший брат, и я обрадовался, узнав, что вы все здоровы. Фонтону я тотчас написал, что Антонаки в Москве, ибо он с месяц не имеет писем от него и ждет его нетерпеливо, чтобы ехать к своему месту в Неаполь. Я пугал его, что ты брата долго продержишь в Москве. Он ему нанял славную квартиру на Перспективе в нашей Петерсшуле, и недорого. Кланяйся ему, равно почтенному Дмитрию Николаевичу [Бантыш-Каменскому]; жалею очень, что не при мне он приехал. Василия Львовича письмо отправил я в ту же минуту к князю Вяземскому, ибо каждую среду отправляются из Мраморного дворца эстафеты в Варшаву. Боюсь, что ты принужден будешь оставить Свирлово. Здесь стужа зимняя, и также все перебираются в город. Я был поутру у графа Нессельроде, насилу дождался выхода оттуда Магницкого, который, кажется, бьется как рыба об лед. Граф работал вчера у государя и предупредил его, что Гурьев сегодня будет ему докладывать по нашему делу. Я хотел узнать, поехал ли Гурьев в Царское Село. Нессельроде все со своими шуточками; посмотрев на часы, сказал: «Именно теперь господин Гурьев говорит о вас и находит, – прибавил, смеясь, – препятствия… Но будьте покойны, – прибавил он, – все устроится; я вам гарантирую». Вошел Убри, и я, кончив свое дело, ушел.

Потом был я у Тургенева пить кофе: по обыкновению, у него всегда как ярмарка: то один, то другой. Здесь всё готовится к выезду. С Нессельроде едут Стурдза и Северин; их уговорили ехать мать Стурдзы и сестра, что замужем, которая здесь; все это поедет вместе. Северина я еще не видал; тоже едут: Гульянов, Холщинский, Сакен, а Миллер уже там с графом Каподистрией. В среду будет здесь большой парад, после которого государь поедет в Царское Село, откуда, не приезжая уже в столицу, отправиться изволит в чужие края. Встретил я Полторацкого. Его свадьба назначена с большой помпою в воскресенье, в Павловском дворце.

В ночь едет Трубецкой. Хотел кое-что послать жене с ним; вместо того не знаю, успею ли и писать к ней. Василий Романович [Марченко] тебе очень кланяется; мы сегодня обедали у него. Между прочим, сказывал он, что постройка почтамта в Москве

отменена. Козодавлев потребовал 8 миллионов лишку против прошлого года на свое министерство; его и ну резать и отнимать все, что могли, все проекты в сторону. Голицын тут сказал в Комитете: пусть продаст почтамт *золотого своего орла* (фаворита Рушковского), который так украшает дом, и построит на эти деньги здание. Теперь требовать будут утверждения государева на составленный бюджет. Может быть, сам вспомня о строении сем, государь велит включить сию издержку в расписание. Впрочем, все зависит от оборота, который дадут; но Козодавлеву не очень товарищи благоприятствуют. Жаль мне очень будет, ежели не состоится эта славная постройка, не для тебя (твой дом хоть куда!), но жаль для Москвы и подчиненных твоих.

Славно мы поели и попили у Марченко. Он говорил, что Майкову [директору московских театров] послана табакерка с вензелем, что государь отказал дать ленту, прибавя: это служба не такого рода, чтобы ее так награждать; не будут ли просить чего-нибудь и для директоров лубочных комедий?

Ходил я пешком и был на «Рюрике», стоящем против дома канцлера, на Английской набережной. Красивое судно и наполнено разными любопытными зверями и вещами. Видел я прелестную мантию или род пелерины, составленной из перьев разных птиц. Это назначено быть подарком государю от короля Сандвичских островов. Видел я тут разное одеяние диких народов, обезьян, шлюпки диких

и проч. Есть тут два алеута, которые в беспамятстве от красоты Петербурга. Один сказал: «Это, верно, весь свет съехался вместе». Понять не могут, как можно было построить такой город, такие дома. Я был на «Рюрике» с Беннером, от которого вот письмо. Заезжал я к Афросимовой, но дома не нашел; надобно будет раз и два у нее побывать. Стану одеваться, пора ехать к Марье Антоновне [Нарышкиной, которая тогда уже утратила свое прежнее значение]. Сегодня ее день, а завтра Нессельроде везет меня к Гурьевым. Теперь он, может быть, уже возвращается из Царского Села. Завтра только узнаю, на чем стало; он сам велел мне быть к себе в четверг поутру; а может быть, увижу у Марьи Антоновны Сверчкова, но все он не успел видеться с тестем, а мне хотелось бы тебе написать с Трубецким, да он поедет поутру очень рано. Вот счастливец! Так бы, так бы и спрыгнул к нему на облучок, полетел в Москву.

Марья Антоновна о тебе спрашивала. Она потолстела, но все хороша. Из Гурьевых не было там никого, кроме жениха Коко. Вся его семья переезжает сегодня в город с дачи. Многие очень о тебе спрашивали. Граф-поляк (которого имя забываю всегда), Киселев, Дмитрий Львович, Тюфякин. Дача убрана прелестно

французскими обоями. Только я приехал туда в одиннадцатом часу, разлетелся было в дом городской, что не близко от каменного театра. Никого не нахожу. Дворник: «Господа на даче и сегодня принимают всех». – «Кучер, знаешь Нарышкина дачу по Петергофской дороге?» – «Как не знать!» – «Ну, так пошел туда». Только вместо Дмитрия Львовича, который на 7-й версте, меня привез к Александру Львовичу, который на 13-й. Надобно было ворочаться. Я рассказывал свою беду Марье Антоновне, которая отвечала, смеясь, что велит прибить у себя транспарант с надписью, чтобы впредь не было таких путаниц. Я бы раньше приехал домой, думал там только показаться; но меня, несчастного, засадили за вист с майором Кологривовым, флигель-адъютантом Бутурлиным и графом В.В.Пушкиным. Слава Богу, что еще выиграл 10 рублей; и то годится, а то меня вист что-то не любит.

Тургенев, который везде шарит, успел уже узнать, что я имел счастие понравиться Гурьеву, что он меня очень хвалил. Что мне в этой похвале? Сработай она дельце, то вечная слава ему! Соковнин был у меня и меня опечалил. Он вот шесть месяцев живет и не может добиться толку у Гурьева, а Марченко мне рассказывал, что вице-губернатор, кажется, тамбовский, призванный сюда для дела самим Гурьевым, живет две недели, всякий день ездит к нему, сидит от восьми часов до второго, и до сих пор еще не видал Гурьева. Впрочем, наше положение не то. Я его видел, имею обнадеживание, имею Нессельроде, который, видя его всякий день, будет ему напоминать; государь милостиво принял просьбу твою, все это прекрасно. Начало положено, и нельзя лучше. Бог милостив, нас не оставит. Не боюсь я неудачи, но боюсь замедления; ежели упустят государя, ответ пойдет на 6 месяцев. Поэтому очень я рад, что приехал сюда, и все наши одобряют также приезд мой. Ежели быть уж беде, то есть отсрочке делу, то все устрою залог 1000 душ и возьму свидетельство в банке, и тогда возьмем 100 000 рублей; все хорошо, а там и то дело устроится.

Александр. С.-Петербург, 15 августа 1818 года

Между нами. У Гурьева пережидал, верно, часа полтора, и доложить никто не хотел, хотя мне и велено им самим быть. Докладчик, камердинер Чоков (кажется), возразил мне, как будто бы сам был министр: «Дмитрий Александрович изволит заниматься вчерашними докладами у государя». Колокольчик. Вбегает в кабинет Чоков, погодя выходит. «Пожалуйте», – говорит мне. Вхожу. Гурьев объясняется медленно и как бы лениво. «Но-с (а не «ну-с», как кузина), – сказал он, – видел я вчера императора.

Император долго беседовал со мною о вашем брате, коего хорошо знает… Но-с! Заем по вашему желанию, то есть без процента, не может сделаться, это вещь несбыточная с тех пор, как император не имеет иного источника денежных средств, кроме казны… Однако император захотел вам помочь, и вот как это устроилось… Но-с! Его величество сам делает заем у Кабинета, уплачивая ему проценты; таким образом, он берет суммы, чтобы давать их в качестве займа лицам, коих он знает особенно и как людей честных… Но-с! Вот так пожаловал государь генерал-адъютанту князю Щербатову 100 тысяч рублей, и это довольно стоило труда… Вот так и вам приказал выдать 150 тысяч рублей, которые вам уплачивать будет очень легко, потому что первые три года не будем с вас взыскивать ничего, а шесть процентов легче вам платить, чем десять, а может быть, и более, ежели имеете дело с купцами… Залога государь не хочет никакого от вас; следовательно, вы можете имение ваше заложить где хотите и получить за оное также большую сумму… Но-с! Вот что было вчера решено».

Я рассыпался в благодарностях, уверяя его, что его имя будет произноситься в нашем семействе как имя благодетеля, что я умоляю его еще о двух милостях, кои довершат мое спокойствие. – «Но-с, что?» – «В конце сего месяца мне надлежит уплатить большие суммы, и я заклинаю ваше превосходительство окончить дело прежде отъезда императора». Он мне отвечал: «Это само собою. В понедельник у меня работа (и думаю, последняя) у императора, я дам ему подписать указ». Я сделал глубокий поклон и возобновил мои благодарности, когда он меня спросил: «Что вы еще желаете от меня? Вы у меня просили две вещи». У меня вон из головы другая просьба, но вспомнил ее, к счастью: «Умоляю также ваше превосходительство, чтобы срок получения 150 тысяч рублей не был отдаленным». Он останавливается, размышляет и отвечает: «Как только указ будет подписан, я вам вручу разом всю сумму. На чье имя хотите вы, чтобы я написал указ?» – «Да на имя брата моего или же нас обоих». – «Сделайте мне записку и принесите этим вечером: я вас познакомлю с моей женою».

Он меня очень долго продержал. Еще мне сказал: «Что вам должно доставить много удовольствия (особенно много, ибо приобретаем и проглатываем состояния)… но-с!.. это мнение о вас императора и особливо о брате вашем, о коем его величество много мне говорить изволил». После показал он мне кучу шкатулок и другие драгоценности, коим назначалось отправиться с императором. Это великолепно! Откланялся, запер дверь; кричит мне Дмитрий Александрович вслед: «Минуточку,

господин Булгаков!» Останавливаюсь, и он мне говорит: «Прошу вас сохранить для себя одного все, что я вам сказал, это воля императора; у нас есть на то причины». Я обещал и прибавил, что всем скажу, будто его превосходительство просил меня прийти на следующей неделе, а там выеду в Москву сразу после подписания указа. Вот тебе вкратце вся эта история.

Надобно молчать. Я, вероятно, не напишу жене, ибо желаю ей сделать сюрприз своим неожиданным возвращением к 26-му числу и сам ей все перескажу лучше. Ну, дай Бог государю здравствовать! Хвала Гурьеву и Нессельроде!

Только Нессельроде чудак. Вообрази, что он, по возвращении из Царского Села, все знал, мне не написал, меня видел и не сказал ни слова! Каподистрия не утерпел бы! Размышляя об этом займе, я нахожу, что 150 тысяч без процента, но с залогом – то, что 150 тысяч без залога с процентами. Разница небольшая; а мы точно теперь оживем: 1) почти квит с долгом, 2) имеем дело с одним государем, 3) платим вместо десяти шесть процентов, 4) нет переписок, скучных разговоров, просьб, векселей, маклеров, лишимся целого стада этих проклятых кредиторов. Черт с ними теперь, буду себе жить припеваючи и устраивать имение, примусь за дело Фавстово и ежели и это кончу, то поеду предоволен. Да! Нессельроде сказал я, что верхом счастья своего почел бы, если бы мог государя лично благодарить. «Что же, – отвечал мне граф, – обещаю вам сказать это послезавтра императору, передам ему ваши слова». Теперь мы квиты: ты мне дал первое хорошее известие, заключавшееся в Каподистрии письме, а я тебе даю последнее, коронующее дело, – квит.

Александр. С.-Петербург, 16 августа 1818 года

Удивительный мне сделали прием Козодавлев и его Анна Петровна. Щербатов и жена его очень любезны. Старый Гавинье играет тут ту же роль, что Рушковский; все прекрасно, все очень хорошо! Но рассказать все фразы не было бы конца. Много было, и за столом пили твое здоровье. Они очень заинтригованы причиной моего приезда сюда. Я все говорю про банк. Козодавлев сказал мне: «Я протестовал против остановки строения братца вашего до 1820 года, зная, что он это желает». Я отвечал, что твоя квартира прекрасная, что она остается, а что ты хлопочешь, имея только в виду пользу твоих подчиненных и казны, что, впрочем, на то была воля государева; ежели его величеству угодно будет отменить, то нечего, как исполнять волю его.

Икру красную подавал за столом особенно, как чудо какое, а полынковое вино бережет для себя одного. Я сказал

Осипу Петровичу, что ты пришлешь ему еще вина, имея его

много, потому что вытекло дорогою его последнее. Осип Петрович немного повесил нос, боится всех этих перемен; водил меня по целому дому. Узнав, что люблю шампанское, славным меня потчевал; вина его хороши очень, и ко всякому есть фразочка: «Это фаворитина Питта славного». Посылая малагу консулу испанскому, вскричал: “Ecco 1a caga patria!” Анна Петровна очень приятная болтушка и собирается прислать тебе в обмен рябушки и корюшки. Я провел очень приятно время свое и поеду еще раз обедать. Ездил я с Мечниковым, который открылся мне, что ждет от меня сестры Лизы, а от нее место Калинина! Каков! «Куда же Калинина?» – «В сенаторы! – вскричал он, махнув рукою. – В сенаторы; у него 100 тысяч наличных денег, кроме вещей; в сенаторы его, старика!» Эта претензия доброго Мечникова премного меня позабавила. Дочь графа Головина идет за Фредро, польского генерала. Ну, прощай; я – человек! Опять Фонтон явился и час меня мучил; хорошо, что прежде успел написать; он и теперь болтает, а я доканчиваю письмо.

Александр. С.-Петербург, 17 августа 1818 года

Умно очень сделали мы, что решили скоро мою поездку сюда; три дня позже было бы уже затруднение, ибо нельзя знать, будет ли Гурьев после этого понедельника еще допущен к государю. Лобанов две недели этого ждет и не может получить. В первый доклад дело устроено, положено, во второй подпишется указ, а там примусь за банковое дело; но ежели увижу, что пойдет в завязку, то препоручу Журавлеву, а сам качай в Москву! Божья рука все это устроила, к нашему спокойствию. Остается нам в Москве жить припеваючи. Дом – дело десятое, но отдавать не следует никак, по совету всех здешних.

Жуковского я все еще не видал, ибо за дурной погодою отказался с Тургеневым ехать в Царское Село. В Москве будем опять дуться в бильярд, а я здесь удивляю своей игрою (кривой король в стране слепых), а Гурьев подшучивает над Гришей Орловым, который со мною пикируется. «Но-с! – говорит толстяк. – Не теряйте мужества, граф, кладите шар в лузу». Закревский целый день работает как собака, а в отсутствие государево будет отправлять должность Волконского. В Москве попляшем на его свадьбе. У него куча фруктов в углу, и он то одного, то другого поест, а все ему присылает это невеста из Москвы [графиня Агриппина Федоровна Толстая].

Мазарович поехал вчера к своему посту в Персию, накупив пропасть сыру и всякого лакомства на дорогу.

Нарышкина Марья Антоновна мне сказала: «Я только что слышала Каталани и в восхищении, что и ее послушала». Говорят,

что она поедет и в Москву. Ежели она будет петь там с Сиборчи, то апраксинская зала обрушится. Однако же я не оскорблю ее сравнением с этим буйволом. Прекрасный Каблуков, женившийся в Москве на графине Завадовской, судится за дело с Путятиной. Закревский говорит, что ему солдатства не миновать, потому что он осмелился свидетельствовать именем государя, что это не Путятина, а девица Демидова. Хорош сокол! Бедному Алексею Орлову хуже. Не пустили кровь тотчас, а теперь кинулась вся в ногу, которая пухнет и налилась мокротами.

Александр. С.-Петербург, 18 августа 1818 года

Ездил к Тургеневу и Сверчкову, от которого слышал, что Гурьеву назначено работать с государем в среду, а не завтра, как сказывал мне Дмитрий Александрович. Сегодня еду к нему на вечер и узнаю вернее от него самого, хоть только два дня разницы, но все жаль отсрочки. Я бы в среду мог уже пуститься в Москву. Так и быть. Нессельроде я не видал. Разлетелся было к нему, но он поехал очень рано в Царское Село с последними докладами, будет откланиваться императрицам и, вероятно, ночует в Царском Селе. Во вторник или среду отправляется в чужие края. Мы встали сейчас со стола; Закревский пробовал нового повара. Нас перепоили, и я объелся. Ты мне дал две бутылки полынского вина на дорогу. Я выпил только одну, а другую мы выпили теперь. Марченко очень оно полюбилось. Я ему обещал, что ты пришлешь ему этого вина. Он велел тебе сказать, чтобы ты впредь ранее уведомлял его о желаниях твоих, а то ты пишешь ему тогда, как дело уже решено, и он быть тебе полезным не может, несмотря на все желание.

Можно еще поболтать. Двенадцатый час, разделся, закурил трубочку, давай писать. Гурьева засадила меня с собою в вист, третья была крикунья Ожаровская, а четвертый – молчаливый Дирнберг, посланник. 55 рубликов с меня слупили.

Граф дал мне доверенность вместо него подписать условие с Приори, а не худо тебе, между тем, озаботиться, решив, какое место удобнее: ключаревское ли или другое, на Москве-реке, о коем узнать можешь от управляющего учетной конторою в Москве, твоего знакомца молдавского, – забыл имя, кажется, Васильев. Гурьев в среду едет в Царское с докладами. Записку мою отдал тестю; по оной напишется указ или рескрипт министру финансов. Я сказал графу, чтобы Гурьев не забыл. «Ему самому очень хочется с этим закончить, – отвечал он, – и повторяю вам, вы ему приглянулись».

Александр. С.-Петербург, 19 августа 1818 года

Я обедал сегодня у Журавлева. Роза Карловна очень тебе кланяется. Добрая бабенка, и они живут очень согласно и счастливы. Детки милые. Он всем ворочает у Лобанова, который его очень любит. Только ужас, что работы. С утра по обед, а после обеда до вечера своих не видит. Он говорит, чтобы тетушка была покойна. Ей не дадут ничего, но и от нее требовать ничего не будут. Пришли ему свидетельство, что она вдова, для пенсиона ее. Театр два шага от меня. Сегодня давали Орациев «Чимароза». Изрядно! Театр красив. Сандунова не думает стареть, зато толстеет. Был я у князя Никиты сегодня. Он получил свою экспедицию и неохотно едет в Лондон, хотя 600 рублей на проезд и по 200 рублей в месяц. Я ему предсказываю, что когда окончит покупку лошадей, то велят ему покупать сукно, а там хрусталь, а там бритвы и так далее. Говорил, что жена сетует (пишет, будто бы, ему), что он забрался в Лондон, а она его и упекла туда, и что уговаривает иметь лучше препоручение в Неаполь (я чаю, покупать макароны). Еще не собирается ли она из Одессы в Стокгольм?

Тургеневу говорил я о неизбежном Попандопуло; он сказал, что хорошо, но, кажется, ожидает книги его. Нессельроде мне говорил, что он никак не оставит Яковлева-сына, но что вдруг все нельзя сделать. Он говорит, что это хороший мальчик, но еще невежественный, не умеющий себя вести, не знающий языков. Он препоручил его Поленову, который делает теперь часть работы в канцелярии, а после шести месяцев даст ему жалованье и пошлет в миссию, но в миссии посылают людей, кои уже несколько пообвыклись. Граф удивился, что Приори еще не появляется. Он меня просил зайти к нему, чтобы забрать для тебя не помню какой ликер, привезенный из чужих краев.

Александр. Петербург, 20 августа 1818 года

Нессельроде я вчера проводил. При самом отъезде получил он твое и Приори письма, на кои отвечать препоручил Родофиникину, и очень был он доволен поспешностью, с которою все делается в Москве. Граф мне сказал, что в Берлине есть школа дистилляции и что он там возьмет мальчика за небольшую плату, вместо того чтобы брать его в Данциге. Скажи это Приори. Граф поехал в спешке. Слишком много формальностей надобно, как то – расписываться в книге; однако условие будет подписано мною по данной от графа доверенности. Граф вернулся от Гурьева, с коим ходил прощаться. Он мне сказал: «Тесть мне сказал, что указ ваш будет подписан в среду и что он составил его по вашей записке».

Я ходил утром навестить старую и почтенную мать Полетики.

Она была очень чувствительна к такому знаку внимания. Я у нее часа два просидел. Был у дочерей князя Петра Алексеевича в Институте. Ими очень довольны. После помчался я по магазинам сделать кое-какие покупки. Надобно привезти подарочков московским друзьям. Вчера дулся в вист с Гурьевой.

Сегодня будет государь из Царского Села, а во вторник возвращается туда ночевать.

Петербург прекрасен, но тоска возьмет в нем жить; время же препакостное, сыро и мокро. Здесь все с утра до вечера работают, пишут, не с кем и побалагурить. Однако же иной раз удастся поиграть с адъютантами (которые славные ребята) в бостон тройной, побренчать на клавикордах, да взапуски покурить трубочку. Очень мне хорошо у Закревского, но все не Москва, не почта, не Смердино!

Александр. Петербург, 21 августа 1818 года

Несмотря на дурную погоду, государь приезжал из Царского Села учить егерей и очень был ими доволен.

Объявляют мне Сверчкова. Кстати он пришел, добрый мальчик. Проговорил с ним очень приятно час целый. Гурьев возвратился вчера очень поздно. Он объявил Сверчкову, что указ подписан. Это очень счастливо, ибо император едет на два дня в Стрельну. Он сюда будет только для большого прощального парада и вернется в Царское Село, а оттуда пустится в путь.

Александр. Петербург, 22 августа 1818 года

Ввечеру еду к Гурьеву: надобно выпросить копию с указа, да стараться скорее деньги выручить. 25 тысяч надобно оставить фельдмаршалыие Пушкиной, которая, узнав, что я здесь, начала уже душить меня.

Что же касается до Щербатова[162], наплевать хочу я теперь на его жалобы: пусть себе подает жалобы кому хочет, только чтобы он себе не расквасил сам носу, а то могу и я оказать ему эту услугу. Покуда касается он имения нашего, я ни слова не говорю; но ежели осмелится врать вздор и ежели дойдет до меня, я ему уши сделаю такие, чтобы он походил вперед на осла. Кикин на даче. Закревский едет к нему завтра нарочно узнать. Я ему дал записку о глупой претензии старого камер-юнкера на дом. Прошу Кикина, бывшего главным посредником, решить это недоумение, с тем, что я и спорить не буду против того, что он скажет, полагаясь на его справедливость. Тут не казусное дело, а за вздорные просьбы на государево лицо скажут и дурака; есть на это суды.

Годовой отчет деревенский неважен. Этот несчастный пожар

наделал нам убытков. В этом году только 66 000 доходов было, а я рассчитывал на 85 или 90 тысяч. Хлеб сгорел, это тысяч 35 менее; да надобно было купить тысяч на 13 хлеба на винокурню. Не стану тебе всего этого толковать, это для тебя вещь незнакомая, да и скучная; но дело в том, что меры беру такие, чтобы отсутствие Чурилова сделать на этот год нечувствительным в доходах, и я надеюсь, что они по урожаю будут равны с прошлогодними, ежели не превосходнее.

Александр. Петербург, 23 августа 1818 года

Долго идут письма сюда очень. У нас никогда не доходят позже пятого дня, а здесь иной раз раздаются в 7-й, 8-й и 9-й день; вообще, правду надобно говорить, наш почтамт исправнее здешнего; все в этом согласны, а я вижу это опытом. Наконец и ты получил письмо от Нессельроде, но оно немного должно было тебя успокоить. Очень хорошо устроили мы это. Надобно было приехать сюда, а ежели бы это было тремя днями позже, то не сделалось бы ничего до возвращения государева.

Беннер хочет немного поправить у меня рот в портрете, а у тебя пузо, которое Наташе не нравилось. Мы с ним смотрели литографию, заведенную здесь твоим знакомым венским Шиллингом. Прилагаемый проект вырезан на камне этим манером. Я и рисунки тебе везу разные и очень похожий портрет генерала Ермолова.

Этот балагур Александр Львович после ужина взял Гурьева в другую комнату и до второго часу его душил. Все разъехались. Я все пережидал; но наконец Дмитрий Александрович пошел спать в маленькую гостиную, и я не мог поговорить с ним; впрочем, он прежде мне говорил сам, что выдачу денег кончит тотчас. Князь А.И.Лобанов, который задает себе тоны в бильярде, начал со мною играть. Гурьев просил меня его попотчевать, и я у него выиграл шесть партий сряду, а последнюю оставил его на двух. «Тьфу, черт! – сказал он. – Он собаку съел, посылайте его скорее в Москву! Он играет как бешеный». Однако же под конец менее подпускал шуточек, а сначала горячился, пароли, да задом наперед, да 90 и проиграл мне. Гурьев спросил: «Ага, что, это не Мечников, не Нессельроде?» – «Какой черт, в одном 4 вершка, а в другом полтора, а в московском-то 2 аршина 6 вершков, как не более».

Здесь до отъезда не будет ничего. Вязмитинов очень доволен графством (с потомством); ему 100 лет, а жене 90, а детей нет. А Милорадович очень доволен генерал-губернаторством, взял профессора Кукольникова учиться законам. Бедный Павел Васильевич Кутузов отчаянно болен подлейшею подагрою. Вчера

едва узнал Закревского, который к нему поехал сейчас опять.

Третьего дня была дуэль на пистолетах между Потоцкими Львом и Ярославом за самый вздор; и ссоры не было, но их подбили, говорят, добрые люди. Никто никого не ранил.

Свита императрицы Елизаветы Алексеевны умножена фрейлиной Саблуковой; вот бы и Тургеневу тут уже как-нибудь ехать [Александр Иванович Тургенев думал жениться на этой Саблуковой]. Императрице Марии Федоровне, которая едет через Варшаву, готовятся там же пять балов. Сегодня вынос тела князя Алексея Борисовича Куракина в Невский монастырь, а там будет положен в Павловском. Весь город туда едет, и думают, что и двор почтит память его своим присутствием. Ежели бы не почта, я бы туда непременно поехал; но не было ничего заготовлено к почте.

Александр. Петербург, 25 августа 1818 года

Сегодня положено было обедать дома и пробовать еще повара; вместо получил приглашение от Гурьева обедать у него. Тем менее мог я это отказать, что собирался ехать туда на вечер именно, чтобы попросить Дмитрия Александровича скорее меня отправить обратно в Москву. Плотно поел, стол славный. После обеда на балконе, пивши кофе, я нашел минуту к нему подойти и просил его довершить начатое и кончить дело. Он велел мне быть к себе в понедельник поутру в девять часов, прибавив: «Мы тотчас с этим и покончим». Я воспользовался сим случаем, чтобы просить и о Фавсте. Он сказал: «Я не в курсе дела, но поговорите о сем с Мечниковым». Этот мне обещал сделать непременно, но я все боюсь, что не состоится до отъезда государева.

Марченко сказывал, что сегодня в комитете все строения без изъятия отменены, в том числе и почтамт; что ежели бы, вместо понемногу в годы, потребовал ты хоть два миллиона, но вдруг, то дали бы. Я не понимаю этого расчета. Жаль, что не будет этого славного строения в Москве, а Марченко прибавил: «Дай срок, приедет государь в Москву, опять отменит комитетское положение». Представлений никаких не имеет быть при дворе, и я жалел, что не увижу ни государя, ни императриц. Только сегодня гуляю пешком. У подъезда государева вижу толпу людей. Что такое? – Подвозится карета для императрицы Елизаветы Алексеевны. Я подошел. Государыня садится в карету ехать в Царское Село. Кланяясь народу, увидала меня и подозвала. Я к карете подбежал, и она изволила разговаривать со мною минут с пять чрезвычайно милостиво. Спрашивала, давно ли приехал, за делом ли, о жене, о твоей прошедшей болезни и проч., и я в восхищении, что уеду отсюда, видев государыню и даже говорив с

нею. Императрицу Марию Федоровну встретил я на Полицейском мосту, но она меня не узнала, кажется. Государя буду ловить в понедельник на большом параде.

Вчера ввечеру был я у Голицыной, очень поздно там заболтался, говорил много о Москве. Она тебе будет писать, чтобы благодарить за почтальона, коим очень была довольна дорогой. Письмо ей отдали. Она, может быть, опять поедет в Москву.

Нечаянно зашел я вчера в театр; давали «Прекрасного Иосифа» Мегюля; очень обрадовался, найдя там Жуковского, который очень тебе привержен и целует тебя. Из театра заходил к нему (он близко от меня), а от него пустился к Голицыной. Вчера, идучи от Фонтона (который с женой был уже в театре, и оба прыгали на стуле от радости слышать оперу), попалось мне странное явление на Перспективе. Старик с седой бородою идет вприпрыжку. Андреевская и Георгиевская звезды, военный шитый мундир, вместо камзола жилет атласный синий, без шляпы и шпаги, сгорбившись. Вдруг остановился, начал кланяться в землю перед Казанскою. Увидев меня, начал меня крестить и целовать. Кто это, Суворов? Нет, кто же? Князь Григорий Семенович Волконский, шедший в этом убранстве домой из Невского монастыря, где был вынос тела князя Куракина. Точно мертвец. За ним так и шла толпа народу, а он идет, как будто танцуя польский, но один, даже без лакея. Экий чудак!

Закревскому вверена должность начальника главного штаба на время отсутствия государя. Князю Якову Ивановичу Лобанову пожалован 1-й Владимир. Кожухов – губернатором в Курск. Меттерниха отец умер в Вене.

Во вторник едет государь, в среду императрица Мария Федоровна, а в четверг императрица Елизавета Алексеевна. Похороны Куракина были великолепны. Весь двор был и великий князь. Службу отправлял преосвященный.

Был я в Эрмитаже, который показывал мне сам Лабинский. Привезли государю большой портрет Веллингтона, заказанный Жерару. Удивительная работа, во весь рост; говорят, что только не говорит. Я очень рад, что имею теперь понятие об этой славной роже. В Эрмитаже также славный американский ворон, привезенный Сверчковым из Рио-де-Жанейро.

Александр. Петербург, 27 августа 1818 года

Я явился к Гурьеву по его назначению; не тут-то было, и этот с утра улизнул в Царское Село. Экая беда! Но все сносно, как подумаю, что дело-то в шапке; день-другой можно подождать, чтобы было в карманах. Я видел славный парад поутру, 36 000

под ружьем. Чудо что за войско. Время было прекрасное. Народу тьма на Семеновском поле. Государь был доволен. Я видел государя, едущего домой в коляске с принцем Гомбургским, и по поклону кажется, что он меня узнал. Сегодня большой день для меня. Я праздновал его у Марьи Любимовны, обедал там и с Resiga da Rusiga пил здоровье своей дорогой именинницы. Мартынов согласен на все, что хочешь, по 6000 рублей, хоть и расписки не давай. Сердит на князя Петра Михайловича, что не отдал государю какой-то альбом; он было к Милорадовичу, тот за все взялся и ничего не сделал, и гневен, как индейский петух.

По всем вероятностям, мы выезжаем с Закревским в четверг поутру. Я в восхищении, что пускаюсь в бесценную Москву. Закревский, кажется, флегматик, а одно кричит: «У тебя то и дело письма из Москвы, а я, по милости твоего брата, ничего не получаю», – а в другое время говорил, что Толстова люди пропивают деньги и письма на почту не отдают. Вольно им не адресовать их через тебя. Завтра с милым Закревским, Тургеневым и Жуковским обедаем у Лонгинова. Тургенев невесел. Его все поздравляют с лентою, которой до сей минуты не получил, да и не ожидает, а были многие милости вице-губернаторам. Рынкевичу – 3-го Владимира. В Комиссии прошений много награждений: от Лобанова до последнего. Славному Кикину дали в третий раз алмазную Анну, а потом сказали, что это ошибкою. Гурьевские также награждены. Узнаю подробнее завтра от Закревского, который ночует в Царском Селе. Я встретил на улице Козодавлева, он завалил комплиментами: «Сделайте милость, еще раз отобедайте у меня до отъезда вашего завтра». – «Невозможно!» – «Во вторник». – «Я дал слово». – «В среду?» Нечего делать, а скучно таскаться на дачу: теряешь целый день, а мне в четверг улизнуть хочется. Наши портреты все гуляют. Беннер хочет над моим еще поработать один сеанс. Он тебя превозносит до небес за подписчиков и говорит всем: «Благодаря моему благодетелю, московскому почт-директору, даже казаки подписываются». Мы втурили и Калинина в подписчики. Бланкеты тебе пришлет со мною. Вот кто уехал за Нессельроде: Стурдза, Северин, Гульянов, Холщенский, Сакен, а Миллер уже там с графом Каподистрией, и фельдъегерь Солонин, которого я у Закревского выпросил; ему даст граф чин. У бри опять остается калифом. Шулепову хотелось на конгресс, Шатонеф хочет ехать в Москву жениться. У меня не хватило духу навестить Северина, который все еще безутешен.

Кто ко мне явился вдруг ввечеру? – Добрый Мишо; уж он целовал меня, уж говорил о тебе, плакал от радости, узнав, что мы поустроили дела наши. Он будет, может, в Москву, ежели не

помешает ему какая-то комиссия, в которую он посажен с великим князем Николаем Павловичем. Какой это бесценный малый!

Я был сейчас у Дмитрия Александровича, он дал мне записку в Кабинет, для получения денег, которые выдадут мне завтра, в 9 часов утра. Я был и в Кабинете; там начальник Литке, добрый человек, предлагал и сегодня дать 50 тысяч, но лучше взять вдруг. Спасибо Гурьеву, который на себя взял дать мне всю сумму, хотя я не имею от тебя доверенности. Обязательство подписал я один; ты подпишешь также в Москве, и я его доставлю Гурьеву: так условлено у нас.

1819 год

Александр. Село Граблино, 3 марта 1819 года

Время прехолодное, с метелью. Ефим мне сделал сюрприз, пристроив возле себя четыре хорошеньких комнаты; только нет двойных рам, и везде дует. Перешел бы к нему, но, на беду, дочь его родила дочь Анну, которую я вчера и крестить должен был. Добрый старик, и я очень доволен им. За барский рубль рад удавиться, и надобно правду говорить, этот человек из всего делает доход.

Я ожидал, что строение на Кузнецком мосту подвержено будет многим неудобствам, и лучше оставить другим попечение построить дворец и лавку для Наташеньки Сихлеровой, которой прошу кланяться от меня[163]. Я ее не забыл, хотя здешние еврейские лавки ничем не напоминают московских магазинчиков. Лучше бы знаться с Фишерами и Цикл ерами, чем с винокурами и жидовками; лучше бы побывать в Горенках и любоваться на японские розаны, нежели таскаться по винокуренным подвалам и с отрыгательницами ожидать перегару, недогару и браковки вина. Но будет и на нашей улице праздник. Приеду и я отдыхать на лаврах, осыпанных овсом и намоченных вином.

Напрасно ты не послал Тормасову [московскому генерал-губернатору, которым были недовольны в Петербурге] чай. Здесь все лежачего бьют, а мне приятнее было бы лежачего напоить чаем. Нового губернатора здесь хвалят, но какого нового губернатора не хвалят?

К счастью, взял я с собою Метаксовы записки[164], над коими работаю с удовольствием. Две последние тетради будут очень занимательны. Куда только ошибочны произведения пера Метаксы! Скажи Волкову, что Алексианов [витебский помещик, знаменитый моряк Екатерининских времен, контр-адмирал Алексиано] навербовал шутов восемь к моему приезду, между прочими жид один, у которого он выбрил уже половину бороды и который хочет идти в христианскую веру. Он смеется над жидами и дразнит их, как они молятся на шабаше.

Александр. Городно, 6 марта 1819 года

Окончив все в Граблине, приехал я сюда, в Городно, любезный брат. Первая встреча была с Кузьмою, которого я, однако же, нашел не пьяного, – состарился. Мы очень друг другу обрадовались, и он меня тронул, заговоря тотчас о покойном бесценном батюшке. Кузьму здесь кормят и поют, а работы он не

знает никакой, кроме смотреть за домом новым; я в нем живу, он тепел, на прекрасном месте, только еще без мебели. Зала преславная, вид на озеро, на село, вдали мельница и винокурня. Все бы хорошо, только зима, и я один в пустом большом доме. Жиды, арендари наши, меня обступили, просят убавки с найма корчм; но ежели сделать для одних, то все прочие налягут; итак, я отправил их с отказом. Выспавшись хорошенько, поехал я на лежащий на виду фольварок, мною заведенный прошлого года и который в виду дома. Я его назвал в честь Костюши [своего сына] его именем; там нашел я множество скотины; быков с 40 в продажу назначены, и дают уже по 50 рублей.

Я очень доволен старанием лекаря, которого велел я нанять по случаю болезней, бывших здесь. Из числа 86 больных осталось только 21; 54 человека вылечено, умерло человек 7. Ежели бы я здесь жил, я бы завел госпиталь, ибо в домах трудно лечить мужиков, а более всего – иметь за ними присмотр, а он очень нерадив. Я остался в Граблине, покуда не спровадил все вино сам, чтобы быть покойному на этот счет. Завтра поеду к Алексианову, который прислал мне сказать, что он возвратился из Витебска. Ежели не найду у него Якубовского, от коего за вино должен получить остальные 9000 рублей, то пошлю к нему Ефима Петровича. Это одно удерживает меня еще здесь. В Велиже отдам в казначейство остальные 7000 за эти проклятые пошлины, которые не очистя, не можем получить свидетельства для закладу 1000 душ в Воспитательный дом. Ох, кабы не пошлины эти, не банк, не покупка некоторого числа ржи, коей снабжало нас Чурилово, не почтовые деньги, я бы привез с собою тысяч 25! Какая бы славная сумма для оплаты долгов наших! Как быть, надобно довольствоваться третьей долей.

Между прочим, купил я здесь смежные с нами пять десятин славного леса, вместо коих отмежуют нам 15, посредством небольшого подарочка. Это из имения каких-то малолетних графов Толстых, у коих опекуны, похожие, как ты видишь, на всех опекунов. Лес этот, в коем березняк и строевой, купили мы весь за 250 рублей, то есть за ничто. Для нас и для мужиков наших, коим я позволил рубить сколько хотят, это находка. Одним словом, все идет очень хорошо у нас, и ежели бы не долги, мы бы были панами зажиточными. Мужики наши достаточны, не изнурены и славятся в околотке. В скуке здесь работаю я все над Метаксою: будет, что почитать с удовольствием. Я два раза читал третий том мадам д'Эпине. Есть тут письма ее, Гримма и Дидро, бесценные. Какая шельма Руссо! Батюшка его знавал и говорил мне не раз, что Руссо самый развращенный и самолюбивый человек. Я восхищался дружбою Гримма с мадам д'Эпине: такая

связь может существовать, а особливо продолжаться, только между мужчинами, и то не дюжинными, какими свет ныне наполнен. Я почувствовал еще живее разлуку с тобою и необходимость опять соединиться с тобой и со своими. Как, должно быть, несносно жить без дружбы! Поп наш Марка явился ко мне. И он был болен горячкою; наш лекарь-жид и его вылечил. Я дал ему, сверх условленных 300 рублей, 25, за которые очень меня благодарил.

Константин. Москва, 10 марта 1819 года

В пятницу с большой церемонией перенесли тело Августина из его дома в Чудов монастырь. Несли его протопопы. Процессия началась дьячками всех приходов, потом шли дьяконы, там священники, архимандриты, потом на подушках несли ордена, митру и проч., потом гроб под балдахином, открытый. Он лежал во всем облачении, держа в руках крест и Евангелие, за ним шли архиереи. У каждой церкви на пути тело было встречаемо священником прихода с причтом, тело останавливалось, и читали молитвы. В Чудове отпели, а на другой день с церемониею же проводили тело до заставы, а там уже повезли к Троице, где предано земле. Народу на улицах было тьма, время сырое – только простуда! Говорят, что он по завещанию оставил много денег бедным. Сим кончается история Августина. Скоро будут говорить о его преемнике, которого всякий назначает по своему желанию. После убитого в Донском монастыре 60 лет тому назад архиерея не видали здесь архиерейских похорон, ибо между ним и Августином был только Платон, а тот умер не в Москве.

Александр. Минск, 20 мая 1819 года

Влодек, который здесь дивизионным, очень мне обрадовался; я сидел более часа у него, застал его ложащегося спать; он меня упросил завтра рано у него напиться кофею перед отъездом. Государь посылал его в Штутгарт с печальным комплиментом к королю[165]; он три дня как только воротился; огорчен историей, случившейся на сих днях на параде при нем. Один молодой офицер Литовского уланского полка вдруг подошел к полковнику своему и дал ему две оплеухи. Это случилось на плацу для парадов и наделало много шуму. Влодек, хотя и напрасно, опасается, как бы не случились ему от этого неприятности. Впрочем, он доволен своим пребыванием здесь и всецело отдается службе.

В Борисове мы видели губернатора Минска, ожидавшего великого князя Михаила, который едет из-за границы; великого князя Николая ждали в Орше, куда он отправился навстречу

брату.

Александр. Минск, 21 мая 1819 года

Влодек так много меня упрашивал, что не могу ему отказать остаться еще это утро с ним, тем более, что он взял меня за слабую сторону: «Да разве ты мне откажешь, любезный мой Александр, в основательном завтраке, за которым мы выпьем шампанского за здоровье милейшего Константина? Давай же, одному ведь Богу известно, где и как снова увидимся». Итак, мы остаемся утро еще здесь. Я рано пришел к Влодеку; он только что встал, и мы себе наболтались досыта, а там пришел Волков, который заспался. Государь будет сюда в августе, а там изволит ехать в Варшаву, для осмотрения войска; а сейма не будет, как говорили. Хилков просил место Шульгина. Государь призвал его в кабинет к себе, сказал ему, что, любя его, не хочет лишать армию хорошего офицера, что лучше ему продолжать службу, что, ежели непременно желает это место, он назначен будет, но что, конечно, не потеряет ничего, оставаясь где теперь. Хилков оставил свою претензию, и не знают, кто займет место Шульгина. Посмотрю, что говорят о нем в Варшаве; да, впрочем, он слывет тем, что есть: грубым, резким, неотесанным вруном и громилой. У Влодека оказалась прелестнейшая шкатулка короля Вюртембергского; она составила компанию шкатулке, полученной тобою от короля Английского. Он мне сказал кое-что, что доставило мне огромное удовольствие, а именно: что Анстет уже в Карлсбаде, где и проведет все лето. Он сказал, что Анстет с большим интересом расспрашивал его обо мне. Василий Голицын только что тут проехал, он состоит при миссии Анстета.

Александр. Варшава, 26 мая 1819 года

Мы прибыли сюда благополучно, ровно в следующую субботу, любезнейший брат. Стать в трактире – было бы поссориться с Вяземским, который нам так дружески предложил свой большой кабинет, в котором мы оба спим с ним. Дом на прекрасном месте, то есть на площади Краковского предместья. Мне так ясно доказали, что неприлично не представляться великому князю, что я, взяв шпагу у Гезлера, шляпу у Моренгейма и т. д., оделся и с Волковым представлялся; тут Вяземский был для компании. Великий князь долго держал Вяземского в кабинете и очень его обласкал: показывает войско, угощает и проч.; со мною был очень учтив, спрашивал, от чего я еду лечиться; я отвечал: «От разных недугов, ваше высочество». Сказал, улыбнувшись: «Понимаю!» Как будто полагает, что еду более для своего удовольствия. Тут видел я Раутенштрауха,

который очень мне обрадовался, Васеньку Апраксина, князя Александра Борисовича Голицына, адъютанта великого князя; он и представлял. Здесь тоже Александр Павлович Афросимов, скоро едет в Москву; с ним пришлю тебе посылку, для доставления жене в Семердино, ежели она не в Москве. Меня так затормошили и затаскали смотреть все, что есть любопытного, что не имею времени свободного. Нашел я также во дворце Серакунского, и этот очень мне обрадовался; он и все много о тебе расспрашивали.

Великий князь очень много говорил с Волковым, но о Шульгине ни слова, а очень много хвалил Тормасова, называя его самым хорошим и добрейшим человеком. Хотелось мне прибавить: «Ваше высочество, только был бы он поживее». Волкова принимают как принца крови. Завтра будут экзерцисы. Его высочество дает ему верховую лошадь, чтобы он на них присутствовал. Город мне нравится, много строят, поправляют, украшают, множество мест для гулянья около города, и где пьют кофей, едят курчента. Удивительно, однако же, что все жалуются, что здесь скучно. Байков тебе кланяется; я его принял за Станислава Потоцкого: ну живой он! Вообрази, что Байков взял для шутки билет в Берлинскую лотерею и получил уведомление, что выиграл тысячу червонных. Каков! Вяземскому велел я сказать, приехав сюда, что молодой университетский студент желает ему вручить лично письмо; но он не дался в обман и тотчас сказал: «Ну, это Булгаков приехал!»

Таскают меня во все стороны. Вот, наскоро, что я видел: Лазенки – прекрасно, но запущено; Бельведер, загородный дом, строящийся великим князем. Возле Лазенок, на прекрасном месте, Багатель – приятный садик с киоском, где гуляют, обедают, ужинают; это куплено метрдотелем Коленкура Шово за 5000 и устроено очень хорошо. Нас, несколько русских, Вяземский угощал там обедом. Беляны – гулянье за городом, вроде семика, только что ходят все в лесу, а не ездят, как у нас. Императорский замок, прежде Королевский, – славный вид; зал, где государь речь говорил в последний сейм; панорама прекрасная Парижа; все уверяют, что это будто там побывал: узнаешь всякий дом, все отделано с большой тщательностью. Париж собирается и к вам быть, а между тем здесь индеец. Вчера было первое представление. Аплодировали ему бешено. Когда он открыл рот, чтобы сказать, что собирается проглотить большую гирю в четырнадцать фунтов, мадам Чернышева испустила вопль и убежала из ложи, что позабавило публику больше, чем фокусы индейца. Камера обскура, через которую видно всю Варшаву, а я увидел Волкова, случайно шедшего по улице с маленьким

Нелединским; арсенал, который обустроен великолепно. Сегодня Вяземский выпросил для нас Жоконду с билетом. Правду сказать, не вижу я красавиц здешних; но правда и то, что все ловки, одеты хорошо и обуты бесподобно. Жаль, что для этих прекрасных ножек такая гадкая мостовая, без тротуаров. Теперь здесь ярмарка, есть на что разориться: в лавках прелесть; что же касается до женских уборов, то, право, не понимаю, как может это быть лучше в Париже. Я кое-что купил для Наташи и перешлю тебе через Афросимова или Серакунского для вручения ей. Чего кто ни покупает, а на ярмарке все, даже есть лавка, наполненная чем? – вся разными русскими пряниками.

Волков был восхищен учением и сказал великому князю, что государь, верно, пожаловал бы им по фунту говядины и по чарке вина. «Быть по-твоему, – сказал великий князь, – да еще к тому дневное жалованье».

О здоровье моем что тебе сказать? Порядочно, только, отдохнув здесь три дня, еще более чувствую усталость. Вяземский нас затормошил – то туда, то сюда. Я желал бы быть уже на месте и начать путную жизнь; поясница и колени болят, в дороге отвык от ходьбы, но ем очень аппетитно и сплю хорошо; не дадут минуты, и вообрази, что я встал в пять часов утра, чтобы писать тебе и жене.

Сейчас адъютант великого князя является звать Волкова завтра на конное учение. Эка беда! Еще день лишний быть здесь.

Александр. Варшава, 29 мая 1819 года

Что Волков предвидел, то точно сбылось. Мы здесь задержаны. Великий князь чрезмерно его обласкал, показывает ему войска, которые подлинно чудесные, особенно кавалерия. Вчера я ездил на маневры верхом, устал как собака, но менее меня разбило, нежели ожидал. У меня была отлично вышколенная придворная лошадь, и я видел великолепное войско. Что за лошади, одна к одной подобраны, а что полк, то шерсть. Великий князь проговорился о Шульгине и сказал, что, будучи в 1500 верстах от Москвы, не может за ним присматривать, и осыпал похвалами графа Тормасова. Что до Бибикова, то его великий князь назвал игроком, трусом и дурным офицером.

Здесь один поляк нарисовал портрет государя на вахтпараде, заставил его дать оный гравировать. Я нахожу его похожим, при первом взгляде, и посылаю тебе экземплярчик.

Наш Вяземский так запотчевал нас, что не дает времени и опомниться. Что-то будет далее, а здесь все Москва в глазах моих. Волков уморителен со своим польским языком. Слыша часто

слово «bedze», он вообразил себе, что это значит *«пожалуйста»*, выговаривает же он не «бендзе», а *«пенза»,* и всякую минуту все «пенза» и «пенза», «принеси, кохана, пенза, вилечку», «только, пенза, скорее», и теперь все его называют «московским Пенза». Ну, брат, слышал я у Вяземского славного певца Бриса; ты, я думаю, слышал его в Париже. Как хорошо поет, что за голос! Вася Апраксин славный музыкант: не зная нот, играет все и поет все, что только раз слышал, и пресмешной. Женщины, сказать тебе по правде, не так восхитительны, как я того ожидал, но они умеют показать себя, прекрасно одеваются и не ходят вперевалку, как наши гусыни.

Константин. Москва, 29 мая 1819 года

Все письма из Петербурга ко мне только и говорят о смерти княжны Туркестановой, все об ней жалеют. Императрица приезжала из Павловского нарочно, чтобы ее видеть, и провела с нею последние часы. Николай Тургенев пожалован в статские советники и поступил к министру финансов на место Жерве.

Александр. Дрезден, 6 июня 1819 года

Часто грустно по Москве, и без Волкова, я думаю, что вместо удовольствия путешествие навело бы на меня тоску. Правда и то, что здесь начинаются приятства, ибо в этом королевстве Польском тоска: пески, сосны, жиды да свиньи; нищета, лошади дурны, жилища еще хуже. Никому не советую с Варшавы ехать на Бреславль. Мы едем местом очень любопытным, по следам армий наших и больших происшествий. В Бауцене отыскал я дом, где скончался князь Кутузов; хозяин рассказал мне все подробности. Я вообще довольно обогащаю свой журнал, который заключает в себе совершенно все наши деяния, и я так привык, что не могу ни пить кофе, ни понежиться, ежели не вписал в журнал что надобно. Много очень было с нами и любопытных, и смешных происшествий. Волков удивительный халапушка. Ночью около Бреславля заехал почтальон в шинок за шнапсом, слышит музыку, танцы, веселье, пар с восемь вальсируют в комнате, где человек 40. Где мой Волков? Кажется, стоял рядом со мною. Гляжу, а он, подцепив крестьянку, изволит с нею вальсировать. Надобно было видеть радость этой девушки, что она вальсирует с командиром из славнейшего града Москвы. Васьками мы очень довольны. Мой Васька говорит, что немцы все дураки. – «Отчего же?» – «Да ни один не умеет говорить по-русски».

В Карлсбаде множество народу; мы пишем туда, чтобы нам наняли две комнатки. Ханыкова [нашего посланника при саксонском дворе] здесь нет, а приятен очень дом князя Павла

Сергеевича Голицына, которым мы обласканы; жена его премилая, мы у них обедаем сегодня. Есть еще Крокша, но я и не поеду туда: слишком там умничают. Еще здесь Аникеева, которая собирается в Россию обратно. Прочие все разъехались. Меншиков [князь Николай Сергеевич] поехал в Италию. Этот по уши в книгах и работе, но очень весел, говорят; в Россию не думает возвращаться, чего, право, не понимаю. Он Стурдзу здесь так напугал, что этот ходил как угорелый. «Примите меры предосторожности, – говорил он Стурдзе, – я же их принял». – «Да какие же?» – «О, прежде всего я надписал на своей двери большими буквами: «Здесь не живет Стурдза». Я не боюсь, что студенты ошибутся дверью» (они жили в одном доме). Здесь и в маленьких даже городках, где мы проезжали, везде продают портреты и жизнеописание Занда и изображение убиения Коцебу. Завтра начну осматривать достопамятности города. Мы живем в «Отель де Полонь», на большой Шлоссгассе. Мимо нас беспрестанное гулянье, в комнате славные клавикорды, и мы бренчим.

Как нас трактуют везде! Слова «русский генерал» имеют чудесное влияние: нигде не держат нас минуты, нигде не осматривают. Я не знаю другого Волкова для дороги: попечителей, спит днем, а как мы захрапим ночью, то он караулит, всегда весел, на все готов, исполняет все мои капризы, одним словом, товарищ славный, только не дает мне писать; у него одно слово: «Да после напишешь».

Александр. Карлсбад, 13 июня 1819 года

Тебя, кажется, вся Германия знает; все меня ласкают как русского и как брата твоего, а многие меня принимают за тебя самого, напоминают мне о том, о другом, и я не могу их переуверить, что это точно не ты, а я. Еще обедал я у принца Мекленбург-Шверинского, мужа покойной великой княгини Елены Павловны. Они очень милы оба брата, а меньшой просил меня тебе кланяться от него. Принц сказал нам по секрету, что сын его помолвлен скоро будет за сестру нашей великой княгини Александры Феодоровны. Сегодня звал нас обедать Блоом [бывший датский посланник], который и здесь живет по-петербургскому и все с русскими. Он познакомил меня с датским наследным принцем, у которого жена прекрасная, да и он сам молодец. Федор Петрович Уваров также здесь и очень меня обласкал; у него род балика во вторник. Чье знакомство очень мне было приятно, это почтенного старого Блюхера, без всякой церемонии. Желтухин нам дал секрет: он не любит, кто станет его величать, а кто с ним тотчас запросто, того он тотчас любит.

Волков тотчас выпятил свой немецкий и свои кройц-батальоны. Тут наш хозяин и пришел в восхищение. Ужо садимся с ним в вист по 5 гульденов. Это наша московская игра; большую и азартную он уже бросил совсем, по убеждению адъютанта своего, графа Ностица, и старик сам говорил нам: «Мы большую игру не играем, мы играем в вист по маленькой, а большая игра запрещена» (указывая на Ностица). Однако же этот Ностиц – его адъютант и спас ему жизнь в битве при Ватерлоо, когда маршал упал вместе со своим убитым конем.

Шварценберга я бы не узнал: так он опустился, похудел и состарился; одну ногу тащит за собою и ходит, упираясь на тросточку, сидит большей частью и невесел. Здесь еще граф Витт, княгиня Горчакова с дочерью, Уварова брат с женою, Раевская, жена генерала, с дочерьми, четверо Голицыных, князья Федор, Павел, Александр и Василий, Кампенгаузен, Хрептовичева, Меншикова, Любомирский, Пукалова с каким-то молодым полковником, Василий Давыдов, герцогиня Курляндская, то есть Саган, Экселенца и проч. и проч. Есть еще сестра Наполеона Элиза Баччиоки с мужем и любовником и жена Еремки Бонапарта; с некоторого времени они мало выходят в свет и говорят, что вид Шварценберга и Блюхера доставляет им страданий более, нежели воды приносят пользы. Есть еще очень красивая женщина, жена Стюрмера. Это любезная француженка, она приехала со Святой Елены, где ее муж был комиссаром Австрии, как ты знаешь. Я еще с ней не познакомился. Генерал Желтухин, друг Закревского, – милейший человек, но этой ночью он, к нашему сожалению, отбывает в Россию. То-то же наговорился я об Италии с ним. Он все время вояжировал с великим князем Михаилом Павловичем, жил с Италинским, Каподистрией. Обласкай его, когда будет в Москву. Я дал ему письмо к тебе, но он не прежде будет в Москве, как в сентябре или в октябре. Он отдаст тебе посылку от меня, которую передай Наташе. Это башмаки дрезденские.

По дороге сюда встретил я Небольсина, и, несмотря на ворчание почтальона, мы проболтали с часочек на дороге, и я намарал тебе несколько строчек карандашом. Я ему нечто порассказал о своей дороге для передачи тебе. Я никак с Волковым не согласен, и местоположение Карлсбада скучно. В глубокой дыре, окружен дремучим лесом, на высоких горах. Чтобы видеть небо, надобно так заворотить голову, что шляпа спадет. Холод все продолжается, и ежели бы не твоя славная шинель, я бы не один раз, а особливо эту ночь, сильно прозяб. Как часто тебя благодарю. Какие нищие эти немцы! Из всего делают себе доход, за все подавай деньги. Только что мы приехали,

явилась перед домом нашим музыка с поздравлением.

Кого я еще здесь нашел? Помнишь ты, у Бирон жила полячка, ловкая Брыжинская; теперь стала престарая и претолстая, а все еще щеголяет. Только какая жалость! У нее эта мерзкая польская волосяная болезнь, которой имя я забыл, так что, дабы скрывать волосы, вся голова у нее как в мешке. Есть еще другая полька, с которой странное было приключение: около Рима напали на нее разбойники, ограбили ямщика… Вот, может похвастать, что отведала необыкновенного фрукта, только что от испуга с тех пор стала коса одним глазом.

Анстета нет здесь, а может, будет еще; но жаль, что графиня Нессельроде сюда не будет. Ренан уговорил ее ехать лучше в Эмс, верно, потому, что сам туда поехал. И Каподистрии не будет. Дамм, доктор его, сказывал, что он берет воды в Виченце, а оттуда поедет в Париж.

Хитров умер во Флоренции и оставил, говорят, жену [Елизавету Михайловну, дочь князя Кутузова, в первом браке графиню Тизенгаузен] в прежалком положении, с долгами и без копейки. Смерть его была очень мучительна и продолжительна. На сих днях ожидают прусского наследного принца, на которого наехали мы в Бреславле.

Богатая земля! Изобилие! Мой Васька набивал себя все фруктами. Как мы раз смеялись! Иду со двора, Васька у ворот покупает и ест вишни; через час ворочаюсь домой, Васька опять ест вишни. – «Смотри, ты не объешься?» – «Ничево-с!» – «Ну, охотник ты, брат, до вишен?» – «Да дешевы!» Вот так по-русски!

Александр. Карлсбад, 21 июня 1819 года

Во вторник давал Уваров Федор Петрович славный бал в Саксонской зале, просил меня внести оживление, но не было нужды: все были очень веселы и плясали до двенадцатого часа, что тут является беспримерным распутством. Я сделал несколько туров вальса; пришлось, ибо и Федор Г., и сам Уваров, и наследный датский принц, и принцесса, которая очень красивая женщина, и две принцессы Мекленбургские, – словом, все танцевали и вальсировали. Наш милый старик Блюхер надел все ордена и, дабы сделать приятное хозяину, налепил большую бриллиантовую Андреевскую звезду. Так себе отличаемся в польском, что любо, с припрыжкою, как тот польский пан староста в Вильне.

Я познакомился с молодым Стюрмером, который очень тебя любит и хвалит тебя. Ты знаешь, что он был комиссаром австрийским на острове Св. Елены, откуда недавно приехал. У него жена француженка, очень хороша собой и мила. Я на балу

более часа с ним болтал, а вчера обедали у Блоома вместе. Он мне рассказывал очень много любопытного о Наполеоне, которого никак не мог видеть, и Бальмен также. Этот взбесился и уехал оттуда в Англию. Комиссары набросились на губернатора, чтобы тот отвел их к Наполеону, их должности обязывали их его повидать и убедиться, что милейший человек там. Наконец Наполеон велел им сказать, что примет их всех утром, когда сидит на *стуле с дыркою*. Натурально, никто категорически не захотел через это пройти. После множества переговоров губернатор объявил, что придется ему допустить-таки к себе комиссаров, а тот отвечал: «Даю вам слово чести, что, ежели хоть один из них войдет ко мне, я вышибу ему мозги собственной рукою, как и предупреждаю вас о том наперед; вся ответственность на вас. Держите меня тут сколько хотите, но я не желаю никого видеть».

Он там в заточении точно как бы во дворце в Париже и с окружающими его обходится чрезмерно туго. Бертран должна была у него обедать в два часа. Было два часа, ее нет. В ту минуту, что он пошел за стол, она явилась. Он ей сказал, увидев ее: «Подите вон, и чтоб это было в последний раз, что вы у меня обедаете; сие научит вас наперед быть точною, уж лучше это, чем болтать о политике!» Стюрмерша говорила той, что удивляется, зачем она остается тут и зачем они не переберутся в Европу. – «Что же вы хотите, чтобы мы подпали под гнев императора?» Что может сделать один человек? Боятся в Европе мщения человека, заключенного на острове Св. Елены!..

Когда будем вместе, многое тебе еще расскажу. Стюрмер будет товарищем Полетики в Америке; но, кажется, он караулит здесь Меттерниха, чтобы избавиться от этой миссии, и с помощью милой жены своей, верно, в этом успеет. Третьего дня приехала сюда графиня Браницкая; она будет пить воды. Я ее еще не видал. Сегодня приехал прусский наследный принц, проездом в Мюнхен. Блюхер ему готовил праздник, который завтра будет дан, ежели принц не сегодня же уедет. Тебе очень кланяется старик Будберг. Я его люблю, и иной раз под вечер ходим с ним играть в вист. Он живет с Рихтером; это новое знакомство, но я тотчас его полюбил по отзывам его о тебе. Вчера играл я в *квиндичи* с Голицыными, Валевским и со стариком почтенным. Они играют в большую, но мне позволили войти с тремя червонными. Зачали играть пополам с Волковым, и менее нежели в час выиграл я у Блюхера 22, да 40 с лишком у тех, да и полно! Сегодня пошел себе покупать на выигрыш. Блоом сказывал мне вчера, что Нессельроде и Каподистрия прожужжали ему тобою все уши. Мы все очень согласны в том, что надобно тебе быть тут с нами. Я

говорил Блоому, что он относится к русским как к датчанам. Оба принца Шварценберга также мне все время говорят о тебе. Вот Голицын пришел, весь экипированный, и не дает мне страницу окончить. Я тебе отправлю письмо это с Вяземским.

Александр. Карлсбад, 24 июня 1819 года

Я, благодаря Бога, не жалуюсь на свое здоровье: все мне говорят, что у меня сделалось совсем другое лицо. Порядочная жизнь меня оживляет сильно. Встаю в половине шестого, а в 10 уже сплю; не ужинаю, 15 часов в сутки на ногах (посчитал), не чувствую усталости… Я этому рад. Еще человек, который тебя до небес превозносит, и тотчас ко мне подошел, узнав, кто я: А.П.Ермолов [это не Алексей, а Александр Петрович Ермолов (ум. 1836), бывший короткое время любимцем Екатерины Великой (1786)], вот и карточку прислал сейчас. Он говорит, что не забудет никогда все твои одолжения. Взявши здесь воды, он опять возвращается в Париж. Я бываю у Браницкой, которая не может говорить о батюшке покойном равнодушно. Она все сердится, зачем ее сюда привезли. «На что мне, батюшка, воды? – говорила она мне. – У меня один доктор, одно лекарство: Михаил Семенович Воронцов» [в апреле того года женившийся на ее дочери, графине Елизавете Ксаверьевне]. Она в восхищении от зятя своего, но тот ее не любит. Здесь, по несчастью, невозможно удалиться от общества: воды по утрам делают вас всем доступным. Вчера пришлось участвовать в увеселительной прогулке наследного принца Датского. Принц и его очаровательная жена оказали мне честь своим приглашением. Как не ехать? Я что-то отстал от дам, а более люблю мужскую компанию, а есть здесь приятные женщины.

Но я не пускаюсь и отстал от любезничества; более с Волковым, князем Федором Голицыным, Давыдовым Василием Львовичем, Федором Петровичем Уваровым, Рихтером и прочими русскими. Приехал Еремка Бонапарт, был в нашем Нейбрунне, но я его не видал еще. Вчера у Элизы Баччиоки сделался обморок, и рвать ее стало, она чуть меня с ног не сшибла; презлая фигура и шатается с царскою свитою, как во время оно.

На днях ждут Людовика Б. Это будет венецианский карнавал Вольтера. Добрый наш Блюхер уехал. Мы его все подговаривали в Москву. «Я слишком стар», – отвечал он. «А если, ваша светлость, французы воротятся?» – «О! Тогда вы пошлете за мною, и я тоже прибуду». Карлсбад воскресил Блюхера, но бедный Шварценберг плох. Этим утром он опять говорил мне о тебе.

Александр. Карлсбад, 26 июня 1819 года

Вчера явился сюда Еремка Бонапарт; неважная фигура, рожа зеленая корсиканская, все за ним бегают.

Вообрази себе, за кого идет другая Ростопчина, моя фаворитка Наташа? Не угадаешь никогда. За Митюшу Пластырника. Я очень рад этому, и я жду, чтобы граф мне подтвердил. Они, конечно, будут счастливы. Оба милые.

Сегодня приехал Коновницын, министр военный, который в Бауцене было умер, подавившись костью. 52 часа дышал с трудом: не шла ни взад, ни вперед. Теперь прошло.

Александр. Карлсбад, 27 июня 1819 года

Пишу тебе через Вяземского, но это письмо пошлю прямо в Москву. Здешний Себо меня уверял, что письма в Москву доходят в 20 дней. Увидим! Экий этот Ефим, медлит со свидетельством; я бы желал знать тебя без хлопот и преследования кредиторов и слышать, возвратясь, что долгу у нас поубавилось, то есть 10-процентного. Выдумка сестер незавидная. Что за эмиграция! Лизанька слишком молода, чтобы одной ехать, да и Муравьева сама слишком молода, чтобы ее принимать; а Оленьке можно было выбрать другое время гостить у Фавста, а не тогда, как ты один. Но с женщинами труднее ладить, нежели со слонами. Я видел слона в Дрездене, который с утра до вечера исполняет все приказания девятилетнего мальчика для зрителей, и когда слон вместо платка подает шляпу или не станет тотчас на колени просить прощения, то мальчик его бьет. А что женщина и что слон? Ты помнишь, что наделал слон в Венеции: целый город поставил вверх дном. Как они сделали глупо, так ты умно сделал, что им не перечил. Я пожурю их за это в свое время, особливо Оленьку, на которую это непохоже.

Но полно о мамзелях, поговорим о себе. Всякий из нас и слон, и мальчик в одно время. Я очень нетерпелив знать тебя в Свирлове, только прошу много ходить и не лениться, чтобы я нашел тебя здорового; а между тем помышляй в будущем году быть сюда: это тебя несказанно оживит. Для этого рода болезней Карлсбад спасение. Сожалею о бедной Олсуфьевой, но это можно было предвидеть. А я слышал в Варшаве, что Туркестанову уморил Лаптев (Фавстов) отчаянным письмом, которое ей написал и в коем говорит, что он себя застрелит, видя ее равнодушие к положению его, что она может его спасти и проч. Ее это поразило, и она занемогла, но даже больною все просила всех о Лаптеве. Благодарю за московские новости. Наташа мне много пишет о тебе; я не могу тебе описать, каким сладким чувством наполняется сердце мое, читая, что ты пишешь о ней, а она о тебе. Ничто не может так способствовать счастью моему и

здоровью, как видеть согласие и дружбу между вами двумя, которых люблю более всего на свете. Я Наташу испытывал 10 лет, а между мужем и женою один год то, что столетия с другими; ее нельзя не любить, особенно же мне. Я столько бесчисленных имею опытов страстной ее любви ко мне и дружбы, и сколько ни шатался по свету, не находил ни одной, ей подобной, женщины; у нее есть даже мужские добродетели. Она мне говорит, что не выехала бы от тебя, что ты ее балуешь, как ребенка. Балуй-балуй, но не избалуй, смотри, у меня жены. Обресков не постигает, что я ей даю такую свободу; но и он не постигает, что Наташа.

Третьего дня был бал у наследного датского принца. Там ко мне пристала одна дама, которая расспрашивала, что ты поделываешь и как ты поживаешь, да с таким интересом и с такою теплотою говорила о тебе, что я оставался с нею все время; сие заставило меня найти бал великолепным. Я рассказал ей о моем прелестном маленьком племяннике и о том, как ты живешь, а после узнал, что это графиня Тон из Вены. Нынче граф Витт дает бал. Я ушел с принцева бала в 10 часов, ибо так приноровился к моему здешнему образу жизни, что в 10 часов уже зевать начинаю. Иностранцев, и особенно русских, тут очень радостно принимают. Не могу тебе описать, как все эти принцы меня ласкают, особенно принц Мекленбург-Шверинский. Молодой герцог Голштин-Аугустенбургский, который приходится братом кронпринцессе Датской, совершенно очарователен; он вальсирует как ангел. Я был так удивлен, когда узнал от него, что он ездил в Хейдельберг оканчивать свое учение. Кстати сказать, об учении, вот тебе один трагический фарс. Некий студент из Иены прибывает в Висбаден, представляется у господина Юбеля, председателя правительства и гражданского лица, и упрекает его в антилиберальных принципах. Тот его усаживает и имеет терпение с великим спокойствием доказывать ему его заблуждение. Доведенный до крайности студент достает кинжал и наносит удар, который только задевает плечо. Юбель, будучи сам здоровяк, тотчас разоружает фанатика. Тот достает пистолет, хочет выстрелить себе в рот, но пуля пролетает над головой. Он разоружен и предан в руки правосудия. Каковы? Здесь военный начальник человек строгий, шутить не любит. Одного студента выслал за то, что он носил принятый ими странный костюм, о коем я тебе писал. Здесь, сказал он ему, здесь, в Австрии, надобно отличаться не платьем, но поведением. Другой представил паспорт, в коем он наименован *свободным академиком*, говоря: с этим паспортом целая вселенная мне отверста. «Ступай туда, – отвечал полицмейстер, – где признают твои правила; а кто в Австрии, тот должен признавать ее законы». В ту минуту солдаты

выпроводили молодца из города.

Еремей Бонапарт вчера ввечеру уехал отсюда. Я шел мимо, и он, севши в дормез, закричал жене, державшей сына за руку: «Прощайте, мои сокровища!» Он похож очень своим уродством, с желтою рожей и истасканным телом, на Жихарева. У Элизы все делаются обмороки; намедни упала возле меня, и сегодня ее рвало на Нейбрунне, сидела, плакала, окруженная своей свитой. Князь Шварценберг слег, у него рожа на ноге; может, это и к лучшему, но вообще плох он и ходит как молодой расслабленный Багратион. Русские, да и все вообще, оказывают ему великое уважение. Александр Петрович Ермолов мне подтвердил (а он из Парижа приехал), что и другая дочь графа Ростопчина, моя фаворитка Наташа, помолвлена. Отгадай, за кого. За Митюшу Нарышкина. Каков! Он будет очень счастлив; она прелюбезная, умела устоять против всех убеждений матери. Граф дает ей сто тысяч годового дохода. Эта, небось, не пошла за француза.

Приехал Коновницын, но я его еще не видал. У Браницкой бываю чаще теперь, более ознакомился; она тебя будет просить послать какие-то семена дочери ее. Добрая круглая баба и настоящая россиянка. Воронцова любит, как любовника. Вообрази, что Витт привел сюда на три недели дрожки и лошадей из-под Буга. Немцы удивляются пристяжке и думают, что это какой-нибудь сибирский зверь. Намедни он скачет, только вдруг куча народа, и один посмелее берет лошадь за повод и останавливает. – «Что ты хочешь, братец?» – «Как, что хочу? – жизнь вам спасти: вы видите, что лошади вас бьют!» Витт поблагодарил, засмеялся и погнал еще шибче прежнего, а немцы со страхом и удивлением смотрят ему вслед. Хороший анекдот, не правда ли?

Со здоровьем идет порядочно. Волков более пьет и потому пускается часом прежде меня в Спрудель. Я люблю после делать длинную прогулку, а он не жалует ходьбы по горам; я же лазю везде и потому завтракаю только в 10, а иной и в и часов, а он прежде. Обедаем всегда дома и едим очень умеренно. Я коротко познакомился с Федором Петровичем Уваровым. Он очень основательный, добрый человек и умно судит о вещах. Я тебе сообщу все это в свое время. Впрочем, журнал мой ведется очень исправно. Московская книга уже исписана; здесь купил и пишу уже второй том. Нет верной оказии, а то бы послал вам ту книгу.

Александр. Карлсбад, 4 июля 1819 года

В трех неделях почти, что мы здесь, много, ежели было четыре дня хороших, а то все холодно, и дождь льет. Ночью, закрываясь твоим капотом, вспоминаю тебя и благодарю.

Баччиоки была сегодня у вод в бархатной собольей шубе, а много поляков – в крымских барашках. Это, видно, проказничает комета, которая всякий вечер очень видна здесь, к западу.

Здесь Бутягин с женою, но он что-то странно себя ведет, не знается ни с одним русским и оным не называет себя ни на карточках, ни в печатной описи приезжих. Я не захотел делать шагов первым, не будучи озабочен знакомством с ним. На его карточку я ответил своею, вот и все. Я его встречаю на водах и на прогулках, будто и не зная, что это он.

Этим утром собирались мы в Мариенбад: Федор Петрович Уваров, граф Витт, англичанин Уэрри и я, но дурная погода заставила нас отложить прогулку; до Шлакенвальда мы поедем в коляске, а оттуда верхом, чтобы сократить путь и вернуться в тот же день в Карлсбад. Вчера получил я письмо от графа Эжена Сегюра, внука того, что был послом в Петербурге, прекрасного молодого человека, у которого будет 60 тысяч фунтов ренты с прекрасного имения близ Парижа. Наташа, моя фаворитка, помолвлена с Митюшей Нарышкиным; сие доставляет мне величайшее удовольствие. Граф ожидает только дозволения императора, чтобы отпраздновать две свадьбы. Кажется, старший его сын плох и доставляет ему много хлопот. «Сергей, – говорит он, – это мой бич, и я нахожу, что отцы, потерявшие детей своих в последней кампании, не самые большие несчастливцы». Из знакомых здесь еще Павлик Сапега; состарился, и он меня тем же попотчевал. Жена его, бывшая княгиня Франкони, будет сюда из Теплица. Коновницын велел тебе кланяться. Приехал также князь Иван Борисович Куракин, никуда не ходит и все сидит под окошком, да признает прохожих.

Вчера попал я в переплет. Вижу издалека на улице Бехтеева, адъютанта Уварова, который говорит с двумя дамами, и с ними еще другой господин. Я тихонько подхожу и со всей силы хлопаю его по плечу; он быстро оборачивается, и каково же мое удивление, когда вместо Бехтеева вижу я незнакомое лицо! Сконфузясь и смутившись, я извинился, сказав, что принял его за одного из моих друзей, господина Бехтеева. «Да уж! – отвечал он. – Ежели я однажды повстречаю этого господина, имя которого так трудно произнести, то не смогу передать ему нежное приветствие (потирая свое плечо), которым вы меня почтили». Он засмеялся, дамы тоже, он приглашает и меня посмеяться, говоря: «Вы тоже можете посмеяться, ваша шутка меня не обидела». Я узнал, что это здешний актер, большой буффон. Этим утром он принес мне афишку и большое письмо, в коем меня извещают, что дирекция посвятила мне оба вечерних спектакля, и присылают билет в ложу. Дал два червонца, нечего делать.

Константин. Москва, 7 июля 1819 года

Ты в Дрездене жил в том же трактире, где лет 17 назад жили мы с Гришей Гагариным; после того бывал я в Дрездене несколько раз, но только проездом. Каковы берега Эльбы к Мейсену? Какова долина Таренты? А картинная галерея? А Грюн Гевольбе? По дороге к Бреславлю был я только на одной или второй станции Шмидеберг, где догнал государя в 1805 году. В первый раз был я в Дрездене в 1802 году почти в одно время с тобою; мы приехали туда 17 июня.

Тургенев мне пишет, что корабль за графом Каподистрией поехал, в конце июля ждут его в Петербурге, стало, вряд ли увидишь его в Карлсбаде. Рибопьеру пожалована первой степени Анна; камер-юнкер Ланской пожалован в действительные статские советники. Много пожаловано католических и униатских епископов и прелатов лентами и крестами.

Александр. Карлсбад, 8 июля 1819 года

Ездил я с Федором Петровичем Уваровым, Виттом и Уэрри, тебе знакомым англичанином, в Мариенбад; верхом продули мы верст 70. Ну уж и устал я; ложась спать вчера, садился в ванную, которая очень меня освежила.

Я там видел Николая Меншикова, который мне сказал, что он полагал поручение Машино насчет туфель уже выполненным. Он стал настоящий философ, изучает природу, политику и особенно немецкую литературу. Мариенбадские воды вызвали у него рвоту дурной желчью и спекшейся кровью. Он себя чувствует лучше, само собою. Это спасло его от гнилой горячки, но он слаб. Собирается провести зиму в Неаполе, оттуда поедет в Грецию, на Сицилию, в Константинополь и проч. Я там также видел Луи Бонапарта, который живет очень уединенно под именем графа Сен-Ле. Он выглядит чахлым и больным и был, говорят, еще хуже по приезде в Рим. Этот не подражает Еремке, который не может еще отказаться от былого своего величия. На нем затасканный сюртучишка, весь сгорбившись, бледный, но глаза умные.

Тебя насмешили наши фарсы, так вот тебе еще выдумка моего Васьки, который не понимает, откуда берут столько собак и зачем их таскают на продажу в сундуках. Здесь много делают и дешево продают кружева; беспрестанно ходят девчонки и бабы, предлагая купить *файне шпицен* [тонкие кружева], а Васька их гоняет, говоря: «Убирайтесь с вашими шпицами, куда нам собак на дорогу?» Хотя я им очень доволен, но жалею теперь, что тебя не послушал; ежели бы не взял я его с собою, нам бы везде запрягали две лошади вместо трех, а где и четырех. Впрочем,

нельзя мне остаться и одному, когда Волков поедет в Эгру.

Сюда все наезжают; вчера приехала с большой свитою наша принцесса Витебская-Вюртембергская[166], а сейчас приехал Меттерних. В Германии есть некоторое волнение в умах. Я тебе писал о покушении, вроде Зандова, на одного чиновника в Висбадене; убийца не хочет принимать пищи, желая умереть голодною смертью. Другая новость, всех занимающая, это заговор, открытый в Берлине и коего целью было сделать из всей Германии одну республику. Из целой Германии заговорщики должны были съехаться в Берлин 16 октября, чтобы там решить, как это привести в исполнение. Напрасно не дождались этого срока, чтобы всех иметь в руках. В Берлине арестован известный профессор Янн, какой-то книгопродавец Рейманн и многие другие. Прусский король в самое время бала в Теплице получил это известие. Экий народ! Развернулись тихие немцы. Сюда приехал славный сочинитель Пучитта с певицею парижскою, мамзель Ферон. Завтра дает концерт. Нетерпелив я слышать хорошее пение.

Александр. Карлсбад, 14 июля 1819 года

Увы, я осиротел! Волков кончил здесь свой курс и выехал в Эгру оканчивать науки.

Я познакомился с Меттернихом, который меня очень обласкал, тотчас много расспросил о тебе. «Надеюсь, – сказал он, – что ваш брат не совсем меня забыл». Я отвечал, что такой дипломат, как ты, не может забыть Венский конгресс, а еще менее того, кто сыграл на нем главную роль! Каково махнул? А мы это любим-таки. Потом говорили о Каподистрии, водах здешних и проч. Он очень приятен и на немца непохож. Князь Шварценберг выходит, но слаб. Третьего дня долго мы говорили вместе. Я его утешал надеждою на будущее время: «Верно, когда видал я вас в 1809 году в Петербурге, вы и не думали, что, командуя армиями всей Европы, вы пойдете в Париж, а это случилось же. Богу все возможно, и вы будете здоровы». Он меня взял за руку и сказал мне тоном, который меня растрогал: «Нет, мой милый Булгаков, я более не принадлежу этому миру».

Меттерних едет в ночь в Теплиц для переговоров с прусским королем. Весьма важные сделаны открытия касательно германского заговора; они ужасны: все основано на кровопролитии и обдумано. Студенты первый класс составляют, они токмо слепые исполнители приговоров второго класса. Всех классов четыре, но третий и четвертый неизвестны: не знают ни их членов, ни власть и обязанности начальников. Ежели бы не открыли это теперь, много пало бы жертв в августе и сентябре.

Надобно думать, что приступят к строгим мерам. Жизнь многих царствующих глав в Германии подвергалась опасностям великим. В Австрии очень мало заговорщиков, студентов выгоняют без церемонии.

Вейгель мне сказывал, что Реман нанялся к Демидову на четыре года за 20 000 серебром; но правда и то, что он его на ноги поставил. Я часто теперь бываю с Бутягиным; он мил мне потому, что все говорит о тебе, милый брат, и любит тебя; жена его ростом с Софью Сергеевну, умна, мила и веселого нрава. Я сегодня у них завтракал. Выигрыш парижского процесса стоил ему все его бриллианты, да деньгами тысяч тридцать. Зато получил полмиллиона чистогану. Каталан в Берлине и будет к вам в Москву. Вели ей меня дождаться; ежели найду ее где-нибудь на дороге в корчме, кинусь в ноги и буду просить, чтобы потешила меня. Вот письмо, которое графиня Браницкая просит тебя доставить Небольсиной. Меня подзывает ехать с собою Федор Петрович Уваров в Эгру. Ежели не позже поедет 4 августа, то я с ним охотою поеду.

Константин. Москва, 21 июля 1819 года

Меня чрезвычайно огорчает и тревожит болезнь Осипа Петровича [Козодавлева, министра внутренних дел]. Он занемог очень сильно. Государь изволил присылать к нему Вилье, и пошло было лучше. Мне писали, что опасность миновала, но что министр очень страждет, а последняя почта привезла мне известие, что он исповедовался, причащался, и доктора не подают ни малейшей надежды, ибо лекарства не действуют. Для всех подчиненных будет потеря большая, да и государство потеряет государственного человека. Я никогда не забуду его ласк и благосклонности ко мне, и память его навсегда останется с благодарностью в моей душе.

Константин. Москва, 23 июля 1819 года

Сын Ефимовского, адъютант Дибича, молодой человек, которого ты зимой здесь видел на балах, проехал здесь со своим генералом, осматривавшим войска, отпросился на три дня к отцу в подмосковную, был у меня пред самым отъездом по поручению генерала и просил еще комиссий к Лизоньке [Шумлянской, сводной сестре Булгаковых]; тут-то я его только и узнал. Одним словом, отправился, приехал к отцу, пробыл час с ним, завтракал и тотчас пошел купаться; с ним двое людей. Доплыв до половины неширокой реки, закричал: «Погибаю!» – и пошел на дно. Кинулись его искать, один человек схватил за волосы, но, видно, течение было быстро, принужден был его оставить, спустили с

плотины воду и только через два часа нашли тело, далеко унесенное. Каково положение несчастного отца, стоявшего все время на берегу; как безумный рвался, но помощи дать не мог сам, ибо не умеет плавать. Видно, сыну сделался удар или судороги, только кончил жизнь свою сим жалким образом.

Александр. Карлсбад, 26 июля 1819 года

Письмо твое № 7 получил я очень скоро, любезный брат, и оно пришло очень кстати в минуту, в которую мне очень грустно было по Москве. Я шел домой, с тем чтобы рассеять себя, писавши к вам, как вдруг слышу пистолетный выстрел. Вышло, что молодой поляк, именем Чесновский, племянник графа Понятовского, застрелился недалеко от нашего дома. Он страдал ипохондрией и в несчастную минуту вместо вод попробовал пороху. Я еще вижу его, бедного, обагренного кровью своею. Тотчас явились доктора, которые стали ему пилить череп, чтобы найти причину смерти во внутреннем расположении головы, ибо в той же семье еще двое застрелились прежде. Это приключение еще более меня расстроило. Я сел писать к жене, чтобы развеселить себя, но не было удачи, покуда не принесли московский пакет. Увидел твою руку, и все прошло, вскочил со стула, ну распечатывать, ну читать, ну радоваться.

И у вас, видно, не без проказ. Здесь стреляются, а у вас тонут. Жаль бедного Ефимовского, он был порядочный малый. О брате его не то же говорят; лучше бы ему утонуть, а еще лучше – никому. Во всем воля Божия!

Все жалуются на Карлсбад, кроме меня. Ермолов, чтобы не сделать, как поляк, вдруг отсюда уехал. Дурная погода много вредила действию вод; но я всегда шатался, несмотря ни на какое время. Дамм говорит, что это ничего, что я после увижу, какую пользу почувствую от вод. Это одно могло вознаградить скуку быть с тобою в разлуке, несмотря на беспрестанную рассеянность, на чрезмерное дружеское обхождение со мною всех немцев вообще и особенно наших русских. Завтра пью последние стаканы и венчаю лечение свое, которому следовал я очень тщательно.

Ты спрашиваешь о Каподистрии. Он должен быть на обратном пути. Генц (который тебе много кланяется, он и граф Мерси, оба обедали со мною у Кауница) сказывал мне, что наш добрый Каподистрия хуже прежнего. Меттерних желает с ним видеться, но Каподистрия ему отвечал примерно так: «Мне невозможно с вами встретиться, ибо не могу свернуть с пути моего…» Пребывание на Корфу сильно повредило его душевному настроению, и, кажется, пребывание его на водах близ Виченце было слишком непродолжительным, чтобы быть благотворным.

Третьего дня был я на чае с танцами у князя Шварценберга, он давал его для 84-летнего герцога Альберта. Очень было весело, потому что князь Федор Голицын взялся анимировать; и немцы, и мы так расплясались, что любо. Было жарко, и мне не хотелось танцевать, но не мог отказать доброму фельдмаршалу, который просил меня вальсировать с принцессою Ангальт-Кетенскою; мастерица и прекрасная женщина, она сестра, по матери, короля Прусского; а там вальсировал я с нашей принцессой Витебской-Вюртем-бергской Марией, с которою много говорил о Велиже и Белоруссии. Меттерних воротился из Теплица, где имел свидание с прусским королем и совещания насчет германского заговора, который нешуточен; много открыто, но еще более во тьме.

Александр. Франценсбрунне, близ Эгры,
27 июля 1819 года

Ну, брат, попался я впросак! Приехал сюда молодцом за Волковым. Вчера вдруг оказалась пресильная подагра в обеих ногах, так что я должен лежать в постели; от сего очень неловко писать, но лучше, чтобы ты все узнал от меня самого. Доктор мой радуется моей подагре как будто делу. Теперь выходит, что все недуги происходят от подагрического предрасположения, которое стремилось проявить себя. Он мне клянется, что я буду радикально излечен, и приводил мне многие примеры прошлого года. Все это очень приятно, но я мучаюсь как проклятый. Мне такую же шерсть кладут на ноги, как тебе в Петербурге я клал. Маленький Небольсин ухаживает за мною как брат; не могу им нахвалиться. Добрый мальчик! Волков поехал на два дня в Карлсбад; то-то выпучит глаза, найдя меня в постели. Здешнее место мало и довольно скучно. Еремка и Людовик Бонапарты здесь. Последнего привезли на тюфяках, а теперь он ходит качаясь.

Константин. Свирлово, 30 июля 1819 года

Ломаю себе голову, чтобы сказать вам что-нибудь новое отсюда, но совершенно ничего не знаю, да, кажется, ничего и нет. Город наш украшается, строения нового много, мостовые подымаются, сделанные уже очень хороши, но пустота чрезвычайная: изредка встретишь карету. Новое Собрание строится и устрояется, бильярды заказаны в Петербурге, столы, стулья – все это в работе; надеемся, что будет хорошо. На меня наложили старшины Собрания, как на старшину, приобрести место, принадлежащее священнику и нужное для двора, теперь об этом хлопочу.

Ну, сударь, еще новость: орел с почтамта от гнилости

свалился; благодаря Богу, обошлось без несчастья, а если бы месяц ранее, когда мы были еще в городе, могла бы быть беда, ибо дети целое утро бывали на балконе, а происшествие сие случилось в 10 часов. Корона свалилась, разбила железные перила и упала на балкон, который также попортился, а в ней одной весу три пуда, во всем же орле 80 пудов; попала бы на кого, – так тут и смерть. Чиновник мой один только что успел под балконом вскочить в дверь, как еще голова упала; остатки тотчас сняли, все дерево так сгнило, что едва держалось; в почтамте при падении думали, что ударило громом. Большое счастье, что не убило никого, а ты знаешь, у нас в десять часов всегда народ и карет пропасть на дворе. Я было думал его восстановить, но нет никакой возможности, а новый делать дорого, надобно просить особенной суммы. Я думаю, обойдется и так.

Константин. Москва, 4 августа 1819 года

Меня удивляет обращение или, лучше сказать, необращение Бутягина с русскими. Разве его эта женитьба и богатство переменили, а живши с нами, когда был гол, как мы, то любил давать завтраки и обеды и со всеми быть знакомым. Уэрри я очень знаю, он, между прочим, встречал нас в Англии и устраивал все для нашего вояжа в Лондон.

Ну, брат, наш добрый начальник скончался 24-го числа прошедшего месяца. Все мы сердечно о нем сожалели, да и не одни мы, а все, имевшие с ним дело. Умер как христианин, без страха. Мы отслужили здесь по нем панихиду и от искренней души молились. Кто будет на его месте, еще неизвестно. Государь изволил выехать накануне в Архангельск, следовательно, и не мог еще назначить ему преемника. Умер также старик князь Иван Петрович Тюфякин. Сын его должен быть еще в Москве, где он проездом. 22 июля Депрерадович и Бенкендорф сделаны генерал-адъютантами, граф Апраксин, что женат на дочери дюка [т. е. дюка Серра-Каприоли, неаполитанского посланника], – флигель-адъютантом, графиня Шувалова и жена генерала Толя – кавалерственными дамами, Потемкин – дивизионным второй гвардейской дивизии. Меншиков получил первую степень Анны.

Министерством внутренних дел управляет князь Александр Николаевич [Голицын. Министром назначен был потом граф В.П.Кочубей] до назначения преемника покойному Осипу Петровичу.

Александр. Франценсбрунне, 6 августа 1819 года

Увы! Пешман отсюда отходит через два месяца. Он вылечил Элизу Баччиокшу от подагры в груди и желудке, и ценою денег

она согласила его быть ее лейб-медиком и переселиться в Триест. Это незаменимая потеря для здешних больных. Мы все, русские, даем ему славный аттестат. Пожалуй, брат, позови Гизетти и скажи ему, что я не могу его довольно благодарить за лейпцигского банкира Фрезе, который по первому моему востребованию прислал мне с эстафетою, зная, что я болен, 265 червонных при самом учтивом письме. Не забудь же. Увы! Завтра остаюсь один, разлучаюсь с Волковым. Он едет на Монпелье.

Сегодня надел я сюртук в первый раз. Время бесподобное, я велел открыть окно и поглотал несколько чистого воздуха. Как скоро в силах буду одеться, то ходить буду часто к княгине Горчаковой; и она, и дочь ее княжна Софи очень милы и добры, а они живут в одном доме и в одном этаже со мною, – только перейти через коридор.

Александр. Франценсбрунне, близ Эгры,
10 августа 1819 года

Благодарение Богу! Я могу опять действовать свободно правою рукою и доставить себе ни с чем не сравнимое удовольствие к тебе писать.

Доктор Пешман в страшном восхищении пишет историю моего лечения, которая будет помещена в описании здешних вод. Он не понимает, как я существовал со всей той дрянью в кишках, на легком и в брюхе; а есть люди в Москве, которые не понимают, зачем я поехал сюда, или, лучше, которые думают, что я придрался к здоровью, чтобы порыскать и повеселиться. Знают же они мое сердце! Где я могу быть счастливее Москвы? Там для меня все в свете! По-ихнему, мне околеть в доме Шутельворта; но Бог меня не выдал: Он мне вложил в душу поехать с Волковым, чтобы совершенно переродиться.

Я не могу нахвалиться довольно русскими, которые здесь; все дежурят у меня беспрестанно: генерал Эмме, Мантейфель, Реад, князя Волконского адъютант, Любомирский, а особливо добрый Небольсин меня навещают целый день; сядут около постели, станут болтать, так, право, забудешь о боли.

Александр. Франценсбрунне, 14 августа 1819 года

Хожу по комнатам довольно бодро. Теперь пойдет скорее выздоровление, и я прошу Волкова дорогое время не терять и ехать в Монпелье, но он ждет все денег моих из Лейпцига, и чтобы я написал надпись, приличную для монумента Сергея Ивановича Плещеева[167] в Монпелье, но ничего не родится из башки моей.

Сегодня был у меня, кто же! Старый Шнауберт, иенский

профессор и отец московского Шнауберта-доктора. Узнав, что мы из Москвы, он пришел узнать от нас о сыне своем, и, услышав, в каком он ходу в Москве, старик почти плакал от радости. Я чаю, лет за 70, а женился на другой жене и имеет славного мальчика лет девяти. Скажи это Обрескову, а он передаст Шнауберту. Старик сказывал, что Иена лишилась лучшего профессора препаратов, ибо Лодер выписал его в Москву, дабы поставить и вычистить кабинет, который он в казну продал. Скажи это Лод еру и поблагодари его, что и он меня наставил на Карлсбад.

Спасибо доброму барону Балтазару Балтазаровичу Кампенгаузену: всякий день сидит у меня по часам и говорит дело. Сегодня согласились мы, что, без всякого пристрастия, Россия – земной рай, и подлинно: везде вижу бедность, ропот, разврат в нравах и умах. Славны бубны за горами. В Карлсбад приехала графиня Воронцова, мать Ванишина. Ежели, Бог даст, выздоровею, съезжу ее навестить. Головкин прислал из Швейцарии курьером Обрескова (что делал нам банк в Петербурге) к Меттерниху. В Карлсбаде конгресс все продолжается насчет дел германских. Сами министры иностранных дел, австрийский, прусский, баденский, ганноверский, вюртембергский, туда явились, а от прочих дворов министры. Алопеус [наш посол при прусском дворе] хотел тут роль играть, но Меттерних его оттер, и он, поживши под видом вод, уехал опять в Берлин. Неизвестно, что решено и какие взяты будут меры, только, по обыкновению прусского двора, не кажется, чтобы думали брать сильные меры, а это придаст бодрости противной стороне. Удивительно, как далеко идет ослепление или фанатизм.

Константин. Москва, 18 августа 1819 года

Тургенев пишет, что ему поручено исправлять должность старшего секретаря Оленина, а тому – должность государственного секретаря. Дочь князя Лопухина выходит замуж за князя Лобанова, я полагаю того, что был у Воронцова адъютантом. О государевом путешествии также узнаём из газет. Жаль, что нельзя переслать к тебе «Северной почты»: ты бы увидел, как везде его принимают; да иначе и быть не может: он ангел. У Тормасова я был на сих днях, долго сидел у него с Карнеевым, много он про тебя расспрашивал, но скверное время не допустило нас в саду его погулять.

Константин. Москва, 25 августа 1819 года

Тургенев пишет, что по поводу рождения великой княжны [Марии Николаевны, родившейся 6 августа 1819 года] в

Павловском был бал, который давали генерал-адъютанты, граф Кочубей и некоторые другие царскосельские и павловские жители, на котором и он был. Праздник веселый и великолепный; китайская новая ротонда была освещена и убрана прекрасно.

Боголюбов в Петербурге, едет к князю А.Б.Куракину. Более ничего не пишут нового.

Кажется, понемногу начинают съезжаться в Москву: в театре все ложи первого этажа были заняты, и немцы играли очень хорошо. Юсупов много о тебе спрашивал, да и многие другие.

Александр. Франценсбрунне, близ Эгры,
26 августа 1819 года

Я сочинил для Пешмана краткую записку жизни моей и особенно болезней, которым был подвержен с ребячества. Он по этому сообразит наставления свои, как мне впредь себя вести, чтобы быть совершенно здоровым. Я начинаю привыкать к Волкова отсутствию. Лишился я и доброго Реада, адъютанта князя Петра Михайловича Волконского, которого дружбою я нахвалиться не могу, хотя только здесь познакомился с ним. Он беспрестанно был у меня и всячески меня покоил. Принудил взять теплый его халат, узнав, что оного не имею; одним словом, нет попечения, коего бы он не имел обо мне. Теперь вижу я только барона Кампенгаузена, спасибо и ему: всякий день меня навещает, и я провожу часа два в приятном разговоре. Впрочем, хотя я много один, но скучно не бывает; читаю, пишу письма, журнал, поправляю записки славного Метаксы, попеваю себе песенки, и эдак время проходит нечувствительно.

Как скоро силы позволят, поеду во Франкфурт, через Лейпциг: надобно видеть тот город, где все армии Европы сошлись на одной площади и где устроили первую станцию путешествия на Св. Елену. Там или во Франкфурте куплю колясочку, без которой обойтись не могу с тех пор, что разлучен с Волковым. Я все уверен, что найду его в Париже. Он об этом намекал. Ему туда смертельно хочется, а есть причины, кои его удерживают от этой поездки. Я думаю, одна из них – Софья Александровна: он что-то слишком много пестрил к ней бумаги, я думаю, все готовил ее. Да что тут за церемонии? Я в Москве еще сказал, что легко быть может, что заверну с визитом к Шредеру и Ростопчину; но Волков чувствует, что, зная его в Париже, махнут рукою, как о пропащем человеке. (Между нами.) И он мне покаялся, говоря: «Ведь я себя знаю, попадусь туда, так уж не вырвусь, так уж не вырвусь, загуляю!» Как не иметь более власти над собой? Я и моложе, но ручаюсь (особенно после этой болезни), что не позволю себе ничего лишнего или вредного;

а виноват, хочется посмотреть на этот чертов город.

Как я доволен своим Ваською, не могу тебе сказать. Вот ты говорил, на что брать человека: у Волкова есть. Я бы пропал! Какой бы наемный мог заменить своего, русского? Он один славно за мною ходит: варит кофей, чай, бульон, сажает в ванную, дает лекарства, одевает, одним словом, все делает. Уж спасибо ему: в России все это ему воздастся.

Константин. Москва, 27 августа 1819 года

Денег получил я 61 тысячу; выплачиваю, кому можно. Удовлетворены уже Муравьев, Федоров, Черемисинов, Дагер, Бартель. Фавст велел непременно оставить для него 5000 рублей. Тотчас после окончания займа мною получен здесь в Опекунском совете указ, чтоб давать за русские по 150 рублей, а за белорусские души по 100 рублей и распространить срок на 12 лет, первые два платить одни проценты, а там десять лет капитал с процентами. Очень мне было досадно, что не подождал еще несколько дней; но уверяют, что можно будет получить остальные или добавочные; это нам будет очень хорошо, ибо сделает тысяч сорок разницы. Рад буду, если успею это сделать. Сперва за белорусского мужика давали 70. Дом банковский заплачен Воспитательным домом; проценты в Опекунский совет за год вперед отданы, за всем сим осталась 61 тысяча – не много! Я надеюсь, однако же, добиться прибавки по новому положению. Ниренбергцы [купцы, имевшие свои лавки в почтамтском здании] чрезвычайно благодарны за платеж; я, однако же, с ними условился, что если не получу прибавки из Опекунского совета, то они мне возвратят четыре тысячи из четырнадцати, которые от меня получили. Не хотел было говорить о делах, но заболтался. Все у меня в порядке, веду род журнала всем моим действиям. Из Кабинета получил квитанцию в 9000 рублей.

Александр. Франценсбрунне, близ Эгры,
28 августа 1819 года

Во франкфуртских газетах всегда есть статьи из России. Я читал там про смерть бедного Козодавлева. Кого-то вам дадут? А мне жаль покойника, по хорошему его к тебе расположению. Тебя, верно, это искреннее огорчило, нежели господина Себо! Овдовела моя Анна Петровна, осиротела наша «Северная почта»! Я очень рад Рибопьеровой ленте: к нему пристанет.

Ходя по парку, нахожу много грибов, славные, осиновые; нагибаюсь, чтобы один сорвать, женщина берет меня за руку и говорит: «Оставьте, он ядовитый!» Экие дураки! Я никак не мог ей растолковать, что у нас это едят, и это один из лучших сортов.

Так прошу не чваниться грибами свирловскими; ты видишь, что у нас осиновые считаются между погаными. Я Керестури послал уже и ответ на его письмо через тебя, а Метаксе напишу на досуге. Уж дает мне работу его марание. Это совершеннейшая галиматья, и порой я подлинно сержусь, что мой труд украсится его знаменитым именем. Уверяю тебя, что он будет очень интересен, несмотря на бесплодность сюжета.

Я что-то не помню полковника Александрова. Ты говоришь, что он весельчак. Ах он собачий сын, да он у меня лавочку перебивает. Нет, пожди, станем шутить вдвоем, да уж и Чумагу[168] возьмем в подмастерье! Я вижу по франкфуртским газетам, что Гутенбрунн умер и что продаются с аукциона его картины.

Я получил сию минуту письмо от Волкова из Штутгарта; едет скоро, хорошо, здорово, но тоскует по мне, как голубок по голубке. Пишет, что Козловский[169] гадок, умничает, важничает. Он обедал у Константина Бенкендорфа, там и Алопеус, тесть его. Он тотчас едет, не представляясь королю.

Это посылаю через Вяземского.

Александр. Франценсбрунне, 3 сентября 1819 года

Мне эта дыра так огадилась, что не вижу минуты отсюда выехать. Может быть, отсюда писать уже не буду, и первое письмо будет из Франкфурта, где увижу милого Воронцова[170] и, конечно, найду письма.

Ох, карману было туго здесь!

Александр. Франценсбрунне, 13 сентября 1819 года

Увы, я все еще здесь, любезный брат, и сожалею, что в последнем моем письме поторопился известить тебя об отъезде своем во Франкфурт, к чему все было приготовлено.

Вот пять дней, что боль в левой ноге не позволяет мне надеть сапога… Признаться, хотел я все-таки ехать, окутав ногу как-нибудь, думая, что лучше побыть лишнее время в туфле с милым Ванишею, нежели во Франценсбрунне, который мне огадил. Но доктор Пешман очень меня просил этого не делать, тем более что погода нехороша. Нечего делать! Надобно было убедить себя всеми хорошими причинами и остаться. Не смею сказать, что пальцу лучше, чтобы себя не сглазить, но не имею еще бодрости попробовать сапог. К моей беде, и почтовая экспедиция убралась, ибо все разъехались отсюда; писать можно только раз в неделю, ловя проезжающего Пражскую почту. Ну уж погодка! Чтение, газеты и писание – вот мои отрады.

Вчера является ко мне незнакомый, говорит: «Мне известны

отношения вашего семейства с моим дядюшкой; ваш дорогой брат мсье Константин всегда выказывал мне дружеское расположение; я только теперь узнал, что вы здесь, и пришел засвидетельствовать вам мое почтение; я к вашим услугам». Кто же это? Поццоди-Борго, племянник парижского, служащий майором в австрийской армии и женившийся на богатой пражской дворянке. Он приехал из Парижа, куда ездил навестить сына, которого Поццо, министр, взял на воспитание. Я очень рад этой находке, мы поболтали часа два. Он неглуп очень, рассказывал много о Париже.

Гредер и вся миссия живут у Поццо, на улице Артуа. Против посольского дома есть славный трактир, кажется, «Европейский» или «Княжеский»; там намерен я стать (хотя я и не князь). Из здешнего скучного места нечего сказать. Авось, Бог позволит, чтобы это было последнее письмо; из Франкфурта буду писать более, да и дух будет веселее. Полетика прибыл благополучно в Америку, высадился 23 июля в Маунт Вернон, где положен Вашингтон. Он велел тотчас отрубить сук от дерева, покрывающего прах славного американца, и сделать из него трость с надписью. Газетчик замечает, что министр, верно, пошлет это своему государю. Вот каков наш Полетика, а Лизанька пусть разъезжает по Ефимовским, где не найдет ни Вашингтонов, ни Полетиков! Меня огорчил пронесшийся слух о смерти почтенного Блюхера. Дай Бог, чтобы неправда была, но и в Карлсбаде был он довольно дряхл. Читал ты в № 262 франкфуртской газеты ответ Ростопчина на статью о нем, помещенную в «Журналь де деба»? Это на него похоже.

Константин. Москва, 15 сентября 1819 года

Государь изволил выехать из Петербурга 6 сентября; 21-го положено прибыть в Варшаву. За Козодавлева все долги заплачены, и вдове сохранены все его оклады, тысяч 19.

Здесь некто Кириаков убил за обедом родную свою сестру; полагают его сумасшедшим, да иначе и быть не может. Ее на сих днях хоронили. Актер Киндяков или Кандалов, играя в «Семирамиде» с Семеновой, которая здесь, во втором акте вдруг упал и умер. Так театр и кончился, и встревоженные зрители разъехались по домам. Я не был, а была моя жена с твоею, и я им достал самую первую ложу (взял Юсупова), но они не испугались, почитая его пьяным.

Тургенев пишет: «От графа Каподистрии имели мы чрез возвратившегося Головкина известие из Копенгагена, откуда он, вероятно, поедет на Данциг в Варшаву». Гаевский сделан лейб-медиком. Дорохов, вышедший из пажей в офицеры гвардии, убил

на дуэли капитана (кажется, Щербачева). Бринк, бывший лейб-гусарским офицером, также убит в полку, куда поехал, на поединке.

Александр. Франкфурт, 26 сентября 1819 года

Я себя зашил во фланель, надел две пары чулок бумажных с шерстью, такие же карпетки, сшил нарочно сапоги, кои бы годились Голиафу, велел подложить в подошву какой-то лейпцигский войлок, от которого, право, горят ноги, окутавшись в твою шинель, перекрестясь, нанял покойную коляску, пустился в путь по прекрасной погоде. Только что выехал, ожил совершенно. Все меня веселило, ухабы не беспокоили. Я поехал в Александербад, обедал там, осмотрел каменные достопамятности и ночевал, думая, что в первый день не худо себя понежить и не надеяться на храбрость свою. Спал как убитый, встал бодр, напился кофе, время опять бесподобное, пустился далее. Прибыл сюда, не постигая причины, последовавшей в здоровье моем, и не чувствуя и малейшей усталости: все хорошо, все в порядке. Болей нет, а маленькая слабость, которую чувствую в членах, всякий день уменьшается.

Здесь Голицын, князь Василий Сергеевич, определенный к Анстету и с которым я только в Карлсбаде познакомился, где он взял с меня слово, что буду жить у него, принял меня как старого друга, дал лучшую комнату и проч. Ну уж как мне обрадовался Ваниша! Как мы целовались, о тебе говорили, и как его все любят! Он едет с матерью 15-го в Петербург, куда отозван государем самым лестным письмом от Нессельроде. Мать очень мне обрадовалась.

Анстет принял меня дружески. Я к нему явился небритый, немытый, в сюртуке, как был в дороге; думал его найти одного и в постели, вместо того он уже на ногах, и у него графиня Воронцова, Ваниша, несколько мужиков и кто же еще? Анриетта, твоя венская мученица. Я тут провел очень весело часть вчерашнего вечера. Анстет дает для меня обед и клялся, что это будет обед больных. Я не верю, но, впрочем, меня ничем не подденешь: я здоровье свое стал любить как другую жену или брата. Боком вышел мне опыт этот. Анстет все тот же, похож телом и походкою на Людовика XVIII, изволит хвастать. Например, говорил вчера: «Не знаю, много ли я стою, но я оставлю по себе память, я воспитал императору выдающихся подданных, и прежде всего вашего брата Константина, а теперь я посылаю в Петербург Воронцова, другого выдающегося подданного».

Сию минуту входит ко мне Ваниша; прибыл курьер из

Петербурга, привез Анстету пребогатую бриллиантовую Александровскую звезду. Кстати обед, поздравил. Государь позволил Ванише принять и носить большую Баденскую ленту Цирингена через плечо, со звездою. Хотя она иностранная и черная с желтой каймою (de gustibus non est disputandum!), но все приятно это в его летах. Он меня замучил вопросами о тебе, и я его люблю душевно, потому что он тебя любит душевно. Теперь стану пить кофе, оденусь, пойду к Бетману, возьму денег, посмотрю город, отобедаю у бриллиантовой звезды и явлюсь к себе дописывать письмо; надобно скорее отправить, чтобы вас успокоить.

Александр. Франкфурт, 29 сентября 1819 года

Увы, уже и не стало бедного Блюхера. Последние его слова были: «Ну, Ностиц (адъютант и любимец его, спасший ему жизнь перед Ватерлоо), ты многому у меня научился; учись же спокойно умереть!» Сказав это, закрыл глаза навек. Добрый был старик. Волков был у него в большой милости.

Александр. Париж, 5 октября 1819 года

Я приехал сюда вчера, любезнейший брат, то есть в четверо суток из Франкфурта, хотя и ночевал везде; но французские почтальоны не немецким чета: дуют так, что любо. Все, что могу тебе сказать, что я очень устал, что смотрю на все разинув рот, как дикий, которого бы поймали в лесу и ввели бы в великолепный дом вдруг. Экий город! Какое движение. Граф Ростопчин меня спрашивал, что я думаю о Париже. Я ему отвечал, что Париж кажется мне живою энциклопедиею. Добрый Шредер оставил для меня в Бонди письмо, указывающее мне мое жилище. Это в двух шагах от русского посольства, прусский отель на улице Пинон, отовсюду близко. У меня две комнатки у премилой хозяйки, хорошо обставленные, одна для Васьки, да еще маленькая прихожая, за 50 франков в неделю. Полетика занимал ту же квартиру. Шредер раздосадован, что не смог поселить меня у себя, но им всем плохо и тесно, даже самому Поццо: все принесено в жертву представительности, и ничего для удобства. Поццо уговорил меня раз и навсегда обедать у него.

Граф Федор Васильевич хотел меня поместить у себя, но я признаюсь, что мне самому приятнее быть у себя самого. Мы с добрым Шредером не успели еще наболтаться хорошенько. Его не было дома, как я приехал. Я тотчас поехал к Ростопчину, куда и он явился, узнав, что я приехал. Он здоров и доволен своею поездкою в Ахен. Фельдъегерь едет в Петербург, теперь и я тороплюсь тебя известить о приезде моем сюда.

Здесь Дмитрий Павлович Татищев, который едет в Петербург в отпуск, но я никого и ничего еще не видал: только что ввалился вчера к вечеру, а теперь восемь часов утра.

Здесь такая вольница, что удивительно: все партии ругаются и ругают короля без церемонии, а он довольно искусно лавирует, не заботясь, что будет после него. Ультра, кажется, побеждена либералами совершенно. Деказ – регент государства. Король в него влюблен. Открытие камеры будет шумно; со всем тем можно ручаться, что все кончится здесь одною бранью.

Александр. Париж, 13 октября 1819 года

Я опять был с подагрою, любезный брат, и хотя рука и не славно действует, но буду писать, покуда могу. Есть минуты, где я проклинаю это путешествие к водам, которые меня всего расшевелили; но как выслушал я хладнокровно славного Галла, то не мог не обрадоваться опять, что имел этот славный кризис: оттерплюсь, так все пойдет по маслу. Галл выгнал еще множество дряни из тела моего; он говорит, что все это безделица, что главное для моей пользы уже сделано, что я сложен прекрасно. Он подозревал обструкцию, но, раздев меня и ощупав, ничего не нашел и сказал: «То, что с вами надлежит сделать, это шуточки; предоставьте мне вас хорошенько прочистить, и тогда даже ревматические боли пройдут сами собою».

Я мало еще видел город, но надобно признаться, что это совершенное волшебство. Что за вывески, что за лавки! Мадам Шабо тебе кланяется. Я кое-что купил у нее, а в прочих магазинах еще ничего; все еще пересматриваю хорошенько, чтобы после решиться; а славности: есть чем разориться.

Не знаю, как бы тебе рассказать, что я успел видеть здесь? Потье один уж клад для меня. Я до слез смеялся, что за рожа! Какая игра! 2000 зрителей хохочут, а он неподвижен, как камень. Есть пьеса, которая очень для русского любопытна: «Бургомистр Саардамский». Петр Великий представлен тут плотником. Потье делает бургомистра. Получает он предписание арестовать подозрительных людей в Саардаме; первый мыслям его представляется Петр I. «Арестуйте мне, – говорит Потье, – этого раскормленного мерзавца; я еще помню удар, коим наградил он меня в таверне!» Надобно видеть мину Потье, когда маркиз (посол, наряженный крестьянином Людовика XIV) подошел к бургомистру и сказал ему на ушко: «Остерегайтесь делать это, знайте, что это русский царь!» Потье вытягивается на аршин и каменеет, можно подумать – умер. Уморительно! Признаюсь тебе, что ежели б жил я в Париже, то поселился бы в театре.

Но балеты также великолепны. Не могу сказать тебе, как был

я взволнован колдуньею или, вернее, волшебницею Биготтини в балете «Нина». Одна Нина, которая пела бы или танцевала, не смогла бы меня более взволновать. Какая музыка! Какие декорации, особливо в большом театре! Я там видел «Данаид», последняя сцена ада так ужасающа, что всякий раз со спектакля уходят некоторые женщины. Покойный Куракин также всегда уходил: он не мог видеть всех этих дьяволов и мучений, коим они подвергали осужденных. Сейчас ставят «Олимпию»; костюмы и декорации уже стоят 300 тысяч франков. Говорят, что она превзойдет все, до сих пор виданное. Есть англичане, которые из Лондона нанимают ложи на первое представление. Мне остается еще повидать Тальма, Дюшенуа, мамзель Марс, Брюне, Мартена и еще столько выдающихся личностей!

Я обедал три раза у графа Ростопчина, один у Поццо, раз у Верри, где дурно, и раз в Роше де Канкаль, где славно, и, разумеется, везде с милым Шредером, с которым я еще теснее познакомился. Пропасть зовов: к Демидову, Багратионше и проч., но не могу еще пускаться. Демидов еще более разбит, а княгиня еще более прекрасна (говорят, ибо я ее еще не видал), чем всегда. Я не был еще у Гриши Гагарина. Татищев уехал вчера в Петербург и будет к вам (в Москву) на две недели. Скажи княжне Урусовой, что мы с ним ходили по лавкам выбирать ей гостинцы, но дядюшка не хотел меня слушаться. Я удивился, видя его: он не только не состарился, но помолодел даже. Жену его ждут сегодня из Мадрида. Здесь будет она ждать его возвращения. Мы были у Сергея Тургенева, который преисполнен благодарностью к тебе за определение его к Воронцову.

Сейчас Реман выходит от меня. Замучил меня вопросами о Москве, в коей хочется ему основаться навсегда; все тот же, и Демидов (который весь сгорбился) жалуется на его дистракции. Реман приехал из Штутгарта. Он видел в Мангейме Занда. Говорит, что большая дрянь, совсем не тот герой, о коем так много кричат газеты; он даже компрометировал много невинных; он здоров, но рана все еще открыта. Его отправляют в Майнц, и там он будет первое лицо, преданное тамошнему новому уголовному германскому суду. Желание его умереть на эшафоте, вероятно, исполнится.

Ну что тебе сказать о здешних полоумных? Ругаются, бранятся, марают бумагу. Кажется, ультра совсем побеждены; но они не теряют бодрости и все хотят свою шайку ввести в министерство. Деказ бессилен. Открытие комедий будет шумно. Грегу ара боятся как огня, но все кончится одним шумом: это их пища. Чудаки! Теперь все внимание обратилось на новую трагедию «Сицилианская вечерня». Театр в 4 часа уже набит.

Константин. Москва, 2 ноября 1819 года

Сюда приехал мой старый начальник, князь Андрей Кириллович Разумовский, с женой и ее сестрою; так мною завладели, что едва имею время на дела свои: все должен быть с ними, показывать им все, что здесь есть примечательного. Многое уже мы осмотрели, завтра едем в Горенки, а дня через два отправятся они в Петербург, тогда я буду совершенно свободен. Я служил с ним пять лет и был всегда им доволен; рад, что могу теперь сам показать ему преданность и благодарность. Жена его и сестра Лулу также все милы. Чрезмерно им жаль, что тебя здесь не нашли, и беспрестанно поминают. Вчера у нас обедали, и все рассматривали твой портрет и любовались на твоих детей, которых прислала Наташа, сама же не очень была здорова (кажется, обкушалась и не могла выехать). Разумовская находит, что Катя более на тебя походит, нежели твой портрет; одним словом, они тебя помнят и любят, и очень-очень сожалеют, что тебя не нашли, были бы счастливы свидеться. Разумовский не очень переменился, еще бодр и все смотрит с большим любопытством. Он мне обрадовался как сыну; чуть меня там нет, тотчас шлет спрашивать, когда увидимся. Детей наших, и твоих, и моих, я думал, что съедят: так кинулись их целовать, даже и старик, который не любит обыкновенно показывать своих чувств. Устал я очень от беспрестанной беготни; с другой стороны рад, ибо многого я сам, а особливо жена еще не видали, а этот случай очень хорош. Два дня я Наташу не видал за этими хлопотами; не поверишь, как меня затормошили. Благодарю за брошюру Прадта, я ее желал прочесть, но и сие должен отложить до отъезда Андрея Кирилловича. Он проживет зиму в Петербурге, а там опять отправится в Вену, и, расставшись с ним раз, кажется, уже более не увидимся в сем свете.

Александр. Париж, 7 ноября 1819 года

Я положил ехать 10-го, на другой день открытия камер: зрелище, достойное наблюдения, но оно отложено до 19-го по болезни короля. Но что мне до камер и до короля, я все-таки поеду в этот день, как меня ни умаливает милый Шредер. Хорошо здесь, но в Москве сто раз лучше. Спасибо доктору Галлу, и всякий день чувствую, что становлюсь бодрее и крепче, и все, судя по лицу, также меня поздравляют. Ну уж задали мне перцу эти воды!

Театры хоть кого с ума сведут; но чудо парижское для меня не Тальма, не Дюшенуа, не Брюнет, не Мартен, а балеты, а Потье и особенно мамзель Марс: я ими восхищаюсь. С этим человеком

забудешь хоть какую грусть, надобно лопнуть со смеху, а Марс восхитительна во всех движениях души. Не хотел, а все говорю про Париж, но это связано и со мною. Мой образ жизни единообразен. Когда Шредер обедает дома, то есть у Поццо, то и я там, а когда нет – то у графа Ростопчина; после обеда в театр, а оттуда домой ко мне или к Шредеру, курить трубочки и болтать о тебе, пить чай, а там спать; по утрам, когда нет несносных дождей, рыскаю по городу, смотрю достопамятности. Пялю глаза на лавки, брожу по Пале-Рояль; купил бы все, что вижу, но не решишься, что выбрать, откладываешь до другого раза, а деньги в кармане. Что за славности! Ох, уходили меня эта болезнь во Францен-сбрунне и разлука с Волковым. Много пострадали финансы. Займу у графа или у Шредера. Сделай одолжение, поищи мне занять по приезде моем, чтобы честно расплатиться.

Все здешние русские о тебе много спрашивают. Все тебя помнят и все любят. Шпис говорит, что выпросится из Петербурга в Москву нарочно, чтобы с тобою повидаться. Мы обедали с Шредером у Татищевой, которая вспоминала все твои венские шалости; она едет через два дня в Петербург и также будет в Москву; стара стала, но еще хорошая и добрая бабенка. Я все уверяю Шредера, что он в нее влюблен. Княгиня Багратион недавно переехала в город из Нейи, велела сказать, что очень желает меня видеть; дважды был у нее, но все не удается ее застать.

У бедного Ремана подагра. Где же? В глазах. Эк куда забралась, негодная! Из прочих русских здесь: князь Павел Петрович Щербатов, Сумароков, Дурнов с женою, сестрою Демидова, который все болен и совсем сгорбился, бродит; Свиньины оба брата с женами и тот, что женат на сицилианке; молодой Новосильцев, Потемкин, что женат на Голицыной, Гриша Гагарин, высокий Трубецкой, Голицына, княгиня, супруга князя Михаила, Потемкин, камергер Кампенгаузен, Куракина сумасшедшая, которая в прежалком положении.

Поццо задал вчера преславный обед русским, живет барином, кормит славно и вообще пользуется здесь большим уважением. Посольская церковь очень хороша, певчие поют не хуже твоих почтамтских. Я молился усердно; одно у Бога прошу – скорее с вами всеми соединиться и здоровым приехать в Москву.

Александр. Париж, 8 ноября 1819 года

Я было собрался ехать послезавтра, но герцогиня Орлеанская сказала князю Кастельчикалла, что желает видеть меня, старого знакомого, и назначила среду в полдень. Я не могу не остаться до этого времени. Хлопотно будет надевать мундир; для этого не мог

я решиться и королю представиться.

Здесь теперь минута кризиса. Деказ, видя в Сен-Сире противника во многих мнениях, а в Делоле – президента министров (место которого прочит себе), сломил обоим шеи и заменяет их своими креатурами. Он прибавляет еще двух новых преданных себе министров, дабы иметь за собою большинство голосов. Это будет в совете; но в камере, кажется, либералы будут иметь верх. Деказ ненавидим всеми партиями, горд и неспособен. Можно парировать, что это министерство не удержится полгода. Сумасбродный народ. Для них годился один Наполеон с прутом в руках.

Посылаю тебе при сем любопытнейшие брошюры. Они тебе докажут, как далеко идет дерзость, даруемая свободою тиснения. Фафули ею пользуются для ругательства, а не для пользы отечества. Вот еще три портрета очень похожие, хотя один и в карикатуре. Тут изображение всемогущего Деказа, который очень хорош собою; я сделал тебе отборную коллекцию карикатур, потому что большая часть из них дрянь. Сейчас вышло королевское определение. Делоль, Сен-Сир и Луи удалены; на место первого – Паскье, бывший парижский префект во время Бонапарта. Латур-Мобург отзывается из Лондона и заменит Сен-Сира, а Рой сделан министром финансов. Деказ – президентом совета. Для этой цели единственно и последовал весь этот ералаш, коим никакая партия не довольна, и все того мнения, что это министерство не продолжится более трех месяцев. Но оставим фафулей; надобно признаться, что они смешны, любезны, но презрительны и мне скоро наскучили. Я сыт Парижем! Он мне будет мил, когда буду говорить о нем в Москве.

Константин. Москва, 16 ноября 1819 года

Ну, брат, наш город в печали. Граф Тормасов был несколько дней болен и 13-го числа скончался, к общему сожалению. Жизнь его прекратилась от удара. Дай Бог ему вечную память! В Петербург отправился с известием Подчаский, а до его возвращения хоронить не будут. Город берет на себя печальную церемонию. Зала большая, где обедали вверху и где теперь лежит тело, будет убрана черным сукном и проч., и похороны будут великолепные. Здесь ломают себе голову, кто будет его преемником. Называют графа Толстого, Коновницына, князя Голицына. Бибиков ходит как убитый, он точно все теряет.

Константин. Москва, 17 ноября 1819 года

Я познакомился с князем и княгинею Барятинскими [родителями фельдмаршала], милые люди, много о тебе

спрашивали. Они проживут зиму в Москве и наняли уже дом графа Салтыкова возле нас. Он собирается купить Петровско-Разумовское. От графа Каподистрии получил я несколько предружеских писем.

Константин. Москва, 4 декабря 1819 года

Соковнина [Прокофия Федоровича, который был женат на сестре Н.В.Булгаковой, урожденной княжне Хованской] уже ты не застанешь. Четвертого дня он за мной посылал, с час я у него сидел, говорили о многом, даже о приближающейся его кончине, и он совершенно был покоен; на другой день, то есть 2-го числа, рано утром призвал он всех своих людей, с каждым простился особливо, потом исповедался, причастился, а около четырех часов после обеда и жизнь кончил как добрый христианин. Вечная ему память! Перед концом сказал он доктору, выходя из забытья: «Я видел рай, и меня в него так и поволокло». Бедный Сергей крепится, но это только наружная бодрость: он в отчаянии. Завтра похороны. Жаль доброго человека. Наташу я приготовил, сказал ей, и она совершенно покойна.

Александр. Смоленск, 18 декабря 1819 года

Спасибо тебе, милый друг, за все твои старания обо мне и за то, что ты не дал сердцу твоему восторжествовать над рассудком и поехал, не дождавшись меня. Мне бы невесело было обнять тебя с мыслию, что может служба пострадать. Ты всем обязан государю; в таких-то случаях и должно доказывать, что умеешь всем жертвовать для него. Оканчивай все скорее и возвращайся в объятия друга твоего. Выехал я из Парижа 21 ноября; в семь суток поспел в Вену, там взял две ванны, отдохнул 10 часов и пустился в Варшаву, куда прибыл в шесть суток, но очень измучен для того, и для Каталани, и для доброго Вяземского. Пробыл я там почти пять суток. В Бресте потерял сутки от поставки коляски на зимний ход. Сюда ехал пять суток. Дорога адская, снегу тьма, лошади поганые, закладывал по восьми в коляску, которую во Франции везли две лошади. Стужа страшная! Твое отсутствие умерит мое нетерпение. Я думаю теперь до Москвы ехать только днем и ночевать везде, дабы поотдохнуть.

Александр. Москва, 22 декабря 1819 года

Я не останусь, кто бы ни заступил место Тормасова. Удалюсь в Белоруссию и займусь делами нашими и долгами. Москва мне сделается ненавистною без тебя.

Будь покоен насчет нашей скромности, но знай, что город наполнен догадками, что ты не воротишься сюда.

Мне очень легко отвечать всем, не видавшись с тобой: я не знаю еще истинной причины твоей поездки. Рушковский как шальной бегает, болтает, повторяет сто раз одни речи и уверен, что ты вернешься в три недели. Экзекутор Строев тотчас ко мне прибежал: дайте на себя только хорошенько взглянуть, чтобы написать Константину Яковлевичу, что, ей-богу, лучше прежнего с лица. Все мне это повторяют, и действительно, я добр и здоров, а, право, было от чего занемочь: от беспокойной езды от Вязьмы до Москвы.

Александр. Москва, 24 декабря 1819 года

Я нахожу, что ты ответ дал умный и основательный на первое князево [то есть царского друга князя Александра Николаевича Голицына] письмо; но ты бы мог ему в партикулярном письме открыть душу свою; может быть, он показал бы это письмо государю, который бы увидел, что ты следовал более обязанностям чести, благодарности и рвению к службе, нежели внушениям сердца твоего, приемля место Николая Ивановича [петербургского почт-директора Николая Ивановича Калинина]. Может быть, государь не захотел бы тебя перемещать; ведь тут одно твое слепое повиновение. Не время ли еще этому помочь? Ведь здешнее место (кроме сердечных причин) и выгоднее, и независимее, и покойнее того. Там много будет хлопот, и осторожный старый Калинин не избежал падения. Другой важный пункт – это большая ответственность, которую ты на себя берешь, выставляя Рушковского, годного при начальнике, как ты, хорошего, аккуратного исполнителя, но прежалкого начальника. Он уже теперь как помешанный; его ненавидит целый почтамт, все разбегутся, дела запутаются и на тебя налягут, и дельно: ты ему выпросил крест, чины, на тебя положились, а он ничего не оправдает. Ради Бога, объяснись об этом с князем. Делать добро похвально, но не надобно, чтобы служба могла от того терпеть, а с Рушковским будут беды.

Фавст мне намекал заступить тебя здесь; но я тебя заклинаю не иметь и помышлений этого, особливо ежели будешь беспрестанно говорить о Рушковском: тогда подумают, что ты его просишь, чтобы открыть мне дорогу.

Я не хочу ничего, и, не живя с тобою, будет для меня блаженство – жить в белорусских деревнях и устраивать дела наши. Ангелы мои стоят того, чтобы я о них подумал в будущем, а я буду с тобою видаться всякий год. Бог поможет, вступлю опять в действительную службу. Одно желание имею – получить от наших добрых начальников бессрочный отпуск, хотя без жалованья, дабы тем избежать выборов дворянских. Я было очень

был не в духе: твое перемещение будет для многих жестоким ударом, но теперь я поуспокоился и вижу для тебя в этом славную дорогу. Почтамтские все повесив нос, как будто предчувствуют свое несчастье. В случае надобности буду писать к любезному брату, ибо не доверяю никому. Закревский велел тебе вручить в собственные руки это письмо. Я ему не сказал ничего. Скоро, вероятно, все это будет уже не тайна для публики.

Александр. Москва, 25 декабря 1819 года

Поздравляю тебя, любезнейший брат, и с наступившими праздниками, и со днем твоего рождения. Мы обедали у тестя на Пречистенке, пили шампанское, Наташа взяла мою руку, и мы поняли без слов, что оба пьем за твое здоровье. Ужинать мы будем у Чижика. До сих пор большая бестолковщина во времени, которое убивается приемом глупых визитов. Не дадут мне даже разобраться; полные сундуки все еще стоят запертые в кабинете. Поутру был у меня Рушковский, с большой протестацией обожания его к тебе. Я отвечал, что тебя нельзя не любить, но ты имеешь порок один. Вот мой Рушковский вспрыгивает на аршин, кричит: «Как порок? Какой порок?» – «Тот, – отвечаю я хладнокровно, – что брат делает добро без разбору, даже тем, которые могли бы того не заслуживать».

Константин. Петербург, 26 декабря 1819 года

Моя участь переменяется. Ты видел из письма к жене, что я назначен сюда почт-директором. Указ подписан 23-го. Горько мне разлучаться с Москвою, а особливо с тобою, милый друг; но непростительно было бы сделать даже самое малое возражение на предложение ангельского государя и нашего благодетеля. Мой ответ был один: что все, что он желает, для меня свято. А новый опыт доверенности и высочайшей милости совершенно делает меня счастливым. Я еще государя не видал. Князь Александр Николаевич сказывал мне, что государь меня примет в кабинете. Это и лестно, и приятно для меня. Князь, со своей стороны, чрезвычайно меня обласкал и ко мне милостив.

Вступление мое здесь с людьми новыми и мне даже по имени неизвестными очень будет для меня трудно; но я и тут полагаю надежду на Бога, который никогда меня не оставлял. Мое усердие неограниченно, надеюсь, что не ударю лицом в грязь. Все здешние департаментские и почтовые весьма рады моему назначению, беспрестанные получаю поздравления; граф Каподистрия, этот добрейший человек, очень рад, да и все вообще. По крайней мере я уверен, что меня советами никто не оставит. Калинин сделан сенатором. Одного я боюсь, чтобы здесь

и в Москве не подумали, что я интриговал и искал этого места. Бог свидетель, что я о нем не думал и, будучи совершенно счастлив в Москве, не желал ничего, да и мог ли желать? Ох, кабы могли заглянуть в мое сердце! Добрые мои московские чиновники увидели бы, как мне больно с ними разлучаться. Уверь их, брат, что они всегда будут иметь во мне друга и ходатая. Надеюсь также, что и они мне сохранят добрую память. Что мог, я для них всегда делал. Дай Боже, чтобы они всегда в начальнике имели такое же к себе усердие. Признаюсь тебе, я без слез не могу о них вспомнить. Вот, мой милый друг, все, что тебе сказать могу.

Между нами сказать, я не могу уже приехать в Москву: должен тотчас принять должность, и уже ни с места отсюда. Я еще этого жене не говорю, и ты помолчи. К тому же, право, для меня слишком тяжело бы было прощаться с Москвою. Итак, теперь меня не ожидайте! Надобно, милый друг, подумать о моем перемещении сюда. Подумай и посоветуй мне, перевезти ли все имущество сюда или там продать? Боюсь, что там продадим за бесценок, а здесь надобно покупать дорого.

Александр. Москва, 28 декабря 1819 года

Вчера долго сидел я у Закревского, который тебя обнимает. Он наделал здесь передрягу: перебрав всех живущих здесь офицеров без службы, велел их высылать. Васенька Голицын тоже должен выехать. Также дал приказ Закревский о тех офицерах, кои одеваются не по форме; сердит на Волкова, что его здесь нет; он ожидается всякую минуту. Вообрази, что первое известие о приезде твоем в Петербург получила жена от Ваниши, который ей рапортует все очень исправно. Князь Петр также пишет и не нахвалится тобою. Что тебе сказать о Москве? Весь город занят ревельоном [reveillon – встреча Нового года] князя Барятинского. Он прислал нам билеты через Мошкову, которая очень нас упрашивает; но я, вероятно, не поеду: Наташа не хочет, а без нее я покуда ни на шаг. Сегодня, слышу, бал у Марьи Ивановны Корсаковой, а мы все на детском балу и театре у Обресковых, где будут наши дети.

Александр. Москва, 28 декабря 1819 года

Знаешь ли, где тебе пишу, любезный брат? У Закревского. Сидел у него вечер, играл в бостон с его, моим тестем и с князем Сергеем Ивановичем. Он сказал, что отправляет фельдъегеря в Петербург в ночь. Домашние его пошли ужинать; я же, как умница, воздержался, не ужинаю и, засев в его кабинет, пишу тебе эти строки. Поутру писал тебе с эстафетою; спасибо почтовым, что всякий раз дают мне знать. Здесь видел я князя

Андрея Петровича Оболенского, Михаила Орлова, Дмитрия Ивановича Киселева; все мне говорят одно, что я стал лучше с лица. Да и подлинно, чувствую себя хорошо, а еще бы было лучше, ежели бы ты подъехал. Я уверен, что мы будем об этом стараться всеми силами. У нас страшные холода; однако же я, укутавшись хорошенько, ходил пешком с Наташею. Мне это очень рекомендовал Пешман, а я ему охотно повинуюсь.

Князь Барятинский присылал очень звать к себе на ревельон, но я не поеду. Лучшего не знаю еще веселья, как быть в своем кругу или писать тебе. Давеча были у меня Озеровы, сперва жена, а там муж; сказывали, что Волкова ждут к обеду, но вот и вечер, а его нет еще, а, право, нужно ему быть здесь. Завтра буду писать по почте. Скажи Жуковскому и Тургеневу, что я пришлю им доказательства, что и в Эгре, больной, я их не забывал; последнему скажи, что брат его Сергей здоров и ожидает решения судьбы своей. Я тебе пришлю пакет, для доставления милому Шредеру. Какая это ангельская душа, какое у него чувствительное сердце и благородные чувства! Я теперь только его узнал коротко. Как он тебя любит! Бывало, пишет мне все ввечеру: «Приходите покурить, попить чаю и поговорить о милом Константине». Чу, там говорят уже о жарком; пора печатать, покуда не встанут.

Александр. Москва, 29 декабря 1819 года

В почтамте многие получили копии с указа, все повесив нос. Идучи домой, я укутался в шинель, чтобы никто меня не узнал. Все в отчаянии, лишаясь тебя; никто не мог тебя заменить, а еще менее Рушковский, которого никто не любит. Его будет дело все переделать в свою пользу, но эта обязанность не будет одна из последних. Письмо твое отдали мы ему вместе. Он оцепенел от удивления; сперва вскричал: «Ах, Боже мой! Где мне спрятаться от завистников и ревнивцев, кои теперь на меня накинутся?» Я отвечал, что ему надлежит помешать им, только исполняя свои обязанности так же хорошо, как его предместник. После он добавил: «Ежели я не буду поддерживаем покровительством и советами Константина Яковлевича, я пропал! Какое бремя на мне лежит!» Одним словом, Иван Александрович видит это с настоящей стороны. Он приписывает тебе свое назначение, называет тебя ангелом, богом самим. За столом сидел на иголках, не ел, бредил; да и подлинно, можно ли было ожидать такого прыжка? Я все думал, что ему велено будет отправлять должность почт-директора до времени, чтобы доставить ему возможность оправдать настоящее свое назначение; но дело кончено, теперь нечего толковать. Я очень удивлен, что он меня прочил на твое место в случае перемещения твоего: это уж точно ни к селу ни к

городу. Тебе просить обо мне было бы глупо, дерзко, неприлично: кроме меня, мало ли достойных кандидатов? Мне эдакая нелепость и в голову никогда не приходила.

Я не скрываю, любезный брат, грусти своей. Когда пройдут первые неприятные впечатления, я предамся радости, ибо все это клонится к твоему благополучию. Москва сделалась мне вдруг ненавистною. Дай мне золотые горы, я здесь не останусь. Смерть доброго Тормасова дает мне прекрасный повод оставить мое служение при главнокомандующем. Жду твоих писем, чтобы взять решение.

Ежели видаешь Керестури, кланяйся ему и отдай прилагаемую здесь трагедию «Сафо», которую я ему обещал привезти из чужих краев. Сердце мне ничего не предвещало, а то бы я ни за каким здоровьем не поехал в чужие края. Шесть месяцев провел бы я с тобою. Этот год буду долго помнить.

Константин. Петербург, 30 декабря 1819 года

Я понемногу начинаю знакомиться с именами чиновников; после Нового года примусь за дело. Трудно, очень трудно будет для меня начало, тем более, что все жалуются на здешние неисправности; все мои надежды на Бога и на советы добрых людей. Князь Александр Николаевич весьма милостиво ко мне расположен и всякий раз меня ласкает. Директор департамента Жулковский прекрасный человек, мы тотчас с ним сошлись. Все мне здесь рады, но чего (между нами) я понять не могу – никто не любит Калинина, никто о нем не жалеет, даже подчиненные очень рады перемене. Как в 20 лет не уметь заслужить лучшего расположения! Я уверен, что прекрасный Московский почтамт иначе думает о мне, а мне их душевно жаль. Как-то поладит Рушковский? Если не будет уметь выиграть их доверенность и любовь, то его вина. С такими людьми я б за счастье поставил век служить. Между нами сказать, у него здесь друзей мало; боюсь, чтоб почтамт не упал, хотя я всегда рад быть его ходатаем. Но что об этом говорить. Место дано Рушковскому прекрасное, его дело – держаться. Мы с Николаем Игнатьевичем очень хороши. Да за что б ему на меня и сердиться: я не искал его места. Он рад, что меня ему дали преемником. Я обращаюсь с ним как можно деликатнее, даже до сих пор не хотел смотреть комнат и не знаю, хорошо ли мне в них будет. Ох, брат, да кабы ты согласился здесь иметь место! Но я о сем и подумать не смею; это бы слишком было для меня счастливо, а, я думаю, с помощью Каподистрии, который тебя искренно любит, можно бы как-нибудь устроить. Если же ты поедешь в деревню, то и меня туда жди, когда не в силах буду перенести разлуку или переменится мое положение.

Хоть на старости поживем благополучно.

Ну уж как мне рады Воронцов, Мишо, Фонтон и все приятели! Сегодня у меня был Дмитрий Николаевич Се-нявин, я думал, что меня удушит. Всякий день я зван куда-нибудь обедать, и так мало имею свободного времени, что ничем не могу порядочно заняться. К тому же должен всякий день видеться с добрым Каподистрией, с Нессельроде, побывать в департаменте; не понимаю еще, как управлять. Воронцова я видел только раз, он сам в беспрестанной беготне. Неизвестно еще, останется ли он здесь и в службе. Уверяют, что ему дадут корпус графа Остермана, потому что сей едет в чужие края. Голицыну нашему [то есть князю Василию Сергеевичу, сыну двоюродной сестры Булгаковых] он писал, чтобы ехать сюда; не худо его поторопить. Ради Бога, брат, кончи скорее дело Клима. Закревский может, кажется, это устроить, а я без него пропал. Ну, брат, как здесь все дорого! Примусь за самую строгую экономию, дабы не разориться вконец, и так Москва меня совершенно расстроила.

Не знаю, обожает ли меня Рушковский, как он говорит, а не любить, кажется, не за что. Конечно, я не упускал случаев делать ему добро. Так у меня сердце и сжалось, когда читал приглашение твое скорее к вам приехать; и этого утешения я лишен: мне уже нельзя отсюда отлучиться! Я получил вчера формальное предписание о вступлении в должность и с Нового года приступаю к исполнению оного при помощи Божией.

Александр. Москва, 31 декабря 1819 года

У Закревского будет отправлен фельдъегерь. Заготовляю для него это письмо.

Приезжали тесть, Лукьянов, Юсупов, Исленьевы, Барятинский, Закревский и проч. Обедать должен был в четыре часа, не успел походить, что мне очень рекомендовано, а после обеда поехал к больному Нарышкину. Ворочаюсь домой, нахожу гостей. Покуда они ужинают, напишу, что успею.

Горестно мне твое перемещение по многим отношениям. Все здесь разделяют и радость мою, и печаль. Куда ни покажусь, все одни слова: Бог награждает братца вашего, но для Москвы это потеря, он даже незнакомых всякий день одолжал. Почтамтские в совершенном отчаянии; у меня сердце сжато, когда я их встречаю; этого нельзя тебе описать. Я слышал, что многие помышляют об отставке, и именно Трескин. Я не скрою от тебя, что назначение Рушковского всех удивляет, даже самых беспристрастных. Ты сам знаешь, как его не терпели; это чувство еще умножилось от досады видеть его повышение и от грусти лишиться тебя. Я не так глуп и самолюбив, чтобы брать за чистые деньги то, что все

твердят: зачем не я тебя заменил? Но разве на свете только я да Рушковский? Ты меня знаешь, я не честолюбив и не завистлив. Будь Рушковский хоть королем! Но я везде вижу тебя и боюсь, чтобы ты не был в ответе после; ибо нет никакого сомнения, что Рушковский потеряется совершенно и сам себе сломит шею. Он теперь как помешанный: две ночи не раздевался и не спал. Попандопуло уверял меня, что Рушковский сказал которому-то из чиновников почтамтских: «Вы будете моим помощником». А тот ему отвечал: «Я? Да я и служить под вами не хочу». Рушковский подлее, чем был когда-либо. Сто раз зачинал он говорить, что его пытались ссорить с тобою и замарать в твоих глазах клеветами, выдумками; но я все переменял разговор, говоря: «Брат доказал вам довольно награждениями, кои для вас выпрашивал, что он или презирал ваши речи, или не верил, чтобы вы могли отозваться о нем иначе, как хорошо». Раз выкинул он эту достопамятную фразу: «Ваш обожаемый брат мог бы обратить и безбожника, ибо только сам Бог и мог сотворить такого совершенного и добродетельного человека, как ваш брат». Ты видишь, что он все тот же. Не время теперь советы давать; но хорошо бы ты сделал, имея счастье видеть государя, – объявить ему, что такое Рушковский. Большая сделана ошибка, что прямо сделан настоящим почт-директором, а не велено исправлять должность. Увидели бы, что он такое. Рунич (который, верно, будет беситься) и три года отправлял эту должность, да ему не дали, однако же, места.

Я уверен, что ты с князем поладишь. Это не может быть иначе. В Петербурге будучи, я неоднократно слышал о беспорядках тамошнего почтамта; да и здешний был хорош до тебя, признаться. Я уверен, что ты и тот приведешь в устройство. Все будет ладно, кроме разлуки нашей, убытков твоих и беспокойной жизни. Мундир придется надевать почти всякий день, а в Москве ты был сам пан, и хоть целый год сиди в халате с трубкою во рту. Круг знакомых будет поневоле обширнее в Петербурге.

Вот опять гости. Как мне это надоело!

1820 год

Константин. Петербург, 1 января 1820 года

Нет, милый друг, нечего мне было делать, как принять предложение о месте. С тем вместе писать партикулярное письмо и объяснять, сколько меня расстраивает перемещение, было бы, кажется, и неприлично: могли бы, по справедливости, упрекать меня, что я более привязан к своему спокойствию, к своим выгодам, нежели к государю, которым облагодетельствован, и рад только там служить, где мне лучше. Теперь я исполнил свою обязанность. Сколько моих сил будет, стану работать, не жалея ни трудов, ни спокойствия; прошу только Бога, чтоб пособил мне оправдать выбор и доверенность ангельского нашего государя и заслужить продолжение его милостей. Не мне, так детям вознаградится мое усердие. Не могу не сожалеть о Москве, где жил счастливо, где был с тобою, где был любим чиновниками, смею сказать – и жителями. Я бы поручился, что все бы пошло прекрасно, если б тебе дали мое место: тебя чиновники уже любят, а узнав короче, стали бы обожать и усердно бы тебе помогали; но я рад, что ты так же благородно мыслишь (да в этом я никогда и не сомневался), как я. От нас обоих интрига далека. Рушковский назначен; пусть он оправдает милость, на которую он, конечно, никогда не мог рассчитывать. Он получил место, на которое никогда надеяться не мог; в руках его оправдать выбор.

Хлопочу, езжу или дома знакомлюсь с чиновниками, беседую с друзьями, занимаюсь будущей должностью. Калинин еще не переехал, ищет дом нанять; я, однако же, надеюсь завтра переехать в новое мое жилище и приступить к принятию должности.

Дом, кажется, изрядный, но мебели ничего нет, опять вторично надобно всем заводиться, а денег ни за что просить не стану: не хочу, чтоб сказали, что первая моя просьба была деньги. Я прошу милости, но она относится к моим старым сослуживцам.

Александр. Москва, 1 января 1820 года

Поздравляю тебя с Новым годом, любезный брат. Он скучно для меня начинается. Вчера встретили мы его у меня, пили, целовались. Все молчали, вздыхали и понимали друг друга; уж я взял на себя рассеять эту грусть, а Попандопуло мне помог. Барятинский [князь Иван Иванович, отец фельдмаршала] меня мучил быть на его маскараде, ничем не мог отговориться, он прислал мне даже платье полное волшебничье. Я ездил туда, но,

право, не мог там быть более получаса: ничто меня не веселило. Воротясь домой, надел свое платье и маску на Попандопуло и послал его туда; он, воротясь, уверял нас, что никто его не узнал, особливо хозяин, который отроду его не видал. Марице и всем дамам надавал я парижских подарков, но все что-то не клеилось, у всех одно на уме: ты!

Фавст, который все охает невпопад, тут вдруг развернулся и ну нас бранить, что мы Новый год хотели встретить пригорюнившись. Были мы у тетушки, которая только что плачет и твердит: «Теперь меня похороните, кончилось мое благополучие». Были у меня почтамтские, на них смотреть нельзя. Николай Иванович просит тебя Христом Богом, чтобы ты ему препоручил отвезти Марицу в Петербург; не откажи ему, брат, сего последнего утешения, он как убитый, да еще Семен Алексеевич. У меня был Ням-Ням [то есть Рушковский]: и смешон и жалок; он все не верит, что он заступить должен твое место. Сегодня был у меня во всей форме, в санях в одну лошадь, шубенка, круглая шляпа; ходит, говорит, бредит, все одно твердит: «Это место было ваше, оно для вас, вы его займете, мое здоровье его не выдержит». Что он говорит, весь город мне твердит, так что надоело всех опровергать, и, право, для этого носу никуда не кажу. Иной воображает себе, что я хитрю, как будто не в том же указе сказано и о тебе, и о Рушковском. Юсупов, Яковлев, губернатор, Петр Петрович Нарышкин, Огарев, Апраксин, одним словом, кто меня ни видит: «Да уж ежели взяли братца, так зачем не заменить его вами?

Идет ли Рушковскому быть тут?» – и тому подобное. Я бы желал уже не быть здесь. Рушковский замучился одним беганием сверху вниз. Хочет жить, спать и писать в твоем кабинете, а в прочие все комнаты поместить экспедицию; то-то отделает дом! Почтальоны приходили его поздравлять; он велел справиться, сколько ты им давал; ответ был – 300 рублей. «О, это много, баловство, нет! Да я еще не настоящий почт-директор, сообщения нет [то есть официальной бумаги из Санкт-Петербурга], доходы еще собираю, отпустите почтальонов, пусть придут на Пасху». Ленекер ему объявил, что служил только для тебя, а что теперь ни за что не останется с ним.

Одним словом я, право, не знаю, как он управится, и когда стал я ему говорить о чрезвычайном устройстве здешнего почтамта, о порядке, в коем он все находит (в чем и князь тебе дает справедливость), то он отвечает: «Да было, было-то все то, то евто, при Константине Яковлевиче; а теперь, о, завистники! Вот евто не буду так стараться, везде я не поспею, я и так ночи не сплю, не могу ни на кого положиться!» – и проч. «Да ведь, Иван

Александрович, те же чиновники, и у вас власть та же, соблюдайте только, что учреждено, отличайте тех, которых брат отличал, вверяйтесь им же». Вздыхает, бегает, просит советов у меня. «Вас любят в почтамте по братцу и за вас лично; советуйте мне, просите братца меня не оставлять, я погибну», – вот каков человек на столь выдающееся и почетное место! Ты знаешь, что я никогда не любил Рушковского, ибо я все прощаю, кроме неблагодарности, сего гнусного порока; ты знаешь, что я тебя упрекаю за добро, оказанное ему, ибо он недостоин был отличия по всем уважениям, но я, право, говорю тебе без пристрастия и не увеличивая ничего. Ты можешь верить моим словам: назначением его весь город недоволен, и он сам себе шею сломит и скоро или сойдет с ума, или же занеможет от беспрестанного волнения. Иностранцев едет в Петербург. Письмо это кладу в стакан, который он тебе вручит в собственные руки. Пивши из него, вспоминай меня, любезный брат. Другие два стакана отдай от меня друзьям нашим, Тургеневу и Жуковскому, обняв их за меня.

Мое почтение почтенному графу Каподистрии; но напрасно думает он меня перетащить в Петербург: он и меня, и детей моих (особливо Ольгу) слишком любит, чтобы желать совершенного моего разорения. Долг этот меня терзает, мне будет служить отрадою уничтожать его; тянул-тянул, а, право, приходится, что нечем жить, или жить в долг.

Константин. Петербург, 2 января 1820 года

Вчера неожиданно поехал я в придворный маскарад. Я все еще не представлялся и, следовательно, не мог и показаться во дворец, но вот как это сделалось. Около обеда привез мне фельдъегерь от князя [то есть от князя А.Н.Голицына, в ведении которого по временному исполнению должности министра внутренних дел находилось все почтовое ведомство в империи] записочку, которую при сем прилагаю для твоего только сведения, и ты мне ее возврати [записочка эта не сохранилась]. Мы с Тургеневым и поехали. Государь, танцуя польский, меня видел и очень милостиво поклонился; потом в Эрмитаже во время ужина, так как он не ужинает, а ходит и разговаривает, подошел ко мне и чрезвычайно милостиво со мною разговаривать изволил, а именно, что еще не успел меня видеть, но на сих днях позовет; спрашивал, не против воли ли я сюда переведен, не расстраивает ли это меня, привез ли я жену, скоро ли ее выпишу и проч. Я отвечал так, как требовали этого мои к нему чувства. Как не быть тронутым, когда государь, делая милость, входит еще и в домашнее положение подданного и заботится, не расстраивает ли его перемещение, столь лестное, служа доказательством его

доверенности и милости. Вот тебе вкратце мой разговор, но только для тебя и наших жен, и Фавста, ибо не хочется мне, чтобы в городе говорили о сем.

Бал был прекрасный, народу тьма, более 9000 билетов в 9 часов уже были приняты; Эрмитаж, то есть театр, где ужинали, походил на волшебство своим убранием. Мы-таки после с Тургеневым поужинали, а после так счастливы были, что тотчас добились лакея и кареты. Там видел я много знакомых, князей Лобановых, Саблукова, которые все очень ласково со мною обошлись. Сегодня думаю ночевать в Почтовом доме, где, однако же, кроме голых стен, ничего не останется после переезда Калинина. Ох, тяжело будет заводиться, а делать нечего!

Александр. Москва, 2 января 1820 года

Рушковский не знает, что делает. Александр Иванович Татищев, генерал-кригс-комиссар, сам был у него просить открытый лист для себя; он был довольно глуп, чтобы отказать, говоря, что, не видя подорожной, он не может дать и листа. Тот плюнул и уехал. Климово дело буду стараться устроить, но Шульгин бестолков, прежде поговорю с Шафонским [правителем канцелярии московского главнокомандующего. Клим – слуга Булгакова, поступивший в полицию] и Закревским, а там налягу на усача, который говорится больным для того, что ему велено подавать рапорты Дурасову. В Москве совершенная анархия, а Волков не едет; это на его ум непохоже, и Закревский пишет ему ругательное письмо. Московский почтамт, конечно, брегетовы часы, но не Рушковский тоже их заводит, и жаль, что все это славное устройство исчезнет. Этот человек слишком ненавидим и неспособен; а ты, пожалуй, забудь о Калинине, а думай о себе. Тебя зарезали, так, по крайней мере, выставь себя, а что там все идет дурно, это не новое. Ведь не станут же судить Калинина за это? Все знают, что в Петербурге московскую почту разносят три дня, что там отдача писем и прием денег – совершенная каторга.

Сделай одолжение, выбей из головы Каподистрии мысль меня тащить в Петербург: я не поеду, хоть дадут 10 тысяч жалованья. На мне лежит священная обязанность устроить дела и обеспечить участь детей наших. Право, это для меня не пожертвование: с женою и детьми будет мне там хорошо, а тебя могу навещать всякий год. Тебе нельзя сюда не быть, это самая законная причина взять жену, детей и устроить дела твои со мною. Этого тебе нельзя отказать. Письма твои буду распечатывать, иные отправлять к тебе, а о других тебе доносить. Например, Милашевич рекомендует тебе Маджи Кинетозографа; письмо удержу у себя и тебя заменю у этого штукаря. Ей, не распинайся

за Рушковского: уж тебе плакать от этого урода. Возьми свои меры заранее!

Комендант явился [то есть Александр Александрович Волков возвратился из чужих краев], сидел целый вечер у меня вчера, а сегодня (воскресенье) вместе обедали у Закревского, не нарадуются друг другу. Ох, ты мне с твоей экономией! Тебе ли знаться с этой барыней? Она не дастся тебе никогда; твое дело – проживать, да расстраивать себя, да делать добро другим, а не себе. Ты батюшкин образ. Дай-ка мне забраться туда, в Городню [витебское имение братьев Булгаковых]. Вот я разве тебе накоплю непендзов.

Сегодня обокрали покойного Тормасова, вытащили часы малахитовые, вазы и другие вещи, разбив стекла из саду.

Так Рушковского и в Питере не жалуют. Вот человек заслужил себе репутацию бог знает как и чем! По всему видно, что ему несдобровать. Мне так весь город жужжит в уши, что я его место заступлю, что, пожалуй, и вотрут мне это в голову, а, конечно, это одно в свете может переменить мои намерения. Я именно по всем этим болтовням везде защищаю Рушковского. Я очень понимаю, что его назначили, дабы избавиться от кучи искателей и покровительствуемых. Кто знает, что будет? Может быть, какой-нибудь благодетель объявит государю твое разорение, последовавшее от беспредельного твоего усердия к воле его, и все то, что мы натерпелись. Что Богу угодно, то и будет; но у меня это в первый и последний раз рот произносит.

Александр. Москва, 5 января 1820 года

Я не сомневаюсь, что ты будешь любим и в Петербурге и что все пойдет хорошо, но тебе надобно приготовиться к трудам и ко всяким убыткам. Здесь все безутешны – и городские, и почтамтские. Это главная новость дня. Нет сомнения, что Московский почтамт придет в совершенный упадок. Сам Рушковский это говорил мне. Это стыдно; я ему заметил, что прекрасные чиновники те же, власть его та же, что была у тебя, что ты оставил ему не дюжинные часы, а брегет, что ему надобно только не уронить их на пол, а заводить всякий день исправно. На это спросил он у меня: «Какие у вас часы?» – «Брегетовы». – «Ну, вам и надобно бы вверить место братцево, вы с брегетом умеете обходиться». Я просил его не смеяться надо мною, что это ни к селу ни к городу и проч.; ибо не верю словам его, а ими думает он выведать из меня, что ему хочется.

Константин. Петербург, 7 января 1820 года

Здесь нового только какая-то история в Кавалергардском

полку, где замешаны, по несчастью, Чернышев [граф Захар Григорьевич, позднее декабрист], сын графа Григория Ивановича, и Понятовский. Они написали письмо без подписи одному офицеру, чтобы оставил полк, ибо офицеры не хотят его иметь товарищем. Тот требовал от всех объяснений и хотел знать, кто ему писал. Писавшие сами открылись, после этого вызвал еще на поединок для другого дня, но к вечеру были они арестованы. Говорят, Чернышева и Понятовского будут судить, и может для них дурно кончиться. Жаль Чернышева, его отца, мать и бабушку. Воронцова жена очень мила, хотя и нехороша собой. Я был также у матери Ваниши [то есть у графини Ирины Ивановны Воронцовой], она и сестра ее Голицына много о тебе спрашивали. Все здесь заняты маскарадом, который дает на сих днях Остерман.

Александр. Москва, 8 января 1820 года

Я очень порадовался подробностям придворного маскарада; но воля твоя, когда сам государь столь милостив и спрашивает, не расстраивает ли тебя перемещение в Петербург, зачем не сказать правду? Записку князя Александра Николаевича возвращаю при сем. Зачем также ты не изъявил желания ехать за женою и детьми? Я все не могу увериться, что ты уже сюда не будешь; но правда и то, что с таким ангелом, как наш государь, и язык не поворотится просить что-нибудь за себя.

Я был у Малиновского, который едет к вам через несколько дней, и он поет общую песню: зачем не вас на место Константина Яковлевича?

Константин. Петербург, 9 января 1820 года

Между нами сказать, много мне здесь будет работы; многое надобно переменить, и как скоро Н.И. переедет, примусь за дело, теперь же бы было неделикатно действовать. Чиновники есть, кажется, хорошие, только избалованы; все идет тихо, слабо, а это мне очень не по нутру. Без пристрастия скажу, что в Москве все лучше.

Александр. Чуприно, 12 января 1820 года

Я подал мою просьбу в отставку от московского места [то есть от места чиновника особых поручений при московском главнокомандующем] Дурасову. Она будет послана к Кочубею, а в Коллегии [то есть в Московском главном архиве иностранных дел] хочу остаться, о чем буду тебе писать в свое время. Я решился теперь это сделать, ибо, таким образом, преемник Тормасова (еще не назначенный теперь) не может думать, что я

иду прочь от него. Мы не знаем, кто будет еще.

Константин. Петербург, 20 января 1820 года

В городе много наделало шуму мое вступление, все пошло скорее и лучше, князь Голицын меня благодарил и удивляется, как я мог в столь скором времени дать такой ход всему. Мне уже прибавили 10 суточных лошадей и, надеюсь, дадут еще 20 почтальонов; тогда, кажется, все пойдет еще лучше. Чиновники ко мне привыкают, сами рады и удивляются своей собственной деятельности. Правда, что я не знаю покоя, целый день занимаюсь и хлопочу, только что обедаю с приятелями, встаю в 5 и 6 часов, сам везде бываю и разделяю труд всех.

Я обедал третьего дня у графа Воронцова. Он доволен и, кажется, не оставит службу; все его адъютанты остаются при нем навсегда, а в случае отъезда он может их отдать на время другим генералам.

Константин. Петербург, 23 января 1820 года

Бездельник новгородский почтальон потерял трактовый чемодан московский, в котором 12 тысяч ассигнациями было. Я тебя спрашиваю, такая ли вещь чемодан, чтоб его можно было потерять? Что с этаким народом делать? Я послал Мейергофа, перешедшего ко мне сюда в объездные офицеры, и другого чиновника – следовать; но еще нет следов, хотя и вся земская полиция ищет. Вообрази, что почтальон показывает, что выронил чемодан ночью, а чемодан с лишком в два аршина. Предсказание мое сбылось. Призвав на сих днях ямщиков, я бранил их, что не имеют будок на повозках, и доказывал, что от этого может быть беда: можно потерять при скверной теперешней дороге и беспрестанных ухабах, где вываливают на каждом шагу, сумку и даже чемодан, если случится метель; но этому смеялись. Вышло по-моему. Я тогда же им велел по крайней мере сделать кожи, которыми бы покрывать сани, и притягивать ремнями, чем они и занимаются, а между тем беда и случилась, как я им напророчил. Этот урок будет хорош для всех, и от меня достанется и смотрителям, и почтальону: долго будут помнить. Преизбалованный народ. Хоть я и не отвечаю, да и не могу отвечать за то, что дорогою делается, но все неприятно, что при вступлении такое происшествие.

Жуковский приехал, жду его к себе, чтоб отдать ему стакан, о котором его предварил; а Тургенев с тех пор все поет. Ты знаешь: ему как попадется песенка, так надолго.

Константин. Петербург, 24 января 1820 года

Голицын, новый московский начальник, человек преблагородный и прелестный; только надобно, чтоб он был окружен хорошими людьми, знающими дела гражданские, ибо он ими никогда не имел случая заниматься. Доверившись Шафонскому, он может быть покоен; только надобно, чтоб он уже его и держался. Я князя еще не видал, ибо нигде не бываю, а увижусь, непременно скажу ему, что за человек Шафонский. Впрочем, этот добрый малый имеет прекрасную репутацию. Я чаю, что многие уже его князю чрезвычайно хвалили.

Жуковский вчера был у меня, получил стакан твой, коим восхищается, все повторяет: «Пей в мою голову!» – и хохочет.

Александр. Москва, 24 января 1820 года

Я поездку свою кончил благополучно и тебе могу это вверить: княгине Куракиной спас я точно жизнь, привезя к ней Николая. Она теперь почти здорова, за исключением слабости; как этой не быть после нервической горячки у 62-летней женщины? Я исполнил долг любви и совести моей, а более всего возвратил спокойствие моей жене. Есть добрые люди, которые меня раздирают, относя все на счет интереса; время все покажет, но чего не узнает никто, кроме тебя, никогда (и знай это про себя) – что я отклонил расположение княгини отдать нам свое имение мимо ее брата, у которого у самого много детей. Она сделала завещание в пользу Петра Петровича Нарышкина, о чем не знает никто, да и никто не узнает до поры до времени. Я всегда презирал сплетни и болтовню пустых людей, а заглядывал в свою совесть и ею руководствовался во всех делах жизни, зато хожу с высоко поднятой головой и внутренно всегда весел.

Поздравь Лонгинова от меня. Как я был тронут воспоминанием государыни Е.А. об отце! Ты знаешь мое к ней обожание; я не завистлив, ты меня знаешь, но часто завидую счастью Лонгинова исполнять волю этого ангела. Без моих обстоятельств я бы за счастие себе поставил целый век без всякого награждения ей служить.

Александр. Москва, 25 января 1820 года

Стыдно будет не сладить со столь славно учрежденным местом; но ты знаешь нрав и расположение неблагоприятное чиновников к нему [то есть Рушковскому]. Чего бы держаться столь хорошего образца, каков ты? Он бросился к Ключареву, ставя его выше всего, просил быть его наставником во всем, между тем певчих уничтожил и хочет также уничтожить твою прекрасную школу для почтальонских детей, дело столь полезное. Он не деликатится, как ты там, и все коверкает по

своим тесным мыслям. Я лично им не нахвалюсь, в глаза мне смотрит, угождает; но я, право, вижу, что он сам идет к гибели своей, ругает почтальонов, грозит солдатством и проч. Но оставим его. Многие столь уверены в скором его падении, что за этим не выходят в отставку.

Голицына [князя Дмитрия Владимировича] назначению все рады, а вральманы сетуют только, что он едва умеет подписывать имя свое по-русски, уверяя, что приказания его по полкам пишутся по-французски. Экие дураки! Я рад, что у него честный человек, каков Шафонский, а дело сторона теперь. Тетушка читает твое письмо к ней и плачет, говоря: «Он меня называет матерью; что может быть выше блаженства иметь такого сына?» Твое письмо очень ее порадовало, но она не хочет жить в почтамте, который ей огадился. Верю и понимаю.

Закревский один из тех, которые не могут нарадоваться твоему перемещению; я его извиняю: кому не весело быть с тобою? Но будет и на нашей улице праздник. Какой это добрый малый; он, подлинно, истинный тебе друг.

Александр. Москва, 26 января 1820 года

И у нас не без балов. В мое отсутствие был маскарад у Корсаковой; иные хвалят, иные все еще смеются собачьей комедии, бывшей там и составленной из мужчин и даже дам. Башилов, как собачка, прыгал через обруч, и чуть не так, то Алексей Михайлович Пушкин ну его бичом, а он ну лаять! Это подлинно смешно.

Граф Толстой готовит 2 февраля маскарад; это прощальный праздник для дочери, ибо Закревский уже едет 6-го; еще будет бал в пятницу у Исленьевых. Я уговорил Наташу к обоим ехать, ибо, признаться, хочу, чтобы полюбовались наши дамы парижскими уборами, кои я привез. Здесь ничего подобного не видно. Это меня будет веселить, а танцевать, как бывало, не смогу теперь.

Всем нашим друзьям раз навсегда бью челом. О Куракиной я тебе писал уже подробно. Сегодня послал я ей вина, подарочки бесценным девушкам, за нею ходящим, а ей самой – парижские пасьянсы и игры, чтобы ее рассеять. Я очень рад, что Чернышев [граф Григорий Иванович] прощен.

Константин. Петербург, 27 января 1820 года

Прилагаю при сем записку графа Каподистрии, при которой прислал он также прилагаемое при сем письмо к тебе, мой милый и любезный брат. Вчера обедал я у него с Тургеневым; тут также был и Сергей, возвратившийся наконец из Парижа. Разумеется,

что обед был препиятный. В воскресенье был я, как обыкновенно, у обедни у князя Голицына. Я тебе еще не говорил о его церкви. Ничего нельзя придумать лучшего. В ней нельзя не молиться усердно, кто только искру религии в себе имеет; служат прекрасно, и всякий подлинно занят только молением. После обедни имел я долго с князем разговор и не могу нахвалиться его ласкою и, могу сказать, попечением обо мне и о моих представлениях. Он не успел еще доложить государю, но точно я уверен, что не успел и что приложит свое старание об успехе оных. Он повторил мне свое и всей публики удовольствие за скорый разнос писем и проч.

Между нами сказать, он также сказывал мне о деревне почт-директорской, которую Калинин, при императоре Павле еще, выпросил себе по смерть, хотя б и не был почт-директором. Князь хочет деревню возвратить мне как принадлежащую месту, а ему дать в вознаграждение аренду; также намерен выпросить мне что-нибудь на переезд и устройство здесь. Я тем более всему этому рад, что не дозволил себе ни о деревне, ни о деньгах сказать слово кому бы то ни было, как ни необходимо для меня такое пособие и как ни разорительно новое здесь обзаведение.

Все говорят здесь о маскараде Голицына, куда я был также зван, но не мог ехать. Кологривов, между прочим, был маскирован Наполеоном, в его мундире, маска была сделана с его бюста, и он прекрасно умел перенять его турнюру и даже фразы. Вопросы точно делал те же, что и экс-император. Ему говорит какая-то барыня: «Как ваше величество, должно быть, разочарованы оказаться в ссылке после такого возвышения». Ответ: «Что вы хотите, от высокого до смешного один шаг». Некоторые даже испугались его. Потом пошел он играть в кребс и платил наполеонами. Одним словом, говорят, прекрасно сыграл свою роль. Он пресмешной и большой забавник.

Александр. Москва, 28 января 1820 года

Вчера было рождение княгини Хованской, много было гостей. Князь уверял, что Гурьев имел удар. А я вынул письмо твое и читал, что ты 23-го числа играл в вист с Нессельроде, который бы, верно, знал о несчастий сем. Выйдет, что это московская врака, а Гурьеву долго жить, по приметам простолюдинов. Меня тоже ведь похоронили, а как пришли мои письма, то стали уверять, что это ты подписался под мою руку, чтобы успокоить Наташу. Все приберут!

Я Ванишино [то есть графа Ивана Илларионовича Воронцова-Дашкова] мастерство на бильярде знаю: был свидетелем, как он во Франкфурте во все игры обыгрывал

Бетмана. Как я доволен знать тебя окруженным столькими друзьями! Поработав, какая отрада с ними отдыхать и делить время. Вместо портретов у тебя сами оригиналы. Вот и Жуковский подъехал. Поцелуй его за меня: пусть пьет в мою голову из стакана и кувшинчиков, ежели Журавчик их уже не опорожнил. Я сделал ящик и отправляю тебе Изабеев портрет [портрет, написанный известным художником Изабе]; с прочими не послал, боялся, чтобы его не испортили; тут будет и рожа Потье, перед камином сидящая. Я желаю окружить тебя вещами, напоминающими тебе брата; буду посылать понемногу мелочи.

Я никогда не сомневался, что все пойдет хорошо в Петербурге и что заслужишь внимание государя, хорошее расположение князя и благодарность публики.

И у нас, брат, холодно очень. Майков [директор Московского театра] один уверяет, что 12 градусов. Бедные актеры говорят, что 25, а кучера и форейторы – что 33.

И здесь балам нет конца; все дни взяты до первой недели, а Исленьевы чуть не плачут, что не могут дать бала; а помнишь, в наше время бывало так по два и три бала в один день. Я об этом времени говорю теперь, как французы об Аустерлицком сражении. Прошло то время! Я жену уговариваю немного пуститься; хочется показать славности, которые я ей привез из Парижа. Признаться, наши дамы очень, очень позади от француженок; гадко на них смотреть: не щеголеваты и даже неопрятны, а ежели чисто и хорошо, или богато, то не к лицу, а это главное.

Кланяйся князю Федору Голицыну от меня. Вот весельчак! По его милости в Карлсбаде было очень весело. Да уж, молодцы русские! Он, бывало, говаривал немцам: знай наших! Ежели увидишь ты у князя Петра Михайловича Волконского адъютанта его, Евгения Андреевича Реада, обласкай его и поблагодари за меня: он истинно братски со мной обошелся во Франценсбрунне, не отходил от меня и даже отдал мне свой теплый халат. Храбрый и добрый малый.

Юсупов повесил нос. Славное Архангельское сгорело от неосторожности людей, а другие говорят – от скупости, потому что для убережения картин, а более дров, велено было топить галерею стружками, а от стружек до пепла долго ли? Картины и библиотека только частью спасены; первые вырезывали из рамок, кидали из окон, а книги будут депареллированы. У славной группы Кановы «Амур и Психея» разбиты ноги и руки. Вот тебе и производство в антики.

Александр. Москва, 29 января 1820 года

Жуковского обними за меня. Мало знаю людей, кои бы так были мне по душе, как он, и знакомство наше испеклось в одном горниле с дружбою вдруг. Пусть пьет в мою голову! Наташа все хлопочет о Блюхере; он уже вышит совсем и удался, но все толкует, как его оправить получше, а между тем я тебе посылаю парижский подсвечник: это первый, который при мне вышел; мы гуляли с Шредером, зашли к мадам Жиру на Кок-Оноре и купили его там.

Константин. Петербург, 31 января 1820 года

Жаль мне очень, что жена затеряла мое письмо, где речь была об аудиенции. Вот, милый брат, в чем она состояла и что единственно для себя сохрани, ибо не нужно никому сего знать. Я почитаю величайшим благополучием для себя милостивое расположение государя, но хвастаться было бы непростительно; да ты увидишь, что вообще всего и говорить нельзя. Когда я к нему вошел, он меня поцеловал, взял за руку и начал тем, что очень рад меня видеть здесь и что мое новое служение приближает меня к нему, что он чрезвычайно доволен мною, и очень меня благодарил за Московский почтамт, за устройство и порядок, в каковом я его содержал, что все ему известно и что он надеется, что я и здесь заслужу от него такую же благодарность, приведя и сей почтамт в такое же совершенство; намекнул также, что он не очень здешним доволен. Спрашивал, не расстраивает ли меня переезд, чтобы я ему чистосердечно сказал; потом спрашивал о жене, о тебе, о детях, одним словом, обо всем, что до меня касается и мне близко. Изволил говорить о своей ко мне доверенности. Я, право, уже и не знал, что ему отвечать. Только государь, должно быть, заметил, что я душевно был тронут. Вот тебе вкратце, что происходило; много еще сказано мне милостивого и любезного, чего я век не заслужу при всем моем усердии и желании. Подлинно ангел! Императрица Мария Федоровна приняла меня одного, сказывала, что ей известно, как меня все любили в Москве и как все обо мне сожалеют. Елизавета Алексеевна много изволила спрашивать о тебе; одним словом, я чрезвычайно милостиво был принят всей фамилией. Ну, мой милый, доволен ли ты? Верно, доволен. Ох, кабы батюшка был жив, порадовался бы! Всякий раз, что случается со мною что-нибудь приятное, это первая моя мысль, а вторая – что ты его у меня заменил и что сердечное примешь участие и радость мою разделишь.

Прочтя письмо Киселева, можно и исполнить его желание – иметь из батюшкиных бумаг то, что может ему быть полезно, то есть, все, что касается до Турции, до их армии, наших с ними

сношений и проч. Он пишет историю, и эти материалы очень ему нужны.

Сегодня мы все обедаем у старого молдавского товарища Боброва: Каподистрия, оба Воронцова, Фонтон; он живет славно. Нового здесь только, что старуха Анна Никитична Нарышкина, 95-летняя старуха, при смерти больна, и ежеминутно ждут ее кончины. У канцлера Румянцева [А.Н.Нарышкина была его теткой] экипажи готовы тотчас после выехать из Петербурга. Он так стал глух, что с ним говорить никак нельзя, а пишут на доске, что ему сказать хотят. Малиновский с неделю как здесь, но я его еще не видал. Нессельроде мне сказывал, что он был у него, заботится, как ему управиться с сенаторством и архивом вместе. В среду мы вместе обедаем у графа, а до тех пор постараюсь его увидеть. Оленина вчера нашел у Блоома, он не вырос, но и не состарился. Ну, брат, славный задал обед Блоом [долго бывший у нас датский посланник], дом убран прекрасно, народу человек за 50. Тут ко мне подошел Давыдов, флигель-адъютант, которого я совсем не узнал, много спрашивал о тебе, сказывал, что в Карлсбаде и даже Франкфурте (которого имени не могу и теперь еще равнодушно выговорить) он тебя много видел.

Александр. Москва, 31 января 1820 года

Поутру ездил с Закревским смотреть Волкова труды, Ланкастерскую школу в военно-сиротском отделении. После в зале приготовлен был великолепный завтрак; ну есть, ну пить! Очень было весело. Петруше Апраксину пришла мысль сделать сбор в пользу бедных солдатских детей, а я сказал Закревскому определить в сборщицы жену его; так и сделалось: Аграфена Федоровна пошла с тарелкою около стола и шуткою да набрала 800 рублей, что очень было приятно… После обеда песенки и пляски. Волков так развернулся, что подцепил Закревскую и ну вальсировать. Я приехал домой в два часа; ну какой уж теперь обед, посмотрел, как жена обедает, да пошел, покуривши, спать. В шесть часов оделся и поехал на свадьбу к Пушкиной. Мать, невеста, сестра выли немилосердно, как это водится, но после церемонии все развеселились, и как ни в чем не бывало. [Это была свадьба графини Софьи Алексеевны Мусиной-Пушкиной с князем Иваном Леонтьевичем Шаховским.]

Дав слово Закревскому быть к нему ввечеру непременно, я от Пушкиных поехал к нему. Он давал мне читать все бумаги, полученные им от Ермолова, который покорил еще область, населенную народом храбрым и наиболее нас ненавидящим; называет он их, кажется, акушинцами. Что за умница этот Ермолов и как он пишет хорошо! Кажется, партикулярное письмо

к приятелю, а хоть возьми и печатай без поправки. Известный чудак князь Мадатов тут отличился.

Александр. Москва, 2 февраля 1820 года

Меня сильно порадовал разговор твой с князем касательно деревни с денег на заведение; в этих случаях не должно церемониться, а говорить правду и описывать свое положение, как оно есть; другой так еще и увеличивает, да сам докучает, а тебе в рот кладут, так зачем избегать государевых милостей, когда оные заслуживаешь? Будь уверен, что это останется между нами. Ты знаешь, что я не болтлив; но я прошу тебя и впредь, когда случится тебе писать о чем-нибудь, требующем молчания, то прибавь слова «между нами», ибо часто случается, что вещь, которая мне кажется ничтожною, может, по неизвестному мне обстоятельству, пребывать тайной, и я невольно сделаю нескромность.

Знаешь ли, что мысль маскироваться Наполеоном не один раз приходила мне на ум, но здесь это выполнить трудно; а между тем в Москве рассказывают, что один гвардейский офицер, увидев Кологривова на лестнице, схватил его за ворот и закричал: «Вяжите его!» – думая, что коронованный колодник бежал с острова Елены. Довольно глупо это говорить, но еще глупее верить, как будто маску можно принять за лицо. Знаешь ли, что послезавтра будет у Татищевой в маскараде карета парою, с лакеем, кучером и господином?! Говорят, что над этим работают уже целый месяц. Вот какова наша Москва! Ежели увидишь князя Дмитрия Владимировича, скажи слово в пользу Обрескова, которому я не раз советовал быть в ладах с Шульгиным; ну где ему с ним тягаться? Мы видели, что и Тормасов с ним не мог сладить и сделался уж точно жертвою этой ссоры: она его упекла на тот свет. Шульгин клянется, что, как приедет князь, так и отставка выйдет, что это его столько же интересует, как и тебя, а Шафонский предупрежден. На подъем ежели и дадут тебе, то будет мало: ты знаешь, что министрам, едущим в Мадрид и в другие отдаленные места, дают по 10 тысяч и что тебе из Москвы в Петербург вряд ли дадут и половину; но надобно, чтобы столовые устроились.

Татищев напрасно теперь не едет сюда: он бы увидал, как его прелестная племянница Урусова танцует на балах, коих она украшение. В нее влюблен молодой богач и красавец Новосильцев, племянник Орловых; мать, которая его боготворит, сказала, как говорят, что ежели он через год не переменит своих мыслей, то позволяет ему жениться. Он адъютантом у Сакена.

Кланяйся Сергею Тургеневу. Бывало, Шредер все вооружался

против его либерализма, и у них вечные споры.

Закревский имел вчера предлинный со мною разговор. Я ему объяснялся как истинному другу обоих братьев. Все на одном помешаны, то есть, что мне должно было быть твоим заместителем здесь. Что Богу угодно, то и будет. Фавст, Чижик, Обресков и Осипов у меня ужинали вчера; мы поиграли в вист, были очень веселы за ужином. Я расшибся и дал им два кувшинчика зельцерского ликеру; так отбрили, что хоть бы Журавлеву да Тургеневу, и крошек не осталось. Натурально, речь была беспрестанно о тебе. Мы послали грамоту за общим подписанием просить Наташу быть, но она отвечала, что голова болит.

Сейчас получил я из Парижа от графа Ростопчина бюст его; очень схож, и я рад, что доехал в целости. Вообрази, на меня взвалили обузу: избрали меня директором Благородного собрания на твое место; я было отказывался, но подлинно – не стоит труда: скоро закроется Собрание, а там я уеду в деревню. Новые мои товарищи – Андрей Семенович Кологривов, губернатор и вице-губернатор, князь Андрей Гагарин, и я. Уже начали меня душить просьбами о билетах.

Каподистрии письмо самое дружеское; я его буду завтра благодарить, ибо чувствую цену письма от человека, толико делами озабоченного; тебе пришлю это письмо на прочтение, ибо о тебе говорено тут столько же, сколько обо мне. Какой добрый, почтенный человек! Мне приятно было видеть, как Ермолов его описывает в письме своем к Закревскому.

Константин. Петербург, 3 февраля 1820 года

В воскресенье мне князь Голицын сказывал о 6000 ассигнациями, кои мне назначены на подъем, и винился, что не мог еще доложить государю по моим запискам о подчиненных, которые с ним были накануне у доклада; но ему так сделалось дурно, что, не окончив оного, он должен был уехать, но что он непременно доложит. Зная его, я не сомневаюсь, что он сделает; дай Бог успеха! Я бы счастлив был оставить добрым сотоварищам памятник нашей службе. Также мне князь сказал, но это также между нами, что он писал Калинину, требуя от него сведения о деревне, и что тот отвечал, что она приносит до 12 тысяч; более он не успел мне сказать, только это доказывает, что он успел доложить государю и имеет согласие на его предложение возвратить деревню мне, а ему дать аренду соответственную.

Бедный Юсупов! Бедное Архангельское! Зачем он эдакое имя оставил? Архангелы ему, я думаю, не очень покровительствуют, ибо он, верно, часто возит туда своих мамзелей. Жаль мне его.

Это напоминает мне пожар Разумовского в Вене, где также отломили руку или ногу статуе Кановы. Прочее он может воротить при своем богатстве, а это трудно, ибо Канова уже стар, и на всю жизнь ему заказаны работы. 31-го числа часов в пять, после обеда, родила Воронцова дочь Катерину, и скоро, и благополучно. Я на другой день обедал у графа Михаила Семеновича, который в восхищении; все у них идет хорошо. Сегодня опять к нему собираюсь обедать, он меня просил всякий день, и, признаться, у него да у Каподистрии всех приятнее для меня обедать. У первого часто вижу Пушкина Валентиновича [графа Василия Валентиновича Мусина-Пушкина-Брюса], который тебя любит и тебе кланяется. Маскарад Нарышкина отменен, по болезни Анны Никитичны, которая еще не умерла, но безнадежна.

Бедный Воронцов недолго наслаждался счастьем быть отцом: дитя умерло уже. Сейчас был у меня князь Василий с печальным известием. Душевно мне жаль Воронцова, жену его, старика отца, к которому было писано.

Александр. Москва, 3 февраля 1820 года

Эк я заспался! Почти 12 часов. Вчера из маскарада графа Толстого воротился я в три часа. Это страшное распутство для меня, но нельзя было отказать неотступной просьбе Закревского. Я убрался с женою до ужина, бал продолжался до шести часов. Закревский веселит жену свою, но самому уже надоели эти балы. Он едет 8-го числа. Это посылаю с его фельдъегерем, а при сем и портрет, о коем я писал; теперь мы квиты за славный государев портрет Жерарда.

Вчера была смешная маска. Вошел в залу стог сена, стал посредине, а из него вдруг вышли четыре старика пресмешные во французских кафтанах. Наташа была очень хорошо одета, блеснула. Я не понимаю, как после семи родов быть еще так хорошей. Вот что делают парижский корсет, шляпка и платье!

Как скучно: сегодня надо ехать обедать к генералу князю Хованскому, который угощает Закревского, а ужо в Собрание. Пошли уже душить нового директора о билетах.

Константин. Петербург, 4 февраля 1820 года

Вчера вечером в 6 часов похоронили мы в Невском младенца. Пушкин, Ваниша, Лонгинов, Бенкендорф и я ездили туда и опустили ангела в землю. Бедный Воронцов чрезвычайно огорчен. Жене его прежде десяти дней не скажут; для здоровья ее как нельзя лучше. Ее уверили, что нельзя принести дитя, потому что в сенях холодно. Она согласилась ждать дней десять. Бедная мать!

Граф Бальмен, что в Сент-Элен, сделан флигель-адъютантом, женится на дочери тамошнего английского губернатора и там остается.

Александр. Москва, 10 февраля 1820 года

Волков сейчас от меня, в больших хлопотах: третьего дня была дуэль между Бакуниным, свитским офицером, и Сомовым, служащим в водяных коммуникациях. У Бакунина прострелена нога, и боятся, что придется пилить ногу. Секундантом был Гриша Корсаков. Это бесит Волкова, который должен был обо всем донести. Ты спросишь, за что дрались? Все вышло из пустяков. Сомов, бывши в Благородном собрании, изъявлял сожаление, что не был у Татищевой в маскараде; на это отвечает Бакунин: «Да ты бы мне сказал, я бы тебя представил Татищевой», – на что Сомов возразил: «Ты, брат, слишком молод сам, чтобы представлять других». Разошлись, пошли обедать. Бакунин одумался и после обеда дает пощечину Сомову, приняв в обиду слова его. Этот, также одумавшись, вызывает того на другой день на дуэль. О Бакунине не жалеют; говорят, что он уже раз пять дрался и, что называется, бретер. Закревский говорит, что следовало бы всех дравшихся и секундантов тотчас арестовать. Волков не может, конечно, предупредить беспорядки, кои происходят даже в Петербурге, под глазами императора; но все ему досадно, что эта мода хочет заводиться и здесь. Совершенная напасть проклятые эти дуэли!

Вот тебе на! Является надоедала Метакса. Он мне дал выписку из письма Мазаровича, который ему пишет то же, что тебе; мы это, однако же, напечатаем в московских газетах.

Я все сомневался, чтобы у тебя был такой прекрасный кабинет, как здесь. По описанию тревоги, воспоследовавшей от нерадения живописцев и людей, вижу, что у тебя сделалось было повторение юсуповской беды в Архангельском; пожар там имел тот же самый повод, только что топлено было стружками. Страхов уже писал, и все устроено у нас. Татищева, у которой был маскарад, нам незнакома; это жена Алексея, брата Ростислава Евграфовича, одна дочь уже за Савеловым, племянником Дмитрия Александровича Гурьева. Этот Савелов вдруг приехал потихоньку из деревни, явился маскированный к теще, танцуя польский с нею, убедил ее идти в последнюю комнату, говоря, что должен ей сообщить тайну без свидетелей. Долго не соглашалась, наконец пошла; он снял маску, и она узнала зятя своего. Ту же фарсу сделал он и с женой своею.

Представь себе, что есть люди, которые и директорству моему завидуют; этот же Обресков говорит: «Ну, брат, повезло

тебе». А я отвечаю: «Да того и гляди, что повезло меня в Белоруссию». У нас оборонительная лига против Юсупова[171], как некогда бывало против Людовика XIV. Жаль только то, что Кашкин просится в принцы, а Башилов – в Мальбруки! С такими соперниками наш расслабленный завоеватель сладит легко.

Александр. Москва, 17 февраля 1820 года

Сегодня ровно два месяца, как ты отправился в Петербург; сию минуту (семь часов утра) и Марица пустилась в путь, любезнейший брат. Признаться, я не думал, что она встанет так рано; в пять часов меня разбудили, сани уже были заложены, я тотчас оделся и поехал в почтамт. Хотя экипажи были уже заложены и все с вечера уложено, однако же дотянулись сборы до семи часов. Я первый приехал; виноват, Мельников был уже тут, потом явился Рушковский с растрепанной головою, Попандопуло с завязанной щекою и почтенная наша тетушка. Дали детям позавтракать. Между тем являлись беспрестанно присылки

разных лакомств на дорогу, так что ежели бы все взять с собою, то очень было бы обидно для трактирщиков по Петербургскому тракту. Детская набита была людьми, приходившими прощаться с няньками, кои, по русскому обыкновению, натурально выли и не жалели слез, а глядя на них, и дети. Саша, весь обшитый во фланель, расхаживал тут с твердым духом, повторяя: «Пора ехать!» – а Соня говорит, что едет в Пубух к папе. Марица, дети здоровы, слава Богу; время хорошо, Клим выздоровел от своей простуды. Поездка начинается благополучно. Ежели будут вставать всякий день так рано, то на шестой день могут попасть в Петербург. Я полагаю, что, по худым дорогам до Твери, успеют ночевать только в Клину, но и это будет хорошо; впрочем, нагнано много людей для починки дороги, ибо сегодня выезжает Голицын [новый московский главнокомандующий князь Дмитрий Владимирович, преемник Тормасова] из Петербурга. Я очень рад, что Волков, краса почтальонов, едет с нашими. Повозки, признаться, тяжелы, но нечего делать. Столько хороших лошадей только что сдвинули с места, но как оботрутся полозья, то легче поедут.

Вчера был у меня прощальный ужин для Марицы, мы пили шампанское, для счастливого свершения дороги. Были все Голицыны, все наши, Фавст с женою, Обресковы, мой Небольсин, Осипов, Лунин, Попандопуло, «Рад стараться», Попов; вдруг явился очень кстати только что приехавший Керестури. Он нам описал дом твой волшебным замком; говорит, что все отделано со вкусом, что дом покоен, тепл, велик. Это весьма приятно – обитать в таком доме. Саччи тотчас начал его расспрашивать о

твоих бильярдных играх, но при Керестури бильярд не был еще поставлен. Сестрам [то есть единоутробным сестрам Шумлянским] дал я наставление, коим дали мне обещание сообразоваться; поверь, что они тебя душевно любят, да были бы иначе извергами. Для тебя все это некоторое бремя, от которого бы я охотно тебя избавил, ежели бы не ехал в деревню. Ежели представится, паче чаяния, другой жених, каков был Полетика, то надобно Лизаньку отдать замуж, и даже употребить власть старших братьев, чтобы ее к тому склонить.

Здесь слух носится о болезни нового короля английского. Он, говорят, с радости, что променял шляпу на корону, так повеселел, что напился пьян, отчего причинялось воспаление в желудке; но, кажется, давно бы пора быть этому воспалению, ежели причина та только.

Потоцкую [сестру княгини Елизаветы Ксаверьевны Воронцовой, графиню Екатерину Ксаверьевну, вскоре умершую] чрезвычайно все хвалят; я, ее не зная, очень желаю, чтобы она выздоровела, для нее лично и для Воронцовых.

Вечер вчерашний провел я очень приятно с Фавстом у Волкова. Он был дежурным в собрании, но скоро оттуда приехал, ибо было только 200 печальных посетителей, которых утешал печальный юсуповский оркестр. Об ***, старом хрыче, рассказывают следующий анекдот. Он говел, играет в карты; докладывают, что пришел священник. – «Пусть взойдет!» – Входит. – *** говорит ему: «Ты, батюшка, пришел меня исповедовать; вот тебе десять рублей, а грехи те же, как и прошлого году; в котором часу завтра причащаться?» Экий негодный старичишка! Попу следовало бросить ему деньги в лицо и уйти. Как после этого иметь почтение к старости, когда старики развращеннее молодых и гнусно себя ведут, и хуже всего, что *** рассказывает это сам.

Вот, сударь, отчет в моем поведении. Вчера ввечеру был я с Фавстом у Татищева, где очень весело провел вечер, играли Дмитрий и Сергей Павловичи, Урусов, Фавст и я в квин-дичи, моя дрянная пятирублевая кава одолела их, и я выиграл 115 рублей. Годится! Дмитрий Павлович опять много говорил о тебе; велено мне было все это слушать. Он мне сказал: «Ваш брат может обращаться на равных с Нессельроде и с Каподистрией, но он слишком умен, чтобы так поступать. Перед ним открывается прекрасная карьера, он выслужит и себе, и вам». Татищев собирается передать мне свои неаполитанские и сицилийские архивы, и мне приятно будет все перечитать; почти все там – моих рук дело.

Константин. Петербург, 20 февраля 1820 года

Дошло ли до вас известие из Парижа об убийстве герцога Берри? Происшествие ужасное! Вот как его рассказывают. Весь двор был в Опере; при выходе человек один отталкивает особу, которая шла возле герцога, берет его самого за ворот и вонзает в грудь род острого шила, на конце изогнутого. Его схватывают; он спокойно говорит, что он служил конюхом у Наполеона, был с ним на острове Эльба, потом в Ватерлоо, долго после того оставался без места и наконец получил то же, что прежде имел, при конюшне королевской; что он давно положил истребить Бурбонское племя, что не мог достигнуть короля, который всегда хорошо окружен, и решился убить герцога Берри, чтоб по крайней мере не было более детей от этого рода. Между тем искали дать помощь. Доктора объявили ему самому, что железа нельзя вынуть, ибо вместе с тем он тотчас лишится жизни; тогда герцог велел его не трогать, исполнил долг христианский, устроил кое-какие дела, просил короля простить убийце и наконец сказал: «Я все окончил, мне более нет нужды жить», – с сими словами выдернул сам орудие смертное и умер.

Константин. Петербург, 21 февраля 1820 года

Да, брат, подлинно беда одна не приходит, и недаром турки говорят: счастливо то несчастие, которое одно приходит. Бедной Воронцовой готовится новый удар: сестра ее Потоцкая почти безнадежна, ей дают уже мускус, и доктора не скрывают более ее опасности. Тут всех жаль: во-первых, ее – женщина, прекрасная душою, умом и телом; жаль доброго мужа, который столько с нею счастлив; жаль сироту-дочь, жаль сестру, мать.

Константин. Петербург, 27 февраля 1820 года

В день службы по герцогу Берри или, лучше сказать, в самую службу в католической церкви некто Коломби, товарищ Зеа, упал мертвый. Во Франции бы тотчас сказали иные, что от преданности к покойному умер, а другие – что он был льстец. Также в тот день умер скоропостижно Лешерн, бывший где-то губернатором.

Тело Потоцкой везут сестры в Белую церковь; говорят, между тем, что старуха Браницкая умерла [слух неверный: графиня Александра Васильевна прожила еще 17 лет]. Я полагаю, что хорошо бы сделала: не узнала бы о смерти внучки, дочери и тайном браке сына, который женился на Потоцкой, урожденной Потоцкой, сестре Станислава. Вот тебе наши вести. Из приказов увидишь выговор Вельяшеву. В городе всякий день концерты, но я еще нигде не был, а сижу дома, вечером кое-кто у нас бывает,

вчера играли в вист, и так отдыхаю!

Утром возил я жену к Нессельродовой, тут же приехала и графиня Гурьева, обе ее очень обласкали. Оттуда заезжали к Разумовским, было уже поздно, не приняли, торопились одеваться, а после обеда обе прискакали к нам. Они так же милы, как были в Вене. Разумовский приехал сюда, чтобы устроить свои дела, и, между нами сказать, есть надежда, что устроятся; а без того бы он совершенно был без куска хлеба при 7000 душах, при долге 150 тыс. + 700 тыс. и 250 тыс. гульденов и при с лишком семидесяти годах. Теперь же ему останется проживать 130 или 140 тыс. в год. Великая новость: Деказ сделан герцогом, то есть дюком, и послан в Англию. Ришелье – президентом министерства, не будучи министром. Превосходная новость: сейчас прислали мне копию с указов, до Московского почтамта касающихся. Егор Львович привезет все это формально, я хочу, чтоб ты имел удовольствие объявить приватно каждому, что их ожидает. Бог меня благословил и доставил средство добрых моих сослуживцев утешить. Спасибо ангельскому нашему царю и доброму начальнику. Я уверен, мой милый друг, что и ты душевно порадуешься моему счастью.

Александр. Москва, 28 февраля 1820 года

Меня привел в недоумение Дмитрий Павлович, от которого я сейчас приехал. Он вошел во все подробности дел наших. Я ему говорил о намерениях моих; выслушав меня очень внимательно, сказал он мне почти следующее: «Напрасно вы беспокоитесь, в деревне вы растратитесь точно как в городе (с чем я не согласен вовсе). Уже давно мне пришла в голову мысль, которую мне очень хотелось бы осуществить». – «Что же?» – «Иметь вас со мною, выгода была бы обоюдной для обоих. Я попрошу вас к себе в советники посольства и обеспечу вам жалованье в 20 тысяч рублей. У меня большой дом, вы будете в нем избавлены от всяких расходов, выезд вам не нужен, воспитание ваших детей будет вам стоит много дешевле, чем здесь, так что вы сможете не трогать ваши доходы и употребить их на уплату оставшихся долгов, а три года пройдут быстро. Ежели я покину Испанию, вы меня там замените, по крайней мере, если не захотите последовать за мною при новом моем назначении, тогда у вас будет выбор». К сему прибавил все, что только могло бы меня обольстить. Я отвечал, что все это слишком важно, чтобы дать ответ тотчас, что надобно обдумать, а паче всего – с тобою посоветоваться; что ежели бы дело о Венской миссии, я бы мог скоро решиться, но что отдаленность Испании меня пугает. «Да кто знает, – сказал он, – не поедем ли мы однажды в Вену?» – и

проч.

Для меня тут более «против», чем «за», но я хочу знать, что ты о сем думаешь, и скажи мне также мысли на сей счет графа Каподистрии, кои я натурально сохраню для себя одного и для собственного определения. У Татищева большие способности, такой человек не сумеет оставаться в праздности, ему недоставало всегда только хорошего окружения. Смею полагать, что я был бы небесполезен и для него, и особливо для службы, а пребывание в мягком климате принесло бы мне пользу. Он особенно упирал на это соображение, чтобы принудить меня решиться, хотя я и не нахожу себя вполне ему подходящим. Можно повсюду устроиться, особливо когда тебе всего неполных 39 лет. Скажи, любезный брат, что ты об этом думаешь?

Здесь умер Александр Алексеевич Чесменский водяною в груди; это сын графа Алексея Григорьевича Орлова. Он от живой жены женился на Жеребцовой; первая жена спрятана, женитьба последняя не признана, он от грусти начал чахнуть, сделался как спичка и, наконец, умер, оставив весьма запутанные дела. Слава Богу, что детей нет (кажется, нет).

Александр. Москва, 29 февраля 1820 года

Хотя князя Голицына могу уже не почитать своим начальником, потому что просьба моя об отставке уже в Петербурге, однако же я к нему явился; не было дома, я дожидался. Приехав и увидев меня, он меня повел в кабинет, посадил возле себя и чрезвычайно милостиво разговаривал по крайней мере с час, вошел во все наши семейные подробности. Я ему сказал, что для меня было большим несчастьем оставить службу в то время, как император дает городу столь достойного начальника. «Я убежден, – отвечал он мне, – что мы бы с вами поладили. Граф Кочубей уже предупредил меня, что вы оставляете службу, и уверяю вас, после того, что вы мне рассказали, я могу только одобрить мотивы, которые вас к сему побуждают; впрочем, даже тут пришлось бы вас использовать иначе, и после вашего чина вас уже нельзя было бы смешать с каким-нибудь Загряжским и другими служащими, которые приписаны к моей канцелярии». Много говорил о Москве, о главных здешних лицах по службе, Волкове, Шульгине, о Шафонском, о жителях, службе, взятках.

Князю, кажется, все очень известно, и сведения его основательны. Говорил много о тебе, что ты уже всех в Петербурге привлек к себе; потом взялись за Каподистрию, которого он очень любит, о Полетике, о страшном злодействе, совершенном теперь в Париже, о французах и проч. Я замолвил

словечко об Обрескове; он отвечал: «Я могу вас уверить, что тем, кто хорошо служит императору, не придется в сем раскаиваться». С Шафонским обошелся он откровенно и благородно. Он ему объявил, что нов в должности своей, что многому должен будет учиться, что он полагается совершенно на его честность и на доброе имя, коим он, Шафонский, пользуется, что решение обыкновенных текущих дел отдает ему покуда на произвол, а которые важнее, о тех ему докладывать; что он ему предоставляет право распечатывать все пакеты на его имя, что он не упустит ничего, чтобы выпрашивать награждения сообразно трудам и ревности его, что сделает его известным самому государю и оснует счастие детей его; чтобы канцелярия была составлена из хороших людей, что не довольно, чтобы правитель канцелярии не брал, надобно, чтобы и прочие были бы чисты. Я уверен, что Шафонский оправдает ожидания князя, но, признаться, ответственность нешуточная. Какой человек не подвержен ошибкам? А князь хочет, чтобы он за все отвечал, взамен на неограниченную доверенность. Я уверен, впрочем, что

Шафонский не ударит лицом в грязь, а жалованья ему будет на первый случай, как князь мне сказал, 6000, при квартире. Это славно! Как-то князь будет ладить с Шульгиным? Этот, по злобе к Бибикову, не дал ему знать, как другим полицеймейстерам, чтобы явился к князю, и он князя видел только сегодня. Я полагаю, что Бибикову несдобровать, ибо знаю, что князь предложил одному военному место полицеймейстера в Москве; кого же сбыть? Я полагаю, что Бибикова.

После долгой конференции приехал домой, разделся, оделся во фрак и поехал в российский трактир, где все уже сидели за столом; но извинили меня. Обедало нас 12 человек, 13-й, Фавст, изменил; были: два Татищевых, Юсупов, Степан Степанович Апраксин, Урусов, Власов, князь Андрей Петрович Оболенский, Боголюбов, Масальский, Долгоруков блудный сын, князь Сергей Гагарин и я. Обед славный, но не моего рода: все одна рыба. Всякий привез свое вино, из этого вышло страшное смешение вин. Я мало и ел, а было весело, много болтали. Юсупов все свои старые обыкновенные анекдоты повторял. Там покурили трубочки, а там и по домам.

Как они все вытаращили глаза, когда я им рассказал об ужасном и несчастном конце герцога Беррийского! А Масальский, который подал в отставку и едет в чужие края, уже раздумывает, как бы остаться в Сенате и не ехать из России; все твердит: «О, теперь истребления начнутся повсюду, но ведь нам здесь бояться нечего, не правда ли?»

Князь Дмитрий Владимирович сказывал, что поедет в

Собрание, то есть в концерт; ну и я пущусь, коли так. В Собрании было с лишком 500 человек, и натурально князь Дмитрий Владимирович обращал на себя всеобщее внимание; иные, как здесь водится, без всякого стыда забегали и смотрели ему в глаза, как смотрят на шкуру человека, покрытого чешуею и которого мы тогда отыскивали в Бюфоне. Выслушав довольно дурное пение какой-то мамзели и какого мусье (оба, кажется, немцы, и я не мог никак с Дмитрием Павловичем добраться, на каком они языке пели), поехал я с Волковым к нему; там был фамильный рублевый вист.

Софья Александровна [супруга Александра Александровича Волкова, дочь Марьи Ивановны Корсаковой] очень тебя благодарит за табак прекрасный и говорит, что этого ей на шесть месяцев. «Ежели точно это так, – отвечал я, – то брат берется быть вашим табачным поставщиком».

У меня не идет из головы ужасный конец бедного герцога Беррийского; кажется, передо мною! Давно ли я его видел! Экие злодеи! Это будет иметь большое влияние и на дела. Теперь король убедится, что не следовало миловать бонапартистов и что французов должно содержать сурово. Ненависть роялистов еще более увеличится, и смерть принца этого несчастного будет служить поводом к всеобщему гонению всего того, что не их партии; ни они, ни либералисты не стоят алтына, все жадны к почестям и алчут богатства. Видел я вблизи славных этих патриотов! Заметил ли ты, что либералисты вызывают на поприще своих и грозят всем Бурбонам той же участью, которая постигла принца убиенного? Им бы только иметь раздоры, да было бы, о чем говорить. Экий народ! Я ожидаю графское [то есть от графа Ростопчина из Парижа] письмо, а то, которое для Ревиера, я тебе возвратил. Теперь принуждены будут сближаться с Орлеанскою отраслию, у которой много детей мужского поколения.

Я сам думаю, любезный брат, что лучше бы тебе получать деньгами и не затрудняться управлением деревни, ежели отберут ее от Калинина. 270 душ на пашне, ежели земли довольно, могут быть и гораздо более 12 тысяч в год. Заводить это трудно, а как есть, уже то хорошо. Ежели будут проситься на оброк, не пускай, ибо наживешь хлопот и беспрестанные недоимки. Оставь на старом положении. Управляющим не затрудняйся; ежели все устроено, то и староста может наблюдать, чтобы полевые работы отправлялись, как должно. Слышу от всех, что твой дом игрушка; а сказывал мне правитель канцелярии Александра Дмитриевича Балашова Соковнин, бывший у тебя, что есть и прекрасная домовая церковь; ты об этом забыл написать.

Вечер провел я у Дмитрия Павловича, с которым еще довольно наговориться не могу. Вся эта семья Урусовых премилая, все это пляшет и резвится; вторая дочь, Софья, совершенная красота, еще лучше старшей, такая же высокая и ловкая, но свежесть удивительная. Весело смотреть на согласие, которое царствует в этой семье, и как все стараются угождать новоприезжему дядюшке.

Александр. Москва, 2 марта 1820 года

Вчера день был взбалмошный: никуда не поспел и занят был обедом, который давал я Дмитрию Павловичу. Хотелось отличиться. Он меня кормил и поил, и квартировал четыре года как брата или сына, поэтому хотелось ему заплатить, сколько сил стало. И подлинно, обед и вина были славные. Нас было: оба Татищева, Урусов, Обресков, Чижик (ну уж покушал!), тесть, Соковнин, Метакса; а Волков и Фавст, по несчастью, были отозваны прежде. Мы праздновали в одно время Катенькино рождение. Эк время летит! Уж и этой крошке 9 лет!

Вчера был я на дурном и скучном обеде у Юсупова, который угощал нового главнокомандующего и Татищева; этот признался, что Юсупову должно бы у меня поучиться, как хорошо угостить. Нашлась бутылка венгерского батюшкинова; лучший повод был найти оказию выпить его. Чижик хватил три рюмки и был в кураже.

Александр. Москва, 3 марта 1820 года

Вчера был для меня день самый благодатный, любезный брат. Письмо твое, № 36, несказанно меня обрадовало бесподобными своими начинками: ты не мог мне доставить большего удовольствия, как дав сладкое сердцу препоручение объявить почтамтским о выпрошенных тобою милостях. Сроду я так скоро не одевался, как в тот день, и тотчас побежал в почтамт. К первому пошел Трескину; радость его была написана на лице. Я ему заметил, что лестно быть предметом особенного именного указа и не быть смешанным с прочими, получившими пенсионы. «Да, – отвечал он, – это, конечно, удваивает милость царскую; но что сказать нам о нашем благодетеле? Нет слов, Бог ему все воздаст!» Я всем сказал, чтобы радость уже была совершенная, что ты получил столовые, и все крестятся и поздравляют меня. Минут десять спустя весь коридор был полон: все меня поджидали, и все меня поздравляли за тебя.

Потом пошел к Калембетам. Касиана я расцеловал; этого и брата его я еще с большим удовольствием поздравлял; они чрезвычайно довольны, но указ им был известен через Серапина.

Тут нашло множество людей, и я прочел им сообщение в Капитул об орденах разным чиновникам и о 30 тысячах для раздачи между бедными почтамтскими чиновниками. Это такая была картина, которую описать тебе нельзя. Кто крестится, кто плачет, кто стоит как вкопанный, кто тотчас бежит вон, чтобы товарища поскорее обрадовать. Теперь, идя в кабинет, нашел я Макарова, который со страхом спросил меня, правда ли, что и ему крест, что он верить в почтамте не хотел слуху этому. Я ему прочел сообщение в Капитул, и он вне себя от радости. Кажется, чем старее человек, тем более наружные отличия его радуют. Уж благодарил, благодарил, хвалил тебя и говорил, что одно только твердят в почтамте, что одно у всех желание, – но я тебе этого не скажу: они хотят несбыточное. Впрочем, никто в свете тебя заменить не может, любезный брат. Ну уж день, буду я его помнить, тебе премного спасибо! Кстати сказать, я рассудил, что нехорошо бы было всем сказать мимо Рушковского. Я к нему зашел после и, войдя, сказал: «Я пришел сообщить вам новость, которая доставит вам большое удовольствие, ибо это касается семьи вашей, ваших новых детей». – «Что же такое?» – «Награды для многих здешних почтамтских служащих». Он весь переменился в лице, повторяя: «Посмотрим-по-смотрим!» Первое слово о Трескине было. «Хорошо! Стало быть, он более получает теперь, нежели я, бывши помощником почт-директорским. Хорошо, очень хорошо!» Ну скажи, брат, должно ли это было быть первое его восклицание? И может ли человек, столь любящий свои выгоды, пожертвовать своими доходами? Как думать только о себе? Как будто хотел делать тебе упрек и сказать: «Вот мне не выпросил братец никакую прибавку, как мы служили вместе». Неблагодарный! А чин? А крест? А хорошая рекомендация? Экий пострел! Его очень поразили все эти милости, и у него сорвалось с языка сказать: «Ну что же мне теперь делать остается? Братец отнял у меня все средства, он наградил всех на долгое время; мне нечего будет делать. Как будут они служить? Тово-то евто?»

Я его уверил, что добро всегда можно делать, когда есть охота, и поместил тут все то, что ты мне писал в № 3, то есть, что, живя столь скромно, не имея семьи, он может доходы свои обратить на делание добра великому числу неимущих, коими почтамт наполнен. На это сказал он: «Вот и об них подумал Константин Яковлевич, и им 30 тысяч, так на что им еще давать?» Я ему доказал, что 30 тысяч – не много, что и 100 тысяч разошлись бы легко, что все это вещь единовременная, а ежели бы превратилась в годовую милость, то тогда для бедных почтамт был бы царство небесное. Но он этого или не понимал, или понимать не хотел и переменил разговор. Сколько я заметил,

пенсионы были ему не по душе, а выбор чиновников к крестам он одобрял, также, кажется, сожалея, что не предоставлено ему награждение Кривошапкина; он мямкал: «Нечего делать, нечего. Для статского советника надобно экзамен, тово-то; без экзамена нельзя, тово-то, чин дать, да и крест этот-то, Владимира на шею, вот евто-то, не дадут».

При сей верной оказии я ему дал предлинный урок, сказав: «По существу, брата моего здесь так обожали, что ежели кто дерзнул бы возвысить голос против него, то дал бы о себе самом весьма неблагоприятное впечатление, вызвал бы к себе всеобщую ненависть и даже… (он тотчас прервал: «…рисковал бы составить о себе дурное мнение в Петербурге»), ибо, в конце концов, и его величество, и князь, и департамент, и все любят, почитают и уважают Константина Яковлевича». – «А как же иначе поступать?» – «Тем лучше, – отвечал я, – что добрые любят его по склонности и признательности, а злые любят его по расчету, ибо мой брат делает добро даже своим врагам и недоброжелателям». Одним словом, я говорил с ним более часа, и все это происходило при Лукьяне и Рудине, которые туда пришли после. Списать я не дал никому указов, хотя Трескин меня и просил дать списать. Я сказал, что Кривошапкин все везет вслед за письмом твоим. Вот тебе сокращенное описание прекраснейшего этого дня, для тебя, для меня и для почтамтских! Это великое благополучие – быть так любимым, как ты. А вся эта любовь их обращается на меня. Я их люблю душевно, ибо тут много честных и способных людей, знающих эту службу и привыкших к ней.

Итак, тебе 12 тысяч столовых! Слава Богу, это славно; не надобно забывать, что сенаторам дается столовых только 3 тысячи; ты избавишься от хлопот управления деревнею, и это хорошо, или обещаешься экономничать, и это хорошо. Теперь дом твой оживился, и ты более будешь дома, пойдет бильярдная война и вист, а тут и курение. Поздравляю и с 20 почтальонами, от этого все пойдет живее; вообще, вступление твое в Петербург ознаменовывается славностями, да и впредь, кроме хорошего, нечего ожидать. Ниже в письме ты говоришь, что тебе возвращается деревня. Так ли? А я думал, что тебе будут производить по 12 тысяч; но и то, и другое хорошо.

Вчера был я у Боргондио; она, кажется, добрая бабенка, без церемоний и прихотей. У нас большие толки. Она предлагает петь в Собрании, с тем чтобы мы роздали 1000 билетов по 10 рублей, за что на следующий вторник будет петь в Собрании бесплатно для членов. Положено быть собранию в субботу, чтобы об этом толковать, а завтра званы мы обедать с Татищевым к Юсупову, тут будет и Боргондио. Татищев все откладывает ехать:

дорога адская. Представь себе, что граф Петр Александрович Толстой, ехавший в свой корпус, дотащился в двое суток только до Серпухова, и по физической невозможности следовать далее, бросил там повозки и вчера воротился на перекладных в Москву. Дмитрий Павлович всякий день все говорит про сделанное мне предложение, о коем я тебе писал. Я сказал, что отдаленность Испании пугает мою жену, что я тебе писал и ожидаю твоего мнения.

Здесь все обеды да обеды для нового начальника. В воскресенье был у Юсупова, в понедельник – у князя Николая Щербатова, во вторник – у Петра Михайловича Лунина, сегодня – у Власова, в пятницу – у нашего дорогого Черткова, которому не мог я отказать.

Александр. Москва, 4 марта 1820 года

Я сейчас только с обеда от Юсупова; нас было восемь человек; Боргондио с капельмейстером пела после обеда. Голос прекрасный и прекрасная метода, чем простее поет, тем приятнее ее пение; но я себе издавна дал слово никогда не судить с одного раза: послушаем еще. Юсупов был нахмурен: у него умирает сынок трех лет от зубов, и теперь был консилиум у него.

Александр. Москва, 5 марта 1820 года

Воля твоя, не верю твоим обещаниям не делать долгов. Старая привычка! Подумай сам, что ты здесь убухал. Право, стыдно будет, с твоими прекрасными доходами, не сводить концы с концами. Ну куда бы ты девался, ежели бы не попал на сии единственные в России места, доставляющие столь большие оклады и выгоды квартир и дров? Я верю желанию твоему, но сомневаюсь в исполнении, а на тестя своего ты никак не считай: имея страшные долги и платя по 18 процентов, развязка не может быть иная, как нищета.

Газеты страх как теперь любопытны по заключающимся в них подробностям. Алексей Михайлович Пушкин, выходя из Английского клуба, где проиграл четыре роббера, встречается на лестнице не помню с кем-то; тот ему говорит: «Слышал ты?» – «Что?» – «Как что, ты не знаешь? Убит дюк де Берри!» – «Ну черт его дери!» – отвечает проигравшийся и садится в сани. А у вас так умирают скоропостижно от известия этого. Василий Львович так был поражен, что опять болен подагрою, а Кристин был двое суток как помешанный и все смешивал Ангиенского с Берри. Жаль бедную Браницкую; но ты писал о сем как о слухе, только ходящем по городу, авось-либо и неправда. Она в Карлсбаде не один раз мне говорила: «Скажи мне сын, кого хочет только, я пойду пешком к ней уговаривать ее идти за сына!» Я бы никогда

не вообразил себе, что дела Разумовского [князя Андрея Кирилловича, знаменитого любовника царственных особ] были в столь худом положении. Хорошо еще, что нет детей.

Константин. С.-Петербург, 6 марта 1820 года

Предложение Татищева слишком важно, чтоб тотчас на него отвечать, надобно подумать и посоветоваться; между тем оно, мне теперь уже кажется, имеет привлекательную одну наружность, но далеко от тех польз, кои предлагает Дмитрий Павлович как человек, желающий иметь тебя при себе. Разберем. Он тебе гарантирует 20 тысяч жалованья. Во-первых, в этом уже сомневаюсь; но, положим, и так, – тебе надобно будет употребить вперед жалованье трех лет на проезд с семейством и на обзаведение. Ну пойдешь ли ты на его хлебы и содержание с женой и детьми? Да я не знаю, без крайней нужды кто поставит себя в эдакое положение? «Ты можешь тогда не притрагиваться к своим доходам». Да где были эти доходы? Ты видел, что в шестимесячном твоем отсутствии в деревне все шло уже не так, как при тебе, а тогда б все расстроилось. «Воспитание детей твоих тебе обойдется дешевле». Конечно, на гитаре играть и плясать – дешево будет их учить; но известно, как далеко еще испанцы своим воспитанием отстали от прочих европейцев и что средств к воспитанию не имеют. Где брать учителей, кто поедет искать себе хлеба в Испании, где инквизиция? Правительство запрещает даже ввоз каких бы ни было иностранных газет; книг нельзя иметь, – что тут за учение!

«Три года быстро пролетят в спокойствии». Да кто поручится, что годы пробудут там покойны? Тогда как уйти? Куда? С чем? Дмитрий Павлович сам не был ли принужден жить несколько лет в Англии и разоряться? Это мне лучше многих известно.

Вот в таком положении был бы министр, что же бы бедный советник посольства? Да, впрочем, Татищев сам смотрит, как бы скорее вон из Мадрида. Между нами сказать, он было поговаривал здесь о Царьграде или другой миссии, но без успеха. Он точно должен воротиться в Испанию, но также очень может случиться, что оттуда вдруг его переведут в другое место; а после шести месяцев или года не сделают тебя министром, несмотря, что ты очень бы мог заступить это место, и, может быть, назначат поверенным в делах года на два, а там уже в министры, то есть вконец разоришься, ибо министра жалованье не дадут. Ну, а как дадут другого министра, – прощай, все выгоды, остаться, верно, не захочешь, – придется отправляться на свой счет домой.

Опять таскаться за Татищевым по всей Европе – не вижу ни цели, ни пользы, ни даже возможности, имея жену и детей.

Холостому это ничего, а женатому тяжело подыматься. Попасть, в конце концов, в Вену полагает он верхом блаженства. Я согласен, знаю Вену, люблю Вену; но опять скажу тебе, что холостому советнику посольства там прекрасно, женатому – несносно. Жена поверенного в делах ко двору не представляется и нигде не бывает, где двор. Непредставленная дама в Вене должна кинуться в общество дворянства второго класса или банкиров. Оно очень приятно, там женщины прелюбезные, но сказать себе: «Я должна ограничиться вторым обществом в столице», – Наташе, которая по всему имеет право и все, что нужно, чтобы быть в первом, было бы для обоих вас больно. Это хорошо госпоже Отт. Анстет сколько ни старался, быв поверенным в делах, перейти эту линию, представить жену, но никак не мог, и она после все жила в деревне, ибо подлинно неприятно. Тут же соотечественники-вояжеры, кто бы ни были, только майорского чина (да даже и на это не смотрят), жены их представляются, бывают на дворцовых балах, а Наташа, хотя и не охотница до балов, принуждена бы была сидеть дома и, откровенно говоря, какую роль играть при посольше? Особливо еще и живя у нее в доме. Радушно принимать гостей, любезничать с дамами, с которыми связей иметь нельзя, которые бы обожали ее, если б она была путешественница, а тут все бы давали чувствовать, что она советница посольства. Я уверен, что Наташу все полюбят и отличат сразу; опять ведь Татищева [Юлия Александровна, урожденная Конопка, в первом браке Безобразова] будет беситься, потому что она не может ривализировать [соперничать] с Наташей ни умом, ни воспитанием, ни любезностью; а ты сам знаешь, как Татищев слаб. Опять бы, пришлось бросить Вену и все-таки ехать на своем коште домой, потеряв бог знает сколько времени и совершенно расстроив дела. Климат, не думаю, чтобы мадридский был хорош. Где бывают желтые лихорадки, страшная жара, там климат не может быть здоров.

«Татищев очень способный, такой человек не сможет пребывать в праздности». Согласен; но, видно, возле этих «больших способностей» есть и большие неудобства, ибо он, кроме обыкновенных и, можно сказать, маленьких миссий, никаких других не занимал, а были важные вакансии: Царьград, для России столько интересный, Вена, Берлин. Да сам Татищев хотел меняться с Паленом, когда тот был в Мюнхене. Испания для России, конечно, не важная миссия; какие у нас с нею дела? Протекция Татищева чиновникам – небольшой пользы, тем более, что, по несчастью, он всегда любил иметь при себе бог знает каких людей. Конечно, тебя знают, и, следовательно, ты бы сам себе был полезен, а не он тебе. Боголюбова причислили к

герольдии без просьбы, что доказывает, что очень нехорошее имеют понятие. Татищев приезжает сюда, у него останавливается, и всех это удивляет. Едет в Москву, берет его с собою, – опять удивляются.

Эк я намарал тебе рассуждений, а начал с того, что надобно подумать. Это все так сорвалось. Ведь дело идет о тебе; может ли что-нибудь для меня быть на свете важнее? Место министра через три года можешь ты получить, не делая всех пожертвований, сопряженных с предложением Татищева. Со всеобщим добрым о тебе мнением это будет нетрудно, а с устроенными делами и приятно, ибо одним жалованьем, как оно ни значительно, по существующей везде в чужих краях дороговизне жить нельзя: надобно прибавлять своего.

Если удастся, поговорю сегодня с Каподистрией и передам тебе его ответ.

Александр. Москва, 6 марта 1820 года

Славный задал обед Чертков новому градоначальнику. Жаль только, что досталось мне сидеть возле Петра Михайловича Лунина: кричит, говорит, толкает, есть не дает, все хулит, едва дышит, а обжирается, хотя продолжает истекать кровью; когда-нибудь да сидя за столом умрет, походит на тень. Я Ивану Васильевичу [то есть Черткову] сказал, что тебе нельзя было забыть Набокова; он тут же был, и хозяин меня с ним познакомил; кажется, тихий, дикий и хороший человек. После обеда Иван Иванович Дмитриев, взяв меня за руку, также подвел к Набокову, рекомендуя очень его. Я изъявил сожаление, что ты уже не в Москве, но что, при случае, ты, конечно, его не забудешь. Набоков очень доволен тобою и рассказывал Ивану Ивановичу, что, в короткое твое управление почтамтом здешним, ты ему дал 500 квартирных и 25 сажен дров, что Ключаревым дана ему была одна сажень, которую он, стыдясь принять, ему возвратил.

Ах, кстати! Вчера был у меня, или третьего дня, Павел Иванович Иванов, останкинский учитель, просил поместить его в канцелярию князя Дмитрия Владимировича. После обеда князь, пивши кофе, подошел ко мне, взял за руку и так ласково сказал: «Ну, что скажете, господин Булгаков?» – что я обрадовался и начал просить о Павле Ивановиче, сказав, что он бедный, но честный и способный человек. Князь спросил, есть ли вакансия. Я отвечал, что есть две. «В таком случае, – ответил князь, – я с удовольствием возьму его к себе, ему будет у меня хорошо, ибо жалованье служащих значительно увеличено; скажите вашему протеже представиться у Шафонского для устройства ко мне».

Сегодня придет Павел Иванович за ответом, и я очень рад,

что могу ему дать этот скорый и благоприятный ответ. Тесть мой, который слышал этот разговор, начал меня некстати расхваливать князю, уверяя его, что я бы не вышел отсюда, ежели бы знал, что он будет начальником, тогда как я князю сам объявил, что мне оставаться нельзя было, даже зная, что он будет назначен сюда. Чертков, слыша страшные похвалы, подошел спросить князя: «Кого это вы хвалите?» – «Зятя моего Булгакова». Тогда Иван Васильевич, оборотясь, сказал Голицыну: «Я вас уверяю, что за этих двух братьев весь город постоит; все вам скажут одно и то же». Ну, право, пристыдил, тем более, что вместо нас двух было тут, наконец, все собрание.

Наша переписка, как говорится, кипит. Экое блаженство! Знать подробно все, что с нами происходит! А ты знаешь даже, что со мною было ежедневно в чужих краях; бывало, Волков и Шредер не постигали моего терпения и исправности все записывать; но им Бог не дал брата (во всем пространстве слова), с которым бы все хотелось делить, особенно время, упражнения, досуги, ощущения и проч.

Воля твоя, Каталани чудесная певица, но она меня не пленила, а намедни Боргондио, взяв только три ноты, доставила мне великое удовольствие; струны ее идут к сердцу, и что простее она поет, то лучше это. Завтра будут у нас прения, дать ли ей и давать ли впредь залу нашу отличнейшим талантливым первого разбора; а то, пожалуй, станут требовать и театральные скрипачи.

С Мясным делают славные фарсы у князя Бориса (скажи это Меншикову): нарядили хорошенького мальчика в женское платье и влюбили в него или в нее Мясного, так что он четыре дня не давал отбою милой даме, целовал руки, играл ногою под столом, делал ей партию. Мистификация оказалась такой полной, что многие считают, что он это нарочно делает, чтобы забавлять дам.

Суббота

Я теперь из шумного Собрания. Дело шло, дать ли Боргондио нашу большую залу или нет. «Да как, да что, да полезет мужик с бородою (как будто их не бывало, даже в присутствии самого государя, который танцевал с женами бородачей; разумеется, мужик не пойдет, а купец), да загадят залу!» – и проч. и проч. Я сказал, что не вижу причины не дать залы, чтобы послушать отличный талант, что их бывает 10, положим, 20 в 100 лет, из них 3 могут быть в Москве. Зачем в пять лет не отдать один раз залы Каталанше, Роде и Боргондио, которая из благодарности готова петь в следующий вторник бесплатно для членов? Баллотировали, и в 54 шарах был один черный. Решено залу для отличнейших артистов в Европе отдавать с тем, что они будут

петь один раз для Собрания. Это будет служить правилом вперед, и все одобрили. Боргондио дадут 1000 билетов вниз по 10 рублей, а на хорах – 500 по 5 рублей. Я ездил объявить ей, и она в большом восхищении, ибо имела отвращение петь в театре.

Я просил Шаликова упомянуть о прибытии ее в московских газетах; прочти, какой он намарал панегирик, сравнивает с Каталаншею. Это родит во всех желание ее слышать, и у нас, верно, умножится число членов: общая выгода! Однако же положено, что, несмотря на вызов Боргондио петь даром, мы сделаем ей подарок, а Чертков предложил, кроме того, сделать для нее денежную подписку; тут же в минуту подписались на 1300, и, верно, накопится до 5000.

Александр. Москва, 8 марта 1820 года

Отзывы государя очень лестны, они должны тебя радовать и ободрять ревность твою. Вообще вступление твое в Петербурге славно. Кривошапкин говорит, что и департамент послал тебе депутацию, ты и там успел уже выходить им с лишком 30 тысяч на бедных чиновников; а Жулковский был довольно благороден, чтобы сказать всем, что тебе одному сим обязаны почтамтские. Ты писал не возобновлять билета в Английский клуб, а попал в члены общества иностранных купцов; это чуть не лучше ли? Я уверен, что чрез год и Петербургский почтамт не будет уступать здешнему. Нас довольно удивило, что там не было, да и нет еще, комнаты для присутствия.

Французы везде поспеют: уж мерзкий Лувель литографирован. Эка харя гадкая! Кто-то тебе это выслал? Спасибо за присылку этого изверга. Василию Львовичу буду бояться показать рожу эту, а то подагра подымется у него в горло, а может быть, и в мозг!

Константин. С.-Петербург, 9 марта 1820 года

Я был, по обыкновению, у обедни у князя Алекс. Николаевича, время было прекрасное, и я, отпустив карету, пошел по набережной пешком домой. У Зимнего дворца встретил я государя. Он подошел ко мне, взял меня за руку, велел мне надеть шляпу и довольно долго самым милостивым образом изволил со мною разговаривать. Спрашивал, привыкаю ли я к Петербургу; между прочим, вот его слова, которые истинно меня восхитили: «Ну, так довольны ли вы мною? Я сделал все, что вы пожелали!» (говоря о московских награждениях). – «Государь, я не знаю, как выразить вам мою признательность и как заслужить столько милостей». – «Продолжайте трудиться так же хорошо, как трудились прежде и как трудитесь теперь». Потом говорил о посторонних вещах, взял опять меня за руку и пошел, оставив меня живо тронутым столь милостивым обхождением. Никогда не в силах я буду заслужить все, что он мне благосклонного сказал; но, конечно, не пощажу никаких усилий, чтобы доказать ангельскому нашему государю, сколь душевно я ему предан и сколько чувствую его милости. Я уверен, что и ты со мною сердечно порадуешься. Я весьма чувствую, сколь лестно для меня эдакое приветствие, так сказать, публичное, ибо ты знаешь, что такое набережная в хороший день. Для меня это был прекраснейший день.

Отправив к тебе последнее письмо, поехал обедать с женою к доброму Каподистрии; сказал ему о предложении Татищева. Он в двух словах сказал: «Это безумие, которое ваш брат, надеюсь, совершать не подумает, ибо было бы оно непростительно, а если

бы я ему это присоветовал или, к тому же, поощрил, то перестал бы считаться ему другом. Для воспитания его детей Испания есть последняя страна, которую можно выбрать, и я мог бы столь же убедительно опровергнуть и все прочие преимущества, о коих говорит Татищев. Но, опять-таки, я убежден, что ваш брат и не подумает воспользоваться этим предложением».

Также говорил я вчера с Нессельроде. Тот спрыгнул: «Прежде всего, невозможно дать ему 20 тысяч рублей; а затем, если ваш брат и надумает ехать в Испанию, то придется ему взять 100 тысяч с собою, если он не хочет умереть с голоду в совершенно необустроенном доме да в стране, которая дороговизной превосходит все прочие. Мой совет, чтобы он устроил свои дела, а если затем захочет воспользоваться еще моим положением, или чтобы я употребил свое влияние, он может рассчитывать на то, что не останется без должности; но только, Бога ради, пусть не позволит себе соблазниться тем, что есть соблазнительного в речах Татищева. Да еще и неизвестно, вернется ли Татищев в Испанию». Вот тебе, между нами, мнение людей, которые истинно желают нам добра. В воскресенье жена представлялась императрицам. Мария Федоровна между прочим говорила ей обо мне: «Я весьма признательна вашему мужу за все услуги, которые он нам оказывает, прошу вас сказать ему об этом, прежде чем я отблагодарю его сама».

Александр. Москва, 11 марта 1820 года

Вчера Голицын турнул славно полицию: дал на башне, которая против его дома, сигнал пожара флагом, посмотрел на часы; через три минуты мясницкая пожарная команда явилась уже тут, на площади, другие две – через пять минут, а прочие – смотря по отдаленности, но не позже двенадцати минут. Он был очень доволен, да и подлинно, эта часть в совершенстве. Лошади – не лошади, а львы.

С Бибиковым имел он объяснение; тот подал в отставку, представлен на его место некто Белкин, коего хвалят.

Мысль твоя о заведении частных контор для приема писем не в одном почтовом дворе – прекрасная! Я именно, говоря с Иваном Ивановичем Дмитриевым о почтах, то же ему сказал; это особенное было бы благодеяние в городе столь обширном, какова Москва. Недурно бы и это завести, чтобы принимались письма всюду, во всякое или в назначенное время, во все дни, а то выходит, что по понедельникам и четвергам страшная теснота для отдачников писем в Петербург. Еще не худо бы было заставить платить за почту тех, которые письма получить должны, а не тех, которые их писали; а то часто люди письмо бросят, а

деньги пропивают. Конечно, найдут многие другие важнейшие неудобства; ты их со временем откроешь и искоренишь, а тебе будет за это публика благодарна, а себе сделаешь ты памятник на вечные времена. В государстве столь обширном, какова Россия, скорое сообщение, особенно посредством почт, есть вещь весьма важная; уж страшное расстояние есть зло великое, а ежели прибавить к этому еще другие затруднения, то еще хуже будет.

Ожидаю конец представления Марицы; конечно, государыни, которые столь милостивы, ее обласкают. Я желаю, чтобы она покороче познакомилась с Закревскою: она предобрая и без всяких претензий. Здесь это как-то не клеилось. Петербург их сблизит, а паче всего дружба, существующая между мужьями.

Доброму Каподистрии всегда говори обо мне; он, надеюсь, уверен в душевной преданности обоих братьев. Понимаю, брат, что Вейтбрехт тебе бремя более, чем другие; авось-либо соскучась, станет проситься в Москву. Ты здесь сделал привычку быть окруженному людьми счастливыми, довольными, с веселыми лицами, а тут вдруг этакий ипохондрик. Будет с тебя и прочих скук, авось-либо это и устроится как-нибудь.

Билеты Боргондио идут славно. Я роздал их до полутораста, Негри – 400, экономия Собрания – более 200, кроме того, что взято у нее самой. Нет сомнения, что все 1000 билетов вниз и 500 на хоры разберутся. Потемкин хотел, чтобы она прежде всего пела у него, и приготовил ей серьги в 5000 рублей, но она извинилась и не хотела петь нигде, прежде своего концерта. Князь Дмитрий Владимирович, который, кажется, большой охотник до итальянского пения, сказал ей, что он берет все билеты, которые у нее останутся. Он хочет выписать сюда Одесскую итальянскую оперу. Вот тебе и афиша; а ежели удастся концерт завтра, в чем не сомневаюсь, то хочется мне сделать маленькую статью, которую буду просить Пезаровиуса поместить в «Инвалиде». Ежели бы послушалась меня Боргондио и поехала бы сама домов в 20, которые я ей назначил, я уверен, что она собрала бы до 20 000 рублей; но она говорит, что это то же самое, что прикладывать пистолет к горлу.

Константин. С.-Петербург, 12 марта 1820 года

Вчера я обедал с Фонтоном у доброго Воронцова. Они все, слава Богу, стали покойнее и веселее. Сегодня должен я был обедать у Блоома, но Воронцов после обеда, не говоря мне ничего, написал к нему от моего имени извинительное письмо, а после взял с меня слово, что у него буду обедать. Так и быть!

Шкапы для книг поставлены, а в них уже и книги, что немало хлопот мне стоило. Семь больших шкапов из красного дерева

составляют один и могут стоять порознь, но они у меня в одной стене во всю длину кабинета. Голицын послал сестрам своим план нашего жилища, посмотри его у них. Кабинет мой теперь почти устроен, – пять больших столов, почти как был московский, и порядок заводится, как у Закревского. В углу диван, перед ним стол круглый, на котором книги и газеты, напротив его шкап (для меня драгоценный) с трубками. Все трубки приведены в порядок; сверх того, в кабинете три шкапа для бумаг и шифоньерка. Возле кабинета маленькая канцелярия, в коей пишет Серапин и через которую вход ко мне поутру для здешних чиновников и для всех, кто ко мне ходит за делом. С другой стороны – вход в бильярдную и далее в гостиные и проч. Бильярд хорошо поставлен, выкрашен, покрыт лаком, совсем имеет другой вид и освещен прекрасно. В потолке винт, и к винту прикреплена машина, как коромысло, которая вертится.

Был у меня Ланжерон, совсем не переменился и не постарел. «Боже мой, я совершил сальто-мортале, я женился. Здесь ли графиня Мамонова? Надеюсь, теперь, когда я уже не могу жениться на ней, она меня примет». Шутит себе, да и только. Он привез представление о Пилларе и за него много старается.

Александр. Москва, 12 марта 1820 года

Мы в восхищении от вчерашнего концерта. Последняя ария с хорами особенно всех пленила. Страшное было стечение слушателей: внизу 1246, да на хорах 500, всего 1746 особ, следовательно, сбор составил 15 960 рублей; нет, конечно, залы в Европе, которая по довольно умеренной цене 10 и 5 рублей могла в один вечер столько принести. Боргондио натурально очень довольна, но так оробела, увидев перед собою этот свет, что сначала не смела вдаваться в большие предприятия, но после ободрилась, да и накануне, ездя целый день по холоду, немного простудилась. Во вторник поет в Собрании, просится ко мне на вечер, желая возблагодарить за все мои старания о ней, но я бы желал этого избежать, ибо, все-таки, надобно будет подарить что-нибудь.

Константин. С.-Петербург, 14 марта 1820 года

Ну, сударь, был я у обедни. Князь мне сказал, что вчера он работал с государем, что государь поручил ему меня благодарить за то, как я служу, что он очень мною доволен, что он от самих купцов знает о всех переменах, какие я завел для удобства публики, и знает также, что ко мне была депутация от купечества, и проч. Князь два раза мне это повторил, прибавляя, сколько ему самому приятно было это слышать и приятно мне пересказать, и

кончил словами: «Император очень вами доволен». Вот, милый брат, и хорошая весточка. Государь согласился дать мне просимые 15 тыс. в год квартирных денег для чиновников, и это прекрасно. Сегодня я намерен тебе все давать приятные известия: Тургеневу, нашему доброму Тургеневу, пожалован орден Святого Владимира 2-й степени; кажется, уже и грамота подписана.

От князя я поехал к Нессельроде. Тот мне говорит: «Император сказал мне вчера, как он вами доволен, он как нельзя более восхвалял вас, рассказал мне обо всем, что вы делаете для блага службы, и обо всем, что до него доходит о вас со всех сторон. Он много расспрашивал меня о вас, о том, чем занимается ваша жена, довольны ли вы и хорошо ли вам здесь; одним словом, вы должны быть счастливы его мнением о вас». Ну, брат, уж я, право, не знаю, как заслужить столько милости.

Александр. Москва, 15 марта 1820 года

Не буду я никогда в состоянии описать тебе восхищение мое, читая встречу твою с государем на набережной. Чего бы не дал я, чтобы быть свидетелем оной! Я отсюда вижу, как все происходит. Как этого ангела не любить, тогда как все должно к тому побуждать! Да и не думаю, чтобы были подобные изверги. Есть ли земля счастливее, спокойнее нашей? Везде ужасы, налоги, бедность, непослушание, раздоры междоусобные, партии; мы ничего этого не знаем, живем себе припеваючи. Есть, конечно, некоторые злоупотребления, но земля населена не ангелами, а людьми, а люди подвержены страстям. То-то ты, я думаю, пообедал хорошо в тот день! Слова: «Ну как, доволен ли ты мною? Я сделал все, чего ты пожелал», – не выходят из моей головы, и это государь говорит своему подданному! Недаром называют государя в Вене великим волшебником. Письмо твое не только сделало меня надолго веселым, но, кажется, придало здоровья.

Сегодня обедал я у князя Михаила Петровича Голицына с князем Дмитрием Владимировичем Голицыным, было человек 12. Славный обед, славные вещи, славные картины. Видел я эту Корреджиеву «Богородицу», с ребенком Иисусом Христом, за которую он заплатил 80 тысяч. Необъятная цена! Картина хороша, но, право, не стоит этой цены. Саччи был тут и врал взапуски с Тончи. Саччи знал князя Дмитрия Владимировича мальчиком и некогда растолковал ему пассаж один из Горация. Князь ему это напомнил и вспомнил даже текст.

Концерт Боргондио в театре был прежалкий, но и она чудесница. В субботу объявила, что будет в воскресенье петь, ни к кому билетов на ложу не возила; правда и то, что по этим

дорогам 40 визитов в городе, как Москва, не объездишь в четыре дня, а она боялась еще простудиться и дурно петь во вторник у нас в Собрании. Она пела лучше намеднишнего, как будто нарочно. Последнюю арию заставили ее повторить, и она еще лучше пропела второй раз, ибо одобрение это ей очень польстило. К несчастью, еще было два съезда сегодня – у графа Потемкина и у Хомутова, поэтому весь бомонд сегодня разделился на две части, и никто в концерт не поехал. В четверг поет она у княгини Белосельской, а в пятницу едет в Петербург.

Константин. С.-Петербург, 16 марта 1820 года

Прочти № 11 «Сына Отечества» стр. 225. Волосы дыбом встанут, и все это правда. Мы тотчас послали разведать, и вышло, что нет прикраски и этот Ф.Б., то есть Людвиг фон Берникель, точно в самом ужасном положении. Вчера мне это прочитали у Жулковского. Придя домой, я тотчас начал собирать деньги; нужно было 500 руб. В четыре часа было у меня 600 руб., кои сегодня и посланы к несчастному, от неизвестных, через Жулковского. Если можно и в Москве что-нибудь собрать, так хорошо бы было. Можешь адресовать деньги к Гречу или прислать ко мне, если соберешь что-нибудь; тут всякое даяние благо. Радуюсь, что этот несчастный не будет более посажен в тюрьму. Каков же его заимодавец? Экий изверг!

Александр. Москва, 17 марта 1820 года

Концерт Боргондио в Собрании вторничный был славный; она все более и более нравится. После последней арии пошел я в ее комнату с князем Дмитрием Владимировичем, который очень ее уговаривает здесь остаться петь «Танкреда», но она спешит к вам. Мы написали ей похвальное письмо, за общим подписанием, при коем препроводили серьги в 2000 рублей. Она очень была довольна.

Вчера князь в концерте вдруг мне говорит: «У меня для вас дурное известие». Видя, что это меня сконфузило, он, взяв за руку, прибавил: «Дурное для меня: то есть граф Кочубей извещает меня, что вы получили свою отставку; я вам о сем напишу».

Константин. С.-Петербург, 19 марта 1820 года

Ну, сударь, в городе большая новость: высылка вовсе из России иезуитов. Сегодня, говорят, будет в «Conservateur» [«Conservateur Impartial» («Беспристрастный наблюдатель») – французская газета, которую издавал в С.-Петербурге аббат Манген, воспитатель С.С.Уварова, тогда попечителя С.-Петербургского учебного округа].

У Тургенева я видел Губарева, старого знакомого, и познакомился с поэтом Пушкиным, который сказывал свои стихи. Тут были Жуковский, Уваров и проч., и у Тургенева, по обыкновению, потчевание, то чаем, то пирогом страсбургским.

Александр. Москва, 21 марта 1820 года

Обедал у Татищева. Он по этой адской дороге приехал из Ростова в 22 часа; на зато брат его и слег от усталости. Мать от радости его видеть после 15-летнего отсутствия лишилась чувств; но это посещение, верно, продлит жизнь этой старушке. Я объявил Дмитрию Павловичу, что ехать с ним – дело несбыточное; он не мог сам не убедиться причинами, а еще главнейших не мог я ему и сказать.

Мне привезли славного теленочка из деревни; уж как Наташа тебя вспоминает: нет да нет! Так как я говеть буду на Страстной, то решились мы в воскресенье сделать у себя пир и расправиться с этим четвероногим молодцом. Звал Татищева и позову всех наших; буду просить Рушковского, который желает быть представлен Дмитрию Павловичу. Наташа твердит: «Все хорошо, а Константина нет! Как бы он поел!» Мне хочется послать тебе ломоть в письме.

Константин. С.-Петербург, 23 марта 1820 года

Новость. Король Испанский принял конституцию и по конституционному акту 1812 года созвал кортесы. Что на это скажет Дмитрий Павлович? Об этом известии мне сказал граф Каподистрия, следовательно, оно справедливо; теперь надобно знать, что он согласился ли только дать конституцию или принял таковую кортесов. Увидим. После этого, кажется, там все успокоится.

Константин. С.-Петербург, 24 марта 1820 года

Вчера (между нами) наши господа в доклад носили несколько предложений о награждениях, в числе коих наши добрые архивские товарищи; но было уже поздно, и отложено до субботы, а только господин Лев Яковлев произведен и, кажется, сделан сенатором. Я очень рад за него, теперь он успокоится, а не то очень огорчался, особливо сенаторством Малиновского. Я надеюсь также, что князь Петр Алексеевич Голицын, испанец у Биборинской на маскараде, сделан будет камер-юнкером, чего он очень желает.

В последнем номере «Сына Отечества» вызываются добрые люди на помощь старику надворному советнику Петрову. Я послал к нему 50 рублей стороной и велел узнать о нем короче.

Это тот самый старик Петров с большими бровями, что нас на руках носил в Царьграде, находясь при батюшке, и который после был при Каменском в Молдавии; в свое время большой был буффон. Съезжу к нему и постараюсь что-нибудь для него сделать. Он может быть очень стар, ибо в Бухаресте лет 10 тому назад был лет за 60.

Александр. Москва, 29 марта 1820 года

Мы сидим в субботу с Наташей, играем вдвоем в дамский пасьянс. Бьет одиннадцать часов. Карета – кто это? Тургеневы! Он очень смеялся, что ты его называешь «со звездою путешествующим», а я Вяземскому пишу, что Тургенев с неба звезды хватает и что Владимирскую уже подцепил. Они у нас обедают маленьким кружком во вторник. У матери-то тесно, негде; он остановился у Обер-Шальме, № 12. Александр все тот же, но более рассеян, чем когда-либо.

Испанская новость твоя важна. Королю следовало это сделать, вступая из заточения на престол, мужеством и любовию подданных ему приобретенный. Время упущено, теперь это слабость и принуждение. Он потеряет во мнении всех – и себе приверженных, и инсургентов. Я бы оставил, на его месте, престол молодой жене, поскакал бы в Кадикс, заступил бы место Фрейра, сел на коня, показался бы народу и войску, усмирил бы бунтовщиков, объявил бы всеобщее прощение, а после бы уже сказал: «Дети мои, для устранения на предбудущие времена всякой причины к раздору между нами, я созываю кортесы; давайте вместе разбирать, составимте конституцию, полезную для всех». Татищеву очень моя мысль понравилась. Он, впрочем, доволен мерою, взятой королем, хотя она и внушена ему страхом одним, то есть бунтами, начинавшимися и в Галиции. Дмитрий Павлович полагает, что всем будет польза от этого. Ненавистная более именем, нежели делом инквизиция, верно, уничтожится, страшные монастырские имения и доходы будут взяты в казну. Кто бы думал, что государственные доходы в Испании составляют 140, и церковные 180 миллионов в год! Теперь увидим мы в Испании (вероятно) в малом виде то, что происходит во Франции: чем более будет король уступать, тем более будут недовольные требовать.

Так, как здесь рассказывают дуэль Ланского с Анненковым, то последний гнусно поступил: Ланскому досталось стрелять первому, он выстрелил на воздух; тут Анненкову следовало бросить пистолет и поцеловать столь великодушного соперника, а он, вместо того, пять минут в него метился и положил наповал. Чего же смотрели секунданты? Их обязанность – именно

стараться, пользоваться всеми средствами, чтобы примирить ссорящихся. Графа Панина очень винят; уверяют даже, что он и поджег Анненкова. Я с трудом могу этому поверить.

Константин. С.-Петербург, 2 апреля 1820 года

Вчера хоронили Козодавлеву, а сегодня хоронят бедного Радди. Я не мог ехать вчера и, вероятно, не поеду сегодня отдать последний долг старому знакомому. Дай Боже обоим царство небесное!

Прилагаю манифест о разводе великого князя. Бывши в Варшаве, ты, верно, видел госпожу Александрову; она вышла замуж за адъютанта великого князя Вейса (брата княгини Трубецкой, генерал-адъютантши), говорят, со 100 тыс. дохода ежегодного. Приданое изрядное. О великом же князе говорят, что он женится на девице-графине, коей имя забыл. Можно, кажется, догадаться о сем и по концу манифеста.

Вчера вечером, наконец, мы могли с женою съездить к графине Нессельроде: улицы стали лучше, кроме нашей, которая очень еще дурна. Там были Лебцельтерн и Каподистрия, много болтали, много смеялись, а в двенадцатом часу – до дому: ибо кому вставать непременно в шесть, тому засиживаться не должно. Сегодня обедаю у доброго Каподистрии с обоими Мишо. Меньшой брат также здесь.

У меня сейчас был аббат Николь. Он решительно оставил Лицей, но уверял, что если утвердят помощником господина Жилле, того профессора, которого он желает, то дело пойдет очень хорошо, а без того Лицей упадет. Он писал к Волкову и мне велел его просить в первом случае оставить там сына. О Пилларе он чрезвычайно хорошо отзывается и именно сказал: «Могу, по совести, удостоверить, что Пиллар лучше всех профессоров исполнил свои обязанности и с наибольшим успехом». Каков же наш Дон Антонио? Он меня просил хлопотать о его чине, которого, по уверению аббата, он совершенно достоин и на который имеет все право.

Александр. Москва, 2 апреля 1820 года

Бывало, зовут на стерлядь, а теперь зовут на Тургенева. Сегодня у доброго Карпова обедаем; после обеда я на вечер к тестю, гулянье на его улице, с нами будет и князь Дмитрий Владимирович, у коего, говорят, в воскресенье бал, дабы ознакомить княгиню со здешними домами. В понедельник звал Митюша Нарышкин на Тургенева; смотри, как его откормим.

Константин. С.-Петербург, 3 апреля 1820 года

Козодавлева оставила все свое имение княгине Щербатовой; но мужнино, коим она пользовалась по смерть, отойдет Горчаковым; этого душ 700, а нашему камер-юнкеру хорошо будет жить.

Воронцов в будущем месяце начинает свое путешествие, которое продолжится полтора года, после чего приедет командовать данным ему корпусом. Мне очень жаль будет лишиться приятного и, могу сказать, дружеского дома.

Александр. Москва, 5 апреля 1820 года

Здесь у нас погода прекрасная, зато какое множество карет и лошадей на гулянье, то есть под Новинским. Нить начиналась уже на Никитской, шла (и все в два ряда) по Поварской, потом объехала сторонами качели, на Арбат, до Арбатских ворот. Моей лентяйке Наташе был вчера порядочный моцион: поутру пешком, там обедали у Барятинского, потом возили Тургенева под качели, в моей оффенбахской коляске, а ввечеру были на славном балу у князя Дмитрия Владимировича; всякий был как дома, оба хозяева очень ласковы, и все были прошены во фраках. Наташе хотелось и есть и спать, и мы, как умные люди, отретировались до ужина в первом часу. Князь почти не танцевал, а потому и приятно мне, что сделал это отличие Наташе. Она была очень авантажна в парижском корсете а-ля севинье; на голове был тюрбан, хотя и здешний, но я уверил, что привезен мною из Парижа, и все одно твердят: здесь таких вещей не найти. В мундирах были трое: сенатор Муханов, Рушковский и славный камер-юнкер Горчаков, в шитом мундире, напудренный. Я разговаривал с князем; он подошел и начал очень плодовито рассказывать князю все, что в последних газетах, говоря все «господин граф», а иной раз «мой князь». Князь и княгиня звали нас на все следующие воскресенья. Вся эта неделя взята, и я почти всюду зван, по несчастью: завтра Собрание, в среду у княгини Белосельской, в пятницу у графини Бобринской, в четверг у Власова, а в воскресенье опять у князя Дмитрия Владимировича.

Константин. С.-Петербург, 6 апреля 1820 года

Испанские дела ты хорошо судишь, и мы точно так же говорим; а по моему мнению, без беды там не обойдется: король слишком трусит, слишком скоро и легко на все вообще соглашается. Министром юстиции сделан сосланный им на галеры; другим – кажется, который владеть не может рукою от тортуры. Ну можно ли надеяться, чтоб они искренно с ним примирились? Испанцы мстительны. Дай Боже, чтобы не было кровопролития, но не надеюсь. Воронцов мне сказал, что народ

уже начал требовать несколько голов; если это правда и король выдаст прежних своих партизанов, так что может определить черту, где остановятся требования злобы и ненависти? Вот печальные рассуждения, которых нельзя не делать.

Константин. С.-Петербург, 9 апреля 1820 года

Летом надеюсь исподволь сделать несколько маленьких и полезных перемен в почтамте, но и теперь беспрестанно занимаюсь устройством оного. Например, поверишь ли, что письма в Царское Село доставлялись в четвертый день; иначе и делать было невозможно. Ты спросишь, отчего? Оттого, чтоб не издержать несколько рублей, буквально несколько рублей, царскосельские письма отправлялись два раза в неделю с белорусской почтою – в среду и субботу вечером, прием делаем в понедельник и четверг, вот письма два дня здесь лежали, в третий приходили ночью в Софию и только на другой день, иногда и вечером, раздавались. Ну как не иметь, по крайней мере на летнее время, ежедневных сношений с местопребыванием двора? Все на сие жалуются, а все оставалось по-старому. Князь Волконский и сам князь Александр Николаевич мне о сем говорили с удивлением. Я сделал отправления туда 4 раза в неделю с московскими почтами, но нахожу, что и сего недостаточно, почему и послал сегодня к князю докладную записку с мнением, чтобы на летнее время, то есть с мая по ноябрь, ежедневно ходила в Царское Село и оттуда в Петербург особливая почта, независимая от прочих, чтоб прием в обоих городах кончался в 12 часов, в 1 час пополудни чтоб почта отправлялась, в три получалась и немедленно раздавалась. Таким образом, получив сегодня вечером письмо, отвечаю завтра. Я уверен, что на это согласятся и все будут этим довольны: ибо в Царском Селе бывает государь, там же стоит лейб-гусарский полк и пребывание имеет Лицей, а в Павловске – императрица Мария Федоровна, и сперва, чуть что нужно, тотчас посылает или нарочные, или эстафеты, стоившие дорого; теперь это совсем будет не нужно.

Еще другое: летом, когда существует судоходство, то почта в Кронштадт отправляется ежедневно и оттуда приходит так же, а деньги принимаются только два раза в неделю. Между тем купцы должны беспрестанно посылать туда деньги, и не в почтовые дни – со своими артельщиками и, следовательно, на своем страхе. Мы теряем от этого доход, который бы приходился нам без всяких издержек, ибо почта и без того ходит, и купцы недовольны. Я положил летом и деньги принимать ежедневно, и все этим довольны, как будто какой чрезвычайной выдумкою. Да мало ли

эдаких случаев, которые надобно только обдумать и завести без всяких для нас хлопот, а для публики весьма полезных? Ускорение хода архангельской почты: она приходит сюда до отхода иностранной, которая теперь берет письма архангельские с собою; сперва они здесь лежали, дожидаясь следующей дней с пять, а оттого, что иностранная почта приходит ранее, застает она здесь еще архангельскую, и сия берет с собою заграничные туда письма, которые неделю здесь лежали, а неделя для купцов очень важна. Натурально, это всем приятно.

Вчера я обедал у баварского посланника. Ну, уже слишком захвалили меня дипломаты, что ранее получают свои письма; тут был купец Ливио, тот также пустился благодарить, полагая, что я должен был сделать бог знает какие перемены, а я только придал немного живости здешним экспедициям. Эк я заболтался о своих делах; впрочем, так как они мои, то и тебя интересовать должны, и ты, верно, не примешь это за хвастовство.

Сегодня обедаю у Каподистрии, куда везу Витберга с планом московского храма. Кажется, примутся скоро за постройку; так тогда и нам, может быть, удастся посмотреть на него: лет двадцать, верно, простроят. Занимаясь храмом, Витберг также занимается рисунком для почтового мундира, который поручено мне сочинить. Я хотел без всякого шитья, а просто зеленый мундир с черным бархатным воротником, но все восстают, а особливо городские почтмейстеры, так нечего делать, надобно какое-нибудь шитье. Штемпеля на письма также у меня скоро готовы будут на всю дирекцию, славные и преудобные. Думаю, как и здесь, завести школу, весьма нужную для почтальонских детей и для несчастных сирот. Бог поможет, так понемногу все устрою. Теперь также занимаюсь обмундировкою почтальонов, устройством экспедиций, присутственной комнаты, которой здесь не было. Итак, ты видишь, мой милый друг, что, при текущих делах, довольно у меня занятий.

На будущей неделе, говорят, будет большой парад всем войскам, улицы поправляются, льда совсем почти нет, и только грязно, ибо вчера целый день шел дождь. Мост уже наведен на Неву. Ай да Милорадович!

Поговаривают здесь о новой свадьбе дочери Кочубея с бароном Строгановым, адъютантом князя Волконского. Третьего дня обедал я у князя Петра Михайловича, где была и княгиня Александра Николаевна [статс-дама, дочь фельдмаршала князя Репнина]. Ну, право, она совсем не переменилась. Очень меня обласкала, да и все они. Я сидел за столом возле аббата Николя, много говорили о Лицее и Пилларе, которого он очень хвалит. В воскресенье я сказывал князю А.Н. о Пилларе, это будет ему

всегда полезно. Сегодня вечером будет у меня совещание с Жулковским о таксе, рассмотрим представления всех почт-директоров и подумаем, как бы помочь этому. Но это для тебя одного.

Возвращаюсь от графа Аракчеева, коего никогда не мог застать с приезда; сегодня наконец нашел и был им очень хорошо принят и чрезвычайно обласкан.

Константин. С.-Петербург, 13 апреля 1820 года

Сегодня везу Жуковского обедать к Воронцову. Ему давно хотелось с ним покороче познакомиться. Вот от него письмо к какому-то Офросимову [Александр Михайлович Офросимов был женат на племяннице В.А.Жуковского Марье Петровне Юшковой], весьма нужное, прошу тебя отдать его экзекутору для вернейшего доставления и прислать мне расписку. Ну, сударь, на отправление ежедневно почты в Царское Село государь согласился. Это будет публике, а особливо живущим в Царском Селе или имеющим там в Лицее своих детей, очень приятно.

Константин. С.-Петербург, 16 апреля 1820 года

Вчера был я на большом обеде у французского посланника, где было человек с 50. Он недавно открыл свой дом. Ты знаешь, что это тот самый, который некогда принадлежал князю Репнину и в котором мы жили. Хотя он внутренно и переделан, но все-таки все возбуждало во мне старые воспоминания. Какой бесподобный сверху вид! Много было высоких и знатных особ, все министры, генерал-адъютанты, несколько дипломатов и проч. Обед был хорош, недолго продолжался, я же сидел между графом Михаилом Семеновичем и Уваровым (Сергеем), так было и не скучно.

Константин. С.-Петербург, 17 апреля 1820 года

Я с пяти часов занимался делом весьма важным, между нами сказать: уменьшением таксы, о которой весьма хлопочу. Как московский почт-директор дал я свое мнение, как здешний подкрепил его, ибо везде одни неудобства и убытки. Теперь, рассмотрев мнения всех прочих почт-директоров, мы купно с Жулковским сочинили записку, которая, надеюсь, будет иметь прок. Много у меня подобных дел, но я сижу, не скучаю, ибо умею уважать всю их пользу. Конечно, не останусь здесь бесполезным для службы, если всегда будут так уважать мои представления, как доныне. У меня все в голове вертится новый штат. Прибавка жалованья чиновникам необходима. Будем хлопотать, но все это да останется между нами.

Константин. С.-Петербург, 21 апреля 1820 года

Вчера провели мы вечер очень приятный и совсем не приготовленный. Явились граф Каподистрия, Фонтон с женою, Кокошкин, Тургенев, Погенполь, Ваниша, Ламсдорф, двое Мишо; кто играл в вист, кто в бильярд, а мы болтали и слушали доброго Каподистрию и не видали, как прошло время до часа. Здесь тем вечера хороши, что как не бывает ужинов, то нет и издержек: пьют только позже чай. Нельзя было тебя не вспомнить! Что-то так поговаривают, что и Закревский сбирается к водам, а меня он, напротив, звал к себе в Петергоф погулять, намереваясь по отъезде государя там провести часть лета. Летом здесь все разъезжаются, я только ни с места.

«Письмо Ришелье» очень мне понравилось. Читал ли ты его? Если нет, то прочти. Прекрасная пьеса. Я думаю, в Париже несколько журналов перестанут издаваться, не желая подвергаться цензуре, да и лучше: менее будет вранья. Какова прокламация в Глазго? Вот тебе и радикалы! А Татищев, говоря о совершенстве английского правительства, упирался на то, что вдруг парламент прекратит все их движения. Нет, и там неспокойно.

Александр. Москва, 27 апреля 1820 года

Ты начинаешь, любезный брат, письмо свое описанием нечаянной вечеринки, собравшейся у тебя и которая очень удалась. Мне казалось, что и я на ней был! Но не всегда будет мерещиться; авось-либо и мы будем обыгрывать гостей в бильярд, только не в бешеную. Скажи Ванише, что у меня еще на сердце те два червонца, которые я пропаривал, надеясь на его богатырство, в Английском клубе вольного города Франкфурта против Голицына, который не только хуже его играет, но и хромает еще вдобавку. Я нарочно упражняюсь в бильярде понемногу, а ежели меня разгневают, то и кий свой повезу в Петербург. Вчера Саччи боялся необыкновенно играть с Луниным, бросил кий на пол; маркер кинулся подымать, а Саччи ему говорит: «Не подымай, оставь! Это *собака*, это я должен подымать»; потом вдруг начал играть желтою, сделал свою белую и обрадовался; опять маркер говорит: «Вы играли не своим, а желтым», – а Саччи, обращаясь к публике: «Видите, что такое! Я это сделал нарочно, этот дурак меня не понял (маркер); сделайте-ка так с белым, как я сделал! Даже и из ста ударов ни одного не сделаете, а с желтым я ему сделал соника, а почему? Почему! Потому что это не считается. Так что кажется, что есть диавол во всем этом». Ну же позабавил он нас всех!

Все поднялись в Карлсбад. Отсюда едет множество, и между прочим и славная Мария Ивановна Корсакова, которая зиму хочет провести в Вене. Я Пушкиных это лето не видал, стыдно к ним и показаться; но не думаю, чтобы старуха пустилась в такую даль к водам, да и нет примера, чтобы кто-нибудь в Карлсбаде вылечился от семидесяти лет. Закревского прошу в Карлсбад не пускать, а чтобы был все время в Петербурге. Я таки и не верю этому вояжу, потому что Толстые собираются в июне в Петербург, к ним в гости.

Книги переплетчик принес. Прошу их отдать почтенному Джунковскому, подписав что заблагорассудишь. Ему, верно, будет приятно в первом томе найти портрет переводчика; он, может быть, и знавал батюшку, а ты скажи ему, что батюшка работал над этим в Семибашенном замке, где сидел 27 месяцев, следовательно, ровно по одному тому в месяц. По манускрипту видно, с какой легкостью батюшка переводил, да в тюрьме мало было и рассеянности. Посылаю с сими книгами и оставшиеся у меня комплекты Броневского книги; старайся это сбыть, а в ящике кстати случилось место пустое. Вот и билет, на коем означишь место подписчика. Я могу добыть еще экземпляров с десяток, не возьмут ли Воронцовы и кое-кто еще приятную эту книгу? А Броневский – добрый, бедный и раненый офицер. При сей верной оказии, ежели имеешь канал к Шишкову Александру Семеновичу, то доведи до его сведения, что подписчики ропщут на Броневского, что 4-я часть не выходит, а сочинитель дал ее Шишкову давно для одобрения, а он, видно, и забыл, что она у него, а мы лишены приятного чтения. Тут будет и моя статья о фрегате «Венус», славном подвиге всего его экипажа и Дмитрия Павловича Татищева. Еще сунул я в ящик 2-ю часть Озерова сочинений. Костя учился по ней Дмитрия Донского роль играть.

У Волкова пробыл от пяти часов после обеда до десяти вечера, наболтался, накурился, напился чаю, поиграл шесть робберов, разбранил коменданта, который два роббера подарил за ничто, и, не ужинавши, пошел домой, по прекрасному времени. Два Александра сражались против двух Петров; но Озеров и Апраксин нас пересилили, а все виноват комендант. Волков переделывает заново свой ордонанс-гауз; будет хорошо, а лучше то, что казне не стоит ни гроша, но ты знаешь, Волков умеет выманивать что захочет; все это сделано из денег, пожертвованных добрыми людьми.

Ну, насилу отделался от обеда Митюшина [то есть Дмитрия Васильевича Нарышкина, женатого на дочери графа Ростопчина Наталье Федоровне]. В 12 часов крестили. Я дунул и плюнул, а маленький Федор перед тем, что его окунуть, видно, от страху…

Бальмен, которая его держала в руках, очень сконфузилась, а мамушка, старая девка, чуть не заскакала от радости, уверяя, что это очень хороший знак. Обедало 36 человек, обед знатный, а старух-то что? Бездна! Было, верно, столетий с 20! Где они выкопали всех этих Нарышкиных? Одной лет с полтораста. Я подозреваю, что это была мать Петра Великого. Еще в вист засадили после обеда. Насилу отделался, но нельзя было отказать старому другу Митюше и внуку графа Федора Васильевича.

Константин. С.-Петербург, 28 апреля 1820 года

Мы с Воронцовым и женою ходили вчера в Эрмитаж смотреть всех генералов последней кампании. Удивительное сходство: все, что называется, как живые. С удовольствием узнал я, что их будут литографировать. Коллекция выйдет прекрасная, из которой можно выбирать кого пожелаешь. Конечно, иных не так много будут раскупать. Потом осматривали мы Эрмитаж, где много славностей. Обедал я у Потоцкого, где были Воронцов с женою, князь Сергей Голицын с женою, Ваниша, Лев Потоцкий. Этот женится на дочери графа Головина, за коей 200 тысяч дохода. Великолепно! Ее, впрочем, очень хвалят.

Константин. С.-Петербург, 29 апреля 1820 года

Вчера был я у Татищева и нашел его с перевязанною головою и разбитым лицом. Что с вами сделалось? Шел пешком от Мятлева, задумавшись, споткнулся, упал на камни лицом и чуть до смерти не убился. Ему пускали пьявочную кровь, лоб, нос, губы – все всмятку. Это не мешало нам, однако же, часа с два поболтать о Москве, о Испании, а более всего о тебе. Опасности никакой уже нет, а пятна долго будут. Он хоть теперь готов бы ехать в Испанию, совсем за себя не боясь. Он уверен, что вся эта революция – дело одной партии, что народ в ней совсем не участвовал, а войска только часть. Если король захочет, то этот же народ перережет произведших революцию. Между тем, там все берет оборот начала Французской революции. Инфанты взяли названия граждан. Некоторые провинции восстают уже против кортесов.

Александр. Москва, 29 апреля 1820 года

Досадно мне будет очень, ежели Воронцов уедет и я его не увижу; вот шестой год, что я лишен этого удовольствия, а люблю его, право, душевно; ты, мне кажется, только что не живешь с ним, а то все вместе, чему нимало не дивлюсь; говорят, что и жена его премилая. И другая Головина идет за поляка же. Меня уверяли, что обе сестры католички [дочери графини Головиной,

оставившей столь любопытные «Записки», графини Прасковья Николаевна Фредро и Елизавета Николаевна Потоцкая].

Волкова я дней шесть не видал. Все еду, да не доеду. Вчера заехали мы к тестю на часок, чтобы оттуда на вечер к Волкову, но там засеквестровали на целый вечер. Князь нездоров: совестно было отказать. Играли в вист до упаду, и княгиня, прошу не прогневаться, изволила выиграть 8 робберов сряду. С некоторого времени играет целый день в вист. Сегодня постараюсь забраться к милому заттетанданту [шуточное прозвание московского коменданта Александра Александровича Волкова].

Константин. С.-Петербург, 30 апреля 1820 года

Я взбудоражил Воронцова, Потоцкого и прочих богачей учредить дилижанс по крайней мере между Петербургом и Москвою, сделал им род проекта, который они дополнят, и авось-либо дело состоится. Они рады жертвовать тысяч 60 для столь полезного обществу предприятия. Увидим, что-то выйдет из этого, а принялись все горячо. Они рады жертвовать, лишь бы был прок. Хотя, кажется, трудно завести дилижансы, как вещь совсем здесь новую, но весьма возможно. Ко мне беспрестанно приступают, чтобы с почтою отправить человека, соглашаясь платить даже прогоны за две лошади, но это, по нашим правилам, строго запрещено; а тогда всякий будет иметь удобность ехать в Новгород, Тверь, Москву, платя только то, что стоит одна только лошадь, и то за первое место, прочие же будут еще дешевле.

Как приятно это будет для офицеров, не имеющих состояния, для купцов и проч., кои на станциях не могут иногда дождаться лошадей и сидят суток по двое, особливо если такие же дилижансы учредятся до Риги, Вильны и в прочие места, что наши господа и намерены сделать, если пойдет дело на лад. А пора и у нас сделать сношения по почте удобнейшими. Тогда заведутся и трактиры, где положены будут обеды и ужины для дилижансов, и много произойдет от этого начала полезного. Ты видишь, что мы, на наших обедах у Воронцова, между бездельем иногда и делом занимаемся.

Александр. Москва, 3 мая 1820 года

Как-то у вас, а наше гулянье 1 мая было прекрасное. Погода такая, что лучше желать нельзя, в лесу все зелено, и очень приятный запах от травы. Народу бездна, 5600 карет, а всех экипажей более 8000. Все было, однако же, порядочно. Князь Дмитрий Владимирович был верхом, с превеликою свитой, а я ездил в коляске своей с женою, Катей и Костей. Нагулялись славно. Вечером сидел у нас долго Сергей Тургенев, которого

отъезд еще не назначен. Кого ни спроси, всякий куда-нибудь да едет; скоро Москва опустеет. Комендант плачет, что останется один, а он нас перепугал третьего дня: так занемог вдруг, что послали за доктором. Сделалась у него такая страшная боль в ухе и всей правой стороне головы, что всего свело. Тотчас поставили муху шпанскую, ноги в воду и дали слабительное. На другой день стало легче, вчера встал и надел сюртук, но жалуется, что слаб.

Очень сожалею о приключении с Татищевым; ему не должно никогда ходить одному по улицам: он и слеп, и рассеян; хорошо еще, что дешево отделался и что глаз не повредил, а прочее скоро пройдет. Я вчера сказал это Урусовым, которые ничего не знали, и рад этому; а то у нас, пожалуй, скажут, что Дмитрий Павлович убился до смерти. Княжны обе ахнули и нахмурились, но я их успокоил и заметил им, что когда Дмитрий Павлович, бывало, у них за столом сиживал между двух племянниц, то таких бед не случалось. Бью челом разбитому. Очень благодарен Разумовским за память их, надеюсь лично их видеть. Ты хорошо сделал, что уничтожаешь подъезд под дом твой, все признают это неудобство, и я здесь знаю домов пять-шесть больших, в коих ту же сделали перемену: у Козицкой, в Английском клубе, у Прозоровской и проч. Верю, что много хлопот у тебя, но еще более их понимаю по описанию, делаемому тобою, помощников твоих. Нельзя тебе с ними оставаться; не упускай оказии новых штатов, буде оные состоятся. А между тем благодарю тебя за все подробности. Здесь пока дело слабо, именно навыворот.

Константин. С.-Петербург, 4 мая 1820 года

Первое число мая было для меня самое неприятное. Окончив письмо к тебе, я принялся за дела и открыл злоупотребление здесь, в самом почтамте; с тех пор беспрестанно вожусь, произвожу следствие и, наконец, сегодня, по решению князя, отсылаю виновного в Уголовную палату. Кто же этот виновный? Коллежский советник, экспедитор, человек, служивший прекрасно 20 лет, имеющий жену брюхатую и трех детей, старого тестя. Каково же мое положение! Никогда в жизни я так не мучился. Несчастный молодой человек от одного проступка впал в бездну, наделал долги, стал брать деньги из пакетов в экспедиции, коею сам управляет; наконец, поступили ко мне жалобы от посылателей. Я писал к почт-директору малороссийскому и не мог понять, как он мне ни на одно письмо не отвечал, возродилось во мне подозрение на экспедицию; я послал письмо к нему посторонним образом, и что же он мне отвечает с нарочным? Ни один пакет с деньгами, ни одно мое письмо до него не дошло. Денег недоставало по реестру с лишком

22 тысячи. Подозрение явное на экспедицию. Я поехал к князю, сказал ему о моих подозрениях и о мерах, кои намерен взять, чтоб открыть преступника. Возвращаюсь, допрашиваю помощника экспедиторского, который ни в чем не признается; посылаю за больным экспедитором, его привозят. Только что входит, надобно было его допросить. Скрепя сердце, говорю ему: «Я вас больного потревожил; но вы знаете, зачем я вас призвал. Это дело ваше, я имею все доказательства, следовательно, объяснения не нужны, дайте мне средства вас спасти, если можно». Он – в ноги и во всем признался. Он брал пакеты с деньгами, он останавливал мои письма и проч. Не буду тебе, любезный брат, описывать моего мучения, а долг свой должен был исполнить. Князь мне обещал просить после государя об облегчении участи несчастного. Дай Боже, чтобы его помиловали! Куда как тяжело наказывать! Бедное семейство! Скрыть преступление нельзя и не должно, хотя по человечеству и горько. Надобно, чтоб ни один чиновник не мог в подобном случае надеяться ни под каким видом на прощение, а не то беда. Экспедиторское место доверенное; как уберечься от человека, который сам хозяин и у себя крадет? Тут никакие глаза не усмотрят, и, повторяю, если не будет строгости и страха, так беда. Но только о сем и ты, мой друг, никому не говори.

Экий срам для почтамта! Он, то есть экспедитор, прошлого года с марта начал свои дела. Не могу тебе сказать, сколько я огорчен.

Александр. Москва, 4 мая 1820 года

В проезд мой в Варшаве госпожа Шимановская, дама очень любезная и большая музыкантша, подарила мне коллекцию своих музыкальных сочинений. Тут есть, между прочим, прекрасный котильон. Посылаю это Марице. Пусть займется в свободное время, ежели (чего боюсь) она не бросила совершенно музыку. Василий Львович всякий раз посылает тебе поклоны. Каким старым стал! Намедни обедали мы у него, и, против обыкновения, довольно плохо; только зато нахохотались: все его мистифицировали. Были тут: Сергей Тургенев, Солнцев, Шаликов, Алексей Михайлович Пушкин, Филимонов, Карнеев и проч. Стали говорить, что племянник его, поэт и повеса (говорят), был призван к Милорадовичу, который ему мыл голову за какие-то стихи. Пушкин весь сконфузился, но еще больше, когда я стал его уверять, что Александр Пушкин дал следующий ответ графу Милорадовичу: «Я эти стихи знаю, вашему сиятельству не солгали: они точно написаны Пушкиным, только не мною, а Василием Львовичем Пушкиным, дядею моим». Наш Василий Львович как громом убитый стал на всех поглядывать и, наконец,

сказал: «Прежде всего, я очень сомневаюсь, чтобы мой племянник сказал подобную вещь, и… и, если он это сказал, граф Милорадович ему не поверил, надеюсь. Ведь меня все знают, я не либерален; меня знает и Иван Иванович Дмитриев, и Карамзин, я не пишу таких стихов…» – «А Буянов?» – воскликнул я. «Ну, что Буянов, – отвечает обвиняемый, – это дурная шутка». – «Дурная, да, – возразил Алексей Михайлович, – но не нелепая». Расскажи это Жуковскому и Тургеневу, ударив челом обоим от меня.

Сергей Тургенев к чему-то сказал: «Ну да, революция должна обойти весь земной шар». Вижу, как вытягивается лицо моего Василия Львовича; отводит он меня в сторону и говорит: «Вы слышали, любезный, что сказал ваш друг Тургенев? Что вы на это скажете?» – «Что вы хотите, чтобы я сказал? Это довольно известная присказка, и, к несчастью, я полагаю, что весьма основательная: посмотрите на Испанию!» – Вижу, что мой добрый Василий Львович совсем не удовлетворен моим ответом; но, поразмыслив немного, прибавляет с видом почти торжествующим: «Пусть так, но какой же путь надо проделать, чтобы до нас добраться! Мы далеко! Вот! Не так ли? А?» – «Это так, – отвечал я ему, – мы далеко; но ежели плыть морем, то ну как сядет революция на корабль в Кадиксе и высадится прямо в Кронштадте?» – Несмотря на всю мою серьезность и крайнюю доверчивость нашего доброго Пушкина: «Ну, любезный, – говорит он мне тоном совершенно победительным и раскатисто смеясь, глядя в то же время мне в глаза, чтобы подстеречь мою улыбку, – ну, любезный мой, революцию не складывают в ящики, как апельсины!» Я в конечном счете сам от души рассмеялся, не будучи в состоянии продолжать шутку. Я вижу отсюда, что и ты смеешься, и все те из твоего общества, кто знает нашего подагрика.

Вяземский передает мне записку от неутомимого Прадта, который только что закончил печатать брошюрку об Испании, приписываемую Фердинанду VII: «Это государь без единого солдата, без единого экю, без единой идеи». Я отвечаю Вяземскому: «А что Прадт? Священник без религии, писатель, слишком переполненный желчью и идеями, и недостаточно – деньгами».

Константин. С.-Петербург, 5 мая 1820 года

Ох, мой милый друг, какой вчера для меня был тяжелый день! Отослал несчастного виновника в Уголовную палату. Вина его или, вернее сказать, преступление ужасное, но по человечеству жаль отца семейства и человека, не совсем испорченного, а еще нового в преступлениях. Но полно о сем.

Вейтбрехтовы две картинки из карикатур я получил вчера же. Прекрасны, у меня были вечером Жуковский, двое Мишо, Ламсдорф, Фонтон, и все любовались ими.

Константин. С.-Петербург, 7 мая 1820 года

Виновник отослан в Уголовную палату, та его отослала к обер-полицмейстеру для содержания в тюрьме. Оттуда он мне писал, просил помочь ему. Что от меня зависит, я делаю и вперед буду ходатайствовать; но один государь может его участь облегчить. Я просил Горголи [Иван Саввич Горголи – петербургский обер-полицмейстер], этот велел взять его в свою комнату, и вчера писал я к князю Голицыну, при отъезде его в Царское Село, партикулярное письмо в пользу несчастного. Не знаю, поможет ли. Вот оно, прочти его и возврати мне. Семейство в прежалком положении.

Парад, говорят, был удивительный. Государь был очень доволен, пожаловал по рублю, по чарке вина и по фунту говядины нижним чинам, начальникам благодарность.

Татищев, почти положительно можно сказать, не поедет более в Испанию, или, по крайней мере, не теперь. Я слышал, что они наняли на Черной речке дом на лето.

Пушкин-поэт, поэтов племянник, вчера уехал в Крым. Скажи об этом поэту-дяде. Знаменитый Свиньин принес мне билет на свой журнал и просит моего содействия к распространению оного. Все такой же хвастун, как был перед Тенедосом. Ну, уже начали меня мучить, не дают пяти минут покоя. Как не запрешься, так беда, а запереться также нельзя: устанешь отворявши.

Путешествие государя точно назначено в июле месяце, и именно: 9-го ночлег в Новгороде, 10-го в Старой Руссе, 11-го и 12-го в Осташкове, 13-го, 14-го и 15-го в Твери, 16-го, 17-го и 18-го в Москве, 19-го в Рязани, 20-го, 21-го и 22-го обед в Козлове, Тамбовской губернии. 22-го в Липецке, 23-го, 24-го и 25-го обед в Воронеже, 25-го ночлег в Нижнедевицке, 26-го, 27-го и 28-го обед в Курске, 28-го ночлег в Обояни. 29-го, 30-го и 31-го обед в Чугуеве, ночлег в Харькове. 1-го и 2 августа в Полтаве, 3-го в Кременчуге, 4-го в Новомиргороде, 5-го, 6-го, 7-го и 8-го в Вознесенске Херсонской губернии. 9-го в Ольховке, 10-го в Умани, 11-го в Литине Подольской губернии, 12-го в Острое Волынской губернии, 13-го во Владимир-Волынске, 14-го в Пулавах, 15-го в Варшаве. Знай про себя, а другим прошу не давать маршрута.

Тительвуд и несколько его сообщников приговорены к смерти. В Англии не шутят, видно, этими заговорами, а в Париже

Лувеля все еще судят. Каподистрия пишет, чтоб узнать, дома ли мы сегодня вечером. Разумеется, милости просим. Давно я его не видал, ну никак не попаду со своими бесконечными хлопотами. Уж и Серапин мне вчера говорил, что ему жаль меня.

Константин. С.-Петербург, 8 мая 1820 года

У меня вчера была жена несчастного экспедитора, чуть было и я с нею не расплакался. Она меня чуть не рассмешила. Я спрашиваю ее, была ли она у мужа. Была. Я надеюсь, что он в общей тюрьме. Нет, батюшка, он в особенной комнате; там еще трое, все люди очень хорошие. Сколько мог, я ее успокоил, а помочь не от меня зависит. Она, бедная, брюхата. Не может сама понять, куда деньги девались. Теперь их уже до 40 тысяч недостает. Ужасно!

Александр. Семердино, 9 мая 1820 года

Для меня биржа есть одна из приятнейших прогулок в Петербурге. Бог даст, пошатаемся и мы. У нас апельсины по 7 рублей десяток, а хорошие и по 10. Наташа у меня смертельная охотница. Я привез сюда маленькую толику провизии, и хорошо сделал. Ты пишешь, что пришло с ними два корабля, так, верно, подешевеют. О, любезная Сицилия! Там мы ими объедались. С Татищевым обедали мы в Мессине под одним деревом, у коего сучья ломались от множества апельсинов, а хозяин этого загородного дома нам божился, что на этом одном дереве было один раз более 6000 апельсинов; так здесь это дерево принесло бы 6000 рублей, а за 6000 рублей можно бы, я думаю, скупить апельсины целой Мессины, ежели не всего острова. Зато во Флоре (саду в Палермо) Карпов покойный возьмет, бывало, березку, целует ее и плачет, что она одна в целом саду, тщедушна и не растет.

Долго сидел у меня Лунин, который справедливо огорчается тем, что ему сажают на шею одного обер-прокурора за другим. Теперь определен отставной Новосильцев (тот, что большое женино имение пробухал на спекуляциях и мериносах) за обер-прокурорский стол, и князь Яков Иванович Лобанов сказывал, что он будет скоро сделан настоящим обер-прокурором. Зачем делать такое оскорбление Лунину без всякого повода? Он, право, заткнул бы за пояс всех обер-прокуроров здешних. Ежели же никак его не хочет иметь князь Дмитрий Иванович, то зачем и чин ему дал; старшинство же нарушать в службе не должно. Пусть Лобанов доставит ему место губернаторское в какую бы то ни было губернию. Лунина цель – отойти, только с честью, и, послужив немного, выйти в отставку. Он богат и может обойтись без

службы, но она потеряет способного человека, а не надобно верить всему, что говорят злоязычники; полагаю, что и правда, он был тогда молод, отец не давал содержание нужное. Это все не извинение, конечно; но правда ли все, что говорят так неопределительно о нем? Сколько мы видим записных мошенников, служащих как ни в чем не бывало. Я обещал Лунину написать откровенно Журавлеву и просить его объяснить князю Дмитрию Ивановичу; но ты ему можешь все это передать и попросить нашего старого приятеля при случае молвить словечко. Кому не дают теперь губернаторских мест? Не лучше ли предпочесть человека, имеющего состояние, и хорошего дворянина?

Ну, брат, ежели ты учредишь дилижанс между Москвою и Петербургом, то окажешь важную услугу множеству людей и оставишь прочный памятник своего почт-директорства. Поверь, что и наша братия будет ездить, да первый князь Петр. Иной и без нужды поедет в Петербург, сколько таких найдутся! Право, стыдно, что это давно не существует. Это придаст страшный круг деятельности в сообщениях между столицами. Бери деньги и учреждай скорее: дело благое, полезное; надобно стараться, чтобы не стоила более 50 рублей поездка. А как все кинутся, привыкнут и убедятся в пользе учреждения, то тогда смело надбавляй. Зимой еще кое-как, а летом великое дело – дорожный экипаж. Все будут тебя благодарить и благословлять. Давай, с Богом, и не жалей денег Потоцкого и Воронцова[172]. Ваши обеды стоят лондонских министерских обедов, на которых, с рюмкою в руках, решаются государственные дела. Скажу, как Закревский: важно!

Чего еще хочется Боголюбову? Ему иное делать не должно, как поселиться в Москве и быть благородным Иваном Савельичем. Многие дадут ему квартиру и стол, а он проживай себе свои 5000 рублей; а в клуб, конечно, его не возьмут.

А мы откуда теперь? Да из Владимирской губернии. Вот у нас какие совершаются путешествия. Возле нашего леса ручей, через который мы перешли раза три, а за оным ручьем уже и губерния Владимирская. Я одной ногою могу, не бывши Колоссом Родосским, стать на Московскую, а другой – на Владимирскую губернию.

Александр. Семердино, 10 мая 1820 года

Здесь проводим мы время очень приятно: не увидишь, как день пройдет. В последнее время дом Шутельвортшин [где нанимал квартиру в Москве А.Я.Булгаков] был несносен: вонь, сырость и крысы. Бывало, они только визжали и возились под

полом, а уж наконец стали и показываться, бегать по нам, сонным; долго ли с брюхатою женщиной сделаться беде и испугаться. Хозяйка мне говорила своим сладким голосом: «Но, Александр Яковлевич, вы только заведите кошечку, и они все убегут». – «Нет, сударыня, – отвечал я ей, – на таких крыс, каковы ваши, надобен волк, а не кошечка, и даже очень голодный и очень храбрый волк!»

Константин. С.-Петербург, 11 мая 1820 года

Последняя история в почтамте заставляет меня многое переменить, дабы отнять средства и впредь делать шалости, подобные последней, которая уже подымается до 40 тыс., и, вероятно, сим не кончится. Ты легко поверишь, как все это меня мучает. Не имею минуты покоя, за всем должен сам смотреть, а прошу углядеть! Весьма неприятно. С другой стороны, не могу нахвалиться обращением со мною, как и дружбою, Жулковского. Если б к этому да хорошие чиновники, зажил бы прямо паном, а то дома, то есть в почтамте, беспрестанные неприятности, и, против своего характера, должен беспрестанно браниться и наказывать. Теперь занимаюсь новым штатом, сочиняю сперва план преобразования почтамта, а там уже, по новому назначению чиновников, и жалованье надобно определить хорошее. Неужели не дойду я, при всех моих усилиях, до того, чтобы все шло хорошо? Помощник мой – добрый человек, но плох, и быть бы ему и в последнем деле в беде, если б не почитал я его таким. Экспедиторы избалованы, а чиновники еще более. Не понимаю, как это до сих пор держалось. Между нами сказать, много неисправностей было, и что теперь открывается, то только следы оных.

Константин. С.-Петербург, 14 мая 1820 года

Ну, брат, в Царском Селе беда какая случилась! Двенадцатого числа около обеда сделался пожар, загорелась или церковь, или в комнате возле нее, только никак не могли остановить огонь, и на другой день часов в девять, как увидишь из записки Лонгинова, уже половина дворца и Лицей, церковь также, совсем сгорели. Ужасно!

Трубы поскакали из Петербурга на помощь царскосельским, и если б не ужасный ветер, то бы, конечно, тотчас уняли огонь, но ветер был страшный, внутри же во дворце все деревянное, сухое, никак нельзя было остановить, несмотря на скорую и сильную помощь. Вся часть дворца от церкви до янтарной комнаты пожрана пламенем, но сия последняя не сгорела. Сад тоже пострадал, многое потоптали, несколько деревьев от жару

испорчены. Как больно! Государь полюбил это прекрасное жилище; конечно, все это исправится, но между тем лето уже нельзя так приятно провести посреди развалин или строения. Говорят, однако же, что двор оттуда не переедет. Куда переведут Лицей, еще неизвестно. У нас только и разговора, что об этом несчастий.

Вчера был я на бирже с женою. Там для меня прекрасно. Множество кораблей и движение ужасное. Привезли деревьев, птиц, апельсинов, все это выгружают, все суетятся.

Александр. Семердино, 14 мая 1820 года

О твоем несчастном преступнике письмо твое к князю Голицыну [Александру Николаевичу, главному начальнику почтового управления] меня тронуло: видно, что ты перо обмакивал в сердце твое. Как ни виноват экспедитор, ты обращаешь на него сожаление. Я уверен, что князь в оригинале покажет письмо государю, а государь воспользуется божественным правом, данным ему, – смягчать всякий приговор. То-то будет для тебя праздник! Ты выполнишь и долг начальника, и, как сам говоришь, долг человека. Вот настоящий либерализм!

Спасибо Сашке [мальчику, сыну К.Я.Булгакова]: стало быть, мне у него хорошо, ежели портрет мой висит у его постели; я надеюсь, что он тут и останется. У нас была старуха-графиня Скавронская в Неаполе. Лазаронцы ее называли матерью из Московии (сын ее был там министром). Она была очень капризна и непостоянна в дружбе: вдруг полюбит, спишет с тебя портрет, поставит в спальную, а там в уборную, гостиную, залу и, наконец, на чердак, по мере, что любовь проходит; но мы с Сашкой будем всегда как два любовника.

Константин. С.-Петербург, 15 мая 1820 года

Воронцов не верное еще, что поедет в Москву, хотя ему и очень хочется, а ты уже его, наверное, ждешь. Как скоро он возвратится из Финляндии [где было большое имение его сестры, леди Екатерины Семеновны Пемброк], это решится, и я тебя уведомлю. Он тебя очень любит, а я его за то вдвое. О дилижансе будем хлопотать. Он взял с собою проект, чтоб там хорошенько на досуге обдумать. Мне очень хочется успеть в сем подлинно полезном предприятии. Во что ни станет, а будут с одобрением вспоминать о моем почт-директорстве. Все, что только полезно, буду стараться ввести. Нессельроде писал к министрам в чужие края, чтоб они старались получить и прислали все почтовые положения для меня. Прусское и французское я уже получил. Можно будет извлечь из них и приспособить к нашим почтам, что

хорошее.

Через час начинается концерт Боргондио. Хоть на минуту хочется сбегать. Что за глупая идея – дать концерт утром; вечером я все свободнее. Это, верно, Тюфякин причиною. С ним довольно неприятная была история. Он выписал шведскую труппу (что за идея!), которая должна была несколько дать представлений, и уже назначил день им играть, сделал с ними контракт, но забыл спросить дозволения у государя. Милорадович, узнав о сем, доложил. Принялись за Тюфякина, он принужден был заплатить актерам, только чтоб скорее уехали, уничтожить контракт и извиниться тем, что это только еще предположение; а чего! – уже и день был назначен. Впредь будет осторожнее.

Александр. Семердино, 15 мая 1820 года

По благодарности, отданной в приказе, вижу, что государь был доволен парадом; эдакого зрелища в Москве, а особливо в Семердине, не увидишь.

Итак, Татищев не едет в Испанию. Желаю очень, чтобы ему дано было другое назначение, а там уже ничему пособить нельзя: бомба лопнула. Жаль бедного короля, который лично обожает нашего государя. Не надобно обманываться мнимым энтузиазмом, оказываемым ему народом, или, лучше сказать, бунтовщиками. Несчастный Людовик XVI никогда не слыхал столько восклицаний, как в тот день, как народ его… или, что то же, надел на него трехцветную кокарду. Вот что пишу я и Вяземскому, который все твердит: «Надеюсь на испанцев, надеюсь, что они не обагрят кровью столь хорошего начала». Будьте покойны, ваше сиятельство, найдутся и там Мараты и Робеспьеры! Такой мгновенный переход к демократизму неестествен, особливо в народе, коего спесь слыла всегда пословицей. Я вижу по газетам, что многие провинции противятся конституции, что народ нигде ни во что не мешается и что все делается несколькими людьми дерзкими, голыми, но умными. При сей испанской оказии прошу кланяться Дмитрию Павловичу и Юлии Александровне и напомнить ей, как мы ездили с Шредером и с нею смеяться Потье и как она один раз скупила у Жиру все игрушки. Что это за Черная речка? Это не Калабское Lago Nero, где мы в доме господина Ультра дон Паоло Галотти узнали, что Робер Дамас изволил ретироваться.

Я очень благодарен Рушковскому за доставление мне французских газет. С тех пор, что я был у этих шутов, газеты еще сделались для меня любопытнее. А уж подлинно шуты! Тебе, я чаю, недосуг подробно читать прения в камере. Я очень смеялся спорам, бывшим в заседании 27 апреля. Дело шло о налоге на

сахар. Наконец, министр финансов входит на кафедру и говорит: «Надобны налоги на другие продукты. Каким другим налогом заменить налог на сахар? Какой из них самый сладкий?» Каков балагур государственный! Все рассмеялись, а министр как будто ста миллионами умножил государственные доходы. Признайся, что наш министр Гурьев степеннее. Сие было бы достойно самое большее Александра Львовича. Ежели увидишь Каталаншу или Боргондио, кланяйся обеим от меня, также и мужу первой, бесподобному дураку Валабрегу.

Зачем и с кем поехал молодой Пушкин в Крым[173]? Хитров скоро кончил препоручение свое, но хорошо ли? Вологодскую его ревизовку надобно было тогда опять переревизировать. И наш Посников приехал опять играть в бильярд в камере депутатов (так называют Английский клуб, а отделение – камера пэров). Товарищ его, заика Волконский, поехал к водам на Кавказ. По твоим рассказам вижу, что Мартынов все тот же. Он работает чрезвычайно скоро, ему бы делать виды Петербурга и окрестностей, не чваниться, сбавить цены и продавать чужестранцам; всякий из них, особливо министры при отъезде, стали бы покупать их как сувениры. Жаль бедную Марью Любимовну: семья большая, а кто в Париже купит виды петербургские? За эту же цену можно купить картину очень изрядную Верне и других живописцев. Я подпишусь на Свиньина издание. В деревне все весело читать, а нет пустой книги, в коей бы не нашлось чего-нибудь хорошего.

Вчера была у нас свадьба в деревне. Я не имел понятия о всех этих церемониях; это умора, что за фарсы! Невесту как будто покупают. Жениховы уполномоченные кладут гривенники на кусок хлеба, а уполномоченные невесты не берут, говоря: «Что она, урод, что ли? Она баба плотная, хорошая работница. Возьми свою гривну, гривну наживешь скоро, а невесту выкармливай 16 лет». Там станут все прибавлять более, а там перепьются, а там сговор, а там и обручение, а невеста все покрыта полотенцем и все воет какую-то женскую песню. Сегодня приходили молодые, не с конфетами, а с яйцами. Наши крестьяне все предобрые.

Сегодня подарил я одному новую избу, его вся развалилась от ветхости; надобно было видеть его радость и благодарность. Мне хочется, чтобы у всех были избы хорошие, и я их выкрашу: тогда вид на деревню будет прекрасный.

Александр. Семердино, 16 мая 1820 года

Бородач, принесший мне твой пакет из Троицкой экспедиции [то есть почты из Сергиева Посада, вблизи которого и было село Семердино], не менее доволен меня: он придерживается

несколько горячего, а я ему поднес стакан вина и подарил, кроме того, целковый, прося его, однако ж, напиваться, всегда возвращаясь от меня домой, а не едучи ко мне. Старик пресмешной и не дурак. Я смеялся его суме, которая, кажется, еще старее его; он стал сам шутить и уверять, что ей более ста лет и что ежели бы сложить все деньги, употребленные на ее починку, то можно бы было купить девять сумок, но не соблюдена бы была экономия.

Рад я, что Дмитрий Павлович не имеет более на лбу аттестатов задумчивости своей, и еще более, что не пускается за Пиренеи; в этом путешествии одно только приятно – перепутье: можно между Рейном и Гаронною найти некоторый городишко, в коем время проводится не так-то скучно; оттуда, право, не захочется в Мадрид.

Тургенев так привык спать, что до обеда и во всякое время у него привычка, говоря, хлопать глазами и закрывать их; у него такой вид, будто он говорит: хочу посмотреть, нельзя ли мне поспать; но поскольку не получается, надобно подождать, покуда я скажу. Мы также нашли перемену в нем, то есть в наружности, а душа все та же, а это главное. Спит-спит, да наконец и выспится; прошу же отделаться от злого сердца! Скажи ему, что Шушка его стала здесь еще резвее и часто о нем вспоминает. Каподистрия будет жить на Каменном острове; это весть хорошая для петербургских жителей и для приезжих.

Поделом вору и мука! Хотя Тистльвуду [известному заговорщику, казненному в Лондоне 9 мая 1820 года] и не бросят кошки в лицо, но я рад, что ему наденут на шею орден Веревки и завяжут покрепче. Злодеяние их ужасно. Каково Кастльрегу читать в газетах, что они хотели, отрубив ему голову, посолить да сберечь в банке спиртовой как редкость? Я желаю, чтобы в Англии прибегнут к тем же почти мерам, как и во Франции, – тогда все господа либералисты согласились бы, что свобода печати, неограниченная, личная свобода и прочие бирюльки вредны, ежели и умный, холоднокровный и любящий отечество свое англичанин принужденным нашелся их отвергнуть. Называй нас как хочешь, а счастливее нас нет никого в Европе. «Вы недовольны, сударь? – спросил я у кое-кого. – Как! Вы разве хотите, чтобы было как в Англии, Франции, Германии или Испании? Предоставьте им заниматься экспериментами, а когда они осуществят вашу мечту, нам останется только подражать им». На что отвечал он очень утешительною пословицей: «Часто из избытка зла рождается добро; посмотрите на Москву, она прекраснее, чем когда-либо». Великолепное рассуждение! Оттого что ваша жена красива, убейте ее и женитесь на еще более

красивой.

Константин. С.-Петербург, 18 мая 1820 года

Здесь третьего дня был в городе пожар в Измайловском полку, сгорел дом бывший Гарновского, по неосторожности кучера, который с трубкою ходил в конюшню и обронил огонь. Государь был на пожаре. В Царском Селе не могут еще дойти, отчего загорелось, и подлинно странно: пожар начался в куполе церкви. Обвиняют полицию в том, что только две были трубы, и то неисправных, а городские не прежде могли поспеть, как в три часа по вытребовании. Александр Львович и тут нашел сюжет к каламбуру. Ему говорят, что не было помп. – «Вот что значит двор без помпы!» Я возле него сидел в концерте у Боргондио, и он меня все время смешил. Она пела бесподобно, заставляли ее повторять «Di tanti palpiti» и много аплодировали. Московский наш Семенов играл на скрипке концерт мудреный, но нехорошо. Много было народу. Ни сих днях она уезжает; жаль!

Князь мне сказывал также, что он государю читал мое письмо о Телятьеве. Государь сказал, что теперь ничего сделать нельзя, разве когда дойдет к нему приговор на конфирмацию, тогда увидим. Князь прибавил мне: «По крайней мере, ваше письмо смогло принести только пользу».

Сакен приехал, я был у него вчера утром; он еще спал. Вечером встретил его в саду, он очень меня обласкал и обещал быть у меня. Он с месяц здесь проживет. Почтенный старик не забывает и не переменяется к старым знакомым, хотя и вошел на высшую степень почестей. Он живет во дворце. Ланжерон сбирается на год в Одессу с молодою женкою, весьма недурною лицом.

Давно не видал я Каподистрию, схожу к нему непременно сегодня до обеда. Всего скучнее, что не можешь видеться с кем хочется; а как он переедет на Каменный остров, то и того хуже будет. Нессельроде сегодня переезжает на Аптекарский остров, где некогда жил князь Алексей Борисович Куракин. Двор остается жить в Царском Селе, где тотчас начнут строить и все восстановят точно так, как было; также останется и внутренность, и наружная архитектура. Это мне очень нравится.

В Лицее публичного экзамена не будет, а выпуск будет без него. Только и речей, что о пожаре. Как скоро загорелось, государь вышел и, посмотря в лорнет, сказал, что пожар будет серьезный, тотчас пошел к себе в кабинет и в 10 минут все свои бумаги собрал, запечатал в пакеты и велел вынести. Одним словом, все спасли и разбили только два зеркала.

Константин. С.-Петербург, 19 мая 1820 года

Вчера я один обедал у Воронцова; жена боялась, что будет много незнакомых дам, и не поехала. Обедало человек с тридцать, много генералов, между коими Сакен. Славное плато, сервиз серебряный и фарфоровый были на столе, и все было великолепно и хорошо. Воронцов обязательно едет в будущий вторник, однако же если не случится нежданных помех. Тут же обедал Федор Петрович Уваров. Между прочим сказывал он мне, что как-то зашла у государя речь обо мне, что он очень милостиво отзывался на мой счет, и как доволен, что имеет меня здесь. Уваров прибавил, что, «право, приятно бы и от своего брата иметь ту похвалу, с какою государь о вас отзывался». Это тебя, милый друг, порадует, сколько и меня. После таких отзывов можно забыть беспрестанные неприятности, кои встречаются в управлении людьми, для меня новыми, в числе коих много нестоящих и избалованных. По крайней мере, не пропадают мои труды, и тот, кому бы охотно жизнь посвятил, отдает справедливость моему усердию. Иной награды, право, не желаю, да и, кажется, более этой и быть не может. Сохрани и это для себя.

Был у меня брат Василия Львовича; ну, и этот потешил не хуже старшего. Вряд ли бывает у него сухой час [Сергей Львович Пушкин писал французские стихи и был известен своими остротами]. Приехал просить переслать сыну денег через Инзова.

Александр. Семердино, 19 мая 1820 года

Сегодня Духов день (17-го), время прекрасное опять, и мы, встав рано, решились ехать к обедне к Троице, собрались вдруг и пустились. Большую часть дороги ехали, но много шли и пешком. Приехали туда, стали пить чай; вдруг заблаговестили, мы пошли к обедне, отслушали, отпели молебен, потом шатались по монастырю. Народу было множество. Ванюшка состряпал нам славный обед, поели плотно, накупили детям игрушек и воротились сюда благополучно в половине шестого. Дети в радости, и по целой деревне такая музыка, что хоть уши заткнуть: я накупил множество дудок и роздал по всем крестьянским детям; ребятишки бегают, да кто кого передудит!

Я рад, что и Марица довольна нотами, да и занимается ими, хотя и в ущерб твоих ушей. Я ей рекомендую котильон, посвященный княгине Вяземской, и чтобы она вкладывала побольше чувства в начало; когда мадам Шимановская исполняла его сама, у нее глаза были на седьмом небе; так что надобно, чтобы у Марицы они были по крайней мере на третьем. Вдобавку пушкинского анекдота о племяннике его сообщал я тебе еще другой, коему поводом было сказанное Сергеем Тургеневым, что революция обходит вокруг земного шара; но тут Василий Львович восторжествовал, и мне не удалось его помисти-фицировать.

Что ты мне говоришь, помню ли я Кураева? Разве он не моим был камердинером? И не эдаких славных мужей помнятся имена и деяния! Только как очутился он в Кронштадте? Я думал, что он батюшкою был послан на поселение, что, обокрав там колодников, товарищей своих, он бежал в Камчатку, откуда вплавь пустился на Курильские острова; что там, севши на английское судно, явился в Лондоне, дав себе имя Тистльвуда, сделал заговор столь известный. Я радовался, что бездельник этот будет наконец повешен; а ты пишешь мне, что он в Кронштадте и ожидает освобождения своего как некоего дара небесного. Без шуток – странно, что Кураев в Кронштадте; но еще страннее, что он до сих пор не повешен. В Москве, когда буду, соберу сведения и тебе сообщу; а я тоже твоего мнения – от него отказаться, дать ему и свободу, но растолковать начальству, что наш рыжий Кураев прежде умел красть, нежели говорить, и что он не уступит никакому Тистльвуду, Лувелю или Картушу. Кажется мне, что покойный батюшка, не видя никакого средства его исправить, отдал его в солдаты не в зачет или отправил на поселение. Справлюсь в Евсее, архиве нашем. Ему все домашние анекдоты известны.

Константин. С.-Петербург, 21 мая 1820 года

Хороши Татищевы, Разумовские и все их общество! Вчера выехали на три дня погулять в Петергоф, Кронштадт и проч.; удастся им вместо веселья только вымочиться, что и здесь бы могли сделать. Ну, начались поздравления. Все чиновники желают счастья и удовольствия; последнее много от них зависит. Хотел было им сказать: служите хорошо, так и мне будет весело. Поминутно кто-нибудь входит, не ожидай сегодня толкового от меня письма. Вот начались и записки поздравительные. Этого недоставало! По несчастью, имя такое, что не утаишься; нельзя сказать, что не сегодня именинник. Видно, оттерпливаться! Вчера у меня обедал Соковнин. На конце смерти своей Прокофий присылал за мной, хотел меня о чем-то просить (это все тебе Наташа перескажет, если уже не пересказала), но, видно, не мог вспомнить и подарил мне бутылку вина, которую непременно велел брату своему положить ко мне в сани. Эта бутылка у меня хранилась до сих пор, и вчера мы ее распили. Самый приличный случай. Ты знаешь, что я его сперва не очень жаловал, но совершенно с ним примирился и стал его уважать во время болезни Прокофия и по смерти его. Он истинно любил его, так, как теперь редко любят, то есть по-нашему.

Ну каково бедному Нессельроде на даче! Каподистрия еще не переехал. Государь в Царском Селе, где и наш князь.

Надеюсь, на этой неделе будут почтальоны представлены государю. Проект о дилижансах должен был вчера быть послан к князю при письме Воронцова и прочих товарищей. Тут они желают, чтоб я был председателем их комитета, составленного из нескольких доверенных членов. Этого желали купцы, взявшие акции, говоря, что если под моим будет руководством, то они верят успеху. Слишком много чести; но если не будут ездить в дилижансе, то я не помогу. Надобно, чтобы здесь к этому привыкла публика и нашла свои удобства, так и протекция моя не нужна. Много будет акций. Нет ли и у вас охотников в Москве? Если государь утвердит, то пошлю к Рушковскому экземпляр положения; пусть предложит добрым москвичам, которые никогда ни от чего доброго и полезного не отказывались. Введется, так увидят, какое это благодеяние.

Александр. Семердино, 21 мая 1820 года

Ох, жаль беды, случившейся в Царском Селе! Для меня здание величаво и прекрасного старинного вкуса; я все желаю, чтобы это было все исправлено и чтобы государь приказал все отделать, точно как было прежде, чем и память этого несчастья изгладится. Но откуда взялся огонь в куполе церкви? Это странно! Хорошо, что не ночью сделался пожар. Ежели погорели

деревья в саду, то это деньгами не воротишь, на это надобно время.

Я свои билеты скванчиевские отыскал. Не тут-то было! Угадал только № 42 000, но сотни, десятки и единицы не подходят к моим; только тем утешаюсь, что часовщику бедному, а не Юсупову, достался большой солитер. Эх, Боргондио, испугалась запаху Каталани! Давай Бог ноги. Москвичи любят побежденные трудности; но только теперь все разъезжаются, а не всякий поедет нарочно в Москву, чтобы дорого заплатить за две или три арии. Как время летит! Суворова, некогда красавица, уже в бабушки вступает; того и гляди, что у нас будут с тобою внуки.

Константин. С.-Петербург, 22 мая 1820 года

Вяземскому твое письмо послали мы с Тургеневым в Царское Село, ибо он, почти не останавливаясь здесь, туда поехал к Карамзиным. Надолго ли приехал – неизвестно. Зачем – не знаю. Только он один [то есть без жены, которая оставалась с детьми в Варшаве]. Вчера князь должен был докладывать государю о проекте о дилижансах. Я уверен, что государь согласится; но надобно перейти еще через обыкновенные формы, то есть дело поступит, вероятно, в Комитет министров, ибо они просят привилегии на 6 лет, отправления дилижанса за подорожными моими, а не генерал-губернатора, без платежа поверстных и проч. Это все надобно еще разобрать; но между тем уже будут делать коляски и все приготовлять, дабы еще сим летом начался ход дилижансов.

Татищевы возвратились из своей прогулки. Дождь ни на минуту не переставал. Приехав в Кронштадт, обедали в трактире, ничего не видали, в Ораниенбаум не могли попасть и на паровом судне тотчас возвратились в город. Пристань парового судна довольно далеко, в Галерной гавани (кажется), кареты не было, дождь проливной, как быть? Тюфякин, который тут же был, поскакал в театр, привез два экипажа, в коих возят певчих, и развез всех по домам. Весело! То-то буду над ними смеяться!

С государем едет Каподистрия, а с сим последним не знаю еще кто. Из военных, я думаю, поедут те же, что обыкновенно ездят: Меншиков, Соломка; из прочих генерал-адъютантов не знаю кто.

Александр. Семердино, 24 мая 1820 года

Время прекрасное, и мы, позавтракав, поехали на славную Фряновскую фабрику, принадлежащую Лазареву и которая в шести верстах от нас, а купил, по содействию Карнеева, граф Потемкин, то есть променял за 700 душ в Калуге. Здесь 150

станов, и доходу до 200 тысяч в год; делают бархаты, парчи, штофы. Мы тут гуляли до трех часов и воротились как голодные волки домой.

Кстати сказать, вот что пишет мне Евсей о Кураеве: «Кураев послан был Яковом Ивановичем за побеги из Белоруссии трех раз, отдан на каменную работу вечную; а в прочем за ним никаких дел не находилось и ничего мне не состоит в ведомости моей!» Понимай это и разбирай как хочешь!

Константин. С.-Петербург, 25 мая 1820 года

Большую я вчера сделал глупость. Обедал у Воронцова (это довольно умно) с Каподистрией, Нессельроде с женою, Татищевым, Ванишею и проч. Встали в 8 часов со стола, вечер вышел почти свободный, я и решился ехать с женою к Чернышевой [графине Елизавете Петровне. Ее единственный сын граф Захар Григорьевич служил в гвардии], которая живет у сына возле Таврического сада. Жену посадили в вист, там заставили ужинать, и домой приехали – уже был час. Вот глупость! Добро, кабы было весело; а то зевал-зевал, устал как собака, а приехавши домой, нашел еще несколько записок, на которые тотчас надобно было отвечать. Поворчал и лег спать, а в шесть часов должен был быть на ногах. Но что о глупости говорить! Вперед наука.

Третьего дня князь докладывал государю о дилижансах. Государю понравилось, и изволил изъявить свое согласие, только, так как компания просит привилегию на 20 лет, то и пойдет проект сегодня в Комитет министров; между тем уже почтовые коляски заказаны. Из пяти акционеров собирается комитет, который решает все дела по дилижансам, – под моим председательством. Князь мне поручил о некоторых статьях переговорить с Воронцовым и прочими акционерами, и вчера мы уже все это уладили. Если пойдет, это подлинно будет прекрасное дело; между тем уже денег собрано около шестидесяти тысяч – более, нежели надобно на заведение. Иностранные купцы взяли много акций, а эти бы, конечно, не рисковали, если бы не были точно уверены, что предприятие удастся.

Константин. С.-Петербург, 26 мая 1820 года

Вчера мы очень весело пообедали: Вяземский, Тургенев, Жуковский, Фонтон и Соковнин. После обеда мои пустились во Французский театр, куда и я тоже явился. Вяземский помолодел, все так же мил и любезен. Он в состоянии тебя здесь подождать, много о тебе говорил, рассказывал пребывание твое и Волкова в Варшаве, одним словом, я провел с ним несколько приятных часов. Сегодня еще он пробудет здесь, а завтра едет в Царское

Село. После концерта Каталани мы все собираемся у Воронцова. Эк я зашлялся! Да как от приятелей отстать: опять все разбредутся. После обеда мы на балконе покуривали посреди прекрасных цветов, Тургенев заснул и впросоньях нас смешил. Мы его дразним Потоцкими-красавицами. Начался у нас спор; я утверждал, что старшая нехороша, и говорю: что за ноги! А он: разве у нее есть ноги? Да, бишь, ведь я с нею в саду гулял сегодня.

Завтра собирается у меня комитет о дилижансах, и положат основание сему славному заведению; тотчас будут делаться почтовые коляски, и к осени, верно, езда в них начнется. Спасибо Воронцову: без него бы, конечно, ничего не состоялось; он взялся за дело горячо, и к нему пристали и другие. Побывал всего несколько месяцев здесь, а успел сделать что-нибудь полезное; а другой и целый век живет, и в голову не придет позаботиться об общей пользе.

В твоем журнале я читал примечание о казаках, что они стояли на Елисейских Полях и не испортили деревья. Не только им это строго было запрещено, но можешь еще прибавить, что после государь велел городу заплатить только 60 франков, чтоб гулянье это привести в первобытное состояние. Как же французам его не уважать и не любить? Вообще русские себя отличили пред всеми союзными войсками своим поведением. Коменданта Сакена, верно, парижане никогда не забудут. Почтенный этот старик обещал в свободный день у меня обедать.

Константин. С.-Петербург, 28 мая 1820 года

Ну, сударь, третьего дня был концерт Каталани. У меня обедали Гинрихс, Фонтон и Белоклоков в три часа, ибо на женские туалеты всегда надобно класть лишнее время, хотя, по их словам, они обыкновенно скорее нас одеваются. В семь часов начало концерта. Я потащил всех в половине шестого, – на Перспективе ряд карет, а в доме (бывшем Лионовой) половина мест заняты. Стал набираться народ, сделалось жарко до чрезвычайности, зала полна, более 1000 человек ожидают, уже половина восьмого, – нет ее!

Публика начинает сердиться, она появляется, шикают, и под этакое шиканье она вступает на свое место в углу залы. (Ее карета изломалась, другая, за множеством экипажей, не могла проехать, и от этого она опоздала. Публика, между тем, от нетерпения и жары в большом была неудовольствии.) Сыграли симфонию, – ее нет; показывают на возвышение, хлопают порядочно, запела, дыхание у всех остановилось.

Такого энтузиазма я никогда не видал, но никогда никто не

заслуживал его в такой степени. После четырех кусков (ибо вариации Роде нельзя назвать арией) требовали гимн государю, и она пропела его чудесным образом. Ты не поверишь, какой сделался гвалт: кто кричит «браво», кто «ура». Несмотря на 25 рублей, я уверен, что все, кто был на сем концерте, явятся на второй. Нет, мой милый друг, не говори, что голос ее не идет к сердцу: так-то идет, что у многих были слезы на глазах, и, признаться, в числе и у меня блеснули. Фонтон побледнел, пришел ко мне с лихорадкою. Жуковский вне себя говорит: «Она вызывает восхищение в сладостном чувстве». После ее окружили и множество наговорили приятных вещей. Марица сидела как очарованная, да и не она одна, а подлинно все. Это чудо, волшебство. Я ее довольно часто слыхал, но, конечно, не пропущу ни одного концерта.

Вчера утром собирался у меня комитет о дилижансах; были Воронцов, Меншиков, Лобанов, что женат на Лопухиной, Андерсон и Тамм, купцы. Всё решили, что касается до сего нового и полезного заведения. С августа месяца уже все будет в ходу. Акционеров уже 60 человек собрано, а с деньгами тотчас все можно устроить. Серапина я занимал по этим делам, заставлял его переписывать и проч. Добрый Воронцов предложил ему быть помощником у директора, а чтоб его это также интересовало, подарил ему одну из своих акций в 1000 рублей. Ну, право, во всем редкий барин!

Вчера с женою обедал у Воронцова. Тут же был и Фильд, который после обеда вполпьяна удивительно как играл. Жену я оставил тут, а сам поехал к Нессельроде на дачу, где нашел приезжего из Швейцарии Криднера – глухого, но преумного; потом явился Ваниша, и мы, поболтав немного, все вместе отправились к Гурьеву. Там побыл я с полчаса, – все что-то тянуло домой, – приезжаю и нахожу доброго Каподистрию, Гульянова, Бутягина, Шиллинга, Соковнина.

Александр. Семердино, 28 мая 1820 года

Благодарю за письмо от графа Ростопчина. Он пишет, что у них теперь настоящий кризис между ультрами и либералистами. Вот четыре стиха, прибитые ко дворцу тем человеком, которого взяли под стражу, хотя «Журналь де деба» и говорит: «Они так низки, что перо отказывается переписывать их».

Precurseurs de notre vengeance,
Ces petards que vous redoutez,
Tyrans! annoncent a la France
L’echafaud que vous meritez[174].

Каковы господа фафули? Граф на приглашение короля нового [английского короля Георга IV], а особливо графа Семена Романовича, едет в Лондон, откуда возвратясь, переберется во Флоренцию на житье.

Константин. С.-Петербург, 29 мая 1820 года

Письма милых деток ко мне, право, весьма мне приятны, и если б только было время, я бы завел с ними переписку порядочную. Почерк их всякий день становится лучше, а что у Кости своя орфография, этим он походит на покойного Кутузова, который писал, как это выговаривается по-французски или как попадется. Вчера я обедал у Потоцкого с Воронцовым, Пушкиным и Васей Голицыным. Сегодня выезжает графиня в Царское Село и Павловск, а завтра после обеда надеется и граф выехать. Сегодня именины Ваниши, мы все у него обедаем, а завтра все они – то есть Мишель и Ваниша, Потоцкий и Пушкин, Каподистрия, Фонтон с женою – обедают у меня. Вечером Воронцов отправится в путь. Я рад, что последний обед у меня. Надобно заказать порядочный обед, винцо же есть изрядное.

Ты видел из газет смерть Занда и остервенение народа, который макал платки в его крови, уносил кусочки чресел с эшафота как мощи. Это доказывает мерзкий дух, против которого нельзя правительствам не взять больших предосторожностей. Я нахожу, что дурно сделали, исполнив экзекуцию ранее объявленного часа; этим показали только свою слабость и боязнь, точно как будто неправильное дело делали. Я бы, напротив, дал собраться всем студентам, нарочно для того пришедшим, взял бы свои меры, чтоб они не могли ничему помешать, и показал бы тем, что правительство их не опасается. Может быть, вид казни, которой бы еще более дать торжественности, охладил бы энтузиазм многих из сих молодых людей и изменил их. Я, по крайней мере, так сужу.

Вот тебе положение о дилижансах. Сообщаю тебе его; дай прочесть и Рушковскому, и Кривошапкину партикулярно, ибо еще форменное утверждение из Комитета министров не вышло.

Константин. С.-Петербург, 1 июня 1820 года

Третьего дня все добрые люди у меня обедали. Двое Воронцовых, Пушкин, Каподистрия, Закревский, Лонгинов, Киль, Голицын, Станислав Потоцкий, племянник его Шуазель, Фонтон с женою, Соковнин и проч. Нас набралось человек 25. Явился и Мартынов [живописец Андрей Ефимович Мартынов, женатый на

родной тетке братьев Булгаковых Марье Любимовне], у которого на эти вещи нос чудесный. Пообедали славно, после играли в вист и в бильярд; приехал еще кое-кто, и мы до двенадцати часов препорядочно пропировали. Перед самым обедом получил я от князя Меншикова записку, коей он меня уведомляет, что государь пожаловал Серапину крест Св. Владимира 4-й степени. Вот бы ты посмотрел на его восхищение! Эдакой радости я давно не видал, и обед – как нарочно для него: все пили за его здоровье. Он говорит, что такого счастливого дня еще для него не бывало. И подлинно, он счастлив: так и идет награждение за награждением. Спасибо Сакену, сдержал слово: иначе бы ему никогда не получить креста, тем более, что он был представлен к чину с кучей других чиновников, кои бог знает когда получат свое, а он уже имеет. Поеду благодарить его и Меншикова, который очень тут старался. Как приятно видеть человека довольного и счастливого!

Вчера был второй концерт Каталани, она пела бесподобно свою «Trombo» и «God save the King», и особливо «Ты возвратился благодатный». Зала была полнее еще первого раза, и жара была необыкновенная.

В день моего обеда Разумовская со мной поссорилась за Каподистрию; она непременно хотела, чтоб я ей его уступил, но я не мог сего сделать, ибо обедал он у меня для Воронцова, и я не видел причины расстраивать нашего обеда для их прихоти. Посердятся и перестанут.

Сегодня князь Александр Николаевич дает свои аудиенции в доме Почтового департамента. Есть кое-какие дела к нему, надобно сходить, а после уже не дадут приняться за перо.

Государя ждут сегодня в город на несколько дней. Каподистрия переехал на дачу, но я не успел еще у него побывать; видел его вчера в концерте, где более еще было народа, несмотря на цену и на страшный жар. Она [Каталани], кажется, дает еще три, а там отправится в Москву; только я сомневаюсь, чтобы там много выиграла: все разъедутся по деревням, и разве кто поближе, тот приедет ее слушать.

Александр. Семердино, 1 июня 1820 года

Кончилась теперь печальная церемония; бедного моего Володю повезли в Хотьков монастырь. Надобно было посылать за гробом в Москву, ибо порядочного поблизости нет. Нарочный вчера очень поздно только воротился, и я был в беспокойствии, потому что тело начинало уже портиться. Сегодня в 6 часов утра меня разбудили: приходской священник явился. Володю вынесли тихонько во флигель, где его и отпели совсем, так что Наташа и

не знает ничего [супруга А.Я.Булгакова Наталья Васильевна была в это время больна]. Жаль было расстаться с милым этим мальчиком; к тому же еще меня, право, растрогало участие крестьян и всех дворовых. Володя был очень счастлив и всеми любим, хотя и не очень любезничал. Сходство, которое все у него находили с покойным батюшкою, делало его еще драгоценнейшим для меня, но Божья воля была отнять его у нас. Пусть она исполняется, а я не ропщу.

Ты сделал глупость, но сам себя выдаешь и каешься: то и не смею бранить. Как у тебя достает времени бывать у Чернышевой? И куда ее занесло? К Таврическому дворцу, то есть в петербургскую Немецкую слободу.

Я очень рад, что государь изволил одобрить проект о дилижансах. Для бедняка не шутка ехать в Петербург скоро, да и на рессорах. Иной без нужды раза два в год съездит в Петербург. Во-первых, дешево, во-вторых, спокойно, а в-третьих, безопасно, в-четвертых, скоро, в-пятых, в компании. За работу, господин председательствующий, поспешите и делайте дилижансы!

Константин. С.-Петербург, 2 июня 1820 года

Вчера князь Александр Николаевич (у которого дом переделывается) давал свои аудиенции в доме Почтового департамента. Я заходил к нему; он обещал на этой неделе послать государю почтальонов, и там если утвердят, стану уже понемногу всех одевать. Потоцкий также едет сегодня в Белую Церковь, а там будет командовать дивизией.

В Риме умерла Мальцова, жена того, у которого дом на Девичьем поле.

Каподистрия зашел к нам со своей собачкой. Сашка ну трусить; я ему говорю, что это стыдно, бояться нечего, а надобно с нею играть. Он вдруг бежать к себе. Зачем? – «Я сейчас принесу игрушки».

Александр. Семердино, 3 июня 1820 года

Согласен я с тобой, что Вяземский очень мил, только как ленив он писать! Ежели бы я писал, как он, я не покидал бы никогда пера. Тургенев так же мил, как Вяземский, да, кажется, хочет на него походить теми же пороками. Такой же ленивец! А дистракции его бесподобны. Потому только вспомнил, что у Потоцкой есть ноги, что в тот же день, как дремал у тебя на балконе, ходил с нею в саду: это бесподобно. Я очень любопытен знать, много ли соберет Каталани; а что она понравится, в этом нет сомнения: люди любят все, что удивляет и что приехало издалека.

В один день с Володей умер в Москве Дмитрий Иванович Киселев. Это большая потеря для целой семьи. Он был изворотлив и заботился обо всех своих. Имения почти нет, семья большая. Года три, как он все кряхтел и был болен беспрестанно. Но смерть бедной Марьи Ивановны Высоцкой ужасна. Ей предписаны были фюмигации неподвижного воздуха, запрещено было строго иметь огонь в комнате. Только она, находя, что не так что-то сделано, велела девке посмотреть. Та принесла свечку, подошла слишком близко к больной и зажгла ее. Вся кожа слезла, и бедная Марья Ивановна испустила дух в страшных мучениях, тогда как была надежда к выздоровлению, потому что вышло было из тела ее более двадцати бутылок воды. Пишет также князь Петр, что Константин Маркович Полторацкий упал с подмостков своего строения, против дома Благородного собрания, и раздробил себе плечо, так что отчаиваются в жизни его. Экие беды в нашей Москве!

Константин. С.-Петербург, 4 июня 1820 года

Вчера Воронцов выехал из Петербурга в Царское Село, а завтра оттуда пускается совсем уже в Москву. Нам очень грустно было расставаться, мы очень свыклись. Но как быть! Мы, обыкновенно, жизнь проводим в лишениях.

Разумовские едут, кажется, завтра. Князь очень хорошо дела свои здесь устроил, получив за наследство после Льва Кирилловича 800 тысяч. Едет без дела и с деньгами. Я этому рад; жаль было старика, а приходилось ему в Вене очень плохо.

Александр. Семердино, 6 июня 1820 года

Вашим прощальным обедам нет конца, но лучше, ежели бы не было начала отъезду дорогого Воронцова. Я понимаю, что ты очень будешь чувствовать его отсутствие. У тебя маленький круг знакомых, но зато отборный, дружеский. Лучше так, нежели быть знакомым с целым городом; да тебе бы и подумать нельзя знаться со всеми.

Я совершенно согласен с тобой насчет казни Занда. Зачем делать из этого государственное дело и обманывать студентов, ускорив время казни? Пусть бы любовались на смерть своего героя. Ренан мне говорил, что он так, пустой мальчишка, который многих напрасно очернил и компрометировал; а старый один профессор во Франценсбрунне описал мне его тоже как героя и редкого человека, хуля, однако же, его преступление. Однако же по газетам кажется, что он умер с твердостью; впрочем, человек с обыкновенным духом не пустился бы столь решительно на злодейское такое предприятие.

Александр. Семердино, 7 июня 1820 года

Для меня задача, как и второй концерт Каталани был так полон. Цена дорогая, но это показывает чрезмерную роскошь Петербурга; в Москве, где гораздо более богатства, не сберет она, я думаю, столько, а там хоть не есть сутки, да ехать слушать Каталани! Желаю ей больших успехов и барышей, потому что она добрая женщина и везде поет в пользу бедных, да и нельзя у нее отнять великого таланта.

Итак, я увижу доброго Воронцова в Москве; с 1813 года лишен я сего удовольствия; познакомлюсь с доброй его женою, которую все очень хвалят.

Это что за претензия? Не только Разумовской, но никому Каподистрию не уступай, да и ему самому, верно, веселее у тебя, нежели во всяком другом месте.

Благодарю Ванишу и тебя за кресла, но буду ли часто ими пользоваться? Захочется быть все с тобою, да и спектакль, я думаю, незавидный у вас; но все, верно, лучше нашего, московского, где тот же актер и скачет, и смеется, и поет, и пляшет. Наш жестокий Майков говорит больным: хоть умри, да играй! Бедный Кондаков так и сделал: играл больной в «Семирамиде», да и умер на сцене. А Майков сказал: «Ну так что ж? Я дам вдове бенефис».

Перечитывая первую часть «Записок» Метаксы, которую переписал было набело для печатания, делал я много перемен и множество дополнений: описал подробнее Босфор и Царьград. Мне хочется выбрать у тебя хорошенький вид Царьград а и гравировать, а во второй части будет вид Неаполя; иной охотнее купит книгу ради картинок, но она сама по себе будет очень занимательна. Я помню, что в статье «Али-паша» я говорю, что нельзя ручаться, чтобы этот придирчивый и честолюбивый человек, воспаля воображение свое славою и победами Александра Македонского, не захотел соединить остатки древних греческих царств, отняв оные у Порты, и проч. Теперь читаю в газетах, что Али-паша восстал явно против Порты и хочет принять крещение, дабы склонить на свою сторону греков. Того и гляжу, что Бетера поскачет к нему, чтобы быть его министром иностранных дел или фельдмаршалом.

Константин. С.-Петербург, 9 июня 1820 года

Государь видел почтальонов и изволил утвердить новую форму, только на кивер велел другого орла поставить, а не гвардейского. Также и наши мундиры утверждены. В будущий вторник, надеюсь, дело совсем кончится, и я начну одевать всех

своих почтальонов. Князь хочет, чтоб во всей России почтальоны и инвалиды одеты были наподобие петербургских. Вчера подал я ему записку о преобразовании здешнего почтамта, иначе порядка никакого не будет. Князь на все согласился, и на этих днях я получу разрешение. Это многим здесь не полюбится. Да как быть! Мне уже надоело мучить себя без всякого успеха. Теперь тот же экспедитор делает в то же время три разные вещи; эдаких экспедиторов трое, не лучше ли каждому делать одну только вещь? Кажется, и здравый рассудок того требует. Такого рода я предполагаю несколько перемен. Иным экспедиторам они будут неприятны, но полезны для службы, на них же нечего смотреть.

Вчера получил я письмо от Милашевичевой, которая уведомляет меня о смерти Василия Ивановича и просит, чтобы я похлопотал о пенсии, которой пользовался покойник. Я нахожу, что ей просить о сем неприлично, имея только одну дочь и довольно имения. Жаль мне Милашевича; понемногу все старики, сверстники и знакомые батюшкины, отправляются отсюда.

Пишут из Москвы, что Киселев и Высоцкая также умерли. Первый оставил дочерей, которым еще весьма был нужен, а после Марьи Ивановны Свирлово совсем упадет. Не знаю, кому оно достанется, но если и останется за Николаем Петровичем, то все не то будет. Он более любит польские свои деревни и, верно, туда переселится; опять эдакий дом! Без жены трудно может быть веселым, как был прежде, разве старик на другой женится, что также быть может. Я, право, думал, что Высоцкая, с ее образом жизни и беспрестанным моционом, долго проживет. Говорят, ее закормили хиною. Она меня очень любила. Жаль ее. Куда денутся теперь все ее собачки?

Константин. С.-Петербург, 11 июня 1820 года

Разумовские уехали третьего дня. В тот же день вечером собрались мы к Нессельроде слушать Каталани, но не тут-то было: она больна, не могла приехать, и вместо пения провели вечер в болтании. Были Татищевы, Нарышкин, Гурьевы, всего человек с двадцать. В час приехали мы домой, и все шло хорошо до другого утра. Но тут начала у жены пухнуть щека, и к вечеру сделалась настоящая Опухшая Принцесса. Вчера заказал я коллежскую шлюпку, чтобы, пообедав поранее, ехать погулять по островам, рыбу поудить и подышать чистым воздухом. В три часа обедали родственник Сорокунского, страшный рыболов, Чумага и Филистри, а там пустились гулять, оставив жену дома.

Каподистрии царскосельское житье весьма понравилось, он намерен всякую неделю туда ездить дня на четыре; и подлинно, сделает хорошо: тамошний воздух ему полезен, лицо у него было

вчера прекрасное.

В будущем месяце Александр Львович [Нарышкин, известный богач, Марья Алексеевна – его жена] отправляется на несколько лет в чужие края. Для Петербурга это истинная потеря. В городе говорят, что лентою Св. Екатерины можно бы остановить это путешествие и что причиною иного все-таки лента Св. Екатерины, которую хочется Марье Алексеевне, а не дают. Если правда, то удивляюсь снисходительности Александра Львовича, – тащиться по Европе и разоряться, чтобы помогать прихотям его жены. Как бы то ни было, но здесь все жалеют о его отъезде, хотя уже его дом не то, что был, редко открывается.

У Нессельроде видел я также Северина-Потоцкого, который чрезвычайно состарился. Марков также был – с зеленым своим зонтиком. Глаза болят, а в час сел играть новую пулю в вист, хотя ему это и вредно. И он стал очень стар.

Александр. Москва, 12 июня 1820 года

В Москве 9-го числа шел от восьми часов утра до десяти вечера проливной дождь. Много было бед, несколько человек утонуло; потопило сады и огороды, сорвало плотины и мельницы, унесло мосты и проч. Один будочник, видя себя окруженным водою, которая все подымалась, вскарабкался на трубу и, разбирая доски своей будки, тут же поставил себе плот, на котором пустился на Божью волю и очутился совсем в другом квартале. В народе необыкновенную эту воду приписывают необыкновенному происшествию, случившемуся накануне в двенадцати верстах от Москвы. Все туда бегут, и все об этом только и говорят.

Вот как я это слышал. Деревенская девка приходит в лес, дабы выполнить то, что приказано ей было во сне ангелом. Она находит тут другую женщину, которую всячески старается выпроводить, дабы сделать свое дело – то есть копать землю и найти образ Николая Чудотворца; но та сама ее всячески отводит. Наконец девка, наскуча, говорит напрасно, открывает ей, что она видела сон, который ей велит нечто сделать; но какое было ее удивление, когда женщина отвечает ей, что она пришла именно так же по велению ангела, и рассказывает (не зная подробностей сна другой) именно точно то же! Да и не может быть иначе, потому что они, будучи из разных мест, сошлись именно у березы, возле которой, по сказанному ангелом, должны были быть верба и большой дикий камень. Все это нашлось, и обе женщины, по точному приказанию ангела, стали копать не лопатами, а колышком и руками. Наскуча напрасным копанием, пошли домой. Одна, однако же, думала все об этом и, увидев тот

же сон, сказала отцу, который взял товарищей и пошел на место с топорами и лопатами. Но земля была столь тверда, что лопаты ломались. Мужики пошли домой, а отец сказал дочери: делай сама как знаешь, а мы пойдем домой. Девка, не находя того сопротивления, продолжала работу и действительно нашла образ Николая Чудотворца, взяла было его, но так испугалась, увидев выступившую из-под него воду, что бросила и ушла домой. Сказала отцу; он упрекал ее, что не принесла образ домой, пошел с нею за ним и нашел тут образ плавающим по воде, составившей порядочный ручей. Отец перекрестился, приложился к образу, выпил воды и умылся в ней. У него болела давно рука, и он тотчас почувствовал облегчение. Это разнеслось; народ стал туда бегать и пить оную воду, говорить об исцелениях членов и проч. Дошло до Серафима [тогдашнего митрополита Московского (позднее Петербургского)], который вытребовал к себе эту девку с отцом, слушал ее рассказы, послал на место исследовать. Сказывают, что мнение преосвященного – построить на этом месте церковь. Все это довольно странно, но не сверхъестественно, – на то есть основание, ибо полагаю, что многое прибавлено. Когда узнаю что-нибудь основательное, тебе напишу, а теперь сообщаю, как сам слышал.

Александр. Москва, 13 июня 1820 года

Надобно тебе рассказать все мои вчерашние похождения. Воронцов живет не в своем доме, а у князя Федора Голицына. Я туда – дома нет, скоро будет. Я опять к нему в два часа: был, да поехал в Грановитую палату. Экая досада! Уже пора обедать. Поехал к Чижику, куда вскоре явился и Воронцов. Очень мы друг другу обрадовались, но не могли тут путно поговорить. Я в восхищении от графини: у нее лицо в моем роде, с довольно крупными чертами; в нем есть что-то чарующее, доброе, благожелательное. Первое слово о тебе. Обед задал Чижик [то есть князь Сергей Иванович Голицын] царский (без четырех сотен не обошлось, ежели не более): кушанье, вина и фрукты дивные, мороженое, ликеры, конфеты! Даже музыка играла, и певчие пели. Пили шампанское; один князек наливал графу, а другой графине. Обедали: Лев Яковлев [дядя Герцена], князь Петр, Рушковский, Митюша Нарышкин, Бальмен, генерал Титов, Саччи, человек с 20. Много говорили о дилижансах. Титов хочет, чтобы его теперь же вписали к первому отправлению дилижанса. Лев стал шутить, что уже первое место им выговорено, а Титов отвечает: «Нет, братец, еще тебе надобно прежде писать да кланяться князю Дмитрию Ивановичу [то есть министру юстиции Лобанову-Ростовскому], да просить у него отпуск». Воронцов

хотел быть ко мне, чтобы видеть Наташу, которая от усталости не могла обедать у Голицыных, но я его отговорил, зная, что пропасть у него дел перед отъездом, а условились, что ввечеру у него буду.

Экое горе! Не дают писать. Я было принялся, явился Лукьян [Лукьян Павлович Яковлев] и просидел более часа. Очень стал хил и почти не видит. Ввечеру был у меня тесть; стали садиться ужинать, я оставил там жену, а сам поехал к Воронцову, нашел его в рубашке: писал в ту минуту к тебе, запечатал пакет и отдал мне, для доставления тебе. Другое письмо от графини. Ну, брат, наговорился я тут с ними досыта. Я короче с нею познакомился: прелестная женщина, и мы тотчас поладили. Они тебя любят душевно, о тебе более и речь была. Во втором часу заехала за мною Наташа. Он, узнав, что она тут, накинул скорее сюртук на себя и выбежал к ней на улицу. Тут мы распрощались; он в пять часов утра поехал сегодня в Андреевское, откуда возвратится в январе. К этому дню буду я опять здесь. Воронцов нашел меня гораздо лучше, нежели в 1813 году; да я подлинно начал было опять процветать, но Володина болезнь и смерть очень меня расстроили. Авось-либо это последнее огорчение, и я в Петербурге ворочу все, что здесь потерял в это несчастное время.

Здесь только и разговору, что о девке, видевшей сон; она сидит в тюрьме, и там всякий день страшная толпа любопытных ее видит. Иные говорят, что она научена каким-то священником и дьячком, кои на месте собирают вклады на церковь, другие – что она невинна и подлинно видела сон, что очень может быть. Дело еще разбирается, и обо всем рапортовано Кочубею; но толпа, идущая и едущая на Можайскую дорогу, все не убавляется, и всякий день новые рассказы о чудесах, сделанных водою той. И теперь Лукьян рассказывал, что купчиха одна, страдавшая родильницею, исцелилась. Тесть мой ездил туда и говорит, что более 3000 народа. Княгиня Багратион, больная, послала за водою, а муж все носит этой воды в кармане. Чем-то все это кончится? А народ здесь более, нежели в других местах, любит чудесное, особливо как замешается тут и богомолье.

С Воронцовыми, между прочим, много толковали мы о Каталани. Графиня в восторге от нее, но и Воронцов того же мнения, что и я (по секрету будь сказано), что нет приятности в голосе, который, скорей, можно назвать инструментом; но со всем тем рад бы ее слушать еще у вас, а в Москве не удастся. Сонная девка, Каталани, наводнение и дилижансы – вот предметы общих разговоров в городе. Все хозяева чинят, белят, чистят дома к государеву приезду. Город очень украшается. Земляные валы около Китая срыты. Теперь, едучи в Ильинские ворота, на обе

стороны площади видишь, а налево прелестный вид на Москву-реку, и все Замоскворечье теперь открыто. Да и наша Слобода теперь начинает отстраиваться, но дома все мелкие.

Александр. Москва, 14 июня 1820 года

Воронцов мне пересказал все, что касается до вас, и нельзя сомневаться в успешном окончании. Также сказывал он мне о касающемся до графа Ростопчина, коему король сказал: «Это наказание, кое я на вас налагаю за то, что вы так долго отказывались приехать в Лондон». Лоуренс будет его писать.

Жаль бедную Малышеву: в бытность мою в Париже она уже была больна. Впрочем, все пошли по матери; ты помнишь, что прекрасная Каверина умерла в чахотке, старшая дочь, бывшая за Олсуфьевым, и другая, в девушках, – также; теперь еще больна тем же последняя, меньшая, и все одна другой лучше. Чахоточным, кажется, в Англии запрещается идти замуж, и закон этот прекрасный.

Я любовался отделкой и устройством ордонанс-гауза, который прежде бывал хуже всякой конюшни. Писари сперва как собаки спали – где случится: под столом, на сундуке, на полу. Теперь у всякого своя кровать с тюфяком, подушками, одеялами, стул, стол, шкафчик. Прежде ели кто лук, кто хлеб, а кто ничего; теперь заведена артель, сделана столовая особенная, учебная комната, где книги, карты и проч.; все это стоит государю ничего. Право, весело служить у такого начальника. Зато и любят его как отца, хотя он с некоторого времени и стал очень строг.

Я знаю еще другого такого же начальника, который тоже принялся за строгость, и спасибо ему за это. Свет наполнен его добрым сердцем, одним добром дышащим; но пусть знают, что он добр для добрых, а для дурных сам дурен.

У Щ., нашего бывшего соперника, есть дочь шестнадцати лет, прелестная собою и, казалось, святое дитя; но в тихом омуте черти водятся: она бежала с каким-то Радичем, который ее увез и скрылся неизвестно куда. Говорят, что они обвенчались, и желательно, чтобы это было правда. Отец и мать ей написали, что проклинают; но дело уже сделано. Князь Александр все в Малороссии и от стыда сюда не едет. Видно, дочь в матушку.

Константин. С.-Петербург, 15 июня 1820 года

На меня возлагают переговоры с австрийским и турецким министрами насчет иностранной переписки. Это очень лестно, но не без труда. Надобно еще самому ознакомиться с этим делом, для меня совсем новым, ибо в Москве все расчеты делались через Петербург. Теперь идет дело сделать новое с ними положение

насчет платежа, франкирования и проч. Скажу, как Мельников: рад стараться!

Константин. С.-Петербург, 19 июня 1820 года

Государь выезжает отсюда 9-го, Каподистрия едет с ним; чем позже ты сюда приедешь, тем менее его увидишь времени, а ему очень хочется тебя видеть. Сделай же милость, уж не откладывай более.

Сегодня большие маневры в Красном Селе для прусского принца. Весь город кинулся туда. И меня подзывали, но мне не до маневров.

Александр. Семердино, 19 июня 1820 года

Я получил очень любезное письмо от Воронцова перед его отъездом из Москвы; он уверяет меня, что жена его любит меня столько же, сколько и я его люблю. Я не понимаю, как это может быть, но это приятно слышать. Она обещается писать из Белой Церкви. Жаль, что Алексей Львович едет, а Марья Алексеевна несносна своими претензиями всякого рода. Раз в Москве со мною побранилась за то, что тотчас я к ней не явился. Я все молчал как столб; она врала, врала! Наконец самой стало стыдно, и я к ней перестал ездить. В бытность государя в Москве она сама подошла ко мне и задрала разговор Неаполем, зная, что я его очень люблю. Эта злоупотребляет позволением быть капризной.

В Москве говорят, что Дурасов идет прочь и что князь Дмитрий Владимирович ожидает меня, чтобы атаковать идти на его место; но я не пойду в губернаторы с 25 000 рублей жалованья; а 25 000 рублей дохода, право, составили бы мое благополучие. Желания мои очень умеренны, но я никогда не возьмусь за то, что не выполню с отличием. Чтобы за чертями смотреть, надобно быть черту самому, знать их пакости и уловки. Князь сих своих не жалеет; служба, конечно, выигрывает, но злоупотреблений он не искоренит: поле слишком пространно и слишком заросло крапивою.

Забыл я тебе сказать, что у Троицы нагнали мы Сакена [то есть князя Остен-Сакена, бывшего губернатора Парижа], но я его видеть не мог: он был у ректора и осматривал Лавру подробно. Поехал в Александров – смотреть корпус графа Толстого.

Константин. С.-Петербург, 26 июня 1820 года

Я было уже и Вяземскому обещал, что ты в конце этой недели приедешь, а в начале будущей он отсюда отправляется. Теперь я совсем с толку сбился; не знаю, в дороге ли ты или нет.

Поздравляю вас с совершением богомолья, а тебя благодарю,

что ты сел в карету. Наташу серьезно браню, что она себе ноги промачивает без всякой нужды. При мне нонешний московский преосвященный бранил одну даму за то, что ходит к Троице пешком, воображая, что тут есть особенное достоинство. «Туда придете, – говорил он, – устанете, и у вас уже не моление в голове; лучше поезжайте да помолитесь усердно, это приятнее Богу». Слышите, сударыня Наталья Васильевна? Напрасно ноги мочите.

Тут наступил перерыв в переписке, так как старший брат из Москвы приезжал в Петербург повидаться с младшим.

Александр. Москва, 5 сентября 1820 года

Наскуча бесконечными сборами, я решился ехать один в Москву[175]. Посмотрев в доме, я побежал к соседу Фавсту пешком, а то от сидения и качания дурь взяла; нашел его окруженного его клопами и играющего в карты с нежной подругой. Очень натурально обрадовались друг другу; он ну рассказывать московское, а я петербургское. Государь был очень доволен Москвою и сказал князю[176], уезжая: «Я очень сожалею, что нехорошо расчел; надобно бы в Москве пробыть недели две; теперь нечего делать, как ехать!»

У Фавста просидел я часа три. Иду домой; попадаются дрожечки открытые, пара серых лошадей. Кучер говорит: «Это он!» – а барин кричит: «Стой, стой! А, да, это он!» Это Себо [то есть Рушковский, тогдашний московский почт-директор]! Выходит, а там меня тащит к себе, а там опять выходит; наконец сажусь к нему. «Какими судьбами?» – «А! Я был вот и вот у вас, у вас; у вас говорят: пошел к Фавсту Петровичу, я сюда-сюда и говорю кучеру: “Смотри пристально, когда увидишь Александра Яковлевича, то того, тотчас остановись”». Где мне пересказать все, что он наговорил. Рассказывал царское пребывание, царское путешествие; тут замечательна фраза: «Все обошлось хорошо, очень хорошо, но выслушайте, пожалуйста, какое счастье, вот и у меня есть *домовой*, как у Сократа, который мне шепнул на ухо, не послушав этого *чертенка*[177], послать Неронова все устроить, но так, что, поверьте, я был сам в восхищении от своих распоряжений», – и проч. и проч. Рушковский очень исхудал, и правая рука еще в больших упражнениях, нежели прежде; она при всякой фразе должна побывать за ухом, за галстуком и на носу, что уже по штату, не считая других чрезвычайных поездок.

Князя Петра [это князь Петр Алексеевич Хованский, брат тестя А.Я.Булгакова, князя Василия Алексеевича] я еще не видал; в Английском клубе говорят, однако же, о его остроте. Речь была о болезни папы, а князь на это сказал: «И это уже решенная вещь,

что папою сделали сына Наполеонова». Все засмеялись, а он прибавил: «Конечно, чтобы не было у него детей; это и очень хорошо придумано». Мне кажется, что начало процесса королевы Английской более в ее, нежели в его пользу. Увидим. Ну, прощай, любезный почетный член Вольного общества любителей российской словесности. У Шульгина, к которому ужо поеду, вышла уже распря с новым полицмейстером Белкиным. Экий баламут! Брокера и Бибикова выковырнул, как-то с этим кончит?

Александр. Москва, 6 сентября 1820 года

Как бы найти нового у нас? Петровское-Разумовское купил князь Юрий Владимирович Долгоруков за 300 тысяч, и дешево. Намедни было трагическое происшествие в Кремле. Волков невольно причиною был. В караульне закричали «вон!», увидев коменданта; молодой офицер Зубов, брат служившего у тебя и только что помолвленный с прекрасной невестой, спал. Услышав колокольчик и крик «вон!», он вдруг встал, кинулся со сна с лавки, поскользнулся и наткнулся на штык солдатского ружья, но так несчастливо, что оный прошел до самого сердца, и он тут же испустил дух. Какой горестный конец! Страшно подумать, что у всякого эдак смерть на носу, а иной живет так, как будто ему не умирать и отчетов не давать ни в чем. Этот бедный Зубов был в сражениях невредим, и где же находит смерть? Предопределение! Что ни говори, турки правы.

Шульгин поссорился с Белкиным по делу фальшивых бумажек. Князь Дмитрий Владимирович послал Белкина в Коломну схватить там еще участников (всех их человек с 40), что и было выполнено исправно. Возвратясь и не находя князя, который был в деревне у матери, он подает рапорт Шульгину, который ему отвечает: «Я вас не посылал, дело это мне неизвестно. Трактуйте и рапортуйте тому, который вас посылал», – и проч. и проч. Какой чудак!

И Москва, сударь, украшается: вдоль по стене кремлевской от Иверской до Боровицких ворот делается гулянье, которое не хуже будет Прудов [то есть Пресненских прудов]. Бове очень трудится, и то, что уже есть, понравилось государю. Вот и живописец явился не портрет мой писать, а комнаты расписывать. Вот третьего приводят, и один другого бестолковее и хуже; я думаю, что кончу тем, что все отложу до будущего года.

Александр. Москва, 7 сентября 1820 года

У меня как волшебный фонарь: один уходит, другой приходит; не дадут написать порядочно. Как меня поразило твое письмо № 115! Я ожидал несчастья такого рода по началу письма

твоего, но думал, что это оборвется на старике; вместо того умерла Афр. Дмитриевна [Варлам, теща Константина Яковлевича Булгакова]. Хотя я до нее не большой был охотник, но все жаль, и как человека не станет, то забываешь о пороках его и даже недостатках. Бог с нею, а как бы теперь с Марицей управиться! Говорить, конечно, не должно. Они так нерадивы писать, при всей любви своей, что Марицу не должно удивлять молчание матери ее. Как же ты пошлешь Костаки [Костаки заведовал имениями Варламов], – она догадается, что что-нибудь да не так. Не лучше ли обождать? Что-то напишет старик? Жаль бедного старика. Это горе, присовокупив к расстроенным его делам, нанесет ему ужасный удар.

Волков потащил меня в театр, где очень дурно давали «Водовоза». Был я в ложе у князя Дмитрия Владимировича, просидел у него два акта. Много говорили. Жаловался, что не выходит его представление, тогда как по другим губерниям везде милости, и прибавил: «Только случай и творит заслуги в этом деле, ибо, по существу, не бывает заслуженных милостей; я хочу написать князю Волконскому, прося его напомнить императору». Волкову вместо аренды хочется лучше 50 тысяч рублей единовременно, и доказал мне, что это лучше. Он очень был обласкан государем и очень часто и много говорил с ним, особенно по военно-сиротскому отделению. Государь все изволил говорить: «у нас в Петербурге», а Волков отвечал: «Как изволите приказать, так исполню в точности, но вот почему я так делаю». Государь выслушивал с большой милостью и вниманием и соглашался с ним. Волков очень рад отданному ему старшинству, а то имел 900 полковников на шее, и Нейдгарт брал у него шаг, что очень обидно. Князь Петр Михайлович отказал было Волкову доложить по сему, отшучивался, говоря: «Ну, что тебе? Ты все генерал-майор и комендант московский». Волков жаловался Меншикову, тот как-то намекнул об этом в Вознесенске, кстати пришлось.

Шульгина не могу никак поймать. Он сердит, что Белкина мимо него посылали следствие делать по фальшивым бумажкам; он и теперь опять услан в Тамбов по тому же делу. Это не очень лестно для Ровинского и Обрескова: это бы их дело, ибо у Белкина своя часть постоянная в управе.

Александр. Москва, 9 сентября 1820 года

Я еще здесь, любезный друг, и все пластаюсь с мастеровыми, бранюсь с утра до вечера, а пользы мало. Гнуснее рода людей не знаю, надобно все быть с палкою; я здесь один, и только и есть утешение, что письма твои.

Вчера был я в Английском клубе, так много играл в бильярд и устал, что не видал минуты, как бы добраться до постели, зато и проспал лакейским сном до десяти часов, упустил хорошее время: боюсь, явится Секкатори. Поблагодари, прежде чем забуду, Мерзгофа за меня. Его-то Рушковский называл чертенком; я, писав тебе раз, оставил белое место, не мог вспомнить имя его. Мерзгоф теперь прислал мне кучу чиненых перьев, за которые я очень ему благодарен. Вот уж и началось: теперь имел я посещение Броневского, он очень тебе благодарен и сегодня же едет в Тулу; вслед за ним явился Метакса, воспевает сладостную нищету: выгоняют из квартиры; попрошу Обрескова, чтоб смягчил хозяйку, до получения Метаксою несчастных призовых денег. К тому же и жена у него очень больна. Что делать? Дал этому несчастному 100 рублей. Спасибо, что скоро ушел.

Чертков еще не являлся. Мы вчера с Волковым в театре и в клубе, сидя вместе, все говорили о тебе и его тут же вспоминали. Милый человек Чертков; зато такой дикарь к тем, которых он недруг. Ты говоришь о Саччи как об игроке; это дрянь. В клубе теперь человек десять лучше его играют. Есть какой-то барончик, играющий по 500 рублей партию. У него вид мошенника. Сначала прикидывался плохеньким, а там и стал обыгрывать. У Кикина выиграл 7000, у Посникова 3000, у Танеева 2000 и так далее. Я не видал его игры, потому что все перестали с ним играть. У него метода все пускать противника вперед очков пятнадцать, там сравняется, пустит опять до сорока, а тут и кончит партию; в середине партии наделает биль самых непростительных, зато к концу играет по-тюревски [Тюрев – бильярдный игрок], и этого я не видал.

Рушковский прислал журналы. Они очень теперь любопытны, особливо гнусный процесс этой скаредной королевы. Мне кажется, что лучше иметь голову отрубленную, как несчастный Людовик XVI, нежели быть судимою, обесчещенною, как королева Английская[178], несмотря на приветствия черни. Людовик от времени выигрывает во мнении, а ее в будущие времена ставить будут на сцену во всех процессах сего рода. Ежели из ничтожного слуги хотела она сделать славное историческое лицо, то, конечно, услугу сию оказала она Бергами. Пусть лучше вместо королевы воспоют филистеры своего земляка.

Говорят здесь, что герцогиня Беррийская родила сына, но не верю; ты бы это знал и, верно бы, написал. У нас после дождя сделался такой зной, как в июле; на улице душно, и, вероятно, будет гроза. Хорошо бы недельку тепла, – скорее бы все в доме просохло. Губернатор Дурасов сказывал мне, что получил письмо от брата из Варшавы. Аракчееву приготовлены комнаты во

дворце, и великий князь назначил к нему на ординарцах гвардейских офицеров: почесть, которая не была отдана и королю Вюртембергскому во время пребывания его в Варшаве. Бедный офицер, убившийся, точно Зубов, но не брат того, что играет хорошо на клавикордах.

Марья Ивановна Корсакова проводит зиму в Вене, а теперь должна быть в Париже. Волков ей переслал уже 65 тысяч. Качай, валяй! А бедного Башилова мальчик его, им взятый отсюда, так обокрал, что оставил его только в той рубашке, в которой он спал: все унес. Однако же его в Париже поймали и приговорили к виселице, несмотря на все старания Башилова уменьшить наказание. Баччиокша умерла: вот и бедный мой Пешман – как рак на мели, оставив для нее выгодное место во Франценсбрунне. Явился Голохвастов; прошу у него позволения печатать при нем письмо, а тебя обнимаю.

Александр. Москва, 10 сентября 1820 года

Вчера был бенефис Бернарделли. В театре просидел я возле Волкова, и все болтали. Теперь он очень занят принцем Прусским [это будущий император Вильгельм I], ездил с ним часа три по городу; Москва очень ему полюбилась. Воротились в пятом часу домой, и Волков, к досаде не самолюбия, не честолюбия, но желудка проголодавшегося, не был принцем удержан обедать и должен был идти в трактир. «Молчи же, принц, – сказал себе на уме комендант, – я тебе это заплачу». После показывал принцу французские пушки и сказал между прочим: «Вот, ваше высочество, пушки прусские». – «Удивительно! Как их добыли?» – отвечал тот, несколько замешкавшись. «Ну, квит теперь», – подумал себе наш Сашка [Волков].

От Шульгина повестка – являться завтра четырем классам, чтобы представиться его высочеству, но я не пойду: завтра не брйтовный мой день, и, кроме того, не хочется.

Вчера был у Урусовых. Татищева ожидают сюда к 20-му числу; он поедет сперва к брату в Кострому, а потом к матери – объявить ей о кончине брата ее Аршеневского.

Кто ни приезжает, все хвалят дом; да и подлинно, будет хорош. Ты помнишь, что сзади есть высокая аллея в саду и начинается у самого дома, отчего очень темно; я велел у деревьев снять маковки сажени на две, и теперь стало очень светло, а из мезонина прекрасный вид на Андроньев, раскольничью церковь и проч.

Константин. С.-Петербург, 14 сентября 1820 года

Вчера обедал у меня Жуковский; что-то все невесел, грустно

ему ехать из России, однако же имеет намерение весною пуститься в Саксонию, в Богемию и на Рейн. Четвертого дня он, Тургенев и Блудов просидели у меня вечер. Кривцов [Николай Иванович] возвратился из Варшавы, осыпан милостями государя: 1) получил аренду; 2) 100 тысяч в долг с процентами, но без залога; 3) чин статского советника; 4) первое вакантное место губернатора; 5) невесте его Вадковской (племяннице Чернышева) – вензель фрейлинский; 6) дом в Царском Селе, где может покуда жить. Он в восхищении, да и есть от чего.

Об английской королеве здесь говорили, что она отравилась, другие – что она тайным образом ушла; но, кажется, это все пустое. Процесс ее всякий день становится гаже, так что, право, почти нельзя читать. И это баба в 54 года! Беррийская еще не родила, а уже во Франции пьют за здоровье будущего герцога Бордо! Очень неловко сделает, если родит дочку.

Вчера я ходил смотреть выгруженные колонны для Исаакиевской церкви, их и теперь катят; очень любопытно смотреть. Всякая колонна из одного кусочка гранитного, имеет сажень в поперечнике, а длина в 36 аршин! Когда будут стоять на своих базисах, то будут ростом с Лобанова дом, без верхних украшений. Экие гиганты! И Фонтон рукой не достанет.

Константин. С.-Петербург, 15 сентября 1820 года

Вчера у меня обедал Жуковский, который становится печальнее по мере, как приближается день его отъезда. Не понимаю, что с ним делается. Не влюблен ли разве он?

Корабль, пришедший из Лиссабона, привез известие, что и в Португалии революция и что тамошние жители также приняли испанскую конституцию. Следовательно, и они заразились конституционной чумою.

Вчера был я у Нессельроде в канцелярии, после ходили с ним в придворный конюшенный двор выбирать ему коляску и выбрали. Он вчера переехал в город совсем, а 26-го отправится в Троппау. Теперь чаще его буду видеть, а не то на дачу невозможно было ехать, особливо же не будучи уверен найти его.

Сегодня день коронации нашего ангела. Как помню этот день! Как скоро пролетело время! Где мы с тех пор ни шатались! Сколько претерпели горя, и сколько с нами было приятного! Сегодня обедня в Казанской церкви, куда императрицы приезжают в параде. После обед фамильный. Завтра императрицы уезжают в Павловское и Царское Село. Елизавета Алексеевна там будет жить, говорят, до возвращения государя. Мария Федоровна поедет в Гатчину и, прожив там несколько дней, изволит переехать совсем в город.

Александр. Семердино, 15 сентября 1820 года

Время бесподобное, и мы все на воздухе, целое утро работали все на гумне: я молотил, ворошил, сметал и сгребал; только что не веял, дети даже таскали снопы. Вот у нас как, у деревенских! Для тебя это арабская грамота. Время чудное! Я думаю, однако же, что в пятницу или в субботу пущусь в Москву с Наташей – показать ей дворец наш.

Александр. Семердино, 17 сентября 1820 года

Скоро вышли и Стурдза, и Северин; но это награждают не их, а Каподистрию. Я слышал, что Кривцов женится на Вадковской, племяннице графа Чернышева; она, мне помнится, прекрасная. Хорошо, что ты пересмотрел письмо Свиньина о дилижансах, а то он не много возьмет соврать.

Подлинно гадок этот процесс королевы Английской. В нонешнем свете как будто все клонится к истреблению почтения к престолам и лицам царским. Эдакого соблазна не видано!

Гуляем по крестьянским работам и им даже помогаем, читаем, Катенька чтец хоть куда, а особливо по-русски; вырезываем картины, это фаворитное упражнение всех. Я теперь списываю статью для помещения в «Сыне Отечества», по просьбе Броневского и Греча. Я выбрал статью, касающуюся до Али-паши. Она очень любопытна. Метакса сам ее не узнает. У него все очень голо и сухо. Я прибавил много размышлений, да и дополнил во многих местах новыми прибавками. Пришлю тебе под открытою печатью, прося доставить Гречу, а там надобно будет подумать о подписках для бедного Метаксы.

Ба, вот и мой фаворит! Знаешь ли – кто? Старостин внук Данилка! Я его люблю без ума. Он похож на Сашку лицом, хотя и в грубом виде; но что странно, по несходству санов и воспитания, это то, что у него все ухватки, жесты коверканья, смех и особливо один голос с моим милым Сашкою. Только плачет не так. Я его сбросил с кучи соломы, и он не плакал, но заревел, как осленок. Ежели сходство не изменится (чего нельзя ожидать), то я этого мальчика возьму к себе. У него сестры все красавицы. Оленька и Лизонька должны их помнить, их штук с пять.

Александр. Москва, 20 сентября 1820 года

О чем грустит Жуковский? Я бы рад посмотреть белый свет, он же не оставляет никаких залогов в России. Вольный казак! Милую Фонтоншу прошу пожурить: она может принуждать других страдать и даже делать их несчастными, но не ей мучиться сплином, и ежели сие продолжится, я приеду задать жару ее

мужу.

Итак, Нессельроде едет дипломатировать в Троппау. Ну, преосвященный отче Прадт! Чини свое перо скорее и описывай и этот конгресс! Колонны Исаакиевского собора походят на басню, и эти чудовища будут на воздухе вокруг средней главы. Чудо! Речь государя в Варшаве достопамятна и преисполнена прекрасных правил. Вот катехизис царям и народам, а полякам очень искусно дает по носу.

Константин. С.-Петербург, 21 сентября 1820 года

Копия с записки, сообщенной мне князем.

«Граф Аракчеев, свидетельствуя почтение его сиятельству князю Александру Николаевичу Голицыну, имеет честь уведомить, что по соизволению государя императора сообщено высочайшее повеление господину статс-секретарю Кикину, дабы всеподданнейшее прошение господ Булгаковых, по делу о взыскании в казну с имения отца их за поставщика купца Жилкина, было в комиссии прошений рассмотрено и дабы оная комиссия делу сему дала надлежащее движение в удовлетворение господ Булгаковых.

№ 298. 20 сентября 1820 года».

Число, видно, здесь написано. Следовательно, теперь дело пойдет на лад. Спасибо государю и князю, который представил ему о справедливом нашем требовании.

Явился и Добровольский, возвратившийся из Нарвы. Государыня Мария Федоровна провожала великого князя [Николая Павловича. Это было третье путешествие его за границу] до Каскова; везде все было порядочно и хорошо. Надеюсь, что и далее так же пойдет до границы. Жуковский еще не приезжал прощаться. Сегодня именины слепого князя Салтыкова; подзывают меня туда обедать, но не могу решиться; да, право, не то теперь в голове, чтоб разъезжать по обедам: надобно понемножку дома готовиться к траурному известию [о кончине в Бухаресте тещи К.Я.Булгакова].

Александр. Москва, 21 сентября 1820 года

Ну уж удивился я проколотому письму. Оно от Шмита, ты вряд ли знаешь его. Он оставался в Москве после ухода французов, в Голицынской больнице, доставил Ростопчину разные сведения касательно французской армии, жил потом у Волкова, которому наделал неудовольствия, бывал часто у Варламов и у всех нас, потом определен в наш Немецкий легион, был в походе против французов, скрылся, очутился у турок,

кажется, выслан Строгановым из Царьграда по разным подозрениям. Волконский писал Волкову по приказанию государеву, требуя сведений о Шмите. Я Волкову сочинил ответ, в коем описано все поведение Шмита. Это подлинно авантюрист, и даже весьма неловкий; я и не подозревал о его письмах и надеюсь, что он пишет мне первый и последний раз. Он мне говорит, что прикинулся врачом, и у него получилось, что он лечит, излечивает арабов и что, когда от его лечения умирают, никто у него не спрашивает причины. Вот тебе и весь Шмит, который, как видишь, непохож на нашего школьного и важного Ивана Федоровича Шмита.

Речь государева прекрасна [на втором Польском сейме] во всех отношениях; твердость, ум, нравственные правила, – все тут отменно. Довольны ли ею поляки – не знаю, но это не главное. Кто едет с Нессельроде в Троппау из канцелярских?

Александр. Москва, 23 сентября 1820 года

Наши Пушкины все в Валуеве, копят, бедные, чем жить зимою, и не прежде будут в город, как в октябре. Вчера видел я в клубе приехавшего от тетушки своей Василия Львовича Пушкина. Его перетрусил так племянник его (что у Инзова на покаянии), что он от него отнекивается и отвечал: «Я ничего о нем не знаю, и мы даже не пишем друг другу». Василий Львович был в Калуге, где гостил дня три у Шаховских. Она брюхата, между прочим, и похорошела… В Калуге довольно весело, есть даже театр. Но София не потеряла пушкинской привычки: купила за 200 тысяч деревню, дающую 35 тысяч годового дохода, кроме того, что тут дом и церковь каменные. Деньги всегда к деньгам.

Известия теперь любопытны, особливо палермские; там все актеры мне очень знакомы. А лондонский процесс гадок: верховное судилище, каков парламент, преобразился в управу благочиния. Каков будет этому конец? Здесь только и разговору, что об этом, а у меня только и в голове теперь – поскорее отделать дом.

Происшествие, о коем много говорят, это свадьба странная: Дарья Николаевна Лопухина обвенчалась… не с Лодером, а с гувернером детей своих. Некто Опперман весьма ловкий, говорят, интриган; уверяют, что он на это не иначе согласился, как получив прежде 200 тысяч наличными деньгами. Все бесятся на этом свете.

Константин. С.-Петербург, 24 сентября 1820 года

Вчера был здесь комитет о дилижансах, меня не было. Зимние экипажи скоро поспеют, а с первым путем будет начало

полезному предприятию, за которое подлинно Воронцову спасибо. Дай Бог только, чтоб пошло. В Риге также заводятся до Петербурга и до Полангена. Падерни прислал князю проект. Я его еще не читал; знаю только, что также и то предприятие партикулярное. Говорят, что и в Москве князь хочет заводить. Я бы начал с Троицы и Ростова для богомольцев, там бы, во время ярмарки в Нижний, так бы пошло. Все-таки введением дилижансов будем обязаны Воронцову. Французский посланник отправляется сегодня в Варшаву; он назначен, говорят, в Троппау, куда Ришелье, видно, не приедет. Что-то там решат, а надобно подумать о теперешнем положении дел большим державам вместе. Вот тебе еще новая секта появилась – филадельфов! Прочитай «Инвалид». Али-паше плохо.

Константин. С.-Петербург, 1 октября 1820 года

Виельгорский [граф Матвей Юрьевич] помолвлен, на другой день занемог (и теперь еще без языка и без памяти), на третий получил письмо от баронессы Строгановой, коим она ему отказывает в невесте. Каково? Можно бы подождать, кажется, если и решились отказать. Ему немного лучше физически, но душевное состояние все то же. В городе все себе голову ломают, чтобы постичь причины и отказа, и его внезапной меланхолии. Всякий рассказывает свое: кто говорит, что невеста его не хотела, а другие уверяют, что она всегда желала его себе мужем и полную ему отдает справедливость; иные, что мать не хочет. Лучше, кажется, никому не верить, со временем узнают же правду; между тем это происшествие всех в городе занимает и дошло даже до моего уединения.

Кстати, о новостях, мой милый друг. Али-паша не мог защитить своей столицы Янины, султанские войска заняли оную без всякого сопротивления; все его войско перешло тотчас на сторону султана, сам же Али-паша, видевший себе беду, бежал в маленькую крепость с 400 человеками, но полагают, что принужден будет сдаться. Понемногу все от него отпадают; боюсь, чтоб скоро и голова не отпала. Дурак, ему бы наперед все приготовить, и как пришлось плохо, кинуться на судно со своими сокровищами и бежать в Италию или Триест. И хитер человек, да под старость сделал глупость. Вчера видел я Воейкова, коллаборатора Греча. Он в восхищении от статьи твоей, чрезвычайно ее хвалит. Я его спрашивал: напечатают ли в журнале? – «Да как же, мы бы весьма были рады, если б имели чаще подобные интереснейшие статьи». Я очень рад.

Сегодня у князя служит Филарет; он звал немногих к обедне, а в числе и меня. С удовольствием поеду, но наперед здесь

надобно отделаться. Иностранная почта только что пришла. Великий князь благополучно доехал до границы, был очень доволен и пожаловал моему офицеру (что при тебе был помощником экзекутора, а ныне объездным офицером) Максимову бриллиантовый прекрасный перстень. Это мне очень приятно. Вот уже при мне второй перстень дается великим князем, да государь пожаловал ему же, Максимову, 1000 рублей, когда он провожал его до Москвы. Нессельроде в больших хлопотах: пора бы пускаться в путь, а фельдъегеря еще нет, которого должен дожидаться. Как это он к 8-му поспеет в Троппау? Дороги портятся, особливо в Белоруссии. У него все готово; коль скоро получит, кому поручить департамент, то тотчас отправится.

Вчера послал я князю представление о покупке места. Дай Бог, чтобы пошло в Комитет, и для нас бы это очень было полезно. Между прочим я ему описываю положение пятидесяти сирот почтамтских, кои, получая только по 70 рублей в год, остаются совершенно без всякого призрения и вступают в службу распутными, не знающими даже грамоты и ни на что не способными. Там бы я завел сиротское отделение, школу, имел бы за ними присмотр и сделал бы из них людей и себе, и службе полезных. Все, что можно было прибрать резонов, все помещены в моем представлении. Что-то Бог даст? Теперь стану одевать почтальонов, надобно еще сшить им, часовым, тулупы, коих совсем почти нет; не знаю, как справиться с моим любезным экономом, которому ничего не втолкуешь, а дела пропасть.

Константин. С.-Петербург, 2 октября 1820 года

Филарет служил прекрасно, с большим благоговением и вместе с тем с большой простотою. После обеда часа с два просидели у князя, болтали. Тут же приехал и Уваров, который вчера только из Москвы прибыл. Потом я завез Николая Дмитриевича домой посреди пресильного мокрого снега, так что и он сам не решился пешком идти. Сегодня был порядочный мороз, и все крыши покрыты снегом. Вечером был у нас Ламсдорф, который, опубликовав в газетах о потере башмаков, нашел их и привез торжествующий к жене. После приехала Хитрова. Эта просидела до одиннадцати часов, так что у меня уже и глаза начали смыкаться.

Говорят, Виельгорский начал говорить, но не читал еще письма, коим ему отказывают в невесте. Все это похождение непонятно; публика, особливо женская, хочет проникнуть в тайну, но до сих пор, кажется, никто ничего не знает.

Александр. Семердино, 5 октября 1820 года

Сидим вчера ввечеру с Наташей, дети слушают, как я им читаю отрывок из журнала «Благонамеренный». Вдруг входит Васька: «Митька приехал из Москвы!» «Письма от Константина», – говорит Наташа. Приносит целую шкатулку от глухого Евсея, между всякою всячиной твои два пакета с №№ 130 и 131. Детям объявлено продолжение чтения вперед, а я ну тешиться твоими письмами.

Мысль о помещении Фавста в Комиссию построения московского собора очень хороша. Поговорю с ним в Москве; да хорошо бы дать место, которое назначили, Руничу, а Рунич еще ничего не знает о себе.

Не поверишь, как меня опечалило известие о бедном Виельгорском. Он, кажется, прекрасный молодой человек. Экие болезни! Я отчаиваюсь в выздоровлении. Каково бедной невесте! Как будто она ему принесла несчастие.

Речь государева еще лучше по-русски. Эдаких речей отроду не бывало. Такие правила и чувства лучше всякой конституции; теперь все бросили мысль о якобы готовящейся вольности у нас, а речь эта много сделала добра у нас.

Я получил письмо от графа Ростопчина, которого карбонары заставили отложить поездку во Флоренцию. Он остается в Париже, собирается опять в Лондон, когда будет там Воронцов, а весною собирается в свои деревни, и через Киев в Москву на короткое время. Он вспомнил, что, в разговорах наших в Париже, я ему говорил об изобилии сена у нас в Белоруссии. Он пишет, что велел мне привезти славного жеребца и пять кобыл для заведения завода лошадиного. Спасибо! Приятно брать и сохранять: у него лошади дивные, подарки султана Селима во время оно; это может сделать значительный доход со временем. Наташе шлет он славного быка и четыре коровы голландские. Я ему писал: «Не становясь сама коровою, Наташа страстно увлекается коровами и много занимается ими в деревне». Он чрезвычайно любезен и даже великодушен, ибо они стоят не менее пятнадцати тысяч рублей. Авось-либо с легкой руки пойдет и у нас славная порода.

Константин. С.-Петербург, 8 октября 1820 года

В городе поговаривают, что Тюфякин сбирается в чужие края, года на два повояжировать. О нем, конечно, никто сожалеть не будет, ибо все им крайне недовольны: и публика, и актеры, которых он порядком румянит [то есть бьет по щекам]. Давно я не был в театре, совсем нет охоты, да все это время не до того было. Алексееву видел, она не очень здорова и, кажется,

обрюзгла. Она очень хвалит почт-директорскую деревню, которая в пятнадцати верстах от нее. Местоположение очень хорошо, и есть домик на речке. Если можно там жить, то можно жену с детьми посылать туда на месяц подышать свежим воздухом. Вот уже и проекты начались! Рибопьеру поручена продажа дома, который я торгую для почтамта. Он вчера был у меня, и я по поручению князя А.Н. упросил его не продавать его никому до возвращения государя. Я очень надеюсь, что это обширное место нам достанется и со временем там выстроим славный дом. Если не удастся в Москве, то, может быть, удастся здесь привести в исполнение хоть часть проекта Бове.

Константин. С.-Петербург, 12 октября 1820 года

Из Варшавы получили мы речь государя при закрытии сейма. Мне прислал ее Тургенев на минуту, но я ее для тебя списал и при сем прилагаю; также ответ маршала сейма Рембелинского.

У меня теперь в голове много чего бродит. Я говорил с князем о заведении отделений в некоторых частях города; ему эта мысль очень полюбилась, и займусь проектом. Также хочу завести, чтоб прием писем на все почты делался в почтамте всякий день. Многие из жителей не знают или забывают, на какую почту принимаются письма, издалека приходят, получают отказ и принуждены в другой раз приходить. Теперь уже этого неудовольствия им не будет, подавай когда хочешь; но надобно опубликовать вместе со вседневным приемом, что отправление не будет ежедневное, а по-старому, так что письма будут лежать в почтамте и ожидать дня отправления. Много у меня разных затей, но точно все полезные.

Константин. С.-Петербург, 13 октября 1820 года

Виельгорский совсем здоров. Ты жалеешь о невесте, а она давно ему отказала. Заговорили было, что опять дело идет на лад, но, видно, это пустое. В нем все принимают большое участие, а мать Строганову не хвалят за неделикатный поступок. Тут точно что-то кроется, только до сих пор никто проникнуть не может в тайну: видно, что Боголюбова здесь нет.

Константин. С.-Петербург, 14 октября 1820 года

Звать гостей, чтоб видеть Татищеву, – это по-московски. Сперва звали только на стерляди. Впрочем, правду сказать, есть что и посмотреть. Ламсдорф сказывал, что ты его подозревал в гасконстве, но теперь признал его опять доблестным рыцарем. О Виельгорском перестают говорить. Его брат приехал. Теперь весь город сожалеет о добром Павле Михайловиче Арсеньеве, которого

называли Поль-Мишель и который на этих днях умер. Жаль его, был прехороший человек.

Что за шум! Вбегает Вася Голицын как сумасшедший. «Что с тобою сделалось?» – «Обнимите меня, поздравьте меня! Все кончено!» – «Да что же?» – «Помолвка прямо сейчас состоялась!» Ну, слава Богу! Это меня чрезвычайно обрадовало, а он в чрезвычайном восхищении, да и есть от чего. Свадьба будет по возвращении государя. То-то князь Сергей Иванович запрыгает! Я уверен, что он не выдержит, приедет сюда. А тетушка-то! Вот как Бог всем добрым людям пособляет. Графиня Строганова желает, чтоб я с нею познакомился, и я на этих днях к ней и к старухе Голицыной пущусь с визитом. Хоть я и не охотник до больших бояр, но тут нельзя, надобно ехать. Будущим супругам отделали прекрасный покой в доме у матери; тем лучше: Голицыну не надобно заботиться теперь о найме и отделке дома, на что бы множество пошло денег, а у нас их не гораздо.

Константин. С.-Петербург, 16 октября 1820 года

Прусский мемельский почт-директор Голдбек назначен своим правительством для переговоров со мною по предмету почтовой корреспонденции и скоро прибудет сюда.

Я жду его с уверенностью; а с австрийцами моя негоциация остановилась, доколе получу разрешение на мое донесение и мнение насчет их предложений.

Герцогиня Берри, по моему мнению, поступила геройски в родах своих. Тут женщина всякая желает скорее перейти опасную минуту; она же останавливает действие природы и ожидает свидетелей, чтоб доказать, что родила сына и что он еще с нею соединен. Для кого же она это делает? Для народа, который бы должна ненавидеть. Черта прекрасная, но описание слишком подробно в газетах. Что делается из этих газет? Даже и описание прекрасной черты почти читать нельзя. Она наперед родов просила акушера, если путь пойдет дурно, то жертвовать ею и спасти ребенка. Она подлинно женщина с духом и с высоким чувством. Неужели не восчувствуют это французы!

В «Сыне Отечества» антикритика прекрасная. Я все думал, читая, что это Блудова творение, но по подписанным буквам – кажется, Кривцова. Не правда ли, точно как Блудов говорит?

Здесь вышла весьма неприятная история в Семеновском полку. По неудовольствию на полкового командира Шварца первая рота ночью восстала на него. Ее посадили в крепость, потом весь полк вышел из казарм без оружия, требовал, чтоб роту возвратили или бы и их отправили туда, где она. Весь полк был посажен в крепость. Тут, кроме величайшего неудовольствия на

полкового командира Шварца, совершенно никакой другой причины не было, и полк тотчас повиновался, как скоро велели ему идти в крепость. Офицеры не участвовали ни в чем, а равно и другие гвардейские полки. Это сущая правда. У вас будут много врать, вероятно; для того тебя и предваряю, чтобы ты знал истину.

Константин. С.-Петербург, 19 октября 1820 года

Третьего дня здесь, ко всеобщему сожалению, умерла молодая Юсупова, жена так называемого Бориньки, урожденная княжна Щербатова. Неловко родила и истекла кровью. Видя неминуемый себе конец, она со всеми простилась и приготовилась к переходу из сей жизни в вечную. Все ее любили, и все о ней сожалеют: да и подлинно жалко! У нас здесь все страсть принуждать природу или, лучше сказать, торопить ее. Оставили бы натуру действовать, так бы родила, может быть, благополучнее; а тут, говорят, стали вынимать ребенка, да вместе с ним что-то и оторвали. Впрочем, это слухи, может быть, и несправедливые, а правда только, что молодая милая женщина преждевременно умерла.

Я тебе писал, что женщина одна бросилась в Неву; вот как это рассказывает Тургенев. Карета остановилась у начала Дворцовой набережной. Две женщины пошли, оставив карету и человека, пешком к Эрмитажу; там одна из них, помоложе, скинув свой салоп, сбросила шляпу с вуалем – и бултых в воду. И это днем. Кинулись ее спасать, она вынырнула, опять пропала, однако же подоспел на шлюпке гребец, ее зацепил под мышки и вытащил.

Придя в чувство, она первая запретила людям своим называть себя; сели обе в карету и поскакали на Литейную. Только и слышали тут стоящие, что человек сказал: «Ах, барышня!» Мне ее, однако же, несмотря на это инкогнитное топление, называли. Вспомню – тебе скажу. Она девушка, сестра ее за отставным генералом.

Кстати, о новостях: кто-то читал гамбургскую газету, полученную с кораблем. Там сказано, что Сицилия сохранила свою независимость и отделилась от неаполитанского правительства, что у нее будет своя особая конституция и свой великий викарий, однако же из фамилии королевской.

Тургеневу пишет брат его, что Али-паша хотел дать конституцию Албании, что посылал в Грецию искать, кто б ему мог ее сочинить, но, по несчастью, не нашел. Он хотел непременно принять испанскую с некоторыми изменениями. Находит, что одной камеры депутатов довольно; из них полагает четырем частям быть из греков, а пяти – из турок. Каков! Его

история кончена; он сам, потеряв свои сокровища, согласен сдаться только самому капуданбею. Скоро голова его будет украшать Серальские ворота.

Константин. С.-Петербург, 20 октября 1820 года

История семеновская кончилась тем, что на место Шварца назначен полковым командиром Бистром-Егерский. Первый батальон останется здесь в крепости, другой послан в Кронштадт, а третий – в Свеаборг и Шлиссельбург, где и будут ожидать решения государя, как с ними поступить. Офицеры с ними посланы. Они вышли отсюда как в обыкновенный поход, без конвоя, в порядке, без всякого сопротивления и без шума, только без оружия. Иной точно не было причины возмущению, как неудовольствие на Шварца. Его бы верно убили, если бы в первую минуту им попался. В городе и в других полках все было совершенно спокойно, так что в городе многие и не знают о происшествии.

Константин. С.-Петербург, 22 октября 1820 года

Обе императрицы переехали совсем в город. Первый батальон Семеновского полка остается в здешней крепости до разрешения государя, к коему отправлен, кроме фельдъегеря, вчера адъютант Васильчикова Чедаев. Кабы да скорее зимний путь! Тут бы и дилижансы наши пустились в ход. Охотников ехать много, и мне кажется, пойдет дело на лад, особливо зимой. Экипажи прекрасные и очень покойны; проводники выбраны из людей с прекрасными аттестатами, все почти из отставных военных офицеров, на станциях лошади всегда будут готовы, как под почты. Чего лучше? За 95 и за 55 рублей можно доехать до Москвы без всяких хлопот на станциях и в определенное скорое время. А если по этому тракту хорошо пойдет, так заведутся дилижансы, вероятно, и по другим, а особливо по Рижскому, где много ездит купечества, конторщиков, артельщиков. Пароход в Кронштадте показывает, как подобное публичное заведение полезно и прибыльно, коль скоро к нему привыкнут и получат доверенность. Сначала мало было охотников, а теперь редко когда пароход не наполнен.

Александр. Семердино, 26 октября 1820 года

Стало, государь был доволен в Варшаве; по правде сказать (я сам его видел), войско польское удивительно во всех отношениях. Раутенштраух умрет от радости. То-то будет примеривать ленту и носить с кокетством; перещеголяет молодого Кутайсова, который шесть месяцев дулся на сенатора Багратиона за то, что он (думая

ему угодить) отшпилил булавку, державшую со многим другим ленту в позиции, угодной сиятельнейшему графу.

Как поразила меня смерть бедной Юсуповой! Кровь с молоком, молода, богата, все не помогло! Бедная эта Юсупова не могла ни одного раза родить, бывши 4 или 5 раз брюхатою. Может быть, и подлинно виноваты были акушеры. Это срам! Нет их хороших в обеих столицах. Лучше убавить докторов, да завести парочку хороших акушеров. Жаль, жаль бедную Юсупову! Еще не Саблукова ли кинулась в Неву от жестокостей Тургенева, еще не он ли вытащил ее из воды багром? У нас, кинувшись в Яузу, можно замараться, а утопиться – никогда.

Неужели королеву Английскую оправдают? Чего доброго, радикальные возведут на престол Бергами. И у нас есть удалой Варфоломей мусье Боголюбов, а этот Варфоломей еще удалее нашего: не откажется ни от чего. Сицилийское дело кончилось хорошо. Сицилия столь разнствует от Неаполя всем, что ей нужна особенная конституция, а независимость ей будет независимость вроде польской – на словах, а не на деле. Я люблю очень, что этот головорез Али-паша хотел тоже дать конституцию Албании; кажется, он кончит еще хуже Наполеона. Как он не уберется куда-нибудь! Но, видно, отливаются волку лютому слезы горькие!

Статья наша очень кстати попала в «Сын Отечества». Она подлинно интересна. Теперь штурмую я «С.-Мавру». Ее берет наш Сенявин, бывший тогда капитаном. Это дает мне повод делать размышление об этом достойном лице; я приглашаю читателей себе «Записками» Броневского, в коих Сенявин является на поприще пространнейшем, достойном великого его духа, способностей и славы русского флага.

Меня очень приятно заняла и насмешила антикритика на Воейкова, разбиравшего поэму молодого Пушкина. Писано чрезвычайно остро и колко до жестокости. Насмешники возьмут сторону Кривцова, я не думал, что он так силен, он очень даже прекрасно рассуждает о литературе русской. Кажется, Воейков будет довольно умен, чтобы молчать и сим прекратить бой, конечно, неравный. Я читал жене, и она смеялась, как и я. Пришли нам поэму «Руслана», ежели она напечатана; я ее не читал еще.

Ну, поспевает восьмое чудо в свете! Евсей пишет, что в воскресенье не будет уже работника ни одного в доме, что все кончится к этому дню. Итак, в субботу мы отправляемся в Москву, куда сегодня посылаем обоз последний. Атакуют меня со счетами, страшно подумать!

Константин. С.-Петербург, 28 октября 1820 года

Третьего дня наконец граф Нессельроде получил ожидаемого так долго курьера, и в тот же день пустился в путь в шестом часу вечера, несмотря на дождь, снег и слякоть. Помучается он дорогою, да и бог знает, когда приедет в Троппау, ибо фельдъегерь из Варшавы ехал десять дней. Управлять министерством в его отсутствие велено Дивову, сенатору, что управляет архивом Иностранной коллегии, но не Родофиникину, как было все думали. Новостей из Варшавы только, что Константин Бенкендорф назначен министром в Штутгарт на место князя Козловского, коему из оклада оставлено 3000 с курсом и дозволено остаться в чужих краях. Сверчков сделан камергером. Об Али-паше уже говорят, что он, не находя средств обороняться с 400 солдатами, запершись в крепостцу, когда видел, что уже до него добираются, полетел на воздух, как Мустафа Байрактар, и тем отнял у султана удовольствие украсить сераль его головою. Сергей Тургенев пишет, что в Царьград привезли несколько голов, что ожидали головы сына Али-паши, Вели-паши, и его племянника, взятых в плен, что курьер встретил дорогой несколько мешков с головами. Вот подлинно головорезы!

В 30-й день августа барон Строганов дал великолепный обед, на который звал всех русских подданных, даже купцов, и кончил день прекрасно. У этих купцов, инородных подданных, много старых дел, которые судятся при миссии. Строганов после обеда сказал им, что в этакий день не надобно расставаться в несогласии, и всех их сблизил и помирил. Нельзя достойнее праздновать день нашего ангела. Вечером весь дом, набережная, сад были иллюминованы, и множество из Царьграда приезжало народу к зрелищу, для них необыкновенному.

Через неделю сбираются дать бал. Славно! Это стечение народа доказывает также, что чума прошла. Третьего дня был у меня утром Д.П.Трощинский, застал меня врасплох в кабинете и посидел у меня. Много хвалил порядок теперешний в почтамте, весьма меня обласкал. Он отправляется сегодня в Москву, вероятно, проживет у вас до первого пути, а там пустится навсегда в свое имение. Не худо бы тебе к нему съездить, где он пристанет. Спасибо ему: батюшку поминает. А.И.Марков сюда приехал и намерен навсегда здесь поселиться. Уверяет, как сказывают, что в Москве скучно. Не могу с ним согласиться. Старуха Гурьева намерена, по приказанию доктора, ехать во Флоренцию, но, кажется, упустила время и останется здесь до февраля.

Слава Богу, любезный друг: дело о возвращении мне почт-директорской деревни кончено, и указ подписан 11 сентября в Варшаве. Хотя я и потерял месяцев девять, но как быть, мог бы и

совсем не получить; а теперь это все-таки будет подспорьем для дома.

Константин. С.-Петербург, 29 октября 1820 года

Лева [Лев Александрович Нарышкин] встретил Жуковского около Кенигсберга; его раза четыре опрокинули дорогой; авось-либо родятся стихи от падения. С поэтами то хорошо, что всякое приятное и неприятное обстоятельство полезно для публики: они находят, что лучше сказать в стихах, что с ними случается, чем в прозе.

Александр. Семердино, 31 октября 1820 года

Мне кажется, что при государе не было бы этой истории в Семеновском полку, который всегда был отборный; видно, Шварц, пользуясь отсутствием императора, слишком много себе позволял, или мучил людей, думая перещеголять другие полки. Все пакости делаются у нас иностранцами. Свой своему поневоле брат. Наш солдат очень терпелив, и тут не был он никем подстрекаем. Жаль, что такой видный полк будет раскассирован, но этот пример нужен. Я думаю, Шварца тем более ненавидели, что он заступил место Потемкина, которого очень любили.

Да и в Москве многие вострят зубы на дилижансы, не у вас одних; все спрашивают, когда пойдут они в ход; вся Москва собирается в Петербург, кто за 95, кто за 45.

Заводите: это слишком полезно, чтобы не идти хорошо, а тогда заведутся и по другим трактам, особливо по Рижскому.

Константин. С.-Петербург, 2 ноября 1820 года

И старик Яблонский умер! Был на балу, мороженым простудился и через десять дней кончил жизнь. Его третьего дня хоронили; на кладбище на Васильевский остров перевезли еще по мосту, но вскоре мост развели, и вся процессия, архиерей с певчими и проч. остались там гостить! Бутягин, племянник покойного, приехал накануне, был на похоронах, но догадлив: проводил только до моста. Он здесь с женою и детьми, нанял Лобанова (министра) дом, уверяет, что за 15 тысяч, и намерен прожить с нами год, если не раздумает, за что не ручаюсь.

Кстати, о мертвых: весьма некстати умер у меня прекрасный чиновник, который управлял отделением отправления посылок. В субботу был у меня с подорожною в четвертом часу, я его еще расспрашивал о посылках; пошел от меня, отправил тяжелую почту в Москву, отправился домой на Петербургскую сторону и, переходя Тучков мост, упал и умер на месте от удара. Его звали Зарубаев, человек был очень хороший и прекрасный чиновник.

Все дела после него нашлись в совершенном порядке. Он оставил жену и двух детей без всякого состояния. Я ей послал 200 рублей на похороны, но и тех еще не могли к ней доставить, ибо нет сношений с Петербургскою стороною. То-то жизнь наша!

Я вчера был в первый еще раз у графини Строгановой, нашел ее одну и очень приятно провел часа полтора. Она весьма любезна и умна, разговор ее очень приятен. Потом явился и жених; невесты я не видал, она, верно, была у бабушки. Оттуда заехал к Карамзину, но не застал его дома. Очень сожалею. Он был у меня на сих днях; надобно было условиться о рассылке нововышедшего тома его «Истории».

Константин. С.-Петербург, 3 ноября 1820 года

«Руслана» посылаю тебе в подарок мой экземпляр, а себе куплю другой. Я нахожу, что довольно занимательно, но не стоит ни шуму, который наделали, ни войны, которая зажглась между литераторами. Раз прочесть забавно, только не вечером, чтоб не видеть во сне ни горбатую волшебницу, ни Черномора, ни Голову. Во Флоренции умер молодой Корсаков, бывший при миссии.

Александр. Москва, 5 ноября 1820 года

Вчера оставил я тебя вдруг [то есть прервал письмо], любезный брат, чтобы ехать в баню. Ну уж бани! Реман в восхищении, все хвалит Москву и все бранит Париж, превозносит русских. «Вот, – говорит он, – человек, который, несмотря на бороду, был бы превосходным министром внутренних дел». Этот почтенный Лепешкин, потеряв все во времена французов, не получив никакого вознаграждения из казны, деятельностью и умом опять поднялся и везде жертвует собою для блага общего: в тюремном замке, в яме, для постройки мостов, кладбища – везде его труды и деньги. И подлинно, о банях сих говорил бы «Журналь де деба» как о чуде; а здесь никто и не замечает их. Тут каменного строения на 400 сажен, вода проведена из средины Москвы-реки, то есть за версту, большим подземным каналом, разделяющимся потом на 1200 труб; есть котел главный, вмещающий в себе 900 ведер воды, и эта горячая вода идет в разные направления; все гидравлические машины очень прочны, сделаны самим Лепешкиным; ежедневно бывает в раздаче до 5000 билетов, солдат пускают безденежно. Хозяин сам нас угощал тут же, в чистенькой комнате (каких много) с диванами, зеркалом, ковром и проч., чаем, а там было, с позволения Ремана, и шампанское: пили за здоровье почтенного хозяина матушки Москвы. «Ну, еще стаканчик Реману за здоровье доброго друга Константина Булгакова, – сказал Волков, – хотя я и буду страдать

и сердиться на Константина, ежели он мне не ответит». У Лепешкина есть приятель, также мужик с бородою. У них 25 лет братская такая любовь, что не узнаешь, который хозяин: что один прикажет, другой всегда одобрит, все общее, не могут быть друг без друга. Любо на них смотреть. Одним словом, я так был восхищен всем вчера, что не могу не дать тебе хотя короткого понятия о добрых сих людях и о заведении их. Реман взял все себе на заметку и собирается туда возвратиться, чтобы исследовать заведение во всех подробностях.

В городе нет ничего нового, кроме истории князя Долгорукова, по прозванию «Блудный сын»; он проиграл какому-то Квашнину 3000 рублей, не платил, тот ему пишет; он разорвал его записку, сказав человеку: «Я не должен был никогда твоему господину». Так как это было в Английском клубе, то Квашнин обратился к старшинам, прося по статутам исключить Долгорукова из клуба. Старшина Ев. Иванович Марков поехал уговаривать Долгорукова, а тот и тому отперся, уверяя, что он даже и не играл никогда с Квашниным, на которого напал Марков. Квашнин, чтобы пристыдить Долгорукова, поехал к нему, нашел его с женою и детьми за завтраком. «Правда ли, что вы мне, князь, не должны 3000?» – «Правда!» – «Вы говорили, что со мною даже никогда не играли?» – «Не играл!» Квашнин развернулся да хлоп его в щеку, а Долгоруков позвал людей, растянул Квашнина, да прибил немилосердно. Не знаю, чем эта мерзкая история кончится.

Сейчас был Василий Львович, который тебе много кланяется. Сегодня ждут княгиню Вяземскую из Варшавы; а он сам будет позже, прежде к вам, а там сюда, а там в чужие края, говорят, оставя здесь княгиню. Узнаю что-нибудь от нее, а он, ленивец, не пишет ни слова. Брат княгинин, Васенька Гагарин, был в горячке, освободился от нее, рано выехал, объелся и теперь, говорят, на смертном одре; не на радость приезжает сестра.

Александр. Москва, 8 ноября 1820 года

Благодарю очень за «Руслана и Людмилу». Это редкость здесь, и Василий Львович так и кинулся вчера на нее, а ты успел не только ее отыскать, но и переплести. Я еще не читал, да, между нами сказано, не большой охотник до стихов. Наташа любит сказки, а особливо волшебные; она очень хвалит поэму, но жалеет, что есть кое-где вольные стихи.

Точно, все обрадуются вашей зиме, потому что все с нетерпением ожидают прибытия дилижансов. Всякий говорит об них по-своему: иные превозносят до небес, другие говорят, что это большой подрыв для казны, что с дилижансом будут посылать

важные суммы, чем избавятся от заплаты процентных денег в казну, и проч. В Английском клубе один вопрос: «Читал ты в «Инвалиде»?» – «Что?» – «Как что: с 1 ноября пойдут дилижансы». Боголюбов не поехал с Татищевым, чтобы отведать дилижансы; словом, они в большой моде. А бедный Яблонский, не дождавшись дилижансов, отправился на тот свет. Бутягин будет умножать ваше общество; он-таки для многого годится, а она преумная, даром что, кажется, отродье Макеровских или Ефимовичевых.

Я уверен был, что графиня Строганова тебе понравится, – во всех отношениях почтеннейшая женщина, а Вася очень счастлив попасть в такую семью [говорится о Софье Владимировне Строгановой, дочь которой, графиня Аделаида Павловна, выходила замуж за молодого князя Василия Сергеевича Голицына, чья мать (Приклонская) была двоюродной сестрой Булгаковых]. Ну, брат, что здесь завистников! Я всякий день ломаю копья из-за Васи. Вчера Обресковы мне говорили: «Ну что ты его превозносишь, все сделалось оттого, что он князь Голицын!» – «Да Голицыных, – отвечал я, – столько на свете, что можно ими вымостить Невский проспект; зачем же дали именно Васе преимущество? От поведения его, от добрых правил». Уж мне эти кумушки!

Дмитрий Каменский купил за 95 тысяч дом Лобанова у Никитских ворот, отделал его с большим вкусом и давал намедни для именин своих обед и ужин; сестры живут с ним. Они умно устроили свои дела; а свояк его, косой Загряжский, совсем разорился, взяв еще более за женой своею [Анастасией Ивановной Бибитинской]. У Каменского видел я Ремана, который все еще в восхищении от бани намеднишней и от хозяина-бородача. «Я предпочту, – говорит он, – этого доблестного человека, у него больше ума, чем у всей камеры депутатов Парижа». Я видел там Малиновского, который совсем оплешивел и бьет тебе челом безволосым.

Я сейчас от Волкова, у которого обедал. Дал ему слово ехать с ним в театр; представляют «Обриеву собаку»; говорят, что это любопытно. Тут собака играет главную роль; однако же она в первое представление заупрямилась и не все сделала, подошла к плошкам и чуть не прыгнула на музыкантов.

Александр. Москва, 9 ноября 1820 года

Собака вчера славно сыграла свою роль: прибежала на сцену, взяла в зубы веревочку, звонила колокольчиком, вырвала у женщины фонарь из рук и указывала ей дорогу к месту, где убит ее господин, потом по сцене преследовала убийцу, кидаясь на

него. Пьеса, впрочем, довольно незначаща, а иные злые люди вызывали после пьесы собаку.

Здесь на Вяземскую опять сплели историю, которую Василий Львович рассказывал мне с трепетом и таинственностью, читая в глазах, верить ли этому или нет. Вяземская, конечно, кокетничать не откажется, но я поручусь в верности ее к мужу. Святоши и смиренькие сто раз хуже. Как ее дамы не любят, чего не выдумают! Эта история так глупа, что я тебя избавлю от рассказывания; героем в ней генерал Альбрехт. Василий Львович очень обрадовался, что я позволил ему этому не верить.

Процесс лондонский кончился по желанию радикалистов, то есть обесчестием короля и королевы и унижением престола и парламента. Мерзкое дело. Это подлинно была ловушка, поставленная королю, и он в нее попался, послушавшись ненависти своей к жене, а она заслуживала лишь глубочайшего презрения.

Я посылаю тебе гостинцу, посылаю вещь, которой нет ни у кого в Москве еще, кольми паче у нас: вчера только привезли первую и еще не продается; но что тебя мучить загадками? Посылаю тебе 5 фунтов славнейшей икры свежей!

Александр. Москва, 11 ноября 1820 года

Вяземская была здесь сутки и поехала в свою подмосковную. Не могла меня отыскать, имеет комиссии от мужа. Скоро будет опять сюда на житье. Он же явится через шесть недель. Милорадович будет в отчаянии, а может быть, и Тургенев: Ольга Потоцкая идет замуж за Голицына Александра, варшавского.

Константин. С.-Петербург, 16 ноября 1820 года

В газетах опять выдумали басню о побеге Наполеона. Ты это, верно, уже читал в гамбургских газетах. Там уже сказано, что он прибыл в Сен-Томас, а кончается тем, что всего лучше вздору этому не верить. Вот сейчас уверяли меня опять, что процесс королева выиграла. Моему чиновнику сказывал Василий Степанович Попов, что императрица-мать получила письмо из Лондона от Дивен, которая о сем уведомляет.

Александр. Москва, 16 ноября 1820 года

Вчера я у Волкова обедал; вдруг является Баратов, стар, худ, сед, но все так же буффонит, все говорит о талантах своей 16-летней дочери, которая, по его словам, большая уже музыкантша и различает мазурки от экосеза. Его дела очень плохи: тамбовские мужики взбунтовались, не платят оброк, подали государю жалобу, что он их угнетает; кажется, 70 рублей с тягла –

небольшой оброк; вот полтора года, что он ничего не получает, жить нечем, он теперь старается продать эту деревню и отдает почти за ничто. При всем этом так же ходит журавлем, представляет дурачка, говоря: «Разве не видно, какой я остроумный?»

Сегодня ожидают графиню Орлову, которая чрезмерно огорчена смертью своей нянюшки; она за нею смотрела как за матерью, давала сама лекарство и ночи не спала. Теперь везет ее тело сюда, чтобы предать земле; здесь многие ее цыганят: что за любовь к нянюшке! Почему же нет? Конечно, иной и родную мать свою не почитает, тому это покажется странно. Графиня во всех отношениях препочтенная женщина.

На днях была свадьба молодого Всеволожского, что был у Закревского адъютантом, с меньшою княжной Трубецкою. За ней теперь 1000 душ и на 100 тысяч приданого, а там дадут еще другие 1000 душ, а жених с трудом мог у отца оттянуть материнское имение.

Константин С. -Петербург, 17 ноября 1820 года

Правда ли, что Ольга Потоцкая выходит замуж? Закревский не верит, а Тургеневу вдруг и сказать не смею: боюсь, чтоб с горя не объелся икры. Воля их, а я в ней никогда не находил ничего чрезвычайного, то есть в ее красоте, ибо, не зная ее, не могу судить об уме и других качествах.

Прокопович точно тот самый зарезался, что читал по-русски отчет Библейского общества. Тут точно главною причиною большая меланхолия. Жаль его, человек был хороший и умный.

Александр. Москва, 19 ноября 1820 года

У нас балам нет конца, но я ни на одном еще не был. Тургенев молодец: станет на всех и ног его и желудка! Очень меня радует то, что сказал Голицын; он, верно, обратит себе в урок расточительность отца и не расстроит никогда свое состояние, что еще было бы непростительнее, ибо имение женино, а не его. Он, напротив того, употребит хорошо богатство свое. Я не воображал, что так много, да и никто этого не воображает, а говорить не стану: подлинно, иной лопнет.

Обресков говорит, что вчера у Апраксина только и речи, что о побеге Наполеона, о коем рассказывает подробно гамбургская газета. Всему верить! Да он бы посмотрел, что говорит о том сам газетчик: «Верно, это выдумки»; а они все плачут и перетрусились. В журнале Свиньина Данилевский говорит с похвалою о книге «Русские и Наполеон Бонапарт», которую я издал в 1813 году.

Тесть велел явиться на экстраординарный обед, им заказанный в отделении, где будет много шуму. Апраксин, по старой привычке, выезжает с проектом. Хочет, чтобы его баллотировали; он хочет нарушить первое правило, цель учреждения отделения, и предложить, чтобы члены отделения не были принуждены быть членами Благородного собрания. Какой вздор! Как будто 50 рублей разорят кого-нибудь. Ежели поеду, буду бурлить против этой глупости. Первое – потому, что это глупость, второе – потому, что я директор Благородного собрания. Вот все наши новости, наши глупости.

Сегодня нет бала, как всякое воскресенье, у принца-регента. В отделении намедни он прихрамывал, был в госпитале, неловко ступил; видно, вытянул жилу. «Думаю, – говорил он, – что по возвращении домой придется мне резать сапог, ибо чувствую, что нога опухла», – так и сделалось.

Волков получил приказ государев касательно Семеновского полка. Здесь все находят, что решение самое справедливое, но никто его не предусмотрел, всякий полагал по-своему; жалеют только бедных унтер-офицеров, особенно тех, коим доставалось очень скоро в офицеры. В этом числе и бедный Николушка Щербатов, выслуживший два года в своем чине. Лучше бы отца разжаловать в прохвосты; но надобно думать, что после сей справедливой строгости государь их помилует. Государевы изречения трогательны и тверды. Я полагаю, что ты мне пришлешь этот приказ. Теперь никто об этом полку не жалеет. Здесь мнение государя имеет ужасный вес; да и подлинно, избрано лучшее средство.

Александр. Москва, 22 ноября 1820 года

Вчера обедал я в отделении. Проект Апраксина прошел. Да как быть иначе, когда дают обед в 1500, и господа в лентах ходят около стола и кланяются в пояс, чтобы быть их мнения. Я тебе писал, в чем дело. Я положил черный шар и сказал Степану Степановичу, что я не его мнения; что, нарушая закон, коим всякий член отделения обязан быть членом и Благородного собрания, они нарушают главную цель учреждения отделения; что 50 рублей никого не разорят, что прежде следовало это обдумать; что или тогда делали дурно, или теперь. Зачем не делать всякому, что он хочет? Хорошо, да зачем вы не говорили это при учреждении отделения? Вы сами разрушаете ваше творение. Много было крику, все остались недовольны, и большинство было незначащее. Теперь Английский клуб говорит: вот и доказали старшины отделения, что цель их не была нимало поддержать Благородное собрание, а только подорвать

Английский клуб. После обеда учрежден еще новый закон – по предложению князя Юрия Владимировича Долгорукова, а именно: всякий член Благородного собрания может быть, *без баллотировки*, членом отделения. Не думаю, чтобы это придало блеску отделению, в коем, напротив того, принимали с разборчивостью в члены. Ты помнишь, что Лунина, офицера, не приняли в отделение, а теперь он будет членом без всякой протекции. Одним словом, кутерьмят, да и только.

Помешались на обедах: в четверг обед в расписном, по 25; там тоже выкинут что-нибудь нового. Тесть мой играет роль гофмаршала на сих обедах. Я от будущего отказался, а вчера надобно было видеть, как князь Василий Алексеевич провожал стерлядь в полтора аршина; два человека несли ее на лотке, а он подводил ее и рекомендовал принцу-регенту, Юсупову, Долгорукову и проч. матадорам, приговаривая: «Каков мусье? Сам покупал, два часа назад была жива, ну, теперь ступайте, режьте!» Огорчительно видеть человека такого возраста и звания, предводителя дворянства, играющим метрдотеля. Принц-регент подошел ко мне вчера, мы говорили между прочим о Васе, о котором он отозвался хорошо, его не зная, а я – со знанием дела.

Как бы процесс королевы ни кончился, она вся ошельмована… и, я думаю, все послы за бесчестие сочтут делать ей приветствие малейшее; это докажет не ее невинность, но худой дух, царствующий в Англии. Останутся ли министры? Увидишь, что это начало всяких бедствий для Англии.

Константин. С.-Петербург, 26 ноября 1820 года

По газетам, прусский король возвратился уже в Берлин, следовательно, и наши не замешкают с возвратом. Зимние экипажи остановились в Порхове, куда с трудом доехали; далее совсем нет снега. Вчера приехал курьер из Троппау; я не имел писем, графиню Нессельроде, ни Закревского еще не видал и не знаю, что нового. Нет ли чего о возврате? Продолжаться все уже не может, ибо вот уже декабрь на дворе. Президусом суда, который судит Шварца, говорят, назначен Алексей Орлов. Здесь был пожар близ Литейной, в Шпалерной улице горел двухэтажный кабак, полиция славно действовала, спасла даже тысячу сажен дров, которые стояли расстоянием сажени три от дома. Рунич, сосед пожара, сказывал, что три человека сгорело; видно, не умели или боялись кинуться из окошка или сесть в парусный мешок.

Александр. Москва, 29 ноября 1820 года

Вчера был я на балу у князя Дмитрия Владимировича и даже танцевал кадриль с его дочерью. Княгине делались обмороки, и

она до ужина удалилась в свои комнаты, а после ужина все тотчас разъехались. Я увидел тут после семнадцати лет молодого Демидова, сына Николая Никитича, он адъютантом у князя; в Неаполе знал я его восемь лет, его называли Полишка, и я его дразнил, что как привезут в Россию, то будут называть Полушка. Сколько напустить он может полушек! Он, говорят, весь в батюшку и деньгами не сорит. Николай Долгоруков всякий раз танцует котильон с княжною Голицыной; вот и довольно, чтобы думали, что женится [князь Николай Васильевич Долгоруков действительно женился на дочери московского генерал-губернатора, княжне Екатерине Дмитриевне Голицыной]; мне не кажется, чтобы он много ей нравился. Барышни смеются, что он танцует, зажмурив глаза и в ссоре с кадансом. Он было женился во Флоренции на дочери графини Бутурлиной (Лили), но маменька, узнав это, послала ему именной указ возвратиться в Россию.

Волков отправил своего Николая Ивановича в Одессу с Пашею, которого отдает в пансион, учреждаемый Бибиковым, что женат был на Муромцевой. Все хвалят это заведение. Князь Дмитрий Владимирович сказывал вчера о многих перемещениях в миссиях наших и спрашивал, пишешь ли ты об этом; я отвечал, что нет, ибо и ты пишешь об этом как только о слухах петербургских.

Графиня Бобринская в трауре по брату, но, я думаю, не вытерпит и, верно, даст в зиму хоть один бал.

Сегодня был в Собрании выбор двух дворян для исследования, по высочайшему повелению, здешней думы городской. Мертваго и князь Долгоруков, бывший здешний губернатор, выбраны были для заседания в сем комитете сверх назначенных государем князя Дмитрия Владимировича, Цицианова, губернатора и Шульгина.

Александр. Москва, 30 ноября 1820 года

Сегодня первое собрание; кажется, не будет многолюдно. Я не поеду, вероятно, тем более, что не мое дежурство, а Юсупова и князя Михаила Петровича Голицына; в субботу новозаписавшихся было только четверо. Князь Юрий Владимирович Долгоруков выезжает с новыми проектами, чтобы учредить при собрании французский спектакль и тем привлекать народ; это пустяки, но у нас без новизм ни на час.

Волков отыскивает портрет покойного Тормасова. Государь велел оный прислать для Эрмитажа; у Тормасова стоял прекрасный и схожий портрет, но не знают, куда он девался после его кончины.

Александр. Москва, 2 декабря 1820 года

Хорошая была мысль – ехать в дилижансе в Стрельну; таким образом узнал ты недостатки в экипаже и можешь им пособить, а беда иметь ноги скорчивши, особливо в большом переезде. Первый транспорт прибыл сюда чрезвычайно скоро, я ездил смотреть повозки и обо всем расспросил. Вчера был я зван обедать к князю Дмитрию Владимировичу, где только и речи было, что о дилижансе; узнав, что я их видел, все меня обступили и расспрашивали о всех подробностях. Смерть бедной графини Апраксиной всех поразила; но князь сказывал, что она сама виновата: родив очень хорошо, простудилась две недели после [это была графиня Елена Антоновна (дочь неаполитанского посланника Серра-Каприоли), супруга графа Степана Федоровича Апраксина].

То, что тебе говорила графиня Нессельроде, сказывал мне вчера князь Дмитрий Владимирович, только вместо Лайбаха называл Венецию, и что туда будут еще короли Сардинский, Неапольский и великий герцог Тосканский. Мне кажется, что моего Фердинанда не выпустят из Неаполя, или не впустят назад, ежели тайно уедет. Я все это не понимаю никак. Ежели то, что бывает в Неаполе, не нравится, то на что им согласие связанного кандалами карбонариев короля? Зачем не действовать силою? Тогда и король скажет: что нам делать против силы? Уступим ей! Французы не хотели второй раз Людовика XVIII, да ведь дали же его Франции, и он царствует. Положим, что правила, господствующие в Неаполе, не могут быть терпимы; зачем же те же правила терпятся в Испании и Португалии? Затем, что австрийцы, которых итальянцы терпеть не могут, боятся бунтов в Венеции, Милане, а может и Флоренции. Но польза Австрии еще не есть польза всеобщая. Ответ Фердинанда можно наперед предвидеть: он не в том положении, чтобы говорить правду. Судить хорошо я не могу, не зная тайн кабинетов, а по вероятиям. Я так думаю, и князь со мною согласился. Об истории Тургенева с Лобановым не слыхал ни от кого; но правда и то, что давно не был в Английском клубе, а услышу, то сообщу тебе, как ее здесь рассказывают. Экая горячка этот Лобанов, а, кажется, мужику за 60 лет. Брат его, князь Яков, так иначе поступает: все шутит, играя везде в бильярд, а вчера и попрыгал у Каменского с Варварой Пушкиной. У Каменского была лотерейка, я за 10 рублей выиграл пресс-папье бронзовое и еще другую бронзовую фигурку Робинзона Крузо для навешивания на нем часов и колец; это был лучший лот, и оба стоят 155 рублей. Пушкины уверены, что я тут сфальшивил, тогда как и не я карту выдергивал, а

молодая жена Ржевского. После танцевали, и я кадриль проплясал. Потом показывали штуки чревовещательские, изрядно, но все это не парижский граф. Дом Каменского славно отделан, щит был очень хорош. Они живут очень согласно и счастливо, с ними и обе сестры его живут. От главнокомандующего взманил меня Иван Иванович Дмитриев; он сел в мою карету, и мы поехали к княгине Вере Федоровне Вяземской, которая наконец дала мне от мужа письмо. Она немного потолстела, и это идет к ней; все такая же хохотушка, живет с матерью, а он будет сюда к Новому году.

Помнишь ты место на Кузнецком мосту, которое отдавал нам покойный Тормасов для выстройки дома с лавками? Ну! Теперь Дмитрий Павлович Татищев тут строить хочет. Урусов послал ему смету в 500 тысяч рублей; но зато и доход будет огромный, а в городе прибавится прекрасное здание.

Александр. Москва, 10 декабря 1820 года

Вчера, прервав писание письма к тебе, поехал я к Волкову, тут нашел я Башилова, и три Александра пустились в «Красную шапочку»; но, увы, пьесу давали не в театре комической оперы, но в театре Пашкова на Моховой. Башилов, как истинный парижанин, держал французскую брошюрку в руках и немилосердно критиковал перевод, хулил голоса, машины, оркестр и проч. и, наконец, от усталости замолчал. Народу было тьма, и это было главное для Медведевой и Окуневой. Мы трунили над Волковым, потому что в пьесе барон-волокита называется волком. Потом поехали к Волкову, болтали, трубка за трубкою, и не видели, как ударило час.

У Настасьи Дмитриевны Афросимовой был удар на этих днях, а она все не теряет военной дисциплины в доме: велит детям около себя дежурить по ночам и записывать исправно и ей рапортовать по вечерам, кто сам приезжал, а кто только присылал спрашивать о ее здоровье. Ежели сделается с нею несчастие, то жалка будет бедная ее дочь; но я полагаю, что без матери скорее она выйдет замуж, нежели при ней. Все этой маменьки боятся смертельно; да и есть чего, признаться. В воскресенье у нас бал в Собрании в честь государева рождения. Чтобы не было пусто, мы приглашаем 250 купцов с их семьями, а то мало еще записавшихся вновь.

Каменский Дмитрий Николаевич меня прервал, долго просидел, звал обедать к себе, а он едет в Полтаву, рассказывал, что Булгари присваивает себе неправильно и мимо ближайших родственников имение умершего князя Кантемира, который тем менее мог сделать завещание в пользу Булгари, что он был в

сумасшествии и имение его в последние 18 лет управлялось опекою. Говорят, что Каподистрия хлопочет за Булгари, но, видно, он не знает дела подробно. Впрочем, и я повторяю только слова Каменского, который хотя и ближе родня Булгари и Кантемиру, но хлопочет для бедных родственников: они не в силах тягаться, не имея ни средств, ни покровительства.

Александр. Москва, 13 декабря 1820 года

Я обедал вчера у князя Дмитрия Владимировича. Рушковский сел возле меня, заговорил. Сказывал, что получил род репримanda [выговора] за дилижансы; оправдывался, хотя я, право, не судья ему. Чудак! На хорах за обедом пела каталаниевское «ура» певица здешнего театра Ветрошинская. Рушковский так зарапортовался, что начал аплодировать; но более меня насмешило, что он мороженое ел вилкою, а между тем рассказывал о дилижансах, так что все мороженое падало на штаны несчастного генерала Гурко, возле него сидевшего.

В субботу был у нас пир хоть куда. Играли в три стола: один вист сотенный, другой 50, а третий, наш, 30. В первом отличились: Фавст, Карнеев, князь Оболенский, что женат на Нелединской, и Керестури. Во втором фигурировали тесть, Дмитрий Нарышкин, Лунин и Спичинский, – этот сам назвался и явился с Чижом; нечего делать! А в нашем тридцатном висте были: княгиня Хованская, Осипов, Башилов, Чиж и я. Сверх того были: Волков, Софья Сергеевна Обрескова и некоторые другие, не игравшие. Был Риччи. Как все разъехались, он сел за клавикорды и долго нас восхищал своим пением.

Вчерашний день был тяжел для меня. Поутру ездил поздравлять князя, потом не мог не ехать во Вдовий дом, где начальником добрый Нарышкин; там слушал и обедню, и было посвящение семи вдовиц в сердобольные сестры; учреждение прекрасное, но куда трудно выполнить все обязанности, которые самые христианские! Клятва, ими приносимая, прекрасная. После было тут молебствие; преосвященный надел на них кресты, их отличающие от обыкновенных вдовиц. Мы позавтракали; тут были князь Дмитрий Владимирович, члены Опекунского совета и некоторые друзья П.П. Глядь на часы: час! Ехать в Слободу и воротиться к князю обедать – далеко. Я – к Чижу; просидел у него до половины третьего, отогрелся, а там трое в карете (свою отпустил я домой) графа Федора Андреевича Толстого поехали на обед, где было 120 человек, все в шитьях, славный вид. Я бы взял себе только брильянты, которые были на трех матадорах: Юсупове, Кутайсове и Обольянинове, и был бы богат. Конечно, имели они на себе на миллион! Дома я отдохнул, выпил чаю, а в

девятом часу поехал в Собрание. Чтобы оное наполнить, позвали мы 200 купцов с семьями их. Всех было до 800 человек, записалось еще до 500 человек, между коими до 200 мужчин. Кажется, пойдет хорошо. Танцевали довольно. Засиделся, застрял я у Митюши.

Константин. С.-Петербург, 14 декабря 1820 года

Ну, сударь, в воскресенье был я на балу во дворце. Вот почти год, что я там не показывался. Много все мне наговорили комплиментов насчет почт, перемен и проч.

Императрица Мария Федоровна подзывала меня и очень милостиво со мною разговаривала, желала иметь подробности об успехе дилижансов, весьма хвалила это заведение и проч. Потом, дожидаясь ужина, мы с Закревским, Лонгиновым и Пакратьевым сели играть в вист по 30 рублей. Я, выиграв три роббера, протанцевал польский с Татищевой, которая была прекрасна, и в час благополучно отправился домой. Много нашел я тут знакомых, которых с год не видал, и много приятных, между прочими Гамильтона. Он в генеральских эполетах, чем-то командует в Ревеле, на волос не переменился. Не мог я понять, отчего не было Тургенева.

Во дворце была одна шведка, жена нашего генерала Лехнера, которая много делает шуму здесь своею красотою, и подлинно прекрасная. Муж ее назначен, кажется, в Бендеры; если поедут через Москву, то советую тебе полюбоваться на нее. О Троппау много слышал разных толков; кто уверяет, что поедут далее, а Закревский уверяет противное; увидим, что привезет первый курьер; надеюсь, что Закревский будет прав, и желаю сего. Я был в новом мундире почтовом, который всем понравился. Князь тоже его надел. Во дворец граф Хвостов привез в кармане кучу новых своих стихов и раздавал всем, говоря, как Вольтер: «Пусть меня бранят, но читают». И мне достался экземпляр, но так как я не намерен ни хулить его, ни читать, то и прилагаю стихи при сем. Сделай из них какое хочешь употребление. Видел я молодую Кривцову, – лицом нехороша.

Александр. Москва, 14 декабря 1820 года

Тебе много кланяется графиня Бобринская. Дом ее стал еще лучше; пристроенная галерея совсем в новом роде и совершенная прелесть, напоминает очень Помпею и древние здания внутри. От нее пустился я к Луниным, где была славная музыка, по обыкновению, а сверх того, Лобанов К. Яковлевич нас ужасно смешил.

Чудесно поет этот Риччи, а голос в роде Стефана Мондини,

славная метода. Любо слушать мужа с женой. Когда она была брюхата в первый раз, Меттерних сказал ей: «Дети кричат, рождаясь в свет; но я уверен, сударыня, что ваше дитя будет петь!»

В Собрании в воскресенье танцую польский – человек на меня смотрит, прохожу еще раз – мне кланяется, а в третий – со мною заговорил. Не знаю, кто это, но когда сказал: «Ваш брат-генерал вместе с князем Голицыным помогал нашему отъезду из Петербурга», – я догадался, что это Сент-Мор. Заговорил меня, а сегодня читаю его и в газетах. Да только и разговора здесь, что о дилижансах.

Константин. С.-Петербург, 15 декабря 1820 года

Булгариево дело мне известно. Имение никак не может за ним остаться, а о деньгах, которых, говорят, много имел покойный Кантемир, и о движимости – что забрано, то пропало. Даже Варлам ближе родня ему был, чем Булгари. Никогда не поверю, чтоб за него был Каподистрия, как скоро дело несправедливо. Не такой человек. Я уверен был, что в Москве тургеневскую историю увеличат. Удивляюсь еще, как твой тесть не прибавил еще жесты к словам. Ох, добрая моя Москва, а уж выдумывать любит; впрочем, и здесь почти то же, помню, что и в Вене не иначе было; следовательно, это свойственно людям вообще, а не городам порознь.

У Тургенева я был во время обеда. Он прекрасно уписывал суп, с жадностью ел каплуна и говорил, что ему теперь легче, только аппетита еще нет. Сказывал, что Блудов получил какое-то предложение от Каподистрии, но еще не знает, в чем оно состоит. Верно, какое-нибудь дают место в чужих краях. Не в Вену ли уже советником консульства, на место покойного Отта? Это будет Обрескову досадно, а он для этого сюда приехал. Также мне сказывали, что государь пригласил приехать в Петербург графа Головкина. Этот, я думаю, лет с пятнадцать здесь не был, а может, Головкин и сам просился: после смерти жены надо же было ему устроить дела.

Как не сказать о вчерашнем бале у Шувалова? Я приехал туда с Закревским в одиннадцатом часу, и еще мало было; но там как повалило, так, несмотря на обширность залы, сделалось тесно. Дом прелестно убран, и вообще бал был такой, что напомнил мне конгрессные пиры в Вене, прекраснейший! Я поглазел, после сел с Закревским, Сухтеленом, Васильчиковым в вист играть, выиграл в 4 роббера 125 рублей. Посмотрел, как сели около трех часов ужинать, а в половине четвертого поехал домой. Тут звал меня Дмитрий Львович к себе предварительно также на бал, хотя день

еще и не назначен. Эк я загулялся!

Александр. Москва, 16 декабря 1820 года

Князь Дмитрий Владимирович с женою и Катерина Владимировна Апраксина с мужем едут в первых числах января в Петербург к свадьбе; а Чиж, кажется, нет и говорил мне: «Зачем вы хотите, чтобы я туда ехал, ежели меня не приглашают?» Я ему отвечал: «Да зачем же вам ехать? Ведь жених и невеста, как скоро обвенчаются, тотчас прибудут сюда, и для того именно, чтобы вас видеть». Он замолчал. Ему, я думаю, надоедают всеобщие вопросы. И всякий делает свои заключения.

Итак, кажется, что скоро наши воротятся из Троппау, а здесь плели басню, что Священный союз уничтожен, что все пойдут на турок, коих положено выгнать из Европы, что прусский король с ума сошел, и проч. Замечательно то, что все эти басенки сочиняются петербургскими жителями, сюда приезжающими, – видно, на смех добрым москвичам.

Александр. Москва, 21 декабря 1820 года

Я все любуюсь на Беннерову коллекцию, хочется везти князю Дмитрию Владимировичу показать и попросить подписаться. Я не полагаю, чтобы всем так переплели, как мне, и очень благодарен за эту любезность Беннеру, которому буду писать. Карнеев подпишется в Петербурге. Однако же я не всем равно доволен. Цари, то есть первые четыре, лучше гравированы всех. Мария Павловна и особливо Катерина Павловна, которая была королева, слишком раздеты. Николай Павлович и Михаил Павлович нехороши. Анна Федоровна теперь очень не у места; жаль, что нет покойных великой княгини Александры Павловны и Елены Павловны. Впрочем, все прекрасно. Я не нарадуюсь на портрет императрицы Елизаветы Алексеевны. Точно она! Нет ли лишнего одного экземпляра у Беннера?

Очень бы меня одолжил им, а то жаль из книги вынуть. Наташа тоже любовалась коллекцией этой. Буду чваниться ею: это первый экземпляр и, верно, будет первым несколько времени.

Константин. С.-Петербург, 21 декабря 1820 года

Какое здесь случилось несчастие в Ямской! Третьего дня ночью вдруг взорвало деревянный дом, в котором было несколько пудов пороха; вероятно, продавал кто-нибудь тайно. Шесть человек погибло, между прочими один фельдъегерь, у которого оторвало ноги и отбросило его с потолком в Литов канал. Несколько еще человек ранено. До сих пор не знаю еще, кто виноват, а полагают, что несчастный фельдъегерь, ибо тут

сильнее был взрыв. За минуту до несчастья от него вышел его родственник, который оставил его на постели курящего табак и играющего с собачкою. Бедные люди!

Константин. С.-Петербург, 22 декабря 1820 года

От графа Михаила Семеновича Воронцова есть письма из Парижа. С ними случилось несчастие дорогой от Лиона к Парижу. Их опрокинули в карете. Жена его брюхата, но, слава Богу, с нею ничего не случилось, а он себе вывихнул плечо, так что по приезде в Париж несколько дней не выходил из комнаты. Хорошо еще, что так обошлось.

Александр. Москва, 24 декабря 1820 года

Завтра праздник; не знаю, с женою ли вдвоем будем обедать или поеду к тестю. Этот очень не в духе. По ветренности и скорости своей во всем взял некоего богача Ляпунова под опеку за расточительность и суровость с крестьянами, на призрение сына и проч.; все это сделал по одним словам Афросимовой. Ляпунов, коим ворочает какой-то крючок, послал государю письмо со свидетельствами от матери, жены и сына, что его оклеветали, он обратился к Сенату, куда предоставил свидетельство за подписанием 90 дворян соседей, родных и проч., что он порядочного поведения, что от имения своего продал только 400 душ, что ежели отдавать в опеку всех тех дворян, которые продали восьмую или десятую часть своего имения, то виновною найдется вся Россия. Более по злобе, нежели по состраданию, и желая опорочить доносы опеки, Ляпунов послал 80 тысяч рублей в деревню свою, кажется, рязанскую, в коей мужики пострадали от неурожая, с тем, чтобы эта сумма была между ними разделена. Кого тесть ни назначает в опекуны, никто не идет. Это все еще ничего, но тесть трусит, ибо Ляпунов велел ему сказать, что он собирается его побить, а ты знаешь, как мы храбры! Вот каково не обдумывать свои деяния, а еще сказывал мне под секретом, что хочет взять в опеку графа Гудовича, сына фельдмаршала, что женат на княжне Голицыной, о чем будто бы просит его княгиня Наталья Николаевна, мать Гудовичевой. Без проказ ни на день! Что же делать с ним самим? Он пробухал все имение детей своих и материнское даже отдал им с долгом, который до сих пор еще не очистил, а других как строго судит!

Александр. Москва, 27 декабря 1820 года

Вчера был славный бал у князя Дмитрия Владимировича, более 500 человек. Старуха Тургенева [Екатерина Семеновна, мать братьев Тургеневых] так разрядилась, что любо; на пальце

был подаренный Александру перстень, и она по милости его еще чаще нюхала табак. Однако же я рано приехал домой, но, к несчастью, поймала меня тут Белосельская и звала сегодня на бал. Завтра думаю не ехать в Собрание, потому что опять у Исленьевых, а там и полно.

В субботу было у меня множество твоих почтамтских; все толкуют одно, не могут привыкнуть к твоему отсутствию, а там явился и сам Рушковский в крайней слабости, но в претензии, что у Одинцова и прочих экспедиторов одно с ним шитье на воротнике; а как сделается очень грустен, то ему и скажут: «Да зато нет, ваше превосходительство, шитья на клапанах, вот». – «Очень хорошо! Но вот на клапанах, вот евто, на клапанах-то не так-то видно, рука или шляпа-то закрывают клапаны – вот какая беда! Не перемените ли вы это?» Дайте московскому почт-директору шитье по всем швам и шитую шляпу и сапоги!

Александр. Москва, 28 декабря 1820 года

Вчера плясали мы у княгини Белосельской: бал огромный, нарядный. Я вспомнил Тургенева, которого видел тут отличающегося. Боголюбов в больших хлопотах, всех разуверивает, что не женится, а мнимая невеста чуть не плачет, что дают ей такого муженька. Он в пять минут успел мне наговорить тьму новостей. Мне дела до него нет, да и все его и здесь знают довольно, однако же я советовал ему не говорить другим остроту Гурьевой: она вредит нашему другу. Боголюбов рассказывал мне, что Гурьева, разбирая Реману свои болезни, прибавила: «Прибавьте ко всем этим страданиям карбонариев, Магницких и Тургеневых, которые камнем сидят у меня в желудке и коих не могу переварить». Это касается до Николая, следовательно, и до Александра. Сказывал также, что княгиня Лович выкинула и смертельно больна, хотя Вяземская говорит, что первое только справедливо, а второе – нет. Между прочими вздорными новостями поместили ту, что тебя в Царьград на место Строганова.

Константин. С.-Петербург, 31 декабря 1820 года

Самый тяжелый день: почта приходит иностранная, отправляется их отсюда куча, и еще курьер в Троппау, или, теперь лучше сказать, в Лейбах. Прошу управляться! Как бы то ни было, я с тебя всегда начинаю, так и теперь. Тургенева исстари щеголиха, только кто ей дал право носить пожалованный сыну перстень? Александру гораздо лучше, и если б не слабость, так он, верно, сегодня пустился бы на бал к Нарышкину, куда и аз собираюсь. Николай Тургенев едет завтра с дилижансом в

Москву.

Александр. Москва, 31 декабря 1820 года

Вчера у Пушкиных занимались мы проектом в пользу доброй графини Бобринской. У нее траур; хотя бы и желала, не может она нас веселить, так мы хотим ей сделать, что называется, ласковое насилие. Дочь ее (также одна из заговорщиков) позовет ее к себе на чай, а там скажет в 9 часов: «Маменька, ступайте к себе!» Графиня у дома своего на крыльце найдет Дмитрия Давыдова, одетого в ливрею ее швейцара. Он скажет ей: «Позвольте доложить», – ее впустят. Наташа Волконская будет представлять ее. Настоящую Бобринскую будут представлять мнимой, которая скажет: «Мои друзья приготовили мне сюрприз, я в восхищении, сударыня, что вы в нем участвуете». Там будут играть род фарса «Увенчание ходячей добродетели», которую будет представлять Софья Шаховская со своим большим пузом. У всякого будет своя роль, я еще не знаю, во что попаду. Общество будет самое отборное; все близкие друзья между собою, так, верно, и весело будет.

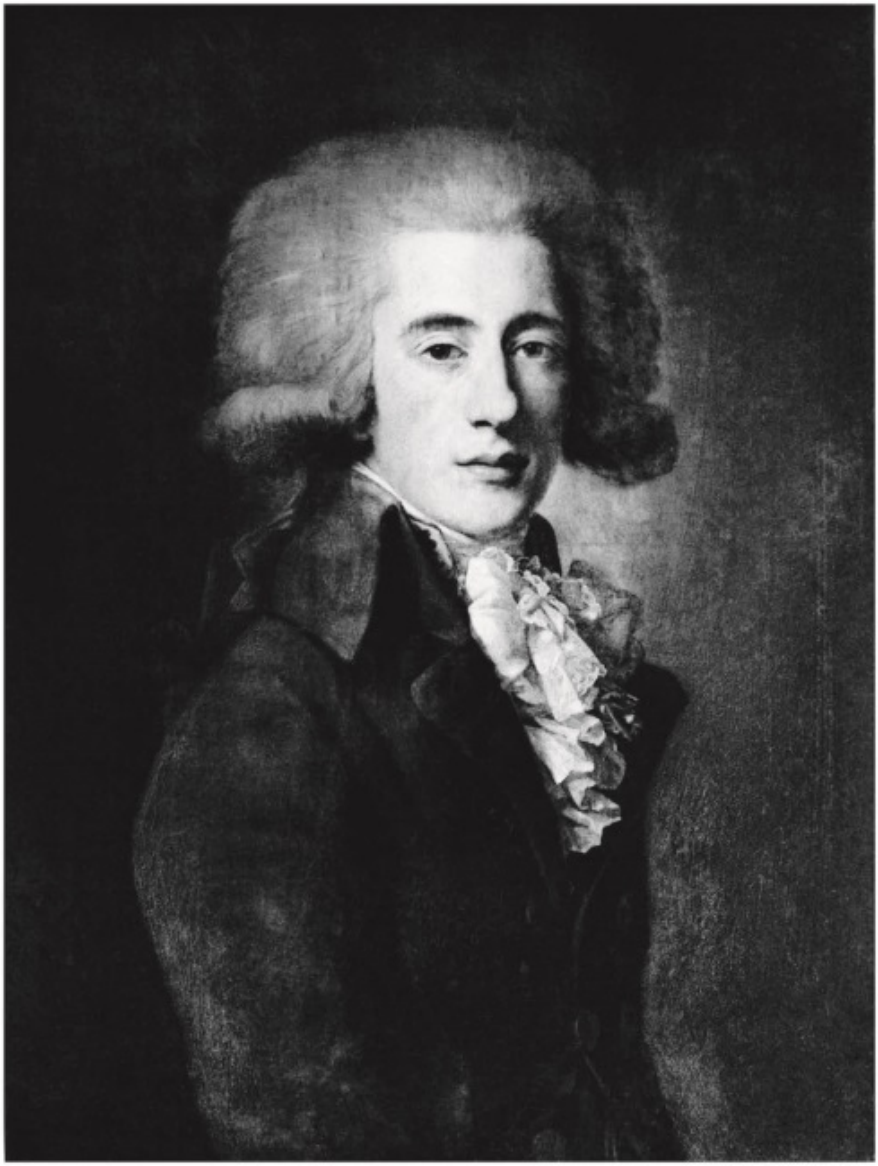
Вчерашний бал у Пашкова был отказан по случаю смерти князя Николая Оболенского, что женат был на Мельгуновой; это несчастие многим и сегодня помешает ехать на маскарад княгинин; между прочим и княгине Вяземской, которая вдвойне чувствует смерть своего кузена. Бедная вдова осталась с семью ребятами и брюхата восьмым. Что-то родится из сегодняшнего маскарада, а вот неделю, как только и говорят, что о нем. Старуха Афросимова бросила лекарства, прогнала докторов и явилась вдруг как тень на бал к Исленьевым; но эта себя укатает скоро: не под лета делать эти фарсы.

Иллюстрации

Императрица Мария Федоровна

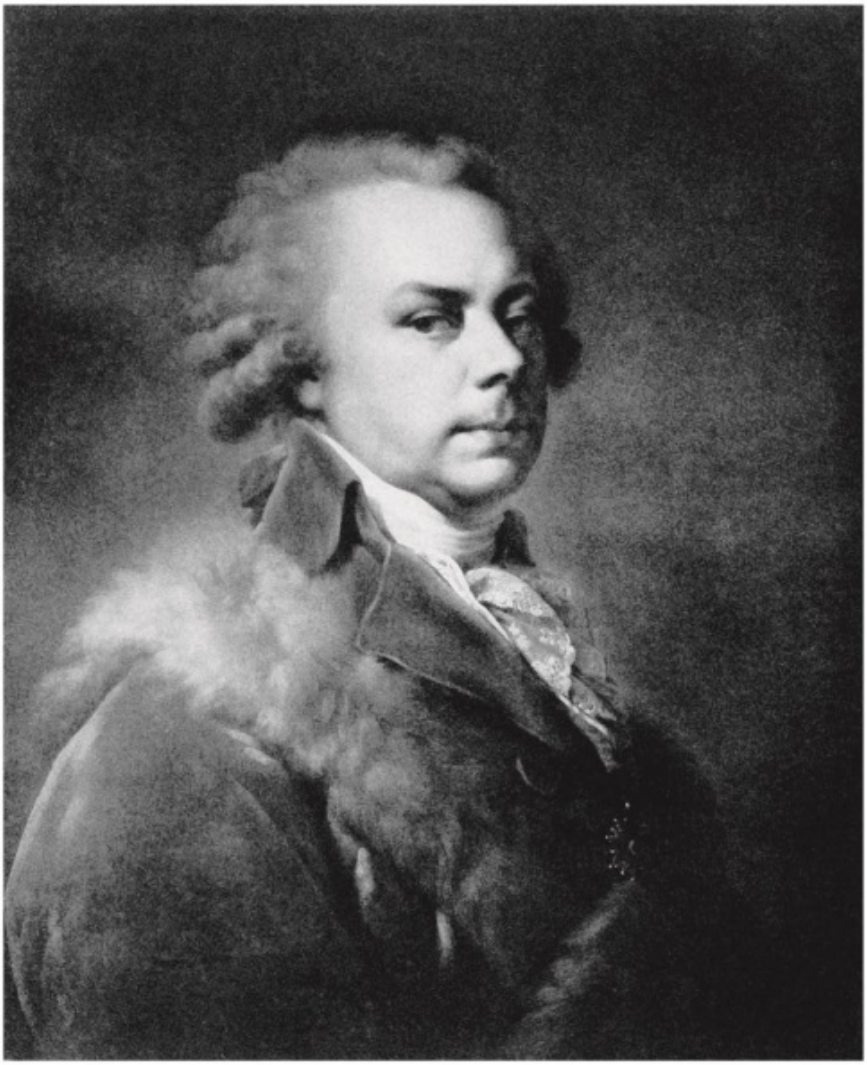
Светлейший князь Платон Александрович Зубов

Николай Михайлович Карамзин



Никита Петрович Панин

Граф Николай Петрович Румянцев



Князь Николай Борисович Юсупов

Степан Степанович Апраксин

Екатерина Владимировна Апраксина

Княгиня Екатерина Федоровна Долгорукова

Александр Иванович Тургенев

Василий Львович Пушкин

Василий Андреевич Жуковский

Мария Константиновна Булгакова

Яков Иванович Булгаков

Наталия Васильевна Булгакова

Граф Арсений Андреевич Закревский

Графиня Аграфена Федоровна Закревская

Федор Семенович Уваров

Александр Петрович Ермолов

Граф Григорий Иванович Чернышев

Граф Захар Григорьевич Чернышев

Граф Миньято Риччи

Екатерина Петровна Риччи

Михаил Семенович Воронцов

Графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова

notes

Примечания

1

Предмет рыцарской страсти императора Павла. Ее прекрасный портрет был у князя Б.Лобанова. Супруг ее, князь Павел Гаврилович, перед тем был нашим министром в Турине и уехал оттуда, потому что французы завладели Пьемонтом. *(Здесь и далее все примечания – как в тексте в прямых скобках, так и в сносках – принадлежат первому издателю этой переписки Петру Бартеневу. – «Захаров».)*

2

Этот Свечин, Павел Сергеевич, был сделан итальянским графом Свечиным-Гальяни.

3

Андрей Иванович, служивший в Вене; оказывается, что и он, как и брат его Николай, был коротконог.

4

Пушкин. Его супруга Капитолина Михайловна, урожденная Вышеславцева, вышла потом замуж за Ивана Акимовича Мальцева.

5

Известный мнимый заговор, устроенный семеновским офицером Шубиным.

6

Вероятно, это князь Григорий Иванович Гагарин, впоследствии наш посланник в Риме и Мюнхене.

То есть покорный слуга.

8

Князь И.Б.Козловский впоследствии поселился в Лондоне, потому что там в трактирах подают целое блюдо, и плата за него все одна, сколько бы ни было съедено.

9

И по дням и часам их нанимает: из чего, не знаю. – *Прим. А.Я.Булгакова.*

10

Король Георг III прожил после того еще 16 лет.

11

То есть сыну графини Ирины Ивановны, тогда еще просто графу Ивану Илларионовичу Воронцову, позднее принявшему имя графа Воронцова-Дашкова.

12

Кавалка, по словарю Даля, – комок (земли или навозу).

13

Братья Тургеневы с детства приучены были к церковной службе. Адриан Федорович Гомзяков, их товарищ по университетскому пансиону, вспоминал, бывало, как мать Тургеневых Екатерина Семеновна в университетской церкви дирала их за уши при малейшей небрежности в стоянии на молитве.

14

Анстет был одним из чиновников русского посольства в Вене, где тогда служил К.Я.Булгаков.

15

То есть в Немецкой слободе, где в Демидовском переулке были дом и усадьба Я.И.Булгакова.

16

То есть, вероятно, первой жене нашего посла при императоре германском графине Елизавете Осиповне Тун (ум. 1806), проживавшей для здоровья в Неаполе, пишет из Вены муж ее, граф Андрей Кириллович Разумовский.

17

Князь Григорий Иванович Гагарин.

18

Это супруга Николая Никитича Демидова Елизавета Александровна (ум. 1818), сестра графа Г.А.Строганова, успехи которого между женщинами помянуты даже Байроном во 2-й сцене «Дон Жуана». Она была тоже счастлива в мужчинах. Граф Блудов говаривал: «Наши бабушки были чисты сердцем, но не плотью».

19

Петр Федорович Балк-Полев и жена его (которую далее Булгаков называет Балкшею) Варвара Николаевна, урожд. Салтыкова, родная тетка московского князя В.А.Долгорукова.

20

То есть графиня Екатерина Алексеевна Мусина-Пушкина, урожд. княжна Волконская.

21

Государственный канцлер граф А.Р.Воронцов.

22

То есть: «Браво, св. Януарий, дорогой наш, какое удовольствие ты даешь нам испытывать, как ты мил и любезен, как мы тебя любим».

23

Алексея Васильевича, являвшегося родным племянником нашего посла в Вене графа А. К. Разумовского и служившего там под его начальством.

24

Мать братьев Булгаковых в это время была уже вдовою доктора Шумлянского и с двумя от него дочерьми жила в Петербурге.

25

То есть генерал Борис Петрович Лассий, бывший литовский военный губернатор, начальник русских войск, высадившихся в Неаполе в первую войну с Наполеоном.

26

Павел Яковлевич Убри.

27

Это знаменитая княгиня Анна Петровна, урожд. княжна Лопухина; она скончалась 25 апреля 1805 года.

28

Петр Иванович Полетика, бывший потом посланником в Америке.

29

То есть граф Семен Романович Воронцов, близкий родственник Д.П.Татищева, бывший послом в Лондоне с 1785 года и вышедший в отставку в 1806 году.

30

Постарайся, пан, о нас; будем за все благодарны твоей милости.

31

Это князь Николай Васильевич, впоследствии обер-гофмаршал и обер-шенк.

32

То есть князь Чарторыжский, тогда, за отъездом в деревню графа А.Р.Воронцова, возглавлявший Министерство иностранных дел.

33

Графа Григория Александровича. Он не получил этого места: его занял князь Ливен.

34

Это барон Карл Яковлевич, родной дядя известного в Москве барона Федора Андреевича Бюллера, который, как видно, и походил на него.

35

Князь Куракин, на пути в Вену, задержан был заключением мира в Тильзите.

С Персией. Этот мир тогда не состоялся. Граф И.В.Гудович командовал войсками в ту войну с Персией.

37

Князь Сергей Иванович Голицын, женатый на сестре А.В.Приклонского Елизавете Васильевне, племяннице Я.И.Булгакова.

38

То есть жившей в Вене княгини Екатерины Павловны Багратион (любовницы князя Меттерниха), мать которой (урожд. Скавронская, племянница князя Потемкина) была во втором браке замужем за графом Литтою, державшим ее богатства в руках.

39

Графиню Марью Павловну Пален.

То есть князя А.Н.Голицына, тогда уже обер-прокурора Св. Синода.

41

То есть князю Сергею Ивановичу Голицыну, женатому на сестре Приклонского. Их мать – сестра Я.И.Булгакова.

42

Графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, за которую перед тем сватался князь А.Б.Куракин.

43

Говорили, что известный впоследствии церемониймейстер граф Лаваль был некогда петербургским виноторговцем и при Павле женился на богачке Козицкой, мать которой была из простолюдья.

44

Некогда великолепное поместье князя В.А.Хованского под Рузою, с суконною фабрикой.

45

Говорится про князя Н.Г.Репнина (Волконского) и его супругу, Варвару Алексеевну, урожд. графиню Разумовскую. Они жили тогда в прекрасной усадьбе своей в Москве, на Воронцовом поле. Вскоре родилась у них дочь, княжна Варвара.

Федор Петрович Лубяновский, «Записки» которого напечатаны в «Русском Архиве» 1872 года.

47

Графиня Наталья Алексеевна, в девицах Алексеева, дочь князя Г.Г.Орлова и сестра первого графа Бобринского. Ей принадлежало большое поместье Лигово под Петербургом и замок Лоде за Ревелем.

Нестерова. Друг Булгаковых Фавст Петрович Макеровский (впоследствии директор Горного правления в Москве) происходил от Петра Матвеевича Нестерова.

Тончи и его супруга не оставили потомства.

49

Так Булгаков звал князя С.И.Голицына, женатого на его двоюродной сестре Елизавете Васильевне Приклонской.

Алексей Федорович, служивший тогда в Московском архиве Министерства иностранных дел под начальством Н.Н.Бантыш-Каменского, который был другом Я.И.Булгакова.

Двоюродный его брат, Владимир Сергеевич Толстой, неоднократно передавал нам, что этот князь Долгоруков влюблен был в Екатерину Павловну, что великая княжна отвечала ему взаимностью, что император Александр соглашался на этот брак и писал о том к матери молодого князя и что это письмо сохранилось в ее имении, Рязанской губернии.

52

Князя Александра Николаевича, который был товарищем министра иностранных дел, графа Румянцева.

53

То есть с Николаем Михайловичем Лонгиновым, сыном харьковского сельского священника, поступившим на гражданскую службу из причта Лондонской посольской церкви и благодаря высоким качествам ума и сердца поднявшимся высоко в службе и в обществе.

54

После неаполитанки (Евангелистки) ему вскружила голову одна испанка. Александр Яковлевич неоднократно упоминает о своем дневнике. Где он, нам неизвестно. От одной из внучек А.Я.Булгакова слышали мы, что этого дневника было несколько томов.

То есть место посла в Париже, которое занимал князь А.Б.Куракин.

55

Елизавета Петровна, урожд. графиня Бутурлина. Она жила в Париже приятельницею Жозефины.

Князю Голицыну, который и командовал русскими войсками в этой невольной войне нашей с Австрией.

57

Княгиня Наталья Петровна жила тогда в разводе с князем Степаном Борисовичем Куракиным. По матери своей она была родная племянница князя Н.В.Репнина, и Булгаков называет ее *Воронцовскою* по пригородной московской даче князя Репнина *Воронцову*.

Братья Булгаковы не получили вполне наследства после отца своего; Анна Петровна Колтовская (двоюродная их сестра) завела с ними тяжбу об имении, продолжавшуюся много лет, доходившую до государя и проигранную ими.

59

То есть у князя В.А.Хованского, на дочери которого вскоре женился А.Я. Булгаков.

60

Александр Александрович Волков, друг Булгаковых, служивший тогда одним из московских полицмейстеров. Другим другом их был Фавст Петрович Макеровский, богатый человек, по происхождению близкий к Нарышкиным.

61

У братьев Булгаковых был дядя Петр Иванович, в это время уже покойный. Он имел трех дочерей: девицу Александру, бездетную вдову Анну Колтовскую и княгиню Щербатову, после которой остался сын, князь Николай. В пользу свою, своей сестры и малолетнего племянника Колтовская и предъявила права на имения Якова Ивановича.

62

Знаменское под Тарусою – имение Ивана Васильевича Нарышкина (нижеупоминаемый Жанно).

63

К.Я.Булгаков ехал на службу в Турцию, занять место Д.Н.Блудова в управлении дипломатической канцелярией главнокомандующего русскими войсками графа Н.М.Каменского.

Известный позднее дипломатический чиновник.

65

Племянница фельдмаршала князя Репнина, мать Натальи Васильевны Булгаковой.

Это был старший брат главнокомандующего, граф Сергей Михайлович.

Родофиникин был нашим консулом в Сербии, а позднее, в течение долгого времени, управлял в Петербурге Азиатским департаментом Министерства иностранных дел.

68

Предстоящая женитьба на княжне Анне Андреевне Щербатовой.

То есть в Москве, в Немецкой слободе, в родительском доме у Салтыкова моста. Старший брат Александр и его молодая жена жили еще там.

70

В краткой биографии К.Я.Булгакова в «Словаре достопамятных людей» Бантыш-Каменского читаем: «В Батинской битве он бросился, в числе первых, в турецкий ретрашемент, и на дружеский упрек, сделанный ему флигель-адъютантом графом де Бальменом, который нашел уже его в кровавой сече, зачем он подвергается таким опасностям без всякой нужды и пользы для себя, отвечал с улыбкою: «Пустяки! Пули бьют только вашу братию военных, а какое им дело до нас, дипломатов?» Такой же ответ давал князь В.А.Черкасский Скобелеву под Плевною 30 августа 1877 года.

К.Я.Булгаков ошибся – в день венчания на царство.

72

Так звали в обществе Ивана Васильевича Нарышкина, брата новобрачной, графини Марьи Васильевны Бальмен (с 1819 года – Олсуфьевой).

Это тот самый дом графа Александра Романовича Воронцова, в котором год спустя погибли сокровища, накопленные Воронцовыми. После Бородинского боя туда привезли раненого графа Михаила Семеновича, командира сводных гренадерских батальонов, от которых из 20 тысяч, выступивших с утра в бой, осталось к полудню только 200 человек. Увидав на дворе московского дома подводы, прибывшие из села Андреевского для увоза мебели и вещей, молодой граф приказал вносить все назад в дом, а на подводах отправил в просторный Андреевский дом раненых своих товарищей и солдат.

74

Князь Борис Антонович Четвертинский, брат Марьи Антоновны Нарышкиной.

75

Брат графини Марьи Васильевны Бальмен, Дмитрий Васильевич, женившийся позднее на дочери графа Ростопчина Наталье Федоровне.

****«Суфлер» означает по-французски также и того, кто дует.

77

Сводные сестры Булгаковых: дочери их матери от брака с доктором Шумлянским.

78

Графиня Наталья Алексеевна Мусина-Пушкина вышла замуж за князя Дмитрия Михайловича Волконского. На ее свадьбу приезжали два ее брата и замужняя сестра.

То есть малолетнего князя Николая Щербатова, мать которого была сестрою Анны Петровны Колтовской (в то время бездетной вдовы).

80

Будущий министр народного просвещения Уваров, перед тем женившийся на богачке графине Екатерине Алексеевне Разумовской. Булгаковы сблизились с ним в Вене, где он служил при князе Алексее Борисовиче Куракине.

81

Говорится про графа Каменского, сдавшего по болезни главное начальство над войсками, дравшимися против турок, Михаилу Илларионовичу Кутузову (тогда еще без титула).

82

Так называл Александр Яковлевич Булгаков, в честь первой своей дочери, купленную им подмосковную, по дороге к Троицкой лавре, в просторечии сельцо Семердино.

Все это не осуществилось, хотя было к тому близко.

84

Графиня Екатерина Алексеевна Мусина-Пушкина, супруга археолога.

85

Московский обер-полицмейстер.

86

Граф Павел Александрович, товарищ по воспитанию императора Александра Павловича, незадолго перед тем похоронивший отца своего, приезжал тогда в Москву к своей матери, графине Екатерине Петровне.

87

Нессельроде, граф Карл Васильевич, незадолго перед тем возвратился из Парижа (откуда вел тайную переписку со Сперанским) и заступил место князя Г.И.Гагарина при государе по делам Министерства иностранных дел. Тесть его, Д.А.Гурьев, был тогда министром финансов.

88

Дочь фельдмаршала князя Н.В.Репнина, горбатая. Ее обманул, женившись на ней, какой-то проходимец, доктор Каленберг.

89

Ягницкий впоследствии заведовал всеми имениями князя (тогда графа) М.С.Воронцова.

Жена графа Бальмена Марья Васильевна.

91

Для разъяснения хода тяжбы о наследстве после Я.И.Булгакова приводим следующие сведения. Во всеподданнейшей жалобе надворных советников и кавалеров Александра и Константина Булгаковых, поданной в марте 1811 года во 2-й департамент Московского уездного суда, сказано, что отец их Яков Иванович 26 июня 1790 года (то есть по возвращении в Россию из Семибашенного замка) испросил у Екатерины Великой указ за ее подписанием о том, чтобы оба они именовались навсегда Булгаковыми и приняли герб Булгаковский с тем, что он может за ними утвердить благоприобретенное свое недвижимое имение. Анна Петровна Колтовская была урожденная Булгакова же, двоюродная сестра их, дочь их дяди Петра Ивановича. У нее была девица-сестра Александра Петровна Булгакова. Третья сестра (в то время уже покойная) была замужем за князем Александром Щербатовым и оставила малолетнего сына князя Николая.

Привезенный А.Я.Булгаковым из Италии камердинер его, сделавшийся профессором Московского университета.

93

Говорится про князя Сергея Ивановича Гагарина (он вылечился от глазной болезни) и о супруге его княгине Варваре Михайловне.

94

Говорится про боярина Варлама, пожалованного чином вестиара. Дочь его Марица была уже невестою Константина Яковлевича Булгакова.

Это знаменитый впоследствии Костя Булгаков, остряк, шутник, пропойца, многим памятный, очень даровитый и внушавший к себе привязанность.

Софья Васильевна Соковнина, свояченица А.Я.Булгакова, умершая вскоре.

Княжна Прасковья Васильевна Хованская (впоследствии Обрескова), другая свояченица А.Я.Булгакова.

98

Вот эта записка графа Ростопчина: «Я принимаю живейшее участие в рождении маленького Константина, убежденный, что будет походить он на отца и мать своих. Будет совершенно натурально, что я полюблю его от всего сердца. Благодарю вас обоих за ваше любезное внимание и буду с нетерпением ожидать минуты, когда смогу я прийти, с червонцем в руке и поздравлением на устах. Приветствую вас».

То есть покойные родители, Яков Иванович и Екатерина Любимовна.

То есть отпуск А.Я.Булгакова за границу, на свидание с братом, из Архива, коего начальником был Н.Н.Бантыш-Каменский. Свадьба К.Я.Булгакова состоялась намного позднее.

101

То есть на сестре Булгаковых Шумлянской. А.И.Тургенев остался холостяком.

102

Софья Васильевна, мать графини Софьи Прокофьевны Бобринской.

103

Иван Васильевич Нарышкин, брат овдовевшей княгини Бальмен.

104

Граф Гудович, предшественник графа Ростопчина на московском генерал-губернаторстве.

М.И.Кутузова (тогда еще не князя).

106

Граф Н.П.Румянцев получил наконец увольнение от службы, предался любимым своим занятиям русской археологией, в которой снискал себе славное имя.

107

Кто этот Микелли? Не псевдоним ли Ивашкина?

108

То есть на Кремлевской площади, у Спасской башни; до 1812 года был там ров, и на мосту через него шла мелочная книжная торговля.

Ожидание несбывшееся, хотя и обещанное.

109

Это тот самый сардинский полковник русской службы, которому император Александр сказал знаменитое слово: «Не положу оружия».

Мартыновой (урожд. Имбер); это родная тетка братьев Булгаковых.

111

Какая это книга, неизвестно. Как человек служащий, Булгаков не мог, по тогдашним понятиям, обозначить на ней свое имя.

112

Граф Григорий Иванович, отец декабриста Чернышева и дед Григория Александровича Черткова.

113

Елизавета Шумлянская, единоутробная сестра братьев Булгаковых.

Впоследствии, в царствование Николая Павловича, Александр Александрович Волков был начальником жандармского ведомства в Москве.

115

Директор театров Александр Львович Нарышкин сопровождал императрицу Елизавету в чужие края. Сын его Лев Александрович служил в гвардии.

Николая Николаевича Бантыш-Каменского. Под его управлением процветал Московский главный архив Министерства иностранных дел.

117

Урожденная Наумова, собиравшая в течение многих лет лучшее московское общество в доме своем у Страстного монастыря.

118

Этот “Conservateur impartial” («Беспристрастный наблюдатель») издавался в Петербурге аббатом Мангеном, который воспитал С.С.Уварова, тогдашнего попечителя Петербургского учебного округа.

119

Петербургский почт-директор, начавший свою службу в почтовом ведомстве, когда оно, при Павле, находилось под начальством графа Ростопчина.

120

То есть сосланный графом Ростопчиным в Воронеж московский почт-директор Ключарев. Исполнять его должность поручили по заместительству Руничу.

121

Это была бабка убитого под Краоном молодого графа Александра Павловича Строганова, графиня Екатерина Петровна, урожд. княжна Трубецкая.

122

«Здесь покоится безумец, гениальный человек, который жизнь свою провел, весьма силясь доказать, что все – ничто».

123

Женой графа Н.А.Толстого, обер-гофмаршала государя, была родная сестра князя И.И.Барятинского.

124

По воспоминаниям А.П.Ермолова, когда государю подали бумагу о сдаче Парижа, первые его слова были: «Ну, что теперь про меня скажет Москва?» Но тогдашний представитель Москвы граф Ростопчин был Александру Павловичу ненавистен.

125

Стихи не сохранились при письме.

То есть Варламу и его семье. Кирико – их поверенный по обширным имениям в Валахии.

127

Граф К.В.Нессельроде женился на Марье Дмитриевне Гурьевой, отец которой заведовал уделами.

Свадьба эта состоялась в Москве, откуда К.Я.Булгаков вскоре должен был уехать на Венский конгресс, где состоял при графе Нессельроде.

129

Это письма с Венского конгресса, куда К.Я.Булгаков, служа при графе Нессельроде, уехал из Москвы, где он перед тем женился на Марье Константиновне Варлам.

То есть граф Ростопчин, ездивший перед тем в Петербург и, кажется, в последний раз в жизни видевшийся с императором Александром Павловичем. Находясь сам в немилости, не мог он испрашивать милостей своим приближенным. Потому и К.Я.Булгаков получил место почт-директора в Москве по представлению не графа Ростопчина, а графа Нессельроде, много позднее.

131

Государь посетил Москву лишь в августе 1816 года.

132

Из Петербурга, где подал и получил отставку, но успел снова раздражить против себя государя.

133

Московский полицмейстер, любимец графа Ростопчина. По выходе в отставку управлял его имениями.

134

У Тормасова был еще воспитанник: это славный математик-академик Бунаковский.

135

То есть князю Сергею Васильевичу Голицыну, мужу двоюродной сестры братьев Булгаковых.

136

Иван Васильевич, двоюродный брат А.С.Хомякова и дядя известного деятеля в области сельского хозяйства Иосифа Николаевича Шатилова.

137

Это, вероятно, Константин Анастасьевич Попандопуло, женившийся впоследствии на двоюродной сестре Булгаковых Любови Андреевне Мартыновой; человек многосторонне образованный, памятный многим в Москве медик и естествоиспытатель.

138

Опасения не оправдавшиеся: Д.П.Татищев (женившийся на разведенной польке Конопке, по первому мужу Безобразовой) позднее был послом нашим в Вене, потом обер-камергером и оставил большое состояние детям сестры своей, княгини Урусовой.

139

Андрею Кирилловичу Разумовскому – орден сардинский.

140

Фавст Петрович Макеровский позднее был начальником Горного управления в Москве.

141

Относится, вероятно, к тому, чтобы К.Я.Булгакову получить место московского почт-директора, которым все еще числился удаленный графом Ростопчиным в Воронеж мартинист Ключарев. Почти три года почтою в Москве заведовал Рунич.

142

Московский полицмейстер А.А. Волков (при Николае I первый жандармский генерал в Москве) ездил в Санкт-Петербург хлопотать о перемене службы.

Августина Васильевна – супруга сенатора И А. Алексеева.

144

Это Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский, будущий составитель «Словаря достопамятных людей». Он женился на Елизавете Ивановне Бибитинской, незаконнорожденной дочери князя И.С.Барятинского.

145

Графини Марии Дмитриевны Нессельроде, произведшей на свет дочь Елену.

Князь Козловский, видно, уже и тогда был тучен.

147

Дмитрий Александрович Давыдов, адъютант Ф.П.Уварова.

148

П.И.Полетика заведовал канцелярией фельдмаршала Барклая-де-Толли.

149

Игра слов: boulet (франц.) – ядро, poulet (франц.) – цыпленок.

150

В Покровский монастырь, где был похоронен Я.И.Булгаков.

151

Профессор анатомии в Московском университете, друг Гете, в 1812 году заведовал обширным госпиталем.

То есть орден Св. Януария.

153

А.И.Тургенев считался тогда женихом девицы Саблуковой.

154

А.И.Тургенев собирался жениться на Екатерине Александровне Саблуковой (вышедшей потом замуж за князя Мадатова) и остался холостяком.

Мартыновой, тетки Булгаковых по их матери.

156

Это было в 1788 году. Заборовский набирал за границей охотников служить в наших войсках во время войны с турками. Поручик Бонапарт желал быть принят с повышением чина, но Заборовский не согласился. В коронацию свою император Александр Павлович расспрашивал о том Заборовского (слышано от графа Д.Н.Блудова).

Арсений Андреевич Закревский в это время был помолвлен с дочерью московского богача графа Федора Андреевича Толстого.

158

Горголи и Шульгин – петербургский и московский обер-полицмейстеры.

Волконского, который тогда был начальником Главного штаба, а Закревский – первым при нем деятелем.

160

Алексей Васильевич Сверчков женат был на дочери Гурьева, Елене Дмитриевне.

161

Шумлянская, единоутробная сестра братьев Булгаковых.

162

Этот князь Щербатов был женат на племяннице Якова Ивановича Булгакова (дочери его брата Петра) и потому заявлял притязания на московский его дом.

163

Знаменитая впоследствии мастерица мод, содержавшая богатый магазин в Москве на углу Большой Дмитровки и Камергерского переулка. Через братьев Булгаковых много иностранцев водворилось и разбогатело в России.

164

Здесь, вероятно, речь идет о книге «История греческих происшествий… заимствованная из соч. Раффенеля и других очевидцев, с собственными дополнениями издателя Е.Метаксы».

165

У короля Вюртембергского перед тем скончалась его супруга, сестра нашего государя Екатерина Павловна, в первом браке принцесса Ольденбургская.

166

Супруга младшего из братьев императрицы Марии, жившего в Витебске.

167

Друга императора Павла, моряка.

168

Грек Трандафил Чумага, долго живший в Москве и выполнявший разные поручения богатых людей; позднее он был доверенным лицом графа С.С.Уварова.

169

То есть князь Петр Борисович. См. о нем в письмах Булгакова из Неаполя.

170

То есть молодого графа Ивана Илларионовича, которого Булгаков зовет Ванишею.

171

Князь Н.Б.Юсупов был в то время начальником так называемой Кремлевской экспедиции, то есть заведовал Кремлем и дворцами.

Это было частное учреждение; в нем главными пайщиками выступили граф М.С.Воронцов (по мысли которого оно и заведено) и его свояк граф Потоцкий.

173

А.С.Пушкин был выслан из Петербурга не в Крым, а в Екатеринослав, 5 мая 1820 года.

174

О тираны, скандалы эти, коих вы страшитесь, – предвестники нашей мести и возвещают Франции об эшафоте, коего вы заслуживаете.

175

Из села Семердино, что близ Троице-Сергиевой лавры. Там, в течение многих лет, Булгаков и его семейство проводили по нескольку месяцев. По службе Булгаков был тогда не у дел.

176

Князю Дмитрию Владимировичу Голицыну, которого Булгаков в дальнейших письмах называет принцем-регентом (намек на английского принца-регента, в 1820 году вступившего на престол под именем Георга IV).

177

В подлиннике вместо имени пустое место. Это Мерзгоф. См. ниже письмо от 9 сентября.

178

Жена Георга IV.